

Библиотека приключений

ДЕТЕКТИВЫ ДЕТЕКТИВЫ

**КАРТЕР
БРАУН**

ДЕТЕКТИВНЫЕ
РОМАНЫ

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ

КАРТЕР БРАУН

КАРТЕР БРАУН

7

КАРТЕР БРАУН

ТОМ 7

Баку
Концерн «Олимп»
1993

Ответственный за выпуск
Р. Ю. ДАМИРОВ

Концерн «ОЛИМП» выпускает серии:

«Библиотека приключений» — «БП»
«Волшебная полочка сказок» — «ВПС»
«Super present» — «SP»
«Галактика фантастов» — «ГФ»

*Мы будем счастливы, если книги этих СЕРИЙ украсят
полки вашей библиотеки.*

Б 4703040100—034 без объявл.
93

ISBN 5-87860-031-5

© Художественное оформление
Концерн «Олимп», 1993

РОКОВОЙ КОТЕНОК

Г л а в а 1

Маленький черно-белый котенок, неслышно прыгавший по мягкому ковру, на мгновение задержался перед зеркальной стеной и зашипел на собственное отражение, после чего принялся всеми четырьмя лапами безжалостно скрести длинный ворс черно-белого ковра.

— Маусикинз!

Громкий голос восторженно изрек:

— У него развиваются человеконенавистнические тенденции. Видишь, Рик? Котенок воображает, что убивает собственную мамашу. Он же сейчас ловит мышонка, хотя и зовется мышинным отпрыском — Маусикинзом!

Леонард Рейд подошел ко мне с веселой улыбкой на лице. Он был в черном свитере и черных брюках, ботинки — на веревочных подошвах, а правое запястье обхватывал толстый платиновый браслет.

Котенок, устав от бесплодных попыток убить собственную мамашу, быстро забрался по шелковой шторе на высоту примерно пяти футов, бесстрашно спрыгнул оттуда на стол и принялся исследовать тайны древнего мастерства, не обращая ни малейшего внимания на висевшую над его головой маску смерти.

— Как насчет того, чтобы выпить? — осведомился Рейд.

— Бурбон со льдом, — ответил я.

Он нажал на неприметную кнопку в резной панели, и из стены медленно выдвинулся потайной погребок.

Две с лишним сотни фунтов Леонарда Рейда, упакованные в его высокий каркас, были в основном железными мускулами, лишь пара фунтов в области солнечного сплетения могли бы называться жиром. Каждый раз, когда видишь, как он сражается с быком в одном из супербоевиков эпического содержания, невозможно усомниться в том, что

все в этой сцене настоящее, и через несколько секунд начинаешь испытывать жалость к животному.

Коротко подстриженные курчавые волосы с проседью шапкой венчали макушку его головы, подчеркивая широкий покатый лоб и выдающиеся скулы, придававшие ему жесткий монгольский облик. Его свинцово-серые глаза смотрели из-под тяжелых век с неприкрытым высокомерием, редко кто находил их привлекательными, большую же часть людей они доводили до бешенства. Самые чувствительные натуры всего мира сосредоточены в Голливуде, и Рейд ежедневно наставлял синяки минимум десятку из них, сам того не ведая.

Он протянул мне бокал, после чего развалился поперек кушетки, покрытой настоящей шкурой леопарда.

Секунд десять он занимался исключительно своим мартини, затем неожиданно произнес:

— Специалист по улаживанию конфликтов, Холман, явился с Запада. По пистолету в каждом кармане. Холодная улыбка на губах, когда он оказывается в самых невероятных переделках в поисках правды и правосудия. И его прекрасный высокочтимый клиент, пользующийся всеобщей любовью — Леонард Рейд.

— Вы мой клиент, Леонард? — с вежливым удивлением спросил я.

— Если вы не побоитесь рискнуть своей благоухающей лавандой репутацией ради развращенного Леонарда Рейда! Вы ведь отлично знаете о моей репутации, не так ли, старина? «Бедный Рик Холман, представляете, ОН превратился в гомосексуалиста, коли связался с этим Рейдом» — вот, что о вас будут говорить!

— Такое возможно. — Я усмехнулся. — Но всегда найдется кому это опровергнуть... Ведь девушка зачастую считает себя в полной безопасности, пока не станет слишком поздно!

— Ох, озорник!

Он с сомнением покачал головой.

— Сказанное распространяется только на девственниц, а где в нашем городе найдешь такую старше пятнадцати-шестнадцати лет?

— Об этом я не подумал, — признался я. — Так в чем состоит ваша проблема?

— Не думаю, чтобы вы были знакомы с Клайвом Иорданом. Он какое-то время жил здесь.

— Нет, такого не помню.

— Интересный парень. С большими амбициями. Он

думал... — Леонард тихонечко вздохнул, — как и многие другие, что я могу помочь ему сделать карьеру. Но вы-то понимаете, что именно я в этом беспомощен... Стоит мне за кого-то похлопотать, и шлагбаум падает, путь человеку закрыт. Это что-то вроде поцелуя смерти: когда становится известно, что они близкие друзья этого ужасного Рейда, к ним относятся, как к прокаженным!.. Клайв жил здесь около полугода, а пару месяцев назад уехал... Проходящая печаль...

Он прижал руку тыльной стороной ладони ко лбу, имитируя игру актера-любителя, изображающего страдание.

— Пару дней мучаешься от одиночества, потом понимаешь, что жизнь продолжается, что счастье еще впереди, колодец никогда не пересохнет... Но сейчас этот самый Клайв, видите ли, распространяет обо мне странные истории. Истории, которые мне очень не по вкусу. И меня сжигает любопытство — почему?

— Не разумнее ли спросить у него самого?

— Я пытался, но он отказывается со мной разговаривать. Я убежден, что, пытаясь добиться от него объяснений, я лишь подливаю масла в огонь, как принято выражаться. Очевидно, он рисует меня всем и каждому каким-то обезумевшим чудовищем, которое ни за что не соглашается выпустить свою жертву из когтей. Клянется, что ему чудом удалось вырваться из этого дома, что я угрожаю испортить ему карьеру, если он не возвратится, пустить в ход физическую силу и даже что-то еще пострашнее! Разумеется, это чистейшие выдумки, но в нашем городе великое множество людей, которые с удовольствием ухватятся за эти небылицы!

— Почему бы вам не подать на него в суд? Что может быть проще?

— Мне думается, что именно на это он и надеется. Тогда у него появится возможность в зале суда вывалить на меня кучу отвратительной лжи.

Рейд снова вздохнул.

— Полагаю, ты понимаешь, что любой человек в моем положении легко уязвим, Рик. Никто никогда не вспоминает имена молодых женщин, которые время от времени жили в этом доме, но вот о молодом человеке запомнили все подробности.

— Возможно, вы преувеличиваете? — предположил я, пожимая плечами. — Просто у людей появится еще одна

соблазнительная тема для сплетен о Леонарде Рейде. Позлословят и успокоятся.

— Это еще не все, старина...

Его тяжелые веки слегка прищурились.

— До эры Клайва Иордана был другой молодой человек, некий Лестер Андерсен. Он уехал за несколько недель до появления Клайва, причем сделал это исключительно по собственному желанию. К сожалению, приблизительно шесть недель назад Лестер покончил с собой. В том, что это было самоубийство, нет никаких сомнений. Он оставил записку, в которой объяснил свой поступок тем, что от рождения был неудачником и считает бессмысленным жить дальше. Трагично, верно?

Теперь же Клайв уверяет, что я преследовал Лестера точно так же, как преследую его самого, и именно это заставило Лестера Андерсена наложить на себя руки.

— Обе истории неверны? — спросил я нарочито безразличным голосом.

— Да, конечно!

Он стиснул зубы и, видимо поборов гнев, произнес:

— Естественно, вы **ДОЛЖНЫ БЫЛИ** это спросить. Уверяю вас: все мои личные отношения основаны на взаимном согласии и могут быть прекращены любой стороной.

Что меня по-настоящему беспокоит в этой истории, так это то, что автором ее едва ли является Клайв. У него нет абсолютно никаких оснований вести себя подобным образом. Я убежден, что по своей природе Клайв человек не злой. Так что если за ним скрывается кто-то другой, подсказывающий ему все эти выдумки, вкладывающий поганные сплетни ему в рот, я должен выяснить, кто он такой.

Вы знаете меня, Рик. Я — это самый дорогой злодей, который когда-либо разъезжал в средневековой повозке и составил себе имя на цветной кинопародии на историю человечества. Я запрашиваю за участие в звуковом фильме полмиллиона долларов, и мне их платят. Если же рассказы Клайва получают слишком широкую огласку, а я буду сохранять олимпийское спокойствие, продюсеры начнут сомневаться, стоит ли на таких условиях приглашать актера со столь подмоченной репутацией.

Он обвел широким жестом гостиную, пышную мебель, огромную коллекцию антиквариата, которая вызвала бы зависть у любого ценителя.

— Я привык тратить сумасшедшие деньги, когда и на что мне заблагорассудится, а это бывает практически по-

стоянно. Мне бы очень не хотелось, чтобы я был вынужден в чем-то себе отказывать.

— Будем считать, что вы меня убедили! Против такого аргумента никто не устоит. Чтобы неотразимый Рейд в чем-то себе отказывал!..— воскликнул я иронически.— Ол-райт, посмотрю, что мне удастся сделать. Но я ничего не гарантирую.

— Само собой разумеется!

По его голосу было ясно, что Рейд доволен.

— Вам нужны деньги?

— Пока нет,— ответил я,— трудно предугадать, сколько это будет стоить.

— Ну, учитывая вашу репутацию, могу сказать, что не очень-то дешево. Но, если повезет, я могу списать эту сумму с доходов, подлежащих налогообложению... Может, еще немного выпьем?

— Нет, благодарю... Где я смогу отыскать Клайва Иордана?

— Под ближайшим забором! — с неожиданной злобой ответил Рейд, но тут же одернул себя: — Нет, милый Леонард, ты должен учиться сдерживаться и не проявлять дурного характера... У меня где-то записан его адрес. Позднее я найду его для вас.

Он поднялся с кушетки, смешал себе еще один коктейль у погребка. Когда Рейд повернулся ко мне, на его лице была слабая улыбка. Если бы я не знал, что такое нелепо, я бы предположил, что у него смущенный вид.

— Точно так же, как у художников бывают голубые периоды, так и у меня бывают гетеро-периоды. Вы меня понимаете?.. Когда Клайв жил здесь, у меня случился один из них. Так что одновременно с Клайвом в доме жила молодая особа, Зон Парнелл. Она писательница, по ее утверждению, но написанного ею я никогда не видел. Клайв, если хотите знать, был ее идеей, а не моей. Еле-еле сводящий концы с концами, необычайно талантливый молодой актер заслуживает сострадания и заботы, заявила она. Ему необходимо дать возможность свободно вздохнуть и облегчить его непосильный груз в борьбе за существование. Не мог бы он перебраться сюда и пожить какое-то время вместе с нами? И тогда этот добряк Леонард ответил, почему бы и нет? Понимаете?

Когда Клайв уехал, она обрушилась на меня. Я был немного выбит из колеи, потому что мне нравилась честная игра, которую я вел, что, вообще-то, не характерно для меня, и вдруг такой неожиданный финал! В тех историях,

которые в настоящее время Клайв распространяет обо мне, имеется восхитительная история.

— Вы имеете в виду...— начал было я, но тут же осекся, подумав, что столь деликатной темы и касаться следует весьма деликатно.

— Совершенно верно!

Он снова откинулся на кушетку, осторожно держа в огромной ручище хрустальный бокал с мартини.

— Клайв был здесь всего лишь гостем. Не более.

— Как я понимаю, вы предполагаете, что тайная пружина всей этой истории — Зон? Или как ее там?

— Полной уверенности у меня нет.— Он нахмурился, глядя перед собой.— Она, несомненно, достаточно умна, чтобы все это изобрести, но я сомневаюсь, что есть какие-то серьезные мотивы для такого коварства... Но разве возможно предвидеть, какие чувства зреют в сердце женщины и какие планы зарождаются в ее голове, когда она так мила с вами? Мой опыт общения с женщинами так невелик... Я совершенно в них не разбираюсь. Все же я не сомневаюсь, что Лукреция Борджиа была добра к животным.

— Где я могу найти Зон Парнелл?

— Вполне возможно, что она живет с Клайвом. Творческие натуры не отличаются хорошим вкусом.

— Вы хотите, чтобы я попытался от него откупиться?

— Я хочу, чтобы он перестал распространять про меня эти сплетни. А как вы это сделаете...— он слегка зевнул,— воля ваша. Даю вам карт-бланш...

Я допил свой бокал и поднялся.

— Великолепно. Но в этой ситуации я не вижу, за что можно ухватиться, Леонард. Возможно, было бы куда проще, если бы вы поручили заняться этим делом вашему поверенному.

— Он годится только для того, чтобы важным голосом зачитывать условия очередного контракта! — махнул рукой Леонард.— Я не доверил бы ему даже поджарить омлет. Потому что он разбил бы при этом слишком много яиц... Типичный представитель своего класса. Идиот, получивший слишком узкое образование.

Он поднялся с кушетки, прошествовал молча к столу, достал из ящичка сложенный листок бумаги и протянул его мне.

— Вот адрес Клайва Иордана. Может быть, он и переехал куда-то в другое место, я не знаю.

— Спасибо.

Я засунул бумажку в карман.

— Эта особа обрушилась на вас потому, что она предпочитала Иордана? Или по другой причине?

— Ах!

Он задумчиво потер кончик мясистого носа указательным пальцем.

— Толковый вопрос, Рик.

Черно-белая киска появилась из-за двери, жалобно мяукнула и почесалась о его ноги.

— Озорница Маусикинз! — умиленно проговорил Рейд, наклонился и поставил свой бокал на ковер. Котенок вылакал у него остатки мартини, потом вскочил на кушетку. А через пару секунд он уже свернулся калачиком и широко зевнул.

— Эта киска — прекрасный дегустатор вин, — ласковым голосом стал объяснять Леонард. — Пьет только мартини. Я несколько раз угощал ее бренди, но она отворачивала мордочку, закрывала бокал лапкой и уходила прочь. У нас с ней совпадение вкусов. Предпочитает выпивать до еды.

— Разве не все мы действуем так же? — терпеливо спросил я, нахмурившись, и попробовал вернуться к делу: — Помимо Парнелл, вы не подозреваете никого другого, кто, действуя за спиной Иордана, распускал бы о вас эти гадкие сплетни?

— Рик!

Он зажал лицо между ладонями и с безнадёжным видом уставился в пространство.

— Демонстрация ненависти к Леонарду Рейду — излюбленное занятие всего населения киноцентра. Так что любого из десяти тысяч можно взять под подозрение.

— Вы очень мне помогли! — буркнул я. — О'кей, в таком случае, я начну с Клайва Иордана.

— И не верьте ни одному слову, сказанному им. Он паталогический врун, при этом обладающий известным шармом.

В его глазах промелькнул нетерпеливый огонек, который он поспешил спрятать, опустив веки.

— Понимаете, лишь вам одному могу я доверить разоблачение этих ложных слухов. Если вы отвернетесь от меня, я не найду никого, кто бы решился мне помочь.

— Ну, раз вы чувствуете такое беспокойство из-за этой истории, вы, может быть, согласитесь снизойти с олимпийских высот на нашу грешную землю, встать вровень со

мной и по-настоящему мне довериться? — произнес я. — Или же я слишком многого требую от Леонарда Рейда?

— Рик!

Он широко развел руки, выражая этим жестом мольбу.

— Я был с вами предельно — слышите? — ПРЕДЕЛЬНО откровенен! Поверьте!

— И все же вам следует быть более общительным! Ведь каждую фразу приходится из вас выжимать, — сказал я и двинулся к выходу. Он вскочил и поравнялся со мной у самой двери.

— Я позвоню вам, как только выясню что-нибудь существенное, — пообещал я. — Но не сидите до ночи у телефона. Возможно, на поиски уйдет очень много времени.

— Я буду спать по ночам совершенно спокойно, зная, что моя проблема находится в ваших надежных руках, — произнес он напыщенно. — Прошу вас, будьте осторожны за рулем. Я бы не хотел, чтобы сейчас с вами что-нибудь приключилось!

— В данный момент вы работаете? — поинтересовался я.

Он покачал головой.

— Мой агент ведет переговоры. Торгуется. Еще одна из этих библейских эпических картин. Мне просто необходимо сейчас заткнуть рот этому неугомонному Иордану. Продюсеры нервничают, когда они поручают реальному негодяю играть роль библейского негодяя. Хотя я не могу понять, почему...

— Попытайтесь вдохнуть логику в кинобизнес, и это станет концом Голливуда! — убежденно воскликнул я.

Что-то сзади скользнуло по моим ногам, я так быстро обернулся, что чудом не вывихнул шею. Блестящий бирманский кот презрительно фыркнул на меня и проскользнул мимо Рейда в соседнее помещение.

— Так сколько же у вас всего кошек? — изумленно воскликнул я.

— Вроде бы шесть... — Он надул губы в нерешительности. — Нет, пожалуй, семь. Включая Маускинз. Этого зовут Рейпикинз. Красавец, не правда ли?

Я безразлично кивнул головой.

— По сравнению с ним обычный кот выглядит нервным кастратом.

Поскольку я полный профан в кошачьих прелестях, я предпочел поскорее удрать.

Спустившись по четырем ступенькам парадного портика здания, являющегося точной копией английского особняка

времен ранних Георгов, я сел в машину. Когда она уже покатилась вперед, позади меня раздался неистовый крик, отдаленно напоминающий рев разъяренного быка.

Естественно, я затормозил.

Через несколько секунд в окне появилась физиономия Леонарда, более чем когда-либо выдающая человека с диким, необузданным нравом. Возможно, из-за чисто монгольского разреза глаз впечатление это еще усиливалось.

— Исключительно честный и откровенный Леонард! Он ничего не способен утаить! — изрек Рейд, затем закрыл лицо руками с широко растопыренными пальцами, изображая смущение. — Я только что вспомнил одну подробность в отношении дорогой Парнелл. Существует альтернативное объяснение ее отъезда от меня. Не из-за того ли, что я ее иногда поколачивал?

— Вы ее били? — ошалело переспросил я.

— Вообще-то это было скорее ритуалом. Мои садистские наклонности проявляются только во время гетеро-периодов.

— Вы шутите?

— Нет.

Он не спускал с меня глаз.

— Вы шокированы, старина?

— Да нет, — ответил я беспечно.

На какое-то мгновение на лице Рейда промелькнуло разочарование, затем он наградил меня злой улыбкой.

— Ну так что вы теперь думаете относительно подробного изложения разнообразной сексуальной жизни Леонарда Рейда? Убежден, оно вас шокирует!

— Как-нибудь в другой раз разовею эту тему, — парировал я. — Захвачу с собой тогда свою энциклопедию порнографии. В ней уже двадцать три тома. Книги богато иллюстрированы цветными фотографиями и рисунками.

— Своего следующего кота я назову Рикикинзом, — произнес он задумчиво, — а чтобы быть уверенным, что этот кот будет носить свое имя с достоинством, его сразу же кастрируют. Тогда у него будет такой же невозмутимый ум, как у Рика Холмана.

— Неподражаемый Леонард!

Я подмигнул ему.

— Знаете, в вас есть какая-то детская непосредственность, которая почти привлекательна. Вы не могли оскорбить меня в доме, потому что нуждались в моей услуге и, обуздав себя, сохраняли вежливость. Потом решили, что у вас уже есть возможность вонзить в меня булавку,

рассказав эту чушь о побоях Парнелли. Вы думали, что я буду шокирован, почувствую некоторый дискомфорт от того, что связался с вами, таким чудовищем, от которого всего можно ждать... Я прав?

Его лицо исказилось презрительной усмешкой.

— Плевал я на психологов-любителей! Во всяком случае, — он неожиданно плутовато подмигнул, — я хочу дать вам добрый совет, старина. Прежде чем улечься в постель с очаровательной малюткой Зон, не забудьте прихватить с собой хлыст и ботфорты. Ей это нравится.

Он помахал мне тремя пальцами на прощание, повернулся и неторопливо пошел назад к дому. Последнее, что я слышал, когда машина снова тронулась с места, был его громоподобный голос, нарушающий тишину первой классной усадьбы.

— Ох, непослушный Рейпикинз! Ты снова делал котят с бедняжкой Нимфиминз в этих кустах?

Глава 2

Сегодня меня ничто не ожидало, кроме вечера в полном одиночестве. И я решил, что визит к Клайву Иордану будет гораздо интереснее, чем тупое сидение дома перед телевизором.

Адрес, полученный от Леонарда, привел меня к верхнему этажу полинявшего двухквартирного дома. Уродливый цементный ящик с облупившейся краской. В такое состояние это строение могли привести только двадцать лет упорного пренебрежения.

Деревянная лестница, круто поднимающаяся кверху, подвела меня к входной двери. Звонок произвел громкий звук внутри квартиры, его хрипловатый тон как нельзя лучше гармонировал со всей окружающей обстановкой.

Растрепанная блондинка неожиданно распахнула дверь и уставилась на меня холодными голубыми глазами. Ее светлые волосы беспорядочно выбивались из-под неопрятной башни, сооруженной на голове, а сжатые полные губы придавали лицу недовольное выражение. Тельняшка и белый жакет с короткими рукавами не скрывали ее загорелых рук. Два кармана с блестящими пуговицами под кокеткой подчеркивали высокую грудь. Белые брюки из какого-то материала в рубчик туго обтягивали круглые бедра и подчеркивали выразительность ее длинных ног. Общее впечатление, надо сознаться, было потрясающим.

— Проклятие! — холодно произнесла она. — Вы нарушили мою концентрацию. Я с таким трудом смогла сосредоточиться, теперь потребуется еще полчаса, чтобы успокоиться.

— Вы, должно быть, известная писательница Зон Парнелл? — спросил я уважительно.

— Я не известный и нигде не публикуемый автор Зон Парнелл. — В ее глазах промелькнуло любопытство. — А вы кто такой?

— Рик Холман. Я разыскиваю Клайва Иордана.

— Он здесь больше не живет. Выехал четыре дня назад. Куда — не имею понятия.

— Досадно!

Я улыбнулся ей.

— Но теперь, раз мы познакомились, может быть, мы поговорим о нашем общем друге Леонарде Рейде?

Ее нижняя губа изогнулась.

— Кто вы такой? Профессиональный негодяй, которого нанял Леонард?

— Действительно, профессионал, но не негодяй, — спокойно ответил я. — Не могли бы мы побеседовать об этом не на лестнице?..

Она на мгновение задумалась, потом кивнула.

— Ол-райт, но если вздумаете прибегнуть к тактике сильной руки, я подниму такой крик, что услышат все соседи.

Я пошел за ней следом, невольно любясь ее округлым задом, туго обтянутым белыми брюками, и очутился в общей комнате, в которой никто бы добровольно не согласился жить. Пара небольших ковриков лежали на полу, они были настолько попорчены молью, что правильнее бы назвать их половыми тряпками. К одной стене прижались убогая кушетка с продавленными пружинами и кресло без одного подлокотника, а в центре комнаты сиротливо стояли круглый стол и стул. Завалившие весь стол бумаги образовали беспорядочный вал вокруг маленькой портативной машинки.

Она опустилась на край стола, сложила руки на полной груди и уставилась на меня без тени смущения оценивающим взглядом.

— Слушаю вас! — деловито произнесла она.

— Клайв Иордан распространяет отвратительные лживые сплетни о Леонарде, — сказал я. — Рейд поручил мне разобраться во всем этом и остановить его, ну а это

означает, что в первую очередь мне необходимо выяснить, почему он это делает.

— Ответить несложно. Потому что это правда.

— Что известно вам лично? Или же вы говорите со слов Иордана?

— Леонард рассказывал вам обо мне? — спросила она.

— Да.

— Что именно?

— То, что вы жили с ним. Что приглашение остановиться в доме Рейда Иордан получил по вашей инициативе. И что вы уехали от Рейда вместе с ним.

— Леонард патологический лжец, — ровным голосом произнесла она. — Он начал немного нервничать из-за своей репутации и предложил мне пожить у него в доме. Для камуфляжа. Вам понятна идея? Он надеялся, что все решат, будто у нас с ним роман, хотя в действительности его интересовал только один Клайв.

Я согласилась, потому что я пытаюсь начать карьеру писательницы, а это чертовски трудно, разрешите вас заверить... Несколько месяцев роскошной жизни в его доме, когда не нужно заботиться о заработке и куске хлеба, показались мне весьма заманчивой перспективой. Но только радужные иллюзии сразу потускнели, как только я увидела, что случилось с Клайвом. Так что, когда у него в конце концов хватило смелости сбежать, он попросил меня поддержать его, и я ушла вместе с ним.

— Что именно произошло с Клайвом?

Она пожала плечами, спокойно изменила позу, пересев на кончик стула, словно собираясь вскочить.

— Невозможно объяснить, что Леонард Рейд делает с человеком. Вам следовало бы пожить вместе с ним в одном доме, как жила я, и понаблюдать за происходящим. В нем живет какая-то злая привлекательность. Возможно, чудовищный эгоизм. Он получает наслаждение, калеча жизнь других людей. Он не успокаивается до тех пор, пока полностью не поработит человека, не получит его в полное обладание, так что жертва во всем решительно будет зависеть от него. Я видела, что постепенно это происходит с Клайвом, но не могла помешать происходящему. В самый последний момент Клайв нашел в себе силы вырваться из-под власти Рейда. Возможно, его попросту спас инстинкт самосохранения. Клайв попросил меня помочь.

— Н-да, этому всемогущему колдуну Рейду приходится сейчас вертеться! — усмехнулся я. — Как вы считаете, свои

хитроумные ловушки он расставил не в первый раз? Или же Клайв был исключением?

— Вы, наверное, ничего не слышали о Лестере Андерсене? — фыркнула она.

— Это тот Андерсен, который покончил с собой? Сравнительно недавно, несколько недель назад?

— А вам известно, почему он это сделал? Потому что Андерсен предпочел умереть, нежели находиться в той паутине, которой его опутал Рейд. Клайву повезло, он вовремя вырвался на свободу.

— Рассказанное вами звучит как интригующий, хотя и не слишком оригинальный сюжет для романа, — сказал я. — Именно над этим вы сейчас работаете?

Ее глаза на мгновение вспыхнули, затем она снова пожала плечами.

— Вам заплатили за то, чтобы вы мне не верили, так зачем напрасно занимать свое время и мое, Холман? Почему бы вам не убраться отсюда ко всем чертям?

— Леонард доказывает, что это целая цепочка отвратительного вранья.

Для убедительности я передернул плечами, совсем как она.

— Он хочет, чтобы я разобрался, почему Иордан с таким усердием распускает опасные для Рейда сплетни. Если я выясню, что в этой цепочке все соответствует истине, я отойду в сторону. Я не так сильно нуждаюсь в заработке, во всяком случае, в настоящее время, чтобы быть неразборчивым в средствах. Но я хотел бы потолковать лично с Иорданом и сделать собственные выводы.

— Моего слова недостаточно?

— Вы — писательница и, естественно, у вас просто должно быть незаурядное воображение! Я не говорю, что вы лжете, но считаю возможным, что правда предстает искаженной в вашем творческом сознании.

Она соскочила со стола, прощлась взад и вперед по комнате с грацией пантеры, посаженной в клетку, потом остановилась напротив меня и сверкнула глазами.

— Это была обитель Клайва. Когда мы ушли из дома Рейда, мы перебрались сюда. Как я говорила раньше, Клайв ушел четыре дня назад. Не знаю почему. Возможно, мое общество стало ему невыносимо. Ему нужна не женщина, а всего лишь мамочка-утешительница. Для этой роли я не гожусь, а попытки утешить его иначе лишь заставляли его нервничать.

Она на секунду прикусила пухлую нижнюю губку белоснежными зубами.

— Должна признаться, вы не похожи на грозного фаворита Леонарда Рейда. Как-то не представляю вас крадущимся по темной аллее с острым кинжалом, скрытым под полой пальто. Но все равно я не знаю, где вы найдете Клайва. Честное слово.

— Вы не допускаете, что он мог уехать из Лос-Анджелеса?

— Нет!

Она решительно покачала головой.

— Клайв собирается стать великим киноактером, на прошлой неделе он даже пару дней участвовал в какой-то массовке. Выдворить его отсюда удалось бы лишь с помощью полиции либо в гробу.

— Друзья?

— Я не знаю ни одного близкого друга.

Она слегка наморщила лоб.

— Имеется одно сомнительное злачное местечко на Стрипе, называемое Банго. Он частенько его навещает.

— Попробую заглянуть туда, — сказал я. — Спасибо.

— Не спешите, будьте моим гостем.

Насмешливая улыбка скривила ее губы.

— Случайно Леонард вам ничего не говорил обо мне?

— В каком смысле? — спросил я самым невинным тоном.

Она быстро облизала верхнюю губу кончиком розового языка.

— Ну, знаете, мне просто любопытно. Это естественно, не правда ли? Ведь я же прожила немало времени в его доме, оказалась невольной свидетельницей его потайной личной жизни. Я уверена, что он зол на меня за бегство Клайва. Поэтому не было бы ничего удивительного, если бы он сообщил обо мне какие-то фантастические истории и... Ну ведь это так?

— Он мельком упомянул о ботфортах и хлысте... — Я взглянул на нее вопросительно: — Какая-то бессмыслица, не так ли?

— Какое бессовестное вранье!..

Ценой большого усилия она остановилась на полуфразе. Секунд десять она стояла, еле сдерживая гнев, в то время как я заполнял паузу, раскуривая сигарету.

— Мне следовало ожидать чего-то в этом роде! — наконец произнесла она ровным голосом, очевидно сумев взять себя в руки. — Зная порочный ум Леонарда Рейда,

нетрудно представить, какие гадости он выдумывает обо мне!

— Ну что же,— сказал я, неторопливо двигаясь к выходу,— полагаю, стоит заглянуть в то заведение на Стрипе...

— Если вы разыщете Клайва, передайте, что я получила его белье в прачечной. Его рубашки мне совсем ни к чему.

Она сделала глубокий вдох, ее белый жакет натянулся на пышной груди, я даже подумал, что пуговицы не выдержат и оторвутся.

— Не тесноват ли вам жакет? — невинно спросил я и быстро вышел, опережая ее реакцию.

К Банго я приехал около половины восьмого. Заглянув внутрь, я подумал, что настоящее веселье начнется часа через три, не ранее. Бородатое трио исполняло что-то похожее на радиосигнал из космического пространства. Бармен явно скучал, навалившись брюхом на стойку. Трое парней двадцати лет с небольшим выглядели беженцами от какой-то латино-американской революции, случившейся накануне. Четвертая посетительница — девушка на высоком табурете в конце стойки — метала в парней зажигательные взгляды, кокетливо поправляя короткую юбку, которая ничего не прикрывала...

Я занял нейтральную позицию примерно на полпути от девушки к парням, которые, возможно, планировали взорвать Голливуд, и заказал себе бурбон со льдом.

— Интересно знать,— обратился я к бармену, когда тот поставил передо мной бокал,— не знаете ли вы парня по имени Клайв Иордан. Его друг сказал, что он здесь бывает постоянно.

— Работать в такой дыре просто ужасно,— пожаловался бармен в ответ.— Кто захочет знать кого-либо из подонков, которые здесь пьянствуют?

— Барни,— произнесла девушка в конце стойки хриплым гортанным голосом,— скажи джентльмену, что я знаю Клайва Иордана, и налей мне еще стаканчик!

— Благодарю!

Я вежливо ей улыбнулся.

— Почему бы вам не пересесть поближе? Я не кусаюсь.— Она поперхнулась от смеха.— Во всяком случае, не в барах. Тут я соблюдаю правила приличия.

Вплоть до этого момента я просто не верил, что костля-

вая особа может быть столь сексуальной, несмотря на явную тенденцию в подборе худосочных манекенщиц в этом году. Но эта девица была убедительным доказательством ошибочности моей теории.

Ее прямые черные волосы падали до самых локтей, образуя овальную рамку для лица с широкими скулами и упрямым подбородком. Из-под густых черных ресниц зеленовато-серые глаза с насмешкой взирали на весь мир. Ее верхняя губа имела циничный изгиб, зато нижняя губа, очевидно, жила своей собственной чувственной жизнью. Девица была одета в белый свитер с вертикальными полосками, подчеркивающий горизонтально торчащие вперед маленькие груди. Широкий кожаный ремень был туго натянут вокруг неправдоподобно узкой талии, а коротенькая юбка в складку ярко-зеленого цвета контрастировала с розовато-белыми оголенными ногами. Даже сидя на высоком табурете у стойки, она выглядела весьма соблазнительно для завсегдатаев такого притона.

— Я — Фреда Паркин, — сообщила она, когда я скользнул на соседний табурет. — Кто вы такой?

— Рик Холман.

Я подождал, пока бармен переставил мой бокал, а затем с нарочитой неловкостью опустил стакан мартини перед девицей, так что несколько капель даже выплеснулось на стойку.

— Не надо извиняться, Барни, — сказала она медовым голосом. — Я понимаю, что ты не в состоянии унять дрожь в своих руках. Такой жирный неряха, как ты, имеет полное право стать алкоголиком! Так что не стесняйся!

Она злорадно наблюдала за тем, как побагровела его физиономия, когда он отступал к противоположному концу бара. А девица уже повернулась ко мне:

— Что вы хотите от Клайва, Рик?

— Всего лишь дружески побеседовать с ним.

— О чем?

— Это конфиденциально.

— Едва ли у вас с Клайвом состоится чисто мужской разговор. — Она непристойно захихикала. — Он достаточно сообразителен, чтобы превратиться в девушку, и его главная проблема, как ею оставаться.

— Вы знаете, где я смогу его найти? — спросил я.

— Конечно! Вот мы выпьем еще по стаканчику, и я вас отведу к нему... Вы ведь не против заплатить за меня?

— Думаю, что нет.

— Прекрасно!

Она одобрительно кивнула.

— Я всегда могу уговорить Барни налить мне несколько стаканчиков в долг, но от этого он начинает важничать и задирать нос выше собственного брюха. Вы занимаетесь кинорэкетом?.. Ох, извините!

Она дурашливо зажала себе рот и заговорила еще более хрипло:

— Я хотела спросить, связаны ли вы с киноиндустрией?

— Весьма отдаленно,— ответил я.— А как вы?

— Мечтала когда-то, но мне надоело ложиться под парней, которые никогда не давали тех ролей, которые обещали.

Она одним глотком выпила половину своего мартини.

— Если девушка отдается даром, я считаю, она имеет право быть разборчивой и дожидаться, когда это доставит ей удовольствие, не так ли, Рик?

— Угу...

Я почувствовал предательское покалывание в затылке.

— Знаете, я как-то никогда об этом не задумывался.

— А следовало бы!

Она укоризненно посмотрела на меня.

— Я хочу сказать, вот вы шагаете по жизни, вступая в связь с женщинами по первой прихоти, это точно, могу поспорить! А интересует ли вас — даете вы что-нибудь взамен? Задавали когда-нибудь себе вопрос, нравится ли вам это?

Она решительно тряхнула головой, так что длинная черная прядь закрыла ей правую половину лица.

— Какую гадость Барни подсыпал мне в это пойло? Похоже, что я слепну на один глаз!

Она снова отчаянно затрясла головой, и непослушная прядь оказалась на прежнем месте.

— Так-то лучше... Я ему не верю...

Она допила остаток мартини и стукнула стаканом о стойку.

— Эй, Барни! Прекрати свои порнографические мечты и принеси сюда пару свежих бокалов!

— Вы всегда изводите его? — поинтересовался я.

— Ему это нравится,— сказала она уверенно.— Он один из тех, про кого говорят: «Молодец против овец, а на молодца и сам овца».

Нервное покалывание в затылке усилилось, к тому же я почувствовал, что у меня стали гореть уши. Я допил свой

бурбон к тому моменту, когда бармен поставил перед нами две новые порции.

— Уличная девка, я ничего не имею против,— произнес он сурово,— но если у уличной девки ни на секунду не закрывается рот, тогда это нечто кошмарное.

— Прекрати нести чепуху! — резким голосом произнесла она.— Сотри слюну с подбородка. И втяни брюхо. А потом ползи в противоположный конец бара. А когда мы пожелаем увидеть чудовище Франкенштейн, то отправимся в кино.

— Это меня вполне устраивает! — рявкнул он.— Вон отсюда!

— Иди ты, знаешь куда? — огрызнулась она.

— Поверь мне, Фреда,— он усмехнулся, показав при этом пару выбитых зубов,— ничто не доставит мне такого удовольствия, как возможность вышвырнуть тебя из бара.

— Рик,— заговорщически воскликнула она,— ударь его!

— Бить бармена,— дурная примета,— сказал я совершенно серьезно,— и признак дурного тона. Не говоря уже о том, что невозможно догадаться, что у них спрятано под стойкой. Например, обрез дробовика.

— Цыпленок!

Она схватила свой полный бокал и плеснула в лицо бармену.

— Возможно, это поможет тебе чуточку остынуть, Барни!

Он отшатнулся назад, закрыв руками глаза и не изо рта, а, кажется, из самых недр его существа вырвался поток такой отборной брани, что я даже удивился его незаурядной эрудиции в этой области.

Я бросил на стойку пятидолларовую бумажку, соскочил с высокого табурета, схватил девицу за запястье и сдернул ее вниз. Она вырывалась от меня, пока я тащил ее к входной двери, и успокоилась только после того, как мы ступили на тротуар.

— Он бы ничего нам не сделал! — заявила она, тяжело дыша.— В глубине души Барни сознает, что все сказанное мною про него — чистая правда.

— Что является самым сильным мотивом для того, чтобы он снес вам голову с плеч очередью из своего обреза! — прикрикнул я на нее.— Где мы найдем Клайва Иордана?

— Проваливайте ко всем чертям, цыплячье сердце! — фыркнула она.— Ищите себе сами своего гомосексуалиста!

Я снова схватил ее за запястье и потянул к машине, затем впихнул ее на переднее сиденье. Когда мы отъехали ярдов на десять от обочины, она неожиданно вытянула ногу и резко нажала на тормоз. Рулевое колесо вонзилось мне в грудь, а лбом я сильно ударился в стекло. Позади нас раздался душераздирающий визг тормозов, за которым последовал не менее отчаянный сигнал клаксона.

— Вы едете не туда,— невозмутимо сообщила она.— Поверните в обратную сторону.

Я почувствовал симпатию к бармену Барни, когда мне пришлось загонять машину в первую свободную щель в ряду припаркованных вдоль обочины автомобилей. Затем я осторожно закурил сигарету, прежде чем посмотреть на свою спутницу. Она сидела с видом пайныки, сложив руки на коленях и что-то тихонько напевая себе под нос.

— Как вы смотрите на то, чтобы просто назвать мне его адрес? А уж я как-нибудь найду его без вашей помощи,— спросил я.— Тогда вы сможете незамедлительно вернуться назад и продолжить интересную беседу с вашим приятелем Барни.

— Я решила остаться с вами,— ответила она, продолжая смотреть прямо перед собой.— Я, можно сказать, еще даже не начала пить сегодня вечером, а у вас есть деньги. Посмотреть только, как вы легко шеырнули пять долларов, когда мы уходили из бара!..

— Так куда же мы едем?

— Какой-то друг Клайва уехал на месяц на Восток, вот он и одолжил ему свою квартиру. Она находится в районе новостроек в Вилшире... Я скажу вам, когда мы туда приедем.

— Будьте столь любезны,— произнес я иронически,— я имею в виду, вам не придет в голову снова неожиданно нажать на тормоз?

— Бедненький Рики! Значит, у вас болит головка?

Она медленно повернулась, посмотрела на меня и громко зевнула.

— В следующий раз я сорву с себя юбку, выскочу из машины и закричу, что меня насилюют!

— Одного взгляда на вас достаточно, чтобы этому не поверить! — Я громко расхохотался.

Серо-зеленые глаза блеснули.

— Что заставляет вас предположить, что у меня под юбкой что-то надето?

— Если не надето, версия «изнасилование» выглядит еще менее убедительно...

Мы выскочили из шеренги машин у обочины, как будто за нами была не проезжая дорога, а загородная лужайка и сразу же раздался пронзительный визг тормозов, когда мы влились в поток машин. Я молил бога, чтобы это не был снова тот парень, которому мы уже подложили свинью...

Приблизительно через пятнадцать минут я припарковался перед высотным зданием с удивительно приятным чувством выполненной задачи. На протяжении всей поездки Фреда вела себя безукоризненно: открывала рот только для того, чтобы дать мне указания, остальное время тихонько мурлыкала какую-то песенку. Нам приходилось очень долго стоять перед светофорами (мне показалось, что не менее часа), но Фреда даже не начала расстегивать молнию на своей мини-юбке.

Она первой прошла в вестибюль и далее к лифту. Через несколько секунд дверь раздвинулась, из лифта вышла вульгарного вида толстуха в яркой одежде. Один взгляд на Фреду, и толстуха брезгливо поморщилась. Я видел, как зловеще загорелись серо-зеленые глаза в ответ на эту гримасу и, почувствовав симпатию к неосторожной моднице, хотел предотвратить стычку, но было уже поздно.

— Извините меня,— заговорила Фреда благовоспитанным голосом.— Барни Глутиноус живет на десятом или одиннадцатом этаже?

— Прошу прощения? — Брови толстухи полезли на лоб.— Мистер Кот?

— Глутиноус.

Фреда заговорщически ей подмигнула:

— Вы же знаете, золотко. Он делает аборты.

Лицо женщины окаменело, густо наложенная на него штукатурка грозила растрескаться.

— Боюсь, я не имею абсолютно никакого понятия, о чем вы говорите,— заявила она кислым тоном.

— Да? — Фреда секунд пять внимательно разглядывала объемистую талию толстухи, потом вновь заговорщически подмигнула: — Все поняла, дорогуша. В конце-то концов, вы решили завести ребенка?

Я юркнул в кабину лифта, забился в угол, когда Фреда нажала на кнопку десятого этажа. Двери закрылись, скрывая от нас остекленные глаза толстухи и ее перепуганную физиономию. Фреда насвистывала что-то веселое, она была удовлетворена, ее губы растянулись в довольной улыбке.

Когда лифт доставил нас на десятый этаж, Фреда

вышла первой и пошла по коридору, устланному толстой ковровой дорожкой. К тому моменту, когда я догнал ее, она уже стояла перед дверью, нацеливаясь указательным пальцем на кнопку звонка.

— Вы считаете, что нас ожидают?

— Вы считаете Иордана ясновидцем?

— А вдруг у него посетитель?

От ее легкого толчка дверь широко распахнулась.

— Не хотите ли поменяться со мной одеждой?

Глаза ее выражали невинный интерес к собеседнику, не более.

— Я имею в виду, если у Клайва посетитель, вы будете себя чувствовать не к месту в мужском обличии.

— Нажмите на звонок! — рассердился я. — Мы ведь не намереваемся поразить его до умопомешательства?

— Говорите от своего имени! — огрызнулась она и напрямик пошла в квартиру.

Я пошел следом, потому что, черт возьми, что я еще мог сделать?

Фреда резко остановилась посреди гостиной — настолько резко, что я фактически налетел на нее.

— Вам следовало бы подавать сигналы! — буркнул я.

— Рик, — произнесла она каким-то далеким голосом, — я ведь сильно нализалась, да?

— Вы могли меня обмануть, — признался я, — но с такой необычной девушкой, как вы, кто может сказать с уверенностью о чем бы то ни было?..

— Нет, я, должно быть, вдребезги пьяна, — сказала она напряженным шепотом, — или, возможно, это просто какое-то необычное похмелье? Я хочу сказать, ведь вы-то не видите того, что вижу я?

— Где? — спросил я, начав нервничать.

— За кушеткой. — Ее голос стал на октаву выше. — На полу...

Кушетка представляла собой какое-то высокое сооружение, покрытое шелковым одеялом. На нем кто-то лежал в самой неловкой позе, поперек кушетки, а ноги торчали над ковриком, словно человек вскарабкивался или, наоборот, собирался сползти с неудобной лежанки. Мой мозг отметил это механически, но мысль тут же отклонилась в сторону. Кто, черт возьми, вздумал лежать на дорогом одеяле лицом вниз, уткнувшись макушкой в самую стену, абсолютно голый, да еще с пистолетом в правой руке? А правая сторона его головы — какое-то кровавое, опален-

ное порохом месиво, все так же автоматически зарегистрировал мой мозг.

— Господи, почему я не напилась? — прошептала она. — Это же Клайв Иордан, и он мертв, верно?

— Я тоже так думаю... Похоже, он застрелился.

Едва слышное мяуканье отняло у меня лет десять жизни, так я перепугался. Маленький черный котенок с белым бантом на шее вылез из-под кушетки и осторожно подошел к нам. Фреда взяла котенка на руки и принялась ласково почесывать его за ухом.

— Ну-ну, — заговорила она нежным голосом, — тебе нечего бояться, кисанька. Так ты был тут все время один... Рик!

— А?

Усилием воли я заставил себя отвести глаза от трупа и посмотреть на нее.

— Вот, взгляни! — Она протянула мне котенка. Я не сразу сообразил, что она имеет в виду. На ленте были напечатаны слова, которые я прочитал, повернув ее вокруг шеи котенка:

«Симпатичный подарок для упрямого мальчика. Любящий Леонард».

Глава 3

— Я хочу, черт возьми, немедленно отсюда убраться! — произнесла решительно, хотя и едва слышно, Фреда.

— О'кей, — ответил я также тихо, — минутку!..

— Я не хочу участвовать в этой истории! — Ее глаза казались огромными, она смотрела на меня не мигая. — Пошли отсюда немедленно!

— Терпение, — сказал я и опустился на колени возле трупа.

Тело было еще теплым, трупное окоченение не наступило, что доказывало, что он умер недавно. Грязноватый налет черного пороха пристал к опаленным волосам вокруг пулевого отверстия, заставляя предполагать самоубийство.

Я поднялся на ноги и решил быстро осмотреть остальную квартиру. Спальня была лишена индивидуальных примет. Рубашка, галстук, белье и носки были аккуратно сложены поверх покрывала. Костюм, повешенный на вешалку, был убран в шкаф. В бумажнике, лежавшем на верхней полке бюро, находились лишь обычные вещи, в том числе двадцать пять долларов. В ванной пол, очевидно после купания, все еще был влажным. Кухня сверкала

нежилой чистотой, оставляя впечатление, что ею уже давно не пользовались.

Если Иордан и написал предсмертную записку, то по непонятной причине не оставил ее на виду.

Фреда сильно дрожала и даже судорожно передергивалась, когда я вернулся в гостиную. Котенок уютно устроился у нее на руках и громко мурлыкал, ибо ее рука продолжала машинально его гладить.

— Ну, теперь-то мы можем уйти? — спросила она тоскливо.

— Полагаю, что нам надо сперва вызвать полицию, — сказал я.

— Никакой полиции! — Она непреклонно сжала губы. — Для Клайва это уже не имеет значения, а я не хочу быть втянутой в такую историю.

— Ну так уходи, а я позвоню.

— Мы уйдем вместе. Мне и Китти вы нужны.

— Котенку?

— Мы же не можем оставить его здесь!

Она прижала котенка к лицу и потерлась щекой о шелковистую шерсть.

— Было бы жестоко оставлять его тут в одиночестве. Он может умереть с голоду или стать психом от страха.

— Он? — спросил я с сомнением.

— Он. — Она уверенно кивнула головой. — Я посмотрела.

Задумавшись на мгновение, я решил, что тоже не хочу встречаться с полицией. Во всяком случае, до того, как у меня будет возможность основательно поговорить с Рейдом.

Я мысленно припомнил все те предметы, которых касался, и решил, что у меня нет оснований для беспокойства. Засаленный и изрядно потрепанный бумажник, по всей вероятности, усеяли отпечатки пальцев Иордана, так что полиции едва ли удастся различить среди них мои.

— О'кей, — согласился я с Фредой, — но ты не можешь называть кота Китти. Придумай ему какое-нибудь другое имя.

— Леонард, — сказала она без раздумий. — В честь его отца.

Мы никого не встретили, выходя из здания, что было, как мне показалось, большой удачей. У меня было неприятное чувство, что если когда-либо спросят расфранченную толстуху, с которой мы повстречались в лифте, она моментально припомнит нас.

Пока мы возвращались в мою небольшую квартирку на Беверли-Хиллз, которую я считал символом своего общественного положения, Фреда нянчилась с котенком и вела с ним беседу, не обращая на меня никакого внимания.

Ровно через пять минут после того как мы пришли домой, все было организовано: Леонард лизал молочко из блюдца, а мы с ней сидели на кушетке и пили бурбон со льдом и мартини.

— А где в этом доме спят? — как бы между прочим спросила она.

— В задней половине дома. Спальня, ванная, туалет, а если хватит энергии утром, ты можешь добежать прямоком до пруда. А что?

— Я просто хочу узнать расположение дома.

Поспешный глоток ополовинил ее бокал.

— Я хочу сказать, что, поскольку собираюсь пожить здесь некоторое время, нам надо сразу договориться. Тебе, Рик, следует знать пару вещей заранее. Я не против того, чтобы спать с тобой, но решительно отказываюсь готовить завтраки по утрам.

— Я уже понял, что у тебя не все дома,— произнес я, тщательно подбирая выражения,— но все же что делает тебя таким непредсказуемым созданием?

— Мне просто некуда пойти.

— Ты хочешь сказать, что вплоть до сегодняшнего дня ты жила в Банго-баре и проводила время, оскорбляя бармена?

— Вплоть до сегодняшнего утра я была любовницей состоятельного человека, но затем мы поругались и я не намерена к нему возвращаться.

Она допила мартини и отдала мне пустой бокал.

— Повтори, пожалуйста.

Я прошел к бару и принялся готовить напиток.

— Что бы ты делала, если бы я не появился в баре?

— Не знаю.— Она слегка пожала плечами.— Если бы положение оказалось безнадежным, пришлось бы договариваться с Барни. Вот почему он так обозлился. Он решил, что я у него в руках, а тут появился ты и все рухнуло.

— Кто тот парень, с которым ты рассорилась?

— Это не имеет значения.

— Ну, если ты воображешь, что вот так запросто можешь поселиться здесь, со мной,— повысил я голос,— ты просто ненормальная.

Она поднялась, глаза у нее сверкнули, пальцы расстегнули пряжку на кожаном ремне, и он упал на кушетку.

Затем Фреда стянула через голову белый свитер и бросила его рядом с ремнем. А через мгновение она расстегнула молнию на зеленой юбке и, сбросив ее на пол, наступила на нее. Беленький бюстгальтер и мини-плавки, высоко вырезанные на бедрах — это все, что на ней осталось.

— Только подумай, от чего ты отказываешься! — усмехнулась она надменно.

Мне удалось справиться с напряжением голосовых связок и я произнес довольно твердо:

— Соблазн велик, не скрою, однако — быстренько собирайся!

Она подняла юбку и надела ее. За юбкой последовал и свитер, туалет завершил ремень. Потом обеими руками Фреда убрала волосы с лица, и они упали черным каскадом ей на плечи.

— Вы не возражаете, если я воспользуюсь вашим телефоном? — спросила она сладким голосом.

— Валяй! — ответил я, ожидая подвоха.

— Благодарю. — Ее улыбка заворожила бы даже гремучую змею. — Если Чарли и не примет меня назад, я уверена, он с радостью хотя бы даст мне толковый совет. Я расскажу Чарли, как вы настаивали на том, чтобы я отвезла вас на квартиру Клайва Иордана, а когда мы нашли его мертвым, вы не разрешили мне вызвать полицию! Затем еще имеются интересные сведения о крайне важной улике, которую вы изъяли.

— Важная улика? — рявкнул я.

Она ткнула пальцем в котенка, который теперь свернулся в клубочек возле пустого блюда.

— Послание Леонарда Рейда на его ленте, помните?

Я отдал ей мартини. Ее глаза внимательно следили за мной поверх края бокала, когда она пила.

Когда я задумался над случившимся — а мне давно пора было этим заняться, — я увидел целую цепочку случайностей и совпадений, которая приводила прямоком к рыжеватой блондинке Зон Парнелл.

— Ты собираешься позвонить Чарли? Как его там дальше?..

— Чарли Стерн.

Это имя мне ничего не говорило.

— Заметь, до сегодняшнего утра ты была его любовницей, иными словами, жила на его содержании, — медленно заговорил я. — Затем у вас произошла ссора, ты набросилась на него и помчалась в бар. Я приехал туда же

и осведомился об Иордане. Ты знала, где он живет, и вызвалась отвезти меня. Когда мы приехали, он был мертв. Именно ты сказала, что не следует вызывать полицию и настояла на том, чтобы мы взяли с собой котенка, так?

— Правильно,— спокойно сказала она.— Но поскольку я прирожденная лгунья, мне ничего не стоит изменить факты в интересах Чарли.

— Если я не разрешу тебе здесь остаться?

— Вот что я тебе скажу, Рик Холман,— она снова оборотисто улыбнулась,— ты не находка в смысле наружности, но у тебя определенно хорошая голова! Ты не тупица!

— А сколько времени ты собираешься у меня оставаться?

— Сама не знаю.— Она пожала плечами.— Возможно, месяц. К этому времени, конечно, подвернется кто-то интереснее тебя.

— Как давно ты знаешь Клайва Иордана?

— Несколько месяцев. Он был другом моей приятельницы, понимаешь?

— Зон Парнелл,— подсказал я.

— Это еще кто?

Она и глазом не моргнула.

Я взглянул на часы. Начало десятого. Я опустил на колени возле котенка и снял с его шеи ленту с бантом, сунул ее в карман и снова выпрямился.

— Мне надо кое-куда поехать,— сказал я ей.— Ты можешь развлекаться в своем вкусе: смотреть телевизор, вдрызг напиток... Возле кабинета есть комната для гостей, можешь расположиться там.

У нее, как у кошки, расширились зрачки.

— Ты отказываешься от моей благосклонности, Рик Холман?

— Пока.— Я усмехнулся.— Уж что я ненавижу, так это спать с патологическими лгунями.

Она легонько зевнула, и я начал понимать, что Фреду Паркин не так-то легко оскорбить.

— Может быть, мне придется одолжить пару пижам, ты не возражаешь?

— Ради бога,— сказал я равнодушно.— Не забудь отнести на улицу кота, прежде чем ляжешь спать.

— Может быть, я попробую угостить его сначала мартини?

Она неожиданно расхохоталась.

— Кто знает? Это может превратить его в свирепого льва.

Примерно двадцать минут спустя Леонард Рейд открыл парадную дверь своего особняка. Он был облачен в крахмальную белую рубашку с великолепным жабо и безупречно сидящий вечерний костюм.

— Рик?

Он уверенно улыбнулся.

— Я собрался уходить, старина. Официальный обед. Идиотская мысль. Но иногда даже Леонард Рейд должен быть вежливым со своим продюсером.

— Иногда даже Леонард Рейд должен быть честным со специалистом по улаживанию всяческих конфликтов Холманом,— холодно произнес я.— Или его специалист решит прекратить поиски правды, справедливости и отказаться от своего лживого клиента, вроде того, с которым он имеет дело сейчас.

Тяжелые веки почти совсем прикрыли его глаза.

— Нетрудно догадаться,— замурлыкал он,— что вы чем-то разъярены. У вас точно такой же дикий блеск в глазах, как у Рейпикинза, когда он замечает незнакомую кошечку на лужайке. Входите, наскоро сообразим выпить, пока вы будете мне рассказывать о своих затруднениях.

Я прошел следом за ним в гостиную, дождался, пока он закончит восхищаться собой в зеркале, занимающем всю стену, потом велел ему оставить выпивку.

— Я видел Зон Парнелл,— начал я,— она сообщила мне, что Клайв Иордан покинул ее четыре дня назад. Она не знала, куда он подевался, но посоветовала мне обратиться в Банго-бар. Я так и сделал, а когда спросил бармена, не знает ли он Иордана, довольно молодая особа, сидевшая в противоположном конце бара, заявила, что она знакома с ним. Мы помчались в новое здание на Вилшире. Квартира принадлежит другу Иордана, сказала она, который уехал на месяц на Восток и разрешил ему там поселиться на время его отсутствия.

— Клайв был там? — спросил Рейд без особой заинтересованности.

— Лежал абсолютно голый на кушетке с пистолетом в руке и с пулей в голове.

— Ах!

Он нажал на кнопку, и бар медленно выдвинулся вперед.

— Мне кажется, теперь я просто должен выпить, старина. Этого действительно требуют мои нервы.

— Никакой предсмертной записки, которую непременно оставляет самоубийца, не было,— продолжал я.— Во всяком случае, я ее не нашел. Зато в комнате находился маленький черный котенок с белым бантом на шее.

Я вытащил ленту из кармана и сунул ему в руки.

— Обратите внимание: на ленте есть любопытная надпись.

— Симпатичный подарок для упрямого мальчика... Любящий Леонард...— прочитал он вслух.— Не указывает ли это на чью-то заботливость и внимательность, Рик?

— Вы не посылали ему котенка?

— Возможно, некоторым людям я кажусь сентиментальным глупцом.

Он с нескрываемым удовлетворением полюбовался своим отражением в зеркальной стене.

— Но никто не может вести себя до такой степени глупо, не так ли, особенно в моем положении?

— Его одежда была аккуратно сложена на кровати,— продолжал я.— Похоже, что он принял душ, затем, вместо того чтобы одеться, вышел в гостиную и застрелился.

— А кто-то подбросил бедную кисаньку с этим бантом в его комнату, чтобы заставить полицию подумать обо мне?

Он налил в стакан большую порцию коньяка и выпил половину одним глотком.

— Вы заставляете меня нервничать, старина!

— Я имел возможность лишь бегло осмотреть квартиру,— сказал я,— но у меня появились сомнения. Ни предсмертной записки, ни соответствующей обстановки. Это аккуратно сложенное белье и одежда, приготовленная для того, чтобы в нее одеться!.. Да и кто бы стал стреляться, предварительно раздевшись догола?

— Ну,— он пожал плечами,— вы меня знаете, я — не раб обычных общепринятых представлений...

— Я пытаюсь навести вас на мысль, что это могло быть и убийство,— буркнул я.— Ненормальная особа настаивала на том, чтобы я не вызывал полицию. И настояла на том, чтобы я привез котенка к себе домой. Конечно, она не случайно находилась в этом баре, когда я явился. Выходит, кто-то водил меня за нос весь вечер. Но кто? Выбор невелик: либо Зон Парнелл, либо вы.

Он допил свой коньяк и тут же зажал рот рукой: очевидно, его желудок не привык к таким порциям.

— Извините меня!

Он осторожно выдохнул воздух.

— У ненормальной особы есть имя?

— Фреда Паркин.

— Ах!

— Ах, великолепно! — разозлился я. — Я готов навсегда забыть, что когда-то был с вами знаком, великий актер! Меня уже подташнивает от этой истории!

— Вы не вызывали полицию?

Он похлопал себя по щекам.

— И бедный Клайв все еще лежит там голый?

— Тогда я им не позвонил, но я сделал это по дороге сюда.

— Так что с минуты на минуту я могу ожидать визита какого-нибудь полицейского?

— Звонок был анонимный. У меня достаточно неприятностей и без того, чтобы отвечать на их вопросы, почему я сразу не сообщил о случившемся.

Рейд еще плеснул коньяку в стакан.

— Что-то я выбираю себе неподходящих друзей, не так ли? Сначала Лестер Андерсен, а теперь Клайв.

Из-под пурпурной шторы появился Маусикинз и, совершив огромный прыжок на кушетку, покрытую шкурой, опрокинулся на спину и принялся кувыркаться.

— Он воображает, что эта кушетка существует исключительно для его развлечений. — Рейд хохотнул. — У него явная мания величия.

— Это общее заболевание для всех обитателей данного дома! — бросил я. — Раньше или позже, ваше имя полиция свяжет со смертью Иордана... Если это убийство, у вас будет куча неприятностей. Я вам не завидую.

— Вы ведь не можете серьезно думать, что кто-то совершил убийство ради того, чтобы втянуть меня в эту историю?

Он победоносно улыбнулся.

— Никто не мог бы меня так сильно ненавидеть.

— Я мог бы, — просто ответил я.

— Наглец!

Он снова принялся растирать себе щеки.

— Фреда Паркин? Довольно соблазнительное небольшое создание с длинными нечесаными волосами. Лексикон портового грузчика, который только что уронил молоток себе на ногу?

— Та самая! — Я кивнул.

— Я видел ее последний раз пару месяцев назад. В то время она жила с Чарли Стерном.

— Черт возьми, кто он?

— Прекрасный вопрос, Рик. Полагаю, Чарли задает его себе не реже двух раз в день.

Он заметил огонек возмущения в моих глазах и протестующе вытянул вперед обе руки.

— Не надо злиться, старина. У Чарли по двадцать восемь пальцев на каждой руке, и каждый палец воткнут в какой-нибудь сладкий пирог... Полагаю, его можно называть финансистом.

— Почему он вас ненавидит?

— Что заставляет вас предполагать, что добряк Чарли меня ненавидит?

— Знать Леонарда Рейда — это ненавидеть его, — спокойно пояснил я. — Так почему Стерн вас ненавидит?

— Вообще-то случилась эта идиотская испанская афера...

Он выпил еще немного коньяку и задумался на пару секунд.

— Все произошло приблизительно год назад. Чарли финансировал независимого продюсера, снимавшего костюмерный эпический фильм в Испании, и попросил меня сыграть роль злодея. Сценарий был замечательный, основные роли были поручены Делле Огест и Даррелу Слопп. Там был весьма привлекательный молодой официант, который мечтал стать актером, ну и я занимался с ним немного в свободное время. К несчастью, испанская полиция неверно поняла ситуацию, удивительно неуравновешенная раса, не правда ли? Мою визу аннулировали, так что я был вынужден улететь домой на следующий день. А единственной заменой, которую продюсер смог найти за короткое время, был Хэл Твиннинг. Картина провалилась, конечно, и по непонятной причине Чарли обвинил меня в этом. Последний раз, когда я видел его с этой странной девицей, висевшей у него на шее, я попытался его утешить, сказав, что он потерял не более двух миллионов, а для него это сущие пустяки!

— И что он вам ответил? — спросил я, невольно заинтересовавшись.

— Он поднялся на цыпочки и ударил меня по губам.

— И что же было после?..

— Мне не хотелось устраивать сцену, потому что в тот

момент мы оказались посреди весьма элегантного ресторана.

Он улыбнулся, вспоминая подробности.

— К тому же он стоял, а я сидел. Поэтому я ограничился тем, что выпшвырнул его за дверь. К несчастью, я малость промахнулся. В результате он вылетел через окно, разбив при этом зеркальное стекло. Я заплатил за ущерб, а Чарли немного покорябал себе лицо, но ведь любые изменения на его физиономии только ее улучшают.

— Теперь я хочу знать, откуда взялась Зон Парнелл и какова ее роль?

— Зон?

Он нахмурился.

— Ах, да. Я познакомился с ней на вечеринке, устроенной Айваном Оллсопом. Где-то после полуночи она привязалась ко мне. Как мне помнится, народу было много. И выпили порядочно. Я как-то не запомнил подробности. Кажется, я им сыграл свою любимую роль императора Нерона, объясняя аудитории, почему он считал необходимым поджечь Рим. Потом ниоткуда появилась она, взяла меня за руку и потащила в кустарник. На мне была накинута одна простыня, потому что я люблю, чтобы одеяние соответствовало роли. Даже если я играю в узком кругу. И прежде чем я по-настоящему понял, что происходит, ну, я все же сообразил, что снова наступил для меня краткий гетеро-период... А почему вы спрашиваете?

— Для вашей связи должно быть более веское основание,— усмехнулся я,— но я что-то не могу ничего извлечь из всей этой ерунды, которую вы мне наговорили.

Я повернулся и двинулся к выходу.

— Куда, к черту, вы идете?

— Домой,— ответил я, даже не поворачивая головы.— Собираюсь напиться и буду пребывать в таком состоянии три последующих дня. Если за этот период вас навестит полиция, не звоните мне, потому что я ничего не хочу знать.

Я был почти у выхода, когда он схватил меня за локоть и без всякого усилия повернул к себе лицом. На лбу у него появились капельки пота, лицо панически исказилось.

— Не ополчайтесь на меня сейчас, Рик!

У него слегка дрогнул голос.

— Вы — единственный человек, которому я могу верить.

— Если вы начнете говорить правду, то я, возможно,

передумаю,— произнес я с сомнением.— Но вы патологический лжец, Леонард. Вы и эта девица Паркин.

— Я рассказал вам правду,— заупрямился он.— Возможно, не всю, но во всяком случае то, что вы услышали,— правда.

— В отношении Зон и ваших взаимоотношений?

Он на мгновение отвернулся.

— Ну, возможно, я немного приукрасил события. Я не думал, что вас это обидит, старина.

— Зон служила для прикрытия, как она утверждает? — Я очень старался, чтобы голос звучал спокойно.— На самом же деле у вас уже была связь с Клайвом?

— Да,— пробормотал он.

— Откуда взялась Зон, чтобы выполнять роль вашей мнимой любовницы?

— Это была идея Клайва. Не знаю, почему. Но он не соглашался перебраться ко мне, если она не поедет с ним.

— О'кей,— произнес я сердито,— остановимся на этом. Позвоните мне, если будут вести из полиции.

— Теперь, Рик, когда вы знаете правду, ситуация в ваших глазах кажется не такой ужасной? — спросил он с надеждой в голосе.

— Наоборот,— честно признался я,— еще ужасней! Вы покачули мою веру в простое правило жизни, выраженное известной старинной поговоркой: «Живите и давайте жить другим». Жить рядом с вами невозможно...

— А если бы все происходило точно так же, но с одной поправкой: допустим, что Клайв был бы молодой женщиной, а не молодым мужчиной? У вас не было бы морально-го препятствия, чтобы иметь со мной дело, Рик?

Его улыбка была усталой.

— Если вы хотите все это послать к черту, я не могу жаловаться.

— Я же сказал, что не отказываюсь,— хмыкнул я.— Еще один вопрос, Леонард. Котенок с посланием — ваш?

— Нет!

Он прижал ладонь ко рту и довольно долго оставался в такой позе, а когда заговорил, голос его слегка дрожал:

— По правде говоря, я посылал котенка Лестеру Андерсену через пару дней после того, как он улизнул от меня. Через несколько дней после этого он покончил с собой. А теперь вот и Клайв покончил с собой, и первое, что вы находите в его доме, это тот же котенок с точно таким же посланием. Можно сойти с ума! Какой-то смер-

тоносный котенок... Говорю вам, Рик, у меня не проходит ощущение, что четыре лапки бегают взад и вперед по моей спине!

Глава 4

Я поставил машину на подъездной дороге, вошел в дом и прошел в гостиную. Котенок сделал пару шатающихся шажков ко мне навстречу, при этом беззвучно растянув рот. После третьего шага он медленно завалился на бок и его хвостик сердито завилял.

— Леонарду пришлось не по вкусу твой ликер, — заявила Фреда голосом, который говорил о том, что она-то одобрила мой ликер.

— Он выпил только чуточку мартини.

— Ну, а вы?

— Я не считала.

Она вытянулась на кушетке, юбочка задралась выше колен, чуть ли не до талии. На голом животе у нее стоял стакан с выпивкой, который она придерживала обеими руками.

Я подошел к бару и не спеша приготовил себе стаканчик. Через несколько минут она приподняла голову и посмотрела на меня:

— Скажите, вы рады, что я подождала вас?

Голова у нее снова упала, она тихонечко захихикала.

— Как сестренка, Холман. Вот такие у нас отношения. Брат и сестренка, верно? Когда я начала снимать с себя одежду, вы велели мне снова одеться, наверное, чтобы я не простудилась. Я растрогана... Но не теряю надежды на другое. Авось у вас пройдет чувство боязни допустить кровосмешение. Так это называется, кажется, в братских отношениях?

— Кто вам поручил познакомиться со мной в баре Банго? — спросил я.

— Судьба!

Она снова захихикала.

— Судьба позаботилась о вас. Судьба всегда поджидает за углом, готовая ударить тебя по физиономии холодной рыбой по имени Холман.

— Вы мне сказали, что Иордан был приятелем вашей приятельницы, — повысил я голос. — Как давно Зон Парнелл стала вашей приятельницей?

— С тех пор как она представилась мне в один прекрасный вечер по телефону.

Фреда осторожно уселась, постепенно опуская ноги на пол, очевидно, опасаясь пролить свой стакан и потерять равновесие.

— Верно, она звонила мне и попросила познакомиться с вами в баре. Сказала, что не доверяет вашей встрече наедине с Клайвом. Посчитала, что будет безопасней, если я буду при этом. А то еще вы, не дай бог, пустите в ход кулаки.

— Таким образом, история о том, что вы поссорились со Стерном сегодня утром и ушли от него,— выдумка?

— Да.

Она равнодушно кивнула головой.

— Я подумала, что это звучит довольно драматично. Я недавно позвонила Чарли, он не велел мне ничего предпринимать, пока не явится сюда.

— Надеюсь,— произнес я, едва сдерживая нарастающее негодование,— он не собирается тоже поселиться в моей комнате для гостей?

— Такой крошечный домишко не во вкусе Чарли. Он любит большие помещения, чтобы было где развернуться. Чарли слышал о вас, Холман. Он говорит, что впервые в жизни Леонард Рейд проявил благоразумие, но ему сильно не повезло из-за того, что вы не станете на него больше работать.

— Так сказал Чарли?

Я ослабился.

— Потому что, если вы будете и дальше действовать в интересах Леонарда, я должна буду сообщить полиции правду о том, как вы уволокли меня на квартиру Клайва и не разрешили сообщить им о смерти Иордана. А также я должна им рассказать, как вы изволили убрать оттуда важную улику.

Она кивком головы указала на котенка, который мирно спал на коврик.

— Тогда у вас будут крупные неприятности с полицией, говорит Чарли!

— Ваш Чарли! — произнес я насмешливо. — Он, очевидно, из тех, кто считает простой насморг тяжелой болезнью!

Она допила свой martini и протянула мне пустой бокал.

— Налейте-ка мне еще, Холман... Чарли скоро будет.

Я взял у нее стакан, возвратился к бару и налил еще добрую порцию.

Когда я обернулся, она снова раздевалась, на ней опять остались лишь мини-трусики и пародия на бюстгальтер. Я впервые столкнулся с особой, которая постоянно раздевалась и одевалась, и даже подумал растерянно, какое магическое слово в моей речи автоматически действует ей на психику и вызывает желание заняться стриптизом.

— Это намек? — спросил я с сомнением. — Вы хотите, чтобы я переключил кондиционер на более холодную температуру?

— Я хочу заставить Чарли немного поревновать, — беспечно ответила она. — За последнее время он стал слишком самонадеянным.

— Чарли не очень высокий? — поинтересовался я.

— Очень невысокий, но удивительно горячий. Я уверена, что в нем течет итальянская кровь, уж очень быстро он хватается за нож.

Она неторопливо подошла ко мне, провокационно покачивая бедрами, взяла у меня из рук стакан и, опустошив его двумя глотками, со стуком поставила на бар и подарила мне чувственную улыбку.

— И тем не менее, Холман, вам можно не дрожать. Чарли знает, что я не выношу вида крови.

Я подумал, не пора ли раздаться дверному звонку, потому что терпению моему вот-вот придет конец. К счастью, через пять секунд я его услышал.

— Ага, вот и Чарли! — радостно воскликнула она. — Я его впускаю!

Я допил остаток своего бурбона, поставил пустой стакан рядом с ее и постарался притвориться, будто не вижу, как она специально взлохматила волосы, прежде чем выскочить в передний холл.

Нереальность происходящего все нарастала, начиная с того момента, как я увидел Маускинза, сражающегося с ковром, изображая, по предположению Рейда, что он убивает собственную мамашу. Поэтому меня бы не удивило, если бы выяснилось, что Чарли Стерн был посланцем с Марса.

Вот что меня действительно поразило, так это кулак, который я почувствовал у себя под желудком в тот момент, когда добрался до двери, ведущей в передний холл. За ним последовал второй удар, в челюсть, и я растянулся на спине, а надо мной склонилось существо, напоминающее карлика.

— Вы тут развлекались с Фредой, будьте вы прокляты! — пронзительно завопил он. — Поднимайтесь с пола, мерзкий предатель! Поднимайтесь — и я отучу вас бросаться на чужих девочек!

Его кулаки, надо признаться, не доставили мне серьезных неприятностей, просто я потерял равновесие из-за неожиданности нападения. Я поднялся, и мой противник, рост которого был всего лишь на один дюйм выше пяти футов, размахнулся, чтобы нанести новый удар. Я поймал его кулак открытой ладонью и оттолкнул. Он быстро побежал назад не оборачиваясь. А через мгновение раздался пронзительный вопль Фреды, на которую он налетел в переднем холле, пулей выскочив сквозь распахнутую дверь.

Когда я вышел туда, они оба барахтались на полу.

— Мистер Стерн, полагаю? — спросил я с изысканной вежливостью.

Тщедушный Чарли был облачен в помятый итальянский костюм, который заставлял его выглядеть еще более низкорослым. Когда ему удалось подняться на ноги, я внимательно оглядел его. На вид Чарли можно было дать лет сорок; длинные черные прямые волосы нависали на глаза, узкое лицо заканчивалось острым подбородком, и в этот момент он напоминал голодную хищную птицу.

Откинув назад волосы, он яростно уставился на меня налитыми кровью голубыми глазами.

— Я убью вас! — прохрипел он.

— Успокойся, Чарли!

Фреда поднялась на ноги, просунула руку под пояс трусиков и принялась растирать себе живот.

— У меня нет ни малейшего желания еще раз служить тебе подушкой, когда Рик снова ударит тебя. Кроме того, я просто разыграла тебя, чтобы ты приревновал. Он даже пальцем не дотронулся до меня.

— Это правда?

У него был такой неожиданно низкий голос, что я не мог взять в толк, откуда он исходит.

— Вы не трогали ее, Холман?

— Нет, конечно, — ответил я. — Что вы скажете относительно выпивки?

Я первым прошел в гостиную и занялся напитками. Фреда плюхнулась на кушетку, расчесала пальцами волосы и отбросила их назад, так чтобы они покрыли ей спину. Улыбнувшись Стерну, она подмигнула:

— Я его уверила, что ты ловко владеешь перочинным ножом.

— Я? — Он был искренне шокирован. — Зачем было говорить ему такие нелепые вещи? Он ведь мог изувечить меня.

— Ты не знаешь собственной силы, Чарли-бой... — Ее голос на мгновение смягчился. — Вспомни, каким великолепно-м свингом ты угостил Леонарда Рейда.

— Ну-у, — он постарался напустить на себя скромность, — в тот момент он меня сильно разозлил.

— А я потом всю ночь вытаскивала осколки стекла у тебя на лице.

Она бросила на него любящий взгляд и похлопала по кушетке рядом с собой.

— Сядь рядом со мной, ястребок. Холман временами бывает несговорчивым.

— Что ты имеешь в виду? — сразу насторожился Чарли.

— Садись, и я тебе объясню.

Стерн сел, Фреда посмотрела в мою сторону.

— Чарли пьет ром с кока-колой, Холман.

— Может быть, ему захочется, чтобы я запел для него, пока буду смешивать напитки? — проворчал я.

— Почему ты сказала, что он несговорчивый? — повторил Чарли.

— Он говорит, что не перестанет работать на Леонарда Рейда.

— Деньги, — быстро произнес Стерн. — Сколько бы Рейд ни предлагал вам, я удваиваю сумму.

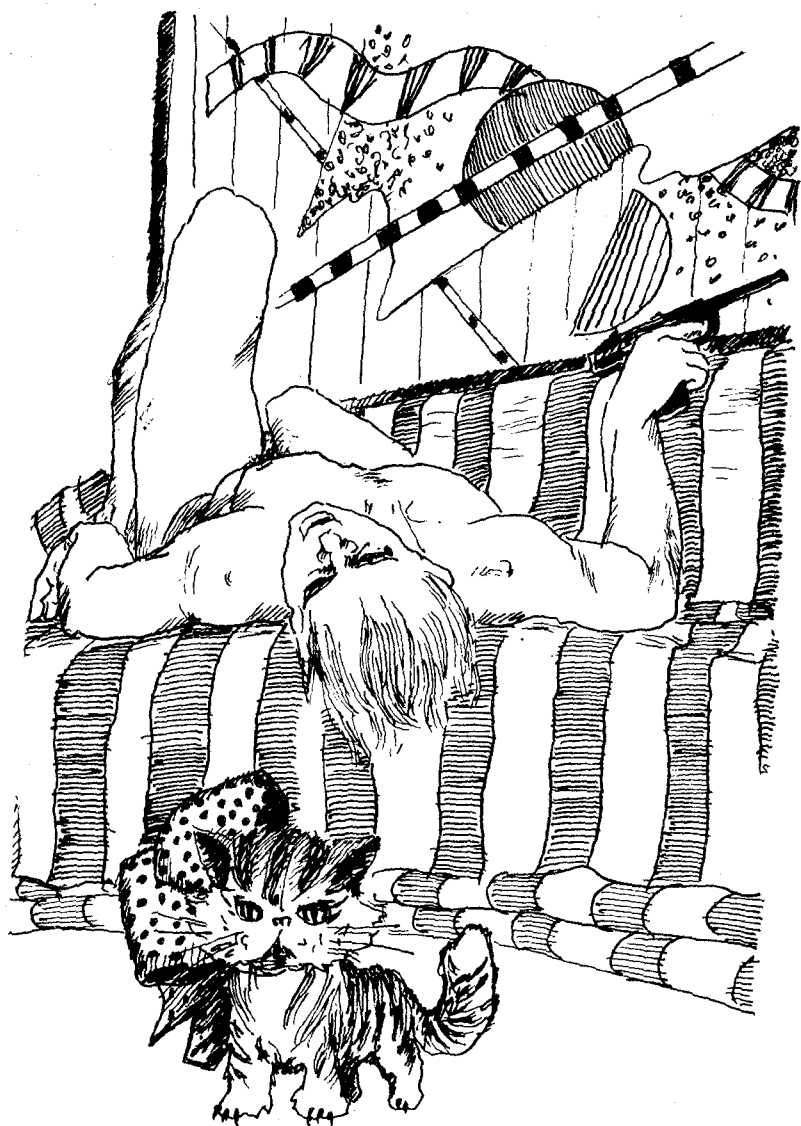
Я поставил бокалы на поднос, обслужил их как важных гостей, затем с бокалом уселся в кресло напротив кушетки.

— Вечер был каким-то сумасшедшим, — признался я. — Моя деловая этика не позволяет мне принять ваше предложение, мистер Стерн, но мне интересно знать, почему вы его сделали?

— Потому что Леонард Рейд самый настоящий сукин сын, — не раздумывая ответил он. — Единственное, что я прошу у вас, это дать ему возможность получить то, что он заслужил.

— Клайв Иордан либо покончил с собой, либо был убит, — сказал я. — В любом случае кто-то пытался вовлечь в эту историю Леонарда Рейда, подбросив в квартиру котенка, на шее которого была дарственная надпись — или как еще назвать?

— Если Иордан был убит, это дело рук Рейда, —

с уверенностью заявил Стерн.— Как раз похоже на него с его дьявольским умом, он бы сам подбросил и котенка.

— Я предпочитаю лично во всем разобраться,— покачал я головой,— так или иначе, но ведь я договаривался-то с Леонардом. Я не имею привычки подводить своих клиентов.

Голубые глаза несколько минут неодобрительно рассматривали меня.

— Ол-райт. Вы разговаривали с Айваном Оллсопом?

— Нет, а разве это необходимо?

— Убежден, что да, мистер Холман.

Он сделал глоток из своего стакана, потом взглянул на Фреду.

— Надень на себя остальное, мы едем домой.

— О'кей, но сначала я допью свой martini.— Она мрачно посмотрела на него.— Кому это, черт побери, ты тут приказываешь, а?

Он внимательно посмотрел на нее, затем тепло улыбнулся. Одновременно его свободная рука описала короткую дугу и влепила ей звонкую пощечину.

— Тебе,— ответил он спокойно.

Фреда замерла, на ее правой щеке запылало красное пятно.

— Очень сожалею, Чарли,— произнесла она совершенно нормальным голосом.— Я не знала, что ты говоришь серьезно.

Я с любопытством наблюдал за тем, как она поднялась с кушетки, поставила недопитый бокал на маленький столик, взяла свою юбку и принялась надевать ее.

«Возможно, это был просто какой-то бесконечно длинный ночной кошмар — стоит проснуться, и ничего нет,— подумал я с надеждой.— Или же я окончательно свихнулся и очнусь в смиренной рубашке?»

У Стерна между пальцами появилась какая-то длинная и тонкая сигара, он начал ее раскуривать. Закончив, он откинул назад голову, выпустил к потолку струйку дыма и наконец снова посмотрел на меня.

— Даже если полиция примет это за самоубийство, я совершенно убежден в убийстве. Я имею в виду следующее: если даже Рейд не убивал несчастного молодого человека сам, он, несомненно, уговорил его наложить на себя руки.

— Это всего лишь ваше предположение.

— Нет!

Он решительно покачал головой.

— В известной степени это вина бедняги Лестера Андерсена. С него установилась как бы определенная модель поведения, понимаете?

— Нет.

Собственный язык показался мне тяжелым и неповоротливым, он меня определенно не слушался. Я уже не говорил, а невнятно бормотал.

— Что вы имеете в виду?

— Раз тогда он довел парня до самоубийства, то в будущем меньшее не удовлетворило бы самолюбие Рейда.

Стерн убежденно покачал головой.

— Шизофреническая мания величия, это ясно. Он параноик.

— Андерсен покончил с собой,— медленно произнес я, обрадовавшись тому, что снова обрел контроль над своими губами и языком,— и поэтому вы говорите, что Иордан ДОЛЖЕН БЫЛ поступить точно так же? Поскольку они оба были...

— Приятелями Рейда? Конечно.

Чарли затянулся сигарой, поглядывая в мою сторону и излучая такую самоуверенность, что на какое-то мгновение показался мне даже выше ростом.

— Андерсен ушел от него. Но скоро обнаружил, что жизнь без Рейда настолько невыносима, что теряет всякий смысл. Это был прецедент. Так что когда Иордан тоже оставил Рейда, у него по существу не было никакого выбора. Он должен был покончить с собой. Или же его смерть должна была казаться самоубийством. В этом нет никаких сомнений, Холман. Если вы и дальше будете помогать Рейду, вы будете помогать убийце! Весьма изобретательному и, как я полагаю, ненормальному убийце!

Фреда одернула белый свитер, застегнула ремень.

— Я готова, Орел!

Стерн ткнул в нее сигарой.

— Можешь допить свой стакан. В данный момент я еще разговариваю с мистером Холманом.

— Ты хочешь сказать, что я разрешила тебе ударить себя без причины?

— Ничего подобного. Ты получила пощечину за то, что разгуливала в полуголом виде перед чужим человеком,— ответил он.

— Ты очень ревнивый, Чарли-бой.

Она опустила на кушетку рядом с ним и взяла свой стакан с маленького столика.

— Почему вы упомянули Айвана Оллсопа? — спросил я.

— Предпочитаю, чтобы вы разбирались в этом лично. Стоит с ним встретиться, и вы поймете, почему я ссылаюсь на него, — ответил Стерн. — Скажите ему, что я посоветовал вам побеседовать конфиденциально о Леонарде Рейде. Если и это вас не убедит, отправляйтесь к Герберту Волкеру.

— А он кто такой?

Сигара на несколько секунд замерла в руке Стерна.

— Человек с такой репутацией, как вы, мистер Холман, и вдруг не знаете, кто такой Герберт Волкер? Вы удивляете меня. Он один из самых влиятельных людей киноиндустрии сегодня.

Я внезапно сообразил:

— Рекламное предприятие?

— Общественные отношения, мистер Холман, — поправил он меня суровым тоном. — Это далеко не одно и то же. Просто упомяните мое имя, и Герберт будет говорить свободно.

Я попытался придумать что-нибудь колкое и язвительное в ответ, но закончил тем, что миролюбиво пробормотал:

— О'кей, я так и сделаю.

— Прекрасно.

Он поднялся и расправился на все свои шестьдесят с небольшим дюймов.

— В таком случае, я не стану вас дольше задерживать. Пошли, Фреда.

Укрошенная блондинка торопливо опустошила свой стакан и просунула руку ему под локоть.

— Я твоя девушка, Ястребиный Глаз.

Ее глаза насмешливо смотрели на меня.

— Благодарю, хотя благодарить-то не за что, Холман. Все было очень скучно.

— Веди себя пристойно, мое сердце, — строго произнес Стерн. — Сегодня за рулем Джон. Ведь тебе не хочется, чтобы я велел ему поучить тебя уму-разуму, когда мы вернемся домой?

Она неожиданно задрожала.

— Нет. Я очень сожалею, Орел.

— Ничего страшного. — Он нежно похлопал ее по руке. — Я уверен, что мистер Холман принял твои извинения.

Его улыбку можно было сравнить с животворным солнечным лучом, ласкающим мое лицо.

— Пожалуйста, не вставайте, мистер Холман. Мы сами

выберемся отсюда. Я также должен извиниться за это свирепое и, как я теперь понимаю, необоснованное нападение на вас. Боюсь, что каждый раз, когда я выхожу из себя, я не отдаю отчета в собственной силе. Надеюсь, я вас не сильно покалечил?

— Останусь в живых,— ответил я.

— Хорошо! В таком случае все между нами,— он самодовольно хохотнул,— в наилучшем виде.

— Полное взаимопонимание!

— Желаю спокойной ночи.

Помахав мне благосклонно своей сигарой, Стерн выпроводил Фреду из комнаты с такой осторожностью, будто она была стеклянной игрушкой. Через несколько секунд, услышав, как за ними закрылась входная дверь, я отнес к бару пустой стакан, бросил в него пару ледяных кубиков, затем налил до краев чистым бурбоном.

Часы показывали десять минут первого. После совершенно безумного вечера я удивился, что все еще не наступило утро.

— За тебя, Холман! — произнес я вслух и приподнял бокал.— Спокойной тебе ночи в наилучшем виде!

Бурбон проскочил как стакан воды, и я почувствовал, что мне нужно выпить по меньшей мере еще столько же для того, чтобы то, что скопилось у меня в голове, погрузилось в туман, как я этого хотел.

Поэтому я приготовил себе другой бокал по той же формуле, сократив количество кубиков льда до одного, и уже собрался разделаться и с ним, когда раздался дверной звонок.

На какое-то мгновение я подумал, что надо сунуть голову под кресло и оставаться в таком положении до тех пор, пока незваный посетитель не уйдет, но настойчивые звонки поколебали это намерение.

Я выпил вторую порцию, медленно подошел к входной двери и распахнул ее.

На крыльце стояла взбудораженная блондинка в шелковом шарфе, намотанном в форме тюрбана вокруг ее головы. Она все еще была одета в тельняшку, белый в тоненькую полосочку жакет и белые брюки. В правой руке у нее была зажата большая черная сумка. Ненормально голубые глаза помутнели и покраснели.

— Мистер Холман,— спросила она негромко,— могу ли я с вами поговорить?

— Почему бы и нет,— простонал я.— Полагаю, что вы такая же ненормальная, как и все остальные, так что я не

опасаюсь услышать от вас что-то разумное, требующее напряжения ума.

— Это почти не займет времени.

Она явно извинялась.

— Могу ли я войти в дом?

— Будьте моей гостьей.

Я отступил в сторону, когда она вошла в передний холл, затем закрыл дверь, прежде чем провести ее в гостиную.

— Почему бы вам не сесть, мисс Парнелл? — предложил я. — Я приготовлю вам что-нибудь выпить. Вот уже две минуты, как я ничего не пью, и чувствую в этом настоятельную потребность.

Я подошел к бару и поставил чистый стакан возле пустого.

— Что вы хотите выпить?

— Выпивка не потребует, мистер Холман!

Стальные нотки в ее голосе заставили меня быстро обернуться, и первое, что я увидел, это раскрытая черная сумка, валявшаяся на диване. Сама же Зон держала в руке пистолет 38-го калибра, направленный мне в грудь.

Пожалуй, больше всего меня поразило то, что дуло его не колебалось даже на долю миллиметра.

— Вы его убили! — произнесла она бесцветным голосом.

— Вы сошли с ума! — крикнул я.

— Ох, вы все это умно обставили, — продолжала она насмешливо. — Спрашивали, где можно найти Клайва, как будто и так не знали. А после прямоком отправились в Банго, чтобы установить свое алиби. Так что когда Фреда Паркин сказала, что отвезет вас к Клайву, у вас уже не было выбора, как только отправиться туда вместе с ней, не так ли? Только все это было пустой тратой времени, мистер Холман, потому что я собираюсь убить Леонарда Рейда, маньяка, придумавшего весь этот сценарий.

Пистолет в ее руке немного приподнялся.

— Но прежде я намерена убить его наемного убийцу!

Глава 5

Я вообще взял за правило не спорить с женщинами, потому что это ни к чему не приводит. Они не желают выслушивать никаких доводов, упрямо цепляясь за свою версию.

И, конечно, я никогда не стану спорить с женщиной,

когда она целится в меня из пистолета, потому что это может вывести ее из терпения. Когда женщина нервничает, она зачастую дергается, а в подобной ситуации исход может быть фатальным.

— Я вовсе не наемный убийца Рейда и не убивал Иордана, но...— заговорил я, как мне казалось, успокоительным тоном,— давайте не будем спорить на эту тему... Я вижу, что вы решились убить меня, поэтому я хочу высказать последнюю просьбу.

— Я не шучу, Холман.

Ее глаза сощурились.

— Не воображайте, что вам удастся провести меня. Это исключено.

— Традиционная последняя просьба,— повторил я.— Разрешите мне выпить свой бурбон, прежде чем вы застрелите меня.

Она задумалась на пару секунд, затем пожала плечами.

— Ол-райт, но не тяните.

— Спасибо.

Я взял стакан с бара и отпил глоток. Это был чистый бурбон с единственным кубиком льда, плавающим на поверхности.

— Осталась еще одна малюсенькая просьба,— произнес я извиняющимся тоном.— Вы не возражаете позаботиться о котенке, когда меня не будет?

— О котенке?

— Вон он спит на коврике.

Ее взгляд непроизвольно скользнул в указанном мной направлении, и я в то же мгновение выплеснул содержимое своего стакана ей в лицо. Она завопила от боли, когда неразбавленный алкоголь обжег ей глаза, но секундой позже грохнул выстрел. Пуля угодила в бутылку с бурбоном, точно в том направлении, где должен был стоять я, но я уже успел метнуться к ней.

Я обхватил ее за бедра, плечом толкнул в диафрагму, и мы оба свалились на пол. Пистолет выпал у нее из руки, и я слышал, как он грохнулся на пол довольно далеко от нас, как мне показалось.

Судя по тому, как она боролась, я подумал, не организована ли школа восточных единоборств для писательниц. Она использовала ногти, как когти, чтобы расцарапать мне лицо, затем попыталась протиснуть колено мне между ног, а когда из этого ничего не вышло, вонзилась зубами в мое горло.

Я подумал, что тут не время быть джентльменом, если, конечно, я не желал остаться калекой на всю жизнь.

В конце концов мне удалось обхватить ее талию, я сорвал с нее шарф, вцепился ей в волосы и принялся колотить головой об пол. Кажется, после четвертого удара глаза у нее закатились, и она потеряла интерес к борьбе. На всякий случай я ударил ее еще разок и устало поднялся на ноги. Она продолжала лежать неподвижно, как боксер в нокауте, словно ожидая, что я стану считать до десяти.

Я нашел пистолет и бросил его в ведро со льдом. На дне ведерка скопилось достаточно воды, чтобы оружие моментально стало безвредным, решил я.

Когда я снова подошел к ней, она по-прежнему лежала на ковре, но глаза у нее постепенно приходили в норму. Я ухватил ее за край жакета и поволок к кушетке. Пуговицы неожиданно оторвались, и жакет распахнулся. Я засомневался, что крошечный бюстгальтер из черных кружев выдержит ее груз, поэтому запустил пальцы за поясok ее брюк и продолжал таким образом транспортировку по полу. Когда мы добрались до кушетки и я уже приподнял ее, чтобы уложить, у нее на брюках расстегнулась молния, у меня в руках оказался всего лишь кусочек белой ткани, а она полетела на пол.

При падении ее голова откинулась назад, она инстинктивно подложила под нее руки, а ноги подогнула под себя.

Одно могу сказать: если когда-нибудь мне придется менять профессию, дамского костюмера из меня не получится!

Поскольку от ее брюк оторвалась застежка, произошло неизбежное: они плавно спустились ей на колени, сама же она, не удержавшись на кушетке, свалилась на пол, издав при этом какой-то всхлипывающий звук, и принялась неистово дергать ногами. Естественно, от этого она окончательно запуталась в своих брюках.

Все-таки я решил ей помочь, поэтому удержал ее ноги, скинул с них сначала туфли, а потом и проклятые брюки, которые отшвырнул подальше.

Несколько секунд она неподвижно лежала на спине, затем возобновились какие-то kloкочущие звуки в ее горле, ноги же заколотили с удвоенной энергией.

Самым правильным было оставить Зон Парнелл на некоторое время в покое. Я прошел к бару, приготовил себе питье, выпил, потом повернулся к ней.

Теперь она снова была на ногах. Немного пошатываясь, она все же ухитрилась держаться прямо. Ее волосы выгля-

дели так, будто летучие мыши избрали их для своего гнезда и затем внезапно покинули его. Глаза у нее были налиты кровью то ли от алкоголя, то ли от бушевавшей в ней ярости. Одежда выглядела, мягко говоря, несколько странной: распахнутый жакет не скрывал черного бюстгальтера и таких же кружевных трусиков. Вообще-то она походила на исполнительницу стриптиза, которая была захвачена ураганом тут же на сцене.

— Сначала, — заговорила она, — вы меня едва не ослепили, затем попытались убить, вышибив у меня мозги об пол. После этого вы сорвали с меня большую часть одежды.

Она с шумом втянула в себя воздух.

— Убедена, что вы не изнасиловали меня только потому, что у вас не хватило на это сил!

— А не естественно ли предположить, что в таком виде вы едва ли способны пробудить в ком-то желание? — отпарировал я.

Она собиралась что-то крикнуть, но не нашла слов от негодования, я же продолжал спокойным тоном:

— Вы бы разнесли мне голову выстрелом практически в упор, если бы я во время не нагнул. Вам не нужно было никаких доказательств того, что я убил Иордана. Вы просто решили своим маниакальным умишком, что это дело моих рук. Ну и задумали меня убить. Мне следовало бы сдать вас в полицию за попытку убийства. Причем с вашей стороны это было бы преднамеренное убийство.

— Ха! — Она снова шумно вздохнула. — Вы не посмеете, Рик Холман.

Мы смотрели друг на друга, потом я ей подмигнул.

— После того, что мы только что вместе пережили, Зон, вам не кажется, что вам следует называть меня просто Риком?

— Я... — Она неохотно усмехнулась в ответ. — Полагаю, да, Рик.

Она подняла руки, чтобы привести в порядок свои волосы, на лице у нее появилось страдальческое выражение, когда она нащупала у себя на голове настоящее воронье гнездо.

— У меня, должно быть, ужасный вид?

— Как будто вы только что закончили недельную оргию с матросами разбитого судна на необитаемом острове! — согласился я. — Как в отношении выпивки?

— Покрепче.

Она плюхнулась на кушетку.

— Мне необходимо восстановить силы, прежде чем я смогу сделать хоть что-то. Скажем, для того, чтобы одеться.

Я приготовил ей точно такой же стакан, как и себе, и отнес к кушетке. Она буквально выхватила его у меня из рук и выпила с такой жадностью, словно это был лимонад.

— Кто вам сказал, что Иордан умер?

— Пару часов назад мне позвонила Фреда и рассказала обо всем, что случилось.— Ее голос понизился до шепота.— Фреда — моя подруга.

— Рад, что вы об этом сообщили,— ответил я.— Я что-то запутался во взаимоотношениях участников данного дела. Леонард подтвердил правильность вашего рассказа о том, что вы служили ширмой, чтобы замаскировать его отношения с Иорданом.

— Да? — Было похоже, что она не слишком заинтересована.— Вы не против того, чтобы я воспользовалась вашей ванной и немного привела себя в порядок?

— Позднее,— ответил я.— А сейчас вы можете разобраться в некоторых связях. Леонард сказал, что встретился с вами на вечеринке у Айвана Оллсопа. Верно?

— Да. Там был также Клайв, фактически он и интересовал Рейда. Но чтобы заполучить его, он должен был смириться также с моим присутствием в доме.

— Почему?

— Клайв был моим двоюродным братом,— пояснила она,— мы вместе росли и в детстве были очень дружны. Пару лет назад он поехал на Побережье, чтобы добиться славы и состояния как актер. Мне следовало понять, что его хвастливые письма — самое настоящее вранье, но я им верила. И вот несколько месяцев назад я решила, что мне тоже надо приехать сюда и подивиться на блестящий мир Голливуда. Я не предупредила Клайва о своем приезде — хотела сделать ему сюрприз.

Она коротко рассмеялась.

— Сюрприз и правда получился, когда я вошла в эту убогую комнатенку и поняла, что он типичный неудачник... фактически нищий.

— Но вы с ним остались?

— А что было делать еще? Все, что у меня имелось, я потратила на билет в самолет. Самые радужные иллюзии привели меня сюда: я вообразила, что Клайв поддержит меня материально, пока я не закончу свою книгу. Над ней я уже давно работаю. Но мои планы рухнули...

Вечеринка у Оллсопов состоялась через несколько дней

после моего приезда. Полагаю, я давно уже догадывалась, что Клайв был гомосексуалистом, но я заставляла себя никогда об этом не думать. Легче жить, ничего не зная определенно. Раз не знаю — значит этого и нет...

Когда он рассказал мне о предложении Рейда, правда явилась мне как ужасное потрясение. Наверное потому, что впервые я столкнулась с такой грубой реальностью. Я спорила с ним, уговаривала не перебираться к Рейду, но он уже все решил для себя. Кончилось тем, что я согласилась поехать с Клайвом жить в доме Рейда. Во всяком случае, я могла бы там присматривать за братом.

— А Рейд избавил вас от необходимости зарабатывать на жизнь, пока вы будете писать свою книгу,— добавил я. Она немного смутилась.

— Ну и это тоже, разумеется.

— Как случилось, что Фреда Паркин попала в ваши подруги?

— Вы слышали о том, что Рейд и Чарли Стерн ненавидят друг друга?

Я утвердительно кивнул.

— Рейд рассказывал об этом на следующий день после того, как у них произошла крупная ссора в ресторане, вот я и подумала, что с Фредой, возможно, стоит познакомиться. Союзник-женщина, которая, кто знает, не ненавидит ли Леонарда так же сильно, как я? Я позвонила ей, и через пару дней мы встретились. Ну и заключили союз.

— Почему вы так сильно ненавидите Рейда?

— За то, что он сделал с Клайвом.— В ее голосе зазвучали мрачные нотки.— Я уже говорила вам и раньше, что в натуре Рейда какая-то нездоровая тяга к уничтожению людей. Он постепенно разрушал Клайва как личность, я это ясно видела, но не могла остановить. Мне требовалась помощь, вот я и подумала, что Фреда сумеет что-то сделать. Только из этого ничего не получилось. Даже после того, как мне удалось уговорить Клайва уйти от Рейда.

Она допила свой бурбон и поставила пустой стакан на маленький столик.

— Возможно, уже не существовало способа избавить Клайва от него. Наверное, у него было не больше шансов, чем у Лестера Андерсена.

— Ну что же, пошли дальше. Вот что я хочу еще выяснить,— произнес я задумчиво.— Вы считаете, что если это убийство, то убил его Рейд. Если же самоубийство, то Рейд довел его до этого.

— Я убеждена, что Клайв не покончил с собой! —

с уверенностью произнесла она. — Он был не из тех людей, которые способны на такой шаг. Сначала я предполагала, что Рейд нанял вас, чтобы вы застрелили его, как вам известно.

Она смущенно усмехнулась.

— Очевидно, у меня в голове все перемешалось, и я на самом деле так подумала. Но все равно я до сих пор убеждена, что Клайва убил Леонард Рейд.

— Если он это сделал, он должен быть ненормальным.

— Он и есть ненормальный! — бросила она. — Тут нет никакого сомнения. Коли вам нужны доказательства, поживите с ним вместе под одной крышей несколько недель, как я.

— Что вы скажете про Чарли Стерна?

— Я с ним ни разу не встречалась.

У меня началась головная боль.

— Ванная комната вниз по этой лестнице и направо, — сказал я. — Я приготовлю нам по новому бокалу, пока вы приведете себя в порядок.

— Прекрасно.

Она взяла свою сумочку и брюки и вышла.

Я смешал два бокала и, поставив их на маленький столик, откинулся в кресле.

Было похоже, что Зон Парнелл искренне убеждена в том, что Леонард Рейд ненормальный, больной манией «уничтожать людей», как она выразилась. Чарли Стерн тоже считал его сумасшедшим. «Параноик с шизофренической манией величия».

Но я ни на минуту не забывал, что у них обоих были веские причины ненавидеть его.

Ну а как сюда вписывается проклятый котенок с лентой вокруг шеи? Если бы Рейд убил Клайва, неужели же он свалил дурака и подбросил туда котенка, который прямо указывал на него? Немного подумав, я решил, что это возможно.

Голова болела все сильнее, и не только от выпитого, но и от мучительных размышлений о том, как искусно Рейд поймал меня в свои сети. Я не хотел принимать участия в этой грязной истории, но он повернул дело таким образом, что я стал бы выглядеть трусом, покинувшим его в тяжелую минуту. У меня до сих пор звучал в ушах его вкрадчивый голос: «Допустив, что Клайв был бы молодой особой, а не молодым человеком? Тогда у вас на совести тоже была бы серьезная моральная проблема?»

А после этого он аккуратненько затянул петлю у меня

на шее, сказав, что, если я хочу ретироваться, он не станет жаловаться.

Подобные раздумья не облегчили мне головную боль, поэтому я махнул на все рукой и поднял очередной стаканчик.

Зон вернулась в гостиную и бросила свою сумочку, жакет и брюки на ближайший стул. Ее волосы теперь были убраны с одной половины лица и падали на плечо золотистым каскадом. Она постояла неподвижно пару секунд, чтобы я имел возможность хорошенько разглядеть ее полуголое тело. Затем она медленно подошла к кушетке, села рядом со мной и взяла в руки свой стакан.

— Вы-таки поработали над моей одеждой,— сказала она весело.— На жакете ни одной пуговицы, молния не действует. Вот почему я и решила, что уж лучше быть откровенно раздетой, нежели разгуливать в незастегнутом жакете и спадающих брюках.

— Такое тело, как у вас, грех скрывать под одеждой! — воскликнул я.

— Оригинальная линия диалога!

Лицо у нее посерьезнело.

— Я должна принести вам извинения, Рик. Вообще-то я не собиралась вас убивать. Размахивала пистолетом с глупым намерением напугать вас так сильно, чтобы признание в убийстве Клайва осталось для вас единственным выходом. Но когда вы плеснули мне в лицо спиртным, я совершенно машинально нажала на курок. Естественная реакция. Очень рада, что вы успели вовремя нагнуться.

— Я тоже,— ответил я искренне.— И почему бы нам об этом не забыть?

Я поднял свой стакан.

— Давайте-ка лучше выпьем за длительную дружбу.

— Ну что же, согласна.

— А теперь, когда одежда вас явно подвела, почему бы вам не остаться на ночь? — спросил я.

Ее голубые глаза без издевки посмотрели на меня.

— Вы имеете в виду что-то особенное?..

— Хотелось бы доказать, что у меня на это хватит силенок,— подмигнул я ей, поставив пустой стакан на столик.

Это было ошибкой.

Чтобы избавиться от стакана, мне пришлось перегнуться через ее ноги, так что моя голова оказалась на уровне ее груди. В тот момент, когда я опускал на крышку столика стакан, она изо всей силы ударила меня локтем по шее.

Я мешком свалился на пол, не сообразив сразу, что к чему, но тут она ударом ноги под ребра перевернула меня на спину.

И встала надо мной с презрительной усмешкой.

— У вас все еще не хватает на это силенок! — фыркнула она. — Садитесь, пока я вас действительно не отделала как следует.

Я приподнялся с пола, но тут она ударила меня коленом по животу. Естественно, в следующее мгновение я снова оказался на полу, а неистовая амазонка склонилась надо мной. Я смотрел на нее сквозь красный туман и серьезно подумывал о том, чтобы удушить ее.

— Довольно глупо, — заявила она все тем же издевательским тоном. — Я хочу сказать: жалкий цыпленок воображает из себя грозного волка. Вроде у вас совершенно нет никаких данных, чтобы хорохориться.

Честное слово, собственными ушами я услышал, как у меня закипела кровь от злости, но мне пришлось пару секунд подождать, пока не рассеется туман перед глазами, чтобы я смог снова видеть. Тогда я схватил ее за ближайшую коленку и дернул на себя. Она упала навзничь на кушетку. Воспользовавшись этим, я поднялся с пола на ноги, позабыв про то, как легко рвется одежда.

Вот тут и раздался характерный звук лопнувшей ткани, в руках у меня оказались кусочки бретелек, а неожиданное отсутствие сопротивления на мгновение лишило меня устойчивости.

Но и этого было достаточно, чтобы Зон ударила меня высоким каблуком своей туфли в живот, причем снова в то же самое место, что и в прошлый раз. И, пожалуйста, я снова был на полу.

Поднимаясь, я услышал чье-то невнятное бормотание, но не сразу сообразил, что это мой собственный голос.

Она приближалась ко мне от кушетки, наклонившись, как будто собиралась прыгнуть на меня, глаза у нее сверкали, правая рука была готова обрушиться на меня и ударить ребром ладони.

Я благоразумно отодвинулся в сторону, так что Зон проскочила мимо, испустив при этом громкий вопль: она поняла, что пришло время расплаты. Она грохнулась на пол, не удержавшись в своем порыве, и осталась там лежать. Долго не размышляя, я схватил ее за поясик мини-трусиков, поднял вверх на несколько дюймов от пола, но тут лопнула резинка. Трусики повисли наподобие перед-

ника, сама же она упала на четвереньки, повернувшись ко мне круглыми ягодицами.

Соблазн был слишком велик, я не удержался и больно отшлепал ее по задку, хлопая попеременно то по правой, то по левой половине. Увидев два огромных пятна на розово-белых полушариях, я почувствовал себя значительно лучше, но тут сообразил, что Зон даже не пискнула.

Черт возьми, с кем это я имел дело? Или она была когда-то стойком?

После этого я запустил руки ей в волосы и таким образом поставил на ноги. Черные трусики с шуршанием сползли вниз, на мгновение задержавшись на коленках.

Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы убедиться: Зон вовсе не стойка, просто она все еще не пришла в себя после своего сокрушительного падения. Стоило мне ее выпустить, как ноги у нее подкосились, и она едва не свалилась на пол. Я автоматически подхватил ее, и она повисла на мне. Потом, тяжело вздохнув, она обхватила мою шею руками.

— Я просто хотела проверить, что вы не относитесь к категории людей вроде Рейда. Теперь, когда я в этом убедилась, я выражаю свои сожаления.

Ее твердые груди тесно прижались к моей груди. Я опустил руки и обхватил ее ягодицы, притягивая ее еще ближе к себе. Ее губы искали моих.

— Я полностью за секс и за любовь,— усмехнулась она.— Надеюсь, у тебя в доме найдется пара больших мягких подушек, Рик? В противном случае нам придется заниматься любовью стоя.

— Ты хочешь сказать, что существуют другие способы? — спросил я с самым невинным видом.

Глава 6

Айван Оллсоп казался олицетворением безукоризненного английского джентльмена, когда он стоял возле окна, взирая на свои зеленые лужайки, заросли цветущего кустарника и зеркальную поверхность пруда. Позднее утреннее солнце высвечивало аристократическое лицо с высоким лбом и тонким прямым носом. Айван провел пальцами по своим блестящим каштановым волосам, не задумываясь о том, что нарушил эффектную волну.

— Бедный Клайв,— произнес он красивым глубоким

голосом, четко произнося каждый звук.— Понимаете, нам всем его не хватает.

Он повернулся ко мне. Его глубоко посаженные глаза серого цвета выражали не то ласку, не то сострадание.

— Как я понял, вы в последнее время с ним не встречались, мистер Холман?

— Нет,— ответил я.— Чарли Стерн посоветовал мне потолковать с вами о Леонарде Рейде. Как я понимаю, Иордан тоже не будет обойден в нашей беседе.

— Чарли позвонил мне вчера среди ночи и предупредил о вашем визите.

Он слегка усмехнулся.

— Друг Чарли и мой друг, мистер Холман. Мы можем поговорить на террасе? Я всегда стараюсь получать свою норму ультрафиолетовых и инфракрасных лучей, когда не работаю. Мое представление об аде — это студия, где круглосуточно горят лампы дневного света. Мне просто необходимо естественное освещение в качестве противоядия.

Я прошел следом за ним на террасу, где он сразу же расстегнул свою рубашку, оголив стройный торс атлета. Усевшись в шезлонг, он предложил мне занять точно такой же. Появился слуга-японец с подносом, на котором стояли два высоких бокала с жидкостью янтарного цвета. После того как слуга поставил поднос и снова исчез в доме, я вопросительно посмотрел на Оллсопа.

— Этот напиток я узнал в Чикаго,— объяснил он.— Они называют его «Улыбкой губернатора». Лично мне очень нравится, в особенности к завтраку. Апельсиновый сок, мед, ну и три унции джина. Нужно добавить, конечно, льда или мороженого. Пока я еще не определил, как вкуснее, но этот коктейль я считаю воистину лечебным.

— Поразительный вкус,— согласился я через несколько секунд.

— Вы со мной согласны?

Он был доволен.

— Мне сейчас было необходимо что-то такое, что помогло бы снять напряжение. Утро было воистину драматическим: полиция, а к тому же еще телефонный разговор с Леонардом, который показался мне смертельно перепуганным.

— Полиция?..

— Мой дорогой!

Он был весь сочувствие.

— Вы же знали, что беднягу Клайва убили?

— Нет,— коротко ответил я.

— Полиция сначала известила Леонарда, потом они отправились ко мне. Предполагаю, что Леонард наговорил им кучу всяких глупостей. Но все же...

Он понимающе пожал плечами.

— Полагаю, что бедняга был смертельно напуган. Лейтенант, казалось, утратил всякий интерес, когда я сообщил ему, что не видел Клайва несколько недель, точнее, с того самого вечера, когда он решил перебраться на более зеленые пастбища.

— Когда он перебрался к Рейду?

— Совершенно верно.

Он рассеянно улыбнулся.

— Я попытался предоставить ему здесь все удобства, но он не пожелал остаться. Возможно, бассейн был не той формы и оскорбил его эстетические вкусы. Всегда бывает необычайно сложно разобраться в подобных вещах.

Он выпил свой коктейль и поставил бокал на столик, стоявший между нами.

— Человек, убивший беднягу Клайва, как сказал мне лейтенант, пытался придать случившемуся вид самоубийства. Только не все было продумано до конца. Я не смог им толком помочь, но лейтенант, казалось, был весьма доволен, когда я упомянул о двоюродной сестре Клайва, девице по имени Зон Парнелл. Леонард, очевидно, про нее совершенно забыл. Вполне понятно. Я хочу сказать, он был безумно расстроен, когда говорил со мной по телефону после этого. В конце-то концов девица все время жила в его доме, пока Клайв был там.

— Вы считаете, что Рейд убил Клайва? — спросил я напрямик.

— Мой дорогой...

Он расстроился от моего вопроса.

— Нет, конечно. Ох, я слышал потрясающую теорию Чарли Стерна о Леонарде и о его мании величия, но я этому не верю. Я не сомневаюсь, что в приступе гнева он способен убить кого угодно, потому что не осознает свою собственную силу, но я убежден, что он не способен на хладнокровное убийство. Это не в характере Леонарда.

— Знали ли вы Лестера Андерсена, того типа, который покончил с собой?

— Да, знал. Симпатичный парень, но чуточку неуравновешенный. Я всегда так считал. Это тоже является частью теории Чарли, верно?

Он беспечно рассмеялся.

— Должен сказать, когда дело доходит до фантазий и, так сказать, «плодов воображения», с Чарли едва ли кто может поспорить. Но, признаться, сам Чарли, по моему глубокому убеждению, является фантазером. Он ведет жизнь какого-то лорда, владетельного феодала XV века, представляете? Когда он устал от своих владений и приобретений, он начал коллекционировать людей. Мне это кажется весьма примечательным в наше время, в наш век, когда все стало таким скучным и приглаженным, не так ли?

— Как прикажете вас понимать? Как это он владеет людьми?

— Вы не знакомы с его слугой Джоном?

Он выждал, пока я отрицательно не покачал головой.

— Несомненно, все дело в его опытности в этом плане. Джон ростом в семь футов, сложением — настоящая горилла. Он всегда поручает Джону осуществлять «дисциплинирующие меры». Я думаю, единственная причина, почему Чарли не направил Джона за Леонардом во время инцидента в ресторане, заключается в том, что Чарли опасался, как бы Леонард не одержал верх.

Я допил остатки коктейля, затем закурил сигарету. Если Оллсоп и намеревался мне что-то сообщить, подумал я, то пройдет, очевидно, немало времени, прежде чем я соображу, что это.

— То, что я пытаюсь объяснить,— сказал он, будто прочитав мои мысли,— сводится вот к чему: есть все основания и самого Чарли характеризовать как параноика с манией величия. Поэтому нельзя принимать всерьез его выводы в отношении Леонарда Рейда. Но, с другой стороны, их нельзя полностью игнорировать. Он слишком опасный тип, чтобы с ним не считаться.

— Тот, кто убил Иордана, очевидно, пытается сфабриковать обвинение Рейда в этом преступлении,— сказал я.— Как вам кажется, Стерн на такое способен?

— Мой дорогой,— теперь его улыбка была снисходительной,— Чарли способен абсолютно на все! Он ненавидит Леонарда после того испанского фиаско, которое ему обошлось в целое состояние, а потом еще Леонард ухитрился выбросить его из окна ресторана. Я бы сказал, что у Чарли имеется весьма серьезный мотив инсценировать, вернее сказать, организовать данное убийство и свалить вину на Леонарда.

Умные серые глаза чуть подмигнули мне.

— Полагаю, я обязан добавить, что у меня тоже имеется веский мотив сделать то же самое. Леонард отнял

у меня Клайва, а тот был моим близким другом. Это был уже второй аналогичный поступок Леонарда. Два подряд — многовато, не так ли? Вы со мной согласны?

— Кто был первым?

— Вы не удивитесь, если я назову Лестера Андерсена?

— Да нет, пожалуй.

— Признания из сумеречного мира...

Он пожал плечами, выражая таким образом свое не-удовольствие.

— Вся беда в том, что Леонард последнее время стал вести себя слишком уж вызывающе, его гомосексуальность получила дурную огласку. Все же нельзя пренебрегать общественным мнением, необходимо соблюдать известные приличия.

Неизвестно откуда снова появился японец-слуга. Оллсоп посмотрел на меня.

— Не хотите ли еще бокал коктейля?

— Нет, спасибо, — ответил я.

— Пожалуй, я тоже воздержусь, — заявил он слуге, потом снова вопросительно посмотрел на меня.

— Рассуждая о мотивах, задумывались ли вы о сестре Клайва, мисс Парнелл?

— А у нее имеется мотив?

Очевидно в этот день мне было суждено играть роль недалекого парня.

— Ну, я думаю, что да.

Его голос зазвенел:

— Вам известно, что она перебралась в дом Леонарда вместе с Клайвом? Чтобы попытаться его охранять и защищать от дурного влияния, так говорит она, но я думаю, чтобы жить за его счет. Так или иначе, но она все время действовала на нервы Леонарду, пока он не вышел из себя и не причинил ей какую-то крупную неприятность. Так мне сообщил Клайв, но не стал посвящать в подробности. С того времени она возненавидела не только Леонарда, но и своего кузена за то, что тот допустил такое надругательство над ней...

Вот я и считаю вполне вероятным, что она могла отомстить, убив Клайва и попытавшись обставить все таким образом, чтобы за это преступление в газовую камеру угодил Леонард.

— Вы не слишком любите женщин, не так ли, мистер Оллсоп? — хмыкнул я.

— Я их совсем не люблю.

Он весело рассмеялся.

— Мой дорогой, я думал, что это совершенно очевидно!
— Когда Клайв Иордан сообщил вам о случившемся с Парнелл?

— Сразу же после того, как они уехали от Леонарда. Однажды вечером он заявился сюда и слезно жаловался мне на все свои неудачи. Это было невыносимо. Под конец, когда мое терпение подходило к концу, он спросил меня, не может ли он возвратиться ко мне. Он просто не мог взять в толк, что раз дело закончилось, то оно закончилось. В свой след не ступают. Когда я ему объяснил, что он ушел от меня по собственному желанию, он страшно оскорбился, повысил голос, так что мне пришлось посоветовать ему не забываться. Вообще-то Клайв всегда был эмоционален!

— Что вы скажете про Лестера Андерсена?

— Тот был совсем другим. Я не переживал из-за того, что он ушел от меня, потому что у него появилось вполне определенное отношение к Леонарду. Вы меня понимаете? И когда Леонард под конец от него устал, для несчастного Лестера это оказалось полным крахом.

— Я считал, что все было наоборот. Разве не Андерсен устал от Леонарда?

— Ну, Рейд, несомненно, преподнес ситуацию в таком виде.— Он отбросил со лба волосы.— Я-то слышал все по-другому.

— Полицейский лейтенант не сообщил вам никаких подробностей об убийстве?

— Очевидно, убийца постарался придать случившемуся вид самоубийства. Совершенно голый Клайв лежал на кушетке с пистолетом в руке. Сначала, сказал лейтенант, они подумали, что он застрелился. Потом кое-что проверили и засомневались. Клайв не оставил никакой записки. Он только что принял душ, вся его одежда была аккуратно сложена и приготовлена для того, чтобы одеться. Это казалось нелогичным. К тому же на пистолете обнаружена всего лишь одна партия следов, Клайва. Так что пистолет был тщательно протерт до того, как он схватил его. Вскрытие подтвердило, что в желудке Клайва обнаружено достаточно гиосцина, чтобы стимулировать у него состояние комы.

— Выходит, убийца застрелил его в то время, как он лежал в бессознательном состоянии,— сказал я.— Он тщательно протер оружие и затем вложил его в руку Клайва. Он даже не подумал о вскрытии, которое непременно должно было обнаружить гиосцин. Так что он либо без-

мозглый или хочет казаться безмозглым, намеренно сводя на нет свои старания выдать убийство за самоубийство.

— Совершенно верно,— равнодушно согласился со мной Оллсоп.— Время смерти определено: где-то между восемью и девятью вечера. Лейтенант вежливо осведомился, где я провел вечер. Я был здесь, но, к несчастью, мой слуга использовал свой выходной, так что полиции пришлось поверить мне на слово.

Лейтенант сказал, что, кстати, и у Леонарда нет никакого алиби и мы оба его разочаровали: ведь он считал, что известные кинозвезды постоянно окружены публикой. Весьма забавно!

Слушая его, я быстро произвел собственные подсчеты. Я ушел от Зон Парнелл за несколько минут до восьми. Она, очевидно, позвонила Фреде Паркин сразу же после этого и велела встретиться со мной в Банго-баре. Так что у Зон тоже нет алиби. Интересно знать, имеется ли таковое у Чарли Стерна? Вот у Фреды — железное. Я могу подтвердить, что мы с ней находились в баре в то время, когда Иордан был убит.

— Мне думается, едва ли я смогу вам еще что-то сообщить, мистер Холман.

Он вежливо зевнул.

— Если только у вас нет ко мне больше вопросов. Я бы не хотел, чтобы у Чарли сложилось мнение, будто я был невнимателен к человеку, которому он покровительствует.

— Пока,— заговорил я,— вы автоматически предположили, что единственной причиной убийства Иордана было намерение преступника свалить вину на Леонарда Рейда. Известен ли вам человек, у которого есть основания желать смерти Клайва Иордана?

— Двое отвергнутых любовников,— ответил он, не колеблясь.— Леонард и я.

Потом он откинул голову назад и рассмеялся.

— Сожалею,— извинился он несколькими секундами позднее,— но до чего же забавно наблюдать за потрясенными лицами слушателей, когда употребляешь столь знакомые термины в несколько ином контексте.

Я слегка приподнял брови.

— Ну что же, благодарю вас за то, что вы уделите мне столько времени.

— Прежде чем вы уйдете,— быстро заговорил он,— могу ли я задать вам один вопрос, мистер Холман? Чарли сказал мне, что вы договорились с Леонардом таким обра-

зом: если ваши расследования покажут, что он виновен, вы не станете его покрывать. Это верно?

Я кивнул. Он довольно улыбнулся.

— В таком случае, я бы хотел завтра пригласить вас на вечеринку. Будет что-то вроде поминок перед погребением Клайва. Все, кто вас интересуют, будут здесь. Полагаю, вам любопытно понаблюдать за ними?

— Хорошо, — сказал я. — В котором часу?

— Около девяти. Ничего формального, мой дорогой, так что оденьтесь во что-то посвободнее и приезжайте.

Слуга-японец ожидал меня в доме, чтобы проводить к выходу. Я сел в машину и медленно поехал по богатому поместью Сел-Фар. Дул свежий ветерок. Я размышлял. Я был удручен, что судьба столкнула меня со сборищем таких типов. Стоит мне теперь увидеть где-то кошку, и в ушах у меня моментально раздастся зычный голос Леонарда: «Маусикинз, оставь в покое свою мамашу!»

Ровно в полдень я установил машину на обочине и вошел в офис Герберта Волкера и компаньонов.

Помещение было обставлено в довольно-таки пестром стиле, говорящем о том, что они демократичны в своих вкусах и воззрениях, однако являются серьезным заведением.

Даже секретарша в приемной выглядела одновременно и немного легкомысленной и серьезной. Ее короткие волосы походили на аккуратную сверкающую шапочку. Широкая улыбка демонстрировала великолепные зубы, а большие голубые глаза знали, на чем сфокусировать внимание. Ее платье-рубашка из синего шелка завязывалось бантом на шее и красиво драпировалось вокруг высокой груди. К сожалению, нижняя половина ее фигуры была скрыта солидным письменным столом.

— Не могу ли я вам помочь?

В ее голосе проскальзывали нотки приглушенной интимности, которые все хорошие секретарши вырабатывают у себя одним только им известным способом.

Я протянул ей свою карточку и сказал:

— Я хотел бы видеть мистера Волкера.

— Он договаривался с вами о встрече, мистер Холман?

— Если вы сообщите ему, что Чарли Стерн считает крайне важным, чтобы я с ним побеседовал, тогда, возможно, мистер Волкер подтвердит, что такая договоренность существует.

Какое-то мгновение она колебалась, потом взяла в руки трубку. А через десять секунд, одарив меня счастливой

улыбкой, сообщила, что мистер Волкер примет немедленно, третья дверь налево.

«Вот каково магическое действие имени Чарли Стерна», — подумал я, не испытывая при этом чувства триумфа.

Третья дверь налево открывалась в кабинет, достаточно просторный для того, чтобы разместить целую бейсбольную команду, но в нем едва-едва хватало места для одного Герберта Волкера.

Можно было с уверенностью заявить, что он перешагнул вес в двести пятьдесят фунтов, и большую часть составлял жир. Его телеса выпирали отовсюду, но улыбка была строго деловой. Никакой интимности!

— Садитесь, мистер Холман! — обратился он ко мне неожиданно радушным голосом. — У меня уходит целых пять минут, чтобы выбраться из этого проклятого кресла, а мы деловые люди и не станем обращать внимание на такие пустяки, верно?

— Разумеется.

Я сел, глядя на него через стол.

— Чарли мне позвонил, что вы явитесь в скором времени.

Он погладил свою лысую голову, а проницательные глаза за стеклами очков внимательно изучали меня.

— Он сказал, что вы хотите поговорить о Леонарде Рейде.

— Не совсем так, — ответил я недовольным тоном. — Он сказал, что я смогу конфиденциально поговорить о Леонарде Рейде с Айваном Оллсопом, а если это не удовлетворит меня, тогда мне следует обратиться к Герберту Волкеру, цитирую его дословно: «Одному из самых влиятельных людей в киноиндустрии». Так вот, разговор с Оллсопом меня не удовлетворил.

Он развернул большую толстую сигару и долго ее раскуривал. Как я понял, это дало ему время подумать, и лениво соображал, зачем оно ему потребовалось. Золотая зажигалка выглядела немного вульгарно, но я одернул себя.

— Как вы понимаете, мистер Холман, я изложу вам лишь голые факты, как этого и просил Чарли Стерн, но, разумеется, строго конфиденциально.

На мгновение его профессиональная улыбка стала выглядеть вопросительным знаком.

— Никто в этом городе никогда не говорит с другим человеком о важных делах иначе, чем конфиденциально, так с чего бы мне нарушать это правило? — сказал я.

Так что совершенно спокойно изложите мне известные вам факты. Не сомневайтесь, даже под дулом пистолета, так сказать, я не пророню ни единого слова.

Волкер еще пару минут вглядывался в меня, потом, очевидно, решил, что никто не осмелится его подвести.

— Итак, приблизительно шесть месяцев назад Леонард Рейд явился к нам по вопросу собственной общественной информации и рекламы. Вы понимаете, мистер Холман, что мы не просто рекламное бюро, а нечто гораздо большее.

— Вы создаете сценический образ, затем — и это, как я понимаю, является самым сложным — сохраняете имидж в первоизданном состоянии, как бы оберегаете от порчи.

— Вы все прекрасно изложили.

Профессиональная улыбка на этот раз не имела никаких оттенков.

— Вижу, мы прекрасно понимаем друг друга, мистер Холман. Только с Леонардом Рейдом эта задача оказалась совершенно невыполнимой. Через три месяца мы отказали ему в наших услугах, и это был первый и единственный случай за шестнадцать лет существования нашей фирмы. Заключая договор с мистером Рейдом, мы отдавали себе отчет в том, что нам придется преодолеть в данном случае одну деликатную проблему... Вы меня понимаете?

— То, что он является махровым гомосексуалистом? Он одобрительно посмотрел на меня.

— Ну, я может быть не стал бы так резко выражаться, но вообще-то вы правы. Мы провели всестороннее, очень глубокое изучение личности Леонарда Рейда, а также его жизни и выяснили два основных факта. Он был исключительно преуспевающим человеком в общественной жизни, выдающимся киноактером с мировым именем, но его личная жизнь была чем-то невероятным. И не только это, у него была неразумная привычка делать свою личную жизнь общественным достоянием.

— Полностью согласен с вами и могу лишь добавить, что сказанное вами является весьма либеральной оценкой Леонарда Рейда.

— Поэтому мы разработали план, с помощью которого надеялись отучить его широко рекламировать все перипетии своей частной жизни на публике, а также предоставить публике более приятную картину его личной жизни.

Первая сложная проблема — объяснить, почему человек его возраста и положения ни разу не был женат. Один

из моих авторов сочинил великолепную историю об единственной великой любви в его жизни к девушке, которая трагически умерла от какого-то заболевания в возрасте двадцати двух лет. С тех пор он...

— Пожалуйста! — Я на мгновение закрыл глаза. — Опустите подробности, мистер Волкер, а то меня уже стало мутить.

— Мы даже уговорили Джуди Брган, нашу опытную очеркистку, статьи которой читают все кинолюбители, взять у него интервью.

Гора жира задрожала от неприятного воспоминания.

— Их встреча продолжалась всего десять минут. Она что-то ему сказала, в ответ он обозвал ее устаревшим отхожим местом, которому следовало бы стоять где-то на скотном дворе, а что касается ее очерков, то для них были изобретены такие эпитеты, что мисс Брган постеснялась их повторить.

— Итак, Леонард Рейд вел себя настолько возмутительно, что вы в конце концов аннулировали его счет, — подвел я итог. — Это все, что, по мнению Чарли, я должен был услышать от вас?

Волкер сильно затянулся сигарой и принялся массировать свой огромный подбородок, явно испытывая затруднение, потом неохотно решился.

— Полагаю, что он хочет, чтобы я рассказал вам про Гвен Андерсен. Именно она явилась причиной того, что мы аннулировали его счет.

— Гвен Андерсен?

Я почувствовал, как по спине у меня пробежал нервный ток.

— Она — родственница Лестера Андерсена, который покончил с собой шесть недель назад?

— Его сестра. Раз вы знаете про Лестера Андерсена, моя задача немного упрощается, мистер Холман. Он жил в доме у Рейда, а его сестра — она была на восемь лет старше его, старая дева со строгими моральными представлениями — услышала об этом. Поэтому она приехала повидаться с Лестером и уговорить прервать эту связь. Когда брат отказался, она настояла на том, чтобы встретиться с Рейдом. Он расхохотался ей, в лицо и велел катиться ко всем чертям из его дома. Она высказала ему все, что о нем думает. Уж не знаю, какие выражения она нашла, но только ее слова задели Рейда и он ударил ее.

Волкер покачал головой.

— Вы ведь знаете, какой крупный и сильный мужчина

Рейд, мистер Холман. А теперь представьте Гвен Андерсен — старую деву в возрасте тридцати одного года, невысокую, худенькую, слабенькую. Он ударил ее не один раз, а фактически избил. Андерсен, благодарение богу, позволил мне.

Когда мы поместили ее в частный санаторий, обследование показало, что у нее сломана челюсть в трех местах, переносица раздроблена, выбито шесть передних зубов. Один из них врезался ей в горло.

— Кошмар! — воскликнул я возмущенно. — Что же было потом, мистер Волкер?

— Брат уговорил ее не предпринимать ничего против Рейда. Ради него, говорил он. Она согласилась. Рейд оплатил все счета и за больницу, и за санаторий. Кроме того, она получила от него пятнадцать тысяч и подписала документ об окончательном урегулировании инцидента. Рейду чертовски повезло, иначе не скажешь, потому что она камня на камне не оставила бы от всего здания житейского процветания Рейда после того, как ее брат покончил с собой, ну а тут ее руки оказались связанными.

— Как она сейчас? В смысле здоровья? — спросил я.

— Хирурги потрудились на совесть, но, конечно, лицо у нее изменилось, да и дантистам было трудно создать удобный протез, учитывая перебитый нос.

Неожиданно он повысил голос:

— Я аннулировал его счет в тот же день, когда она пошла на примирение. И сказал Рейду, что в отношении его у меня осталось единственное желание: плюнуть на его могилу! После самоубийства Андерсена я посчитал необходимым повидаться с его сестрой. На какое-то время она совершенно сдала, мне пришлось снова поместить ее в санаторий, там Гвен пробыла порядочное время, пока все не утряслось. Все это я сделал исключительно ради нее, а не для Рейда, как вы понимаете.

— Я вам верю! — искренне воскликнул я. — А где она сейчас?

— В нашем чикагском офисе. Я нашел для нее там работу, и она с ней прекрасно справляется, как мне сказали. Калифорния для нее утратила привлекательность.

— Полагаю, вы правы, — произнес я задумчиво. — Чарли Стерн хотел, чтобы именно эту историю вы рассказали мне о Леонарде Рейде.

— Вам это помогло, мистер Холман?

— Пока не знаю... Это все нужно перепроверить. Но я вам благодарен, мистер Волкер.

— Я не стану утверждать, что вспоминать это было для меня удовольствием, мистер Холман.

На его лице снова появилась любезная профессиональная улыбка.

— Заходите в любое время.

— Всякий друг Чарли Стерна — ваш друг, — сказал я, предвосхищая его следующую фразу. Затем вышел из кабинета.

Секретарша одарила меня заученной улыбкой:

— До свидания, мистер Холман.

Голос снова звучал весьма интимно.

— Как вы можете говорить «до свидания», когда мы практически не знакомы? — жалобно спросил я.

— Но мы — ох! — можем познакомиться... — Ее глаза заблестели. — Я — Сейра Кронин.

— А я — Рик Холман.

— Знаю, это есть в вашей карточке.

— Вы кажетесь мне тем видом «киноиндустрии», который нуждается в моей консультации... — Я изобразил на своей физиономии улыбочку многоопытного продавца. — Это моя специальность.

— Вся беда в том, что я сижу тут безвылазно с девяти утра до пяти вечера, — печально сообщила она.

— Я специализируюсь только на вечерних консультациях. Как вы смотрите на то, чтобы завтра вечером отираться на большой прием в Голливуде?

— Это не такой прием, где вы предложите мне прослушать сценарий, а присутствующих будет только нас двое? — спросила она с сомнением.

— Клянусь, все без обмана. — Я приложил руку к сердцу. — Не исключено, что компания может оказаться скучной, но я рассчитываю повеселиться. Во всяком случае, мы всегда сможем удрать пораньше.

Она заволновалась.

— Ну что же, ваша карточка у меня... Давайте я позвоню вам, когда приму окончательное решение.

— Звоните. Только не тяните слишком долго. Существуют тысячи очаровательных звездочек, которые умирают от желания занять ваше место.

По пути к машине я сообразил, что наступило время ленча, но рассказанная Волкером история лишила меня аппетита.

— Я не дрожал и не боялся,— горделиво заявил Леонард Рейд, жестикулируя одной рукой, поскольку во второй у него был бокал с мартини.— Перед лицом грозной опасности и жестокого противника Леонард Рейд держался как скала, о которую разбивались все хитроумные интриги и комбинации.

— Как его зовут?

— Кого?

— Лейтенанта.

— Алтчек. Должен сознаться: в самом начале он заставил меня немного понервничать, поскольку вел себя совсем не как актер, играющий роль лейтенанта полиции.

— А как он себя вел?

— Как полицейский лейтенант, по всей вероятности.

Он отпил немного мартини, и к нему вернулась его самоуверенность.

— Он задал мне кучу неприятных вопросов не деликатного характера, но я отвечал на них с абсолютной откровенностью и свойственным одному только Леонарду Рейду шармом. Лейтенант оттаял удивительно быстро.

— Почему бы ему и не оттаять? — буркнул я.— У вас же ни на секунду не закрывался рот, и вы, скорее всего, весьма успешно сами набрасывали себе петлю на шею.

— Рик, старина,— он внимательно посмотрел на меня.— Вижу, вас что-то гнетет. Верно?

— Андерсен либо ушел от вас, либо вы его выгнали, после чего он покончил с собой,— сдержанно произнес я.— Иордан бросил вас потому, что вы сделали что-то мерзкое его сестре, Зон Парнелл. После этого его убили. Я считал, что вы уже находитесь в достаточно скверном положении, но потом я услышал эту постыдную историю про маленькую хрупкую старую деву.

— Про старую деву? — Его обычный зычный голос, напоминающий рев быка, поднялся на октаву.— Про какую еще старую деву?

Он медленно заморгал глазами, затем покачал головой:

— Не понимаю.

— Старая дева, которой вы сломали в трех местах челюсть! — рывкнул я.— Та самая, которой вы расплющили нос. Которой вы выбили зубы и затолкали ей в горло... Только не говорите, что вы уже позабыли про нее.

Он задумчиво произнес:

— Я вижу всего два объяснения: либо вы сошли с ума, либо вам надо выпить.

— Гвен Андерсен, вот о ком я говорю! — Я окончательно вышел из себя.— Сестра Лестера Андерсена. Та самая, которую вы поместили в больницу, а потом откупились от нее, чтобы она не болтала о вас!

— Что за ерунда?!

Он проглотил остаток своего martini, затем посмотрел на меня с таким отчаянием, что я внезапно его пожалел.

— Я всего лишь маленький ребенок, плачущий в потемках, а все окружающие говорят на иностранном языке... У Лестера не было никакой сестры. А если и была, то я о ней ничего не слышал.

— Так вы называете Герберта Волкера лжецом?

— Ах!

Темно-серые глаза блеснули под густыми бровями.

— Теперь это начинает приобретать смысл. Вы когда-нибудь встречались с Робинсом?

— С Робинсом? Кто он такой, черт побери?

— Я просто подумал...

Он пожал плечами.

— Я сам встречался с милейшим толстяком однажды. Дорогой великий Герберт. Вообще-то мы не стали закадычными друзьями, но все было нормально, пока он не напустил на меня какую-то отвратительную старую каргу, которая...

— Про эту историю я тоже слышал.

Я перевел дыхание.

— Давайте снова вернемся к Гвен Андерсен, сестре Лестера, о которой вы никогда ничего не слышали. Вам нужно придумать для меня что-то поубедительней, приятель.

— Я говорю истинную правду, Рик,— произнес он торжественно.— Если у Лестера была сестра, то он мне ничего о ней не сообщал, и как я умудрился ее избить, если даже не предполагал ее существования?

Я долго вглядывался в его монгольское лицо, он так же внимательно смотрел на меня широко раскрытыми честными глазами. Тут я напомнил себе, что Леонард был прекрасным актером. И все же где-то в глубине души у меня зародилось сомнение.

Потом мне в голову пришла одна идея.

— Умеете ли вы имитировать голоса? — спросил я.

— Превосходно,— сразу ответил он.— Я все делаю ве-

ликолепно. Мне казалось, что вам уже следовало бы это усвоить.

— Продемонстрируйте-ка мне, как вы имитируете голос Герберта Волкера.

На его лице появилась безлика профессиональная улыбка.

— Дайте мне голые факты, Рик, бэби,— произнес он.— Поймите меня, я хочу иметь настоящую информацию, вы понимаете меня?

Если бы я закрыл глаза, я мог бы поклясться, что все это сказал мне сам Волкер.

— О'кей, это на самом деле превосходно,— сказал я ему.— Теперь вы позвоните в его офис в Чикаго, а я буду слушать по параллельному телефону.

— Что за шутка? — Он повернулся ко мне.— И что я должен сказать?

— Вы попросите Гвен Андерсен для важного разговора,— сказал я,— а коли она ответит, это будет равносильно моему «прощайте, Леонард-бэби».

— Ясно. Я звоню.

Я терпеливо ждал у параллельного аппарата, пока оператор в Чикаго не разыскал нужный номер. Затем раздался недовольный женский голос:

— «Герберт Волкер и компаньоны». Добрый день.

— Говорит Герберт Волкер,— сказал он голосом Волкера.

— Ох!

Теперь ее голос стал сама любезность и энтузиазм.

— Что я могу для вас сделать, мистер Волкер?

— Соедините меня в Гвен Андерсен!

— С кем?

— С Гвен Андерсен, черт побери! — заорал Леонард.— Это междугородний разговор, он стоит больших денег.

— Извините, мистер Волкер.

По голосу можно было предположить, что девица готова выброситься в окно.

— Но я не знаю никакой Гвен Андерсен.

— Мейзон на проводе, мистер Волкер,— поспешил я вмешаться, прежде чем Леонард успел ответить девице.— По нашим данным, мисс Андерсен работает в чикагском офисе стенографисткой на протяжении последних четырех-пяти недель.

— Вы слышите? — загремел Леонард.

— Я слышала, мистер Волкер, но, по всей вероятности, произошла ошибка. Последняя стенографистка, принятая

нами на работу, пришла к нам примерно полгода назад. Но ее зовут Мария Воллис.

В ее голосе явственно проскальзывали истерические нотки.

— Но если вы хотите поговорить с мистером Страйвером, я вас соединю с ним.

— Мейзон! — рявкнул Леонард. — Стоит говорить со Страйвером?

— Полагаю, что вы можете спокойно положить трубку, мистер Волкер, — вежливо ответил я. — Это лишь доказывает, что вы снова ошиблись. И если вы не прислушаетесь к моему совету и не избавитесь немедленно от своего излишнего веса, вся ваша организация постепенно развалится вокруг ваших ослиных ушей!

Я слышал, как ахнула потрясенная девица за секунду до того, как Леонард повесил трубку. Когда я вошел в комнату, он уже наливал себе мартини.

— Излишний вес, черт возьми! Почему было прямо не сказать «куски жира»? Но вообще-то эта неподготовленная сценка заслуживает выпивки. Как в отношении вас, Мейзон?

— Выпить просто необходимо, — согласился я. — Очевидно, это проделки Чарли Стерна. Сам бы он до такого не додумался. Вы заработали себе кучу первоклассных врагов.

Я решил, что эту тему стоит расширить.

— Зон Парнелл якобы посчитала меня профессиональным убийцей, которого вы наняли, чтобы избавиться от ее кузена. Не думаю, чтобы у нее сохранились до сих пор такие отношения ко мне, поскольку эту ночь она провела в моей постели. Но она по-прежнему может обвинить вас в убийстве Иордана.

— Она же женщина! — пренебрежительно махнул рукой Леонард. — Когда-нибудь она изменит свое мнение.

— Потом у меня состоялся приятный разговор с вашим бывшим приятелем Айваном Оллсопом, — продолжал я. — Он рассказал лейтенанту все про Зон и заявил, что вы доставили ей какую-то ужасную неприятность, когда она жила здесь.

Я взял у него из рук бокал и сделал пару глотков.

— Я бы не хотел казаться назойливым, но все же мне необходимо знать, чем это вы ее так проняли?

— Могу вам сказать, что это очередная выдумка ее или Айвана. Вы мне не верите?

— Лейтенант не поверит, — хмыкнул я. — Не рассказы-

вайте ему правду и солгите мне, тогда я буду чувствовать себя свободным и ненужным для вас.

Он расстегнул рубашку и осторожно почесал поросль волос у себя на груди.

— Она изводила меня все время, пока находилась здесь. Клайв был большой парень, взрослый мужчина. Он знал, что делает, мог сам позаботиться о себе. Зон тоже взрослая особа, давно уже не невинное юное создание, и ей бы надо было крепко обо всем подумать, а не раздражать меня по любому поводу, а то и без всякого повода.

— Опустите ваше объяснение, лишенное психологии и самооправдания,— нетерпеливо вмешался я.— Просто скажите, что, черт возьми, вы ей сделали!

Тяжелые веки опустились, потом он ухмыльнулся.

— Занялся с нею любовью.

— Что-что?

— Гомосексуалист всегда как будто бросает вызов любовью женщине, старина. Им ненавистна мысль, что они абсолютно безразличны нам, что мы не замечаем их шарма. Однажды вечером я зашел к ней в комнату, не постучавшись, она только что вышла из ванной и собиралась одеться.

Если я могу изобразить страсть к женщине на экране, и это у меня получается вполне убедительно, то это уж совсем не проблема для аудитории из одного человека.

Я сказал ей, что она допекала меня своими придирками, но сейчас она раздражает меня совершенно иначе, а для меня все это вообще *внове*.

Он самодовольно хохотнул.

— Она не сразу попала на крючок, естественно, но я припомнил несколько самых душещипательных монологов из сыгранных мной многочисленных любовных сцен и с их помощью изобразил всепожирающую страсть.

Когда ее негодование было поколеблено, я как бы закрепил дело многими физическими действиями. Зон относится к тем женщинам, которые не верят в силу слов, им подавай поступки, доказывающие физическое превосходство мужчины.

Я сорвал с нее то небольшое, что было на ней, поднял на руки и понес в свою комнату. Она была так занята бормотанием всяких страстных эпитетов в мой адрес, кстати, весьма земного содержания, должен сказать, возвышенным там и не пахло, что когда мы оказались в спальне, она не сразу заметила, что меня там уже дожида-

ется Клайв. Я сам попросил его подождать меня в спальне, не объяснив для чего.

Зон пустила в ход все дозволенные средства: слезы, ругань, проклятия, угрозы. Потом начались самые настоящие военные действия.

Он вздрогнул от отвращения.

— Ненавижу, когда женщина вцепляется мне в лицо своими длинными ногтями. Поэтому я ее ударил.

— Вы ее поколотили?

— Нет. Зачем?

Кажется, такое предположение его немного удивило.

— Я просто разочек стукнул ее в лицо, потом отнес на кровать в ее собственной комнате. Клайв страшно из-за всего этого расстроился, но он понимал, что я был вынужден принять подобные меры, чтобы показать ей, кто тут хозяин. Он даже перестал с ней разговаривать в течение нескольких последующих дней.

— Но они вместе уехали из дома?

— Сироты в бурю. Я обоим предложил убраться к чертовой матери.

— Афера закончилась, выражаясь высокопарным стилем?

— Клайв принялся прогнозировать свое будущее, с каждым разом его требования становились все менее завуалированными... Если бы я заключил контракт на участие в этом библейском сериале, я бы, конечно, и для него подобрал роль. Ему определенно требовался хороший агент, я планировал познакомить его со своим собственным — Стеллой Форбат. В моем доме он, что называется, как сыр в масле катался, однако нельзя всю жизнь провести бездельником... В конце-то концов Клайв бросил Айвана Оллсопа и перешел ко мне, хотя Айван уже успел все спланировать в отношении будущего Клайва.

Леонард пожал плечами.

— Единственное, чего я не терплю, — это эмоциональный шантаж. Я предложил ему начать складывать чемоданы, и сначала он мне не поверил. Но когда я добавил, что он может забрать все мои старые галстуки, которые ему так нравились, он понял, что я не шучу.

Я какое-то время смотрел на него.

— Никак не разберу... либо вы самый жуткий лгун, с которым я имел несчастье повстречаться, либо, наоборот, проклятый правдолюбец. Но вот что я должен сказать. В любом случае вам не поздоровится, когда вы столкнетесь с лейтенантом Алтчеком.

— Философские размышления за полуденным мартини?

Он покачал головой, изображая мнимое удивление.

— Вы часом не поведали лейтенанту обо мне?

Он усмехнулся.

— Я подумал, что вы можете быть моим маленьким секретом, старина.

— Не очень долго. Один из остальных непременно сообщит об этом. Случайно за последнее время вы не приобретали гиосцин?

— Нет необходимости! — сказал он пренебрежительно. — У меня в саду растет сколько угодно белладонны.

— Я бы не удивился, если бы покупали, — проворчал я. — Как вы относитесь к этим поминкам, запланированным Оллсопом на завтрашний вечер?

— Вас пригласили?

— Все, кого так или иначе касается это убийство, там будут.

— Ну что же, вечер должен быть интересным.

Он допил свой бокал и поставил его на бар.

— Ни за что не согласился бы его пропустить, Рик.

После этого он внимательно посмотрел на часы.

— Очень жалко бежать отсюда, но у меня назначена встреча со Стеллой Форбат через двадцать минут в ее офисе. Библейский сериал. Получит ли Рейд в нем роль или нет? Вот какой вопрос решается. Очевидно, это кризис, потому что Стелла была само очарование, когда звонила мне. Когда дела идут о'кей, она всегда становится невыносимо грубой. Имеется сильное противодействие, сказала она, нам нужно действовать осторожно и деликатно. Я не могу капризничать и своенравничать, как обычно, потому что мои сторонники фыркают достаточно громко, а противники еще громче. Все вместе дает Стелле основания говорить о «неудачной» ситуации. Думаю, мне не нужно вам объяснять, что «сильное» противостояние исходит от Айвана Оллсопа.

— Почему он опасается Чарли Стерна?

— Большинство людей его боятся.

Леонард последний раз поскреб себе грудь и застегнул рубашку.

— Чарли ничем не сдерживаемый миллионер, который тем или иным путем добивается всего, что хочет. Я не боюсь его, потому что могу без труда справиться с любым из охраны, которая его окружает. К тому же мне всегда

было плевать на правила «честной игры», когда дело доходит до драки.

— Я не спрашивал, почему большинство людей боятся Чарли Стерна. Меня интересует, почему его опасается Оллсоп, будьте вы неладны! — рассердился я.

— У Айвана традиционно английский подход ко всем вещам, старина. Например, мы скрываем свои странности и говорим о них в строго очерченном семейном кругу. Вот что заставляет его остерегаться Чарли Стерна. Он опасается, что если когда-нибудь не угодит в чем-то Чарли, весь мир узнает, какого рода сексуальную жизнь признает Айван. Со мной этот номер не проходит, потому что мне совершенно безразлично, что болтают люди.

Он слегка нахмурился.

— Теперь это уже не так, верно? В настоящий момент меня чертовски волнует, что и кому про меня известно, и я почти что готов сидеть в офисе моего агента и вежливо беседовать со своими спонсорами. Такая гадость!

Он схватил трубку и набрал номер.

— Стелла,— замурлыкал он через несколько секунд,— это Леонард Несравненный, ваш любимый клиент. Я передумал в отношении встречи у вас в офисе. Так прямо и скажите, не надо ничего приукрашивать.

Он терпеливо выслушал до конца все то, что говорила ему женщина, затем снова замурлыкал:

— Я полностью вам доверяю, дорогая, вы все сделаете лучше меня. Если спонсоры не желают меня, пошлите их ко всем чертям! — на лице у него расцвела довольная улыбка. Затем он вновь расстегнул рубашку и принялся чесать грудь.

— Вот теперь я чувствую себя гораздо лучше! Я хочу сказать, кому это нужно? Вне всякого сомнения картину будут снимать в каком-то богом забытом месте, в центре раскаленной пустыни. Кому приятно потеть там пару месяцев? Представьте только, как песок забивается вам в волосы, в уши, в одежду.

— Вы правы,— я одобрительно кивнул.— Пусть сам Айван Оллсоп и попотеет.

— Временами мне думается, что вы, Рик, в действительности еще больший сукин сын, чем я считаю!.. Ну вот, теперь мне неожиданно выпал свободный день. Вы согласны посидеть со мной и наговорить мне гадостей за мой картины?

— И рисковать при этой своей репутацией? — Я взгля-

нул на него с нарочитым изумлением, широко раскрыв глаза.— Что скажут ваши соседи?

— То же самое, что говорят сейчас. Вот идет этот фрукт Холман... Что еще?

— Мне бы хотелось иметь основания гордиться тем, что я на один прыжок опередил лейтенанта Алтчека, но ведь вы мне не поверите? Все равно я считаю, что мне необходимо двигаться вперед, потому что не хочется, чтобы он опередил меня.

— Вот это мой Холман! По шесть пистолетов на каждом бедре, холодная усмешка на губах, преодолевает невероятные трудности ради своего выдающегося клиента, Леонарда Несравненного.

— Вы кот в доме, набитом кошками, и в темноте вы все выглядите одинаково,— сказал я.— Повсюду клочки пуха и шерсти, вечно скрываетесь в задних аллеях и роетесь в помойках, но не прочь и поваляться под лунным светом на травке... Та бравада, которую вы продемонстрировали по телефону в разговоре с вашим агентом, ровно ничего не значит. Я-то понимаю, что вы смертельно перепуганы, Леонард Несравненный, так что нечего пыжиться.

— Мороз по коже продирает! — неохотно пробормотал он.— У меня такое ощущение, что я делаю фильм. Конечно, существует сценарий и я его точно придерживаюсь, но пока мне его никто не вручил. И я нервничаю, понимая, что вот-вот наступит кульминационный момент. Но поскольку сценарий в чужих руках, я не знаю, когда именно. Изображаю ли я мужественного героя или отпетого негодяя? Я не могу спросить об этом у автора сценария, потому что даже не знаю, кто он такой. Единственное, что у меня осталось, это вера в специалиста по улаживанию всякого рода неприятностей Рика Холмана. Но иногда ночью мне приходит в голову мысль: что случится, если кто-то скинет меня с того коня, на котором я сижу?

Раздался телефонный звонок. Леонард вздрогнул от неожиданности, схватил трубку и закричал:

— Пусть катятся ко всем чертям все мои сторонники и вы вместе с ними, Стелла!

Наступило короткое молчание. Он выслушал ответ по телефону и бросил на меня сердитый взгляд.

— Что вы на это скажете, Рик? С вами желает говорить ваш новый приятель Чарли Стерн.

Я взял у него трубку и произнес: «Холман».

— Я подумал, что вы все еще можете находиться у Рейда,— раздался чирикающий голос.— Я допустил

ошибку с Гербертом Волкером. У него каждый раз, когда он опускает свой зад в кресло, разглаживаются извилины в мозгу. Надо же было ему сочинить жалостливую историю с сестрицей Андерсена, работающей сейчас в его офисе в Чикаго! Вы перепроверили, конечно?

— Естественно.

— Хотелось бы повидаться с вами сейчас. Вы, наверное, все еще негодуете на меня за то, что я попытался подсунуть вам через Волкера такую ерунду?

— Интересно, зачем вам это понадобилось?

— Об этом после, не сейчас. Есть дела куда серьезнее. Совершенно неотложные дела. Вы приедете ко мне или мне прислать кого-нибудь за вами?

— Я приеду,— торопливо сказал я.— Куда?

— Ко мне домой.

— Где находится ваш дом?

— Я думал, что это вам известно.

Казалось, он несколько удивлен.

— Наверху, в горах. Пусть Рейд вам объяснит, как туда добраться. Он знает.

— О'кей. О чем пойдет речь?

— Я очень недоволен,— произнес он весьма натянуто,— но не вами. Подробности, когда приедете сюда. Не теряйте время понапрасну.

В трубке щелкнуло.

— Он желает видеть меня немедленно,— сказал я, опуская трубку на рычаг.— Говорит о каких-то чрезвычайных обстоятельствах. Вы можете объяснить, где его дом, так он сказал.

— Возможно, вы заполучите нового клиента, старина? — Похоже, Леонард не шутил.— Или таковой у вас уже есть?

— Не проливайте крокодиловых слез и не ревнуйте, Леонард,— терпеливо ответил я.— Я не побежал бы по первому зову к Чарли Стерну, но ведь может оказаться, что как раз он и убил Клайва Иордана. Или же он способен дать мне сведения, которые помогут обнаружить убийцу. И я ими воспользуюсь даже в том случае, если они приведут меня снова сюда... Таков был уговор. Не так ли?

— Это что-то новое.

— Ценная мысль принадлежала вам, вам и пожинать плоды!

Я заставил себя немного помолчать, потому что если бы я этого не сделал, я мог бы его ударить, а это добром бы, понятно, не кончилось.

— Взвесьте все хорошенько, Леонард Несравненный, в том плане, что терпение мое иссякнет и вам уже пора сообщить об икс-факторе, который вы с таким старанием скрываете от меня.

— Что за икс-фактор?

— Если бы я знал, то не спрашивал бы.

Я вынужден был еще немного подождать.

— Скажем так: это моя девичья интуиция, если вам угодно. Я не располагаю никакими данными, но интуиция меня еще никогда не подводила. Так что если не вы убили Клайва, вам надо поскорее выступить с икс-фактором, пока не нашлись иные добровольцы. Если случится второе, то я просто не смогу, даже при большом желании, верить тому, что вы мне говорите.

— Вы напрасно растрчиваете свое красноречие, старина,— произнес он недовольно.— Вам бы следовало поручить рубрику о самых заветных тайнах кинозвезд.

— О'кей.

Я тяжело вздохнул, но это не подействовало на Рейда.

— Мне остается сказать вам «до свидания», что легко может быть заменено на «прощайте навсегда».

— Не угрожайте мне, Рик. Возможно, вы и вправду незаменимы...

— Очень может быть.

Я пошел к выходу, но на пороге обернулся.

— Увидимся завтра на поминках.

— Не забудьте захватить своего старого дружка Чарли Стерна,— с неожиданной веселостью воскликнул Леонард.— Поминки много потеряют без него.

— Кстати, где я найду его дом? — вдруг вспомнил я.

Я постарался не высказывать своего изумления, когда Рейд охотно пустился в объяснения, словно и не было перед тем тяжелого разговора.

Глава 8

Глухое бетонное здание находилось довольно далеко в горах, оно приютилось на краю девственного каньона и было окружено высокой бетонной стеной, а перед высокими чугунными воротами расхаживал часовой в униформе.

Я припарковал свою машину за «континенталем» ярко-красного цвета и прошел по бетонной дорожке к двери.

Парень ростом не менее семи футов открыл дверь через несколько секунд после моего звонка. На нем была бес-

просветно черная шоферская форма, даже галстук и сапоги, натянутые поверх брюк до самых колен, были черными.

На совершенно бесстрастной физиономии зловеще выделялись выпуклые водянисто-голубые глаза. Жесткие черные волосы были зачесаны назад с узкого лба. Ему было лет тридцать. Я подумал, что Стерн откопал его в каком-то агентстве, где были собраны статисты для участия в фильмах ужасов.

Он провел меня в гостиную, обставленную богато, но безвкусно. Одна стена, заклеенная до половины, имела выход на балкон, где комнатные растения и садовые цветы по замыслу архитектора, очевидно, олицетворяли всеобщий мир и благоденствие.

— Мистер Холман! — объявил сопровождающий меня замогильным голосом.

— Благодарю вас, Джон, — раздался в ответ низкий баритон Чарли Стерна.

Черный гигант остался стоять на том же месте, а Стерн поднялся со стула и пошел мне навстречу.

Он вновь был облачен в костюм итальянского стиля, на этот раз голубых пастельных тонов, что не мешало ему выглядеть давно некормленной хищной птицей. Его живые голубые глаза покраснели, и было совсем нетрудно догадаться, что он едва справляется с яростью.

— Я не терплю никаких официальных, если только это не входит в мои собственные планы, — заявил он. — Но сегодня на протяжении целого часа я был подвергнут идиотскому допросу невежды полицейского лейтенанта, который к тому же обещал вернуться еще раз. Люди, втянувшие меня в эту глупость, должны быть наказаны! Получить урок! Только что его получила Фреда, но я не могу найти другую преступницу, Зон Парнелл. Поэтому я вызвал вас сюда, мистер Холман, чтобы задать вам один простой вопрос: где Зон Парнелл?

Надо думать, он пользовался своим стокатто-синтаксисом для телефонных разговоров, но сейчас его речь звучала с нелепой помпезностью. Возможно, виноват был его низкий баритон в сочетании с тщедушной фигурой или же общее несомненное сходство с взъерошенным воробьем, но мне было трудно поверить, что Чарли Стерн не разыгрывает меня.

— Жду вашего ответа, мистер Холман! — Он повысил голос. — Где Зон Парнелл?

— Позвольте, но откуда мне это должно быть известно? — возмущенно спросил я.

— Она провела ночь в вашем доме.

— Точно. А сегодня около девяти утра я завез ее к ней домой и после уже не видел.

— Ее нет ни дома, ни у вас. Джон проверил адреса самым тщательным образом. Логично предположить, что после ночи интимной близости она должна сообщить вам свои планы на день.

— Однако она этого не сделала,— ответил я чистую правду,— и если из-за этого пустяка вы с такой поспешностью вызвали меня сюда, Стерн, то я должен спросить, кем вы себя считаете, черт бы вас побрал?

— Вы не уйдете отсюда, пока я не узнаю, где мне найти Зон Парнелл! — завопил он.

— Вы, должно быть, шутите, воробьиный ястребок! — зло рассмеялся я.

Потом я повернулся и сделал шаг к выходу, но вынужден был остановиться, наткнувшись, как мне показалось, на гранитную скалу.

— Вы, наверное, не поняли мистера Стерна? Он ведь не позволил вам уйти,— зазвучал замогильный голос.— Так почему же вы не садитесь, мистер Холман?

Предложение показалось мне вполне уместным. Я подошел к ближайшему креслу и уселся, закулив сигарету и стараясь выглядеть абсолютно невозмутимым. Я чувствовал себя физически сильным, когда смотрел на Чарли Стерна, но стоило перевести взгляд на его человека-гору Джона и враз пропадала всяческая самоуверенность. Я мог бы вступить с ним в единоборство разве что с бейсбольной битой в руках... Но пытаться прорваться мимо него к выходу с голыми руками было просто безумием.

— Вы останетесь здесь, пока не скажете, мистер Холман,— загрохотал, потрясая кулаками, Чарли Стерн,— где найти Парнелл!

— Как я понял, она и Фреда навели на вас полицию,— сказал я.— Как же это случилось?

— Потому что девка Парнелл рассказала лейтенанту про все ее делишки с Рейдом, а также с Фредой, и про то, как она позвонила Фреде и велела ей познакомиться с вами в каком-то баре. И даже про то, что вы вдвоем ездили на квартиру к Иордану и обнаружили там труп!

Он оскалил свои острые маленькие зубки.

— Она также сообщила ему о моих прежних связях с Рейдом. О финансовом крахе в Испании. А поскольку Иордан, по всей вероятности, был убит, лейтенант считает меня чуть ли подозреваемым номер один!

— Вы не имеете алиби на время убийства?

— Нет. После того, как эта девка Парнелл позвонила Фреде и попросила ее встретить вас в баре, я отвез туда Фреду и ждал ее, сидя в машине. Когда вы вместе с Фредой вышли наружу, я поехал следом за вами. Сначала к дому Иордана. Дождался снаружи, когда вы оттуда выйдете, потом опять поехал за вами к вашему дому.

— Зачем? — удивился я.

— Я знал о вашей довольно-таки зловещей репутации специалиста по тихому улаживанию всех голливудских проблем, мистер Холман. И я не мог доверить вам Фреду! Кто мог знать, что вы с ней сделаете... Теоретически же возможно, как сразу сообразил лейтенант, за то время, пока я находился один возле бара, съездить к дому Иордана, убить его, успеть вернуться назад и припарковаться на прежнем месте еще до того, как вы с Фредой оттуда выйдете.

— Когда вы уходили с Фредой из моего дома, вы сказали что-то насчет Джона, который находится в машине снаружи? — напомнил я.

— Так оно и было. Я находился возле вашего дома, пока вы не отправились к Рейду. Тогда я приехал сюда и дождался телефонного звонка Фреды, посадил за руль Джона, мы поехали к вашему дому, и он остался в машине, а я пошел к вам. Согласитесь, ведь я должен же был принять какие-то меры безопасности на тот случай, если бы вам пришлось в голову прибегнуть к насилию.

Он тоже сел на стул, повернувшись ко мне лицом, нервно теребя прическу.

— Не стану скрывать, что я установил постоянное наблюдение за Рейдом с тех пор, как покончил с собой Андерсен. Да-да, наблюдал и ждал возможности отплатить за все зло, какое он мне причинил. Признаю, что по натуре я человек мстительный, мистер Холман. Но и жестокость имеет допустимый предел. Убийство — это уже за пределом...

— Вы сказали, что Зон Парнелл надо наказать за то, что по ее милости вами заинтересовалась полиция. Что-то об уроке, помните?

Я пристально посмотрел ему в лицо:

— Что конкретно вы имели в виду?

Он пожал плечами:

— Джон — специалист по осуществлению коррекции. То есть, по соблюдению предела...

— Иными словами, когда Парнелл найдет, Джон ее выпорот? Изобьет до потери сознания?

— Зачем же такие крайности? Нет, я уже объяснил, я — не сторонник излишней жестокости! — Он замахал обеими руками. — Я же сказал вам, Джон — мастер своего дела. Эксперт. Ей будет очень больно, бесспорно, но экзекуция не причинит никакого физического ущерба. Фактически...

В его голосе зазвучали гордые нотки владельца дрессированной собаки или непобедимой на скачках лошади:

— Джон не оставляет на теле никаких следов!

— Вчера вечером вы мне сказали, что Леонард Рейд параноик, страдающий манией величия, — произнес я деловито. — Слушая вас сейчас, я пришел к выводу, что все это справедливо и относительно вас. С той разницей, что тут примешивается еще и садизм. Ну а те несколько миллионов долларов, которыми вы располагаете, помогают вам выходить сухим из воды. Не будь их, вас бы давно упекли в психушку.

Его пальцы слегка дрожали, когда он поднес зажженную спичку к одной из своих длинных сигар.

— Я вижу, вы легкомысленно испытываете мое терпение, мистер Холман. Ему скоро придет конец, — произнес он едва слышно. — Если только вы не сообщите мне немедленно, где я могу разыскать девушку Парнелл, я прикажу Джону преподать вам урок, который вы заслужили. И он не отпустит вас до тех пор, пока вы не сообщите мне то, что я от вас требую, можете не сомневаться.

Я услышал звук медленных шагов по паркету. Как будто кто-то не шел, а с большим трудом волочил ноги. Я оглянулся. Фреда Паркин появилась в гостиной и стала приближаться к нам, едва передвигаясь. Так двигаются лишь древние старушки, страдающие артритом.

Дойдя до кушетки, она остановилась и стала очень медленно опускаться на нее. Ее прямые волосы, казалось, полностью утратили блеск и шелковистость, овальное лицо посерело, зеленоватые глаза глядели уныло, без прежней насмешки над миром. На ней небрежно висело длинное, до пят, платье из черного крепа, подчеркивающее ее худобу, и я подумал, что несчастная явилась на собственные похороны.

Она посмотрела на Стерна, тщательно избегая моего взгляда, и робко произнесла:

— Я услышала голоса.

— Я рад, что ты достаточно хорошо себя чувствуешь, Фреда, чтобы подняться и составить мне компанию снова. Он верил в то, что говорил.

— Я столкнулся с небольшой проблемой. Мистер Холман не хочет помочь мне отыскать эту девку Парнелл!

— О?

Она на пару секунд закрыла глаза, затем испуганно посмотрела на меня.

— Орел, как ты думаешь, могу я выпить стаканчик?

— Не вижу причин, почему бы нет... Ведь ты получила свой урок, так?

— Ох, да!

Ее голова закачалась, как метроном.

— Я никогда-никогда больше не сделаю таких глупостей. Обещаю тебе.

— Джон, приготовь мисс Паркин питье. И живее! Что ты стоишь как истукан?

Стерн, понаблюдав, как гигант послушно потрусил к бару и взял бутылку вермута и джина, повернулся ко мне с благосклонной улыбкой:

— Фреде просто необходимо спиртное, мистер Холман. Но до тех пор, пока вы не сообщите мне то, что я хочу знать, она не получит свой бокал. Или Джону придется задать вам урок немедленно.

Бар находился футах в тридцати от того места на балконе, где мы сидели, и я подумал, что даже человек-гора не в состоянии расправить несуществующие крылья и прилететь на помощь своему повелителю.

Значит, у меня было время, чтобы раздобыть самую подходящую замену бейсбольной бите, о которой я подумал с самого начала.

Я быстро вскочил, вцепился в манишку Стерна и сдернул его со стула. Не потребовалось особого усилия, чтобы заломить ему за спину одну руку и удерживать ее в болезненном полунельсоне.

Стерн издал душераздирающий вопль, и гигант моментально повернулся.

— Чарли-бой,— заговорил я весело,— к тому моменту, когда Джон подбежит к нам, я полностью сломаю тебе руку как раз возле локтя, а подобные переломы не только болезненны, но и плохо срастаются.

Стерн простонал инструкции практически до того, как я закончил фразу. Гигант замер на месте, не спуская с меня глаз. Фреда сидела на кушетке, равнодушно наблюдая за моими действиями.

— Все, чего я хочу, это уехать отсюда,— продолжал я.— Так что велите моему лакею сесть на пол спиной к бару, заложив обе руки за затылок.

— Выполняй! — крикнул Стерн.

Гигант медленно опустился на пол. Судя по выражению его лица, я догадался, что это не доставило ему большого удовольствия, но разве он смел противоречить своему хозяину?

— Фреда,— спросил я,— ты хочешь уехать со мной?

— Нет,— ответила она ровным голосом.— Я принадлежу Чарли и останусь здесь.

Я пожал плечами.

— Это твои похороны.

— Скорее, твои.

Голос ее звучал абсолютно равнодушно.

— Даже если тебе и удастся отсюда выбраться, в чем я сильно сомневаюсь, Чарли очень скоро с тобой расквитается.

У меня не было времени пускаться с ней в разговоры, поэтому я двинулся к бару, толкая Чарли перед собой.

Когда мы достигли понурого гиганта, я свободной рукой схватил с бара полную бутылку джина и ударил ею Джона по голове. Он охнул, голова упала вперед, я стукнул второй раз, рассудив, что лучше перестараться, чем недостараться и дать возможность разъяренному верзиле очухаться и пуститься за мной вдогонку.

Бутылка осталась цела, а Джон замер на полу.

Чарли Стерн тихонечко скулил, когда я гнал его в передний холл, повернув руку кверху чуть сильнее.

— Теперь вам надо только скомандовать моему стражу у ворот, чтобы он пропустил меня.

Все обошлось без всяких осложнений. Стерн приказал сторожу убираться к чертовой матери, и тот моментально повиновался. Я продолжал держать руку Чарли в той же позиции, пока не добрался до своей машины, потом отпустил ее, скользя за руль. С белым как мел лицом Чарли следил за моими действиями, осторожно растирая предплечье, очевидно, считая, что рука-таки сломана у него. У меня в душе было неприятное чувство, как если бы я терроризировал кролика.

Но, рассуждая здраво, что мне еще оставалось делать, когда рядом вертелся такой здоровый ублюдок, как Джон?

— Я все еще не знаю, где болтается Зон Парнелл,— сказал я, когда заработал мотор,— но вот что я вам обещаю, воробыный ястребок. Если вы сами или ваш

безмозглый гладиатор дотронетесь до нее хотя бы одним пальцем, я вернусь сюда с пистолетом.

Он молча стоял, глядя на меня налитыми кровью глазами и продолжая растирать руку. Потом, видимо бессознательно, яростно сжал зубы и пошел назад к дому. У меня мелькнула мысль, что я только что был свидетелем редкостного зрелища: озверевший кролик вот-вот набросится на охотника.

Я вел машину к расположенному над самой землей сверкающему сгустку света, каким отсюда казался город Ангелов, моля бога о том, чтоб среди миллионов его обитателей я смог найти хотя бы одного нормального человека. После дня, проведенного в обществе Айвана Оллсопа, Леонарда Рейда и Чарли Стерна, у меня появились опасения, что весь мир населен безумцами, а я — последний из оставшихся в живых здравомыслящих людей.

Пара мартини и бифштекс с кровью в придорожном ресторане несколько улучшили мое настроение, а поданный мне счет убедил меня, что владелец ресторана хотя и обирала, но, безусловно, не помешанный, просто совершенно нормальный обирала!

Приблизительно в половине десятого я завернул на свою подъездную дорогу и оставил машину под навесом.

В доме горел свет, а когда я отпер дверь, до меня донеслись из гостиной звуки музыки. Мне оставалось подумать, что у меня произошло раздвоение личности: второе «я» оставалось дома и слушало пластинки.

Все объяснилось, когда я вошел в гостиную и увидел платиновую блондинку, растянувшуюся на кушетке со стаканом в руке.

— Покушения на убийство вам было мало? — спросил я. — А теперь у вас новое хобби: ночные кражи со взломом?

— Передняя дверь была открыта, — беспечно ответила она, — так что я просто вошла в дом. Пару часов назад.

Она слегка надула губы.

— После вчерашней ночи я решила, что у такого ненасытного парня, как вы, должна быть где-то стенная антенна, которая вас оповестит, что на кушетке вас поджидает блондишка.

— Моя антенна стала барахлить, скрестившись с проводами Чарли Стерна, — ответил я, направляясь к бару. — Но все же она подсказывает, что если передняя дверь была открыта, значит, не обошлось без Джона.

— Джон? Кто это?

— Прирученный людоед Стерна. Чарли посылал его на ваши поиски и сюда, и к вам домой.

Я смешал себе бокал коктейля и с удовольствием опустил в кресло.

— Зачем он меня искал?

Она была слегка заинтересована, не более.

— Джон должен преподать вам урок. Такой урок он уже устроил Фреде. Можно выразиться иначе: порка по-научному. Безумная боль, а следов не остается. Чарли озвещал: ведь это вы двое подставили его полиции.

Она внезапно села прямо, ее грудь высоко поднималась.

— Вы шутите?

— Черта лысого шучу!

Пластинка закончилась, и неожиданно мой голос зазвучал очень громко:

— Чарли одновременно и психопат, и человек, сам устанавливающий для себя законы. Именно по этой причине он не любит полицию, которая подходит к нему с требованиями, созданными для обычных людей.

— Лейтенант Алтчек! — произнесла она. — Он посетил меня сегодня в первой половине дня и задал тысячу вопросов. После того как он ушел, я почувствовала, что мне необходим свежий воздух, и срочно отправилась автобусом в Санта-Монику поваляться на пляже. Когда стемнело, мне не хотелось возвращаться в мое убогое логовище, поэтому я отправилась сюда.

Она бросила на меня откровенно кокетливую улыбку.

— Вы не рады?

— Рад, конечно... А вы должны радоваться тому, что разминулись с Джоном. Судя по тому, как Джон отделал Фреду, этот тип любит свою работу.

— Вот я и радуюсь.

Она закинула ногу на ногу, ее широкая юбка при этом задралась, обнажив ногу. О, она знала многие штучки!

— Так, вы уже решили, кто убил Клайва?

Я покачал головой.

— Все мои старания установить истину привели к еще большей путанице. Вы сообщили лейтенанту обо мне?

— Мне пришлось, Рик, — пожаловалась она. — Вы сами понимаете.

— Все?

— Кроме того, как я пригрозила вам пистолетом и... — она игриво хихикнула, — и про то, что случилось потом. Я решила, что это наше личное дело.

— Где вы достали пистолет?

— Он принадлежал Клайву. Когда он перебрался в квартиру своего приятеля, он оставил пистолет мне. Сказал, что временами соседи ведут себя довольно буйно и одинокой девушке нужна защита.

— Защита вам требуется точно так же, как мне налоги! — буркнул я. — Что представляет собой Алтчек?

— Симпатичный и вежливый. Знаете, все время, что я с ним разговаривала, меня не оставляло странное ощущение, будто что-то бежит по спине. Бессмыслица какая-то! Вы что-нибудь поняли?

— Слишком много! — угрюмо произнес я. — Теперь я вижу, что смогу с ним прекрасно поладить. Скорее всего, он доведет меня до самой газовой камеры!

— Знаете, случилось нечто невероятное! — Лицо у нее посветлело. — Айван Олсоп пригласил меня на вечеринку в его доме завтра вечером. Как вам это нравится?

— Он пригласил всех, кто был близок с вашим двоюродным братом. Даже меня. Не исключено, что у него искаженное чувство юмора.

— Вы идёте?

— Конечно. Ни за что не согласился бы упустить такую возможность. Представляете, как будет интересно наблюдать всю эту компанию вместе, когда вино ударит им в голову?

Она зябко поежилась.

— Мне это кажется ужасным, вроде какого-то чудовищного зоопарка. Следить за дикими зверями, посаженными в клетку.

Зазвонил телефон. Я поднялся и ответил. На лице Зон появилось выражение искусственного безразличия, ясно свидетельствующее, что она напряженно прислушивается.

— Мистер Холман? — Приглушенный женский голосок сообщил: — Это Сейра Кронин.

Какое-то мгновение я ничего не мог сообразить, потом, к счастью, вспомнил, что она — секретарь из приемной Герберта Волкера. Та самая девушка, которая из своих волос сделала подобие шапочки с эффектными выбеленными прядями.

— Как дела? — обрадовался я.

— Прекрасно. Ваше приглашение на вечер еще имеет силу?

— Разумеется!

Она негромко рассмеялась.

— Я не забыла про тысячу кинозвезд, умирающих от желания оказаться на моем месте, и побоялась, что они

передерутся между собой. И решила, что разумнее позвонить вам и принять приглашение.

— Несомненно!

— Вы так считаете?

— Очень рад, что вы так решили.

Я говорил весьма сдержанно, потому что в полном смысле «чувствовал», как внимательно прислушивается Зон.

— Вы заедете или предпочитаете встретиться со мной в каком-нибудь месте?

По ее голосу чувствовалось, что она недоумевает.

— На этот вопрос мне сейчас трудно ответить,— осторожно произнес я.— Как вы посмотрите на то, чтобы я позвонил вам утром?

— Постойте, вы действительно не передумали пригласить меня? — спросила она настороженно.

— Нет, конечно,— поспешил я ее успокоить.— Я вам утром позвоню.

— Прекрасно.— Голос ее вдруг стал очень далеким.— Спокойной ночи, мистер Холман.

Голубые глаза Зон были холодными как лед, когда я снова уселся в кресло, а вот голос, наоборот, звучал, как ласковое шуршание шелка, струящегося по бархату.

Она спросила:

— Вас беспокоит другой клиент, Рик?

— Ничего важного.

Я рассеянно ей улыбнулся.

— Так о чем мы говорили?

— После вчерашней ночи мне показалось, что нас связало что-то особое, но теперь я начинаю понимать, что была непростительно наивной.

Ее голос быстро утратил бархатистость, стал жестким, как наждак.

— Когда вы включите меня в свой график, Рик? Каждый второй четверг? Или я требую слишком многого? Возможно, каждая первая пятница на час утречком?

— Я не понимаю, что за околесицу вы несете! — возмутился я.

— По телефону с вами разговаривала женщина! — крикнула она.— Так что не отпирайтесь и не выкручивайтесь!

На щеках у нее появились пятна.

— Вы заставляете меня чувствовать себя дешевой потаскушкой!

— Вы что, вообразили, будто я какой-то монах? —

спросил я рассудительно.— Само собой разумеется, в моей жизни имелись другие женщины. Не забывайте, что мы встретились с вами лишь вчера утром.

— Дешевая потаскушка! — повторила она злобно.— По вашей милости я почувствовала себя грязной внутри. Точно так же поступили со мной Рейд и Клайв, когда сам...

Она отчаянно затрясла головой.

— Я даже покрылась гусиной кожей от отвращения!..

Она быстро вскочила и приблизилась ко мне, остановилась в паре шагов и посмотрела сверху вниз на меня. Лицо ее исказилось от нескрываемой ненависти. Неожиданно она плеснула мне в глаза своим питьем.

Я слышал, как за ней захлопнулась входная дверь, пока я все еще стирал с лица виски.

«Беда с некоторыми дамочками,— думал я раздраженно.— Они не выносят соперниц, не говоря уже о том, что у них непомерно развито чувство собственности. Перебрав со мной одну ночь, Зон уже заявляет на меня какие-то права...»

Ну, да бог с ней, во всяком случае теперь я смогу хорошенько выспаться перед завтрашней встречей с лейтенантом Алтчеком. В душе-то я понимал, что это слабое утешение, просто, как говорится, делал хорошую мину при плохой игре. Провести еще одну ночь с Зон было гораздо приятнее, чем спать одному...

Возможность того, что Чарли Стерн и его гигант-слуга попытаются добраться до меня этой ночью, была ничтожна мала, к тому же я не из нервных людей. И если я все же заложил засовами обе двери, так это только потому, что в Беверли-Хиллз любят орудовать ночные грабители.

Глава 9

Лейтенант Алтчек был высоким худощавым парнем с лицом аскета и нежными глазами.

Я сидел в его кабинете в половине одиннадцатого следующим утром и думал о том, что даже убежище Чарли Стерна с его слугой-гигантом было более гостеприимным.

— Я разговаривал о вас с лейтенантом Парлином,— говорил он мягким голосом.— Он говорит, что, хотя он и ваш друг, тем не менее не оставил бы вас наедине даже с его бабушкой восьмидесяти лет от роду, которая до сих пор носит корсеты из китового уса.

— Билл скажет! — произнес я не без восхищения. — Когда-нибудь мне придется напомнить, что ему необходимо заменить каменное сердце на человеческое.

— Анонимный звонок о местонахождении труна исходил от вас, верно?

Он был достаточно вежлив, чтобы преподнести это утверждение в форме вопроса.

— Да, — кивнул я головой.

— Я получил достаточную информацию о вас и ваших методах работы от лейтенанта Парлина, но ведь вы также частный детектив, работающий по лицензии, и эта лицензия налагает на вас определенные обязанности. У меня в настоящий момент скопилось против вас достаточно фактов, чтобы лишить вас лицензии. Не сообщили сразу же об убийстве, во-первых, во-вторых, куда вы девали важную улику?

— Фреда Паркин рассказала вам про котенка? — спросил я.

— И про ленточку на его шее... Она даже призналась, что забрать котенка было ее идеей, потому что она его пожалела. Но вы-то должны понимать, что этого делать не следует.

— Вы правы, — храбро согласился я.

Он пожал плечами.

— Одно в вашу пользу. Фреда дает вам превосходное алиби на время убийства. Что касается остального, я посмотрю, как вы будете сотрудничать с законом, прежде чем решу, не следует ли поставить вопрос в верхах.

— Возможно, это не бросается в глаза, — сказал я спокойно, — но разве в настоящее время я как раз и не сотрудничаю с законом? Не помогаю разобраться в данном преступлении?

— Ваш клиент Рейд?

Он даже не улыбнулся.

— А он возглавляет список подозреваемых, если поверить совершенно дикой истории девицы Парнелл. Пока я не уверен, можно ли ей полностью доверять... Затем идут Стерн и Оллсоп. Мне с трудом верится, что они серьезны в своих обвинениях. Как-то уж очень нереально.

— Такова отличительная черта Голливуда, — не удержался я. — Там все нереально.

Он посмотрел на меня такими глазами, что у меня засосало под ложечкой.

— По словам Фреды Паркин, вы произвели обыск в квартире, после того как обнаружили труп.

— До обыска было далеко. Просто беглый осмотр,— ответил я.— Мне было любопытно проверить, не оставил ли он где-нибудь традиционной предсмертной записки.

— Вы что-нибудь нашли?

— Нет.

Мне показалось, что его не удовлетворил мой безапелляционный ответ, поэтому решил уточнить:

— А что я мог найти?

— Деньги.

— На осмотр я потратил не более пяти минут, поэтому он был крайне поверхностным. А я должен был найти деньги?

— Кто-то нашел. Когда он, я говорю об Иордане, брал квартиру в аренду, то, по словам управляющего, он размахивал толстой пачкой денег, как будто ему кто-то подарил ко дню рождения в собственность банк.

— Я полагаю, что эта квартира принадлежит его другу, который уехал на Восток на несколько недель и разрешил ему поселиться на время.

Алтчек покачал головой:

— Несколько дней назад он снял эту квартиру. Пара типов, представляющих актера и его близкими друзьями, подтвердили, что у него имелась куча денег. Я простой коп, Холман, и предпочитаю придерживаться такого простого мотива для убийства, как ограбление, пока он не будет опровергнут.

— Вы допускаете, что убийцей мог оказаться один из его приятелей-актеров?

— Возможно. Двоих мы исключили из списка подозреваемых, осталось проверить еще двоих. Все, чего я хочу сейчас от вас, это получить информацию, которой вы располагаете и которой у меня нет.

Я подумал, что мне просто необходимо что-то преподнести ему. Что-то такое, что было в наших общих интересах.

— Леонард Рейд послал Андерсену в подарок котенка за несколько дней до того, как тот покончил с собой,— сказал я.— У котенка на шее имелась лента, завязанная пышным бантом. На ленте было написано: «Симпатичный подарок для упрямого мальчика. Любящий Леонард».

Это была всего лишь шутка, уверяет Рейд. Он также клянется, что не посылал никакого котенка с такой же надписью на ленте Иордану. Вот я и подумал, что человек, обнаруживший тело Андерсена, должен был найти и котенка.

Лейтенант потянулся к телефонной трубке. «На разговор потребуется несколько минут», — подумал я и закурил сигарету.

Мне удалось докурить ее до конца.

— У Андерсена была уборщица, которая приходила к нему два раза в неделю, — сказал лейтенант. — Именно она обнаружила тело, но в официальных бумагах ничего не упоминается о котенке.

— Предположим, что Рейд не посылал другого котенка Иордану, — заговорил я, тщательно подбирая слова. — Тогда человек, пославший его, должен был знать о первом котенке, посланном Андерсену, и о дарственной надписи на ленте.

— Ну и что?

— В таком случае убийца предпринял все это с единственной целью впутать Рейда в убийство, верно? А это уже куда более сложный мотив, чем простое ограбление.

— Мне хотелось бы думать, что вы такой же чокнутый, как и все остальные голливудские безумцы, — сказал лейтенант, морщась как от зубной боли. — Но в данный момент я не могу позволить себе такой роскоши.

— Что в отношении гиосцина? — спросил я. — Тут вам удалось найти какие-то следы?

— Наркотик принадлежал Иордану. Пару лет назад с ним случилось то, что мягко называют «нервным расстройством». Несколько месяцев он находился в специальной санатории. Разумеется, ни один врач не выдал бы этого препарата домой. Естественнее предположить, что он его похитил.

— Как вы считаете, убийца подсыпал гиосцин в его бокал, когда тот на секунду отвлекся? Или что-то в этом роде?..

— Кто знает? — Алтчек раздраженно пожал плечами. — Возможно, он сам накачался наркотиком до появления убийцы... Во всяком случае, вы здесь для того, чтобы снабдить меня информацией, Холман, а не наоборот.

— Я бы очень хотел ею располагать! — воскликнул я совершенно искренне. — Но, к сожалению, я знаю об этом деле не более, чем вы, лейтенант.

— Чтобы быть уверенным, что вы побежите к ближайшему автомату, чтобы позвонить мне, я напоминаю вам, что это ваша профессиональная обязанность.

Он холодно улыбнулся.

— О'кей, никто здесь не занимается игрой в шарады

и не шутит. Запомните, что вы у меня на крючке, в любой момент я могу дернуть за леску.

Я вышел из его кабинета с неприятным ощущением, что мой затылок и шея являются объектом его вивисекционистского взгляда. Чем-то лейтенант напоминал мне Ивана Грозного: вполне симпатичный малый, пока он получал все, чего хотел, но при малейшем сопротивлении головы начинали лететь с плеч направо и налево.

Пришлось зайти в ближайший шикарный ресторан, выпить пару martinis и проглотить что-то мягкое, чтобы восстановить утраченную уверенность.

После этого я поехал к Леонарду Рейду.

Рейпикинз, нежившийся на солнышке у парадного подъезда, неодобрительно фыркнул, когда я проходил мимо него. Судя по тому, как он самодовольно перевернулся на спину и закрыл глаза, я решил, что он снова побывал в кустарнике.

Мне пришлось позвонить раза четыре подряд, пока дверь не открыл зевающий Леонард Рейд, яростно протирающий глаза.

— Вы нарушили мой сладкий сон, старина,— произнес он с упреком.— Я так хорошо устроился на своей одинокой кушетке, положив себе на веки влажные чайники, дабы быть добрым и отдохнувшим на вечерних поминках по незабвенному любимцу дорогого Айвана.

— Я виделся с лейтенантом Алтчеком,— сообщил я.— Говоря точнее, лейтенант повидался со мной. Я превратился в его покорную марионетку на шнурке. Стоит ему разок чикнуть ножницами, и я упаду в небытие. Или, скорее, в тюрьму. Причем, вся ответственность ложится на вас.

— Я в отчаянии!

Он приложил ладонь ко лбу, закрыл глаза и придал физиономии такое скорбное выражение, что я тут же припомнил его в главной роли в картине «Камилл».

— Вы забыли застегнуть молнию! — сказал я, и он тут же поспешил убедиться, что я его обманул.

— Вы можете смешать мне бокал, богоподобный Леонард, пока мы будем извлекать последнюю и окончательную истину из вашей лживой глотки.

— Какие жестокие слова! — пробормотал он, направляясь в гостиную.— Вы часом не принадлежите тайно к нашей когорте, Рик? Я все пытаюсь понять, почему вы так ненавидите меня?

— Все дело в синдроме Рейда,— хмыкнул я.— Вы же

обожают быть объектом чьей-то ненависти. Вы — безумец, которого давно следовало бы обрядить в смиренную рубашку, после чего утопить. Предпочтительно в Великом океане, где действительно глубоко. А я помяну вас бурбоном со льдом.

Он смешал два бокала, протянул мне мой, сам же опустил на кушетку, застланную леопардовой шкурой.

— От вашего яростного недоброжелательства, — пожаловался он, — у меня появляется страшная слабость. Я могу разразиться неудержимыми слезами.

— Икс-фактор, — произнес я, — важная тайна, с которой вы не желаете расстаться, помните?

— Да, помню, что вчера днем вы несли такой вздор, — согласился он. — Я отнес эту тарабарщину за счет необычайно жаркого дня с повышенной влажностью. Послушайтесь моего совета, старина, не валяйтесь долго на пляже. Солнце в больших количествах вам противопоказано. Конечно, тут может быть и чисто физиологическое объяснение: недостаточно толстые кости черепа...

— Сколько в точности вы заплатили наличными Иордану, когда он уходил отсюда? — спросил я напористо.

— Что?

Его темно-серые глаза под тяжелыми веками неожиданно приобрели настороженное выражение.

— Вы не могли забыть про самоубийство Андерсена, — сказал я, — и вам не хотелось, чтобы Иордан распускал про вас излишние сплетни, особенно то время, когда решалась судьба вашего участия в новом эпическом сериале на библейскую тему. Поэтому вы откупились от него, чтобы он держал язык за зубами. И лишь позднее сообразили, какую сделали глупость! Сунув ему сгоряча деньги, вы предоставили ему широкую возможность в дальнейшем вас шантажировать. И тогда вы наняли меня, чтобы я заставил его прекратить распускать злобные сплетни, как вы объяснили мне, но в действительности вы надеялись, что я так запугаю Иордана, что он больше не осмелится лаять. Так ведь?

— Так.

Он тихонько вздохнул.

— Теперь я вижу, что было бы умнее сразу же выложить вам всю правду, старина, поскольку вы все равно до нее докопались, на что я, признаться, не рассчитывал.

— Сколько вы ему дали?

— Пять тысяч.

— Наличными?

— Даже у меня хватило сообразительности не давать ему чека.

— Последние дни своей жизни он развлекался тем, что совал пачку денег под нос всем своим друзьям и знакомым, которые хотели на нее взглянуть.

Я хмыкнул.

— Он заплатил наличными за аренду очень дорогой квартиры, а остальные деньги оставались у него дома. Либо никто никогда не рассказывал ему про банки, либо он им не доверял... Убийца забрал эти деньги с собой, когда ушел из квартиры.

Я сделал пару глотков бурбона, машинально отметив про себя, что он был из самых дорогих, какие мне доводилось пить.

— Алтчек считает, что мотивом является ограбление, но это не вяжется с котенком и дружеским посланием от вас на ленточке вокруг его шейки... Может быть, убийца забрал эти деньги для того, чтобы еще сильнее запутать полицию?

— Кто знает? — произнес он растерянно. — Я надеюсь только на вас, Рик. Вы распутаете эту загадку. Конечно, я бы предпочел, чтобы вы сумели обвинить в преступлении Чарли Стерна.

— Если только Алтчек узнает, что вы дали Иордану пять тысяч, он ни за что не поверит, что вы это сделали по доброте сердечной! — огрызнулся я. — Он решит, что Иордан вас шантажировал, ну а это убедительный мотив для убийства. Естественно, что, уходя от Иордана, вы забрали деньги с собой, чтобы скрыть факт шантажа.

— Вы, случайно, по неясным для меня соображениям, не сообщили лейтенанту, что деньги Клайву дал я?

— Нет, потому что тогда я еще не был уверен. Теперь же я знаю точно. Если он позднее выяснит, что я знал, но не сказал ему...

Я провел пальцем себе по щеке понятным каждому жестом.

— Вы становитесь все более серьезной проблемой в моей судьбе, Леонард... В настоящий момент я колеблюсь, должен ли я жертвовать ради вашего спасения собственной жизнью.

Откуда-то появился Маускинз, глаза у него блестели, он явно подбирался к картине Леонарда. Заметив это, Леонард поставил бокал на ковер и с удовольствием стал наблюдать, как котенок лизал вино.

— Не думаю, что тут я могу вам помочь, старина, — на-

конец произнес он. — Я хочу сказать, что это исключительно ваша собственная проблема, вам ее и решать. Не так ли?

— Очевидно, так, — вежливо согласился я. — Вы не против, чтобы я воспользовался вашим телефоном?

— Пожалуйста. — Он шумно втянул в себя воздух. — У меня будет время, чтобы собрать вещи до приезда лейтенанта?

Я повернулся к нему спиной, набирая номер так, чтобы Леонард подольше помучился в догадках.

Через пару секунд интимно приглушенный голосок прошептал мне в ухо: «Герберт Волкер и компаньоны».

— Это Рик Холман, — сказал я. — У вас осталось хоть сколько-нибудь седых волос?

— А?

— Я подумал, не поседели ли они все от беспокойства в ожидании моего звонка? — высказал я скромное предположение.

Голос ее звучал весьма невнятно.

— В вашем голосе было столько энтузиазма вчера вечером, когда я вам позвонила, что я позабыла даже о вашем существовании, как только положила трубку.

— У меня собралась компания игроков в покер, — солгал я. — Вы знаете, как себя чувствуешь, когда шесть любопытных ушей прислушиваются к каждому сказанному слову? Так может быть мы начнем сначала, Сейра Кронин? Время, место, куда заехать за вами вечером?

— Это довольно сложно.

Голос ее полностью оттаял.

— Я занимаю квартиру вместе с тремя другими девушками, они все будут сегодня дома. Если вы заедете за мной, все три набросятся на вас с расспросами, и мы не сможем оттуда вырваться, пока они не вытянут из вас всю биографию, вплоть до родимых пятен. Так что не лучше ли мне приехать к вам?

— Прекрасно! — воскликнул я и назвал адрес. — Жду вас около половины девятого.

Леонард одарил меня своей дьявольской улыбкой номер один.

— На момент я и правда подумал, что вы решили бросить меня на съедение волкам, — замурлыкал он. — Я даже почувствовал, как холодные стальные браслеты защелкнулись у меня на запястьях. У вас несомненно извращенное чувство юмора.

— Несомненно, — согласился я. — Как вы считаете, Ай-

ван Оллсоп с какой-то определенной целью задумал сегодняшние поминки?

— Кто может разобраться, что происходит во фрейдистских джунглях его мозга?

Он пожал плечами.

— Дорогой Айван несомненно что-то задумал, но нам придется дождаться вечера, чтобы в этом разобраться.

— Вы знали, что Иордан провел несколько месяцев в специальном санатории после нервного расстройства?

— Да, он говорил мне об этом.

— И про гиосцин тоже?

— Я ему сказал, что баловаться с такими препаратами очень опасно.

Леонард покачал головой.

— Но временами Клайв был упрямее самого директора. Правда, он заверил меня, что крайне редко принимает гиосцин и что он знает, как с ним обращаться. Когда у него окончательно сдают нервы, это единственное средство.

— Он использовал его, когда находился здесь?

— Вряд ли. А если и применял, то в таких количествах, которые не сказывались заметно на поведении.

— Уйдя отсюда, он забрал его с собой?

— По временам, старина, я бы даже предпочел разговаривать с лейтенантом, нежели с вами. Тот во всяком случае не лезет в душу со своими вопросами... Полагаю, что Клайв забрал гиосцин с собой, но я не рылся в его чемоданах, чтобы в этом удостовериться.

— Если вы предпочитаете разговаривать с лейтенантом, то бога ради. Я буду только рад. Еще не поздно сообщить ему, что Иордана снабдили деньгами вы.

— Знаете, Рик, я внезапно почувствовал удовольствие от ваших вопросов.

Он пригладил себе волосы.

— Надеюсь, вы не откажетесь сыграть подобающую вам роль сегодня?

— Что за роль?

— Специалиста по улаживанию всяческих неприятностей с шестью пистолетами у каждого бедра и холодной улыбкой на губах, горящего желанием помочь своему именитому клиенту, очаровательному Леонарду Рейду.

— В характеристике вы опустили кусочек о моей преданности правде и справедливости, — напомнил я. — Это идет перед очаровательным Леонардом Рейдом... Кстати, в прошлый раз был эпитет «несравненный». С чего это вы его заменили?

Его толстые губы надулись.

— По временам, старина, я почти не сомневаюсь, что вы хотите доказать, будто беднягу Клайва убил я.

Глава 10

Я вернулся домой около четырех часов и накормил котенка Леонарда, который по всем признакам устроился на постоянное жительство у меня под кроватью. Потом я решил выбрать времечко для спокойного раздумья. Когда тело отдыхает, мозг получает возможность абсорбировать впечатления от подсознания и зачастую неожиданно приходит к совершенно очевидному, правильному решению задачи.

Поэтому я растянулся на кровати, готовый углубиться в раздумье и проснулся лишь через три часа.

Под душем я все еще надеялся, что какие-то впечатления из сферы подсознания всплывут и помогут мне уличить убийцу Иордана, но единственное, что я почувствовал, была сильная жажда, поэтому я решил, что мое подсознание тоже заснуло.

Я оделся обычным образом и понадеялся, что мой костюм подойдет под определение Айвана Оллсопа «что-то свободное». Мой 38-й и поясная кобура находились в верхнем ящике бара, я долго спорил сам с собой, прежде чем решить, что в них нет необходимости. Даже если отвратительный гигант Джон захочет поохотиться за мной, то, очевидно, Чарли Стерн будет держать его в узде в чужом доме, куда он сам был приглашен.

Кроме того, присутствие совершенно постороннего человека подействует если не успокоительно, то все же сдерживающе. Сейчас Кронин была интригующей блондинкой и все такое прочее, но я пригласил ее для собственной охраны. Конечно, я мысленно скрещивал свои пальцы, чтобы она никогда об этом не догадалась.

Дверной звонок раздался за пару секунд до половины девятого, а через десять секунд я обнаружил очаровательный солнечный закат на парадном крыльце. Даже в гостинной стало светлее, хотя все дело было в ярко-розовом шифоновом туалете Сейры. Платье падало красивыми фалдами, подчеркивая округлые линии боков и груди, вырисовывая мельчайшие детали ее тела. Юбка не доходила до колен, и это заставляло оценивающе взглянуть на стройные

ножки. В ушах поблескивали золотые колечки довольно большого диаметра.

Короче, уж если кого и требовалось сохранять и защищать, подумал я, то вовсе не меня, а Сейру Кронин.

— Как вы считаете, я выгляжу ол-райт для этого вечера? — вкрадчиво осведомилась она.

— Вы выглядите не просто ол-райт, вы выглядите потрясающе! — сказал я. — Почему бы вам не присесть, пока я приготовлю вам выпить?

— Мартини, пожалуйста.

Она уселась на кушетку и скрестила ноги. Подол ее платья поднялся на пару дюймов выше и, черт возьми, мне пришлось напрячь всю волю, чтобы отвернуться от загорелых ножек.

Я прошел к бару, приготовил два бокала и отнес их к кушетке.

— Где состоится этот большой голливудский вечер? — спросила она.

— В доме Айвана Олсопа.

— Ох!

У нее засияли глаза.

— Я считаю, что он воистину великий актер. Кто еще должен там быть?

— Леонард Рейд.

— Его я тоже считаю великим. У меня по спине пробегают мурашки, когда я наблюдаю за ним на экране. У него особенная внешность. Кажется, что он получит любую приглянувшуюся ему женщину грубой силой.

— Знакомство с ним может оказаться для вас большим сюрпризом, Сейра, — сказал я сурово. — Там также будет некто Чарли Стерн.

— Он?

Она сморщила носик.

— Я достаточно часто видела его у нас в офисе. Он ненормальный, не так ли?

— Что заставляет вас так думать?

— В первый раз, когда я увидела его, он остановился у моего стола, направляясь к выходу, и спросил, как меня зовут. Потом сказал, что ему нравится мой стиль, так что почему бы мне не бросить свое место и не перебраться жить к нему. Сначала я вообразила, что он шутит, потом взглянула в его глаза и поняла, что он совершенно серьезен.

Она слегка вздрогнула.

— Я инстинктивно почувствовала, что если я подниму

его на смех, он, самое малое, избьет меня. Поэтому я очень вежливо поблагодарила его и тут же изобрела парня по имени Джо, который является единственной любовью в моей жизни.

— Как он отреагировал?

Она рассмеялась.

— Я немедленно получила от него отказ! Он заявил, что это был всего лишь неожиданный каприз, из которого ничего бы не получилось, поскольку он не любит женщин с короткой стрижкой.

— Вы правы,— сказал я.— Чарли Стерн псих. И, как ни странно, по случайности большинство людей, с которыми вы сегодня познакомитесь, также.

— Похоже на то, что вечер обещает быть чертовски интересным!

Ее ярко-голубые глаза внимательно посмотрели на меня.

— Это нечто большее, нежели просто вечеринка для вас, Рик Холман?

— Почему у вас появилась такая мысль? — спросил я довольно вяло.

— Мистер Волкер говорил о вас в офисе, после того как вы ушли. Он сказал, что вы вроде большого рулевого, который наводит порядок в студии. Я краем уха слышала, что вы приходили к нему по вопросу, связанному с мистером Стерном, потому что вы велели упомянуть его имя.

— Вы правы,— сознался я.— Это более чем обычная вечеринка. Все присутствующие на ней, кроме вас, оказались в весьма сложном положении. Но вам не о чем беспокоиться, Сейра, я буду на страже и не дам вас в обиду.

— Я сама могу постоять за себя! — уверенно сказала она.— Моя мать всегда говорила, что лучшим другом девушки является ее крик.— Она допила свой бокал.— Нам не пора отправляться?

Я кивнул.

— Пожалуй. Одно могу сказать о предстоящем вечере. Что бы ни случилось, скучать вы не будете.

Потрясающий шелк что-то интимно зашептал, когда она поднялась на ноги.

— У меня интуитивное ощущение, что вы сегодня меня как-то используете, Рик. Но, видно, бесполезно вас спрашивать, так ли это, вы все равно мне не скажете?

— Для защиты,— ответил я.— Вы мой страховой полис против обезумевшего Чарли Стерна.

Она негромко рассмеялась.

— Я так и знала, что спрашивать глупо.

Примерно через полчаса японец-слуга провел нас в нарядную гостиную с элегантными канделябрами и изящной мебелировкой, которую неоднократно описывали в различных модных журналах.

Айван Оллсоп вышел поздороваться с нами, он выглядел особенно «британцем» — в охотничьем пиджаке, твидовых штанах, польском галстуке в горошек и соответствующих ботинках.

— Мой дорогой парень!

Он схватил мою руку, как будто я был его давно потерянный брат, только что спасенный после двадцатилетних бедствий в Сан-Франциско.

— Как мило с вашей стороны прийти на мою небольшую вечеринку и привести с собой свою приятельницу!

Я познакомил его с блондинкой, которая с явным обожанием смотрела на него.

— Я безумно счастлива, что вы разрешили Рiku привести меня сюда сегодня, мистер Оллсоп. Вы самый любимый мой актер!

— Это сказано Айвану, слышите?

Он провел пальцами по своим длинным волнистым волосам и тепло ей улыбнулся.

— До чего же приятно услышать это от вас, дорогая! Я никогда раньше не думал о себе как о чем-то любимом актере, хотя мой агент не теряет на это надежды.

Он чуть насмешливо улыбнулся мне:

— Я и подумать не мог, что среди ваших знакомых такая горячая почитательница моего таланта!

— Поскольку я являюсь вашим агентом, в известном смысле, мои мечты теперь осуществились, — сказал я.

Он проводил нас к бару, где на высоком табурете восседал Леонард Рейд, физиономия которого подчеркивала сейчас черты таинственного монгольского злодея. На нем было снова то черное одеяние, в котором я видел его несколько дней назад, включая платиновые браслеты на правом запястье.

Айван представил Рейда Сейре, затем прошел в конец бара и стал готовить напитки.

— Я видела ваш последний кинофильм, мистер Рейд, — обратилась к Леонарду Сейра.

— В таком случае, вы являетесь членом исключительно малочисленной группы, — заявил Леонард.

Он показал зубы в свирепой гримасе.

— Но давайте поговорим о вас. Каково ваше мнение об этом фильме? И обо мне?

— Ох, Леонард!

Айван закатил глаза в отчаянии.

— Это же старо, как мир... Зачем ставить девушку в неловкое положение?

— Картина показалась мне посредственной,— неподкупно заявила Сейра,— но вы, мистер Рейд, были ужасны!

— За такой отзыв,— великодушно заявил Рейд,— вы можете называть меня просто Леонардом. У меня чувство, что Рик в вас нашел нечто иное, чем в своих непотребных девках. Под этой идиотской соломенной шляпкой, которой вы заменили волосы, несомненно скрывается живой ум.

— Все дело в том, что он просто не может не играть все время злодея,— объяснил я Сейре.— Даже для аудитории из одного человека.

— Не бойтесь за меня, его слова меня ни капельки не задевают, Рик,— сказала она.— Как будто я смотрю его картину. В гордом одиночестве!

— Туше! — громко захохотал Айван.

Темно-серые глаза блеснули под тяжелыми веками, Леонард положил руки на бар, уперся подбородком в ладони и взглянул на Оллсопа.

— Я все еще не представляю вас в роли злодея в библейских одеждах, Айван,— произнес он вежливо.— Ниспадающий шифон с несколькими блестками, возможно, куда больше подходит вам.

Лицо Оллсопа на мгновение застыло. Он пожал плечами:

— Я с вами совершенно согласен, дорогой мальчик.

Он рассмеялся, как бы осуждая самого себя:

— Но продюсеры думают иначе, как я понимаю. Мой агент говорит, что дело практически в шляпе.

— Замечательно,— медоточивым голосом произнес Леонард,— все правильно. Вы и есть шляпа.

— Появились новые гости! — завопил Оллсоп, энергично замахав руками.— Присоединяйтесь к нам, дорогие. Мы тут пустили в ход зубы и клыки, сражение в самом разгаре.

Вновь прибывшие медленно направлялись к бару. Я увидел, что недокормленная хищная птица опять была в новом костюме его излюбленного итальянского стиля, а лицо Фреды Паркин сохранило прежний изможденный вид, под стать унылому взгляду ее серо-зеленых глаз, по которым было видно, как далеко она от всего того, что творилось кругом... Черный брючный костюм строгого по-

кроя был полностью лишен женских украшений и подчеркивал хрупкость ее фигуры до такой степени, что невольно думалось, не страдает ли она от худосочия.

— Я вас помню,— сказал Чарли Стерн Сейре, когда Оллсоп начал представлять их друг другу.— Вы работаете у Герберта Волкера.

Он довольно долго взирал на меня, затем снова перевел взгляд на нее.

— Я страшно поражен, увидев вас в такой нежелательной компании, мисс Кронин. Я вам серьезнейшим образом советую не иметь ничего общего с этим дегенератом Холманом, в противном случае я буду вынужден поговорить с мистером Волкером в отношении вашей дальнейшей работы у него.

— Как чувствует себя ваш отвратительный весельчакигигант? — спросил я вежливо.— Полностью оправился от головной боли, разыгравшейся у него вчера днем, я надеюсь?

— Джон абсолютно здоров,— ответил он сдавленным голосом.— У вас будет возможность познакомиться с ним поближе в недалеком будущем, мистер Холман. Если вас это интересует, сейчас он снаружи, в машине.

— Я всегда удивлялся, почему вы никогда не посылали его познакомиться со мной, Чарли-птичка? — спросил Леонард вкрадчивым голосом.— Или вы опасаетесь, что я пришлю его обратно в разобранном виде?

— Единственная причина, почему я здесь,— это убедительная просьба Айвана,— фыркнул Стерн.— Но есть вещи, которые я не могу делать даже ради него. Например, вести беседу с маньяком, а скорее всего — с маниакальным убийцей. Таким, как вы.

— Меня это вполне устраивает,— благодушно улыбнулся Леонард.— Я терпеть не могу спорить с карликами.

Глаза Чарли налились кровью, вот-вот должен был произойти взрыв, но Айван разрядил обстановку, громко сообщив:

— Ах, я вижу, что приехал последний из моих гостей.

Зон Парнелл обставила свое появление в гостиной очень торжественно. Ее золотистые волосы были закручены на макушке в форме фантастической пирамиды, отчего она выглядела очень высокой. Зон была облачена в блестящую серебряную тунику, усыпанную во многих местах сгустками бус и бисера, которые переливались всеми цветами под светом канделябров.

Она не просто отодвинула на задний план двух других

девушек, она их полностью затмила. И была в восторге от этого.

Айван Оллсон шумно поприветствовал ее и обвел нас всех широким жестом:

— Полагаю, вы знакомы с большинством присутствующих, дорогая. Рик, Леонард, конечно! Фреда Паркин!

— Мы знаем друг друга.

Зон улыбнулась брюнетке.

— Как дела, Фреда?

— У меня все болит до самых костей,— холодно ответила она.— И все из-за тебя, глупая сука!

— Не думаю, чтобы вы встречались с Сейрой Кро-
нин? — поспешно вмешался Айван.— Она пришла с Риком.

— С Риком? — Зон поджала губы, взглянув сперва на Сейру, потом на меня.— «Ничего важного» вчера по телефону?

— Интересно знать, удалось бы вам довести вчерашнюю игру в покер до конца, если бы все игроки походили на Зон? — тут же добавила Сейра.

Они обменялись довольно кислыми, но взаимно понимающими улыбками. Все мужчины значились в их невысказанном соглашении негодьями, но одни больше, другие меньше, а самым крупным был признан несомненно Рик Холман.

— Что вы пьете, Зон? — спросил Айван.

— Мартини.

Она вопросительно посмотрела на Чарли Стерна.

— А кто этот забавный сморчок?

— Мое имя Стерн,— произнес Чарли ледяным голо-
сом.— Позднее у нас состоится долгий разговор о тех неприятностях, которые вы причинили мне, сообщив мое имя полиции. Однако в настоящий момент я вообще не желаю с вами общаться. Разговаривайте с другими, если желаете, или стойте истуканом в своей сверкающей вульгарности хоть до глубокой старости. Мне это безразлично.

— Вы — мелкий негодяй!

Она почти плюнула в него этими словами.

— Возможно, вы и можете загипнотизировать Фреду, но меня вы не испугаете... Следите за своими манерами, малыш, иначе я перекину вас через колено и ошпилю все ваши петушиные перышки!

Чарли несколько секунд стоял неподвижно, за это время его лицо постарело лет на пять. Затем он повернулся на каблуках и двинулся к выходу.

— Очевидно, ты примешь участие в представлении,

милочка? — негромко заговорила Фреда. — Джон на практике ознакомит тебя с тем, что он называет «исправительным наказанием». И я очень рада, что смогу здесь потешиться от души, ведь ты сама на себя это накликала.

— Ты сошла с ума! — фыркнула Зон. — Я смогу постоять за себя перед любым мужчиной. — Ее голубые глаза сверкнули, когда она взглянула на меня. — Если не веришь, спроси у Рика.

— Это крайне огорчительно, — с веселой физиономией заявил Айван. — Вот уж никак не мог подумать, что мой вечер начнется так неудачно.

— Рик?

Голос, окликнувший меня, был таким мечтательным (или сонным), что я не сразу сообразил, что это Леонард Рейд.

— Дайте-ка мне заняться этим делом, прошу вас! — Он широко раскинул руки. — Личное одолжение, хорошо?

— Последний раз я угостил Джона бутылкой по лбу, когда он этого не ждал, — сказал я. — Он крупнее вас, Потомок Героев.

— Но никто не знает столько приемов нечестной борьбы, сколько я! — усмехнулся Леонард.

— Послушай, мой дорогой, — взволнованно заговорил Айван, — я вовсе не хочу прослыть старым скрягой, но обстановка гостиной влетела черт знает во сколько!

— Вам следует придирчивее проверять список приглашенных на вечеринки, старина, — промурлыкал Леонард. — Я хочу сказать, лучше вообще никого не звать, если не выносишь шуток.

Чарли возвратился в комнату в сопровождении своего верного Джона. Гигант был все в той же черной шоферской форме, в которой я уже видел его, и по-прежнему казался прототином чудовища Франкенштейна.

— Чарли! — пронзительным голосом закричал Айван. — Вы вернулись как раз вовремя, чтобы выпить вместе с нами в память о Клайве Иордане!

— Я возлагаю ответственность за то, что должно произойти, полностью на вас одного, — скрипучим голосом объявил Стерн. — Вы настаивали на том, чтобы я присоединился к этой компании маньяков и шлюх! Так что теперь придется сидеть смирно и наблюдать, что случается, когда кто-то не только действует мне на нервы, но и оскорбляет меня!

Он ткнул дрожащим пальцем в Зон.

— Вот эта женщина, Джон! Я хочу, чтобы ты осуществи-

вил исправительное наказание и унизил эту особу на глазах всех. Я не ограничиваю тебя в твоих действиях. Единственное условие: не наносить увечий.

— Все понятно, мистер Стерн.

Гигант неторопливо осмотрел ее с ног до головы, дольше всего задержавшись на прическе, затем довольно улыбнулся.

— Это будет большое удовольствие.

Зон инстинктивно попятилась, когда Джон шагнул к ней, пока не уперлась спиной в бар.

— Кто-нибудь, задержите его! — взмолилась она дрожащим голосом.

Леонард Рейд спустился с табурета, затем согнул обе руки над головой впечатляющим движением молотобойца.

— Номер один! — воскликнул Айван и нервно рассмеялся.

— Если этот человек попытается вмешаться, — быстро произнес Чарли, — никаких ограничений, Джон, понятно? Действуй, как считаешь необходимым.

Леонард сделал три торопливых шага, оказавшись практически вне досягаемости для гиганта, поднялся на цыпочки, уподобляясь балетному танцору. Руки у него свободно свисали по швам, и их покой обманул Джона: Леонард неожиданно выбросил вперед одну ногу, носок ботинка с силой ударил противника в пах. Тот взвыл от нестерпимой боли. Леонард даже покачнулся от силы собственного удара, но восстановил равновесие и отступил на шаг назад.

— Ударь-ка разок!

Гигант распрямился, лицо его представляло застывшую маску страдания, а в водянистых глазах читалась неприкрытая жажда убить обидчика. Он тихонечко застонал, затем бросился вперед с протянутыми вперед руками.

Леонард отпрыгнул вбок грациозным пируэтом, затем нанес жестокий рубящий удар заправского дзюдоиста по шее гиганта, проскакивая мимо.

Чарли Стерн издал тонкий неприятный звук, увидев, что его телохранитель опустился на колени. Очевидно, он не мог поверить собственным глазам.

После этого Леонард набросился на Джона с явным намерением убить того.

Вплоть до этого момента я тешил себя надеждой, что знаю практически все о бое на близкой дистанции, но Леонард показал, что я суший дилетант в этом деле.

Он пустил в ход все: руки, локти, плечи, колени и ноги, работая над гигантом с безжалостной жестокостью, кото-

рая была почти научной по своей холодно рассчитанной эффективности.

Даже когда его противник распростерся бесчувственной массой на полу, Леонард не успокоился. Еще секунд двадцать его ноги молотили Джона по ребрам и почкам.

Присутствующие довольно долго ошеломленно молчали после окончания сражения, очарованно наблюдая за тем, как Леонард вернулся на свой табурет к бару и взял в руки бокал. Он даже не запыхался.

Чарли Стерн, еле волоча ноги, вернулся к упавшему гиганту и уставился в его лицо.

— Вы убили его!

Это было произнесено жалобным фальцетом.

— Едва ли, Чарли-птенчик,— безмятежно ответил Леонард.— Мне он кажется сильным парнем-переростком. Это может на пару недель приостановить его рост, только и всего.

— Айван! — В голосе Стерна звучало отчаяние.— Вы должны вызвать «скорую» и полицию.

— Никто не собирается ничего и никого вызывать! — напряженным голосом возразил Леонард.— Нам совершенно ни к чему еще один из отвратительных скандалов по поводу нравов Голливуда, не так ли?

Он посмотрел прямо на побелевшего Оллсопа.

— Я хочу сказать, никому из нас в данный момент неизбежная шумиха в газетах не нужна, не так ли, стари-на? При сложившейся ситуации...

Оллсоп конвульсивно глотнул.

— Я думаю, что Леонард прав.

Он посмотрел на инертное тело гиганта, почему-то это помогло ему приобрести уверенность, так что когда он повернулся к Стерну, на его лице была вызывающая мина:

— Естественно, я крайне сожалею, что такое случилось. Но вы должны признать, Чарли, что во всем виноваты вы один.

Маленький человечек буквально дрожал от ярости, физиономия у него побагровела. Неожиданно он взорвался:

— Ты, безмозглая кукла, сука!

Это относилось к Фреде, затем он ударил ее по щеке.

— Я предупреждала тебя, мерзкий коротышка, чтобы ты следил за своим поведением! — заорала Зон.

Размахнувшись, она ударила его тыльной стороной ладони по губам. Удар сопровождался хлопком, напоминающим взрыв. Чарли же, спотыкаясь, отлетел назад, отчаянно размахивая руками, чтобы восстановить равновесие.

К счастью, на пути у него оказалась кушетка, на которую он и приземлился. Он медленно поднес руку к губам и с нескрываемым ужасом посмотрел на испачканные в крови косточки пальцев, затем неожиданно разразился слезами.

— Пусть остальные говорят что угодно о вашей вечеринке, Айван,— благодушно загудел Леонард,— но скучной ее не назовешь!

— Я заснула и вижу сон,— раздался недоверчивый голос Сейры.— Я знаю, что я сплю. Я проснусь через минуту, а Герберт Волкер и все его компаньоны будут кричать на меня за то, что я заснула на работе.

Фреда молча прошла к кушетке, села рядом с рыдающим Чарли и нежно опустила его голову себе на колени.

— Все в порядке,— заговорила она ласковым шепотом.— Ты с ними считаешься, Орел... Никто не в состоянии долго противоборствовать с тобой, ты прекрасно это знаешь, Ястребиный Глаз!

— Просто невероятно!

Зон чуть насмешливо улыбнулась.

— Ни капельки не удивлюсь, что теперь она предложит ему пососать ее грудь для утешения.

— Всем необходимо выпить еще по бокалу,— решил Айван и принялся исполнять обязанности бармена.— Несмотря на неприятный инцидент, свидетелями которого мы все были, я все еще хочу предложить тост за нашего дорогого безвременно ушедшего от нас друга.

Он наполнил последний пустой бокал и поставил его передо мной, затем встал по стойке «смирно», держа его над головой:

— Предлагаю выпить за одного из самых достойных молодых людей, которых мне посчастливилось знать,— произнес он излишне громким голосом,— за Клайва Иордана!

Мы опорожнили свои бокалы в торжественном молчании, затем быстро опустили.

Я услышал тихие шаркающие шаги и посмотрел на распахнутое французское окно и террасу возле бассейна. На какую-то долю секунды мне показалось, что я различил в полумраке согнутую фигуру, но она тут же исчезла, так что я не был уверен, не померещилось ли мне. В особенности когда из-за двери появился довольно рослый котенок и вошел в комнату.

Вся пятерка, столпившаяся возле бассейна, молча наблюдала, как котенок неторопливо приблизился к ним. Он мгновение поколебался, оказавшись совсем рядом, затем,

очевидно, сделал выбор и потерял о ногу Леонарда, при этом громко замурлыкав.

Леонард наклонился и, подняв котенка, опустил его на бар перед собой.

Его пальцы слегка вздрагивали, когда он развязывал белую ленту на его шее.

— «Симпатичный подарок для упрямого мальчика. Любящий Леонард», — прочитал он ровным голосом.

— Двое людей, получивших подобный подарок, умерли! — хрипловатым голосом произнесла Зон. — Уж не собираетесь ли вы стать третьим, Леонард?

Глава 11

Айван Оллсоп успел пискнуть до того, как ручища Леонарда схватила его за горло, после чего у него осталась одна забота, как бы не задохнуться.

— Ты трусливый мерзавец! — с яростью заговорил Леонард. — В тот самый момент, когда ты пригласил меня на эти зловещие поминки, я почувствовал, что ты что-то затеваешь!

— Если вы отпустите его шею, — посоветовал я, — у него, возможно, появится шанс все объяснить.

— Похоже, вы правы...

Он с явной неохотой разжал пальцы.

Оллсоп судорожно втянул в себя воздух, потом принялся осторожно массировать горло.

— Объяснение совершенно простое...

Он потянулся за своим бокалом и начал пить маленькими глотками.

— Это тот самый котенок, которого вы послали Лестеру Андерсену. Он ненавидел кошек, что вам было прекрасно известно, но обижать вас своим отказом не хотел и отдал животное мне.

— С лентой на шее? — спросил я.

— Точно в таком виде, в каком его прислал Леонард, — кивнул Оллсоп. — Не стану верить, будто я обожаю кошек, но мне показалось забавным оставить его у себя.

— И предьявить его собравшимся в нужный момент, — подхватил я. — Сигналом был, как я понимаю, тост в честь Иордана, по этой причине вы буквально выкрикнули его, чтобы услышал слуга-японец. Он вынес котенка на террасу и втолкнул его сюда. Возможно, у меня излишне развито драматическое чувство?

Оллсоп перестал массировать шею и поправил галстук.

— Но я подумал, поскольку здесь собрались все подозреваемые, появление котенка в нужный момент может, как бы это выразиться? Ну, понимаете...

— Стать своего рода катализатором? — фыркнул Леонард. — Дорогой, тут требуется определенный настрой собравшихся и особый дар артиста, которого у вас, к сожалению, нет!

— Это была прекрасная попытка, Айван, — неожиданно заговорила Зон. — Мы оба знаем, что Клайва убил Леонарда, но доказать это безумно трудно.

Леонард медленно повернулся к ней.

— Чего ради мне было его убивать? — спросил он.

— Потому что вы должны уничтожить людей.

Она стояла совершенно неподвижно и глядела на него глазами, горящими ненавистью.

— Вы больны, Леонард. У вас порочный образ мыслей. Вы не могли примириться с тем, что Клайв осмелился ополчиться на вас, поэтому вы его убили!

— Вы так думаете?

Леонард с совершенно бесстрастным лицом посмотрел на Айвана.

— Я, ух, я не уверен, — забормотал тот. — Но я уверен, что это должен был сделать кто-то из находящихся в этой комнате. Откровенно говоря, я возлагал большие надежды на реакцию, вызванную появлением котенка.

Он растерянно покачал головой.

— Разве это не было потрясением?

— Если уж разыгрывать подобную сцену, то нужно действовать по всем правилам, — терпеливо заговорил я. — Нам надо заняться процессом исключения, тогда мы сумеем хоть что-то выяснить.

Итак, кто-то послал Клайву котенка с точно такой же лентой на шее, как у этого. Это мог сделать либо сам Леонард, либо убийца, рассчитывающий таким образом бросить подозрение на Леонарда. Во всех случаях этому человеку должно быть известно про настоящего котенка, подаренного Леонардом Андерсену.

Леонард, естественно, знал.

Я посмотрел на Айвана.

— И вы тоже знали, потому что Лестер, как вы только что сказали, отдал вам первого котенка. Будем так называть его для удобства... Что скажете вы, Зон?

Она кивнула.

— Однажды Леонард рассказал нам с Клайвом про

этот оригинальный, как он считал, подарок. Тогда мы еще жили у него. Леонарду это казалось забавным и остроумным.

Я повернул голову в сторону кушетки. Теперь уже и Чарли и Фреда сидели прямо и внимательно слушали.

Внезапно издал жалобный стон лежащий на полу гигант и перекатился назад. Это заставило их обоих вздрогнуть.

— Что скажете вы оба?

— Нет, я этого не знала, — покачала головой Фреда. — Они мне про котенка не говорили.

— Чарли?

— Я знал про Андерсена только то, что слышал от Фреды, — ответил он.

— А Фреда знала только то, что сообщила ей Зон. Понятно.

Я снова повернулся к Оллсопу:

— Известно ли вам, что несколько месяцев назад Клайв Иордан перенес так называемое «нервное расстройство» и некоторое время находился в санатории?

— Нет! — Глаза у него округлились. — Не имел понятия.

— Зон?

— Знала, конечно! — фыркнула она. — Не забывайте, что он был моим братом!

— Вы Фреде об этом говорили?

— Нет. В этом не было необходимости.

Расшитый туалет засверкал, когда она глубоко вздохнула.

— Но Леонард знал!

— Таким образом, остаетесь вы двое, — подвел я итог. — Только вы знали, что он чувствовал себя плохо, что прибегал к помощи гиосцина. Убийце было известно про это, и он тоже использовал наркотик, вскрытие обнаружило гиосцин в желудке Клайва.

Я закурил сигарету, в абсолютной тишине чирканье спички показалось необычайно громким.

— Когда Иордан ушел из дома Леонарда, тот страшно беспокоился, не помешают ли ему возможные сплетни получить большую роль в каком-то новом сериале на библейскую тему. Поэтому Леонард вручил ему пять тысяч долларов за молчание. Вы знали об этом, Зон?

— Нет. — Она на минуту закусил нижнюю губу. — Бедный Клайв! Получив впервые в жизни приличные деньги, он...

Я повернулся к паре на кушетке.

— Знали ли вы, что Иордан снял эту прекрасную квартиру?

— Зон сказала мне, что квартира принадлежит его другу, — ответила Фреда, — и ее брат временно в ней обосновался, пока приятель будет отдыхать.

— То же самое мне сказал Клайв.

Блондинка быстро заморгала ресницами, смахивая набежавшие на глаза слезы.

— Понимаете, от этого все делается еще печальнее. Имея такие деньги, он мог бы прекрасно жить, а его убили через несколько дней!

— Ну вот и получайте, Айван, — произнес я вкрадчиво. — Процесс исчисления завершен. Остался всего один человек, которому все было известно.

— И это я? — рявкнул Леонард. — Вы — сукин сын, Холман! Кто вам платит за то, чтобы вы затащили петлю на моей шее?

— Не падайте духом, Маускинз! — весело ответил я. — У вас есть еще шанс выбраться из петли. Кто-то еще может лгать. Лейтенант уверен, что у Иордана оставалась большая часть из полученных денег, которые хранились у него в кармане. Множество людей подтверждает, что он демонстрировал солидную пачку за несколько дней до того, как его убили.

Но их не оказалось в квартире, когда полиция произвела обыск. Они пришли к заключению, что их забрал убийца.

Я поочередно посмотрел на их напряженные лица.

— Когда я недавно упоминал про эти пять тысяч, никто из вас не соизволил поинтересоваться, куда они девались.

— Не понимаю?.. — пробормотал Айван.

— Вы и не можете понять, — усмехнулся я, — потому что такая сумма для вас с Леонардом пустяки. Вы оба — баловни судьбы, известные кинозвезды, и пять тысяч составляют лишь часть десятипроцентного вознаграждения вашим агентам. Чарли — миллионер, такие деньги в его глазах значат еще меньше.

Ну, а для начинающей писательницы?

Для полунищей двоюродной сестры, которая приехала в Лос-Анджелес в надежде на своего кузена-актера, который, как она воображала, процветает в кино и в состоянии помочь ей встать на ноги?

— Я так расстроилась, когда вы рассказали про эти

деньги, подумав, что Клайв получил шанс сделать что-то для себя...— Она быстро закачала головой.— Мне и в голову не пришло поинтересоваться, какова дальнейшая судьба этих денег...

— Чарли! — обратился я к Стерну, не спуская глаз с лица Зон, — откуда у вас появилась уверенность, что Леонард Рейд параноик с манией величия? И непоколебимое убеждение о его дальнейших действиях по определенному шаблону? Раз Андерсен ушел от Леонарда и покончил с собой, значит, и Иордан был обречен сделать то же самое, то есть умереть?

— Из того, что Фреда говорила о нем, это было очевидно.

— Тогда откуда же Фреда черпала эту информацию?

— От Зон!

В голосе брюнетки слышалось искреннее удивление.

— Она в деталях рисовала мне, как ужасно с ними обращался Леонард, когда они жили в его доме. Как она боялась, что Рейд постарается довести ее брата до безумия, так что он наложит на себя руки. А если же он не решится на это, Леонард просто убьет Клайва.

Холодные голубые глаза Зон, казалось, пронизывали меня насквозь, когда я упорно не отводил от нее взгляда.

— Клайв явился для вас страшным разочарованием, — заговорил я снова, — не так ли, Зон? Он писал вам кучу вранья о своих успехах, и вы поверили ему настолько, что решились все бросить и приехать сюда. Разумеется, в полной уверенности, что он будет вас содержать, пока вы не напишете великий роман. Но, прибыв, вы убедились, что он самый настоящий неудачник и живет в какой-то жалкой лачуге.

Естественно, вы поехали вместе с ним в дом Леонарда Рейда. Сомневаюсь, что для его защиты. Это всего лишь красивые слова. Вы поехали, потому что жизнь здесь была куда более заманчивой, чем в той развалюхе!..

— Думайте, что хотите! — огрызнулась она. — Клайв-то знал правду!..

— И вот роковой момент: Леонард зло посмеялся над вами, — продолжал я. — Вы понимаете, о чем я говорю? Он притворился, что без ума от страсти. Он отнес вас на руках в спальню, заранее позаботившись о том, чтобы там его ожидал Клайв.

— Как вы смеете говорить об этом! — яростно закричала она. — И разве это не поступок параноика?

— Я бы этого не сказал... Шутка злая, безусловно, но...

Впрочем, сейчас речь не о том. Меня больше интересует последующая реакция Клайва. Кому он поверил, вам или Леонарду?

— Разве это имеет значение?

— Если он поверил Леонарду, тогда это может иметь колоссальное значение! С этого момента Клайв мог вас даже возненавидеть! И когда вы вместе ушли от Леонарда, он мог со злорадством похвастать, что теперь у него много денег, целых пять тысяч, так что он собирается перебраться в роскошную квартиру, а вас оставит прозябать в старой развалюхе.

— Очень может быть, что он бы так и поступил, если бы все происходило таким образом! — Зон коротенько засмеялась. — Но все происходило совсем иначе.

— Ночью вы явились ко мне с целью убить меня, якобы потому, что я был наемным убийцей Леонарда, — продолжал я с невозмутимым видом. — Теперь я могу сознаться, что тогда вы меня здорово напугали, потому что не шутили, не так ли, Зон?

— Я была страшно расстроена, у меня путались мысли, я сама не знала, что делаю.

— Где вы взяли пистолет?

— Он принадлежал Клайву. Он сам дал его мне, когда оставил старую квартиру. Для самозащиты.

— Я бросил в ведро со льдом пистолет на тот случай, если вы передумаете и снова попытаетесь меня убить. Полагаю, он все еще там.

— Если вы его оттуда не забрали, — она сжала челюсти. — Разве это важно?

— Как сказать?.. Мне только что пришла в голову одна забавная мысль, — медленно заговорил я. — Интересно знать, как отреагирует Алтчек, если выяснится, что как раз из этого пистолета был убит Иордан?

— По всей вероятности, вы даже глупее, чем кажется, Холман! — завопила она. — Как можно забыть, что убийца вложил пистолет в руку Клайва, чтобы придать случившемуся вид самоубийства!

— Но это был не тот пистолет, — солгал я. — Лейтенант сказал, что баллистическая экспертиза показала: из пистолета, находившегося в его руке, даже не стреляли.

— Это невозможно! — Взорвалась она...

— Вы похитили пистолет Леонарда, прежде чем ушли из дома, и застрелили Клайва из него! — быстро произнес я.

— Черт возьми, откуда вы узнали, что мой пистолет исчез? — встревоженно воскликнул Леонард.

— Я этого точно не знал, — признался я, — но у событий есть своя неотразимая логика.

— Вы сумасшедший! — крикнула Зон, голос у нее стал на октаву выше. — Почему вы терзаете меня? Почему не скажете правду? Вы прекрасно знаете, что Клайва убил Рейд!

— Вы необузданная женщина, Зон, даже буйная. Это я знаю по собственному опыту. Вы не соизволили хорошенько подумать, прежде чем решили убить меня! Мало заявить, что я профессиональный убийца, которого нанял Леонард, чтобы убить вашего брата, надо иметь хотя бы какое-то подобие доказательств. Вы не дали себе труда даже пораскинуть умом, как же вам выйти сухой из воды. Ваше высокомерие слишком для этого велико... Конечно, я могу представить лейтенанту лишь косвенные доказательства, но ему и их хватит... Начнем с того, что у вас нет алиби, верно?

— Я же говорю, что вы сумасшедший! — завопила она еще пронзительней.

— Дальше. Откуда у вас появилось это потрясающее платье? — Голос у меня звучал дружелюбно. — Оно должно стоить кучу денег, Зон?

— Сто семьдесят...

Лицо у нее окаменело.

— Если бы один из трех остальных убил Клайва, он ни за что не дотронулся бы до пачки денег, уходя из квартиры, потому что для них они ничего не значат. Но для нищей писательницы — это целое состояние, не так ли?

— Ол-райт, — вдруг совершенно спокойно, словно перегорев, произнесла она, — я его убила. Я ненавидела его даже сильнее, чем Рейда. Все это бесконечное хвастовство в письмах... И такое ничтожество на самом деле. Грязный, мелкий педераст, который...

Она крепко выругалась.

— ...затем специалист по устранению всяческих неприятностей спрятал в кобуру свои многочисленные пистолеты и поскакал прочь из города навстречу заходящему солнцу, а на губах его играла печальная улыбка, — торжественно произнес Леонард. — Правда, справедливость и несравненный Леонард снова восторжествовали благодаря настойчивости и таланту Рика Холмана. Айван, старина, я считаю, что пора вызвать полицию.

— Обождите минуточку!

Я повернулся и с удивлением увидел, что Чарли поднялся с кушетки и с решительным видом направился к нам. Глаза у него по-прежнему были налиты кровью, на птичьем лице застыла маска оскорбленного достоинства.

— Сначала я хочу кое-что сказать.

Он остановился перед Зон Парнелл, расправил плечи и уставился на нее.

— Вы понимаете, что вы натворили?

— Убирайся, коротышка! — презрительно ответила она. — У меня хватает проблем без тебя!

— Вы втянули меня в эту отвратительную историю, заверив, что преступником является Леонард Рейд! Вы доставили мне кучу неприятностей. Донесли обо мне полиции. Вы были первопричиной того, что Холман применил ко мне вчера днем физическую силу, к тому же у меня дома. А сегодня только вы виноваты в том, что Джон так жестоко избит и, возможно, не оправится настолько, чтоб снова быть мне полезным. Кроме того, в присутствии этих людей оскорбили меня и намеренно унизили. А это, — он подчеркивал каждое слово, — нечто такое, с чем я не могу смириться. Никто не осмеливался так поступать с Чарли Стерном! Я просто не могу разрешить вам остаться безнаказанной. Тогда бы я утратил полностью уважение к самому себе. Я хочу, чтобы вы это ясно поняли!

— Вы, с позволения сказать, карикатура на человека! — фыркнула Зон. — Жалкий параноик. Сколько бы вы ни пыжились, все ваши потуги на величие выглядят нелепыми. Вы воображаете, что вы мужчина, да? Но вы всего лишь жалкая пародия на него. И пора бы вам это понять!

Она подняла руку и отвесила звонкую пощечину, в которую, кажется, вложила ненависть ко всему свету.

— А теперь отправляйтесь к своей сердобольной дурочке и принимайтесь плакать у нее на коленях!

Было видно, как напряглось его тело:

— Конечно, мне больше нечего сказать. Полагаю, все понимают, что у меня нет выхода.

— Чарли! — внезапно выкрикнула Фреда. — Не надо!

Он с поразительной быстротой сунул руку в карман и извлек оттуда пистолет 22-ого калибра. Прижав его к груди Зон, он нажал на курок три раза.

Мой кулак ударил его сбоку на долю секунды позже и отбросил его далеко в сторону, но для Зон это уже не играло никакой роли. Мой удар опоздал на ту самую долю секунды... Глаза Зон начали тускнеть, и она упала вперед на ковер.

Фреда склонилась над Чарли, лежавшим неподвижно возле кушетки, и снова положила его голову себе на колени.

Потом бросила на меня укоризненный взгляд:

— Вам вовсе не требовалось его так бить,— жалобно произнесла она.— Он больше никого не собирался убивать. Только ее!

— А вы, как всегда, празднуете труса, Айван, и от страха не способны пошевелиться,— спокойно произнес Леонард.— Надеюсь, вы не обидитесь, если полицию вызову я?

Он двинулся к двери. В тот момент, когда он поравнялся с гигантом, тот неожиданно всхрипнул и сел. Леонард задержался возле Джона на мгновение, нанес сильный удар по голове и пошел дальше.

— Я подумал,— напряженным голосом заявил Оллсоп,— ничто на свете не в состоянии вывести Леонарда из душевного равновесия, верно? Утром я прежде всего скажу своему агенту, что совершенно не заинтересован в этом библейском сериале.

Блондиночка с седыми прядями присела на край кушетки и нервно осмотрелась.

— Вы уверены, что кто-нибудь с пистолетом не выскочит оттуда и не накинется на меня?

— Я лично гарантирую, что ничего подобного произойти не может! — произнес я торжественно.— Жилище Холмана — святилище. Всяческие преступления совершаются в других местах.

Она вздрогнула.

— Если это была типичная голливудская вечеринка, я собираюсь жить в Пасадене, а в свободное время развлекаться вязанием.

— Честное слово, я не знал, что дело обернется таким образом! — искренне повинулся я.

— А все эти полицейские офицеры...— продолжала она.— Знаете, мне несколько раз казалось, что лейтенант собирается вас ударить.

— У меня было такое же ощущение,— согласился я.— Но его тоже можно понять. Зон-то провела его на все сто процентов, ее он ни в чем не подозревал. Откровенно говоря, я был счастлив, что у нас достаточно свидетелей, которые могли присягнуть, что все происходило именно так, а не иначе.

— Который час?

— Я боялся, что вы спросите меня об этом,— уныло сказал я.— Пять минут четвертого.

— Если я сейчас поеду домой, остальные девушки вообразят, что самое плохое уже произошло,— заявила она.— Что же мне делать?

— Выпейте еще бокальчик,— решительно посоветовал я и забрал из рук пустую посуду.

К тому моменту, когда я отнес ей мартини на кушетку, она уже немного повеселела.

— Моя мама всегда говорила, что нужно все хорошенько обдумать, потому что нет худа без добра,— горделиво заявила она.— Я уже забыла все те кошмарные вещи, которые сегодня произошли.

— Молодец! Браво!

— Я думаю о более веселых вещах. Скажите, кинозвезды всегда такие несдержанные?

— Да.

— Быть такой несдержанной, должно быть, приятно. Я имею в виду: делать то, что ты хочешь, и когда тебе заблагорассудится.

— Правильно!

Я согласно кивнул головой.

Она вопросительно посмотрела на меня:

— А вы когда-нибудь бываете несдержанным?

— По большей части.

— Должно быть, это забавно.

Она сделала плоток, продолжая о чем-то думать.

— Я хочу сказать, что в настоящий момент я думала о том, что поскольку три девушки в нашей квартире все равно будут уверены, что худшее произошло, ну, почему бы и нет?

— Я не уверен, что понимаю вас.

— Неужели? — Она тепло улыбнулась.— Вы иногда бываете поразительно недогадливы, верно, Рик?

— Это точно.

Она лихо выпила до дна, словно я подал ей не мартини, а лимонад, затем протянула мне пустой бокал.

— Налейте-ка еще,— сказала она между прочим.— Я должна обдумать вопрос о несдержанности и довести его до логического конца.

Я вернулся к бару, наполнил бокалы и пошел с ними к кушетке. На этот раз она расправилась с напитком одним глотком, и через мгновение я остался стоять с пустым бокалом в руке.

— Я определенно решила быть несдержанной,— объ-

явила она слегка захмелевшим голосом.— Для вас это ол-райт, Рик, дорогой?

— Все здорово, Сейра,— заверил я ее.

— Отлично!

Она осторожно поднялась на ноги.

— У вас когда-нибудь возникало желание сорвать с себя всю одежду и заняться с кем-то страстной любовью?

— Нет,— ответил я невинным голосом,— но мне чертовски нравится эта идея!

— Именно такое желание я испытываю сейчас,— произнесла она будничным голосом.— Я могу сейчас это сделать.

— Коли вы надумали заняться страстной любовью, я полагаю, что действительно надо начать с того, чтобы сорвать с себя всю одежду,— согласился я.

— Вы абсолютно правы.

Она церемонно кивнула головой, затем схватила подол своей пышной юбки.

— Ра-аз!

На мгновение она приподнялась:

— Не желаете ли удержать на минуточку проклятую комнату на месте, она так кружится, что мне не устоять?

Она резко выпрямилась, тонкий шелк взлетел над головой и оказался на спинке кушетки. За ним последовал бюстгальтер из розовых кружев и такие же трусики, назначение которых мне было неясно.

Она пошла мне навстречу с решительным выражением на лице, ее обнаженное тело казалось симфонией слегка колеблющихся сфер.

— Что случилось, Рик, дорогой? — сурово спросила она.— Все еще в одежде?

— Я займусь этим незамедлительно,— сказал я, слегка запнувшись.— Вы не обидитесь, если я задам один вопрос?

— Нет.

— Эти седые волосы у вас? Это краска?

В ее глазах появился злой огонек.

— Может, да, а может, и нет. Возможно, я все это сделала для того, чтобы быть тайно несдержанной. Никогда наверняка не знаешь, Рик, дорогой!

— Очевидно, это не суть важно! — заявил я.— Конечный результат весьма эффектен.

— Девушка должна иметь свои тайны.

Она сама бросилась в мои объятия, крепко прижавшись ко мне твердыми грудями.

— Почему мы тратим время на разговоры? — Она дернула меня за мочку уха. — Меня интересует, когда же мы займемся страстной любовью?

Это был хороший вопрос.

Я поднял ее на руки и отнес в спальню, где мы занялись страстной любовью. Все шло хорошо, за исключением одного момента. Когда мы приближались к крещендо страсти, из-под кровати раздалось пронзительное мяуканье. Она чуть не подпрыгнула до потолка.

— Это всего лишь котенок, — успокоил я ее, удерживая за плечи.

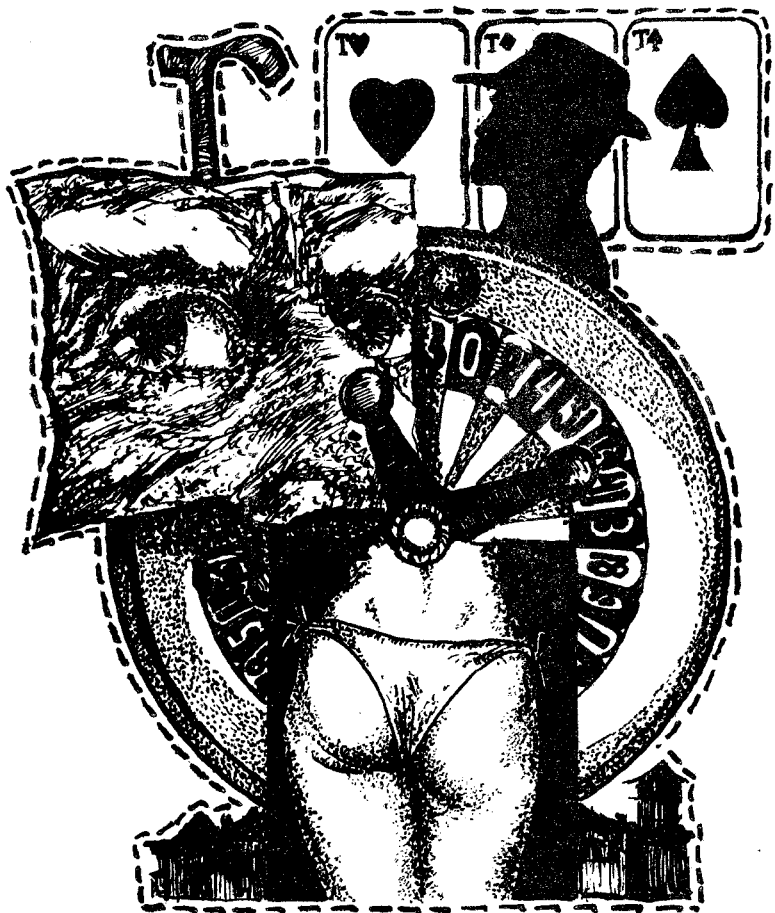
— Рада, что вы мне это сказали, Рик.

Зубы у нее щелкали от страха.

— У него есть имя?

— Леонард.

— Символично! — сказала она.

БЕЛОЕ БИКИНИ

Блондинка за секретарским столом была женственной и элегантной.

Она подняла глаза и подарила мне ослепительную улыбку, которая, согласно секретарской шкале, означала следующее: я не знаю этого типа, но нужно соблюдать некоторую осторожность, чем черт не шутит, вдруг он окажется важной персоной.

— Я вас слушаю,— сказала она.

— Мое имя — Рик Холман,— представился я.

— Чем могу быть вам полезна, мистер Холман?

— У меня назначена встреча с мистером Монтегю — Акселем Монтегю.

Ее глаза расширились от мгновенного удивления, потом я почти услышал щелчок, когда она переключилась на другое отношение ко мне.

— Конечно, мистер Холман. Секунду, пожалуйста!

Она наклонилась вперед, чтобы взять телефонную трубку, и ее полные груди ясно обозначились под тонкой шелковой блузкой.

— Мисс Пил? — спросила она в трубку.— Пришел мистер Холман.

Я пробыл в Голливуде достаточно долго и хорошо представлял себе мир кино, но впервые должен был встретиться с человеком, стоящим на такой недосыгаемой высоте.

Откуда-то появилась девица и пригласила меня с собой. Поднявшись с ней на третий этаж, я поступил в распоряжение привлекательной блондинки, занимающей пост у лифта. Когда я вошел в кабину, она нажала кнопку и мягко улыбнулась мне на прощанье.

На пятом этаже приятная, но равнодушная девушка с прямыми каштановыми волосами провела меня через

приемную, где работали полдюжины стенографисток, в кабинет личного секретаря мистера Монтегю.

— Мисс Пил!

Мисс Пил было около сорока пяти лет и выглядела она хорошо одетым манекеном.

— Мистер Холман,— сказала она уверенным голосом,— мистер Монтегю ждет вас, но он хочет, чтобы прежде я выяснила пару деталей.

— Отлично,— кивнул я.

— Вопрос о вашем гонораре,— продолжала она.— Мистер Монтегю испытывает определенную неприязнь к обсуждению заключаемых контрактов, условий и тому подобных вещей.

— Я всегда говорил, что деньги весьма вульгарный предмет,— пробормотал я.

Она закурила сигарету.

— Мистер Монтегю, естественно, нанимает только первоклассных работников,— быстро сказала она.— Мы знаем вашу репутацию высокого специалиста, мистер Холман. Соглашение должно быть абсолютно конфиденциальным, и мистер Монтегю надеется, что вы используете все свое время и энергию, независимо от того, как долго это продлится.

— При такого рода требованиях мистер Холман рассчитывает, что мистер Монтегю уплатит за работу крупную сумму,— усмехнулся я.

— Двадцать пять тысяч долларов,— ответила она.— Это превосходит ваши ожидания?

— Очевидно, у мистера Монтегю — при его королевском положении — и проблема королевская?

— Вы иронизируете, не так ли, мистер Холман? — сухо заметила она.— Я вижу, что вы неглупы, к тому же вас, видимо, нелегко напугать. Полагаю, плата соответствует проблеме.

— А именно? — спросил я.

— Мистер Монтегю объяснит вашу задачу,— сказала она.— Дверь прямо перед вами. Входите, мистер Холман, и не нервничайте.

— Мисс Пил,— сказал я, вежливо улыбаясь,— последний раз я нервничал летом 1955 года.

Из кабинета мисс Пил двойная дверь вела в кабинет мистера Монтегю. Человек, который лично руководил судьбами крупнейшей киноимперии западного побережья, сидел за столом, стоящим в углублении у окна. Он, вероятно,

занимался решением шахматной задачи за доской с костяными фигурами.

Аксель Монтегю был живой легендой своего времени. Даже враги признавали его гениальность. Он был высоким мужчиной и еще сохранял атлетическое сложение. Его волосы были густыми и вьющимися, металлического цвета, а глаза были чуть темнее. Аккуратные светлые усы повторяли изгиб полных губ. На нем был темный костюм.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Холман,— спокойно сказал он.

На мгновение мне показалось, что Акселю Монтегю давно чужды какие-либо чувства и эмоции. Я сел в кожаное кресло и приготовился слушать.

— Мисс Пил позаботилась обо всех деталях, я полагаю? — спросил он.

— Кроме парочки мелких,— ответил я.

— Они так важны?

— О чем идет речь? И соглашусь ли я взяться за это дело? — Я пожал плечами.— Для меня эти вопросы важны, мистер Монтегю.

— Вы услышите, о чем идет речь.— Он говорил резко.— Но не вздумайте отказываться, Холман, если хотите работать в той же области. Я знаю, что вы специализировались на постановочном бизнесе.

— Насколько я понял из ваших слов, мистер Монтегю, смысл сказанного можно изложить проще: если я откажусь, вы вышвырнете меня из кинопромышленности, верно?

— Не думайте, что я не смогу этого сделать,— заявил он.

— Ни на секунду так не подумал,— согласился я.— За последние три года я добился прочного положения специального консультанта для мира искусства, и вряд ли похороню все свои достижения ради дешевого удовольствия сказать «нет» Акселю Монтегю.

— Естественно,— хмыкнул он.— Вы не глупец, Холман, и я удивляюсь тому, что вы начали с таких глупых вопросов.

Он встал, прошел к стене и нажал на кнопку. Внезапно яркий свет высветил рисунок на стене. Это был портрет молодой девушки с темными волосами и темными глазами. Нежные черты и красивый оттенок кожи придавали ее лицу кукольное выражение, нарушаемое только изгибом полных чувственных губ.

— Моя дочь Дженифер,— тихо сказал Монтегю.— Ей было девятнадцать, когда писали этот портрет.

— Она очень красива,— откровенно сказал я.

— Это было три года назад.

Он осторожно опустился на стул. Раздался щелчок, и внезапно портрет снова потемнел. Монтегю несколько секунд изучал мое лицо, затем опустил голову, устремив невидящий взгляд на шахматы.

— Она всегда была трудным ребенком,— пробормотал он.— Совершенно самостоятельна, с сильным характером. С очень раннего возраста умела защищать себя. Через год после того, как был написан этот портрет, она убежала из дома и в Неваде тайно вышла замуж. Думаю, она рассчитывала вернуться домой с триумфом, ведя на поводу своего мужа. Вся затея была абсолютно абсурдна. Человек, за которого она вышла замуж, был охотником за приданым, и я говорил ей об этом еще за три недели до того, как понял, что у нее это серьезнее, чем я думал. Но это типично для Дженифер — ставить людей перед свершившимся фактом, когда уже ничего нельзя сделать. Но на этот раз я кое-что предпринял.

Он достал сигарету из серебряного портсигара и закурил.

— Я уехал в туристическую поездку в Европу на три месяца за день до того, как новобрачная и ее муж прибыли домой. Мой дворецкий передал Дженифер записку от меня, потом захлопнул дверь перед их носом. Записка была короткая. Я сообщал, что коли уж моим мнением пренебрегли, она для меня умерла. Выдача денег на ее содержание прекращается. С того момента, как я получил телеграмму о её замужестве, ее личные вещи вышвырнуты из дома. Она больше не войдет в мой дом.— Указав на портрет, он добавил: — С тех пор я больше не освещал этот портрет ни разу — до сегодняшнего дня.

— Это было два года назад?

— Да,— он быстро кивнул.

— И теперь вы хотите, чтобы я нашел вашу дочь, мистер Монтегю?

— Нет,— сказал он.— Я сам нашел ее прошлой ночью, случайно, в статье на одной из последних страниц вечерней газеты. Она в морге, Холман. Ее нашли мертвой на берегу севернее Малибу, около восьми часов утра.

— Вы думаете, что причина смерти не обязательно несчастный случай, и хотите, чтобы я выяснил все обстоятельства?

— Не пытайтесь угадать мои мысли, Холман. Мне нет дела до того, как она умерла. Несчастный случай, самоубийство — какое это имеет значение? Единственная вещь, которую я хочу знать, как она провела последние два года после своего замужества. С того момента, как умерла ее мать, — Дженифер было тогда только четыре года — и до самого ухода я знал каждый ее шаг. Но последние два года — чистая страница, которую вы должны заполнить для меня во всех подробностях, начиная с того дня, когда мой дворецкий отдал ей записку, и до вчерашнего утра, когда нашли ее тело, вынесенное на берег.

— Хорошо, — сказал я безразличным голосом. — Я свяжусь с полицией...

— Запрещаю вам делать это! — прорычал он. — Я не хочу, чтобы мое имя было связано с ней каким-либо образом. Она пользовалась девичьей фамилией моей жены — Холт. Ее опознали, согласно газетным сообщениям, как Дженни Холт, работавшую официанткой в каком-то сомнительном кафе! Только трое знают ее истинное лицо — я, мисс Пил и теперь вы. — Его глаза сверкнули. — Усвойте это, Холман. Если кто-нибудь узнает, что эта официантка — дочь Акселя Монтегю, вы пожалеете, что родились на свет!

— Я отлично понял вас, мистер Монтегю, — кивнул я. — Значит, раз я не могу работать с полицией, единственный путь — встретиться с человеком, который пару лет назад в качестве новобрачного стоял перед вашим домом.

— Джонни Федаро, — хмыкнул он. — Один из этих дешевых негодяев, которые околачиваются в Лас-Вегасе. Там она и повстречалась с ним. Выбросила за одну ночь три тысячи долларов на его проклятую игру. — Его рот скривился в жесткой усмешке. — Видимо, он считал, что обеспечил себе будущее, женившись на единственной дочери Акселя Монтегю. Я не пожалел бы отдать еще три тысячи долларов за то, чтобы увидеть его физиономию, когда мой дворецкий захлопнул дверь перед его носом.

— Значит, начну с него, — кивнул я. — Каким образом мне информировать вас? Еженедельные доклады вам или...

— Этого не нужно. Вы придете ко мне, когда полностью выполните задание, не раньше, — холодно сказал он. — У меня есть более важные дела.

— У меня один вопрос, — сказал я.

— Что еще?

— Хотите ли вы, чтобы я сперва позаботился о последнем долге? Я имею в виду ее похороны.

Его брови удивленно поднялись.

— Кто будет заниматься этими сантиментами из-за смерти какой-то официантки?

Я вышел из кабинета к мисс Пил.

— У меня есть чек для вас, мистер Холман,— сказала она.

— Расходы? — спросил я.

Она протянула мне чек. Я взглянул на него и был удивлен, что он был выписан на всю сумму — 25 тысяч долларов.

— Мистер Монтегю совершенно доверяет вам, мистер Холман,— сухо сказала мисс Пил.

— О, конечно. У меня, правда, не было выбора принимать или не принимать это предложение. Он обещал уничтожить меня, если я откажусь.— Я кивнул на дверь кабинета.

— Вы немного нервничаете, мистер Холман? — спросила она, и ее серые глаза сверкнули.

— Не нервничаю, но обеспокоен,— сказал я откровенно.— Никогда не встречал человека, который бы мог так сильно ненавидеть.

— Его личный мир развалился, когда погибла Мариен,— пояснила она.

— Мариен?

— Его жена, Мариен Холт. Ведь вы не настолько молоды, чтобы не помнить ее?

— Та Мариен Холт? Величайшая кинозвезда сороковых годов? Она была замужем за Монтегю? — Я уставился на нее.— Любой мужчина мечтал прийти домой, где его ждала бы на кушетке Мариен Холт.— Я тихо покачал головой.— Девушка, которая сняла свои брюки и отдала их французскому генералу, когда он сказал ей, что не уверен в американской решительности,— была женой Акселя Монтегю.

— Да, она была его женой,— тихо повторила мисс Пил,— и погибла в авиационной катастрофе в 1945 году, когда летела во Францию. Он не мог забыть этого.

— Я читал журналы,— тихо сказал я.— Помнится, ее имя связывалось с именем Лео Ранда — героя ковбойских фильмов?

— Он был ее первым мужем,— коротко ответила она.

— Но я говорю о более позднем времени, перед ее гибелью,— сказал я.— Он не был в Европе в то время? По-моему, был какой-то скандал в Лондоне, связанный с ним?

— Не помню,— ответила она.

— Лео Ранд,— проговорил я.— Я всегда старался подражать ему. Ходил, как он, с выдвинутым слегка вперед правым плечом, рука чуть выше пояса, где должно было быть оружие. Что, черт возьми, случилось с Лео Рандом?

— Этого я не знаю,— сказала она, пожимая плечами.

— Я думаю, с ним произошел несчастный случай,— твердо сказал я.— Бедная маленькая Дженифер. С таким отцом, как Аксель Монтегю, и матерью, как Мариен Холт, ей нелегко приходилось с самого начала, я полагаю.

— Но вам надо заниматься не началом, мистер Холман, а концом,— ее голос внезапно стал резким.

— Конечно.

На лице мисс Пил неожиданно появилось выражение крайней заинтересованности.

— Мистер Монтегю хочет, чтобы вы только выяснили детали последних двух лет ее жизни, мистер Холман?

— Верно.

— Дженни была великолепной пловчихой,— тихо сказала она.— Пьяная или трезвая — она не могла утонуть. Разве только кто-то долго держал ее под водой.

Я взглянул на нее. Приходило ли ей в голову, что даже хорошие пловцы могут совершить самоубийство? Она могла быть брошена в воду уже мертвой. И еще множество всяких вариантов.

Поскольку я промолчал, она заговорила снова:

— Прошу вас, выполните мою личную просьбу: найдите убийцу.— Она отвела взгляд в сторону.— Дженни была куколкой, мистер Холман, живой куколкой.

2

Очень просто было найти вчерашнюю газету и установить, что труп Дженни Холт находится в морге. Туда я и отправился.

Служитель морга посмотрел на меня из-за стола.

— Нет, сэр,— заявил он.— Эта женщина опознана как Дженни Холт, мистер Холман, следовательно, она не может быть вашей сестрой.

— Как я уже сказал вам, она могла изменить свое имя. Прошло два года, как она покинула дом, и...

— Описание, данное вами, по всему подходит к этой Холт,— признал он.— Но ведь бывают просто похожие люди, верно?

— Может быть, я могу взглянуть на нее,— с надеждой произнес я.

— Послушайте, приятель,— сказал он.— Я знаю, что у вас серьезная проблема, но эта Хольт не ваша сестра. Впрочем, вы все равно опоздали, потому что ее больше нет у нас.

— Нет? — Я бросил на него недоуменный взгляд.

— Ее отец сегодня утром забрал труп. А отец не мог не признать свою дочь, верно?

— Полагаю, что нет,— согласился я.— Это не Франк Хольт, случайно?

Он посмотрел в книгу регистрации.

— Нет. Вильям Хольт из Сан-Диего.

— Я знал когда-то Билла Хольта,— сказал я.— Крупный, с лысой головой?

— Не знаю,— ответил он.— Я заступил на работу с полудня, и ее увезли, когда я пришел.

— Ну, при всех условиях, спасибо.— Я сунул доллар ему в руку, и его глаза счастливо расширились.

— Это совсем не обязательно, приятель.— Он сунул доллар в карман.

— Да я рад, что это не моя сестра,— сказал я.— Ужасная штука — она была еще ребенком.

— Думаю, не больше двадцати одного. И настоящая красавица. Доктор Хемфис сказал, что на ней не было следов насилия. Он считает, что она просто не умела плавать.

— Может, она была пьяна?

— Нет! Доктор сказал, что не было и следов алкоголя или наркотиков.

— Ну, буду дальше искать сестру,— сказал я.— Пойду в больницу.

— Может, она просто вышла замуж, приятель. Вы хоть подумали об этом?

Он еще что-то говорил, когда я выходил из морга.

Была полночь пятницы, но казалось, что весь мир ожидал светопреставления в субботу утром, и всем оставалось не более тридцати часов, чтобы истратить деньги в Лас-Вегасе. Нужно мне заведение было так переполнено, что потребовалось пятнадцать минут, чтобы пройти от двери до парня, который стоял в центре небольшого свободного пространства рядом с кассой.

Это был парень солидного сложения, в вечернем костю-

ме, с неослабным вниманием осматривающий помещение. Я подождал, пока он отоварил чей-то чек, потом подвинулся ближе.

— Привет, Джо,— сказал я.

Он взглянул в мою сторону.

— Давно не видел вас, Рик.

— Мне нужно найти кое-кого в Вегасе. Я спросил себя: кто может мне сказать, где его выудить? И сам себе ответил — Джо Кирк.

— Добрый старина Джо Кирк,— мягко сказал он.— Всегда готов помочь. За деньги!

— За чем дело? — Я пожал плечами.— Десять долларов только за то, чтобы постоять здесь и немного поболтать.

— Рокфеллер счел бы это достаточно приличным,— сказал он.— Как имя парня, которого вы ищете?

— Джонни Федаро,— ответил я.

— Прощай, банкнота,— прошептал он.— До свидания, Рик Холман!

— Неприятностей не будет,— заверил я.— Просто хочу немного поговорить с ним.

— Вы вытянули из шляпы не то имя. Попробуйте назвать другое.

— Меня устраивает то, которое я уже назвал,— настаивал я.— Сто долларов, Джо, но это предел.

— Не видел Федаро уже несколько месяцев,— ответил он.— С какого это времени Джонни Федаро стал стоить сто долларов?

— Могу порасспрашивать вокруг,— сказал я,— это потребует больше времени, но, возможно, сохранит деньги.

— О'кей. Можно попытаться.— Он ткнул пальцем в парня в вечернем костюме, стоящего неподалеку.— Подожди на несколько минут, Арни,— сказал Кирк.— Посмотри хорошенько на людей за рулеткой за пятым столом.— Он дал ему десять секунд, потом спросил: — Кого-нибудь из них узнал?

— Нет,— ответил Арни.

— Крупье там новый,— прошептал Джо.— Он выглядит мертвым. Может, это потому, что он новый?

— Да,— Арни кивнул,— я следил за ним.

— Мистер Джонатан Ботрайт из Далласа снова играет у нас,— сказал Джо.— Недавно он потерял двадцать тысяч. Он может проиграть еще пять, но это все. Мы хотим, чтобы он пришел к нам еще, Арни. Двадцать пять тысяч он может себе позволить.

— Я прослежу!

— Следуйте за мной, мистер Холман!

Кирк двинулся к двери позади кассы, достал два ключа и отпер ее. Когда мы прошли за дверь, он аккуратно снова замкнул ее и пошел по узкому коридору. На полпути он остановился и вежливо постучал в закрытую дверь.

— Кто это? — спросил голос из комнаты.

— Кирк!

— Так входите!

В комнате невысокий парень, стоя на коленях, склонился перед открытым сейфом, битком набитым банкнотами. Через полминуты он поднялся, закрыв дверцу сейфа, и, повернувшись, посмотрел на нас немигающим взглядом.

— Вы помните Рика Холмана, мистер Фаулер? — вежливо спросил Джо Кирк.

— Нет, — ответил невысокий парень.

— Около года назад, когда кинокомпания начала чинить нам неприятности, мистер Холман уладил дело очень мирно и без огласки.

— Я сказал ему «спасибо».

— У мистера Холмана возникла небольшая проблема, он считает, что мы сможем ему помочь. Он ищет парня, тот работал здесь, и уверяет, что не будет скандала, только небольшой разговор.

Фаулер уставился на меня.

— Кто вам нужен?

— Джонни Федаро, — подсказал Джо.

— Он работал здесь, верно, — сказал Фаулер, подумав пять секунд. — Мы уволили его.

— Когда это было? — спросил я.

— Не помню точно. — Он пожал плечами.

— Может, он работает где-нибудь поблизости? — предположил я.

Снова наступило тяжелое молчание.

— Послушайте, — сказал я. — Мне надо найти одного человечка, может, Федаро знает, где он. Это все! Как только что говорил Джо, я уладил тогда дело со студией, не повредив вам. Теперь я нуждаюсь в вашей помощи.

— Это было очень тонко сделано, — нейтрально сказал Джо. — Никакой огласки.

Фаулер достал из верхнего кармана сигару, откусил ее кончик, потом зажег спичку.

— Олл райт, мистер Холман. Может, я и задолжал вам услугу. Федаро появился в городе пару лет назад, крутился

здесь восемнадцать месяцев, потом внезапно исчез. Он работал здесь — и хорошо, Джо был доволен им.

— Он был обаятельным маленьким негодяем, — сказал Джо. — К нему тянуло многих женщин, не без пользы для дела.

— Он хотел разбогатеть, — Фаулер смотрел на меня так, словно я лично был виновен в этом пороке Федаро. — Все мы этого желаем, но ведь не в одну ночь?

— Он имел любовницу, — сказал Джо. — Маленькую светловолосую курочку с поддельным южным акцентом. У нее в сумочке была толстая пачка денег, достаточная, чтобы приобрести стадо коров! Она проиграла несколько тысяч долларов за столом Федаро, потом начала выигрывать. После первого круга она выиграла десять тысяч, потом еще двадцать, и сказала, что на сегодня достаточно. Я видел, что Федаро рад избавиться от нее. Но тут она снова стала играть. Она проиграла весь свой выигрыш и вела себя так, словно это было для нее мелочью. Дала Федаро тысячу, только за то, что при нем ей везло.

— Обеспеченная курочка? — спросил я.

— Еще чего? — хмыкнул Фаулер. — Она была красивой дамой, в коротком платье и с дорогим ожерельем. Когда уходила, Федаро сунул ей лишние деньги. Они были уверены, что мы проверим только его, а ее обыскивать не станем.

— Но вы обыскали? — спросил я.

— И обыскали бы сразу, — усмехнулся Джо, — но меня смутило ее ожерелье. Поэтому я вежливо проводил ее до дверей. Потом неожиданно притворился сексуальным маньяком, сунул руку за вырез платья и вытащил оттуда пачку денег.

— Значит, вы за это и выгнали Федаро?

Я смотрел на Фаулера.

— Конечно, — кивнул он. — Мы хотели возвратить свои деньги.

— Он еще в Вегасе?

Некоторое время Фаулер тяжелым взглядом смотрел на Кирка, потом пожал плечами.

— Вот что, Джо, придется тебе отвезти мистера Холмана к нему.

— Как скажете, мистер Фаулер.

— Спасибо, — поклонился я. — Я ценю это.

— Не стоит, — хмыкнул Фаулер. — Теперь я вам не должен, верно?

Мы уже полчаса тряслись за городом по плохой дороге, и Кирк внезапно бросил мощный «седан» с дороги в сторону. Мы проехали еще милю по бездорожью и остановились около маленькой непривлекательной хижины. Кирк выключил мотор, и наступила тишина.

— Он здесь,— кивнул Джо.— Может, мне зайти с вами, он меня знает.

— О'кей,— согласился я.— Какого черта он здесь делает?

— Пора дать мне сто долларов,— напомнил Джо.

Я вытащил две пятидесятидолларовые банкноты и протянул ему.

— Вы не ответили на мой вопрос, Джо.

— О, это.— Он открыл дверцу и начал выбираться из машины.— Он приводит себя в порядок после несчастного случая.

Я вышел из машины и присоединился к нему.

— Несчастный случай?

— У него есть телефон,— сказал Джо.— Так что, когда закончите, можете вызвать такси. Или вы хотите, чтобы я подождал вас?

— Я вызову такси,— ответил я.— Что за несчастный случай?

Он молча постучал в дверь, и через несколько секунд женский голос спросил изнутри:

— Кто это?

— Кирк,— ответил Джо.— Откройте. Со мной один джентльмен, он хочет поговорить с Джонни.

Дверь открылась. Я услышал шуршание одежды, чья-то фигура быстро скрылась внутри помещения раньше, чем я рассмотрел ее.

— О'кей, парень,— сказал Джо.— А теперь я вас покину.

Прежде чем я успел возразить, он оказался в машине. «Седан» развернулся и направился к шоссе.

Дверь осталась открытой, и я вошел внутрь. В углу комнаты стояла девушка, следя за мной глазами, полными ужаса. На ней были габардиновая юбка и свитер, подчеркивающий ее фигуру. Светлые волосы были взлохмачены, но все же она выглядела привлекательной, если не считать шрама на правой щеке, портящего ее внешность.

— Разве Фаулеру еще недостаточно? — прошептала она.— Или он послал вас просто, чтобы попинать нас?

— Я Рик Холман,— представился я.— Хочу погово-

ритель с Джонни Федаро, а Фаулер был моим должником, поэтому Кирк привез меня сюда.

— Вы работаете на Фаулера?

— Ну вот, — сказал я. — К чему этот допрос?

Она прикусила нижнюю губу.

— Джонни не в состоянии говорить с кем-либо сейчас. — Ее пальцы дотронулись до шрама на лице. — Думаю, Фаулер сказал вам об этом?

— О том, как вы вдвоем пытались надуть его на девяносто тысяч? — Я кивнул. — Он сказал мне. Джонни располагает кое-какой информацией, которая мне нужна. Я уплачу за нее.

— Деньги нам нужны позарез, — с горечью сказала она. — Сколько, мистер?

— Пятьсот долларов, — сказал я, подумав, что трачу пока еще деньги Акселя Монтегю.

— Подождите здесь, — сказала она. — Я пойду поговорю с ним.

Она исчезла в задней комнате, а я сел на запыленную кушетку, закурил сигарету, и попытался ни о чем не думать, потому что во мне поднималась волна ненависти к Фаулеру и Кирку, а это было глупо.

Девушка вернулась, и я встал с кушетки.

— У нас здесь все удобства, — в ее голосе по-прежнему звучала горечь. — Этот Фаулер, у него есть сердце. Знаете, он даже поручил доктору регулярно навещать нас и оплачивает лекарства.

— Доктор должен был доложить об этом в полицию, — я показал на шрам.

— Сожалею, — ответила она. — Но этот доктор имел лицензию до того, как стал алкоголиком.

— Мне не нравится Фаулер так же, как и вам, детка, — хмыкнул я. — Но Джонни не должен был брать эти деньги.

Ее губы искривились в усмешке.

— Он еще говорит мне!

— Что относительно Джонни? — спросил я. — Смогу я поговорить с ним?

— За пятьсот долларов вы можете получить все, что хотите, включая и меня! — Ее пальцы снова коснулись шрама. — О, я совсем забыла о нем. Теперь я не предмет для сделки, да?

— Может быть, пластическая операция сможет удалить шрам, — предположил я.

— Ну, конечно, — сказала она. — Подумаешь, всего несколько тысяч долларов за новое лицо! Вы не знаете

хирурга, который сделал бы это задаром? — Она пожала плечами. — Извиняюсь, мистер, это не ваша вина. Проходите, Джонни ждет вас.

Тот сидел на кровати, ожидая меня, его перевязанные руки лежали между коленями. Он действительно выглядел, как дешевый негодяй с густыми выющимися черными волосами.

— Джонни, я — Рик Холман, — обратился я к нему.

— Что вы хотите услышать от меня за пятьсот долларов? — тихо спросил он. — Впрочем, неважно. Я чертовски нуждаюсь в любой сумме. Бейб, — он кивнул на девушку, — считает, что это найденные деньги. Но у меня другие планы. — Джонни злобно рассмеялся. — Куплю на них револьвер и вышибу мозги Фаулера.

— Советую использовать их на другие нужды, Джонни, — сказал я. — Вы должны знать, что вас ждет при попытке прикончить парня, вроде Фаулера, с большими деньгами. У вас еще вся жизнь впереди, так что забудьте об этом.

— Вы сумасшедший! — возразил он. — Я конченный человек, Холман. Я был крупье, как вы помните. Это все, что я умел делать, я мог зарабатывать себе на жизнь.

— Думаю, Фаулер рассказал о вас, кому следует, и вы не сможете работать крупье, — сказал я. — Ну что ж, для парня есть миллион других способов заработать на жизнь своими руками.

— Да? — Его голос поднялся на целую октаву. — Вот этими руками?

Он внезапно поднял их передо мной и, несмотря на толстый слой повязок, я увидел, что по два первых пальца на каждой руке отсутствуют.

3

Девушка плеснула в стакан дешевого виски и молча подала ему. Он шумно начал пить, обливая ладони.

— Дженни? — спросил он. — Кому какое дело до того, что случилось с ней?

— Мне, — ответил я.

Он подставил стакан, и девушка снова наполнила его.

— Я не видел ее шесть месяцев.

— Олл райт, расскажите о том, что было раньше. Начните с того, как вы встретились.

— Это целая история, — хмыкнул он.

— Плачу за нее пятьсот долларов,— заметил я.

Он посмотрел на девушку и сказал:

— Выйди.

— Хочешь, чтобы я оставила бутылку? — спросила она.

— На полу.

Она поставила бутылку на пол около кровати и не оборачиваясь вышла из комнаты.

— Около двух лет назад,— начал он, когда девушка ушла,— я работал на Фаулера. Она пришла однажды поздно ночью и села за мой стол с таким видом, словно ей принадлежало все заведение. Несмотря на слишком юный вид, у нее были зрелые женские формы. Вообще она была смелая девчонка, тут же спросила мое имя. «О'кей, Джонни,— сказала она,— сделаем немного ставок другого рода». Я сказал ей, что правила заведения запрещают мне это. «Я говорю не о деньгах,— возразила она.— Я выхожу из игры. Вы будете принадлежать мне следующие двадцать четыре часа, потом я буду ваша на это же время».

Она потеряла около трех тысяч долларов. Когда я освободился, мы поднялись в ее номер. Я никогда прежде не встречал женщин, подобных Дженни,— каждый раз она приходила ко мне, словно это было в последний раз.

— Вы имеете в виду, что она была очень страстной? — спросил я.

— Да. Полагаю, что так.— Его голос был полон сомнения.— Но что-то в этом было грязное. У меня появилось такое чувство, что она использовала меня, как носильщика, который несет за нею ее вещи.— Он потерял свою правую руку.— Кого это заботит? Так между нами продолжалось пару месяцев, потом однажды утром она исчезла, и я решил, что все кончилось, но через неделю она вернулась. «Я сказала своему отцу о тебе,— заявила она.— Он не согласен со мной, и я хочу дать ему урок. Ты что-нибудь планируешь на завтра, Джонни?» Я ответил, что нет, и она сказала, что это отлично, так как тогда мы сможем завтра пожениться.

Я ждал, пока он наклонился, наполнил стакан виски, выпил половину и поставил стакан на пол.

— Ее отцом был Аксель Монтегю,— тихо сказал он.—

— Какой-то крупный деятель в кинопромышленности? — спросил я.

— Величайший! — Он хмыкнул.— Я считал, что когда женюсь на его дочери, то буду обеспечен. Дженни говорила, каким он был негодяем, но я не верил в это вплоть до

свадьбы, вернее, до той минуты, когда дворецкий отдал Дженни записку, а потом с треском захлопнул дверь перед нами.

— Дженни смеялась,— сказал он,— словно это было славной шуткой.

— Что случилось потом?

— У меня было немного денег. Она еще сохраняла за собой номер в Вегасе. Мы продали ожерелье за две тысячи долларов и поехали в Малибу — она была отличной пловчихой и помешана на купании. Я не умею плавать, поэтому проводил весь день, валяясь на песке, пока она купалась. Через пару месяцев она продала свои кольца, и этого хватило нам на некоторое время. Однажды утром, когда мы проснулись, я сказал ей, что мы должны вернуться в Вегас, где я смогу получить работу. Она рассмеялась мне в лицо. Я обезумел, и у нас произошла схватка, может, я помял ее немного. В конце концов она заявила, что знает, где легко достать деньги, и ушла.

— Через два дня Дженни вернулась и выложила тысячу долларов. Когда я спросил, откуда у нее эти деньги, она ответила, что ей заплатил мужчина. Я швырнул ее через всю комнату, а она засмеялась, словно ей доставили удовольствие. Потом у нас все пошло по-прежнему, как будто ничего не произошло.

— Значит, вы так и не вернулись в Вегас?

— Я привык к этому. Она уезжала и возвращалась с деньгами. Правда, первое время она ожидала от меня взбучки, но я уже давно успокоился.

— Вас перестало волновать, за что она получает эти деньги?

Он покраснел.

— Вы просто не знали Дженни! Сначала я сходил из-за нее с ума и думал, что это никогда не кончится. Я терпел все ее выходки, лишь бы мы были вместе. Каждый день на пляже я со злостью наблюдал, как все мужчины пялили на нее глаза, когда она появлялась в белом бикини. Но я слишком боялся потерять ее, чтобы сказать ей об этом.

— И все же вы оставили ее?

— Не по своей вине,— сказал он.— Когда она уезжала, я даже радовался, что немного отдохну,— настолько остертело сторожить ее на пляже. Но в последний раз она отсутствовала неделю. Вернувшись, она, как всегда, выложила пачку банкнот и посмотрела на меня. «Я не одна, со мной мужчина»,— сказала она. Я машинально взглянул на деньги и услышал ее издевательский смех: «Нет, деньги мне

дал другой. А этот нужен мне для удовольствия. Я не знала, что так может любить мужчина. Попроси его, Джонни, чтобы он научил тебя этому».

— Я в бешенстве ударил ее так, что она покатила по полу. Но глаза ее все равно смеялись. Вдруг она закричала: «Пит! Он ударил меня!» В комнату ворвался громадный парень, схватил меня одной рукой и приподнял на пару футов от пола... — Федаро усмехнулся, вспоминая. — Словом, они уже ушли, когда я пришел в себя. Дженни забрала свою одежду, но деньги оставила. Они лежали в ящике вместе с запиской. «Прощай, любимый!» — вот все, что она написала.

— Это был последний раз, когда вы ее видели?

— Последний раз. — Он снова шумно выпил виски из стакана. — Я поехал в Сан-Франциско и пару недель пил. Потом встретил Бейб, — он кивнул в сторону другой комнаты. — Она — шлюха высшего класса, но со мной это было по любви. У нас появилась идея вернуться в Лас-Вегас и поработать здесь. Я был уверен, что мы что-нибудь придумаем!

— Вы не узнали, кто был этот Пит? — спросил я.

— Я спрашивал вокруг. Пит Блисс был известным атлетом в Малибу. Он держал кафе вместе со своей сестрой. Я видел ее однажды, когда еще был с Дженни. Тогда она была певицей. Одна из этих бродяг с гитарой. Ее звали Кати.

— Как называлось кафе?

— «Ханговер» — вы не знаете его? — он хмыкнул.

Звук подъехавшего автомобиля заставил его конвульсивно подскочить, так что стакан выскользнул из рук и покатился по полу.

— Кто это? — прошептал он.

— Не знаю, — честно сказал я. — Но вот ваши пятьсот долларов.

Он потянулся за деньгами, потом с сомнением взглянул на обрубки пальцев.

— Не думаю, что смогу даже спрятать их в карман, — сказал он. — Лучше отдайте Бейб!

— О'кей, — сказал я. — Могу я воспользоваться вашим телефоном, чтобы вызвать такси?

— Телефоном? — Он уставился на меня. — Вы шутите?

— Кирк сказал, что у вас здесь есть телефон.

— Он надул вас, — сказал Джонни. — Представляю, как он будет хохотать при мысли, что заставил вас отмахать пешком двадцать миль.

Я вышел в гостиную в тот момент, когда раздался стук в дверь. Девушка стояла в углу, закрыв лицо и дрожа всем телом. Когда я открыл дверь, Джо Кирк вошел в комнату, сопровождаемый двумя мускулистыми парнями с жесткими лицами.

— Вы, должно быть, услышали, что я вызываю такси,— вежливо сказал я.

— Вы уже закончили здесь? — спросил Кирк.

— Полагаю, да.

Он кивнул сопровождающим его парням.

— Выведите Федаро к машине,— сказал он, и они двинулись в другую комнату.

— Собирай свои вещи, детка,— приказал он девушке.— Вы переезжаете.

Она со страхом уронила руки вдоль тела.

— Переезжаем? — прошептала она.

— Хозяин — человек с добрым сердцем, но не думайте, что он будет содержать вас в такой роскоши и дальше,— сардонически усмехнулся он.— Лицо в порядке, и пальцы у твоего дружка как новенькие! Так что сейчас же готовьтесь в дорогу!

Она медленно пошла к задней комнате. Джо Кирк следил за ней с усмешкой на лице.

— Это совсем другая дама,— сказал он громко, чтобы она слышала.— В ту ночь у стола она выглядела по-настоящему классно, а сейчас превратилась в ничтожество, даже если считать, что у нее нет никакого шрама на лице.

Примерно через две минуты Джонни Федаро вышел в сопровождении двух парней. Сзади шла девушка, неся тяжелый саквояж.

— Джо! — Лицо Федаро было мрачным.— Не достаточно ли?

— Ни о чем не беспокойся, малыш,— сказал Кирк.— Только хозяин считает, что если ты останешься здесь дольше, это будет плохой рекламой для заведения. Поэтому он дал тебе транспорт и железнодорожный билет. Тебе еще повезло.

Они провели Федаро через дверь, блондинка последовала за ними. Когда она проходила мимо, я протянул ей деньги.

— Джонни сказал, чтобы я отдал деньги вам.

Она непонимающе посмотрела на меня, потом взяла деньги и продолжила путь.

Кирк усмехнулся после того, как она вышла.

— Не говорите мне, что она еще будет мошенничать. С ее теперешним лицом и всем остальным!

— Грязные мыслишки, Джо,— сказал я.

Снаружи послышался шум мотора, потом стих вдали.

— Вы вызовете мне такси, Джо? — спросил я.

— Не беспокойтесь, мой собственный автомобиль стоит у дома,— сказал он.— Я заставил бы вас идти обратно пешком — вам было бы полезно это упражнение,— но Фаулер считает иначе.

— Он решил, что вам нужно убрать отсюда Джонни и девушку на случай, если я решу обратиться к закону.

— Пока у вас появится шанс поговорить с законом,— снова усмехнулся он,— они уже пересекут половину страны.— Он закурил сигарету и направился к спальне. Заглянув туда, он сказал: — Да, домом это не назовешь. Но, думаю, мы воспользуемся им. Нам нужно немного задержаться.

— Даже если бы и обратился к закону, пользы от этого не будет,— заметил я.— Вы так запугали Федаро и девушку, что они побоятся рассказать всю историю.

— Может быть,— пожал плечами Кирк.— Но лучше предусмотреть и маловероятное.— Он показал на спальню.— Вы можете немного отдохнуть.

— Могу,— хмыкнул я.— Все лучше, чем смотреть на вас.

Я направился к спальне. Джо Кирк следил за мной с издевательской усмешкой. Проходя мимо Кирка, я внезапно двинул локтем ему в левую почку, а когда он, шатаясь, отступил на два шага назад, с силой пнул в левое колено. Он закричал, сделал шаг вперед и получил удар правым кулаком между глаз.

Я вытащил бумажник из кармана его пиджака и забрал свою сотню. Ключи от машины были в заднем кармане. Когда Джо Кирк придет в себя, ему предоставится возможность прогуляться 20 миль до города или же, оставшись здесь, изобрести себе телефон, чтобы вызвать такси.

4

Над кафе «Ханговер» горела кроваво-красная неоновая вывеска. Я нашел столик около стены и заказал кофе официантке, которая выглядела бы привлекательной, если бы избавилась от тридцати фунтов лишнего веса.

Через некоторое время мои глаза привыкли к полумра-

ку зала, и я даже смог рассмотреть цвет кофейного «экспрессо», торчащего передо мной. На моих часах было пять минут двенадцатого, и я предположил, что снова у меня ночь затянется. Я вернулся из Вегаса ранним утренним рейсом, поспал восемь часов, потом поехал в «Ханговер».

Кафе было целиком заполнено. Через пять минут в центре зала выветился круг, раздался всплеск аплодисментов, и появилась девушка с гитарой. Она ударила по струнам и запела классическую «Барбару Аллен». В зале мгновенно наступила тишина. У нее оказался сильный вибрирующий голос.

Когда аплодисменты после первой песни смолкли, она снова запела. Я следил за нею, слушая ее, похожий на колокольчик, голос, и не вникая в смысл слов. Она была высокой и привлекательной, с длинными-длинными волосами, которые водопадом спадали ей на плечи. Ее лицо было без малейших следов косметики, глаза голубые. Под легким белым свитером ясно вырисовывались небольшие, но довольно полные груди, короткая юбка привлекала взгляд к красивым стройным ногам.

Она исполняла классические баллады, морские песенки. Наконец, зазвучала последняя песня:

«И ехал он,
Пока шесть юношей не встретил,
Везущих труп,
Всех в белое одетых».

Мне казалось, что где-то я уже слышал эти слова. Когда песня закончилась, она немного постояла с опущенной головой, потом быстро выбежала из освещенного круга, хотя аплодисменты еще долго звучали после ее ухода.

Наконец публика успокоилась, и все занялись едой и разговорами. Тяжеловесная официантка снова подошла ко мне.

— И не пили свой кофе, а он остыл. Принести свежий?
Я пожал плечами.

— Как бы мне увидеть Пита Блисса? Он здесь?

— Я узнаю, — пообещала она и ушла.

Я закурил, оглядываясь по сторонам. Через некоторое время к моему столику подошла гитаристка и присела рядом.

— Пита сегодня нет, — сказала она. — Это очень важно? Я не могу сказать, когда он вернется.

— Очень важно, — заверил я ее. — Вы не знаете, где его можно найти?

Она медленно покачала головой.

— Пит куда-то ушел, и я не представляю, где он может быть.

— Он тоже поет о трупе, выброшенном из моря рано утром? — спросил я.

Ее глаза расширились от изумления.

— О чем вы говорите?

— Дженни Холт, — сказал я.

В ее голубых глазах промелькнул внезапный интерес.

— Любящая Дженни? Поэтому вы хотите видеть Пита?

— Если это означает Дженни Холт, то вы правы, — согласился я.

— Может, я смогу помочь? — сказала она. — Я Кати Блисс, сестра Пита.

— Рик Холман, — представился я. — Я тоже надеюсь на это.

— Мы не сможем поговорить здесь. — Она помрачнела, потом снова улыбнулась. — Заведение закрывается через четверть часа. Мне надо проверить кассу, но это займет немного времени, потом мы можем пойти в мою квартиру и поговорить.

— Отлично!

— Хорошо! — Она встала, ее движения были грациозны. — Хотите еще немного кофе, пока будете ждать?

— Нет, если у меня есть выбор, — ответил я, и услышал короткий смешок.

В полночь две официантки быстро навели чистоту. Верная своему слову, Кати Блисс появилась около моего стола через десять минут после того, как последний человек вышел из кафе. Она была в стареньком пальто, брошенном на плечи, в правой руке несла гитару.

— Теперь мы можем уйти, — сказала она. — Одна из девушек присмотрит здесь.

С моря надвигался туман, но было тепло. Мы прошли около восьми кварталов, пока не остановились перед трехэтажным домом солидного возраста: Кати Блисс нашла ключ.

Холл был покрыт линолеумом шоколадного цвета.

— Это наша с Питом берлога, — сказала она, включая свет. — Мне нравится здесь, так как Пит занимает квартиру этажом ниже, и я могу играть на гитаре в любое время.

Она опустила гитару на пол, потом сбросила с плеч пальто и беззаботно швырнула его на спинку кресла.

— Садитесь поудобнее, Рик. Ничего, если я буду вас так называть? Ненавижу формальности! Называйте меня Кати.

— У меня нет другого выбора,— мрачно сказал я.— Не будешь же постоянно приговаривать — мисс Блисс!

Она деликатно улыбнулась.

— Я знаю! Каждый раз, когда кто-то меня так называет, это звучит вроде клички кинозвезды в местном борделе.

Я уселся на кушетке, сделанной, по крайней мере, лет сорок назад.

— Хотите выпить? — спросила она.

— Надеюсь, не кофе?

— У меня есть ром, джин и что-то, привезенное из Алжира,— ответила она.

— Ром было бы неплохо,— сказал я.

Она исчезла на кухне, скоро вернулась с бокалами и села на кушетку рядом со мной. Ром был намного лучше кофе, и я облегченно вздохнул, почувствовав приятную теплоту, разливающуюся внутри.

— Это воздействие напитка или кушетки — или того и другого? — спросила Кати.

— В основном напитка,— усмехнулся я.— Но кушетка тоже очень удобна.

— Иногда я, когда очень устану, засыпаю на ней. Но у меня есть огромная кровать, хоть играй в бейсбол.

— Надеюсь, она не возомнит о себе, что ее могут приспособить для другой игры.

— Она ни разу не подводила меня,— гордо сказала Кати.— Не надо беспокоиться, Рик.— Она начала медленно потягивать напиток, ее голубые глаза с любопытством смотрели на меня.— Почему вы хотели поговорить с Питом о Дженни Хольт?

— Потому что он знал ее.

— А в чем дело?

— Мне поручили выяснить, как она прожила последние два года,— доверительно сообщил я ей.— Тогда я пошел по ее следам, встретился с теми, кто ее знал, и таким образом вышел на Пита.

— Звучит немного лучше, Рик,— сказала она.— Но я не уверена, что верю в это.— Ее глаза внезапно сверкнули.— Значит, вы своего рода детектив, не так ли?

— Полагаю, что так,— согласился я.— Так что же значит — «Любящая Дженни?»

— Держите! — Она переложила свой бокал в мою руку, встала с кушетки и пошла к гитаре. Через пару секунд она снова сидела на кушетке, поджав под себя ноги и держа в руках гитару.

— Вы знаете «Повешенного Джонни», Рик?

— Это народная песня?

— Это морская песня. Первый куплет звучит так...→
Она мягко запела:

«Они галдят, что я повесил мать,

Прочь, парни, прочь!

Они шипят, что я повесил брата,

Тогда вешайте, парни, вешайте!»

Она подождала, пока замер последний аккорд, потом вопросительно взглянула на меня.

— Если морякам будут петь такие песни все время, могу представить, сколько от этого будет неприятностей! — холодно сказал я.

— Не обращайтесь внимания на слова, — воскликнула она. — Видите ли, Дженни Хольт умерла трагической смертью в традициях классической песни — она утонула, поэтому слова морской песенки пришлось переделать.

— Вы сочинили песню о Дженни Хольт? — я устался на нее.

— «Балладу о Любящей Дженни», — сказала она с гордостью. — Хотите послушать?

Я не успел возразить, как раздался гитарный аккорд.

«Они называли ее Любящей Дженни,

Прочь, парни, прочь!

Они вспоминают, как часто она любила!

Плачьте, парни, плачьте!»

Она отложила гитару в сторону и улыбнулась мне, показав белые зубы.

— Что вы об этом думаете, Рик?

— Что значит «Прочь, парни, прочь»? — спросил я.

— Морские песенки сочинялись для работы, — терпеливо объяснила она. — Когда вы гребете, необходим определенный ритм. Понятно?

— Понятно, — кивнул я. — Но почему моряки должны плакать?

— Из-за Любящей Дженни, конечно! — Ее голос стал резче. — Баллады всегда печальны. Любящая Дженни умерла, и это печалит моряков. Поэтому...

— Плачьте, парни, плачьте! — сказал я в унисон.

Она посмотрела на меня.

— Почему просто не сказать, что она вам не понравилась?

— Мне она понравилась, — ответил я. — Просто хотел убедиться, что понял текст. Не слишком-то много слов о любви?

Кати задумчиво почесала нос.

— Думаю, это справедливо. Видите ли, Дженни попросила моего брата Пита увезти ее от человека, с которым она жила,— и он это сделал. Потом она жила с Питом, пока ей не наскучило, и она оставила его ради другого. Признайтесь, что трое мужчин меньше чем за шесть месяцев — это слишком много, не правда ли?

— Конечно,— согласился я.— Значит, она недолго оставалась с вашим братом?

— Ровно пять месяцев,— сказала она.— Я не осуждаю ее за это. Я могу понять любую девушку, которая впервые увидит его бронзовую фигуру на пляже. Чего они не понимают, это то, что надо иметь мускулы и в голове.

— В газетах писали, что она работала официанткой в кафе. Случайно, не в вашем?

— Немного, перед тем, как уйти от Пита, хотя я не сказала бы, что она по-настоящему работала. Пит, видимо, не знал, как объяснить следователю, чем она занималась, и представил ее как нашу официантку. По крайней мере, это было близко к правде.

— А почему обратились к нему?

— Пит опознал тело. Я думаю, вы это знаете.

— Нет, не знал,— признался я.— Вы не могли бы подробнее рассказать об этом?

— Он купался в Малибу. Мальчик лет двенадцати нашел тело на берегу примерно на милю севернее. Было раннее утро, около шести часов, и людей поблизости не было. Бедный ребенок бросился бежать, пока не наткнулся на Пита и двух его друзей. Это было так неожиданно, что Пит долго не мог прийти в себя.

— Тело, долго находившееся в воде, имеет малопривлекательный вид,— согласился я.

— Это было не так,— поправила она.— Они установили, что она пробыла в воде всего шесть часов, не больше. Нет, это был внезапный шок при виде мертвой Дженни, лежавшей на берегу. Пит безумно любил ее и продолжал любить даже после того, как она ушла от него к другому мужчине.

Внезапно снизу послышался звон бьющегося стекла. Глаза Кати загорелись, и она быстро вскочила с кушетки.

— Эй! — сказала она.— Это Пит! — Он вернулся домой.

— Судя по звуку, хорошо нагруженный,— предположил я.

— Он всегда крушит вещи, когда напьется до голубых

чертиков,— объяснила она.— Извините меня, Рик, я схожу посмотрю. Всего на пару минут!

— Конечно, идите!

Она дошла до двери, потом повернулась ко мне.

— Может, я попрошу его подняться сюда и самому рассказать о Дженни?

— Здорово! — согласился я.

— Я попрошу его.— Она секунду колебалась.— Если он придет, Рик, окажите мне услугу? Не говорите ничего, что могло бы его взбесить!

— Только не я!

— Хорошо, тогда никаких проблем.— Она сделала еще один шаг, потом снова повернулась ко мне.

— Рик! Вы не любите драться просто из любви к драке?

— Нет! — сказал я уверенно.

— Это хорошо,— обрадовалась она.— Я всегда говорила Питу, что это слишком по-детски цепляться к словам. Я...— Выражение растерянности появилось на ее лице.— Рик, с вами все в порядке? Вы внезапно побледнели.

— Ничего,— я тепло улыбнулся ей.— Думаю, вы просто дали мне сокрушительную дозу рома!

5

Пит Блисс был представителем расы этих новых суперменов-гигантов, и каждый раз, когда он просто вздыхал, я мог видеть движение его мускулов под туго обтягивающим свитером.

— Пит,— сказала Кати, и ее голос звучал немного нервно.— Это Рик Холман.

— Привет, Пит,— сказал я дружелюбно.

Он двинулся к центру комнаты и уставился на меня холодными голубыми глазами.

— Да? — Голос у него был басовитым.— Похоже, что он здесь, как дома, Кати. Долго он будет торчать в твоей квартире, а?

— Я говорила тебе, Пит, мы только сегодня встретились в кафе,— сказала она мягко.— Ты всегда думаешь плохо о каждом мужчине, которого я привожу домой.

— Не вижу здесь никакого мужчины, кроме себя,— ухмыльнулся он.

Я притворился, что не слышал этого замечания, и улыбнулся ему теплой дружеской улыбкой.

— Полагаю, Кати сказала вам, почему я интересуюсь Дженни Хольт, Пит?

— Она сказала мне,— подтвердил он.— Но это не значит, что я поверил.

— Пит, пожалуйста! — сердито сказала она.— Ты оскорбляешь моего гостя.

— Нет, он не оскорбился,— сказал я.— Конечно, почему Пит должен верить мне, если подумать.

Его массивное лицо медленно стало приобретать кирпично-красный цвет.

— Вы хотите сказать, что солгали моей маленькой сестренке, просто чтобы попасть в ее квартиру? — спросил он.— Я чуть не убил одного парня за это пару месяцев назад!

— Нет! — Я внезапно понял, что он может прибить меня, так что нет оснований оставаться вежливым.

— Ненавижу лжецов! — прогремел он.— Все, что вы хотите, это подобраться к моей маленькой сестренке, поэтому вы начали болтать о Дженни и...

— Эй, заткнись! — закричал я на него.

Его глаза сверкнули, словно он отказывался верить своим ушам.

— Что вы сказали? — выдохнул он.

— Я сказал, чтобы ты заткнулся! — повторил я громче.— Должно быть стыдно позорить так свою сестру. Если не верите мне, то должны доверять ей! Она объяснила, сколько времени мы знаем друг друга, где мы встретились и почему я здесь! Что еще нужно? Пару подписанных заявлений, заверенных у нотариуса?

— Рик абсолютно прав,— горячо сказала Кати.— Как ты осмеливаешься так оскорблять меня, Пит? Называть меня лгуньей перед человеком, которого ты первый раз видишь!

— Я... я... — Он тяжело дышал.— Я не имел в виду...

— Это ваша беда,— твердо заявил я.— Не имели в виду, а сделали! Так или иначе, я готов забыть об этом, и уверен, Кати тоже.

— Если вы настаиваете, Рик.— Она прикрыла рукой рот, сдерживая смех, прежде чем ее брат смог уловить это.

— Ну, спасибо, Рик,— сказал Пит.

— Теперь садитесь и расскажите мне о Дженни Хольт,— быстро сказал я.— Кати, можно попросить еще бокал?

— Думаю, вы заработали его,— сказала она.

Пит рухнул в кресло, и оно застонало под ним.

— Вы хотите узнать все с самого начала?

— Конечно,— сказал я.— Вы встретили ее в Малибу, верно?

Кати вернулась с напитками, села на кушетку рядом со мной и сунула бокал мне в руки.

— Она приходила на пляж каждый день, всегда в белом бикини. Такой красивой женщины я еще не встречал. Она была не одна, а с каким-то типом, который ни разу не зашел в воду, просто валялся на берегу и следил за ней. Потом-то я сообразил, что он не много значит для нее, хотя иногда мне казалось, что она побаивается его. Однажды утром куда-то делась ее охрана, и я подошел к ней. Мы поболтали несколько минут, и у меня появилось чувство, что я ей понравился.— Он покраснел.— Часто случается, что дамы влюбляются в меня, не знаю, почему.

— Женский интеллект всегда пасует перед силой,— пробормотал я.— Продолжайте, Пит.

— После этого мы стали встречаться каждый день,— сказал он.— Я хотел отшить этого типа, но она никогда о нем не заговаривала, и я решил оставить его в покое. Однажды в пятницу, когда я болтался в глубокой воде, она оказалась рядом со мной. «У вас есть автомобиль? — спросила она, и я ответил, что есть.— Тогда упакуйте сумку и встречайте меня в мотеле „Плантейшн“ в понедельник в шесть часов вечера в Лонг-Бич. Я хочу узнать, значат ли все эти мускулы что-нибудь». Она махнула мне и уплыла. Остаток того дня она больше не смотрела на меня, и я решил, что все это мне приснилось. Но в следующий понедельник я отправился в Лонг-Бич, и она ждала меня в мотеле.

Он втянул воздух в легкие и продолжал:

— Там мы пробыли четыре дня. Она рассказала, что встретила с ним в Лас-Вегасе и сделала тогда одну из тех глупостей, которые совершают девушки в нетрезвом виде. Короче, проснувшись утром, она увидела его в своей постели. Она хотела убежать, но он бросился на нее с ножом и пригрозил, что убьет, если она не останется с ним. Он ведь тогда работал в игорном заведении, и привык пользоваться им в тех случаях, когда клиенты неохотно расставались с деньгами.

Пит медленно покачал своей массивной головой.

— Она еще боялась его, но сказала, что сейчас ее не интересует его мнение, так как четыре дня со мной были лучшими в ее жизни. Так что обратно я возвращался, конечно, с ней. Сперва она настаивала, что войдет одна

и мирно договорится с ним обо всем. Я остался ждать ее у дома, а когда услышал, как она кричит, тут же ворвался в квартиру. Дженни лежала на полу, плача от боли, а этот тин стоял около нее.— Он счастливо улыбался, вспоминая подробности.— Ну, я хорошо позаботился об этом Джонни или как его там!

— Федаро,— подсказал я,— Джонни Федаро.

— А, Федаро,— протянул Пит заинтересованно.— Значит, так звали того проходимца.

— И Дженни тоже была Федаро,— сказал я.

— Ее имя было Хольт, Дженни Хольт,— рявкнул он.

— Так она себя называла,— согласился я.— Но она была миссис Федаро, они поженились в Неваде за полтора года до этого.

— Вы имеете в виду, что он был ее мужем? — спросил Пит.

— Да,— подтвердил я.— В тот раз она весело сообщила ему, сколько удовольствия получила за четыре дня с вами, и с издевкой посоветовала взять у вас несколько уроков. Поэтому он взбеленился. Остальное вы знаете.

Он смотрел на меня с недоумением.

— Это выдумка?

— Правда,— отмахнулся я.— После этого вы привезли ее сюда.

Пит медленно кивнул.

— Все это время она была замужем за этим типом! — простонал он.

— Вспомните, не покидала ли она вас в начале каждого месяца на какое-то время, скажем, дня на два.

— Да! — В его глазах было удивление.— Она уезжала в одно и то же время каждый месяц без всяких объяснений, да я и не требовал их от нее.

— Федаро остался без денег,— сказал я.— Дженни уверила его, что это не проблема. После этого он стал получать свою тысячу долларов после каждой двухдневной поездки. Я надеялся, что она сообщила вам намного больше, чем Федаро.

— Она никогда ничего не говорила.— Он колебался несколько секунд.— Возможно, это звучит глупо, Рик, после того, что вы мне рассказали, но в последний раз, когда это случилось, я следил за ней. Она свернула с шоссе в пяти милях от Сан-Диего, около небольшого селения Сан-Лопар. Там был большой дом на холме с высокой кирпичной стеной вокруг. Может, туда она ездила? Я кружил примерно часа три, потом смылся.

— Спасибо, Пит,— сказал я с благодарностью.— Это мне очень поможет.

— Конечно,— подтвердил он.

— Дженни оставалась с вами пять месяцев?

— И пару дней! — быстро ответил он.— Я считал, что она счастлива. Мы каждый день ездили в Малибу, и она отлично поладила с Кати. Она даже несколько недель работала в кафе официанткой. Потом однажды я пришел домой на два часа раньше и увидел, что все ее вещи упакованы и все готово к отъезду.

— Я умолял ее остаться! Я обещал ей все, что она захочет, а она просто смеялась мне в лицо.— В его глазах внезапно появился гнев.— Я терял время зря. Я еще не знал тогда, что она успела познакомиться в Лас-Вегасе с одним парнем, который обещал показать ей самую крупную рулетку. Этот подонок расписывал, как они будут заниматься любовью на колесе, пока оно крутится, и одновременно делать ставки. «Ты ставил на счастливый номер, любимый!» — засмеялась она и ушла. Ее смех еще долго стоял у меня в ушах. После этого я не видел Дженни.

— Из того, что говорил Рик, можно заключить, что ты был не единственным мужчиной, из которого она сделала сосунка, милый,— тепло сказала Кати.

— Ты думаешь, побыть сосунком у такой девушки, как Дженни, унизительно? Все, чего мне хотелось, это чтобы она делала из меня сосунка каждый день — до конца моей жизни!

— Она была хорошей пловчихой, не правда ли? — спросил я.

— Лучшей! — заявил он.— Не было человека в Малибу — мужчины или женщины, который мог бы обогнать ее!

— И вы не узнали, куда она уехала, уйдя от вас?

— Нет,— ответил он.— Теперь вы знаете все, больше добавить нечего.— Его голос немного дрожал.— Разве только захотите услышать подробности о том, как она выглядела в то утро на берегу? Она была одета в синюю шелковую кофточку и черные вельветовые штаны.— Широко открытые глаза печально смотрели на меня. Он поднялся со стула и мрачно посмотрел на меня.— Это то, чего вы добивались?

— Воспринимайте это проще, Пит,— сказал я.— Нехорошо пытаться обвинить меня в ее смерти так же, как и обвинять самого себя.

В его глазах снова вспыхнул блеск, потом погас.

— Полагаю, вы правы, Рик,— пробормотал он.— Лучше я пойду спать.

Кати дошла с ним до двери и ждала, пока не услышала, как закрылась дверь его квартиры этажом ниже. Она уже была на полпути обратно, когда пол, казалось, закачался, и раздался грохот, как будто внизу упало что-то тяжелое.

— Это или его стол, или бюро,— сказала она,— во всяком случае, что бы то ни было, на этот раз он хоть не выбросил это в окно.

— Газеты не упоминали об ее одежде,— тихо сказал я.— Я думал, что она была в купальнике.

— Какая разница?

— Как может пловчиха, вроде Дженни, утонуть, если она не купалась?

Кати остановилась и секунду смотрела на меня.

— Я не думала об этом. Она не могла пойти купаться одетой! Разве только какое-нибудь сумасшедшее пари...

— Тогда с ней на берегу был бы, по крайней мере, еще один человек,— сказал я.

— Может быть, она была пьяна?

— Нет, согласно акту вскрытия, никаких следов алкоголя или наркотиков.

Она прикусила губу.

— Тогда остается только одно. Не правда ли? — Она быстро отвернулась.— Бедная Дженни — так погубила себя!

— Есть другая альтернатива,— сказал я.— Убийство!

— Убийство? — Она снова повернулась ко мне с тревогой в голубых глазах.— Но это невозможно, Рик. Они сказали, что она утонула — это был несчастный случай.

— Есть много различных возможностей утонуть,— заметил я.— И одна из них, когда кто-то держит вашу голову под водой.

На этот раз сверху послышались прерывистые звуки, и большая капля воды стекла с потолка прямо Кати на голову.

— Проклятье! — страстно выругалась она.— Всегда течет, когда идет сильный дождь.— Она подняла пустые бокалы.— Схожу приготовлю еще напиток.

— Нет, спасибо,— отмахнулся я.— Уже больше двух. Я лучше поеду.

— Как? — Она выглядела растерянной.— Вам надо идти прямо сейчас?

— Мой автомобиль в полуквартале от кафе,— пояснил я. Я должен ехать обратно в Беверли-Хилл.

— Вы безумец, Рик! Пока вы доберетесь туда, уже не будет смысла ложиться в постель!

— Зато получу ранний завтрак,— усмехнулся я.— Спасибо за помощь, Кати, и за выпивку! Я как-нибудь вернусь сюда и послушаю остальные баллады.

— Оставайтесь еще на один бокал, Рик, пожалуйста,— попросила она тихо.— Ненавижу оставаться одна, когда идет сильный дождь. А теперь еще вы сказали, что, вероятно, Дженни Холт была убита!

— Это только предположение,— сказал я просто.— Не стоит размышлять об этом сейчас, так что забудьте.

— Легко сказать.— Она внезапно вздрогнула.— Буду лежать всю ночь без сна, слушая, как вода стучит по крыше, и думать о том, что кто-то держал голову Дженни под водой, пока она не перестала сопротивляться.

— Эй! — Я отобрал у нее пустые бокалы.— Перестаньте об этом, Кати! Играйте на своей гитаре, а я приготовлю напитки.

— Олл райт! — Она храбро улыбнулась.— Найдете все на кухне, Рик. Я спою вам песню, пока вы будете трудиться.

— Отлично,— сказал я.— Надеюсь, в ней ничего не говорится о покойниках.

— Постараюсь найти для вас что-нибудь другое,— пообещала она.

Я пошел на кухню, приготовил напитки и медленно пошел с бокалами обратно. Потом решил не возвращаться в гостиную, пока не начнется песня. Я успел выкурить сигарету, когда услышал аккорд гитары. Что ее могло задержать так долго, может, настраивала гитару? Когда она запела, в ее голосе было что-то новое. Я стал прислушиваться к словам песни.

«Разденься, дорогая,— говорил он.—

Разденься и иди ко мне в постель.

О, да, и я о том же мыслю,

Но лишь когда разгонишь всех девиц.»

Я взял бокалы и заспешил в гостиную. Здесь меня ожидал сюрприз. Комната тонула в темноте, горела лишь небольшая лампочка у кушетки. Я осторожно передвигался, боясь споткнуться обо что-нибудь и упасть с двумя бокалами в руках.

Она внезапно перестала петь, увидев меня, стоящего с открытым ртом в нескольких футах от кушетки.

— Хэлло, Рик,— мягко сказала она, наградив меня сияющей улыбкой.

— Что случилось? — спросил я.
— Вам понравилась моя песня?
— Она была слишком сексуальной!
— Зато она была английской, — заметила она.
— Но что случилось? — спросил я.
— Я просто сделала то, о чем вы просили, Рик! — Ее глаза изображали невинность.

— Я просил?
— «Идите и играйте на своей гитаре. Или делайте что-нибудь, что позволит вам почувствовать себя лучше». — Помните?

Она сидела на кушетке со скрещенными ногами, почти прямо под светящей лампой, ее золотистые волосы спадали на плечи и почти прикрывали розовые соски небольших округлых грудей.

Кати наклонилась вперед, опустила свою гитару на пол, потом снова выпрямилась.

— Ну? — спросила она лениво, — разве это не то, что вы говорили?

— Что вы сделали со своей одеждой? — прошептал я.
— Сняла ее, — просто ответила она.
— Но зачем?

— Мы узнаем это, — терпеливо сказала она. — Рик, для чего вы принесли сюда эти бокалы?

Она протянула руку, и я вложил в нее бокал.
— Вы собираетесь пить стоя? — Ее свободная рука указала на кушетку рядом с собой.

Я осторожно, словно дряхлый старик, присел и одним глотком осушил бокал. В следующий момент бокал был вежливо взят из моей руки и поставлен на пол, где уже стоял ее нетронутый бокал.

Прежде чем я понял, что случилось, Кати оказалась на мне. Я смотрел в голубые глаза, которые были всего в шести дюймах от моего лица.

— Пытаетесь сказать, — спросила она, — что это все моя идея?

— Я был на кухне, — сказал я, — готовя свежие напитки и слушая ваши песни и...

Крепко обхватив мою шею, она раздвинула мне ноги и навалилась всем весом своего тела на меня. Обе мои руки внезапно замерли на двух упругих, но мягких изгибах ее ягодиц.

— Действуйте, Рик. — Она мечтательно закрыла глаза. — Я жду.

Мой мозг посылал энергичные сигналы, но пальцы игнорировали их и оставались там, где были.

— Сожалею! — сказал я хрипло. — Я имел в виду другое. Она глубоко вздохнула, и ее тело еще сильнее прижало меня к кушетке, потом я беспомощно погрузился в абсолютную темноту.

Ее руки с жестокой торопливостью сорвали с меня одежду.

Острые ногти заставили меня моментально забыть свой страх.

— Эй! — воскликнул я. — Вы что, черт возьми, принимаете меня за цыпленка?

— Извини, Рик, милый! — пробормотала она. — Ты собираешься просто лежать здесь?

— Кати! — пробормотал я.

Ее ногти впились мне в грудь.

— Ты ждал здесь кого-то еще? — спросила она.

Внезапно я почувствовал себя немного лучше, даже расхрабрился.

Губы Кати с яростной страстностью нашли мои.

6

После того, как счастливая Кати покормила меня завтраком, я покинул ее. Она добилась от меня обещания информировать ее о любых достижениях в расследовании, чтобы она смогла уточнить свою балладу.

Я достиг поворота с шоссе в пяти милях от Сан-Диего к полудню следующего дня и через двадцать минут подъехал к Сан-Лопару.

Одолев следующий подъем дороги, я неожиданно увидел большой дом на холме, обнесенный кирпичной стеной. Двумя кварталами дальше я обнаружил столовую и решил подкрепиться. В ней был всего один посетитель, — и это был я, — поэтому официантка наблюдала, как я тружусь над мясным блюдом. Когда она наполнила мне вторую чашку кофе, я одарил ее широкой улыбкой.

— У вас привлекательный маленький городок, — заметил я.

— Если он вам нравится, можете занять его, — ответила она. — Была бы только рада, если бы вы забрали его с собой прямо сейчас!

— А что это вас-то заботит?

— Ну... — Она пожала плечами. — Всю неделю это спо-

койный городок, но в субботнюю ночь это настоящий содом. Уличные фонари горят до полуночи!

— Почему же вы куда-нибудь не переедете? — спросил я.

— Мистер! — почти выкрикнула она. — Мне принадлежит эта паршивая столовая! Сделайте мне предложение, я приму его и уеду прямо сейчас.

— Наверно, кто-то здесь поблизости должен заботиться о порядке, например, парень, владеющий большим домом на холме? — спросил я.

— Старый Ранд? — Она хмыкнула. — Если он и делает это, то не в Сан-Лопаре. Наверное, нехорошо так говорить о нем, — призналась она. — Но я не осуждаю его за это. Может, если бы он не сломал ногу, он бы еще снимал кино.

— Ранд? — спросил я. — Вы имеете в виду Ли Ранда, актера?

— Ну, конечно! Я имею в виду не танцовщицу Салли! Именно Ли Ранда, который снимал все эти грандиозные вестерны тридцать лет назад.

Я расплатился за обед и добавил сверху два доллара.

— Значит, у Сан-Лопара своя достопримечательность, — заметил я.

— Вам-то хорошо говорить, не живя здесь! — Она подвинула мне назад два доллара. — Вы переплатили.

— Это надбавка, — сказал я.

Она была парализована добрых десять секунд, пока ее нервная система не оправилась от шока.

— Вы, должно быть, сошли с ума, — сказала она недоверчиво. — Вся еда стоит полтора доллара. Значит, ваша надбавка составляет сто двадцать пять процентов счета!

— Я из Техаса, — ответил я и быстро направился к двери.

— Эй! — уже на улице донеслись до меня ее слова. — Дайте мне еще три доллара — и столовая ваша!

Я медленно поехал к дому на холме с мыслью, что Джо Кирк получил сто долларов за информацию меньшей ценности, чем она дала мне за два доллара. Теперь я знал, что это дом Ли Ранда, и это многое объясняло. Меня беспокоило только одно: слишком уж все легко складывается.

Узорные железные ворота были широко распахнуты, так что я въехал и направился по извилистому подъезду, позволяющему хорошо рассмотреть окрестности дома.

Пожилой дворецкий открыл мне дверь.

— Меня зовут Рик Холман,— вежливо сказал я.— Я хотел бы видеть мистера Ранда.

— У вас договоренность, мистер Холман? — Его голос напоминал звук падающих на землю сухих листьев.

— Нет,— признался я.— Но я уверен, мистер Ранд захочет принять меня, если вы скажете, что это связано с его старым другом — мистером Хольтом из Сан-Диего.

Он повторил про себя пару раз имя, потом медленно наклонил голову.

— Пожалуйста, побудьте здесь, мистер Холман, пока я спрошу.

Он закрыл массивную бронзовую дверь перед моим носом, и мне ничего не оставалось делать, как ждать. Через пять минут дверь снова открылась, и он вежливо предложил следовать за ним в библиотеку.

Она разместилась в подвалообразной комнате. Три стены занимали полки с книгами, явно нечитанными. У широкого окна стояла бронзовая скульптура полковника Вильяма Коди в натуральную величину.

Я услышал, как открылась дверь, и повернулся. Меня ожидал удар посильнее, чем в столовой. И это была исключительно моя вина, так как в моей памяти Ли Ранд оставался молодым. Я глупо уставился на него. Ему было не больше шестидесяти, но волосы его были белы и выглядел он, как глубокий старик. Он медленно приблизился ко мне.

— Вы хотели видеть меня, мистер Холман? — Голос его все еще был сильным.

Но куда девалась его уверенность, осанка героя вестерна, которую так любили миллионы людей? Он вежливо ждал, пока я с отсутствующим видом смотрел на него. Потом до него дошло.

— Ах! — Он засмеялся.— Вы получали удовольствие от моей игры, мистер Холман? — Я кивнул.— Вы хоть помните, в каком году последний раз видели меня в кино?

— 1942,— пробормотал я,— или, может быть, 1943.

— Больше двадцати лет,— кивнул он.— С того времени вы из мальчика превратились в мужчину. Трудно увидеть во мне все того же быстрого стрелка с Дикого Запада, не правда ли?

Мой мозг в последний раз болезненно пытался сопротивляться.

— Должно быть, считаете меня глупым, мистер Ранд,— сказал я.— Просто не знаю, как начать свои извинения.

— Так всегда происходит,— сказал он.— Когда начинаешь стареть сам, признаешь тот факт, что другие тоже стареют. Но герой детства навсегда остается молодым!

Он пододвинул стул и опустился на него.

— Извините. Ноги все хуже держат меня.

— Конечно,— кивнул я.

— Рик Холман. Думаю, маловероятно, что вы тот Холман, о котором я слышал?

— Никаких шансов на это, мистер Ранд.

— Ах! — Он закурил сигарету и выпустил в потолок клуб дыма.— Значит, у меня беда?

— Нет, с моей точки зрения, мистер Ранд,— сказал я откровенно.— Но, с вашей точки зрения, может быть, и да.

— Садитесь, мистер Холман. Думаю, нам необходимо выпить!

Пожилой дворецкий через несколько секунд вошел в комнату и Ранд вопросительно взглянул на меня.

— Ром было бы отлично,— сказал я.

— То же самое и для меня,— сказал он быстро.

— Конечно, мистер Ранд,— дворецкий медленно вышел из комнаты.

Ли Ранд рассеянно потягивал сигарету, погруженный в свои мысли.

— Не думаю, что могу сообщить вам что-то новое, мистер Холман. Вы знаете слишком много. Парольное слово, сказанное вами бедному старому Таптосу, подтверждает это.

— Тело Дженни Хольт взято из морга ее отцом Вильямом Хольтом из Сан-Диего,— сказал я.— Мы оба знаем, что настоящее имя девушки Дженнифер Монтегю, и она взяла девичью фамилию матери после того, как отец отказался от нее. Но никто не может просто прийти в морг и забрать труп, сказав, что имеет на это право. Сперва нужно доказать это. Интересная ситуация, мистер Ранд.

Дворецкий принес напитки на серебряном подносе и поставил около хозяина. После того, как он ушел, Ранд жестом предложил мне взять бокал, потом взял свой и изучил его содержимое на свет.

— Знаете что, мистер Холман? Чтобы иметь спокойную старость, нужно начинать планировать ее еще до сорока. С вниманием принимайте советы своего доктора, если хотите получить удовольствие от отличных напитков и хорошего табака в последующие годы. Это наиболее важный

фактор — после денег, естественно, — для удовольствия в будущем.

— Что меня беспокоит, мистер Ранд, так это вопрос, как я могу накопить денег, если цены растут так, как сейчас?

Он хмыкнул.

— Вы должны работать, пока по-настоящему молоды, чтобы быть уверенным, что ваше рождение — не ошибка!

Я попробовал ром, и он мне очень понравился.

— Расскажите мне чуточку больше о Дженни, — просил Ранд.

— Еще будучи замужем, Дженни с некоторых пор стала куда-то уезжать на два дня в начале каждого месяца, а возвращалась всегда с одной и той же суммой в тысячу долларов. Когда же муж спрашивал у нее, где она пропадала, та смеялась и отвечала, что была у мужчины. Потом она бросила Федаро, так звали ее мужа, и ушла к другому мужчине по имени Пит Блисс. Но и тогда ее таинственные отлучки не прекратились. Здесь-то она и сделала психологическую ошибку.

— Что вы имеете в виду, мистер Холман? — спросил Ранд.

— Пока она возвращалась с достаточной суммой денег, чтобы удовлетворить нужды Федаро, Джонни был доволен. Но Блисс мужчина другого типа — ревнивый и самолюбивый. Он хотел узнать, где она проводит эти два дня.

— Значит, он следил за ней? — спросил Ранд.

— Он потерял ее из вида в паре миль от вашего дома, — сказал я. — Но у него сложилось мнение, что она бывала именно здесь.

— Мистер Холман, хотел бы задать вам один вопрос и надеюсь на честный ответ.

— Мистер Ранд, — вежливо сказал я. — Можете спрашивать.

— Что вас конкретно интересует во всем этом?

— Мой клиент хочет узнать, как Дженни провела последние два года своей жизни, — ответил я.

— Это означает, что ваш клиент Аксель Монтегю? — Он поднял руку. — Не жду, что вы ответите на этот вопрос. Дайте мне минуту, чтобы собраться с мыслями, мистер Холман.

— Конечно.

Я закурил сигарету и выглянул в окно. Мой мозг был занят воспоминаниями о Ли Ранде.

Прихрамывание было результатом падения с лошади,

и это случилось в ... 1946? Он тогда бросил работать, хотя его студия доказывала, что это не имеет значения, и он может продолжать сниматься. Тело Мариен Холт было сильно повреждено при авиационной катастрофе, поэтому Аксель Монтегю не пригласил Ли Ранда на похороны в Голливуд.

Следующее воспоминание касалось сообщения в газете о том, что «дочь известного продюсера сбежала из дорогой частной школы и была обнаружена через две недели в городе в ста милях южнее школы». Может, в Сан-Диего? Я знал, что ее тогда сопровождал какой-то молодой человек, а Ранд был старше ее отца.

— Думаю, мы сможем прийти к компромиссному решению, мистер Холман,— вернул меня к действительности голос Ранда.

— Компромисс, мистер Ранд?

— Можем заключить соглашение.— Он улыбнулся.— Если я дам вам определенную информацию, которая не имеет отношения к вашему заданию, могу я быть уверенным, что вы не передадите эту информацию своему клиенту?

— Если вы мне позволите судить, необходима ли ваша информация для описания последних лет ее жизни,— кивнул я.

— Согласен,— сказал он, не колеблясь.— Счастлив убедиться в стабильности вашей репутации, мистер Холман.— Он выпил немного рома.— Теперь ваша очередь задавать вопросы.

— Как вам удалось забрать труп Дженнифер Монтегю из морга? — спросил я.

— Для ответа на этот вопрос необходимо вернуться далеко назад,— вежливо сказал он.— Моя первая жена умерла в 1935 году, родив мне сына Эдгара. Через два года я женился на Мариен Холт, и хотя мы оба очень хотели детей, они у нас так и не появились. В 1940 году Мариен развелась со мной и ровно через неделю после развода вышла замуж за Акселя Монтегю.

— Пожалуй, сейчас это не имеет значения,— проговорил я.

— Я так не думаю,— продолжал он.— Эти даты важны. Вы недостаточно стары, чтобы помнить о Мариен. Она была замечательной женщиной, мистер Холман. Красивая, интеллигентная, здоровая. В течение трех лет семейной жизни мы и любили друг друга, и горько ссорились в равной пропорции.

— Монтегю, я это знал, хотел увести Мариен. Думаю, она была единственной женщиной, которую он имел или хотел! Но я опередил его. Как-то наша студия заключила кратковременный контракт с одной французской актрисой. Целую неделю она преследовала меня влюбленным взглядом, а я всегда питал слабость к француженкам. В одну прекрасную ночь я хотел ее отвезти на квартиру своего друга, но она была против такого варианта, и мы поехали к ней. Одной из немногих вещей, привезенных ею из Парижа, была оригинальная система зеркал и освещения. Она установила ее в будуаре. Это было бесподобно!

С самого начала Монтегю установил там камеры, спрятанные среди зеркал. Шесть камер, каждая из которых делала по семьдесят восемь отпечатков. Если бы вы имели комплект тех снимков, они бы стоили около пяти тысяч долларов у коллекционера эротических картинок!

— Мистер Ранд,— сказал я просительно.— Не хотел бы, чтобы вы уходили от ответа на вопрос, который я вам задал.

— Я должен придерживаться фактов.— Он печально покачал головой.— Мариен впала в страшный гнев, когда увидела эти фотографии, улетела в Мехико и оставалась там, пока не был оформлен развод. Я знал, что у меня нет никаких шансов вернуть ее, но надеялся доказать, что все было подстроено Монтегю. Это было, конечно, бесполезно, доказательств не было.

В первую же ночь после развода я навестил Мариен в ее отеле и...

— Мистер Ранд,— перебил я его,— такого рода развод между двумя голливудскими звездами должен был потрясти весь мир, но я даже не помню, чтобы это случилось.

— Этого и не было,— он улыбнулся.— Мариен объявила причиной развода мою жестокость по отношению к ней. Мои попытки оправдаться ни к чему не привели. Студия имела целый штат адвокатов, которые позаботились, чтобы меня даже не допустили к суду.

Он закурил новую сигарету.

— О чем я говорил? Ах да, первая ночь после нашего развода. Я навестил Мариен и сказал, что мы цивилизованные люди, теперь, когда все кончено, почему бы нам на прощанье не выпить вместе по паре бокалов? Она согласилась. Надо ли мне говорить, что мы оба были непередаваемо пьяны? Этот сувенир я сохранил с тех лет...

Он встал и подошел к книжной полке. Я ждал, пока он отомкнул ящик, взял документ в рамке и принес его мне.

Это была страница из регистрационного журнала Пиппер-отеля в Мехико, датированная 9 ноября 1940 года. На странице были только две подписи. Первая была Эмануэль Лопес, а ниже Мариен Лопес.

— Разве это не интересно, мистер Холман? — Ранд залился смехом. — Что за отель это был! Знаете, я думаю, что провел здесь самую лучшую ночь в моей жизни, мистер Холман. То, что было прозой в течение трех лет брака, внезапно стало дико возбуждающим, когда ситуация изменилась. Надеюсь, вы простите меня, если я скажу, что этой ночью мы занимались любовью так, как никогда не делали до этого!

— На следующий день Мариен улетела в Нью-Йорк, а неделей позже вышла замуж за Акселя. У них была пышная свадьба, они пригласили две тысячи гостей. В течение пяти лет их семейной жизни я ни разу не видел Мариен и Акселя вместе. Он сделал так, что я был исключен из тех социальных кругов, в которых они вращались, но по теории вероятности...

— Мистер Ранд, — сказал я, — пожалуйста...

— Мы продвигаемся вперед, не беспокойтесь! — кивнул он. — Ну, месяцы проходили один за другим, и я услышал, что Мариен подарила Акселю дочь. Через три месяца мне позвонила Мариен. Она сказала, что Аксель в Канаде, и я должен тайно встретиться с ней в Сан-Диего той же ночью, так как это вопрос жизни и смерти. Я не поверил этому, но все же поехал.

— После смерти ее отца два года назад Мариен купила свой старый дом из чисто сентиментальных соображений, — он пустовал, по крайней мере, триста шестьдесят дней в году! Здесь мы и встретились. Она была с дочерью, которую они называли Дженнифер. После того, как поиграл с ребенком, Мариен спросила, знаю ли я продолжительность беременности. Я на секунду подумал, что это шутка, но, увидев ее серьезное лицо, ответил — девять месяцев.

— Она сказала, что ребенок родился точно через девять месяцев и неделю после их женитьбы. Потом резко напомнила мне, что празднование развода было за неделю до их свадьбы. Иными словами, она не знала точно, чей это ребенок: мой или Акселя.

После десяти месяцев жизни с Монтегю Мариен сильно изменилась. Брак без любви, что может быть ужаснее! Она сказала, что хотела бы быть порядочной по отношению к нам обоим, но более важно обеспечить будущее ребенка.

Естественно, рождение ребенка было зарегистрировано.

Дженнифер значилась дочерью Акселя и Мариен. Безумная идея Мариен заключалась в том, чтобы зарегистрировать ребенка во второй раз, назвав меня отцом. Я сказал, что все это абсурдно, она, должно быть, сошла с ума! Мы ссорились половину ночи, а кончилось, как всегда,— я уступил ей.

У нее был брат, который был всего на пару лет моложе меня,— Вильям Холт. Очень странный тип, который женился на такой же странной женщине по имени Гертруда пять лет назад, потом уехал с нею в Южную Америку, в глубь джунглей. Они там исчезли бесследно почти сразу после приезда туда. Их считали умершими и совсем забыли.

Мариен нашла их свидетельство о браке в коробке с бумагами отца. На следующий день мы зарегистрировали рождение дочери, Дженнифер, родителями ее были Вильям и Гертруда Холт. Все оказалось до жути просто, потребовалась всего пара минут. Потом Мариен увезла ребенка в свой дом в Биверли-Хилл, считая, что будущее Дженнифер гарантировано вдвойне. Конечно, абсолютно безумная идея.

— Это...— выдохнул я.— Это дико!

— Конечно,— согласился Ранд.— Но не забудьте, что мы это проделали в маленьком городке Сан-Диего двадцать лет назад. Вы же не будете отрицать, что тогда все было гораздо проще.

— Нет,— возразил я.— Все равно не могу поверить в это!

— Тогда вы, наверно, поверите, что это я взял тело Дженни из морга, так как больше некому было о ней позаботиться,— кивнул он.

Он, конечно, был прав. Я вспомнил служащего морга, читавшего в регистрационной книге: «Труп увезен отцом, Вильямом Холтом из Сан-Диего». Это доказывало правдивость рассказа Ранда.

— Мистер Холман,— сказал он внезапно серьезным тоном,— если это было нарушением закона, я могу иметь серьезные неприятности.

— Понимаю это, мистер Ранд,— сказал я.— Наше соглашение останется в силе. Это не связано с интересом моего клиента в последние годы жизни Дженни.

— Спасибо,— тепло сказал он.— Если у вас есть еще вопросы ко мне...

— Да,— кивнул я.— Была Дженни...

Дверь библиотеки резко распахнулась, и высокий, атле-

тического сложения парень вошел в комнату. На мой взгляд, ему было около тридцати.

— Привет, папа! Как дела?

— Отлично,— ответил Ранд.— Как там Лас-Вегас?

— Я полагаю, о'кей.— Парень пожал плечами.

— Познакомься с Риком Холманом. Мистер Холман, это мой сын, Эдгар,— представил он.

Когда мы пожимали друг другу руки, память услужливо подсказала мне, что сопровождающим Дженнифер Монтегю в десятилетнем возрасте действительно был Ранд, но только, конечно, его сын, Эдгар.

7

Дворецкий принес поднос со свежими напитками и вышел. Отец и сын внезапно начали разговор о плохой игре актеров в последних фильмах. Мне это показалось не настолько важным вопросом, чтобы обсуждать его в моем присутствии.

Незаметно оба Ранда перешли к другой теме, скоро я услышал недоверчивый голос Эдгара.

— Значит, вы уточняете последние два года жизни Дженни Холман. Как вы это делаете?

Я пожал плечами.

— Не знаю, ведь я еще не довел дело до конца.

— Большое дело! — Его тон был насмешливым. — Всегда держите рот на замке, да? Вы слышали, как папа надул их, чтобы взять труп Дженни?

— Считайте, что я этого не слышал, Эдгар,— холодно сказал я.— Потому что когда-нибудь этот вопрос мне может задать офицер полиции.

— О да! Я даже не подумал об этом. Но вы ведь всегда сможете солгать, не правда ли?

— О, братец! — воскликнул я.— Итак, вернемся к вопросам, мистер Ранд?

— Конечно. Но просто для уточнения, мистер Холман. Мариен сделала запись в своем завещании, что Дженни должна проводить, по крайней мере, две недели в год со мной, пока ей не исполнится восемнадцать. Монтегю уважал это требование до тех пор, пока она не сбежала к нам из частной школы. Это положило конец ее визитам — официально!

— Мистер Ранд,— хмыкнул я,— ценю ваше доверие. Но это все не касается моего клиента. Если не возражаете,

лучше поговорим конкретно о том, что является его проклятым делом!

Он секунду смотрел на меня, потом кивнул.

— Дженни вышла замуж за Федаро в Неваде,— сказал я,— и поэтому отец отказался от нее. Их совместная жизнь продлилась восемнадцать месяцев, и в течение этого срока они жили на тысячу долларов в месяц, которые вы давали Дженни, когда она навещала вас в начале каждого месяца, верно?

— Верно, мистер Холман.

— Она ушла от Федаро к Пити Блисссу,— продолжал я.— Это длилось, по крайней мере, пять месяцев и два дня, как он говорит! Примерно месяц назад она ушла от Блисса. Вопрос — куда?

— Понятия не имею,— ответил Ранд.— Последний раз мы с ней виделись шесть, может быть, семь недель назад, когда она приезжала в обычное время. Тогда она еще была с Блисссом. С тех пор мы больше не виделись.

Я внимательно смотрел на него, и через несколько секунд на его лице выступила краска.

— Это правда! — выкрикнул он.

— Верю вам,— сказал я, пожимая плечами.— Просто не понимаю вас. Вы сильно рисковали, забирая труп, чтобы достойно похоронить. Но пока она была жива, вы никогда не интересовались тем, что она делает. Какую жизнь она вела? Выйти замуж за негодяя, вроде Джонни, жившего на деньги, которые вы ей давали! Когда она бросила мужа и сказала, что ушла к другому мужчине, вы даже бровью не повели, мистер Ранд!

— Вот уж это не ваше проклятое дело, Холман! — сердито сказал Эдгар.

— Может, вы и правы,— согласился я.— Но мне кажется, что Дженни должна была быть чьим-то делом, пока она была жива. Мне все еще непонятен полный отказ Акселя Монтегю от своей дочери — ребенка женщины, которую он любил всю жизнь.

— Никто не понимал Акселя Монтегю,— заметил Ранд холодно,— и не мог понять. В нем не было ничего человеческого.

— А как понимать вас, мистер Ранд? Вы любили ее мать и, возможно, в лучшую свою ночь стали отцом Дженни. По крайней мере, пятьдесят процентов вероятности того, что вы ее отец, верно?

— Конечно!

— Но вы не чувствовали ответственности за нее?

— Вы так говорите, Холман, словно мой старик перед судом,— сердито произнес Эдгар.— Мне это не нравится. Так что прекратите это.

Я некоторое время молча смотрел на него.

— Вы не видели каких-нибудь хороших картин в Лас-Вегасе, Эдгар? — спросил я наконец.

— Слушайте! — вспыхнул он.— Вы не имеете права говорить со мной подобным образом, Холман! Хотите, чтобы я врезал вам?

— Вы где-нибудь работаете, Эдгар? — спросил я.

— Зачем вам это?

— Вам уже тридцать, на мой взгляд. Вероятно, кончили колледж. Чем же вы занимаетесь? Может быть, работаете в области общественных отношений?

Он резко сделал шаг ко мне, сжав кулаки.

— Не нападайте на меня,— посоветовал я мягко.— Вам будет больно.

Эдгар колебался несколько секунд, потом медленно повернулся к отцу.

— Папа! Ты не собираешься выкинуть этого мерзавца? Слишком много он себе позволяет!

— Ты сам напросился на это,— холодно ответил Ранд.— Теперь немножко помолчи! — Он повернулся ко мне.— Я попытаюсь ответить относительно Дженни, мистер Холман, но это будет нелегко.

— Время — это то, чего у меня предостаточно,— сказал я.

— Дженни было четыре года, когда Мариен погибла,— задумчиво продолжал он.— Потерять мать в раннем возрасте ужасно для любого ребенка, но для Дженни это было еще хуже при таком отце, как Аксель. Совершенно хладнокровный человек, видевший ее, наверное, час в неделю. Мы старались, чтобы она чувствовала себя здесь, как дома. Эдгар был на шесть лет старше нее, но к пятнадцати годам эта разница уже не имела большого значения.

— Поймите, мистер Холман, мы мало видели ее в тот период, пока она подрастала. К тому времени, когда она смогла свободно нас навещать, она стала почти женщиной, причем очень привлекательной. Я знал, что не увижу ее больше, если начну поучать и навязывать ей свои взгляды на жизнь. Она была совершенно независима. Какой же она еще могла быть, проводя детство с Монтегю? Ее отношение к жизни было сверхэгоистичным. Что хотела, то брала. И к людям относилась, как к вещам: когда становились не нужны, бросала.

Он смотрел на меня некоторое время отсутствующим взглядом.

— Думаю, она вышла замуж за Джонни Федаро из чистого упрямства. Она считала, что Монтегю примет их, и не могла ждать, пока он даст согласие. Потом, вы знаете, Монтегю напрочь выбросил ее из своей жизни, словно она никогда не рождалась. Дженни была растеряна, ее план провалился, но это ее никогда сильно не ранило. Нет больше Акселя, так давай поведем дядюшку Ли. Он обеспечен, так что тыщонка в месяц его не разорит.

— Дженни была сукой! — с горечью сказал Эдгар.

— Вот почти точные ее слова, которые она произнесла, когда попросила у меня денег, — продолжал Ранд. — Она усмехнулась и сказала: «Мне нужна тысяча долларов на жизнь. Тогда мой муж будет счастлив, иначе он начнет бегать за другими девками. Ты так богат, что не заметишь потери!» Вся эта болтовня была для Дженни своеобразным механизмом защиты. Невозможно было пытаться что-то сделать для Дженни, кроме того, чтобы просто дать ей денег. Поверьте мне, мистер Холман!

— Она была сукой! — с удовлетворением повторил Эдгар.

— Ей было всего двадцать два года, и теперь она мертва, — заметил я.

— Жизнь всегда жестока! — хмыкнул Эдгар.

— Думаю, она была по-настоящему жестока к Дженни, — сказал я. — Может, кто-нибудь объяснит мне, как может утонуть первоклассный пловец, да еще одетый?

— Не понимаю, мистер Холман, — Ранд вопросительно смотрел на меня.

— Мне в голову приходят лишь две возможности, — и обе меня не устраивают, — кивнул я. — Я думал, может, у вас обоих есть какие-нибудь идеи.

— О каких двух возможностях вы говорите? — спросил Эдгар.

— Одна — самоубийство, но я склонен отбросить ее. Дженни не была похожа на человека, способного на самоубийство. Но даже если бы она была такой, не могу представить, чтобы первоклассная пловчиха пошла в воду одетой. Дженни для этого случая скорее всего надела бы белое бикини. Остается предположить другое: кто-то держал ее под водой, пока она не захлебнулась.

— Мистер Холман! — нервно произнес Ранд. — Это называется убийством.

— Верно!

— Зачем кому-то убивать Дженни?

— Может быть, если смогу узнать, что она делала в течение последнего месяца, я найду причину,— сказал я.— Спасибо вам за уделенное мне время и гостеприимство, мистер Ранд. Прощайте.

— Прощайте, мистер Холман. Если вы узнаете что-нибудь, надеюсь, вы вернетесь сюда, чтобы рассказать нам.

— Я это сделаю,— пообещал я.

— Я провожу вас до двери,— встал Эдгар.

— Спасибо,— ответил я.

Мы покинули библиотеку и прошли к парадной двери. Дворецкий отсутствовал.

— Мистер Холман,— голос Эдгара был удивительно вежливым,— а вы твердо уверены, что Дженни была убита, как вы говорили в библиотеке?

— Не знаю. Я думаю, это возможно, только и всего.

— Кто мог убить Дженни?

— Этого я тоже не знаю!

— Да? — Хамство моментально вернулось к нему.— Похоже, что вы совсем немного знаете, Холман?

— Я быстро распознаю негодяев,— заметил я.— Вроде Джонни Федаро... или тебя.

— Не трогайте меня, мудрец! — прорычал он.

Мы дошли до двери, я открыл ее и вышел на ступеньки.

— Вы подсказали мне план, Эдгар,— сказал я, глядя на него.— Вы ничего не знаете,— я с горечью покачал головой.— Вы даже не знаете Вегаса, я полагаю.

— Тогда проверьте это!

— О'кей,— я пожал плечами.— Где находится самая большая рулетка? Самая большая рулетка в мире!

— В задней комнате заведения Фаулера! — ответил он.— Верно?

— Вы даже крутили это колесо с Дженни, приятель? — спросил я.

На секунду в его глазах промелькнула паника, потом он захлопнул массивную дверь.

Дверь приоткрылась на пару дюймов, и голубой глаз посмотрел на меня.

— О, это ты! — сказала Кати.— Входи.

— Ты ожидала Элиота Несса? — я толкнул дверь и вошел в квартиру.

— Не в таком виде! — сказала она.

На ней были черный лифчик и тонкие трусики. Конт-

раст между черной тканью и молочно-белой кожей был разителен.

— Садись на кушетку, я приготовлю напиток, и ты сможешь рассказать о своем дне, Рик! — сказала она с энтузиазмом.

— Я ничуть не продвинулся в расследовании, Кати, — признался я. — Какой день был у тебя?

— Изумительный! — крикнула она из кухни. — Я придумала следующий куплет для своей баллады.

— Здорово! Не могу дождаться, чтобы услышать его.

— Тебе не придется долго ждать! — пообещала она.

Она вошла в комнату, поставила бокалы на столик перед кушеткой, взяла гитару и запела:

«Они говорят, что она любит моего брата.

Потом пошла от одного к другому.

Прочь, парни, прочь!

Плачьте, парни, плачьте!»

Кати положила гитару на пол, потом посмотрела на меня.

— Неплохо, как ты считаешь?

— Восхитительно, — согласился я и взял ближайший бокал. — Почему ты в белье?

— Хочешь, чтобы я его сняла?

Я покраснел.

— Не сейчас, милая. У меня был трудный день в Сан-Диего.

— Такой трудный, что ты изменил свои намерения. Я просто хотела знать, так что теперь могу успокоиться.

— Не надо, милая, — сказал я.

— Бывает, Рик Холман, — сказала она, — когда я просто знаю, что ты чувствуешь на самом деле.

— Прошлой ночью так и было? — спросил я.

Кати засмеялась.

— Если бы я тебя не расшевелила, ты бы продолжал ползать около кровати на коленях, как древний моряк.

— Немного смущен, — сознался я. — Давай посмотрим... — Я посмотрел на часы. — Уже четверть шестого, верно?

— Уверена, что верно, малыш! — отозвалась она.

Я сунул кусочек льда ей в лифчик, и она вскрикнула.

— Ты жестокий!

— Расскажи мне о Дженни, — попросил я.

— Я постоянно это делаю. В конце концов, я пишу новую балладу о ней. Чего ты еще хочешь? Симфонию?

— Когда она работала в кафе,— спросил я,— заметила ты кого-нибудь, кто чаще других общался с ней?

— Каждый вечер сюда приходили парни просто смотреть на нее,— сказала Кати.— Она была очень привлекательной девушкой! Но я не помню кого-нибудь, кто особенно интересовался ею. Да! Теперь я вспомнила. Он приходил два-три раза в неделю, но никогда долго не оставался. Если у нее было время, они болтали. Но он всегда уходил до того, как я начинала петь, и я его ненавидела!

— Как он выглядел?

— Ему было лет двадцать восемь — тридцать. Красивый крупный мужчина, только лицо было до смешного полным.

— И глаза посажены близко друг к другу, густые черные волосы?

— Это он! — согласилась Кати.

— Не знаю, значит ли это что-нибудь,— задумался я.— Кстати, как ты сама относишься к Дженни?

Она сделала глоток из бокала.

— Она была ужасно несчастна, Рик. Она все время хамила, была в три раза грубее любого мужика. Мне это нравилось. Она мало внимания обращала на женщин, мужчин она ненавидела.

— А трое мужчин в течение шести месяцев?

— Это была часть этого, конечно! Она боялась пустоты внутри себя. Мужчина был ей нужен ненадолго, потом она его уничтожала. Посмотри на Пита. Сомневаюсь, сумеет ли он забыть Дженни.

— У Пита тоже жестокий характер, милая,— просто заметил я.

Она напряглась.

— Почему ты говоришь так, Рик?

— После прошлой ночи? Или ты шутишь?

— Ты не это имеешь в виду!

— Не это,— терпеливо сказал я.— Но не будем ссориться. Ты скажешь мне, что я имел в виду.

Кати вздрогнула, на ее лице появилось мрачное выражение.

— Ты продолжаешь настаивать на том, что это не несчастный случай, Рик,— сказала она тихо.— Я чувствую это все время. Дженни была убита! Дженни была убита! Кто-то держал ее голову под водой, пока она не задохнулась! Почему ты так чертовски уверен в этом? Ты что-нибудь знаешь, чего я не знаю?

— Не то, что ты думаешь,— откровенно ответил я.—

Ты заботишься о Пите? Ты считаешь, что он главный подозреваемый, потому что он крупный парень с сильными мускулами, с неслишком сильным умом и вспыльчивым характером.

— Думаю, что да,— прошептала она.— Ну? — Она свирепо соединила брови.— Это Пит? Ты считаешь, что он убил Дженни?

— Нет! — простонал я.— По крайней мере, у меня такое чувство, хотя оно легко может оказаться ошибочным. Пита я подозреваю меньше всего, если уж пришлось к слову. Он может свернуть кому-нибудь челюсть прежде, чем поймет, что случилось. Но я не думаю, что он мог утопить ее.

Тень исчезла с лица Кати, и она благодарно улыбнулась мне.

— Ну, я рада этому.

— Давай вернемся к другим друзьям,— сказал я.— К парню с черными волосами. Попытайся вспомнить, часто ли он встречался в кафе с Дженни до того, как она ушла от Пита?

Она наморщила нос.

— Почему ты не задаешь мне легких вопросов? Я ничего не могу вспомнить. И не забывай, что Дженни не работала последние двенадцать дней перед тем, как ушла от Пита.

— Ты права,— признал я.— Я забыл это. Ты пойдешь сегодня в кафе, милая?

— О, нет! Я всегда живу надеждой на лучшее.

— Я серьезно,— сказал я.

— Я тоже!

— Просто хотел поинтересоваться, можешь ли ты совершить небольшую поездку в Вегас? — предложил я.

— Звучит заманчиво,— признала она.— Увы, Рик, но ведь я работаю, ты же знаешь. Как хотелось бы поехать. Такой удобный случай — разделить с тобой постель. Но этого не произойдет, поэтому поговорим о чем-нибудь другом!

— О сексе?

Ее глаза сверкнули.

— Пять минут назад он не мог даже назвать точное время — теперь ему захотелось поболтать о сексе! Странно!

— Это черное белье! — простонал я.— Ты сводишь меня с ума, ты же знаешь это! Это все ты виновата! Я ста-

новлюсь таким растерянным, что еле сдерживаюсь, чтобы не лечь. Видишь, что ты делаешь со мной!

— Уверена в этом,— заявила Кати.— Я позволю тебе одному поехать в Вегас, хотя знаю, что как только холостяк снимает комнату в отеле, ему автоматически присылают ассортимент девушек!

— Есть большой выбор,— продекларировал я.— Длинноволосые и с короткой стрижкой, девушки одетые, переодетые и раздетые, девушки, говорящие: «Дядя! Когда нажмешь в нужном месте?», девушки, кричащие «Мама!», когда ложатся в постель, кроме того, мы имеем...

— Рик?

— Да? — Я остановился и посмотрел на нее.

— Почему ты так расстроен?

— Потому что мне сейчас ехать в Вегас все равно, что войти в пещеру льва,— сказал я нервно.— Но у меня нет выбора.

— Почему же нет?

— Я должен ознакомиться с величайшей рулеткой в мире,— объяснил я.

8

Однажды я оказал услугу Большому человеку, правда, не очень большую, но надеялся, что он помнит о ней. У входа меня встретил охранник, который с извиняющейся улыбкой забрал у меня револьвер и попросил подождать, пока известят хозяина о моем визите.

Я считал, что придется ждать пару часов, но в действительности прошло всего пятьдесят минут. Парень в приемной внимательно проверил меня на случай, если страж у входной двери что-то упустил.

Я вступил в дорогой номер, обставленный куда с большим вкусом, чем кабинеты глав корпораций, которые мне приходилось видеть. Он был поудобнее. Никаких секретарей и телефонных звонков, действующих на нервы и отвлекающих внимание. Если парень вне кабинета сочтет, что звонок жизненно важен, на столе Большого человека дважды мигнет лампочка, и он сам возьмет трубку.

— Мистер Холман! — Он встал из-за стола и пожал мне руку. Приятно снова видеть вас!

— Спасибо,— сказал я.— Весьма благодарен, что вы уделите мне немного своего времени.

Предложив мне сесть, хозяин номера опустился в крес-

ло. Он был элегантно одет, сложен весьма атлетично и походил на концертного пианиста. Только его глаза беспокоили меня.

Я объяснил ему ситуацию, как ее представлял. Он внимательно выслушал меня до конца.

— Вы же знаете мои функции здесь, мистер Холман! Упрощенно они сводятся к тому, чтобы все в городе функционировало наилучшим образом. Уверен, вы не намерены своими действиями причинить нам вред?

— Только косвенно,— ответил я быстро.— Если мои подозрения верны, то эта деятельность не только не принесет выгоды городу, но и может стать опасной.

Он прикрыл глаза, чтобы представить эту картину.

— Насколько важен ваш клиент, мистер Холман?

— Более важных не бывает,— ответил я.— И это без преувеличений.

Он улыбнулся.

— Надеюсь, не встанет вопрос о привлечении полиции?

— Нет, если только кто-нибудь не совершит что-нибудь очень глупое.— Я пожал плечами.— Это, конечно, может случиться в любой момент.

— Пожалуйста, мистер Холман, никакой пропаганды, только веские факты.

— Конечно.— Я усмехнулся.

Внезапно открылась стенная панель, и появилась прозаически выглядывшая стенографистка в очках.

— Да, сэр? — спросила она вежливо.

— Личная записка к мистеру Альберту Фаулеру,— сказал Большой человек.— После того, как она будет подписана, вы отдадите ее мистеру Холману, а копию подошлете в дело... «Мистер Фаулер! Мистер Холман проводит секретное расследование в нашем городе. Позаботьтесь, чтобы он получил полное содействие с вашей стороны и со стороны вашего штата, и обеспечьте ему доступ в любую часть вашего заведения». Это надо напечатать.

— Да, сэр.— Панель закрылась за стенографисткой.

— Глубоко благодарен,— сказал я.

— Старые порядки меняются, но иногда недостаточно быстро,— заметил он.— Я говорю о Фаулере. Не сомневаюсь в вашей храбрости, но с Фаулером надо быть настороже. Поэтому я и говорю — будьте осторожны и информируйте меня, естественно, только в тех случаях, которые меня прямо касаются.

— Конечно, я это сделаю.

— Благодарю, мистер Холман.

— Можно задать вам один вопрос напоследок? — спросил я. — Фаулер — владелец заведения или управляющий?

— Управляющий, мистер Холман.

— Ах! — счастливо произнес я.

— Действительно, ах!

Теперь, когда дело было закончено, не было необходимости торчать в кабинете, письмо я мог получить в баре.

Не прошло и секунды после моего появления в баре, как в руке у меня был бурбон, а рядом сидела рыжеволосая хозяйка по имени Марги. Через несколько минут я вышел и направился в уже знакомое мне заведение моего старого приятеля Ала Фаулера.

Там было свободней, чем в прошлую ночь, и мне не понадобилось много времени, чтобы пройти к парню, стоящему в центре небольшого открытого пространства. Между глаз у него была царапина, и я заметил, что он щадит свою левую ногу, так как коленная чашечка все еще давала ему знать о себе.

На секунду я почувствовал себя врачом, ставящим диагноз: «Здоров ли этот парень? Стоит позаботиться о нем!»

Я подошел еще ближе и нежно сказал:

— Привет, Джо! Шел пешком или протянул телефон и вызвал такси?

Его взгляд устремился в моем направлении, и он застыл в неподдельном изумлении. Потом усмешка исказила его губы.

— Ну! — воскликнул он. — Разве это не сам капитан Бесстрашный? В самом деле, войти сюда просто, малыш, но у тебя нет никаких шансов выйти отсюда!

Он щелкнул пальцами, и я заметил, как к нам двинулись три мускулистых парня. Одного из них я видел прошлой ночью.

— Ты никогда ничего не сможешь рассказать, — произнес Джо Кирк. — А я считал, что будет другая ночь.

— Первый раз за всю свою дурацкую жизнь, Джо, ты прав, — согласился я.

— Я знаю, что я прав!

— Это будет совсем другая ночь, парень, — заявил я. — Потому что я иду срочно повидать Фаулера.

— Рик, малыш! — Он растянул губы в улыбке. — Должен сказать тебе, что на съезде мечтателей, когда он состоится, тебя изберут королем!

— Особенно с этой запиской, Джо. — Я подержал ее

перед его носом так, чтобы он увидел подпись Большого человека. Кирк развернул записку и увидел, что она адресована Фаулеру.

— Ты не сможешь нажать на все тормоза, Холман,— заявил он.— Когда-нибудь твое счастье отвернется от тебя, я подожду этого момента!

Он сделал пальцем знак, и один из парней быстро подскочил к нам.

— Отведи мистера Холмана прямо в кабинет мистера Фаулера.

— Конечно,— ответил тот и показал на дверь за кассой.— Сюда, пожалуйста!

Уходя, я шепнул Кирку:

— Знаешь, мне ненавистно упоминание об этом, но твоя коленная чашечка до сих пор заметна.

Мускулистый парень открыл дверь, и я подождал в коридоре, пока он снова замкнет ее. Потом мы продолжили свой путь.

— Эй, сюда!

Ал Фаулер сидел за своим столом.

— Ну, мистер Холман,— выдохнул он.— В прошлый раз, когда вы побывали здесь, я оказал вам услугу, так что мы в расчете. На этот раз, пройдя через эту дверь, вы задолжали мне! Я сказал тогда: «О'кей, идите и поговорите с Федаро, если вам хочется». Я даже послал Джо отвезти вас. Да, он хотел задержать вас там на несколько часов. Было ли это достаточной причиной, чтобы нападать на него, избить его так, что он хромает? Я спрашиваю, мистер Холман, порядочно ли это?

— Сохраните это, Ал,— вежливо посоветовал я.— Вы ошибочно выдвинули не тот ящик.— Я положил перед ним записку.

Он аккуратно развернул ее, дважды прочел содержание, не торопясь, положил записку обратно в конверт и повернулся ко мне.

— Олл райт.— Он откашлялся.— Большой человек просит сотрудничать — Ал Фаулер будет сотрудничать. Что теперь, Холман?

— Слышал, что у вас самое большое колесо в мире,— сказал я.

— Это верно. Но оно не так уж велико. Хотите его посмотреть?

— Благодарю,— ответил я.— Как долго Дженни Холт вертела его для вас?

— Что за имя? — Он повертел головой.— Не слышал такого.

— Дженни Холт! — повторил я.— Как долго она была при колесе?

Он беспомощно покачал головой.

— Я не знаю Дженни Холт. Это дама?

— Вы по-настоящему глупы, Фаулер! — заявил я.— Ее настоящее имя было Дженни Монтегю — до того, как она вышла замуж за Федаро. Вы помните его?

— Джонни? — Он кивнул.— Мы уже говорили об этом.

— Верно,— кивнул я и стал ждать.

— Дженни, вы сказали? Вышла замуж за Федаро? — Он задумался на несколько секунд.— Дама, вертящая колесо?

— Или привлекающая сосунков,— кивнул я.— Не думаю, что вы сотрудничаете со мной, Ал.

— Могу ли я помочь, если вы держите свои карты закрытыми? — Он пожал плечами.— Не вопросы, а сплошные загадки. Как я могу сотрудничать?

— Много ли должен заведению Эдгар Ранд?

Фаулер повернулся к мускулисту.

— Пойдите узнайте! — приказал он.

Я закурил сигарету. Скоро мускулистый повернулся и протянул Фаулеру листок бумаги.

— Двадцать восемь тысяч,— сказал он.

— Что он делал?

— Вы что-нибудь еще хотите узнать, мистер Холман?

— Все еще не вспомнили девушку по имени Дженни?

— Она не работала в моем заведении,— ответил он.

— Тогда давайте посмотрим на большое колесо.

Через пару минут я стоял в задней комнате и смотрел на величайшую рулетку в мире. Она была не так уже велика, но, как он и сказал, в большинстве своем рулетки невелики. Я подумал, что Дженни преувеличивала, когда сказала Питу Блисссу, что на ней можно заниматься любовью. Разве только делать это с какой-то очень новой техникой.

Я взглянул на колесо еще раз, потом беспомощно пожал плечами. Когда я повернулся, чтобы покинуть комнату, ко мне подошел Джо Кирк.

— Вы — почетный гость, Рик,— просто сказал он.— Мистер Фаулер велел оказать вам особое внимание.

— Все так добры сегодня, мистер Кирк! — сказал я

язвительно.— Если только они перестанут лгать, то эту ночь надо будет запомнить.

— Я запомню это, малыш,— пообещал он мягко.— Сохраню на всю жизнь в моем сердце!

— Почему бы нам не выпить, Джо? — предложил я.

— Вы хозяин, мистер Холман.

Мы нашли свободный угол бара, и кипящая внутри Кирка ненависть вызвала во мне тяжелое чувство, словно кто-то бросил передо мной на ковер горящую спичку.

— Ну.— Я поднял бокал.— У вас есть тост, Джо?

— Какой вы пожелаете, мистер Холман?

— Может, мы выпьем за бедного Джонни Федаро,— сказал я.— Он, должно быть, самый несчастный парень в мире!

— Он жив,— холодно сказал Джо.

— Женившись на даме, он считал, что добился успеха, но ее старик лишил ее всего, даже не впустил в дом. Потом он узнал, что его Дженни в начале каждого месяца берет отпуск на два дня и возвращается с тысячей долларов. Так в чем же проблема? Через восемнадцать месяцев она уходит от него к одному верзиле. Подождав ее немного, Федаро возвращается в Вегас, рассказывает свою историю кому-то, кто намного умнее его, потом пытается заняться обманом и, наконец, уезжает из Невады без четырех пальцев на руках.

— Он негодяй,— сказал Джо.

— Он несчастный негодяй,— добавил я.— Парень, слушавший его рассказ о жене и тысяче долларов ежемесячно, решил, что ни одна девушка за два дня не сможет заработать тысячу долларов, как девушка по вызову. Значит, это был своеобразный платеж, вроде шантажа? Стоило ради этого пойти на риск. Вы пристроили к ней хвост в начале месяца, и это окупилось. Она привела вас прямо туда, и вы узнали, что сын владельца дома глубоко увяз и не станет артачиться?

— Не знаю, о чем вы говорите, Рик,— промямлил он скукаясь.— Но похоже, вам это доставляет удовольствие, так зачем же вас останавливать?

— Парень был в дружеских отношениях с Дженни. Поэтому ему предложили внушить ей мысль поработать в заведении. «Величайшая рулетка в мире!» Она берется за работу. У вас дама, и на крючке сын старика. От них обоих вы хотите узнать мрачный секрет из жизни старика. Верно, Джо?

— Раз вы так говорите, Рик.— Он пожал плечами.

— Это было бы здорово, если бы не сорвалось,— сказал я с сожалением.— Трудно иметь дело с любителями. Они, вроде девушки, покончить с собой, а самоубийство, как и убийство, не потянет на несчастный случай.

Я вышел немного рома, потом с горечью покачал головой.

— Нет, давайте посмотрим правде в глаза, Джо. Если Фаулер хочет остаться в бизнесе, он должен был первым остановить игру. Но сейчас поздно говорить об этом, верно?

— Рик, малыш,— сказал он ледяным голосом,— я чувствую, что вы на что-то намекаете.

— Только для вас одного, Джо,— спокойно сказал я.— Удирайте отсюда — у вас от силы двадцать четыре часа,— пока это не станет известно Фаулеру!

Я быстро прикончил свой бокал и поднялся.

— Спасибо за гостеприимство, Джо. Теперь я должен спешить, чтобы немного поспать. Завтра после полудня у меня свидание в Сан-Диего. До скорого.

— Сан-Диего? — спросил он.

— Это город в Мексике,— объяснил я и быстро вышел из бара.

Шел уже второй час, когда я вышел на улицу. Мотель находился в пяти кварталах отсюда.

Я добрался до мотеля и поднялся в свою комнату. Меня мучили кое-какие вопросы, и я не знал, как их разрешить.

Моей последней мыслью перед тем, как уснуть, была надежда, что Фаулер не настолько глуп, чтобы предпринять что-то против меня в Вегасе. Но если даже Большой человек и разразится гневом, то поможет ли это мне в морге?

9

Визит должен был состояться в половине седьмого, так что я мог успеть на самолет в Лос-Анджелес. Но другой визит застал меня в постели. Я открыл глаза и увидел Джо Кирка, стоящего надо мной с моим револьвером в руках. Проклиная себя за беззаботность, я подумал, что вряд ли мне еще придется дрыхнуть так крепко, что бандит вытаскивает револьвер из-под моей подушки, как из собственного кармана.

— Хотите принять душ, Рик? — спросил Кирк усмеха-

ясь, — у нас длинный путь, и половину его вам придется быть за рулем.

— Если у вас нет здравого смысла, Джо, — сказал я — то зачем вообще говорить?

— После того, как вы ушли, я поговорил с Алом, — небрежно сказал он. — Услышав, что у вас свидание в Сан-Диего сегодня после полуночи, он сказал, что это настоящее совпадение, так как у нас тоже там встреча. Ал считает, что мы не должны позволять такому важному человеку, вроде вас, сидеть в самолете, набитом незнакомыми людьми. «Мы подвезем его. Это будет для него таким приятным утренним сюрпризом», — вот его точные слова. Вы уже приятно удивлены, Рик?

— Даже не буду принимать душа! — заявил я.

— Прежде чем вы двинетесь, парень, — холодно сказал Джо, — запомните все, что я сейчас скажу. Вы примете душ, побреетесь, оденетесь. Мы сядем в машину и позавтракаем по дороге. Ал не хочет, чтобы вы умерли, во всяком случае, до Сан-Диего. Так что если вы попытаетесь что-нибудь сделать, я просто свяжу вас и заткну рот. Не знаю, как много у вас зубов, малыш, но миль до Сан-Диего немало!

Через 20 минут мы были в дороге. Я вел машину, а Кирк и Фаулер сидели на заднем сидении. Как только мы выехали на шоссе, я развил скорость 75 миль и услышал голос Фаулера.

— Не знаю, видели ли вы старые картины, мистер Холман, но если вы начнете увеличивать скорость, я велю Джо бить вас рукояткой револьвера по голове, все сильнее и сильнее!

— Никогда не смотрел телевизор, Ал, — отмахнулся я. — Предпочитаю более активные виды спорта.

— Вроде каких? — спросил он.

— Он имеет в виду дам, — хихикнул Джо.

— О? — Фаулер разочаровался. — Я подумал, он знает что-то другое.

И это был весь разговор за последующие сто миль. Мы позавтракали, и я снова сел за руль. После ленча меня сменил Джо. Около трех часов дня мы достигли поворота на прибрежное шоссе, и я впервые подумал, что у Сан-Лопара приветливый вид.

Когда машина свернула в открытые ворота, Фаулер повернулся и холодно посмотрел на меня.

— Вы хорошо сыграли роль всезнайки перед Джо прошлой ночью, мистер Холман. Может, кое-что из сказан-

ного и верно, но чертовски много ошибочного. Мы все выясним точно.

— Это будет интересно,— сказал я.

— Сын...— Фаулер выругался,— знает, что мы приезжаем. Я велел ему убрать всех из дома, кроме старика, конечно. Только мы пятеро, мистер Холман, побеседуем дружески, и не надо будет беспокоиться о трупе. Шоссе близко, но это место...— он показал на фасад дома в то время, когда Джо подъехал к входу,— может служить моргом, верно?

Эдгар Ранд открыл парадную дверь, и мы вошли. У него было озабоченное лицо.

— Мистер Фаулер! — сказал он.— Мистер Кирк!

— Где старик? — спросил Фаулер.

— В библиотеке.— Он посмотрел на меня, потом снова на Фаулера.— Что здесь делает Холман?

— Он приехал, потому что не имел выбора,— сказал Фаулер.— Теперь давайте найдем старика.

— Конечно.— Эдгар быстро пошел через холл.

Голова Ли Ранда медленно повернулась, когда он услышал, что мы вошли в комнату. Эдгар внезапно растерял свой энтузиазм, отступил назад и пропустил нас.

— Садитесь, джентльмены,— спокойно сказал Ранд.— Добрый день, мистер Холман.

— Мистер Ранд,— вежливо сказал я.

— Возможно, вы будете настолько добры и представите меня остальным джентльменам.— В его голосе чувствовалась ирония.— До сих пор были только слова. Что ж, я рад, что мы можем теперь перейти к делу.

— Это Ал Фаулер,— сказал я,— управляющий известного игорного заведения Вегаса. А это Джо Кирк, работающий на мистера Фаулера, но я подозреваю, что он имеет и свои собственные амбиции.

— Что вы хотите этим сказать? — холодно спросил Джо.

— Надеюсь, Холман скажет это мне,— хмыкнул Фаулер.

— Мистер Ранд,— я кивнул в сторону Эдгара, который все еще стоял сзади,— думаю, ваш сын — так как он должен мистеру Фаулеру двадцать восемь тысяч долларов — должен тоже присоединиться к нам за столом.

— Эдгар! — крикнул Ранд, даже не посмотрев в сторону сына.

Эдгар сел за край стола и несколько секунд смотрел на меня.

— Олл райт,— сказал Фаулер.— Теперь мы все собрались вместе. Я буду председательствовать, так как мы с Джо имеем оружие.— Его глаза с ненавистью изучали мое лицо.— Вы, конечно, могли причинить много бед одному человеку, мистер Холман. Будет лучше, если вы не будете предпринимать таких попыток!

— В большинстве случаев я пытаюсь, Ал,— усмехнулся я.

— Я считаю, что во всем виноват Джонни Федаро,— если бы он не женился на этой даме, мы не имели бы с вами дел,— сказал он.— Но как можно обвинять такого негодяя вроде него? Может, его мать обвиняла его отца, но это была пустая трата времени! О'кей! Вы напустили на меня Хозяина, Холман, и я хочу, чтобы вы исправили положение. Одна вещь из сказанного вами вчера ночью была абсолютно верна — в Вегасе парень должен знать, что он делает.

— Вы предлагаете, Ал, сделку? — спросил я.

— Я всегда предлагаю сделки,— заявил он.— Мистеру Ранду...— он кивнул на старика,— я предлагаю забыть все. Этому...— он повернулся к Эдгару,— я ставлю одно условие — он больше никогда не зайдет в мое заведение!

— Смотрите! — заметил Кирк.— Разве сегодня Рождество?

— Джо,— так же спокойно сказал Фаулер,— еще одно такое замечание, и вы можете не увидеть следующего Рождества!

— Я получу что-нибудь, Ал? — спросил я.

— Пару пуль в твою толстую голову,— прошипел Джо,— вот что ты получишь, Рик, и я с удовольствием выполню эту работенку.

— Вот поэтому-то вы всю жизнь будете ничем иным, как только полоумным боевиком, Джо! — воскликнул Фаулер.— Бывают времена, когда пуля самый быстрый, дешевый и лучший ответ на проблему, а в других случаях нужна сделка. Холман избил вас, но это не причина для вендетты! — Он снова посмотрел на меня.— Вы получили, что хотели, Холман, верно?

— Похоже, что сделка состоится, Ал,— пообещал я.

— Но вы должны нести и обязанности, приятели! — продолжал он.— Вы хотите правду, мы получим ее прямо здесь и сейчас. Ничто не остановит нас, у нас есть время и силы, которые для этого нужны. Но когда мы будем ее иметь,— он внезапно указал пальцем мне в грудь,— она будет ваша, Холман!

— О'кей,— кивнул я.

Эдгар наклонился вперед к Фаулеру, его полные щеки блестели от пота.

— Мистер Фаулер, я хотел поблагодарить за...

— Ах, замолчите! — недовольно сказал Фаулер.

— О какой правде вы говорите, мистер Холман? — спокойно спросил Ранд.

— Дженни,— сказал я кратко.

Его плечи опустились.

— Снова? Бедная девушка мирно лежит в своей могиле. Разве мы не можем оставить ее в покое?

— Нет,— сказал я холодно.— Вы подвергались большому риску, забирая ее из морга, мистер Ранд. Может, у вас была веская причина желать, чтобы она была похоронена побыстрее?

— Оставьте отца в покое,— сказал Эдгар.— Я уже говорил, Холман, если будете всюду совать свой нос, то чертовски пожалеете.

— Вы конфузите меня, Эдгар,— откровенно сказал я.— Я смотрю и вижу тридцатилетнего парня. Но как только вы открываете рот, сразу становитесь младенцем. Оставьте свои советы при себе, и не угрожайте мне. Любой из сидящих здесь, включая вашего отца, может вышибить из вас душу бумажной сумкой, так как в вас нет ничего мужского!

Он склонил голову, его тело содрогалось от гнева.

— Вы посмотрите! — бормотал он.— Вы посмотрите!

— Мистер Холман,— сказал Ранд,— я вам весьма подробно описал мои отношения с Дженни еще вчера. Есть ли необходимость повторять это?

— Вовсе нет,— заверил я его.

— Тогда какую правду вы так настойчиво хотите знать?

— Верно! — вмешался Джо.— Двигаясь таким путем, мы пробудем здесь до следующей недели!

— И пробудем, пока я не узнаю все! — заявил Фаулер.

— Что я сказал Джо прошлой ночью? — спросил я, и Фаулер кивнул.— Вы слышали от Федаро, что его жена исчезала на пару дней в начале каждого месяца и возвращалась с тысячью долларов. Кто-то вообразил, что это плата за шантаж.

— Вы хотели заполучить долю, Джо? — спросил Фаулер тонким голосом.

— Найти ее было нетрудно. Федаро сказал вам, что она ушла к Питу Блису. Вы пустили за нею хвост в начале

месяца, и она привела к дому одного из ваших завсегдатаев — Эдгара Ранда. Вы были уверены, что не он платит тысячу долларов каждый месяц. Значит, это был его отец. Ведь Эдгар знал только то, что Дженни всегда была возле его семьи, что ее мать была женой его отца и развелась с ним, чтобы выйти замуж за отца Дженни.

— Когда смертельно напуганный вами Эдгар выложил все это, вам стало ясно: девушка знает что-то, в конце концов, она каждый месяц получает тысячу долларов! Вы хотели увести ее от Бласса туда, где могли бы присмотреть за нею. Через Эдгара вы предложили ей работу в казино. Он ведь был ее друг, и это сработало. Величайшая рулетка в мире, и Дженни Холт будет при ней.

Я остановился, чтобы закурить сигарету.

— Это почти все, в чем я уверен. Через три недели ее тело было найдено на берегу. Дженни была отличным пловцом, и ее нашли одетой. Я не верю в несчастный случай. Или она покончила с собой, в чем я сейчас сомневаюсь, или была убита. Именно эту правду я и хочу знать!

— Почему вы так настойчиво этого хотите, Холман? — внезапно спросил Фаулер.

— Потому что никого больше это не интересует! — заявил я.

— Я уплатил приличные деньги за пару отличных платьев, и велел ей ходить по комнате, где находится большая рулетка, чтобы занять ее! — недовольно сказал Фаулер. — Она и сама не знала, почему Ранд дает ей деньги. «Полагаю, он считает себя нечто вроде моего дяди», — сказала она однажды. Хотел бы я иметь такого дядю!

— Через пару недель мне все это надоело, но Джо считал, что стоит подождать еще немного. «Делайте, что хотите», — сказал я, — но если не добьетесь результатов за неделю, забудьте это». — Он повернулся к Кирку. — Так что вы расскажете нам? Что вы сделали?

— Дама ничего не знала, — ответил Джо. — Но Эдгар был должен нам больше двадцати тысяч, и боялся, что его старик не даст ему их. Поэтому я оказал давление на него. Я сказал, что он должен подействовать на старика через даму. Если он не добьется успеха в течение трех дней, мы начнем выколачивать из него эти деньги.

Ли Ранд внезапно громко хмыкнул.

— Это интересно, — сказал он. — Из страха быть избитым за то, что он не платит свои игорные долги, мой сын

делает попытку узнать мои секреты, чтобы игроки могли шантажировать меня. Вспоминаю, что в ту ночь, когда он заговорил об этом, я был очень доволен. В первый раз он проявил интерес к моей жизни. Я проболтался ему.— Он посмотрел на сына, и тот быстро отвел взгляд.— Как вы знаете, мистер Холман, тут мало что можно рассказать. Я сообщил Эдгару о своем подозрении, что Дженни могла быть моей дочерью, и о том, как мы зарегистрировали ее под именем Дженни Холт.

— Что почувствовал Кирк, когда вы рассказали ему об этом? — спросил я Эдгара.

— Он не поверил в это! — ответил тот.— Он считал, что я дурачу его. Потом сказал, чтобы я отправился к чертям и что у меня остается один день на уплату долга.

— Это было в Вегасе или в Лос-Анджелесе? — спросил я.

— В Лос-Анджелесе. Джо пробыл там ту неделю,— ответил Фаулер.

— А Дженни?

— Выгоднее было держать ее вне заведения,— сказал Фаулер.— Уверен, что все трое были вместе.

— Где?

— Имеет ли это значение, Рик? — хмыкнул Кирк.— Мы были в Лос-Анджелесе.

— Да, имеет,— возразил я.— В отеле?

— Это был мотель на побережье.

— Малибу?

— Верно, Малибу.

— Мотель,— сказал я тихо.— У вас у каждого была своя кабина?

— Ну...— Кирк колебался секунду.— Конечно, конечно!

— Вы лжете, Джо,— сказал Ал.— Я вас давно знаю. Дама была с вами!

— Нет! — быстро сказал Джо.— С ней был Эдгар.

Эдгар слабо улыбнулся.

— Ну, вы же знаете, как это бывает. Мы знали друг друга с детства!

— Вернемся к последним дням,— предложил я.— У Эдгара оставался последний шанс добиться чего-то, и Дженни ночью умерла.

Секунду Джо и Эдгар с ненавистью смотрели друг на друга.

— Дженни отправилась на побережье, как она всегда делала,— сказал Эдгар.— Я и Джо возвращались поздно.

Мы не беспокоились, потому что она любила купаться допоздна. Откуда я мог знать, что утром найдут ее тело?

— Куда вы ездили, Эдгар? — спросил я.

— Поблизости, — сказал он и пожал плечами.

— Могли бы придумать что-то получше.

— Здесь нет секрета! — заявил Кирк. — Мы ездили сюда. Я все еще пытался найти способ воздействовать на старика.

Ли Ранд наклонился к столу и тяжело посмотрел на сына.

— Именно в этот день пропало свидетельство о рождении Дженни Холт, — сказал он тихо. — Я довел Таптоса до сумасшествия, заставляя искать его. Но оно оказалось на месте через два дня.

— Может, тебе это показалось, папа? — дрожащим голосом сказал Эдгар.

— Значит, кому-то в голову пришла идея? — сказал Фаулер.

— Джо, — вежливо сказал я, — наверно, это были вы.

— У меня не было никаких идей! — сердито ответил Джо. — Может, этот придурковатый негодяй Эдгар имел какие-то идеи, а не я!

— Я никогда не имел никаких идей! — истерически закричал Эдгар. — Вы пытаетесь сделать из меня мальчика для битья. Но вы теряете время, слышите! Это Джо. Он постоянно оказывал давление на меня!

— Замолчи! — заорал Кирк.

— Не хочу молчать! — Эдгар вскочил на ноги, оттолкнув стул. — Я достаточно молчал! всю мою жизнь кто-то командовал мной! Но больше этого не будет! Вы слышите! — Его голос задрожал. — Ты! Актер-ковбой! Все время ты говорил мне, что делать и что не делать. «Не одевай этот костюм, Эдгар, он слишком кричащий». «Ты получил уже свое содержание в этом месяце, так что жди до июля». «Твои игорные долги это твои проблемы, не вмешивай меня в них!» Ненавижу тебя! — закричал он внезапно. — Боже мой! Как я ненавижу тебя!

— Скажу тебе кое-что еще, ты, старый козел! Я имел связь с Дженни, когда ей было семнадцать. Ты понял, что получилось в результате твоей игры с Мариен Холт? Дженни и я могли поехать в Неваду и пожениться, не подозревая, что мы могли быть братом и сестрой. Даже Аксель Монтегю не мог помешать этому! Но ты никогда... Ты никогда...

— В этом и была идея! — сказал я. — Представить Мон-

тегю доказательство того, что сын бывшего мужа его жены и девушка, которую он считал своей дочерью, сводные брат и сестра!

— Разве это тронуло бы Монтегю? — возразил Ал.— Он уже отказался от дочери, когда она вышла замуж за Федаро.

— Вы правы,— сказал я.— Это не беспокоило его, но что если вдруг его дочь разведется с Федаро и соберется замуж за Эдгара Ранда — вот что его беспокоило.

Эдгар медленно опустился на колени и опустил голову на крышку стола.

— Если бы эта история вышла наружу,— продолжал я,— это разрушило бы его карьеру. Так возникла мысль о шантаже. Платите нам или мы поженимся. Что вы на это скажете, Эдгар?

— Не думаю, чтобы у него хватило духа сказать такое Монтегю,— возразил Ал.

— Нет! — согласился я.— Только один человек мог сказать это Акселю Монтегю.

Я посмотрел на вспотевшее лицо Эдгара.

— Это было ошибкой, что вы отправили Дженни туда, Эдгар? — без нажима спросил я.— Только она могла напугать Акселя этой женитьбой, зная факты. Может быть, вы позвали ее на прогулку на пляж?

— О, Боже! — безнадежно прошептал он.— Я был уверен, что она сочтет это изумительной идеей. С тех пор, когда ей исполнилось пять лет, мы имели только по одному родителю, и мы оба ненавидели их больше, чем кого-либо на свете! Я думал, она засмеется, когда я скажу ей, что наполовину уверен в том, что она моя сводная сестра. Я думал, она впадет в истерику от того, что дядя Ли внезапно превратится в ее возможного отца.— Он дернул головой.— Она обезумела! Она вела себя дико. Она страшно ругала меня. Она сказала, что это идиотская идея, но она пойдет к Акселю Монтегю, потом к моему отцу и расскажет им слово в слово, какое предложение я ей сделал. Я же не мог позволить ей сделать этого! Я имею в виду, что это был бы конец для меня, вы же можете это понять? Я даже не заметил, как мы оба оказались в воде, и Дженни внезапно подскользнулась...— Его тон стал мечтателен.— Это было так просто. Я положил руку ей на голову и крепко держал... Это длилось недолго, может...

— Убийца,— вскочил на ноги Ранд, опираясь рукой на стол, и швырнул свою палку в голову Эдгара.

Эдгар дернул головой, делая попытку уклониться от

удара. Тяжелая палка со свистом описала дугу, и голова Эдгара опустилась на крышку стола, где и осталась лежать.

Ли Ранд секунду стоял неподвижно, глядя на тело сына, потом тяжело рухнул на стул.

Фаулер смотрел на меня.

— Это все ваше, Холман, вы помните? Я говорил вам, что не хочу иметь доли в этом, с самого начала!

— Да,— сказал я.— Если вы и Джо собираетесь возвращаться в Вегас, то, я думаю, сейчас самое время отправляться.

— Вы всегда правы, Рик,— усмехнулся Кирк.— Вы были правы и вчера ночью, говоря о парнях в Вегасе, которые должны заниматься своим бизнесом. Я занимаюсь только игрой!

— Мистер Холман! — тихо произнес Ранд.

Я обогнул стол и подошел к нему.

— Могу я что-нибудь для вас сделать?

— Нет. Я хочу, чтобы вы уехали с остальными. Это дело касается только меня и моего сына.

Я хотел было возразить, но передумал.

— Понял,— сказал я.— Могу я одолжить у вас одну вещь? — Он посмотрел на меня.

— Все, что угодно, если вы считаете, что это так важно сейчас.

— Я думаю, да,— сказал я.— Вы уверены, что я ничего не смогу сделать для вас, мистер Ранд?

— Нет. Как только вы уедете, я вызову полицию. Если Дженни была моей дочерью и мой сын убил ее, а я убил своего сына...— Его голос замер.

— Вы идете, Холман? — нетерпеливо спросил Фаулер.

— Конечно,— сказал я.— Только я сперва возьму кое-что из ящика стола.

Через две минуты мы были в машине. За руль сел Джо.

— Ты знал, что он убил ее, Джо? — спросил Фаулер.

— Нет,— ответил Кирк.— Я предполагал, что он мог... Я знал, что я ее не убивал. Они сочли это несчастным случаем. Никогда не думал, что у него хватит духу на убийство.

— Только на это он и был способен — сказал я,— убить женщину.

— Интересно, скажет Ранд полиции о том, что сын сознался в убийстве девушки? — внезапно сказал Фаулер.

— Еще бы,— хмыкнул Кирк.— У него же нет выбора — без этого он пойдет в газовую камеру.

— Джо, паренек! — терпеливо сказал я. — Назовите мне какую-нибудь причину, по которой Ли Ранд захочет сохранить жизнь?

10

Блондинка в приемной, напоминающая гранитную скульптуру, одарила меня улыбкой самого высокого класса.

— Как приятно снова видеть вас, мистер Холман! — Она сделала глубокий вдох. — Мисс Пил уже ждет вас.

— Благодарю, — кивнул я.

— Все, что угодно, для вас, мистер Холман, с удовольствием!

Появилась вторая блондинка, и я последовал за ней к человеку, который сидел на недостижимой высоте.

Скоро я оказался в кабинете его личного секретаря, и та улыбнулась мне.

— Приятно снова видеть вас, мистер Холман, — повторила она уже знакомую фразу. — Можете сразу пройти, мистер Монтегю ждет. — Она достала сигарету и закурила.

— Пусть подождет, — сказал я.

Она опустила зажигалку на стол и, со стуком отодвинув стул, недоверчиво посмотрела на меня.

— Что вы сказали, мистер Холман?

— Пусть подождет, — повторил я.

Неожиданно ее лицо смягчилось.

— Спасибо, мистер Холман! — сказала она.

— За что?

— Я ждала двадцать лет, чтобы кто-то это сказал. И вы первый!

— Я просто хотел кое-что спросить у вас, — откровенно сказал я. — Помните, когда я уходил отсюда, вы называли Дженни живой куклой.

— Конечно.

— Что вы конкретно имели в виду? Это важно для меня по одной причине, которая пусть вас не беспокоит.

— Я думаю, что имела в виду именно то, что сказала, мистер Холман! В последний раз, когда я видела Дженнифер, ей было шесть лет — живая кукла!

— О, хорошо... — сказал я.

— Это было важно? — Она секунду смотрела на меня. — А как относительно личной услуги, о которой я просила, мистер Холман? Я была права?

— Вы были совершенно правы.

— Это ужасная трагедия семьи Рандов в утренних газетах?

— Вы снова правы, мисс Пил.

— Эта шестилетняя кукла была важна для меня, когда она выросла в женщину,— сказала она.— Что еще вы хотели услышать от меня?

— Ну, если никто даже не поинтересовался, когда молодая красивая женщина была убита, то она могла бы никогда не родиться!

Раздался зуммер, и она нажала клавишу. Раздался тонкий голос Монтегю:

— Мисс Пил! Вы не думаете, что мистер Холман выбрал не кратчайший путь к моему кабинету?

— Он здесь, мистер Монтегю. Посылаю его к вам немедленно.

— Пожалуйста! — сказал он.— Я устал его ждать.

Мисс Пил улыбнулась.

— Вы помните, какая дверь, мистер Холман?

— Мисс Пил,— откровенно ответил я,— я помню любые мелочи.

Монтегю сидел за своим столом, его пальцы нетерпеливо постукивали по крышке. Выглядел он так же, как и тогда, только костюм был другой.

— Садитесь, Холман! — кивнул он.— Вы опоздали.

— Да,— согласился я.

Он резко вскинул голову.

— Это все, что вы мне скажете?

— Неужели вы уплатили мне двадцать пять тысяч долларов, чтобы выслушивать извинения за то, что вам пришлось ждать пару минут? — спросил я с интересом.— Мне это кажется незаконным. За эти деньги вы сможете держать шесть или семь человек, сидящих вокруг вас и...

— Остановитесь! — сказал он.— У вас короткая память, мистер Холман. Ничего не изменилось, и в моих возможностях выпшвырнуть вас из бизнеса!

Когда я не ответил, он, казалось, удовлетворился и немного успокоился.

— У вас есть рапорт?

— Да.

— Так где же он? — Он нетерпеливо посмотрел на пустой стол.

— Думал, вы согласитесь выслушать это, мистер Монтегю.

Он сделал нетерпеливый жест, потом пожал плечами.

— Будем судить об этом позже. Начинайте!

Я колебался пару секунд.

— Вы не нанимали меня для описания дня за днем последних двух лет жизни вашей дочери, мистер Монтегю.

— О? Разве? Тогда почему я уплатил вам такую сумму, мистер Холман?

— Узнать то, что было действительно важно для вас, и отбросить остальное,— сказал я.

— Весьма справедливо, мистер Холман! Тогда, пожалуйста! Докладывайте о вещах, которые важны для меня.

— Дженнифер родилась спустя девять месяцев и неделю после вашей женитьбы на Мариен Холт,— начал я.— Вы поженились через неделю после того, как она оформила развод с Ли Рандом в Мехико. Вы всегда сильно подозревали, что Дженнифер могла быть как вашей дочерью, так и дочерью Ранда. Ваша жена потребовала в завещании, чтобы Дженнифер разрешали минимум две недели в году проводить с Рандом, это только усилило ваше подозрение.

Он немедленно достал сигарету из серебряного портсигара.

— Олл райт, мистер Холман. Что вы теперь можете мне сказать? Была Дженнифер моим ребенком или ребенком Ранда?

— Я не смогу ответить на этот вопрос исчерпывающе, мистер Монтегю.

— Что вы имеете в виду — не можете ответить! — взорвался он.— Двадцать пять тысяч долларов, и вы не можете ответить!

— Могу определенно сказать, что Ли Ранд не был ее отцом,— сказал я.

— Тогда я был ее отцом! Не будьте идиотом! Какая другая альтернатива может быть?

Это был мой звездный час, и я решил не упускать его.

— Ну! — нетерпеливо произнес он.

— Отцом Дженнифер были или вы, мистер Монтегю, или... — я вытащил бумагу и прочитал: — или джентльмен по имени Эмануэль Лопес.

— Что? Что за чушь вы несете, Холман?

— Эмануэль Лопес,— повторил я.— Торговец лошадьми.

— Что? — Он вскочил из-за стола.— Что за идиотскую бумагу вы держите? — проговорил он сквозь зубы.— Где вы ее взяли?

— Этот кусок бумаги самая большая ценность в рас-

следовании, мистер Монтегю. Я ездил в Мехико, чтобы ее получить.

— Мехико? — Он выхватил бумагу у меня из рук.

Конечно, он узнал почерк своей жены, и это было отлично. Я молил Бога, чтобы он не узнал почерк Ранда.

— Отель в Мехико? — Он снова посмотрел на меня. — Я все еще не понимаю, что это означает?

— Мне очень повезло, — пояснил я. — Это очень маленький отель, в котором никогда ничего не выбрасывают. Это страница из регистрационного журнала отеля — сами можете посмотреть дату, мистер Монтегю.

— 9 ноября 1940 года? — Его глаза сверкнули. — Это не может быть подделкой?

— Нет, мистер Монтегю, — твердо сказал я. — Совершенно исключается.

— Мариен Лопес? — Его голос дрожал. — Это почерк моей жены, я не ошибусь и через миллион лет! Эмануэль Лопес, торговец лошадьми!

Его лицо было серым, когда он невидящим взглядом уставился в пол. Он снова взял сигарету, но увидел, как дрожит рука, и положил ее.

Спустя долгое время он поднял голову и посмотрел на меня.

— Мы регистрировались в Вальдорфе, — сказал он трагично. — Было две тысячи гостей! Там был Голдвин, там был Майер, там был де Миль. Все, кто что-то значит в кинопромышленности, были там. Мне сказали, что Мариен была самой прекрасной новобрачной в мире! — Он помолчал. — А ровно за неделю до этого она провела ночь с Эмануэлем Лопесем, мексиканским торговцем лошадьми!

— Хотите, чтобы я доложил о чем-нибудь еще, мистер Монтегю? — спросил я.

— Нет! — Он скривился от одной мысли об этом. — Вы проделали первоклассную работу, мистер Холман! Буду везде восхвалять ваше профессиональное мастерство. — Он благодарно похлопал меня по плечу. — Надеюсь, могу быть спокоен, что это никогда не выйдет за пределы моего кабинета!

— Определенно!

— Благодарю вас! — сказал он. — Разрешите проводить вас, мой дорогой!

Мисс Пил наблюдала, как мы вдвоем прошли через приемную, пожали друг другу руки. Наконец, Аксель Монтегю вернулся в свой кабинет и плотно закрыл за собой дверь.

— Сегодня утром мистер Монтегю не похож на себя,— сказала мисс Пил недоверчиво.

— Не думаю, что он когда-нибудь обретет спокойствие,— сказал я.

11

— Ценю ваше согласие держать меня в курсе событий, мистер Холман,— сказал Большой человек.— Как идут дела?

— Просто здорово,— ответил я.— Фактически, они закончены.

— Так быстро?

— Я хотел прежде всего поблагодарить вас за помощь.— Он кивнул головой.— Потом я хотел сказать вам, что ошибался относительно Ала Фаулера.

— В самом деле? Насколько ошибались, мистер Холман?

— Слишком серьезно,— признался я.— Мне неприятно даже думать о том, насколько я ошибался!

— Ну,— он улыбнулся.— Думаю, вам нелегко говорить это, мистер Холман.

— Я обещал Алу, что попытаюсь убедить вас в его невинности,— сказал я.— Надеюсь, мне удастся это?

— Без всяких сомнений.

— Еще раз благодарю вас.

— Вы мне только доставили удовольствие этим, мистер Холман. До свидания.

Я пошел к двери, потом повернулся.

— Есть одна небольшая деталь, о которой я забыл.

— Да, мистер Холман?

— Покинув вас, я пошел в заведение Фаулера. Ничем нельзя было доказать, что Дженни Холт даже бывала там. Единственная вещь, которую я смог сделать, это жестко поговорить с Джо Кирком, чтобы убедить его, что я многое знаю, даже напугать его немного, потом громко объявить, что у меня встреча в Сан-Диего на следующий день. В мотеле у меня внезапно появилось чувство, что Ал ночью может разmozжить мне голову.

— Могу представить,— согласился Большой человек.

— Потом я понял, что ваше обращение к Алу определенно важно для Ала, и почувствовал себя лучше.

— Хорошо!

— В Сан-Диего на следующий день это помогло даже

больше,— сказал я.— У меня меньше ушло времени на все, так как Ал Фаулер предложил мне сделку. Я получил то, что хотел, а хотел я правду!

Усмешка появилась на лице Большого человека.

— Ну, по крайней мере, он умеет выполнять приказы, не так ли, мистер Холман?

— Выглядит так,— согласился я.— До свидания.

— До свидания, мистер Холман.— Он колебался секунду.— Хочу сказать вам, что вы пользуетесь у бардов большим успехом.

Я, не останавливаясь, прошел через приемную. Почти пробежал четыре квартала до отеля, потом мне показалось, что лифт движется очень медленно.

Я тихо отпер дверь номера и бесшумно вошел. В гостиной никого не было, поэтому я прокрался к спальне и заглянул туда. Несколько секунд мне казалось, что комната пуста, потом я заметил что-то белое и движущееся. Я пробрался внутрь комнаты и был вознагражден видом круглых ягодич, обтянутых белыми шелковыми трусиками. Должен признать, что длинные ноги, примыкающие к ягодичам, были совершенны.

Я стоял прямо позади ягодич, подняв правую руку, в позе регулировщика, дающего сигнал: «Стоп!». Ягодицы подвинулись ближе и соприкоснулись с моей ладонью. Я сделал громкий хлопок и громко сказал:

— Бюро обслуживания!

Раздался крик ужаса, и Кати забежала в туалет. Высунав оттуда голову, она осуждающе посмотрела на меня.

— Нехорошо пугать девушек!

— Что это ты делаешь? — спросил я.

— Я страшно испугалась,— сказала она.— На мне нет даже лифчика! Я думала, это официант высотой в семь футов с волосатыми руками! — Она вздрогнула.— Я рада, что ты вернулся, Рик. Теперь мы можем идти.

— Ну,— сказал я.— Это хорошо, если ты не будешь одеваться.

— Не могу терять время на одевание! — сказала она с энтузиазмом. Она достала лифчик.— Надень его на меня, Рик.

— Конечно.— Я сделал это мастерски.— Только хочу спросить, зачем я его надел?

— Потому что я попросила об этом.

— Кати! — Я вежливо тронул ее за плечо. — Могу я спросить у тебя кое-что?

— Полагаю, что да.

— Для чего ты одеваешься?

— Чтобы выйти из номера, — ответила она.

— Я был уверен, что ты раздеваешься, чтобы лечь в постель, — сказал я.

— Моя первая ночь в Лас-Вегасе? — Она засмеялась. — Ты с ума сошел!

— Просто одолеваем сексом!

— Ну... — ее голос звучал неуверенно.

— Я бы не пытался остановить тебя в первую ночь в Лас-Вегасе, милая, — сказал я, стараясь сдержать улыбку. — Но уже слишком поздно!

— Семь тридцать?

— Но ты же помнишь, что мы в Лас-Вегасе?

— Помню, — сказала она и стала обуваться.

Я понял, что пора вмешаться.

— О'кей, — я громко зевнул. — Мы заключим сделку. Ты поедешь в город, а я останусь здесь и лягу в постель.

— И это сделка? — воскликнула она.

— Думаешь, я шучу? — Я засмеялся и снял пиджак. — Не хочу пугать тебя, Кати, но этот город может оказаться жестоким для одинокой девушки.

Я с холодной решимостью развязал галстук и начал расстегивать рубашку.

— Здесь есть по-настоящему жесткие парни. Но думаю, не стоит беспокоиться, если ты умеешь громко кричать.

Она внезапно вышла из ванной.

— Ты что-то сказал мне, Рик? — спросила она без особого интереса.

— Нет, — ответил я с горечью. — Я говорил со своей матерью. Она всегда путешествует со мной. Она невидимка, так что будь осторожна, не наткнись на нее, пока мы здесь.

— Это славно! — сказала она, складывая косметику в сумочку.

Я сел на край кровати и стал снимать туфли.

— Еще одна штука относительно Вегаса. Здесь бывают перестрелки на улицах. Однажды тридцать семь случайных прохожих было застрелено из пулемета!

— Это звучит возбуждающе! — Она подкрасила помадой губы. — Может, увижу такое хоть раз в жизни. Все эти южноамериканские революционеры одинаковы.

— Все же идешь? — спросил я.

— Конечно,— счастливо отозвалась она.— Как я выгляжу?

— Великолепно! — ответил я.— Если не считать, что ты одета.

— Я не говорила тебе? — спросила она.— Как только ты ушел, я спустилась за сигаретами и встретила внизу одного человека.

— Впервые слышу.

— Ты не можешь себе представить! — Когда она на секунду прикрыла глаза с мечтательным выражением на лице, мои глаза расширились.— Высокого роста, атлетического сложения... А какое лицо! Но главное — его глаза,— она вздохнула,— таких выразительных глаз я еще не видела!

— Да? — Я громко зевнул.

— Проходя мимо, он задел меня, но пусть это тебя не беспокоит,— сказала она, хихикая.— В то время в вестибюле кто-то сказал: «Вон идет Большой человек!» Сегодня я снова с ним увижусь.

— О, конечно! — поддакнул я.

— Ну, я ухожу! До свидания, Рик!

— До свидания.

Она вышла, и на миг мне показалось, что в номере стало темно. Какая-то странная мысль сверлила мне мозг, пока я не понял, что это связано с идиотской фразой, услышанной Кати в вестибюле. Что за большой человек в Лас-Вегасе?

Вдруг я понял все. Теперь я узнал его. **БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК...** И тут же вспомнил его несколько странные слова, сказанные мне, когда мы прощались.

Я быстро завязал галстук, одной рукой натянул пиджак, второй — туфли и помчался к лифту.

— Эй, Кати! — закричал я.— Подожди меня!

ЗАВОДНАЯ КУКЛА

Г л а в а 1

— Прежде всего вам следует понять одну вещь, Рик,— очень серьезно произнес Айван Мэсси, на секунду задержавшись на ступеньках трейлера.— Эта Тони Эстер — типичная взбалмошная куколка.

— Могу себе представить,— заверил я.— Наверное, нелегко мириться с неустойчивым автомобильным прицепом, вроде этого, в качестве передвижной гостиной, в которой могут с трудом поместиться всего две-три посторонних женщины. Да еще когда тебе уже двадцать один год и ты стала кинозвездой.

— Прекратите свою музыку,— недовольно буркнул он.— Вы достаточно прожили в Голливуде, чтобы понимать: здесь каждый должен обладать символом общественного положения. Вы же и сами приобрели себе таковой, не правда ли?

Нечестная ссылка на мое собственное жилище, выступающее бельмом в веренице других символов на Беверли Хиллз, была с его стороны бессовестным приемом, ибо тут он совершенно прав, и возразить я не мог.

— О'кей,— огрызнулся я,— значит, мне положено проливать слезы сочувствия всякий раз, когда вы будете повторять мне трогательную историю о бедной босоногой крошке Тони Эстер, за прошлый год заработавшей всего только один миллион?

— Сперва познакомься с ней, а потом сам увидишь, как нелепо и несправедливо подобное мнение, тем более что оно ни на чем не основано! — холодно заметил Айван.

Я прошел следом за ним в великолепную автомобильную гостиную-прицеп, покрашенный снаружи в приторно-розовый цвет, и неожиданно окунулся в царство сказочной кондиционированной роскоши. Стены и потолок внутри тоже имели мягкий розовый оттенок, пол устлан черным ковром, а скрытые лампы рассеивали интимный свет среди

сделанной на заказ мебели. Неоновый квадрат, окаймлявший зеркало размером во всю стену в дальнем торце помещения, по контрасту светил нестерпимо ярко.

«Типичная взбаламошная куколка» сидела в кресле Марты Вашингтон, обитом куда более эффектным материалом, чем могла разрешить себе Марта. Передо мной был кумир многочисленных подростков. Я преднамеренно не видел ни одного фильма с участием Тони Эстер, но не мог, конечно, избежать воздействия бесчисленных рекламных роликов и портретов, помещенных во всех журналах. Последние несколько лет любое издание, прямо или косвенно связанное с искусством, считало своим долгом взять интервью у Тони Эстер или написать о ней восторженную передовицу. Если ее лицо не дарило вам скромной улыбки со страниц еженедельников, у вас создавалось смутное ощущение, что чего-то не хватает.

У Тони были черные кудрявые волосы, причесанные в мнимом беспорядке. Лицо стандартно хорошенькое, кожа свежая и гладкая, как и положено двадцатилетней девушке. Особо выделялись ее большие, выразительные темно-карие глаза, окаймленные густыми ресницами. Рот с капризно изогнутыми уголками губ по форме напоминал розовый бутон. На ней был бюстгальтер из черных кружев и такие же штанишки, смело демонстрирующие линии ее молодого тела, еще не достигшего пышности зрелой женщины, а ее стройные ноги казались почему-то легко ранимыми.

Возле нее на современном двухместном диванчике сидела неряшливого вида особа неопределенного возраста в очках, и в руках у нее были шариковая ручка и блокнот.

— Очень сожалею, что должен прервать вас на минутку, Тони,— вкрадчиво заговорил Айван Мэсси,— но я хочу познакомить вас с моим очень хорошим другом Риком Холманом.

Девушка подняла на меня глаза и вежливо улыбнулась.

— Рада знакомству, мистер Холман.

Если судить по ее тону, она была старшекласницей, а я ее новым школьным учителем.

Как я понял, она совершенно не замечала своей полунаготы, но не так, как «профессионально» не замечают опытные кинозвезды, а скорее потому, что по молодости своей не сознавала, какое впечатление ее обнаженное тело может произвести на любого мужчину в любое время суток.

— Айван мне рассказывал о вас, мисс Эстер,— сказал я с соответствующей улыбкой.

— А это мисс Кернер,— пояснил Мэсси, кивая в сторону особы на диване.— Мистер Холман.

Женщина с минуту пристально разглядывала меня, пока не убедилась, что моя личность не имеет высокого рейтинга в мире кино, рассеянно улыбнулась и снова завертела своей ручкой.

— Вы продолжите ваше интервью, мисс Кернер? — спросил Айван с едва различимой издевкой в голосе.

— Мы уже почти закончили, мистер Мэсси.

Она наградила его сладкой улыбкой, обнажив при этом ряд неровных зубов,— знала, что он был крупным продюсером и его физиономия определенно котировалась.

— В таком случае, если вы не возражаете, мы тихонечко посидим в углу, пока вы не закончите,— заявил Мэсси.

— Разумеется, не возражаю, мистер Мэсси,— ответила она лукаво.— Осталось всего два-три вопроса.— И мисс Кернер уткнулась носом в блокнот.

— Тони, дорогая!

Не голос, а сахарный сироп...

— После разрыва вашего брака с Кентом Шелтоном вы не ожесточились в отношении всех мужчин?

Девушка повернулась к большому зеркалу и принялась изучать свое отражение в безжалостном сиянии неона, потом взяла в руки платочек и тщательно стерла комочек крема с подбородка.

— Ожесточилась? — В голосе слышались детские нотки.— Нет, я не испытываю ничего подобного. С чего бы это? Понимаете, Кент был слишком стар для меня. То есть причина весьма обычная.

— Как разумно и предусмотрительно с вашей стороны не ожесточаться после всего, что вам пришлось выстрадать! — запела мисс Кернер.— Я имею в виду после того, как он буквально обрушился на вас и все такое!

Она помолчала в ожидании соответствующей реакции, а когда ее не последовало, разочарованно продолжала:

— Еще один, последний вопрос, дорогая. В вашей жизни сейчас не намечается новый роман? — Она нетерпеливо хихикнула.— Я имею в виду недавно засиявшую на нашем горизонте сенсацию, Ларри Голда.

Тони Эстер короткое время равнодушно взирала на свое отражение в зеркале и ответила каменным голосом:

— Мы с Ларри всего лишь хорошие друзья.

— О? — Похоже, мисс Кернер была откровенно разочарована.— Я подумала, видя последнее время так часто вас вместе... в разных местах... ну...

— Всего лишь хорошие друзья,— холодно повторила девушка.

— Понимаю, дорогая.

Мисс Кернер тяжело вздохнула, убрала блокнот с ручкой и поднялась.

— Ну, бесконечно благодарна, дорогая, за очаровательное интервью. Оно станет центральным материалом следующего номера, и ваш портрет на обложке, разумеется.

— Очень мило,— скучающим тоном произнесла Тони Эстер.— Благодарю вас, мисс Кернер.

— Это моя работа, дорогая.

Неряшливая особа с минуту уныло улыбалась спине девушки, затем потрусила к двери.

— До свидания, мистер Мэсси. Высоко ценю, что вы позволили такой старой зануде, как я, занять столько времени у Тони.— Она пронзительно рассмеялась.— Уж я-то прекрасно знаю, как занята сейчас наша малышка!

Проходя мимо меня, она рассеяно бросила в мою сторону:

— До свидания, мистер э-э?..

Дверь трейлера решительно закрылась за ней, и Тони бесстрастным голосом с отвращением произнесла:

— Грязное пресмыкающееся!

— А я думал, что вы уже успели к ней привыкнуть,— добродушно заметил Айван Мэсси.

— «Я имею в виду после того, как он буквально обрушился на вас и все такое...» — очень похоже передразнила Тони сладкий голос мисс Кернер.— Старая ведьма определенно злорадствовала!

— Забудьте об этом! — усмехнулся Айван.— Вы ведь не захотели бы поменяться с ней местами?

Девушка вздрогнула:

— Что за чудовищная мысль!

— Тони, милочка,— вкрадчиво заговорил он,— мне думается, вам следует называть мистера Холмана — Риком, потому что в ближайшее время он будет проводить возле вас довольно много времени.

— О'кей,— она кивнула, не проявляя интереса и по-прежнему занимаясь своим лицом.

— Вы не хотите знать почему? — удивился Айван.

— Нет,— ответила она, пожимая плечами.— Но, полагаю, папа Айван мне объяснит?

— А вы, Рик, должны звать мисс Эстер просто Тони. Я хочу, чтобы вы действительно лучше узнали друг дру-

га,— продолжал Мэсси, поворачиваясь ко мне.— Рик, скажите Тони, чем вы зарабатываете на жизнь.

— Промышленные консультации,— без обиняков ответил я.

— Для кого?

— Главным образом, для боссов шоу-бизнеса.

— Так вот, Тони, он специальный уполномоченный по улаживанию конфликтов,— пояснил Айван спине девушки.— И очень хороший, фактически самый лучший. В Голливуде у него прекрасная репутация, в трудных случаях все обращаются за помощью к Рику. Когда случаются неприятности, о которых не желательно сообщать адвокатам. Понятно?

— Очень мило...— Тони равнодушно зевнула.

— В данный момент у меня крупные неприятности, Тони, дорогая, поэтому я и нанял Рика, чтобы он все уладил.

— О? — Она замерла, наблюдая за его отражением в зеркале: — Неприятности какого рода, папа Айван?

— Обычные для парня и девушки. Неприятности Тони Эстер и Ларри Голд, чтобы быть точным.

Она несколько секунд не отводила взгляда от его отражения.

— Я уже неоднократно говорила вам, папа Айван: не вмешивайтесь в мою личную жизнь!

— Я так и поступал,— устало усмехнулся он.— В отношении Шелтона. Но на этот раз я не могу стоять в стороне, дорогая. Ради вас обоих.

— На этот раз вы встали у меня на пути,— заявила Тони звонящим голосом,— и между нами все кончено. Навсегда!

— Знаю,— произнес он сурово.

Ее рука с платочком на мгновение застыла в воздухе и упала на колени, когда она резко повернулась к нему, воинственно оттопырив нижнюю губку:

— И вам это безразлично, папа Айван?

— Совсем не безразлично, Тони, дорогая,— ответил Мэсси. На его некрасивой медвежьей физиономии появилось нежное выражение.— Вот почему я и хочу заключить с тобой сделку.

— Никаких сделок,— крикнула она.— Мне нужен Ларри, я хочу выйти за него замуж. Ни на какие компромиссы я не пойду, так и знайте!

— Сделка заключается в следующем.— Голос продюсера зазвучал вкрадчиво и терпеливо, будто он объяснял

капризному ребенку. Возможно, так оно и было, подумал я.— Я хочу, чтобы вы разрешили Рiku присмотреться к происходящему, дали ему время выяснить, что собой представляет Ларри Голд. Когда Рик соберет данные за или против него, я хочу, чтобы вы их выслушали. После этого, если вы еще будете желать выйти за него замуж, я не стану возражать. Более того, даже поддержу вас, если кто-то будет против.

— Вы хотите иметь ангела-хранителя? — Она подозрительно вглядывалась в его лицо.— Который убережет меня от соблазна? Мне известны ваши штучки. Выкладывайте все начистоту!

— Никаких штучек, милочка,— твердо произнес он.— Я знаю Рика Холмана и полностью ему доверяю. Он раздобудет точную и совершенно объективную информацию. Вас я тоже знаю, возможно, даже лучше, чем вы сами себя. Мне просто не хочется, чтобы вы слепо связали свою судьбу с Ларри Голдом, когда еще не полностью освободились от Шелтона. Но коли вы окончательно решите стать женой Голда, не питая никаких иллюзий в его отношении и зная о нем буквально все, в этом случае все о'кей.

Тони долго смотрела на него, на лице ее появилось беспокойство. Очевидно, она все еще сомневалась, можно ли ему верить. Затем опустила глаза. Я наблюдал с изумлением, как она сунула большой палец правой руки себе в рот и стала его шумно сосать. Повисло напряженное молчание, мы ожидали ее ответа.

— О'кей! — Она с щелкающим звуком вытащила палец из рта.— Согласна на такую сделку, папа Айван. Но при одном условии.

— Говори!

На ее лице появилось по-детски хитрое выражение, она даже негромко хихикнула, прежде чем сказать:

— Я хочу, чтоб Ларри вместе со мной выслушал донесение Рика. Одновременно.

Айван на секунду задумался, по его физиономии нельзя было прочесть, о чем он думает.

— Олл-райт,— согласился он, пожав плечами.— Для меня это безразлично. Что скажете вы, Рик?

— Не вижу никакой разницы,— ответил я совершенно искренне.— Вы платите за рапорт, а как вы им распорядитесь, дело ваше.

— Значит, мы договорились, детка? — буркнул Мэсси.

— Договорились, папа Айван.— Она рассмеялась, не

в силах больше сдерживаться.— Я просто не могу дожидаться, когда увижу вас шафером на нашей свадьбе.

— Так же, как в прошлый раз?

— Пожалуйста, папа Айван,— просительно заговорила она,— не напоминайте мне о том дне, когда я венчалась с Шелтоном!

Мэсси взглянул на часы:

— Через пятнадцать минут, детка, ты должна вернуться на съемки. Так что мы оставляем тебя на попечении парикмахера и гримера. Похоже, они готовы уже высадить входную дверь! — Он взглянул на меня.— А у вас есть какие-нибудь вопросы, Рик?

— Всего один. Что, если я парочку раз навещу Тони? Возможно, по ходу дела появится необходимость побеседовать лично с ней.

— В любое время, Рик.— Тони вежливо улыбнулась мне, припомнив, возможно, о правилах хорошего тона, а также о факте моего существования.— Приходите ко мне домой, когда вам понадобится. Лучше всего вечером. Тогда я совершенно одна, не считая прислуги, конечно.

— Спасибо,— ответил я,— возможно, приду.

— Я провожу вас до машины, Рик,— сказал Айван.— Увидимся позднее, девочка.

— Как всегда, папа!

Тони снова обернулась к зеркалу и стала придирчиво разглядывать свое лицо.

Выйдя из трейлера, Мэсси подхватил меня под локоть и повел к зданию офиса.

— Зайдем-ка еще на пяток минут ко мне, Рик,— сказал он деловито.— Я дам тебе домашний адрес Тони и расскажу все, что мне известно о Ларри Голде.

Когда мы вошли в его нарядный кабинет, нам навстречу с решительным видом двинулась его секретарша. Мэсси едва заметно качнул головой, и она тут же угодливо заулыбалась и притворилась, будто является частью мебели, мимо которой мы проходили. Это куда более впечатляло, нежели все «излишества» кабинета, включающие огромный аквариум с рыбами пираньями, которых Мэсси любовно называл своей отборной группой кинокритиков. «Бросьте в этот аквариум любой фильм,— частенько говорил Мэсси,— или киносценарий, и рыбы раздерут его в клочки еще до того, как мы успеем прочесть заголовок!»

Он устроился в комфортабельном кресле за письменным столом, имеющем форму почки, жестом предложил

и мне занять кресло напротив. Я закурил сигарету, внимательно разглядывая хозяина кабинета.

Все знали, что Айван Мэсси высокомерен и деспотичен со всеми, за исключением своих актеров и актрис, в диапазоне от членов королевской семьи до подонков — к этим он относился по-разному, в зависимости от того, насколько в данный момент он в них нуждался.

Я считал, что Мэсси около пятидесяти, из них в Голливуде он проработал уже четверть века, сначала директором, а потом все более и более известным продюсером. Вся жизнь связан с одной студией, его картины делали огромные кассовые сборы. Так что теперь он являлся самым крупным продюсером, светом очей, о чем, разумеется, прекрасно знал.

Внешне это был великан, сильно смахивающий на медведя. Грива его густых седых волос была зачесана с высокого лба и на шее закручивалась в крупные локоны. Рассказывали, что лишь однажды кто-то осмелился пошутить по поводу его явно женской прически. Это случилось лет пятнадцать назад, когда к нему крепко пристала кличка «кудесник киноиндустрии», о чем ему тоже было хорошо известно. Шутка обошлась студии в две тысячи долларов за медицинское обслуживание, поскольку шутник был госпитализирован с переломом челюсти, а еще пять тысяч пришлось выложить за урегулирование дела в суде.

— У Тони имеется хижина на дороге к каньону бульвара Сансет,— заговорил он приветливо.— Моя секретарша даст вам точный адрес.

— Прекрасно,— кивнул я.— А что там в отношении Ларри Голда?

— Вам что уже известно, Рик?

— Почти ничего... Для меня он один из тех дешевеньких певцов, которые появляются на пару лет на сцене, записывают один хит-диск и линяют туда, откуда явились.

— У Ларри Голда все происходило в той же последовательности, однако пока он еще не «слинял» со сцены, как вы удачно выразились,— деловито заговорил Айван,— и не собирается это делать. Парень был рейнджером рок-н-ролла, поскольку обладает подлинным талантом. Когда он бы хрипловатым пятнадцатилетним юнцом, его умыкнули из общественной школы в Бронксе, дали гитару и такую рекламу, что он засиял на театральном небосклоне. Разумеется, в ход была пущена техника, усилители звука, эхо-камера, отражатели, и на свет появилась пластинка. Ларри стал полугодовой сенсацией для молодежи.

История действительно обычная, но кто-то в звукозаписывающей компании обнаружил, что у парня подлинный талант и великолепный голос. И тогда они принялись с ним работать: дикция, вокал, постановка голоса, танцы, актерское мастерство и все прочее. И теперь у них двадцатитрехлетний певец, который по всем данным еще лет тридцать будет приносить огромные доходы. Он записал шесть новых дисков, разошедшихся в рекордные сроки.

— Где он сейчас?

— Здесь, в Голливуде, — неприязненно проворчал Айван. — Участвует в первом своем фильме и красуется перед Тони, когда ему представляется такая возможность. А за последнее время это стало случаться слишком часто!

— То, о чем вы сказали Тони, — деловито спросил я, — можно понимать буквально? Вы хотите, чтобы я покопался в его прошлом и представил факты? Или теперь, когда мы одни у вас в кабинете, вы намерены передумать? Скажите, вам надо, чтобы я каким-то образом напугал Голда?

В серо-стальных глазах Мэсси мелькнул едва заметный огонек.

— Вы пытаетесь мне подсказывать, Рик? Потому что вы уверены, что я — негодяй и обманщик, всегда преследующий собственные неблагоприятные цели. Что-то в этом духе?

— Я недостаточно знаю вас, чтобы быть уверенным в «негодяе и обманщике», Айван, — ровным голосом ответил я, — но я подозреваю, что у вас есть личный интерес в этом деле.

— Почему?

— По тому, как вы преподнесли Тони, что поручение представляется мне детской забавой. Я удивлен, почему за этот пустяк вы готовы платить мне большие деньги, когда десятки других парней могли бы это выполнить не хуже меня за треть вашей цены? Но и это еще не все. Меня смущает, как вы сегодня обращались со мной: будто я нечто хрупкое, к чему можно прикасаться лишь в лайковых перчатках. На протяжении четверти века вы никогда не относились с подобной предусмотрительностью к нанимаемым вами людям. Поэтому вопрос: чего ради делать исключение для меня? Единственное объяснение: данное дело имеет скрытую подоплеку, видимо, весьма неприятную для меня.

Он откинулся на спинку кресла и неожиданно усмехнулся:

— У вас сильно развита интуиция, а? Вы можете заранее предугадать, когда пойдет дождь?

Я оплатил ему точно такой же приторно веселой улыбкой.

— Послушайте, Айван, если поручение мне не по душе, какого же черта я сижу здесь и трачу время на переливание из пустого в порожнее?

— Я изложил вам суть задания совершенно точно,— фыркнул он.— Но приблизиться к Ларри Голду непросто. Владеющие им люди не подпустят вас ближе, чем за милю. Пробраться мимо них — задача не из легких, старина!

— Кто же им владеет?

— Компания пластинок «Мелодия и Ритм». «М и Р», так их обычно именуют.

— О них вообще ничего не знаю,— сказал я совершенно откровенно.— А что сложного в том, чтобы пробраться мимо представителей компании пластинок?

Но тут в голове у меня мелькнула новая мысль:

— Кому она принадлежит?

— Дэвису Вохану.

В голове зазвенело, ибо я тут же припомнил события недавних годов, когда банды дюжих молодчиков учиняли погромы в дешевых ресторанчиках. Они насаждали туда своих людей, полностью от них зависящих, и обирали за это владельцев. Имя Дэвиса Вохана без конца повторялось на страницах газет, была создана специальная комиссия конгресса для расследования преступлений, но никто не осмелился свидетельствовать против него.

Теперь мне стало ясно, почему Мэсси так лебезил передо мной. Это было далеко не простое задание. Мне предстояло иметь дело не с певцом, а с целой организацией настоящих гангстеров.

— Ну? — вкрадчивым голосом осведомился продюсер.— Вы передумали, Рик?

Он-то прекрасно понимал, что связал меня по рукам и ногам. Мне понадобилось чертовски много времени, чтобы создать репутацию надежного агента по устранению всяческих неприятностей, и она будет полностью подорвана, если крупный продюсер сообщит кое-кому в Голливуде, что я отказался от поручения, испугавшись его сложности.

— Нет,— сказал я негромко,— я сделаю это.

— Великолепно! — В его голосе зазвучали едва заметные насмешливые нотки.— Я знал, что смогу на вас положиться!

— Уверен, что знали,— ответил я угрюмо.— Ублюдок!

Офисы и студии звукозаписи «Мелодии и Ритма» размещались в трехэтажном здании Западного Голливуда. Мне удалось пробраться от секретарши в общей приемной до кабинета уже личной секретарши мистера Вохана, что, видимо, являлось большим достижением. Этой последней оказалась блондинка лет тридцати с небольшим. Миновать ее пост было куда сложнее.

— Мистер Холман?

Она слегка приподняла брови, разглядывая меня так, будто я был победителем какого-то конкурса, пластинки которого больше не пользовались спросом.

— Правильно,— ответил я.

— Вы настолько извели секретаря в приемной, мистер Холман, что я посоветовала направить вас сюда, чтобы здесь мы могли поставить раз и навсегда все точки над «i». — Она злорадно улыбнулась. — Мистер Вохан НИКОГДА никого не принимает без предварительной договоренности. Никаких исключений не может быть!

— Интересно, верит ли он в загробную жизнь? — задумчиво произнес я. — Понимаете, если верит, то должен быть готов всегда нарушить свое железное правило, как вы считаете?

— Пожалуйста, мистер Холман! — раздраженно оборвала она меня. — Я не хочу быть нелобезной, но у вас нет ни малейшего шанса увидеться сегодня с мистером Воханом. — Она стала перебрасывать страницы настольного календаря. — Если вы изложите суть своего дела, я, так и быть, назначу вам встречу с мистером Воханом на пятнадцать минут в следующий четверг.

— Пожалуйста,— вежливо произнес я,— не заставляйте меня чувствовать себя девочкой-просительницей, это ведь неприятно.

Календарь с шумом захлопнулся.

— Если вы немедленно не уйдете отсюда,— отчеканила она,— я буду вынуждена приказать, чтобы вас силой выдворили из здания.

— Почему бы вместо этого вам не позвать мистера Вохана? — спросил я дружелюбно. — Скажите ему, что явился некий Холман, который считает, что чем дольше его заставят ждать встречи, тем меньше шансов у одной золотоносной инвестиции по имени Ларри запустить когти в другую золотоносную инвестицию по имени Тони.

Секретарша с минуту оторопело смотрела на меня,

дважды открыла и закрыла рот, затем выскочила из-за стола и исчезла в кабинете шефа. Прошло минут десять, прежде чем она вновь заняла свое место за столом и с кислым видом подняла на меня глаза:

— Мистер Вохан примет вас сейчас,— сказала она угрюмо. Карандаш указал на дверь за ее спиной: — Вон туда!

Попав «туда», я слегка удивился, что офис Вохана обставлен по старинке. Бумаги торчали из ящиков картонок, поставленных в ряд на скамье, как это бывает в офисах третьесортных компаний с малочисленным персоналом. Посреди комнаты стоял замызганный старый письменный стол, окруженный такими же допотопными стульями. Мне даже захотелось присесть и заглянуть под стол: нет ли там медной плевательницы.

Вохан поднялся, слегка касаясь кончиками пальцев крышки стола, тяжело оперся на них, изучая меня холодным немигающим взглядом.

Это был маленький человечек неопределенного возраста с почти лысой головой. Вытянутое, худощавое лицо избороздили глубокие морщины, придававшие ему сходство с рептилией. Одежда была скромной и чистой, руки и ноги маленькими и аккуратными. Мне не доводилось прежде встречать аккуратненького крокодила, разгуливающего на задних лапах, но Дэвис Вохан доказал, что так бывает.

— Крайне любезно с вашей стороны уделить мне немного времени, мистер Вохан,— сказал я.

— Мне стало любопытно, учитывая способ, которым вы добились нашей встречи.— Это был не голос, а сухой шепот, словно у него повреждены голосовые связки.— Садитесь, мистер Холман.

Я сел. Он еще несколько секунд изучал меня немигающим взглядом.

— Я жду своего помощника,— неожиданно сообщил он.— Но, по всей вероятности, его то что-то задерживает, и дольше мы ждать его не будем...— Он медленно откинулся на спинку стула.— Будьте любезны объяснить суть хитроумного послания, которое вы передали через моего секретаря.

— Не хочу быть нескромным, мистер Вохан,— вежливо произнес я,— но мы сэкономим много времени, если вопрос задам я. Вы знаете, кто я такой?

— Да.

Не было похоже, чтобы мое имя произвело на него впечатление.

— Так вот, у меня есть клиент, который хочет получить подробный рапорт на Ларри Голда. Как я понимаю, он хочет знать все, что касается парня. Его происхождение, вкусы во всем, кончая галстуками, проходимцы, которые им владеют, делают ему карьеру и другие подобные сведения. У меня предчувствие, что, если бы я обратился к самому Ларри за подобной информацией, вам бы это не понравилось, правильно?

Раздался негромкий стук в дверь, и в комнату вошел высоченный худощавый тип. Он остановился перед Воханом и возмущенно пожал плечами.

— Пришлось задержаться... Эти проклятые бараны!..

Голос у него оказался громкий, уверенный и отнюдь не извиняющийся.

— Не имеет значения, — прошептал Вохан. — Познакомься с Риком Холманом. — Он ткнул указательным пальцем в мою сторону. — У него проблема. — И криво улыбнулся мне. — А это Уолт Ламсден, мой помощник, мистер Холман.

Ламсдену было тоже за тридцать, но выглядел он превосходно. Густые черные волосы были коротко подстрижены, худощавое лицо покрыто ровным загаром, костюм сидел безукоризненно. Рот широкий, тонкогубый и очень злой, а синева-серые глаза казались необычайно холодными.

Я вежливо склонил голову.

— Это тот Холман, который работает на боссов студий? — спросил Ламсден у Вохана.

— Совершенно верно, — шепнул тот, — и в настоящее время у него имеется проблема. Будьте любезны, мистер Холман, повторите Уолту все, что вы сейчас сообщили мне.

— Почему бы нет?

Я послушно повторил все ранее сказанное, закончив словами: «Если бы я обратился непосредственно к Ларри Голду и попытался выкачать из него сведения, вам бы это не понравилось, да?»

Несколько секунд они молчали, затем Вохан со слабой усмешкой посмотрел на своего помощника:

— Умно? — прошептал он.

— Умно??

Ламсден откинул голову и хрипло рассмеялся:

— Я считаю это бунтом!

— У него сильно развито чувство юмора, — пояснил

мне Вохан.— Вы правы, мистер Холман, мне бы это не понравилось.

— Именно это и является причиной моего присутствия здесь,— объявил я спокойно.— Я решил, что, если выложу свои карты на стол, мы можем прийти к обоюдному согласию.

— Например, мистер Холман?

— Например, вы дадите Голду добро откровенно поговорить со мной. И поможете мне раздобыть факты для моего клиента.

— Вы предполагаете, что наш агент гулял в горах Теннесси и нашел Голда под скалой? — заговорил Ламсен.— Может быть, и вы, Холман, также, погуляв под луной, решили предложить нам влить с вашей помощью новую кровь в пластинки Западного стиля? — Он задохнулся от смеха, восторгаясь собственным остроумием: — Кстати, нет ли у вас под жилеткой гитары, Холман? Я в восторге от вашего соловьиного пения!..

— А что еще вы делаете в этой организации, мистер Ламсен? — вежливо спросил я.— Помимо того, что подвизаетесь в качестве шута на деловых встречах вашего босса?

— Послушайте! — Его лицо потемнело от гнева: — Вы хотите...

— Заткнись, Уолт,— прошептал Вохан.— Холман пришел сюда не для того, чтобы нас забавлять. Должна быть какая-то подоплека.

— Правильно,— подтвердил я, вспомнив, что аналогичную фразу уже слышал от Тони.— Хотите угадать имя моего клиента?

— Разумеется, это не сама Эстер,— зашептал Вохан,— а также не ее студия. Значит, остается последняя кандидатура. Мэсси? Если только ненормальная тетушка не вздумала снова испортить карьеру Тони.

— Ваша первая догадка верна, Айван Мэсси,— сказал я.— Это ему требуется доскональный объективный рапорт по Ларри Голду. Когда он его получит, то даст прочесть Тони Эстер. И если после этого она по-прежнему захочет стать женой Ларри, он не будет возражать.

— И вы полагаете, что я поверю во все это? — прошептал Вохан.

— Это правда! — уверенно произнес я.— Не переходите в данном случае самого себя, мистер Вохан. Я веду честную игру. Именно это поручил мне Мэсси. При нашем разговоре присутствовала мисс Эстер. Так вот, мое предло-

жение предельно простое: если вы сочтете возможным сотрудничать со мной и помочь подготовить рапорт, моя задача будет осуществлена гораздо быстрее и легче. Если же нет, я ведь все равно раздобуду факты, только задача сильно усложнится...

— Вы чертовски правы, Холман! — проворчал Ламсден.

— ... и мне трудно будет оставаться непредубежденным по отношению к Ларри Голду, — закончил я. — Вы хотите об этом подумать, мистер Вохан?

— Какого рода помощь вы ожидаете от меня? — медленно спросил он.

— Вы разыскали мальчишку, — сказал я, — привезли его из Бронкса, когда ему было всего пятнадцать лет, и сделали из него восходящую звезду рок-н-ролла. Потом вы распознали в нем подлинный талант и занялись его профессиональной подготовкой, учили хорошим манерам, уж не знаю еще чему все эти годы, короче, сделали из него то, кем он сейчас является, не так ли?

— Совершенно верно, — осторожно кивнул Вохан.

— Вы можете мне рассказать о Ларри ровно столько же, сколько парень расскажет о себе. — Я слегка пожал плечами. — Можете также сообщить, сколько денег он получает, показать мне его нынешние контракты, поведать о его будущих планах. Вот такого рода помощь я жду от вас, мистер Вохан.

— Вы уверены, что это все? — издевательски захохотал Ламсден. — А вам еще не требуется поработать с нашими секретными документами?

Вохан взял тоненькую сигару с обрезанным концом, снял обертку, сунул ее в рот, зажал зубами и замер в ожидании. Ламсден заколебался, в глазах у него сверкнула холодная ярость, но он подошел к Вохану и зажег сигару огоньком золотой зажигалки.

Я пришел в восторг от столь отточенной техники, с которой Вохан продемонстрировал, кто здесь хозяин.

— Интересное предложение... — На крокодилей физиономии Вохана появилось ласково-вежливое выражение, когда он, попыхивая сигарой, развалился на стуле. — Я его обдумую, Холман.

— Прекрасно, — произнес я и, немного помолчав, спросил: — Сколько времени вам понадобится, чтобы все обдумать, мистер Вохан?

— Позвоните мне завтра днем, — вежливо ответил он. — Выход отсюда вы, разумеется, найдете сами.

Я нашел хижину Тони Эстер на дороге к каньону, недалеко от бульвара Сансет, в половине десятого вечера. Это была такая же «хижина», как Белый Дом является «домом». Снаружи дом Тони был выкрашен розовой краской.

Я медленно проехал мимо и припарковал машину перед сверкающим белым спортивным красавцем, который стоил, на мой взгляд, не менее шестнадцати тысяч. Ворота на подъездную дорогу были уже заперты, и я предпочел совершить пешую прогулку в пятьдесят ярдов, нежели превращать случайный визит в шумное событие.

Дверь открыла простенькая горничная, и мне пришлось подождать в элегантном холле, пока она поднималась по винтовой лестнице спросить, дома ли мисс Эстер для мистера Холмана. Две минуты спустя она проделала тот же путь заново, но за нею уже шел я.

Она проводила меня к спальне, где, очевидно, в этом году Тони принимала посетителей.

С первого взгляда мне показалось, что художник-декоратор внезапно рехнулся и смело воплотил свои сексуальные фантазии. Это была не спальня, а черт знает что такое! В однокомнатном гареме поместились десять шестифунтовых нимф-блондинок. Пол закрывало море шелковистых, похожих на меховые, ковров. Стены, потолок и мебель были белого цвета, сплошная стеклянная стена отделяла спальню от наружной террасы, на которую выходят стеклянные же двери, и все это задергивалось тяжелыми занавесями из черного бархата.

Кровать была типично голливудской: размером, примерно, восемь на десять футов, застланная роскошным черным бархатным покрывалом, под стать портьерам. Над кроватью висел телевизор из слоновой кости с большим экраном. Вся мебель была имитацией французского антиквариата, в том числе настенное зеркало внушительных размеров как раз напротив кровати. Даже телефон на прикроватном столике был точной копией старинного аппарата из киноэпопеи с участием Дугласа Фербенкса.

Когда мои глаза и уши привыкли к этому великолепию, я переключил внимание на людей. Сперва я подумал, что их трое, но более внимательный взгляд внес коррективы: одним из трех была кукла ростом с настоящего ребенка, лежавшая на кровати. Голова ее покоилась на атласной подушке, синие глаза, обрамленные густыми ресницами, уставились в потолок.

Рядом с куклой, на такой же подушке, лежала живая

голова со слегка растрепанной прической, принадлежавшая Тони Эстер. Обе были одеты в одинаковые пижамы из черного шелка с оборкой из черных кружев по линии бедер, из-под которой едва виднелись черные же трусики.

Мне показалось, что кукла с ее ангельской улыбкой выглядела оживленнее ее владелицы.

Третий человек, тоже живой, присел на край кровати близ Тони, его рука ласково лежала на обнаженном бедре. Это был рослый и сильный парень с волосами цвета спелой ржи, выросшими до такого размера, когда рожь пора жать. Шрамы от многочисленных юношеских прыщей украшали его физиономию, заставляя сомневаться в невинном и даже наивном выражении его светло-голубых глаз. Сверкающие белизной ровные зубы не скрывали циничный изгиб его губ.

— Привет, Рик! — лениво произнесла Тони, продолжая смотреть в потолок.

— Привет, Тони.

— Это Ларри Голд... — Она неожиданно хихикнула: — Могу поспорить, вы уже об этом догадались. — Она положила свою руку на его пальцы, сильно нажимавшие на ее бедро. — А это, Ларри — бэби, Посланец Внешнего Мира — Рик Холман!

— Привет, Ларри.

— Привет. — Голос у него был хриловатый. — Тони как раз рассказывала мне о вас.

— Вот и хорошо, — пробормотал я.

— Я не против. — Он равнодушно пожал широкими плечами. — Мне нечего скрывать, и если это избавит от заботы ворчливого медведя Мэсси, что ж, прекрасно! Приступайте немедленно и расследуйте в отношении меня все, что хотите, мистер Холман.

— Сегодня днем я разговаривал с Дэвисом Воханом, — сказал я. — Думаю, он рассуждает точно так же.

— Вы с ним говорили? — Его усмешка на минуту исчезла. — Он на самом деле так сказал?

— Полагаю, он собирается так сказать, — ответил я правдиво. — Наверняка знать буду завтра днем.

— Как вам это правится? — Он широко улыбнулся. — Неужели старый негодяй с годами стал терять рассудок? — В его глазах мелькнул торжествующий огонек, когда он посмотрел на девушку. — Похоже, милая, в конце концов у нас не будет никаких проблем!

Его пальцы впились в ее бедро, и она вскрикнула — не то от боли, не то от экстаза.

Человек, который легко приходит в замешательство,

должен выбирать себе иное занятие, чем у меня, — я всегда так считал. Что-нибудь лишенное неожиданностей, шаблонное — вроде продажи надувных бюстгальтеров. Но в данный момент я был так близок к замешательству, что позабыл о своих рассуждениях. Вторично на протяжении дня Тони Эстер была полуголой в моем присутствии, но на этот раз меня едва не смутило ее бесстыдство, с которым она растянулась на собственной постели. Не говоря уже о том, что парень, ее возможный будущий муж, по-хозяйски распоряжался ее обнаженным телом, не стесняясь моего присутствия.

Я не ханжа и не святоша, но я был, кажется, действительно смущен, поскольку и виноват во всем был сам.

Явился без приглашения и встретил прием, который мог бы охладить даже эскимоса. Никто не предложил мне присесть или выпить стаканчик. Самое же неприятное заключалось в том, что никто и не собирался мне что-то предлагать. Мой визит провалился и следовало признать, что Голд — черт бы его побрал! — наверняка может находиться у Тони, сколько ему угодно. А мне теперь оставалось одно: незаметно убраться вон.

Я открыл было рот, чтобы проститься, когда раздался тихий стук в дверь и появилась горничная.

— Извините меня, мисс Эстер, — сказала она почтительно, — но приехала мисс Простетт и настаивает на встрече с вами. Она уверяет, что это крайне важно.

Лицо Тони приобрело страдальческое выражение: она посмотрела на горничную, потом переадресовала свое возрастающее негодование потолку.

— О, господи! — яростно воскликнула она. — Что еще потребовалось моей двоюродной сестрице? От одной мысли о ней у меня по телу бегут мурашки!

— Только не я! Это определено! — с кислой миной изрек Голд. Он оторвал руку от бедра Тони и вскочил с кровати. — Трое — уже толпа, милая, но четверо — настоящее убийство. Особенно, когда эта дама появляется на сцене. Я улечу, прежде чем она получит шанс ткнуть гвоздем в мои ребра!

— Не уходи!

Видимо, мысль об его уходе настолько ее встревожила, что она приподняла голову с подушки.

— Ты же знаешь, каковы наши отношения с кузиной Лайзой, милая, — недовольно произнес Голд. — Лучше слинять до того, как начнется скандал. Увидимся завтра вечером, да?

— У нас будет формальный торжественный обед,— сразу встрепелась она.— С шампанским и фейерверком на террасе! Тебе это понравится, не правда ли, Ларри, милый?

Она обеспокоенно посмотрела на него.

— Ты меня знаешь, крошка! — Самодовольная ухмылка вернулась на его лицо.— Вообще-то я сторонник простой и сытной пищи, но, конечно, приду. Где-то в половине восьмого, да?

— Не опаздывай!

Ее голова снова упала на подушку и тело расслабилось, поскольку она услышала, что Ларри завтра придет.

— Я никогда не опаздываю! — Он заговорщически подмигнул мне, будто я тоже должен был участвовать в завтрашнем веселье.— Рад был с вами познакомиться, мистер Холман. Надеюсь, теперь мы будем часто встречаться, да?

— Наверное.

Он засунул руки глубоко в карманы брюк и, покачиваясь, вышел из комнаты, насвистывая какой-то веселый мотивчик. Когда он проходил мимо меня, я с трудом подавил в себе желание дать ему пинок под зад.

Терпеливо ожидавшая на пороге горничная тихонечко кашлянула:

— Теперь я могу проводить сюда мисс Простетт, мисс Эстер?

— Да, конечно! — раздраженно ответила Тони.— А если вам захочется сделать ей на лестнице подножку, так, чтобы она упала и сломала себе ногу, в конце месяца вы получите от меня дополнительную сумму.

Девушка засмеялась, посчитав это необходимым в данной ситуации, но тут же повернулась и побежала вниз. В комнате воцарилась неприятная тишина, которая через секунду была нарушена чмокающим звуком: Тони сосала палец.

— Полагаю, я выбрал неудачный вечер для визита,— сказал я угрюмо.— Приношу извинения. В следующий раз я сначала позвоню и узнаю, удобно ли это.

Произнося подобные избитые фразы, я давно взял за правило не слушать себя. Тогда не так противно.

Раздался звук, напоминающий хлопок,— Тони вытащила палец изо рта.

— Не уходите, Рик! Если вы останетесь здесь, моя противная кухня не задержится. Если же вы уйдете, она

доведет меня до истерики, проторчит полночи, а потом у меня будет бессонница!

— Хорошо... — Я пожал плечами. — Если вы так желаете... Конечно, я не...

Неожиданно в комнату ворвалось торнадо, пронеслось мимо меня, будто я был пустым местом, и закончило путь возле кровати, нависнув, подобно облаку, над Тони.

— Все, что я хочу знать: кто нанял — Вохан или ты? — потребовало торнадо низким угрожающим голосом.

После того как я перестал изумленно моргать, торнадо обрело форму строгой блондинки лет около тридцати с фантастической высокой прической, напоминающей королевскую корону. В ушах у нее были серьги в форме кинжалов, в которых, как мне показалось, отражались отблески боевых огней ее черно-зеленых глаз. Еще было светло-коричневое платье из джерси, плотно облегающее тело и демонстрирующее детали с мельчайшими подробностями.

Такая картина обычно вызывает у сильных мужчин дрожь, а у слабых — слюнотечение.

Я крепко стиснул губы, испугавшись, что переоценил свою выдержку. Подобных контуров мне еще не доводилось встречать.

Белокурая дама была высокого роста, в ней чувствовалась элегантная грациозность и гордая уверенность в притягательной силе высокой груди, гибкой талии и округлых бедер. В наши дни подобные женщины с Большой Буквы — редкость. Мужчинам же внушают, что идеал красоты — анимичное тощее создание, полностью лишенное подлинной женственности.

— Ну?

Неприкрытая угроза, прозвучавшая в голосе, заставила меня вздрогнуть.

Тони с минуту угрюмо смотрела на нее, потом схватила огромную куклу и прижала к себе.

— Не обращай внимания на эту противную старую дуру, Бейб, — заговорила она с куклой сюсюкающим голосом. — Это же всего-навсего мерзкая старая сука Лайза, та самая, про которую окрестные мальчишки рассказывали всякие гадости, когда она только перешла в старший класс.

— Хватит корчить из себя сопливую девочку, Тони! — фыркнула блондинка. — Мне нужен ответ. Так ты или Вохан?

— Не плачь, Бейб, — ласково приговаривала Тони. — Мама не позволит злой ведьме обидеть тебя. Она приходит

сюда только со своими сумасшедшими речами, и никто не понимает ее. А если она не уберется немедленно отсюда,— Тони беспомощно хихикнула,— я у нее спрошу, чем она занималась с Джонни Смитом, когда я их нашла в тот раз в конце сада, а он..

Подобие взрыва и пронзительный крик боли раздались почти одновременно, когда блондинка вцепилась в Тони, подняла ее за плечи и сильно встряхнула:

— Прекрати! Иначе ты целую неделю не сможешь сидеть!

Свою угрозу она подкрепила звонким шлепком по мягкому месту Тони.

Та упала на спину и посмотрела на обидчицу полными слез глазами. Очевидно, эти слезы были вызваны не болью, а яростью от собственного бессилия.

— Я убью тебя! — заявила Тони с детской свирепостью.— Ты ведь это знаешь, Лайза, не так ли? В один из ближайших дней я собираюсь..

— Я велела тебе прекратить свои глупости! — твердо заявила блондинка.— Спрашиваю в последний раз: ты или Вохан?

— Я не знаю о чем ты говоришь!

— О'кей!

Блондинка глубоко вздохнула, решив, очевидно, воздержаться от дальнейшего рукоприкладства.

— Скажи, это Айван Мэсси нанял сегодня утром какого-то недоноска, чтобы тот выяснил подноготную Ларри Голда?

— Да, конечно,— с вызовом ответила Тони,— и мы договорились. Если я все еще буду хотеть выйти за Ларри замуж после того, как увижу рапорт Рика о Ларри, Айван со мной согласится и не станет препятствовать нашему браку.

— Рика? — Блондинка произнесла мое имя как ругательство.— Ты лишь утром познакомилась с этим мелким грязным предателем Холманом и уже с ним накоротке, да?

Тони истерически захохотала, потянувшись за куклой и прижала ее к груди.

— Кузина Лайза только что сморозила невероятную глупость,— заговорила она нараспев.— Противная старая леди несет невероятную чушь, она сама еще не понимает, как это неприлично!

— Возможно, это должен я объяснить ей? — Мой бесстрастный тон ударил словно током: блондинка повернула

ко мне искаженное яростью лицо и, очевидно, лишь теперь заметила мое присутствие в комнате.

— Черт побери, а кто вы такой? — требовательно спросила она.

— Ничтожество, — ответил я, обнажая зубы в совершенно идиотской улыбке, — мелкий грязный предатель, о котором вы только что говорили, Рик Холман.

— Ох! — воскликнула она испуганно. — Нет, нет!

Тони Эстер смело выпрямилась на кровати и посмотрела на меня с дьявольским блеском в глазах!

— Рик, вы должны ударить ее! — В голосе Тони слышалось садистское ожидание: — Она же сама напросилась, обозвав вас скверными словами! И заслужила, чтобы у нее раздулись губы. Поддайте ей, чтобы она надолго запомнила! Я помогу, если желаете.

Медленная презрительная улыбка скривила чувственные губы блондинки.

— Ну что ж, я получила ответ. По случайному совпадению нашла человека, который побывал сегодня у Вохана. К тому он еще и заигрывает с моей полуголой кузиной в ее спальне. Это все, что вам причиталось от сделки, мистер Холман? Повозиться с кузиной Тони? — Она медленно покачала головой: — Вас обвели вокруг пальца, приятель. Следовало настоять на какой-нибудь денежной оплате. Возможно, кузина Тони выглядит миленькой и привлекательной, изображая из себя девочку с куклой, но это ширма. Обертка иными словами. Она скучна и неинтересна, когда дело доходит до существенного. Во всяком случае, так говорит ее бывший муж Кент Шелтон.

Из груди Тони вырвалось рычание, она по-кошачьи прыгнула с кровати и набросилась на блондинку, сбив ее с ног. Трудно найти слова, чтобы описать последующее. Они боролись, царапались, таскали друг друга за волосы, катаясь по черному ворсистому ковру наподобие двух разъяренных фурий.

Я с интересом наблюдал за необычным спектаклем, пока сражение не достигло такого момента, когда я испугался, что они могут убить друг друга.

На туалете стояла огромная ваза с белыми розами, она мне и подсказала, что надо предпринять. Вынув из воды цветы, я подошел к полю сражения, выжидая подходящего момента. Когда воительницы оказались непосредственно на линии моего огня, я не спеша опустошил вазу на их головы. Раздался слитный яростный вопль, неожиданный душ оказался превосходное действие: битва прекратилась.

Наступило классическое время считать раны. Обе, в общем и целом, выглядели одинаково: пара ведьм из «Макбета», соскользнувшие со своих метелок на высоте в пятнадцать футов без парашютов.

Но детали, разумеется, были различными.

Тони первой стала подсчитывать понесенные потери: ее глаза расширились от ужаса, когда она обнаружила, что случилось с кокетливой пижамой. Ее останки лохмотьями свисали с плеч, но для Тони это было малым утешением, поскольку она оказалась обнаженной до пояса, с пятью параллельными царапинами, оставленными ногтями кузины Лайзы на ее животе.

Она вскинула голову, встретила с моим сочувственным взглядом, застонала и, перевернувшись на живот, спрятала лицо в ладонях.

Мокрая после душа блондинка села на ковре и посмотрела на меня. Во всяком случае, мне показалось, хотя полной уверенности, конечно, не было. Ее поразительная прическа развалилась в пылу сражения, являя теперь образец из ночных кошмаров. Мокрые пряди закрывали ее лицо. Полоса дюймов в шесть шириной развалила спереди ее платье от ворота до пояса, отчего возник любопытный контраст между светло-коричневым тоном ткани и естественным цветом тела, слегка прикрытого голубым атласным бюстгалтером. Юбка была тоже разорвана до самого подола и вид ее стройных ног, надо сказать, был поразительно нескромным, если не сказать — вызывающим.

Она издала гортанный звук, нетерпеливо отбросила пару прядей с лица. Один серо-зеленый глаз свирепо глянул на меня.

— Увезите меня отсюда! — сказала Лайза придушенным голосом. — Иначе я задушу ее голыми руками!

Глава 3

Я плеснул в два бокала виски, раздумывая над тем, что случилось бы дальше, если бы ваза с белыми розами не привела пострадавшую в драке блондинку в мой дом, но тут и она сама появилась из ванной и поднялась по пяти ступенькам в гостиную. Единственное, что я смог предложить ей в качестве целой одежды, была гавайская рубашка и бермудские шорты. У меня сжалось горло от жалости, когда я подумал о судьбе последних.

— Шорты достаточно большие и прекрасно мне подо-

шли бы,— сообщила Лайза в ответ на мой невысказанный вопрос.— Но потом я взглянула в зеркало,— нет даже у женщины-борца должна быть своя гордость!

Внезапно глаза ее блеснули:

— Выпивка для меня?

Она ускорила путь к бару. Ее сильные ноги гибко покачивались, а переплетенные пальмовые ветви на моей рубашке возбужденно поднимались и опускались, чего прежде с ними никогда не бывало. Впервые произвела на меня неприятное впечатление только излишняя длина рубашки. Если бы она была хоть на дюйм короче, не пришлось бы напрягать глаза, в надежде на то, что под ней в конце концов что-то мелькнет.

Лайза протянула руку к ближайшему бокалу и одним глотком наполовину опустошила его, после чего удовлетворенно вздохнула.

— Это поразительно удачный напиток, Рик Холман! — произнесла она с чувством.— Полагаю, даже такое ничтожество и мелкий предатель, как вы, должен обладать хотя бы одним талантом.

— Вы хотите вернуть мне рубашку? — проворчал я.— Или я должен сам разорвать ее на спине противной старой дамы?

— Извините, я просто шутила! — быстро ответила она.— Сейчас не смогу бороться с вами десять раундов, Холман... Хватит баталий на сегодня!

— Большая кузина Лайза,— спросил я напрямик,— почему вы так ненавидите маленькую кузину Тони, а она вас? Мне это представляется диким.

— Долгая история...— Она допила виски и со стуком поставила пустой бокал.— Если хотите послушать, сначала сделайте еще по бокалу. Я собираюсь сесть, потому что безумно устала, но сесть, увы, не так-то просто. Коготки этой маленькой дряни весьма неделикатно обошлись с моей анатомией как раз на том месте, на котором сидят. Вас это интересует?

Лайза подошла к кушетке и осторожно опустилась на нее.

Я неторопливо допил виски, потом приготовил два новых и перенес их к кушетке. Она буквально выхватила у меня бокал. Я сел напротив и поразился, увидев благодарную улыбку на ее лице.

— Теперь я чувствую себя значительно лучше! — сказала она.— Какое счастье, что я не принадлежу к категории тощих красоток, отказывающих себе в прекрасных

излишествах. Будь я манекенщицей, коготки кузины наверняка добрались бы до моих костей!

Я внимательно изучал ее лицо. Влажные волосы были зачесаны назад, и теперь ничто не затемняло ее лица. Ее нельзя было бы назвать красивой в буквальном смысле, но каким-то образом сочетание жесткого ума и животного магнетизма, ясно видимых в ее лице, было чертовски привлекательным.

— На что это вы уставились? — спросила она обеспокоенно. — Эта паршивка еще подбила мне глаз?

— Нет, — ответил я, — думаю, в жизни не приходилось встречать более сексуальной женщины, чем вы.

Ее чувственный рот изогнулся в насмешливой гримасе.

— Должна заметить, Холман, у вас завидующие глаза! Час назад вы неплохо проводили время с моей худосочной маленькой кузиной, которая в полуголом виде валялась на кровати, пока не появилась я и не нарушила вашу идиллию. А теперь вы решили компенсировать свои потери и позабавиться с большой кузиной? Кто же вы такой? Любвеобильный сердцеед? Скажите, вы в детстве не были травмированы? Может, кто-то убедил вас, что вы вообще не станете мужчиной, и поэтому с тех пор стараетесь доказать, что то было ошибкой?

— А вот вы определенно страдаете словоизвержением, — отпарировал я. — Как вас называют друзья, Ниагрой? Вы не возражаете, если я возьму слово? Так вот, Тони прыгала по спальне в своей пижамке вовсе не для меня. Когда я приехал, там уже был Ларри Голд. Но он исчез сразу же, едва горничная сообщила о вашем приезде. Разве вы его не встретили на лестнице?

— Нет! — отрезала она.

— Вы разыгрываете меня. — Я строго посмотрел на нее. — Не мог же он испариться!

— По-видимому, именно это он и сделал! — фыркнула Лайза. — Конечно, если только он там действительно был.

— Разумеется, был! — Я повысил голос. — Когда горничная сообщила о вашем появлении, он сказал, что удаляется. Прежде чем у вас появится шанс пырнуть его гвоздем под ребра, помнится, так он заявил.

— Да, это мог сказать только Ларри Голд, — задумчиво произнесла она. — Возможно, он нырнул в какое-то другое помещение наверху и скрывался там до тех пор, пока я не вошла в спальню Тони.

— Вы так его тревожите?

— Я пугаю этого мелкого прохвоста до полусмерти

всякий раз, когда вижу,— с издевкой сказала Лайза.— Ларри знает, что я прекрасно разобралась в нем. Это же подобострастный червячок, который так долго извивался на крючке у Вохана, что полностью потерял силу воли, если она когда-то у него была. А теперь он предполагает, что единственная возможность освободиться от своего крючка, это найти взамен другого червяка, более жирного, как например, Тони.

— Вам-то какая разница, если они это сделают? Вы же все равно терпеть ее не можете?

— Если я сижу на вашей проклятой кушетке, это вовсе не значит, что вы можете разыгрывать из себя психиатра, получающего пятьдесят долларов в час! — холодно заявила она.— И я совсем не ненавижу ее. Да, она избалованное, взбалмошное создание. Ее молодой эгоизм и самонадеянность постоянно выводят меня из себя, но это ее вина. И я не хочу, чтобы она сделала еще худшую ошибку, чем с Шелтоном. Мы вместе с ней росли, и поэтому я чувствую себя в известной степени ответственной за ее судьбу. Понимаю, это нелогично, но тут уж ничего не поделаешь! Возможно, опытный врач мог бы объяснить, почему я так отношусь к этой заводной кукле.

— Моя кушетка предназначена для праздного времяпрепровождения, а не для психоанализа, мисс Простетт,— сухо заявил я.— Так что не давайте воли своим сомнениям. У меня нет ни малейшего желания разгуливать по причудливым извилинам вашего первобытного подсознания!

— Прекрасно! — Она бросила на меня оценивающий взгляд.— Ох, и хитрый же вы сукин сын! Разве не вы сами вызвали меня на этот разговор?

— Только не на такой... Расскажите мне о другом. Как получилось, что вы информированы о моей встрече с Мэсси и вашей кузиной и о моем посещении Вохана?

— Мне сказал Тайлер,— ответила она с улыбкой превосходства.— У него прямая связь с офисом Вохана, и вам бесполезно бежать с данным сообщением к Вохану, потому что ему об этом тоже известно.

— Обождите, Ниагара! — рявкнул я.— Я спросил у вас о сущем пустяке, а в ответ получил десяток новых проблем.

Она выразительно пожала плечами.

— Разве я виновата в том, что вы такой тугодум?

Я ощерился:

— О'кей. Кто такой, черт возьми, этот ваш Тайлер?

— Человек, который хочет жениться на Наоми.

Я издал глухое рычание, а она откинулась на спинку кушетки и смаковала виски.

— Я понимаю, что во мне говорит явное скудоумие, но все же, черт побери, кто такая Наоми?

— Моя мать.

— А тип, который желает на ней жениться и имеет прямую связь с кабинетом Вохана,— Тайлер?

— Да, Тайлер Морган.— Медленная улыбка изогнула ее губы.— Полагаю, теперь мы квиты. Я не забыла про ваше наглое заявление о первобытной сущности моего подсознания... Желаете еще послушать рев Ниагары? Если да, то я готова доложить вам так, чтобы вы наконец могли понять.

— У меня нет выбора,— сказал я покорно.— Без вашей помощи я просто запутаюсь во всех этих хитро-сплетениях!

— Именно Наоми, моя мать, заварила всю кашу,— беспечно начала Лайза.— До замужества она была хористкой в шоу-бизнесе. Ей, правда, не удавалось выйти в первые ряды, но дама она с амбициями, да еще какими! С раннего возраста Наоми твердила мне, что в один прекрасный день я стану кинозвездой. Но против этого были три фактора: у меня отсутствовал талант, я выглядела бобовым стручком и, наконец, совершенно не проявляла интереса к ее честолюбивым планам. Не подумайте, что это остановило Наоми, у моей мамы невероятная сила воли! Она недоверчиво улыбалась, когда учитель пения уверял ее, что медведь мне на ухо наступил. Она была само очарование, когда учитель танцев заявил, что не в силах что-либо сделать с ребенком, у которого три левые ноги. Ну и просто рассмеялась, когда портниха тактично заметила, что я гораздо лучше выгляжу в джинсах.

Когда мне исполнилось десять лет, случилось несколько событий, и Наоми получила то, о чем так долго мечтала. Ее сестра вместе с мужем погибли в автомобильной катастрофе, оставив трехгодовалую дочь сиротой. Наоми убедила моего отца удочерить девочку. Вот тогда это хитрое кудрявое создание вошло в мою жизнь. Ее звали Вильмой, но Наоми назвала ее Тони. Через год мои родители разошлись. Полагаю, именно тогда мама и решила посвятить свою жизнь новой задаче: сделать звезду из Тони. Фортуна обманула ее с собственным ребенком, и она не хотела упустить последний шанс.

— Так что отныне Тони стала для нее единственной радостью? — спросил я. — И вы сильно переживали?

— Еще как! — ответила она со вздохом. — Наоми была МОЕЙ матерью, но именно мне пришлось играть роль Золушки в нашем доме. В школе я прекрасно училась, но мать не пришла туда даже на торжественный выпуск, потому что у Тони было пробное прослушивание на роль чьего-то ребенка в телевизионном спектакле. Тони, конечно, получила эту роль, и дома был устроен праздник. Но меня даже не спросили, как я окончила школу. А когда я заговорила о своем желании поступить в университет, меня просто никто не стал слушать.

— Лайза, милая, — сказал я осторожно, — я вижу, что ваша душа травмирована еще в детстве. Давайте пропустим остальное и перейдем сразу к Тайлеру Моргану.

— О'кей, садист! Итак, Тони записала свою первую пластинку в возрасте двенадцати лет для фирмы «Мелодия и Ритм». В то время Тайлер Морган был там большим человеком, и он по уши влюбился в маму. Но Наоми была занята исключительно карьерой своей девочки, так что вопрос о браке тогда отпал. Однако на протяжении многих лет их связь не прерывалась, а когда Тони выросла и выскочила замуж за Шелтона, я подумала, что Тайлер дождался своей очереди.

— Почему?

— Потому что впервые за всю безукоризненно покорную жизнь Тони решила совершить поступок, не испросив прежде разрешения Наоми, — весело рассмеялась Лайза. — Наоми негодовала, стонала и рыдала, она закатывала истерики, — это был театр одного актера, в котором одновременно демонстрировались три разных трюка. Вот я и решила, что теперь уже она приберет к рукам Тайлера. Но однажды Кент ополчился на Тони. Это случилось через четыре месяца после свадьбы. Наоми снова взвилась на орбиту, но с этого времени ее взаимоотношения с Тони перешли в стадию любовь — ненависть. В данный момент, насколько мне известно, Наоми испытывает ненависть к своей «маленькой девочке-звезде». Из-за Ларри Голда, разумеется. Поэтому я и посчитала, что мне надо что-то в этом отношении предпринять, в особенности после того, как Тайлер сообщил мне про Вохана.

— Тайлер Морган продал свою компанию Вохану, так я понимаю?

— У него был скверный год, потребовались деньги, и он совершил непоправимую ошибку, взял Вохана в качестве

компаньона, активно не участвующего в деле. Не успел он оглянуться, как его бесправный партнер оказался в его кабинете, причем заявил об этом весьма громким голосом. А через три месяца Вохан обязал компанию снабжать пластинками свою собственную империю дешевеньких ресторанчиков и клубов, которая существовала, вообще-то говоря, противозаконно. И когда Вохан заговорил о том, что он пригласит собственных певцов для записи более ходовых пластинок, Морган понял, что его время ушло. Вохан выплатил Тайлеру не более одной пятой подлинной стоимости его акций. И с тех пор Морган его смертельно ненавидит.

— Каким образом вы настолько сблизились с Морганом, что он рассказывает вам о делах в офисе Вохана? Например, эта информация о Ларри Голде?

Она хитро улыбнулась.

— Выйдя из компании по выпуску пластинок, Морган организовал агентство, представляющее артистов на основе персонального администрирования. Дело оказалось весьма прибыльным. А я после окончания журналистского факультета стала работать у него в отделе рекламы. В настоящее время я менеджер...

— Почему он так заинтересован помешать Тони выйти замуж за Голда? — спросил я задумчиво. — Я не занимался, конечно, этим вопросом, но, будучи на его месте, я бы молился, чтобы брак состоялся. Ведь тогда ваша мать откажется от покровительства молодого дарования и согласится стать его женой.

— Именно на это и рассчитывал Тайлер, когда Тони выскочила за Кента Шелтона, — терпеливо объясняла Лайза. — Но вся эта история продолжалась недостаточно долго, чтобы Наоми успела выйти из своего истеричного состояния. Второй брак Тони должен быть обязательно удачным, — вот как он рассуждает.

— А о чем он узнал по своему тайному телефону, что заставило его считать Голда неподходящей парой для Тони?

— Не знаю. Спросите его самого.

— Тогда последний вопрос, а потом я приготовлю выпивку, — сказал я.

— Да здравствует виски! — Она испустила вздох облегчения. — А то я уже испугалась, что вы по природе скупердай.

— Зачем вы мне все это рассказали, если считаете меня предателем, продавшимся Вохану?

Она осторожно изменила позу и, подмигнув, ответила:
— Может быть, мне следует ввести противостолбнячную сыворотку? Кто знает, где до этого побывали коготки Тони?

— Тоже мне, неженка, волнуетесь из-за каких-то пустяков, — нахмурился я. — Лучше отвечайте.

— Ну...

Она прикусила нижнюю губу и задумалась на пару секунд.

— «Холман» был для меня всего лишь именем, когда я ворвалась в спальню Тони, но теперь я немного узнала вас и наполовину изменила свое мнение. Мне думается, у вас не было собственных оснований нанести визит Вохану. Возможно, вам надо было, чтобы он ПОДУМАЛ, будто вы предлагаете ему сделку.

— Да, мне необходимо поговорить с Тайлером Морганом, — сказал я. — Смогу я увидеть его утром?

— Наконец-то слышу разумный вопрос. Я назначу вам встречу на десять часов, если вас это устраивает. Но если не дадите сейчас выпить, я вызову полицию и заявлю им, что вы меня похитили и уже изнасиловали, а теперь решили отвезти домой, чтобы то же самое проделать с моей матерью.

— Иду к бару! — засмеялся я.

В этот момент зазвонил телефон, я так и замер, не успев встать.

— Как вам это нравится? — Лайза задохнулась от смеха. — Вы определенно пользуетесь суперобслуживанием нашего полицейского управления на Беверли Хиллз. «Не звоните нам, мы сами позвоним вам», да?

— Кто бы это, черт побери, мог звонить? — пробормотал я.

— А почему бы вам не снять трубку и не выяснить? — совершенно логично посоветовала она. — Вы даже не представляете, какой сейчас у вас идиотский вид с этим приподнятым задом! Как у орла, который шесть месяцев сидел на яйцах, а потом неожиданно вспомнил, что он всего лишь папаша, а не мамочка!

Я быстро двинулся к бару, где стоял телефон, ломая голову над тем, кто мог додуматься звонить мне в такое время.

— А теперь, похоже, наш орел впервые задумался над тем, чем, черт возьми, занимается мамочка-орлица! — весело смеялась она.

— У меня есть веник, так почему бы вам не позаба-

виться и не полетать на нем по комнате? — проворчал я, снимая трубку.

Какое-то время я прислушивался к едва различимым стонам на другом конце провода, подумав, не разыгрывают ли меня.

— Холман! — рявкнул наконец я, уже собираясь бросить трубку.

— Рик?

Я едва расслышал собственное имя, затем стенания усилились.

— Это Рик Холман, — сухо промолвил я. — Кто у телефона?

— Рик, вы должны мне помочь!

Голос был едва слышен. Он напоминал завывание ветра за окнами.

— Кто это? — повторил я, повышая голос.

— Вы должны мне помочь! — Голос молил на истеричной ноте. — Он мертв, и теперь никого не осталось... А я так напугана, что не могу...

— Кто мертв? — завопил я.

— Они все умерли... Те, кого я люблю, мертвы, потому что я их люблю...

Снова раздался такой стон, от которого у меня зашевелились волосы на затылке.

— Успокойтесь! — пробормотал я. — Я же не могу вам помочь, если не узнаю, кто вы такая, не правда ли? Так что скажите мне, бога ради, С КЕМ Я ГОВОРЮ?

— Я убила Бейб еще до того, как она родилась, — голос превратился в испуганный шепот. — Разве это не самое противное, самое отвратительное, что может сделать человек?

Услышав слово «противный», я обрадовался:

— Это вы, Тони?

— Это был страшный грех, — продолжала она тем же испуганным шепотом. — Поэтому они проклинали меня, понимаете, Рик? Я убила Бейб, а теперь они убивают всех тех, кого я люблю. Это возмездие. Мой поцелуй смертелен!

Ее голос затих, превратившись снова в едва различимый стон, чтобы неожиданно взорваться с дикой силой:

— Рик, помогите мне!

— Конечно, помогу, Тони! С удовольствием! Но сначала вы должны сказать мне, что случилось.

— Слушайте, — прошептала она.

Я напряг слух и сообразил, что включен магнитофон и кто-то поет.

Когда звучание прекратилось, Тони пояснила:

— Это пел мне Ларри. Больше он никогда не будет петь ни мне и никому вообще.

В трубке послышался щелчок.

Лайза стояла возле меня, тревожно глядя мне в лицо.

— В чем дело? — спросила она недоуменно.

— Тони, — сказал я. — Что-то там произошло. Что-то скверное, она как будто немного помешалась. Это связано с Ларри, но я не услышал ничего членораздельного. Он мертв, заявила она сначала, потом заставила меня слушать какую-то пластинку, сказав, что он поет ей, но больше петь никогда не будет. Ни ей и никому другому.

— Голд мертв? — Она оторопело покачала головой. — Но почему? Не могла же Тони... Нет, это исключено!

— Я немедленно еду к ней.

— Я поеду с вами, Рик!

— Нет, вам лучше остаться! — с силой произнес я, поражаясь собственной горячности. Чтобы сгладить впечатление, добавил рассудительно: — В любом случае, не можете же вы отправиться туда среди ночи в моей рубашке и шортах.

— Полагаю, вы правы, — вежливо согласилась она. — Но я буду чувствовать себя здесь чертовски беспомощной. Это ужасно — сидеть, сложа руки, в ожидании...

— Я позвоню вам, как только представится возможность! Возможно, ничего серьезного не произошло. Может, это обычная истерика, слезливое настроение во хмелю. Такое же может случиться, верно?

— Что она еще вам сказала? — спросила Лайза.

— Целую кучу какой-то совершенно бессмысленной ерунды о том, как она убила Бейб еще до ее рождения и поэтому проклята! — пробурчал я. — Бейб — это же кукла, с которой она...

— Да, да, — нетерпеливо бросила Лайза. — А что еще она сказала?

— Спокойно! — произнес я, внимательно посмотрел на нее и пожал плечами. — Извините, но вам, видимо, не мешает подлечить нервы... Что еще? Ее поцелуй смертелен, потому что ее поцелуи убивают всех, кого она любит... Все это звучит настолько надуманно, что я бы поднял ее на смех, если бы она не была в таком смятении и отчаянии!

— Великий боже! — прошептала Лайза.

Я посмотрел на ее побледневшее лицо, на слезы в уголках глаз и решил, что имею дело с неврастеничкой.

— Бедное запутавшееся дитя! — сказала она с чувством.

— Какая муха вас укусила? — спросил я холодно. — Разве не вы самая нестигаемая в семье? И вдруг раскисли, не зная, есть ли основания для паники.

Она молча потрясла головой, потом глубоко вздохнула и прошептала:

— Извините, вы, естественно, ничего не знаете.

— Чего не знаю?

— Тони собиралась иметь ребенка от Шелтона. Но однажды ночью между ними произошла дикая сцена. Знаете, когда люди на протяжении двух часов осыпают друг друга оскорблениями и проклятиями. В конце концов Кент Шелтон набросился на нее с кулаками. После того как он ушел, Тони впервые в жизни напилась до потери сознания и свалилась с винтовой лестницы. Никто не знает, как это произошло, но, к счастью, горничная Хельга, та самая, которую вы видели сегодня у Тони, услышала шум и прибежала посмотреть, что случилось... Тони отделалась синяками, но ребенка потеряла. Она знала о беременности, и с первого же момента уверяла, что у нее будет девочка по имени Барбара, Бейб... — Губы Лайзы задрожали. — Она никогда ни с кем не говорила о случившемся, но, выйдя из больницы, первым делом купила себе эту куклу...

Я живо представил себе огромную куклу, лежащую на кровати у Тони. В первую минуту я даже обозначился, решив, что это живой ребенок... А как она ее укачивала на руках, уговаривая нараспев нежным голосом: «Не плачь, Бейб». И кукла смотрела на нее голубыми стеклянными глазами и дарила ей застывшую ангельскую улыбку на фарфоровом личике.

— Разве вы не понимаете, что с ней случилось, Рик? — в отчаянии продолжала Лайза. — Она вбила себе в голову, что должна быть наказана за то, что убила собственного ребенка. Если Ларри Голд действительно умер, Тони будет уверена: во всем виновато проклятие...

— Пойдите! — перебил я нетерпеливо. — Мы же говорим о двадцатилетней женщине, а не о ребенке...

— Мы как раз говорим именно о ребенке! Вы же не знаете, как с ней обращалась Наоми все эти годы. Она была постоянно рядом, защищая ее, решая за нее и следя за тем, чтобы эти решения выполнялись. Она до шестнадцати лет не разрешала Тони проводить время в обществе ее сверстниц, опасаясь, как бы те не отвлекли ее мысли о карьере разговорами о мальчиках... Формально мы говорим с вами

о почти двадцатидвухлетней особе, но во всех остальных отношениях — это шестилетняя девочка, потерявшаяся в лесу и мечущаяся среди деревьев от страха повстречаться со злыми духами и призраками. Ей хочется позвать на помощь, но она не знает никого, кто может помочь ей. Ее родная мать давно стала воспоминанием, а тетка только притворяется матерью для нее, на самом деле она — настоящий дьявол!

Глава 4

Без четверти двенадцать я припарковал машину на том же месте, что и вечером.

Захлопнув дверцу, торопливо зашагал к розовому дому и нажал на кнопку звонка.

Горничная открыла дверь и воззрилась на меня с явным недоумением. На ней был длинный халат, туго завязанный поясом, а на голове тюрбаном накручено полотенце. Она, несомненно, приняла ванну и собиралась ложиться спать.

Я мысленно нажал на нужную кнопку и вызвал на своей физиономии чарующую улыбку:

— Очень сожалею, Хельга, что побеспокоил вас так поздно, но мисс Эстер неожиданно позвонила мне еще раз и попросила немедленно приехать, чтобы помочь урегулировать какую-то проблему.

Я надеялся, что в моем голосе прозвучало достаточно легкого терпения, которое оценить можно было однозначно: мы оба прекрасно понимали, что любой из нас согласен сделать для Тони решительно все, о чем она попросит, потому что мы ее нежно любим, несмотря ни на что. Холодное выражение на некрасивом лице Хельги внезапно исчезло, ей даже удалось сочувственно улыбнуться мне:

— Понятно, мистер Холман, — дружески произнесла она, — раз мисс Эстер вас ожидает, все хорошо.

Она распахнула дверь, я вошел в холл и стал ждать, пока она снова не закроет входную дверь.

— Мне неловко, что пришлось побеспокоить вас, — заговорил я с обезоруживающей улыбкой, — поэтому я, пожалуй, поднимусь один, а вы можете отдыхать. Вы ведь здорово утомились за день!

— Благодарю вас, мистер Холман! — воскликнула она с благодарной улыбкой. — Спокойной ночи!

Я поднялся по крутой винтовой лестнице без излишней спешки, пара-другая секунд все равно ничего не решила,

а мне не хотелось, чтобы горничная что-нибудь заподозрила. Ей еще достанет времени для переживаний. Если, разумеется, в доме на самом деле произошло что-то скверное, а не очередной каприз Тони вызвал меня сюда, чтобы она могла излить душу.

Дверь в спальню была приоткрыта. Я распахнул ее и вступил в мир фантазии художника-декоратора.

На первый взгляд все здесь было как прежде. Кукла по-прежнему лежала на атласной подушке, взирая с ангельской улыбкой в потолок, дорожка из белых роз протянулась по пушистому черному ковру от туалетного столика до мокрого пятна, где сражались разъяренные фурии.

Самой же участницы потасовки в комнате не было. Встроенный в стену фонограф был включен, и хотя я не принадлежу к поклонникам рок-музыки, удалось без труда узнать хрипловатый, приторно-сладкий голос Ларри Голда:

«Как могли вы уйти, забыв обо мне,

Забыв про любовь и про клятвы свои!»

Я закурил сигарету, подумав о том, что нынешние поэты-лирики не слишком-то утруждают себя, сочиняя тексты песен.

Слабое дуновение ветра заставило меня обратить внимание на черные портьеры, затянувшие стены. Бархат в центре слегка колыхался. Я раздвинул портьеры и обнаружил, что оба французских окна широко распахнуты. Тогда я выбрался на террасу, сопровождаемый тоскливой мелодией:

«Вы ушли от меня, нет сил у меня,

Нет слез у меня, я тоскую, любя».

Терраса была очень большой. Вокруг тянулась низкая белая балюстрада. Вид открывался величественный на черно-синее калифорнийское небо, усеянное звездами. На секунду я задержался на пороге, потрясенный его красотой.

Призрачная белая фигура, склонившаяся над перилами в углу террасы, успокоила меня: нет, это не старый душещипательный фильм с участием Тони Эстер.

Я медленно двинулся к ней, боясь, что смогу напугать своим внезапным появлением, и она выкинет какую-нибудь глупость. Подойдя почти вплотную, я осторожно взял ее за руку, и кожа ее показалась холодной как лед.

— Привет, Тони,— сказал я мягко.

— Он привык дурачиться, изображать клоуна,— внезапно заговорила Тони по-детски звонким голосом.— Вечно дурачился. Говорил, что я его Джульетта. Вечная клоу-

нада. Прыгал, будто сражался на дуэли, паясничал и не обращал внимания на мои просьбы прекратить свои фокусы, потому что они вызывали у меня дрожь, но это его лишь подстегивало. Поэтому я сказала, что возвращаюсь к Бейб, мне надоело его дурацкое циркачество. Пусть идет к черту!.. Когда я уже вошла в спальню, услышала его крик: «Эй, посмотри! Неустрашимый Ларри Голд выступает со смертельным номером!» — Ее голос внезапно задрожал. — Я обернулась, он стоял, балансируя руками, на балюстраде. Господи, до чего же я перепугалась, это было так страшно! Настоящее безумие! Ему хотелось, чтобы у меня по телу побежали мурашки. Мне было страшно смотреть, я ушла к кровати, взяла на руки Бейб и... и...

Она закрыла лицо руками.

— Успокойтесь! — сказал я нежно.

— Потом я услышала, как он вскрикнул! — прошептала Тони. — Я выскочила на террасу, но Ларри исчез. И тогда я поняла...

Она прижалась лицом к моей груди, сотрясаясь от рыданий.

Я тихонечко похлопывал ее по плечу, произнося какие-то бессмысленные слова, стараясь каким-то образом успокоить и утешить бедняжку. Наверное, они были совершенно бесполезны, но все же через какое-то время она затихла, подняла голову и взглянула на меня:

— Он все еще там, внизу! — прошептала она. — Но он лежит неподвижно, совсем не двигается. Я следила за ним целую вечность, Рик, целую вечность... Но он упорно не хочет шевелиться. Я считаю это подлым с его стороны, правда? Я хочу сказать, что шутка шуткой, но он же может простудиться, лежа так долго на холодном бетоне!

— Он все еще внизу? Где? — медленно спросил я.

— Вон там!

Она указала куда-то на черно-синее ночное небо над белой балюстрадой прямо перед собой.

— Посмотрите, Рик! Вы легко его увидите.

Я крепко вцепился в перила и перегнулся вниз. Господи, как далеко была земля! Дом стоял на краю обрыва, у подножия которого находилась ровная площадка, поросшая травой, простиравшаяся до ограждения, за которым был новый обрыв в глубокий каньон. Деревянные ступеньки шли до первой площадки. Нижняя ступенька покоилась на бетонированном бортике плавательного бассейна. Яростный свет прожекторов освещал мелкие детали, не требова-

лось никакого бинокля, чтобы разглядеть то, что было на площадке.

Жалкая маленькая фигура распростерлась на спине почти точно подо мной, она казалась неопытным темным пятном на стерильно белом бетонном дне плавательного бассейна.

Я пережил весьма неприятные минуты, когда мне показалось, будто я вижу серое лицо Ларри Голда, глядящего на меня с упреком ничего не видящими глазами.

— Им понадобилось черт знает сколько времени, чтобы спустить воду и вычистить бассейн, верно? — спросила она меня дрожащим голосом.

Я медленно выпрямился и почувствовал, что ветер исчез, наступила абсолютная тишина. Даже Тони замерла, превратившись в белую мраморную статую. Единственный звук, доносившийся из спальни, был голосом Ларри Голда, исполнявшего бездарную лирическую песню вновь и вновь:

«Вы обещали любить меня вечно,

Как получилось, что плачу теперь я?»

Тут голос на мгновение умолк, и мне почудилось, что я услышал легкий щелчок — это когда переключатель перевел адаптер к началу.

Тони внезапно вздрогнула и отвернулась.

— Я поняла, что он умер, едва только увидела, как он лежит недвижимый на дне бассейна, — сказала она тусклым голосом, лишенным всяких эмоций. — Но чем дольше я здесь стояла, тем сильнее стала надеяться, что в конце-то концов он вовсе не умер, а всего лишь контужен, сильно ушибся. Я подумала: если сосредоточиться на этом, если горячо молиться, возможно, это ему поможет, заставит пошевелить рукой или ногой, чтобы я поняла.

— Когда это случилось? — спросил я.

— Уже давно... — Она беспомощно пожала плечами. — Мне кажется, прошло уже столетие... даже тысячелетие.

— Через сколько времени после того, как это случилось, вы позвонили мне? — настаивал я.

— Не помню.

— Через час-два-три после того, как Лайза ушла из вашего дома вместе со мной? После ссоры между вами?

— Я не знаю, Рик. — Она в отчаянии покачала головой. — Клянусь богом, не знаю...

— О'кей, оставим это.

Я взял ее за руку и увел с террасы в комнату.

В ярком освещении лицо ее походило на застывшую белую маску с двумя черными провалами вместо глаз.

Я заставил ее сесть в кресло возле туалета, отыскал, где у нее хранилось спиртное, и заставил выпить полрюмки неразбавленного виски.

Она согласно кивнула, когда я сказал, что мне надо оставить ее на пять минут.

Я вышел из дома через парадную дверь, оставив ее незапертой, чтобы снова не тревожить Хельгу, обошел вокруг дома и спустился по ступенькам к бассейну.

Ларри Голд лежал на бетонном дне сухого бассейна. Я соскочил туда, чтобы все осмотреть детально. Он, разумеется, был мертв. Да и как бы он остался жив после падения с высоты в семьдесят футов на бетон.

Отвратительные темные пятна, разбрызганные по дну бассейна, указывали, что никакого чуда не произошло. Лицо у него было искажено, рот широко раскрыт, будто он все еще кричал от ужаса, в голубых глазах застыло выражение безумного страха, длинные волосы — в крови. И я в душе даже обрадовался, что не мне предстоит убирать труп.

Несколько секунд я просто глядел на него, но потом до меня постепенно дошло: что-то тут не так, однако не мог определить, что меня беспокоит. Бывает так: иной раз спросят у тебя чье-то имя или название, которое ты прекрасно знаешь, а ты не можешь вспомнить. Я уставился на Ларри, будто он мог подсказать мне, в чем дело.

Внезапно сообразил, что меня тревожит, даже удивился: какого же дьявола не обратил сразу внимание. Его руки! Они были раскинуты в стороны под прямым углом к телу. Левая лежала ладонью вверх, а правая крепко сжата в кулак.

Падая с такой высоты, подумал я, человек должен сжать обе руки, но никак не одну, если для этого нет причины.

Я опустился на колени и осторожно разжал пальцы правой руки. На ладони я увидел небольшую блестящую пуговицу черного цвета.

На Ларри был светлый костюм с коричневыми пуговицами. Кстати, все они оказались на месте. Черная пуговица маловата для мужского костюма, но, возможно, годится для женского. Или для рукава мужского пиджака. Или это просто пуговица и черт с ней! Не моя проблема, ее можно оставить для полиции.

Я вложил пуговицу в безжизненные пальцы Голда и снова сжал их в кулак.

Когда я вернулся в спальню, мне показалось, что Тони

не сдвинулась с места, только рюмка ее была наполовину пуста. Проклятая пластинка продолжала звучать, и я подумал, что помешаюсь, если снова услышу эту дешевку.

Тони сказала мне, где проигрыватель выключается, и я с чувством огромного облегчения отрубил его.

Подойдя к телефону, я собрался позвонить в полицию, но вспомнил об обещании сообщить обо всем кузине Лайзе и поэтому набрал свой собственный номер.

— Я чувствовала, что дела плохи, Рик,— спокойноотреагировала она, когда я закончил свой рассказ.— Я не могла сидеть, дожидаясь вашего звонка, и позвонила Тайлеру. Пересказала ему все, что вам наговорила по телефону Тони. Он сразу же поехал к Тони, прихватив по дороге Наоми. Так что они вот-вот должны появиться. Надеюсь, вы не против?

— Конечно же нет! — правдиво ответил я.

Я почувствовал огромное облегчение при мысли, что сейчас приедет тетушка и возьмет на себя ответственность за свое неразумное дитя.

— Ох, я чуть не забыла! — воскликнула Лайза.— Тайлер велел мне непременно предупредить вас: если Голд уже мертв, чтобы вы не вызывали полицию до его появления.

— Тайлер Морган может катиться ко всем чертям! Он мне не указчик! — возмутился я.

— Пожалуйста, Рик! — В ее голосе послышалась настойчивость.— Ради Тони, пусть этим делом занимается сам Тайлер!

Я подумал: раз Ларри Голд умер, полученное мною от Мэсси задание теперь утратило свой смысл и может иметь лишь чисто академический интерес.

— О'кей, я предоставляю Моргану удовольствие разбираться с полицией,— проворчал я.

— Спасибо, Рик! — благодарно произнесла она.— Вы настоящий принц!

— А вы полинезийская принцесса, поскольку на вас все еще моя гавайская рубашка, как я полагаю... Как только Морган приедет сюда, я отправлюсь домой и сразу же отвезу вас.

— К чему такая спешка? — холодно возразила она.— Не можете дождаться, когда я возвращу вам рубашку? Скупердай!

Последнее слово она произнесла с особым смаком и бросила трубку.

Я не мог на нее обижаться, потому что она была дамой, а женская логика не поддается расшифровке мужчинам.

— Ваша тетушка и Тайлер Морган уже едут сюда,— сказал я Тони, по-прежнему сидевшей в белом кресле.

— Ох! — Она сделала глоточек.— Наоми будет довольна.

— Довольна? — Я нахмурился.— Чем?

— Из-за Ларри, конечно.

Это было сказано так вежливо, будто она разговаривала с незнакомцем на официальном коктейле.

— Наоми всегда считала Ларри проходимцем. И мое намерение стать его женой — безрассудством.

— Может быть, мне лучше пойти и открыть им парадную дверь, чтобы они не тревожили Хельгу? — спросил я.

— У Наоми есть собственный ключ,— сухо сообщила Тони.— Я собиралась сменить замок, но позабыла.

— Ну что же, тогда все в порядке,— заметил я.— На каком автомобиле ездил Ларри?

— На спортивном, белого цвета. Какая-то иностранная марка. Итальянская, если не ошибаюсь.

— «Мазератти»?

— Точно. Я никак не могла запомнить это странное слово.

Установилась томлящая пауза, но через несколько минут я забеспокоился: Лайза не видела, как Ларри Голд выходил из комнаты. Его машина все время оставалась припаркованной в пятидесяти ярдах от ворот. Значит, он вообще не выходил из дома, а прятался где-то, дожидаясь, когда мы с Лайзой уедем.

Мне хотелось осмотреть остальные комнаты второго этажа, но я боялся оставлять Тони одну.

— Тони? — спросил я с надеждой.— Не хотите, чтобы сюда пришла Хельга?

Она сосредоточенно обдумала мое предложение и медленно покачала головой.

— Нет, спасибо, Хельга милая, она, как говорит Наоми, «рабочая и способная горничная», но мне кажется, она станет довольно надоедливой и неприятной, когда узнает о смерти Ларри.

Пришлось отказаться от намерения побродить по дому... Я закурил сигарету и надеялся, что Морган не заблудился по дороге.

И тут же, как бы в ответ на мою неслышную мольбу, на лестнице раздались шаги.

Они оба вошли в комнату, а я получил возможность впервые взглянуть на женщину с редким именем Наоми Простетт — создательницу кинозвезды.

Логика говорила о том, что, имея двадцативосьмилетнюю дочь, она могла быть не моложе сорока восьми лет. Глаза же незамедлительно отвергли всякую логику, подсказав, что ей, возможно, на самом деле лет сорок, хотя выглядит она не старше тридцати пяти.

В ее лице ясно виделось выражение черт ее родной дочери. Но на этом сходство кончалось. Вместо фантастического сочетания ума и животного магнетизма Лайзы лицо Наоми отражало лишь обуревавшую ее амбицию. Это читалось в расчетливом взгляде ее холодных голубых глаз, подчеркивалось тонким носом и почти свирепым изгибом широкого подвижного рта. Коротко подстриженные волосы были так искусно уложены, что производили впечатление естественного очаровательного беспорядка. На ней был кашемировый свитер и простенькая юбка, которые наверняка стоили очень дорого, но отнюдь не экстравагантные. Одежда неприметно подчеркивала юношеские формы ее гибкого тела, в котором не чувствовалось ни угловатости, ни неприятной худобы. Кому-то такая фигура, возможно, казалась вполне естественной и привлекательной, кому-то нет, в зависимости от вкуса, я же посчитал, что Наоми создала ее преднамеренно, перестав вообще питаться лет двадцать назад.

— Тони! — Ее голос был хрипловато драматичным: — Моя бедная крошка! В каком аду ты находилась все это время? Что тебе пришлось пережить?

Она грациозно пробежала через всю комнату к креслу, заключила приемную дочь в объятия и неистово обняла.

— А вы, должно быть, Рик Холман? — раздался энергичный басок.

По всей вероятности, это был тот день, когда я встретился с людьми, абсолютно мне антипатичными.

Первым по счету был Айван Мэсси, затем секретарша Вохана, потом он сам и его помощник-исполнитель, не говоря уже о Ларри Голде. Шестым номером явилась Наоми Простетт, а теперь вот еще и Тайлер Морган.

Он был высоким, элегантно выглядевшим типом лет пятидесяти, точной копией отставных генералов, изображения которых частенько украшают блестящие обложки журналов. В действительности же ни один оставной генерал не выглядит таким хлыщом.

Его прямые черные волосы были обильно усыпаны сединой и стали предательски редеть. Маленькие усики подстрижены с раздражающей аккуратностью, а слегка

покрасневшие глазки как бы все время отдавали распоряжение невидимым подчиненным.

— Я Холман,— пришлось согласиться мне,— а вы — Тайлер Морган?

— Конечно! — рявкнул он.— Вы уже вызвали полицию?

— Лайза попросила меня обождать и предоставить это сделать вам.

— Молодчина!

В его глазах я прочел осторожное одобрение, адресованное мне. Я посчитал, что медали пока не заслужил, но коли Холман и дальше будет действовать так же удачно, возможно, генерал и пригласит его отобедать у себя с младшими офицерами.

— Где тело?

Ну вот опять, подумал я с возмущением: образец колоссального административного таланта отбрасывать подробности, чтобы пробиться сразу к сути проблемы. Если мне и дальше придется выступать в роли подчиненного у этой пародии на Наполеона, то, вероятно, просто ради удовольствия я скоро придушу его.

На террасе я обождал, пока он, склонившись над балюстрадой, изучал тело. Наконец он выпрямился, явив собой подобие шомпола.

— Как это случилось?

Резкий тон вопроса говорил о том, что, будь я на самом деле расторопным лейтенантом, я должен был бы принять соответствующие предупредительные меры.

Я пересказал ему все, что услышал от Тони. Ларри Голд валял дурака на террасе, так сказать, развлекался, вскочил на балюстраду и балансировал, стоя на одной ноге, но потерял равновесие и свалился в пустой бассейн.

— Молодой болван! — произнес Наполеон.— Он мертв, конечно?

— Конечно! — холодно подтвердил я, решив, что мне пора повесить себя в чине.

— Тут надо действовать с величайшей осторожностью! — Он глубоко задумался на несколько минут.— Огласка, конечно, будет колоссальной, но я смогу обуздать репортеров, да и с полицией тоже справлюсь... Откровенно говоря, меня тревожит сама девушка, Холман. Почему она решила остановить свой выбор на вас, когда ей понадобилась помощь? Почему не обратилась к кому-то, кто ближе ей, в ком она была уверена? К Наоми, например, или хотя бы ко мне?

— Мне думается, у нее на то имелись самые тривиальные основания,— заговорил я непринужденно,— возможно, она ненавидит вашу коллективную тиранию.

— Что?

Какое-то мгновение он считал, что ослышался, но заметил выражение моего лица.

— Вы можете оскорблять меня, если вам угодно, Холман,— прошипел он в ярости,— но оставьте в покое Наоми, слышите? Она посвятила всю свою жизнь карьере этой девочки, и я не намерен выслушивать злобную клевету в ее адрес ни от вас, ни от кого другого!

— Возможно, какое-то время ей следовало быть преданной самой девочке, а не ее карьере? — высказал я предположение.— Но это не моя проблема, генерал, а ваша. Так что занимайтесь ею сами во славу Господа Бога!!

Глава 5

Войдя в спальню, я заметил, что за время моего отсутствия здесь произошли кое-какие изменения. Комната была погружена в темноту, если не считать неяркого света лампочки под абажуром на тумбочке.

Когда глаза привыкли к темноте, я разглядел, что Тони крепко спит, а ее белый пеньюар эффектно разложен вокруг нее, создавая общую картину.

Наоми Простетт поднялась с дальнего конца кровати и на цыпочках подошла ко мне, приложив палец к губам и довольно успешно изображая ночную сиделку.

— Я думаю, для Тони сейчас самое необходимое — немножко отдохнуть,— прошептала она тоном заговорщицы.— Знаете, я благодарю Бога за то, что разрешила ей оставить у себя мою Хельгу. До этого горничная много лет жила у меня. Она воистину поразительное создание: прекрасный работник, абсолютно преданный и верный друг к тому же! — Наоми негромко вздохнула.— Полагаю, мы иной раз не отдаем себе отчета, как нам повезло, верно?

Я молча глядел на нее, ожидая, что она сейчас начнет уговаривать меня пожертвовать приличную сумму в фонд помощи Хельге в старости, но мои опасения оказались необоснованными.

— Полагаю, с беднягой Голдом произошел какой-то ужасный несчастный случай? — спросила она, не скрывая любопытства.

— Он паясничал, пытаясь балансировать на одной ноге, сорвался с балюстрады и полетел вниз,— сообщил я коротко.— К тому же, миссис Простетт, я ухожу и...

— Прошу Вас! — Она казалось запротестовала.— Вы были так добры к бедной маленькой Тони, хотя почти не знаете ее, и я вам за это бесконечно благодарна... Не могли бы мы называть друг друга по имени?

— О'кей, Наоми! — терпеливо согласился я.— Думаю, что Морган вызовет полицию, когда вернется с террасы. Так вот, если они пожелают допросить меня, попросите его передать им, что я буду у себя дома...

— Уверена, в этом нет необходимости, Рик,— перебила она.— Мы с Тайлером сумеем сами ответить на все вопросы. Было бы просто нечестно запутывать еще и Вас в нашу семейную трагедию после того, как вы проявили столько доброты к Тони.

— Вы хотите сказать представителям закона, что меня здесь вообще не было сегодня? — сдержанно спросил я.

— Вот именно! — Она кивнула: — И Вам совершенно не стоит волноваться из-за Хельги или Тони. Они обе поступят так, как им будет сказано...— Ее голос внезапно осекся, и она неуверенно пробормотала: — То есть, я хочу сказать...

— Я хорошо понимаю, что вы хотите сказать! — перебил ее я.— Вы объяснили это достаточно четко и конкретно. А теперь хорошенько выслушайте меня, Наоми. Вы сообщите полиции слово в слово все то, что услышали от меня, иначе я подниму такой скандал, который вам и не снился. Вам же хуже, если сообщение в полицию сделаю утром я!

— Само собой разумеется, Рик! — Она попыталась сохранить тепло в своей заученной улыбке.— Могли бы этого и не говорить, все будет сделано, а как же иначе?... Я просто хотела избавить Вас от ненужных затруднений.

— Да, конечно! — Я не слишком почтительно подмигнул ей.— Знаете что, Наоми? Вы меня пристыдили, и я теперь чувствую себя закоренелым эгоистом. Оказывается, вы думали обо мне, в то время как я совершенно о вас не думал! Поэтому я совершенно искренне надеюсь, что в конце концов вы выйдете замуж за Тайлера Моргана, ибо вы как раз та женщина, которая заслуживает иметь мужем ничтожество вроде него!

Я вышел в прихожую, закрыл дверь спальни, а потом быстро осмотрел остальные комнаты второго этажа. Рядом со спальней находился домашний театр, достаточно про-

сторный, чтобы вместить до тридцати зрителей, наслаждающихся одновременно и концертом и сказочной роскошью помещения. Экран был во всю стену. Проекторная у противоположной стены, в которой была дверь на террасу.

Две комнаты для гостей завершили мой осмотр, их двери тоже выходили на террасу.

Выйдя из дома и неслышно закрыв за собой дверь, я медленно пошел к машине. Хотелось упорядочить вопросы, возникшие в голове, и пожалеть копа, которому придется искать на них ответы.

Ларри Голд, конечно, не покидал дома, он, должно быть, завернул в одну из свободных комнат и отсиделся там до тех пор, пока мы с Лайзой не уехали где-то около четверти десятого по моим расчетам. Телефонный звонок Тони, прозвучавший совершенно некстати, раздался почти в половине двенадцатого. Что же произошло за эти два с небольшим часа? Сколько времени потребовалось Голду, чтобы появиться на террасе и заняться клоунадой? И сколько времени прошло после того, как он свалился и Тони надумала позвонить мне?

Наконец, имелся последний, самый интригующий вопрос: пуговица. Кому она принадлежала?

Я бросил завистливый взгляд на блестящий белый автомобиль, припаркованный перед моим. Без всякой причины я почему-то испытывал больше симпатии к осиротевшей спортивной машине, чем к ее бывшему владельцу Ларри Голду.

Уже через пятнадцать минут я остановился возле своего дома. Нормальный свет и обычная обстановка показались мне необычайно приветливыми и уютными, а переплетенные пальмы гавайской рубашки закивали мне с энтузиазмом, когда Лайза соскочила с высокого табурета возле бара, чтобы встретить меня.

— Я слышала, как подъехала машина, — сообщила она с гордостью, — и успела приготовить вам выпивку.

— Весьма предусмотрительно, — признал я. — Мне нужен стаканчик, даже два. Нет, несколько!.. Если хорошенько подумать, мне просто необходимо напиться!

— Вы все еще негодуете по поводу вашей рубашки? — спросила она напрямик. — А я думала, вам нравится смотреть, как качаются пальмы.

Я взял протянутый мне бокал и выпил приблизительно две трети, пока не сообразил, что виски резко ударило мне в голову. Лайза запомнила все составные, но позабыла

разбавить лимонным соком. Таким образом мне была подsunута огромная порция чистого алкоголя.

— Прекратите играть в молчанку! — сердито воскликнула она. — Расскажите, что случилось!

Мне удалось благополучно поставить бокал на стойку, хотя моя глотка вела ожесточенное сражение с парами алкоголя. После агонии, длившейся секунд десять, мне удалось набрать в легкие воздуха.

— Что, черт возьми, с вами творится? — Ее глаза изучали мое лицо с явной враждебностью. — Прикусили себе язык?

— Если вы надумали отправить меня на тот свет, зачем было изводить хорошее виски? Проще пырнуть в спину ножом!

— Не понимаю, о чем вы болтаете! — сердито бросила она.

— Напиток! — Я слабо махнул рукой в сторону недопитого бокала: — Вы же забыли лимонный сок!

— Ах, это! — Она равнодушно пожала плечами. — Я никогда не разбавляю спиртное, от этого портится вкус.

Что можно было ответить на это?

— Ну? — через минуту выкрикнула она. — Вы собираетесь мне что-нибудь сказать или будете изображать из себя каменное изваяние?

Пришлось сообщить, что ее маменька и Тайлер Морган прибыли к Тони и все взяли в свои руки и тогда я уехал. Рассказывая, я подошел к бару и приготовил пару бокалов по собственному рецепту, с большим количеством лимонного сока.

— Я-то надеялась, что ваше сообщение будет захватывающим! — воскликнула она мечтательно. — А все прозвучало прозаично и скучно, Холман!

— Так оно и было.

— Что вы думаете о Тайлере?

— Не спрашивайте!

— Нет, я действительно хочу знать. — Она снова взобралась на высокий табурет, оперлась локтями о стойку, положив голову на сплетенные пальцы, и уставилась на меня. — Скажите свое честное мнение о Тайлере, Рик! Что вы о нем думаете, понравился ли он вам?

— Обычное пресмыкающееся, — ответил я, — но с потугами на лидерство...

— Ох!

— Как говорит Тони, он противный!

— Вы несправедливы,— вежливо возразила она.— Нужно отдавать должное там, где человек этого заслуживает.

— А вы не считаете своего босса противным?

— Ну что вы, Рик! Разве можно говорить такое? — Она захлопала ресницами, пародируя оскорбленную невинность.— Я считаю его чуть ли не самым сообразительным человеком! — Издевательская улыбка изогнула ее губы.— В конце концов, это он выбрал меня руководить агентством.

— А может, все как раз было наоборот? — сказал я с невольным восхищением.— Может, вы выбрали его агентство, чтобы им руководить?

— В конце концов, суть дела не меняется,— равнодушно пробормотала она.— Ну, а что вы думаете о моей моложавой матери?

— Во всяком случае, она не пресмыкающееся,— ответил я.

— Означает ли это, что она вам понравилась?

— Ну, я бы так не сказал.

— Она не пресмыкающееся, но вам тем не менее не нравится,— нетерпеливо фыркнула она.— В таком случае, она должна быть кем-то иным?

— Не могу подобрать нужного слова.

— Когда речь идет о ней, вы не можете оскорбить мои чувства,— бросила Лайза.— Поэтому, нечего ходить вокруг да около!

— Понимаете, я ищу эпитет, который бы одновременно означал «зловещий» и «вредный»,— медленно произнес я.— Находясь долгое время возле Наоми, начинаешь чертовски бояться. Я не смеюсь. Возможно, это потому, что у меня возникло какое-то подспудное ощущение присутствия злой силы, заключенной в ней. Она — та вершина, которая постоянно притягивает молнии и с их помощью сжигает все, что встает у нее на пути...

Широкий рот Лайзы скривился в насмешливой улыбке:

— Вы разговаривали с ней только пять минут, а ухитрились так перепугаться? Вы что, сбежали от нее?

— Думаю, генерал Тайлер наградит ее медалью! — проворчал я.

— Должен же найтись хоть кто-то, достаточно сообразительный, чтобы отправить ее в химчистку! — воскликнула она с грубой откровенностью.— Я давно ожидаю такого человека и сегодня решила было, что им, возможно, окажетесь вы. Но, увы, надежда ослабла.

— Очень плохо, детка! — усмехнулся я. — Вам придется вновь пуститься на поиски героя, но не в моей рубашке!

Она подняла голову, и в глазах у нее блеснули злые огоньки.

— До смерти напуганный моей матерью, но ни капельки не боящийся меня, да? — спросила она вкрадчивым голосом.

— После сегодняшнего вечера я уже получил все, что мне могли дать женщины семейства Простетт, — огрызнулся я. — Я пробираюсь через трясину, погружившись по самые уши в этих дамочек Простетт, и, разумеется, уже безумно устал от этого. Могу сообщить о них еще кое-что, коли вам интересно послушать.

Лайза взяла очередной бокал и начала его медленно вертеть в ладонях.

— Да, да, — конечно, — пробормотала она, — я очень хочу, Холман.

— Все три дамы Простетт, как урожденные, так и приемные — одинаковы! — произнес я с горечью. — Разумеется, все они выглядят привлекательно, когда смотришь на них впервые, но затем убеждаешься, что в них нет ничего особенного с точки зрения секса. И тогда теряется всякий интерес, ибо к этому времени ты эмоционально и умственно измучен и обессилен, растратив все силы на разгадку их непонятного поведения и туманных речей.

— Вообще-то я привыкла иметь дело со всякого рода сукиными сынами и не обращаю на них особого внимания, — сказала Лайза, обворожительно улыбаясь. — Но вы к тому же еще и грубиян, Холман, а это единственная вещь, которую мы, женщины Простетт, совершенно не выносим!

И она плеснула мне в лицо содержимое своего бокала. Я достал из кармана носовой платок и принялся торопливо вытирать лицо, чувствуя сильное жжение в глазах.

Прошло некоторое время, прежде чем я смог открыть глаза и увидеть, как она соскользнула с высокого табурета и двинулась куда-то в глубь комнаты, вызывая покачивая бедрами. Внезапно она остановилась и медленно повернулась лицом ко мне:

— Да, я едва не забыла! — От едва сдерживаемого презрения в ее голосе появились странные нотки. — Вы, конечно, желаете получить назад свою рубашку?

Ее длинные пальцы без особой спешки двинулись вниз

по пуговицам, поочередно расстегивая каждую, затем она освободилась от нее.

— Рубашка возвращается с благодарностью!

В следующее мгновение моя гавайская рубашка полетела и приземлилась на табуретке возле бара. Не могу сказать, что я внимательно следил за ее полетом. Если бы она при этом производила громкий воющий свист и пробилась бы насквозь потолок, я все равно не стал бы тратить время на наблюдение. Мне открылось потрясающее зрелище, которое являла собой Лайза Простетт, единственной одеждой которой были голубые трусики с кружевными оборочками вокруг бедер. Поза выгодно подчеркивала ее полные зрелые груди, оттопыривающиеся почти под прямым углом.

Лайза уперлась руками в бока и смотрела на меня с вызывающей улыбкой на чувственных губах.

— Вы же промокли с головы до ног, Холман! — сказала она. — Почему бы вам не снять с себя одежду, прежде чем начнете кашлять?

Я вытер лицо, бросил мокрый платок на стойку, после чего неторопливо двинулся к Лайзе.

— Считаю это грандиозной идеей, Большая Кузина Лайза, — сказал я с насмешкой. — Но мы забыли сделать еще кое-что.

— Никак собираетесь расплакаться? — Ее брови сошлись на переносице. — Интересно посмотреть на это «кое-что».

Я остановился в нескольких дюймах от этого потрясающего тела. Мои руки поднялись и на короткое мгновение легли ей на плечи, затем медленно скользнули вниз. Пальцы обхватили соски и сильно сжали их. Я видел, как потемнели ее глаза от боли, но она продолжала с вызовом смотреть на меня, плотно сжав рот. Я понял, что она не проявит слабости — не охнет, не захнычет, и это было равносильно второму бокалу, выплеснутому мне в лицо.

Я отдернул пальцы.

— Ну и что это доказало? — прошептала она.

— Не знаю. Может быть, мне хотелось убедиться, что они настоящие.

— Убедились?

Слышали бы вы, с каким презрением она это произнесла! Я натянуто усмехнулся.

— Возможно, я не тот парень, который способен отпра-

вить Наоми в химчистку, но я намерен доказать, что являюсь как раз тем, кто возьмет ее дочь!

В насмешливых глазах Лайзы вспыхнуло удивление, затем она откинула голову и засмеялась. Это решило все. Смех прекратился через две секунды, когда я ткнул двумя пальцами в солнечное сплетение, достаточно сильно, чтобы было больно, но не очень. Я правильно предвидел реакцию: она инстинктивно перегнулась пополам, а я онустился на одно колено и подхватил ее под ягодицы.

Она пронзительно закричала, когда я поднялся, ее голова беспомощно болталась у меня за спиной. Я легко пронес ее через гостиную к пяти ступенькам, ведущим в спальню.

— Отпустите меня! — кричала она. — Поставьте меня на пол или я убью вас, Рик Холман!

Конечно, я игнорировал ее требования и продолжал двигаться к цели. Ее кулаки забарабанили по моей спине. Я пригрозил, что она пожалеет, если не прекратит свое безобразие, но в ответ она стала молотить еще сильнее. И тогда я с удовольствием выдал два звонких шлепка по оголенному заднему месту ослушницы.

Она громко вскрикнула и сразу же перестала работать кулаками.

— Ах вы, мерзкая безжалостная зверюга! — чуть ли не простонала она. — Надо же было ударить именно по тому месту, где Тони уже содрала кожу своими ногтями! Теперь я до конца дней не смогу сидеть, как все нормальные люди! Я погибла, я стала инвалидом!

— Весьма сочувствую! — сказал я, поднявшись на последнюю ступеньку. — Впредь будете послушнее!

Ее последний вопль означал конец нашего путешествия. Я остановился у кровати, резко дернул плечом и развел руки в сторону. Расчет был точен, тело Лайзы приземлилось посреди кровати с внушительным звуком. Но пружины выдержали.

Возможно, это не слишком вежливо, мелькнуло у меня в голове, но зато к тому времени, когда она отдышится, у нее уже не будет возможности пререкаться и спорить...

И вскоре я мысленно подмигнул себе, поскольку после того, как она смогла снова ровно дышать, ее единственной реакцией было то, что она прижала свои чувственные губы к моим с таким жаром, о котором лишь мечтают заядлые холостяки, сидя в своих одиноких квартирах и не думая о старости, которая уже не за горами.

А потом я пережил момент неподдельной паники, когда она вонзила мне в грудь острые ногти и свирепо оттолкнула меня. Она отодвинула голову в сторону, и я понял, что должен прошептать ей нежные слова на ушко, успокоить и утешить. Но, черт возьми, как я мог это сделать, если сам перепугался до полусмерти, не зная, что дальше выкинет эта непредсказуемая особа.

— Рик? — тихонько прошептала она.

— Да?

— Хочешь кое-что узнать? — Она мечтательно растягивала слова. — А ведь я была готова махнуть на все рукой и вернуться домой.

— Ха! — выдохнул я.

— Это правда! — торжественно заверила она. — Тебе потребовалось много времени, чтобы разобраться в нас, женщинах Простетт, верно?

По непонятной для меня причине это показалось ей смешным. Ее тело затряслось от неудержимого смеха, при этом грудь слегка ударялась о мою, и я буквально сошел с ума. В ее голосе я не услышал ничего, кроме непонятного мне триумфа.

Я понимал, что все это, конечно, плод моего воображения. Предполагать подобное было бы просто абсурдно. Уж если кому и смеяться, торжествуя, так это мне! Ведь это я выиграл хитро задуманную компанию, спланировал и довел до победного конца!

Бедная маленькая Лайза так рассердилась на меня, что сорвала с себя мою рубашку, не понимая, какую цепную реакцию вызвала во мне. Даже во сне, могу поспорить, ей не привиделось того, что она может очутиться там, где оказалась сейчас!

Так что, как я понял, основное предположение было ошибочным. Торжествующий смех Лайзы был плодом моего воображения.

И тут я завопил от боли: десяток острых как бритва ноготков пропахали десять борозд в коже на моей спине.

— Понравилось? — сердито осведомился хрипловатый голосок. — Я подумала было, что вы умерли!

— Прошу прощения! Я просто задумался...

— Задумался? — Она испуганно посмотрела на меня. — Задуматься в такой момент? — У нее задрожали губы. — Возможно, мне с самого начала не следовало затевать эту историю?

Черт побери, что она имела в виду?

Последний параграф несвязного протокола, написанного канцелярским языком, то и дело выпадал у меня из фокуса, поэтому я плотно закрыл свои покрасневшие глаза на несколько секунд в необоснованной надежде, что минутное отключение вернет им привычное идеальное зрение.

— Сколько времени нужно человеку, чтобы прочитать коротенькое заявление? — проворчал нетерпеливый голос. — Может, его надо перевести для тебя на китайский язык, Рик?

— Твоя вина!

Я открыл глаза, точнее сказать, приоткрыл их. На этот раз они сфокусировались-таки должным образом, и я ухитрился быстро просмотреть последний параграф и поставить под ним свою подпись.

— Типичная тактика полицейского террора! Вызвать человека среди ночи, заставить притащиться в полицейское управление для безжалостного допроса...

— Я ждал до половины девятого, прежде чем позвонить тебе, — миролюбиво произнес лейтенант Карлин. — Я понимал, что тебе необходимо отоспаться после занятий, которые состоялись у тебя с этой мисс. — Он медленно покачал головой. — Такой аппетитной дамочки я не видел ни разу в жизни.

Я подтолкнул к нему подписанное заявление и громко зевнул. Слово «спать» утратило для меня значение. Где-то в глубине памяти мелькало воспоминание о том, что я все же ухитрился поспать пару минут за эту ночь. Но мои воспоминания были ужасно неотчетливыми.

Где-то около пяти утра Лайза посоветовала отправиться на кухню, потому что она голодна. Я был в этом уверен, ибо и мой желудок болезненно сжимался каждый раз, когда мне напоминали о полусыром бифштексе и бурбоне, которые, по заверению Лайзы, должны были поддержать наши силы.

Действительно, еда замечательно поддержала ее силы. Я живо припомнил огоньки в ее глазах, когда она снова затапливала меня в спальню.

Потом мой хороший друг, но в первую очередь коп, Билл Карлин, позвонил как раз в тот момент, когда я испустил вздох облегчения, убедившись, что Лайза наконец-то спит.

Билл потребовал, чтобы я явился к нему сделать заявление, а это означало, что мне надо немедленно вылезать

из кровати и тащить упирающуюся мисс Простетт под душ. Две чашки черного кофе поддерживали меня, и я сумел сначала забросить ее домой, а потом уже отправился в полицейское управление.

Я отчетливо помню ошарашенное выражение лица привратника, когда изможденная, но невероятно живописно выглядевшая блондинка в яркой гавайской рубашке проскользнула мимо него с высоко поднятой головой.

— Ты указал все события и время совершенно правильно, — буркнул Билл Карлин, — если сравнивать их с показаниями других опрошенных. Ничего не напутал.

Закурив сигарету, я откинулся на спинку стула.

— Какова твоя точка зрения, Рик? И как получилось, что ты оказался в этой компании?

— У меня был клиент, который хотел сообщить Тони Эстер решительно все про того парня, за которого она хотела выйти замуж, — объяснил я. — Вот он и нанял меня покопаться в жизни Ларри Голда.

— Кто был этот клиент?

— Ты прекрасно знаешь, Билл. К тому же теперь он уже бывший клиент.

— Я слишком долго работаю в полиции, чтобы удивляться делам людей, — буркнул он. — Но все-таки они меня поражают. Этот Голд, и как он балансировал на одной ноге на балюстраде, имея за своей спиной обрыв в семьдесят футов! — Билл недоуменно покачал головой. — Кстати, он не был пьян.

Я медленно выпрямился на неудобном стуле и с минуту внимательно смотрел на него:

— Ты уверен, что это несчастный случай?

— Разумеется. — Но тут в нем встрепенулся коп и я сразу это обнаружил по его глазам. — А что? Есть основания сомневаться в несчастном случае?

— Спросил из любопытства, — усмехнулся я. — Ведь ты не нашел никаких доказательств, оспаривающих данное предположение? — Я надеялся, что в моем голосе ясно отразилось чисто обывательское любопытство, которое, как правило, не бывает ни на чем основано. — Один из загадочных «ключей к разгадке», что там нежно любят репортеры? На террасе или на самом трупе?..

— Никаких ключей, — медленно произнес Билл, — а также никакого мотива. Горничная Хельга все время находилась в своей комнате с того момента, как ты уехал вместе с мисс Простетт, и до твоего возвращения уже без нее. Она не слышала ничего необычного и уверена, что за этот

промежуток времени никто не входил в дом... Остается последний вопрос: сам ли он свалился или его столкнули с балюстрады? Единственный ответ таков: кто знает?... Но сейчас мне туго придется, если я займусь поисками основания у мисс Эстер столкнуть его вниз! Ведь она собиралась выйти за него замуж, и все близкие им люди говорят, что они были без ума друг от друга. Более того, она хотела выйти за него замуж против воли своей тетушки и даже студии, как я понял. Походит ли это, по-твоему, на мотив для убийства, приятель?

— Нет,— признал я.— Как выглядело тело при тщательном рассмотрении?

Карлин пожал плечами.

— Он приземлился спиной на бетон бассейна, Рик! Этим все сказано. Он превратился в месиво. Череп у него...

— Ты прекрасно понимаешь, что я не это имел в виду. Как он выглядел?

— Именно так, как этого и следовало ожидать. У него же было достаточно времени сообразить, что он падает и непременно разобьется. На лице застыло выражение дикого ужаса.

— Ну а тело его было расслаблено или напряжено? — не отставал я.

Тот на минуту задумался.

— Невозможно сказать, потому что весь удар пришелся на корпус.

— Что, по пути он потерял руки и ноги? — спросил я грубо.

— Умно замечено! — усмехнулся Билл. — Полагаю, они были расслаблены, но опять-таки нельзя быть уверенным, потому что в момент удара о бетон возникла колоссальная сила...

— Мне кажется, ты что-то темнишь... Какая такая сила? Лучше скажи, как выглядели его руки.

— Безжизненные,— холодно ответил он.— Расслабленные, если угодно. Ладони раскрыты одинаково, как левая, так и правая!

— Мне было просто любопытно,— повторил я на всякий случай.

— У тебя есть еще какие-нибудь глупые вопросы?

— Конечно! — Я вскочил со стула.— Но задавать их тебе бессмысленно, приятель, потому что ты даешь на них все те же глупые ответы!

Я двинулся к выходу.

— Еще увидимся, Билл!

Когда я дошел до середины кабинета, он многозначительно кашлянул, и я невольно остановился и обернулся.

— Какой-нибудь мелкий клерк из магазина в один прекрасный вечер налижется в баре, возможно, даже в обществе своего босса и примется крушить мебель. Если при этом никто не будет покалечен, а у парня хорошая репутация и он готов возместить причиненный ущерб, то на следующее утро никто ничего об этом не узнает. Окажись же в таком положении крупная голливудская фигура — что получится? История попадет во все газеты страны, она будет искажена, иногда намеренно, парню припишут все смертные грехи, и может случиться, что его карьера будет погублена навсегда. Вот почему обитателей Беверли Хиллз дурная слава страшит куда больше, чем простых смертных!

— Вы пытаетесь мне что-то сказать, лейтенант? — спросил я вежливо. — Если да, то для чего так длинно?

— Ты тоже в этом их бизнесе, Рик, — холодно произнес Билл, — и обязан их защищать. Но если ты попытаешься помешать следствию, запомни, друг ты мне или не друг, я ударю тебя так сильно, что ты долго не сможешь опомниться!

— Как получилось, что мне повезло услышать подобную отповедь именно сейчас?

— Потому что для парня, который зарабатывает себе на жизнь, избавляя людей кино от всяких неприятностей без лишней огласки и шумихи, ты ведешь себя неправильно! — Он схватил карандаш и принялся им постукивать по крышке стола. — С первой же минуты ты начал задавать мне различные вопросы, и в конце концов у меня появилось неприятное ощущение, что тебе известно о вчерашней гибели Ларри Голда гораздо больше, чем ты признаешь. — Карандаш громко стукнул по подписанному мной заявлению, лежащему на столе. — Так что если ты вдруг припомнишь еще парочку фактов, о которых забыл упомянуть раньше...

— Нет, Билл, ты ошибаешься.

Он долго молчал, затем кивнул:

— О'кей, поставим на этом точку... Но мне было бы крайне жаль, если бы позднее выяснилось, что ты лжец, Рик!

— Понятно, — холодно сказал я. — Могу идти?

— Конечно! — Он улыбнулся и помахал мне на прощание рукой. — Не слишком-то увлекайся блондинками, Рик, а то ноги протянешь...

Короче, мы расстались снова добрыми друзьями, а я так и не проговорился о маленькой блестящей пуговице, которую кто-то забрал из сжатых пальцев трупа до того, как туда прибыла полиция.

Я вошел в нарядный офис Айвана Мэсси около полудня, за мною по пятам следовала секретарша, издавая неясные звуки, напоминающие хлопанье, так если бы я был старый черный петух, неизвестно откуда вернувшийся на птичий двор, а она — наседка, желавшая убедиться, что сам доставлен в целости и невредимости.

— Где вы, черт побери, пропадали, Холман! — заорал Мэсси, едва увидев меня. — Я перевернул вверх тормашками весь этот проклятый город, разыскивая вас с половины десятого утра.

Я подумал, если скажу ему правду, что спал в собственной машине, которая стояла припаркованная среди множества других, у него появится желание скормить меня своим прожорливым пираньям.

И тогда я бросил на него многозначительный взгляд и произнес одно слово:

— Дела!

— Дела? — Он чуть не подавился моим ответом, потом запустил ручки в густую гриву седых волос, изображая бессмысленное отчаяние. — Слишком заняты, чтобы позвонить мне? После того как вчера в доме Тони случилась такая трагедия? После того как молодой Голд нырнул в пустой бассейн?

— Я решил, что, поскольку он умер, все ваши переживания и волнения закончились, — ответил я откровенно. — Вы же автоматически превратились в моего «бывшего клиента». И все же я посчитал необходимым встретиться с вами, дабы вы не сочли меня невоспитанным человеком!

— Вы хитрец, Холман!

Он сидел несколько минут, изучая мое лицо воистину убийственным взглядом серо-стальных глаз, затем неожиданно выдвинул ящик письменного стола и извлек из него заклеенный липкой лентой пластиковый пакет. Выбравшись из кресла, Айван подошел к аквариуму, надорвал мешок, выудил из него пару кубиков свежего фарша и бросил их в воду.

Я наблюдал, как кубики стали медленно опускаться на дно, от крови слегка помутнела вода. Внезапно из ниоткуда материализовался ливень крошечных серебряных пулек,

вода заколыхалась и завертелась в миниатюрном водовороте, продолжавшемся, как мне показалось, секунд пять. После этого ничего не осталось, лишь несколько малюсеньких рыбешек лениво огибали свой мир в стеклянных стенах, а фарш полностью исчез, в воде не осталось даже следов крови.

Мэсси вернулся к столу, спрятал мешок в ящик и плюхнулся в кресло.

— Кем, черт побери, вы себя считаете, называя меня своим бывшим клиентом? — спросил он вкрадчивым голосом, не предвещающим ничего хорошего. — Такие слова могу только я сказать вам, Холман, понятно?

— Вы утверждаете, что вам все еще нужны сведения о Ларри Голде, хотя он и умер?

Я с минуту оторопело смотрел на него.

— Я хочу сказать, что остаюсь вашим клиентом, то есть вы по-прежнему работаете на меня, верно? — ответил он.

— Очевидно, — осторожно ответил я.

— Я не могу приблизиться к Тони ближе, чем на милю, — продолжал он. — Наоми Простетт отгородила ее от остального мира каменной стеной. Вы первым увидели Тони после того, как это случилось?

— Да, она мне позвонила.

— Я слышал это от Тайлера Моргана! — бросил он раздраженно. — О'кей!.. — Он с шумом втянул в себя воздух. — Ну и как это выглядит для вас?

— Для меня?

— Какого вы-то об этом мнения?

— Какого я мнения о чем?

— Не начинайте снова хитрить и изворачиваться! — загремел он. — Это сделала она или нет?

Я долго беспомощно взирал на потолок, прежде чем ответить:

— Понимаю, что вам может не понравиться, — предупредил я, — но что сделала она или нет?

— Убила его! — почти простонал он.

— А что заставляет вас думать, будто его убили? — я тоже повысил голос, и теперь мы оба почти орали друг на друга. Впрочем, иначе я не мог поступить, нужно было перекричать его.

— Я этого не думаю, — ответил он неожиданно нормальным голосом. — Мне надо знать, что думаете вы?

— Не знаю, не уверен, — быстро ответил я, — но могу сообщить следующее: полиция считает, что все происходи-

лю именно так, как им рассказала Тони Эстер. Несчастный случай.

Он долго изучал меня, не произнося ни звука. Я, разумеется, точно так же изучал его. Дышал он довольно-таки затрудненно: интересно, давно ему делали кардиограмму?

Наконец он сказал:

— Сегодня в 9.30 утра здесь, в кабинете, находилось двое людей, которые уверены, что Ларри Голда убили вы. Это люди, которых не просто разубедить.

— Теперь вы начинаете вилять! — рассердился я. — У этих людей нет имен?

— Конечно, у них есть имена, — задумчиво ответил он. — Дэвис Вохан и Уолт Ламсен.

— Вот оно что...

— У них есть и своя обворожительная теория. Хотите послушать, Холман?

— Полагаю, у меня нет выбора.

— Постараюсь изложить ее покороче. Они решили, что это я поручил вам избавиться от Ларри Голда. Соответственно, мы с вами разыграли перед Тони комедию, уверяя, что единственное мое желание — это увидеть досье на Ларри, прежде чем она выйдет за него замуж. Затем вчера днем вы отправились к Вохану в офис и одурачили его, уверив, что боитесь его и предпочитаете заключить сделку: он сообщает вам всю подноготную о парне, чтобы вы могли составить досье, а потом вы заявляете мне, что раздобыли эти сведения, обманув Вохана. Я не уверен, возненавидели ли он вас за то, что вы ухлопали его источник доходов или за то, что посчитали его за простачка и обвели вокруг пальца, — холодно улыбнулся Мэсси, — но, так или иначе, сейчас он строит планы в отношении вас.

— Давайте перейдем к самому захватывающему моменту: мне удалось убить Ларри Голда, — сказал я.

— Вы наговорили кучу всяких гадостей про Ларри, я позабыл в точности все эпитеты, которые в связи с этим употребил Вохан, но они прозвучали достаточно убедительно, чтобы такая дурочка, как Тони, всему поверила. — Он пару раз кашлянул. — Она сказала вам, что этим вечером Голд будет у нее в доме, и вы все заранее продумали, прежде чем отправились туда.

— Ай да я! — скромно похвалил я себя. — Настоящий гений! Ну-ну, дальше?

— Вы велели Тони притвориться, что ничего не произошло, и задержать Голда до вашего приезда. Затем, пока

вы занимали Голда разговорами, Тони должна была улизнуть в другую комнату и вызвать оттуда по телефону свою кузину Лайзу Простетт, объяснив, что у нее был Ларри, они поссорились, и его состояние ее пугает. Тони уже рассказывала вам, что Лайза и Ларри терпеть не могут друг друга и можно не сомневаться: он уедет, едва она появится.

Поэтому, когда горничная доложила о приходе Лайзы, а Голд заявил о своем уходе, Тони шепнула ему, что надо притвориться, будто он ушел, а самому спрятаться в соседней комнате. Она, мол, постарается поскорее отделаться от вас и Лайзы, и они останутся одни. Вскоре вы на самом деле уехали с Лайзой. Как далее излагал Вохан, уже у парадной двери вы неожиданно вспомнили, что позабыли что-то в комнате Тони и вернулись. На самом же деле вы поднялись в комнату для гостей, ударили Голда, который потерял сознание, вытащили его на террасу и сбросили вниз через перила... Остальное — просто. Вы отвезли Лайзу к себе домой, обеспечив таким образом прочное алиби, а через два часа по договоренности Тони позвонила вам, моля о помощи. Это дало вам возможность приехать в дом первым, и вы смогли убедиться, что не осталось никаких огрехов. Это же помогло и Тони сыграть свою роль, когда приехали ее тетка и Морган... Именно вы предложили ей притвориться, что пережитый ею шок довел ее чуть ли не до безумия. — Мэсси откинулся на спинку стула и подмигнул мне: — Как вам это понравилось, убийца?

— Кое-где имеются огрехи и неувязочки, но как экспромт неплохо, — признал я. — Ну и каковы дальнейшие планы Вохана? Передать эти свои соображения полиции, как положено сознательному гражданину?

— Он ими уже воспользовался сегодня утром, — заворчал продюсер, — чтобы я не спорил с ним, так он выразился. Он сожалел об утрате Ларри Голда, поскольку парень ему нравился, и поэтому он сам позаботится, чтобы и Холман получил свое.

— Вы шутите? — спросил я.

— О том, что он жаждет видеть вас мертвым? — фыркнул Мэсси. — Вы недооцениваете Вохана...

— Нет, я имею в виду, что он высказался в духе гангстерских фильмов 30-х годов.

— Рик, — спросил Мэсси вкрадчиво, — кем, по-вашему мнению, он был на протяжении последних тридцати лет?

— Да, пожалуй, вопрос излишний, — согласился я. — Итак, я должен получить то, что я заслужил? Видимо, у гангстеров совершенно отсутствует аналитический ум,

идея собственной непогрешимости превращает их в маньяков.

— Выслушайте до конца! — произнес Мэсси, и в его голосе прозвучало нечто напоминающее восхищение. — Суть дела исключительно проста, заявил Вохан, необходимо просто отрегулировать затраты. Выверить капиталовложения.

— То есть как?

— Он вложил огромную сумму денег в Ларри Голда, которые теперь пропали, и вину за это он возлагает на меня. Я нанял вас, чтобы избавиться от Голда и защитить мое собственное капиталовложение — Тони Эстер. Это он может понять, с улыбкой сказал негодяй: бизнес есть бизнес, тут все методы хороши! Но теперь он должен возместить свою потерю, и наиболее справедливым решением будут двадцать пять процентов моих затрат. Иными словами, двадцать пять процентов Тони Эстер.

— Ну и что вы ответили?

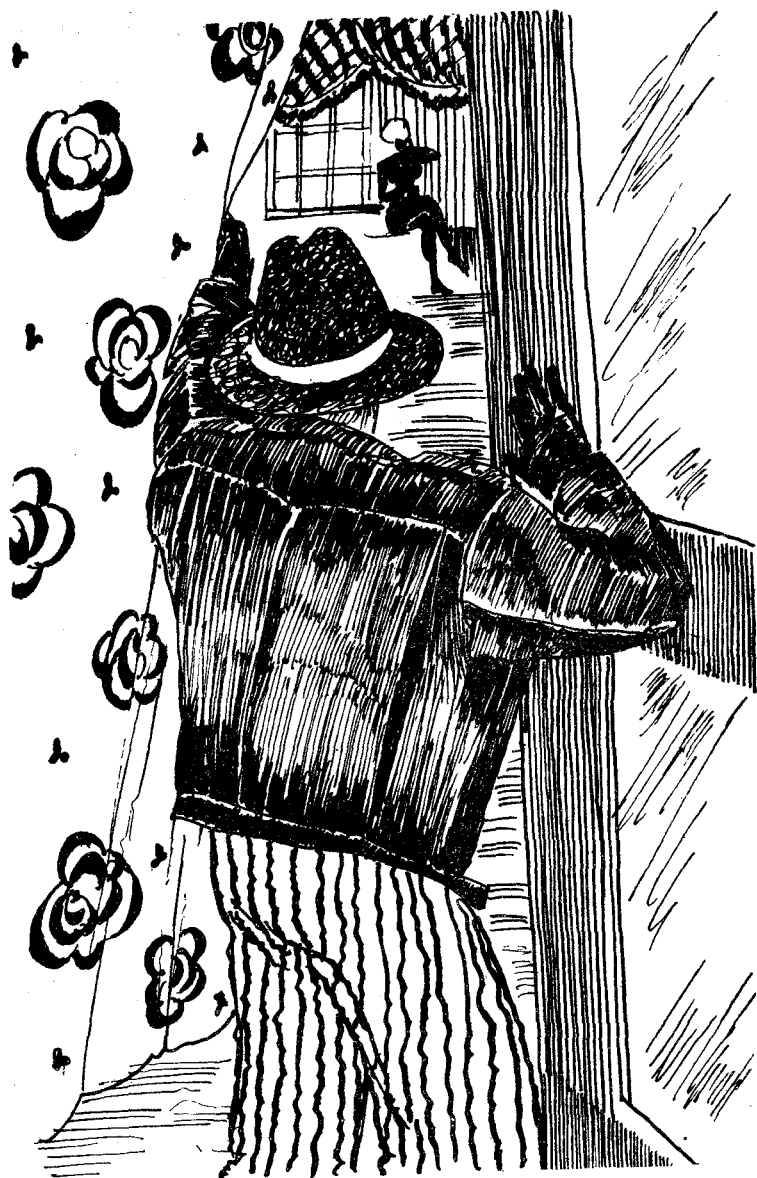
— Сказал, что он сошел с ума, — загремел Мэсси. — И велел убираться ко всем чертям из моего офиса. Это не произвело на него ни малейшего впечатления. Он дождался, пока я стравил пар, подмигнул и осведомился, почему бы мне не обдумать его предложение. В конце концов я гораздо лучше обеспечен, имея семьдесят пять процентов от живого капиталовложения, чем он, владея всеми ста процентами трупа.

— Убедительный аргумент, ничего не скажешь! — согласился я. — Либо вы заключаете сделку, либо он убивает вашу звезду точно так же, как вы убили Ларри. Ну и что вы ответили?

— Сказал, что мне надо подумать, — поскукнел Мэсси. — Вохан предоставил мне время до сегодняшнего вечера... Ровно двенадцать часов.

— Если вы расскажете эту историю лейтенанту Карлину, он организует круглосуточную охрану дома Тони, мимо которой Вохан в жизни не прошмыгнет, — сказал я уверенно.

— Нет! — Он энергично закачал своей лохматой головой. — В лучшем случае, это всего лишь отсрочка, Рик! Я уверен, Вохан не расточает напрасные угрозы, он выполнит все, что задумал. Если я не соглашусь на его условия, он непременно убьет Тони, подстроит автомобильную катастрофу, ослепит, плеснув в лицо кислотой, — в любом случае она будет навсегда для меня потеряна. А вот спешить с возмездием он не станет. Он терпеливый мерза-

вещ. Не можем же и мы просить полицию охранять ее годами.

— О'кей, насколько я понял, вы стоите перед парой альтернатив. Самая очевидная — дать то, что он требует.

— Нет! — заорал он.

— В таком случае вам не остается ничего, кроме второй альтернативы.

— Какой же? — спросил он с самым невинным видом.

— Я и сам жду, когда вы мне скажете, — усмехнулся я. — Ведь именно ради этого вы и пригласили меня, не правда ли? Я — единственная ваша альтернатива. Пожертвовать Тони Эстер или справиться с Воханом?

— Вы правы, конечно! — Он грохнул кулаком по крышке стола, и вся комната словно подпрыгнула. — Сейчас выложу вам все начистоту, Рик! Уберите Вохана с моей шеи, сделайте так, чтобы Тони ничего не угрожало, и я заплачу вам столько, сколько вы запросите!

— Айван, — заметил я вкрадчиво, — уж не просите ли вы меня избавить вас от Вохана навсегда?

Он облегченно заерзал на стуле и пожал своими внушительными плечами.

— Не стану подсказывать, как вы это сделаете, Рик, — проворчал он. — Мне кажется, это касается вас одного.

— Попытаюсь, — пообещал я, — но у меня нет ни малейшего шанса, что мне удастся что-либо предпринять до конца ультиматума.

— Я уже думал об этом, — живо откликнулся он. — Ситуация по заключению контракта весьма сложная и запутанная, его собственным адвокатам потребуется три-четыре дня, чтобы разработать юридически приемлемое решение. Этим временем вы и сможете воспользоваться.

— Ну что же, уже кое-что! — согласился я. — Расскажите-ка мне про контракты.

— Что? — Он недоуменно уставился на меня. — Какое это имеет отношение к тому, чтобы вы сбросили Вохана с моей шеи?

— Пока не знаю, — огрызнулся я, — но мне важно знать, кто владеет Тони Эстер, на сколько кусков она разрезана и кому принадлежат эти куски.

— Первый контракт был подписан, когда ей исполнилось шестнадцать, между студией и Наоми Простетт, ее приемной матерью и юридическим опекуном. Наоми также действовала в качестве агента девочки и получала десять процентов, остальное откладывала под опеку по достижении ею двадцати одного года. После того как я поставил

с Тони два фильма, Наоми явилась с предложением: она уже видела будущее Тони. Если я могу гарантировать, что Тони станет сниматься во всех фильмах в течение пяти последующих лет, а студия обязуется дать ей роли минимум в восьми полнометражных картинах, Наоми готова подписать долгосрочный контракт Тони со студией. Наоми также пожелала, чтобы я подписал с ней личный контракт, по которому она бралась тренировать девушку, обучать ее мастерству, проверять все ее сценарии, а также лично руководить ею в каждой сцене фильма. За это я должен был получать 20 процентов от общей суммы дохода, полученного Тони за пять лет.

— Миленькая сделка, ничего не скажешь!

— С ее точки зрения, это была весьма умная сделка! — холодно уточнил он. — Вы должны учесть, что в то время Тони была почти пустое место, а у меня за плечами двадцать лет работы продюсером. Сначала я отказался от данного предложения, ибо не был уверен в Тони, но ее тетюшка наглядно продемонстрировала мне, что та полностью находится под ее контролем. Наоми с трехлетнего возраста внушала ребенку, что ее предназначение — стать звездой, а все остальное не имеет значения. Тони не могла этому не верить и смотрела в рот названной матери. И тогда я изменил свое решение. Получив в руки столь податливый материал, я мог сформировать из Тони именно то, что мне хотелось, и на это у меня было пять лет!

— Но ведь эти контракты уже утратили силу! Тони ведь более двадцати одного года!

— Она заключила новый контракт, — кивнул Мэсси, — но прежние контракты покрывали все деньги, которые Тони заработала за эти пять лет. Пара картин все еще приносит значительный доход. Вы, наверное, знаете, что она вышла замуж за Кента Шелтона против воли Наоми, произошел большой скандал, после чего Тони заявила, что расстанется со своей тетюшкой навсегда и подписала новый пятилетний контракт со мною. Так что теперь я ее представляю, руковожу ею, делаю для нее все, не говоря уже о постановке ее фильмов. За это получаю тридцать процентов от общей суммы.

— Значит, если вы заключите соглашение с Воханом, вам останется всего лишь пять процентов? И какая-то доля в старых контрактах? — Я даже присвистнул. — Этого Вохана не назовешь осторожным игроком, надо сказать!

— Пять процентов, а юридически я по-прежнему буду обязан ставить все ее картины на протяжении четырех лет

и нескольких месяцев,— со вздохом произнес он,— так что у меня не будет ни времени, ни возможности попытаться заработать деньги в другом месте.

— Я позвоню вам вечером, чтобы узнать, как вы договоритесь о сроках,— сказал я, поднимаясь.

— Я это очень ценю, Рик! — Он с минуту смотрел на меня, потом его глаза блеснули.— Есть еще одна вещь, которая, как я считаю, подстегнет вас в стремлении поскорее взять в свои руки ситуацию.

— Что такое?

— Ну... — В его голосе зазвучала едва различимая ирония.— В то время как вы начнете охоту на Вохана, он будет охотиться за вами!

Глава 7

Мне удалось перебороть намерение встать по стойке «смирно» и взять под козырек при виде строгой надписи: «Тайлер Морган и партнеры».

Офис занимал третий этаж импозантного шестизэтажного здания на Вилширском бульваре, и я лениво подумал, сколько места осталось для партнеров после того, как генерал заявил права на помещение своего штаба.

Рыжеволосая особа была занята макияжем и холодно посмотрела на меня, когда я подошел к ее владениям. Она многозначительно подняла глаза на часы, висевшие за ее спиной и показывающие четыре минуты шестого, и снова сосредоточилась на помаде и пудренице.

— Я хотел бы видеть босса,— вкрадчивым голосом сознался я.

— Мистера Моргана сегодня вообще не было в офисе,— сообщила она пудренице визгливым голосом, в котором слышались плачущие нотки.— Я не знаю, будет ли он и завтра.

— О'кей, поверю вам на слово,— сказал я милостиво.— В таком случае меня устроит его заместитель.

На секунду она подняла голову и посмотрела на меня с явным раздражением.

— Что вы сказали?

— Когда мистер Морган отсутствует, полагаю, должен быть кто-то, заправляющий вместо него делами в этой лавочке? Или ваши сексуальные оргии в это время происходят в машинописном отделе?

— Что? — Она нервно заморгала своими водянисто-голубыми глазами. — Что вы сказали?

— Где я могу найти кабинет старшего вице-президента? — рывкнул я.

— Через эту дверь второй кабинет направо. — Она решила мне сделать несколько шагов и снова заговорила:

— Но сейчас там никого нет. Мистер Джонсон рано ушел домой.

— Мне не нужен никакой мистер Джонсон! Кстати, кто он такой, черт возьми? — Я обернулся к ней и повысил голос: — Мне нужна...

Она недоуменно пожала плечами:

— Вы же сами сказали, что ищете старшего вице-президента!

— Но ведь это мисс Простетт?

— Ничего подобного, мистер Джонсон!

Наступило напряженное молчание, во время которого мы оба напрягали волю в надежде, что взгляды могут убивать.

— Ладно, — наконец произнес я. — Это была действительно отличная шутка, мадам собеседница! Что теперь будем делать? Станцуем вальс из «Лебединого озера»? А вы захватили с собой тамбурин?

Секретарша, похоже, нервничала.

— Мисс Простетт, которая работает здесь, занимается новыми талантами.

— Но она является администратором?

Секретарша пронзительно хихикнула:

— Она-то?

— В таком случае, какой пост она занимает? — спросил я.

— Имеется шесть администраторов, не считая мистеров Моргана и Джонсона, — принялась она объяснять. — В порядке подчиненности мисс Простетт является шестой по списку.

— Где я могу найти ее?

— Через эту дверь последний кабинет с левой стороны.

— Спасибо. — Я вежливо поклонился. — Не могу сказать, что вы стремились мне помочь, зато проявили стойкость и выдержку.

— Если вы не возражаете, могу ли я спросить?.. — Она нервно облизнула губы. — Вы профессионал? Артист, я хотела сказать?

— А что?

— Я подумала, не являетесь ли вы одним из новых

комиков? — Она вновь облизнула губы. — Знаете, из тех, кто получил образование в колледже, и поэтому могут быть одновременно и интеллигентными, и грубиянами. — В ее водянистых глазах появилась жалоба. — Сразу же, едва вошли, вы мне вроде бы нагубили, а я ничего толком не поняла.

— Нет, не комик! — сухо ответил я. — У меня женские роли, например Лулу Лаверн.

Она конвульсивно проглотила слюну.

— Вы хотите сказать, что надеваете женское платье и все такое?

— И все такое! — заверил я.

— Гии... — Она заморгала ресницами. — Тогда что же вы делаете? Поете или танцуете?

— Пою? — Я презрительно фыркнул. — Стриптиз.

Я тут же юркнул за дверь и прошел по длинному коридору до последней двери слева. Она была приоткрыта, я заглянул внутрь и убедился, что эта крохотная комнатка и предназначена для младшего администратора.

Письменный стол, стул и два специальных шкафчика для бумаг занимали приблизительно семь восьмых всей площади, остальное — величественно пропорциональная блондинка, стоявшая ко мне спиной.

— Я всегда преклонялся перед руководителями, которые из демократических соображений выбирают себе самые тесные кабинеты! — громко заявил я.

Блондинка вздрогнула от неожиданности, медленно повернулась ко мне, и лицо ее вспыхнуло.

— Не думаю, что сегодня вам нужен новый талант, — сказал я почтительно. — Увы, не умею ни петь, ни играть на каком-либо инструменте, ни жонглировать. Но угостите меня часов этак в пять утра непрожаренным бифштексом и бокалом бурбона, и во мне откроются потрясающие таланты, как вы соизволили признать.

— Рик Холман! — Широкий рот Лайзы скривился в не слишком приветливой гримасе. — Знаю, я сама напросилась: тешила себя рассказами о том, как я руковожу большим агентством, а Тайлер Морган является всего лишь вывеской. Ну что ж, начинайте смеяться!

— Я сюда пришел не для этого, — негромко заметил я.

— А для чего?

— Я подумал, что мы можем сходить куда-нибудь пообедать, и вы расскажете мне про Моргана и его прямую связь с кабинетом Дэвиса Вохана.

— Эта связь была еще одной из моих фантазий,— с кислой миной сообщила Лайза.

— Не думаю,— покачал я головой.— А как в отношении обеда?

— Прекрасно!

— Есть ли у вас какой-нибудь новый талант, который необходимо запереть на замок, или мы можем сразу же идти?

— Сейчас припудрю нос и пойдем.

На обратном пути, когда мы проходили мимо секретаря в приемной, я заметил, что та наблюдает за мной с живым интересом. И когда мы уже подошли к наружной двери, она не выдержала и окликнула:

— Мистер?

Я оглянулся и вежливо улыбнулся.

— Чем могу быть полезен?

— Надеюсь, вы не возражаете, если я задам вам один вопрос? — Она понизила голос до шепота: — Я все думаю о том, надеваете ли вы на сцене, я хочу сказать, ну... Вам приходится надевать... тесемочку подвязывать?

Я кивнул:

— Золотая лента.

— Правда? — У нее заблестели глаза.— Ну а в отношении вашей... вашего?

— Верхней половины? — помог я ей.

Она расплылась в благодарной улыбке:

— Вы не в претензии, что я задаю... деликатные вопросы?.

— Я восхищен тем, что вы так заинтересовались! — Я улыбнулся со скромной гордостью.— И ответ на ваш вопрос, моя дорогая,— цехины. Две прелестные вещицы из цехинов в форме розовых бутонов.

— Розовых?

— Да, бутоны цвета розы.

Она попыталась что-то сказать, но ей ничего не пришло на ум, потому что она была слишком потрясена эмоционально. Я одарил ее прощальной улыбкой и подтолкнул незаметно Лайзу в коридор.

— Черт возьми, о чем это вы вели разговор? — спросила она подозрительно, когда мы спускались по лестнице.— Что за ерунда — подвязки, цехины в форме бутонов роз?

— Эта секретарша — милая особа, она советовалась со мной. Задумала стать про-, не проституткой, разумеется, а профессионалом, в том смысле, как принято в вашем

агентстве. И теперь она готова показать вам свой пример. Мы обсуждали кое-какие детали ее костюма.

— Мабель? — Лайза вытаращила глаза. — Вы имеете в виду нашу Мабель?

— Секретаря из приемной зовут Мабель?

— Да... — Лайза растерялась. — Она собирается показать мне свой номер? А что она делает?

— Экзотический танец. Придумала его сама. «Танец девственницы с водянистыми глазами».

Лайза негромко застонала и вдруг торопливо свернула в переулок, не в силах удержаться от громкого хохота. Седовласая матрона с суровым лицом и черным пушком над верхней губой остановилась и посмотрела на нее с явным неодобрением.

— Я считаю это отвратительным! — громко произнесла она и бросила теперь уже на меня убийственный взгляд.

— Сколько людей, столько разных вкусов! — философски заметил я. — Понимаете, чопорность не годится для молодых, точно так же, как шумное веселье для пожилых...

Матрона предпочла не выслушивать мое мнение, поэтому я затолкал рыдающую от смеха блондинку в машину, и мы поехали в ресторан «Рэу».

Через полчаса Лайза выпила свой второй martini и удовлетворенно вздохнула:

— Я начинаю чувствовать себя немного лучше!

— У вас что-то болит? — сочувственно поинтересовался я.

— Еще как! — Она потрясла головой. — Знаете, Рик, я разболелась, вернее, устала куда сильнее от этого приступа смеха, чем от всего того, что происходило ночью... Понимаете меня? Разве это не странно?

— У вас один выход, милочка! — заметил я менторским тоном. — Необходимо перебороть эту скверную привычку, пока вы окончательно не разболелись!

— Какую такую «скверную привычку»? — Она подозрительно поглядела на меня поверх бокала.

— Так сильно смеяться, что же еще? — Я даже пожал плечами. — Мы сделаем заказ или вы еще хотите martini?

— Мартини, и побольше! — Уголки ее губ изогнулись. — Похоже, что вы все-таки скупердяй. В мужчинах эта черта мне кажется настолько отвратительной...

— Заткнитесь! — произнес я рассеянно. — И martini будет в единственном числе, потому что вечером вы, возможно, понадобитесь.

— Прекрасно! Благодарю вас, мистер Холман! Разуме-

ется, я всегда к вашим услугам, так сказать, вполне доступна... Просто свистните мне, когда придет время, ладно? Или подтолкните. — Она подарила мне такую улыбку, от которой могла заledenеть кровь в жилах: — Вот так!

Острый носок ее туфли под столом ударил меня по голени.

— Боже мой, Лайза, почему вы все сводите к одной теме? — невольно застонал я. — Я имел в виду совсем другое. Мне требуется помощь в отношении Моргана, вот я и подумал, что вы могли бы... Ну да ладно!

— Что я могла бы? — В ней вмиг проснулось любопытство.

— Забудьте!

— Бедный Рик! — заговорила она нараспев. — Теперь он обозлился на меня, потому что я расщепила ему кость в ноге!

В ее голосе было столько провокационной нежности, что я испугался, как бы она не выкинула еще какой-нибудь номер на публику.

— Можем ли мы серьезно поговорить о Тайлере Моргане?

— О'кей, — сказала она, — что там о Тайлере? Помнится, вы назвали его не то проходимцем, не то каким-то другим нехорошим эпитетом. Я с вами согласилась, больше мне нечего сказать!

— Давайте поговорим об агентстве, в котором вы работаете, — начал я решительно. — Агентство по поиску талантов — вы мне так сказали. Но какого рода таланты?

— Музыканты, в основном. То есть певцы, оркестранты, пианисты, ясно?

— Что еще?

— Актеры и актрисы, но не слишком знаменитые. «Молодые таланты — это ваша специальность, Лайза». Это я цитирую нашего основателя-вдохновителя, мистера Тайлера Моргана!

— Вы руководите отделом новых талантов? — спросил я.

— Правильно.

— Как? Я имею в виду следующее: если я, молодой талант, появлюсь в вашем кабинете, что случится?

— Я посоветую вам проверить зрение у врача! Тоже мне, молодой талант! — Внезапно она побледнела, заметив, как я на нее гляжу. — Хорошо, хорошо, я поняла... Первым делом узнаю, состоялось ли уже прослушивание с записью на магнитофоне или на пластинке, и если да, то попрошу

вас зайти через несколько минут, чтобы наши эксперты имели возможность прослушать эту запись. Если же у вас такой записи нет, тогда я предложу вам зайти, когда она будет.

— Понятно. Итак, у меня есть такая запись.

— Тогда я передаю ее мистеру Вилану, являющемуся в полном смысле слова музыкальным гением нашего агентства. В старину, когда «Мелодию и Ритм» возглавлял Морган, мистер Вилан работал в отделе «А и Р».

— Что это за отдел? — спросил я.

— «Артисты и репертуар»... В его обязанности входило отбирать, кого из артистов, какую музыку и песни стоит записывать на пластинки. Он всегда может определить, есть ли у человека настоящий талант даже в тех случаях, когда запись пробы звучит отвратительно или, наоборот, великолепно. Я не знаю случая, чтобы он оказался не прав.

— Мистер Вилан прослушал пластинку с моей записью и решил, что у меня несомненный талант, — сказал я быстро. — Дальше?

— Вы возвращаетесь в мой маленький кабинет, и у нас состоится длительная процедура по заполнению анкетных данных. В мою задачу входит выяснить решительно все о вашем прошлом. Первый и самый главный вопрос: «В настоящее время вы уже связаны контрактом с каким-нибудь другим агентством?»

— Я только что схватил свою гитару и спустился сюда с гор, мадам, — сказал я Лайзе с самым серьезным видом. — Я свободен, как воздух!

— Больше уже не свободны! — рассмеялась она. — Поскольку вы подписали с нами контракт, можете позабыть про свободу! С этого момента люди будут платить деньги за право лицезреть и слушать вас!

— Так, я подписал контракт! Что дальше?

— Отправляйтесь к мисс Голт — грим, костюмы, внешний вид, — быстро сообщила она, — затем назад к мистеру Вилану: артисты должны практиковаться, а певцы стажироваться. Работать, работать и работать! Подходит золотой день, когда готов окончательно ваш номер, вы во всеоружии идете добывать славу, хотя, возможно, считали, что с самого начала были неподражаемы. Ничего подобного — лишь после того, как вас одобрит либо сам Тайлер, либо мистер Джонсон...

— Вице-президент — администратор, — подхватил я.

— Совершенно верно, мистер Всезнайка! — фыркнула она. — Похоже, вы у нас времени не теряли.

— Меня одобрил сам Тайлер! — сказал я гордо.

— В таком случае прыгайте в пушку, милейший, потому что вас сейчас запустят в космос!

— Как это?

— Об этом позаботятся Тайлер или Джонсон. Возможно, они определят вас в клуб или устроят новую пробу с записью на пластинку, только эту запись сделают в первоклассной студии, а пластинка будет стоить кучу денег. Если Тайлер на самом деле будет потрясен вашим талантом и умением держаться на сцене, пластинку сделают на самом высоком уровне, даже аккомпанемент подберут специально для вас. И с этой минуты вы утрачиваете связь с нашим агентством. А я сижу в своем крохотном кабинете и разговариваю с новым молодым талантом, который только что взял свою гитару и спустился с гор.

— Короче, вы находитесь в начале конвейерной ленты, загружая ее материалом, — медленно произнес я, — и у вас нет возможности увидеть конечный продукт?

— Правильно! — Она кивнула. — Здорово сказано!

— А как поживает тайная прямая связь, которая имеется у Тайлера в кабинете Дэвиса Вохана?

— Вы снова приводите меня в смущение, Рик! — Она слегка усмехнулась. — Это ведь было сказано ради красного словца... Чем больше я смотрю на вас, тем меньше понимаю, почему мне казалось таким важным произвести на вас впечатление.

— Но связь не была плодом вашей необузданной фантазии. У вас был резон сделать подобное заявление, верно? Какие же основания?

— Вчера вечером, — заговорила она, шумно вздохнув, — я оставалась последней в агентстве, заканчивая какую-то работу, и внезапно услышала, как вошли Тайлер и Наоми. Они прямиком проследовали в его кабинет, и я подумала, что могу поздороваться с собственной матерью, мы не виделись два месяца. Я уже собралась войти в кабинет, дверь которого была распахнута, когда сообразила, что они говорили о Тони. В ту же минуту я изменила свое решение: предпочла услышать, нежели увидеть... Тайлер рассказывал Наоми о сделке, заключенной с Тони в то утро. О том, как он нанял Холмана покопаться в прошлом Ларри Голда и так далее. Закончив эту тему, он рассказал ей про ваш визит в офис к Вохану, про то, что вы говорили последнему, и предположил, что вы продали Мэсси, потому что побоялись пойти против Вохана.

— Это объясняет, почему вы решили, будто у него

должна быть прямая связь с кабинетом Вохана, — согласился я. — Но все равно не объясняет, отчего вы заявили мне вчера вечером, что этот канал у него функционирует много лет, а Вохан так и не сумел его обнаружить и никогда не обнаружит.

— Ох, дорогой! — Она упорно смотрела в противоположную сторону, ее щеки покраснели. — Неужели я все это наговорила? Вы были совершенно правы, окрестив меня Ниагарой! Очевидно, у меня просто разыгралась фантазия, иначе не объяснить! — Неожиданно она посмотрела мне в глаза: — Это абсолютно ни на чем не основано, Рик. Просто на меня что-то нашло, мне казалось весьма остроумным сообщить о том, как Тайлер обвел вокруг пальца Дэвиса Вохана. И если Вохан знал об этом, он все равно ничего не мог предпринять. Получалась как бы двойная победа, понимаете?

— А история о том, как Вохан пробрался в компанию по выпуску пластинок и в конечном итоге забрал ее у Тайлера? — продолжал я. — Ведь Тайлер очень много потерял тогда, а Вохан вовсю развернулся с рэкетом проигрывателей-автоматов в кафе, дансингах, маленьких ресторанчиках и так далее. Скажите, по этому поводу вы тоже фантазировали и на самом деле ничего подобного не было?

— Нет, это правда! — с негодованием воскликнула она. — Все, до последнего слова!

— Откуда вы знаете, что это правда?

— Потому что Тайлер мне сам об этом рассказывал.

— А из других источников вы что-нибудь слышали?

— Не знаю... — Она раздраженно пожала плечами. — Пожалуй, нет. Но решительно все знают, что произошло и почему Тайлер оттуда ушел.

Я подал знак официанту и сделал заказ. Лайза сказала, что вообще-то она не голодна, но что-нибудь поклюет, просто чтобы составить мне компанию. Потом она велела принести десяток морских моллюсков, форель и плombsир с каштанами. И через некоторое время я наблюдал, как она «клевала» поочередно каждое блюдо, ничего не оставляя на тарелках.

— Рад, что вы не были голодны, — ехидно заметил я, когда нам подали кофе. — Поэтому мне так и не пришлось продавать свою машину.

Она медленно улыбнулась и глубоко вздохнула. Я наблюдал, как натянулся тонкий шелк на ее высокой груди.

Потом она выдохнула воздух, и шелк затрепетал, радуясь облегчению.

— Вы абсолютно правы! — сказал я спокойно. — Может, возьмете еще что-нибудь на десерт?

— А как в отношении того, чтобы объяснить, почему это я должна ограничиваться тремя малюсенькими рюмочками мартини по причине, что я якобы могу вам понадобиться вечером? — твердо спросила она.

— Вновь на сцену выступает прямая связь, — произнес я задумчиво. — Тогда в трейлере находились Тони, Мэсси и я. Но Тайлер знал решительно все, что было сказано буквально через час-другой. В офисе Вохана мы были вдвоем, не считая его помощника Ламсдена, но Тайлер знал обо всем также через час.

— Итак? — Лайза приподняла брови, вежливо предлагая мне продолжать.

— Вохан разговаривал с Мэсси утром, ему было известно все, что случилось в доме у Тони прошлым вечером, с мельчайшими подробностями.

— Значит, у Тайлера действительно имеется прямая связь?

— Конечно, — подтвердил я. — Тони сообщила Ларри Голду о том, что было сказано в трейлере, он передал все это Вохану, а тот — Тайлеру Моргану. Но то, что произошло вчера вечером в доме Тони, он не мог знать, потому что его там не было.

Несколько минут она хмуро смотрела на меня.

— В таком случае остается предположить, что ему должен был рассказать кто-то, находившийся там в это время.

— Вы гений! — воскликнул я с восхищением. — Даже не представляете, как бы мне хотелось точно знать, что не только Тайлер имеет прямую связь с офисом Вохана. Нет ли такой же связи у Вохана в офисе Тайлера?

— В офисе Тайлера? — Она в недоумении долго смотрела на меня. — Но Тайлер ни за что не стал бы помогать Вохану! Понимаете, после того как...

— Да, по словам Тайлера, Вохан его обобрал. — Я подмигнул Лайзе: — У меня предчувствие, что вы вовсе не фантазировали, когда уверяли меня, что у Тайлера имеется эта секретная связь. Думаю, что она всегда была у него и существует сейчас. Скорее всего, они до сих пор являются партнерами.

— Вы сошли с ума! — Она решительно затрясла голо-

вой.— Это невозможно, Рик! Что бы ценного мог получить Вохан от агентства «Новые таланты»?

— Таланты.

— Что?

— Вы же сами говорили, что не знаете, какова дальнейшая судьба новоиспеченного таланта, после того как он или она «запущены в космос».

Лайза смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— Потому что вы находитесь в начале конвейера, где загружается сырой материал. Возможно, Тайлер передает конечный продукт компании Дэвиса Вохана.

— Тайлер Морган и Дэвис Вохан все еще партнеры? — чуть слышно произнесла Лайза.— Что за чудовищное предположение?.. Но как узнать об этом?

— Я боялся, что вы не зададите этого вопроса! — с благодарностью воскликнул я.— У вас есть какие-нибудь ключи, с помощью которых мы сможем попасть в агентство?

— Конечно!

— В таком случае давайте совершим небольшую кражу со взломом и посмотрим, что нам удастся отыскать.

Глава 8

Офис Моргана был в образцовом порядке, как и положено посту главнокомандующего, но через час можно было подумать, что он оказался в центре урагана. Письменный стол и пол были завалены бумагами и папками с делами. Стальные ящики, опустошенные до последнего листочка, торчали, уподобляясь оголенным ветвям осенних деревьев. И все же мы не обнаружили ничего ценного.

Лайза остановилась на мгновение, опершись о крышку стола, и отбросила светлую прядь волос со лба.

— В ресторане это показалось мне воистину блестящей идеей!

— А теперь уже не кажется? — усмехнулся я и со злостью задвинул пустой ящик.— Только сейчас я сообразил: мы не найдем тут абсолютно ничего, что доказывало бы существование связи между Тайлером и Воханом!

— Мне не нравятся подобные шутки! — холодно произнесла Лайза.— Я утратила присущее мне чувство юмора полчаса назад, когда вот этот проклятый ящик упал мне на ногу!

Я не обратил внимания на ее замечание.

— Послушайте, Холман, вашей жизни грозит нешуточная опасность!

Я поискал пачку сигарет и нашел ее под грудой бумаг на столе.

— Обязанности Тайлера с точки зрения партнерства заключаются в том, чтобы выявлять особо талантливых людей — певцов, танцоров и так далее — и напрямую переправлять их Вохану, верно?

— Это вы считаете.

Я не мог сказать с уверенностью, что в ее голосе прозвучала насмешка, но также отсутствовала уверенность, что ее не было.

— Очевидно, они составляют лишь небольшой процент от всех тех, с кем имеет дело агентство. К Вохану посылают самые сливки. И тут наши боссы начинают делить огромные деньги, поскольку для «сливок» создаются особые условия. Принято вести подсчеты прибыли в том месте, где деньги зарабатывают, верно?

— Получается, погром нам надо было учинять в другом месте, Рик? — Лайза иронически засмеялась. — Ну что же, посмотрим на практическую сторону дела!.. В конце концов, мы допустили всего лишь одну небольшую ошибку: мы забрались не в тот офис, не так ли?

— Стоит ли нервничать из-за пустяка? — усмехнулся я.

Она сложила руки на своей гордой груди и по-хозяйски осмотрела помещение, состояние которого лучше всего характеризовало слово «хаос».

— Я уже не в силах ждать утра, чтобы увидеть выражение лица Тайлера, когда он войдет сюда! — Закрыв глаза, она вздрогнула, очевидно представив реакцию своего шефа. — Отчетливо слышу голос сторожа: «Вчера вечером, мистер Морган? Нет, ничего необычного не произошло. Где-то около девяти часов пришла мисс Простетт и ее знакомый господин, но они пробыли здесь не более часа, как мне кажется». — Лайза посмотрела на меня с застывшей улыбкой на лице. — Я бы немедленно улетела куда-нибудь за тридевять земель. Только у меня нет денег на билет!

— Мы можем все это поджечь, когда будем уходить, — задумчиво предложил я. — Если повезет, здание к утру сгорит до основания.

Лайза даже не улыбнулась.

— Вы прекрасно знаете, что мы должны сделать, Рик Холман, не так ли? — спросила она угрожающим тоном.

— Ну нет! — запротестовал я. — Ни в коем случае!

— Да. Мы все должны разложить по местам.

— На это уйдет целая неделя, — пробормотал я, — даже если бы я знал, где что должно лежать.

— Нам бы сюда горничную, — вздохнула Лайза, — быструю и ловкую особу, которая навела бы здесь порядок минут за пятнадцать, потом сварила бы кофе. Кого-нибудь вроде Хельги?..

— Что вы сказали?

— Сказала, что нам нужна здесь горничная, такая же расторопная и умелая, как Хельга! — фыркнула она. — Вы что, туговаты на ухо, Холман?

— Хельга служила вашей матери много лет, не так ли? — спросил я. — До того как она перешла к Тони?

— Да. У нас она появилась впервые, когда мне было пятнадцать лет... Даже страшно подумать, как давно...

Она опустила на колени и принялась собирать разбросанные бумаги. Получалось это у нее довольно ловко. Я наблюдал несколько минут, потом утратил интерес. Одни рождены для того, чтобы быть трудягами, другие — мыслителями, подумал я, и не моя вина, что мы относимся к разным категориям!

Возможно, я услышал предостерегающий свистящий звук совсем рядом с собой и автоматически отскочил в сторону. У меня это была выработанная годами привычка быть готовым к любой опасности.

На этот раз опасность имела форму тяжелого пресс-папье, летевшего туда, где находилась моя голова, если бы не мой прыжок!

Импровизированный снаряд угодил в стену и с грохотом рухнул на пол.

— В следующий раз, когда вы будете стоять с дурацким выражением на лице, вместо того чтобы собирать бумаги, я не промахнусь! — прошипела она. — Я разmozжу вам голову, так и знайте, Рик Холман!

Лайза с трудом поднялась с колен, держа в обеих руках порядочную кипу бумаг, и осторожно направилась к письменному столу. Кипа качалась на каждом шагу, и я с интересом наблюдал, ожидая, чем все это кончится.

Наконец во мне заговорила совесть, и я спросил:

— Вам помочь?

— Давно пора! — простонала она. — Постарайтесь забрать верхнюю половину, только осторожно. Просуньте руки под...

— Вот так? — Я двинулся навстречу, вытянув вперед обе руки ладонями вверх.

Кончики моих пальцев коснулись бумажной кипы по середине и легко проникли в нее. Лайза ожидала, чтобы я приподнял верхнюю часть бумажной горы.

К несчастью, ладони прошли сквозь всю пачку и уперлись в великолепную надстройку Лайзы. Она издала забавный жалобный крик и вскинула руки наверх.

И я увидел то, что приводило меня в восторг в детстве на рождественских праздниках: сверху обрушилась лавина бумаг. Этот бумажный шторм быстро закончился, но я почувствовал, что следом разразится гроза иного рода. Лайза стала медленно приближаться ко мне, и в глазах у нее пылала такая ярость, что я невольно припомнил раскаленное добела железо.

— В первую очередь, я выцарапаю вам глаза! — Она буквально выплюнула эти слова мне в лицо. — Потом выпотрошу вас, засуну в живот раскаленные угли и буду наблюдать, как они прожгут ваш позвоночник, если он у вас имеется, в чем я сильно сомневаюсь. Затем...

— У меня есть предложение! — торопливо объявил я. Она неприятно улыбнулась:

— Я уже осуществляю одно из ваших гениальных предложений.

— Вам не требуется прибирать бумаги!

— Правильно. Мне — нет, а вот вы соберете все до единой бумажки и наведете здесь полный порядок!

— И мне ничего не надо делать, благодарение Богу! Единственное, что от вас требуется, это поднять телефонную трубку, позвонить в одно место, а потом отправиться домой.

— Я с самого начала подозревала: у вас не все в порядке с головой! — Она тут же поправилась: — Впрочем, нет. Природа лишила вас мозгов.

— Зато вас она одарила слишком длинным языком, но обделила терпением! — рассердился я. — Остыньте немного и выслушайте меня внимательно.

— И не подумаю! Я...

— Помолчите. У вашего телефонного разговора есть коротенький сценарий, и вам придется его хорошенько выучить, прежде чем хвататься за трубку. Нельзя допустить даже маленькой ошибки, Лайза, дорогая. Итак, повторяйте следом за мной...

Через пять минут она все усвоила, я решил, что испол-

нение прекрасное, и протянул ей трубку, вежливо кивнул головой.

Она взяла ее, с минуту смотрела на нее, явно не решаясь сделать то, на чем я настаивал, потом взглянула на меня.

— Я не могу, Рик! — сказала она чуть слышно. — Это же безумие! А если он позвонит в полицию и нас арестуют?

— Перестаньте беспокоиться и звоните! — рассердился я. — Позднее я все вам объясню.

— Ну хорошо. — Она беспомощно пожала плечами: — Раз вы настаиваете...

Она набрала номер, а когда начались гудки, я прижался своим ухом к трубке, чтобы тоже слышать разговор.

— Хельга? — Лайза слегка напряглась. — Это Лайза. Мистер Морган там?.. Хорошо. Мне необходимо с ним срочно поговорить.

Вскоре я услышал знакомый бодрый басок генерала.

— Морган! — бросил он.

— Это Лайза. В вашем кабинете сейчас что-то происходит. Что-то непонятное! — заговорила она, сильно нервничая.

— Что это за глупая шутка? — рявкнул он.

— Тайлер, я говорю серьезно! — Она взмолилась. — Я кое-что оставила у себя, поэтому пять минут назад вернулась. И заметила, что у вас горит свет. Подумала, что там, видимо, находитесь вы или уборщица, ну и...

— Ближе к делу!

— Сторож открыл мне дверь и сказал, что в офисе некий мистер Смит, который явился за важными бумагами для мистера Моргана. Я спросила, проверил ли он документы у этого человека, на что сторож сообщил, что в этом не было необходимости, поскольку мистер Смит знал многих людей из агентства, называя их по именам. Посетитель объяснил, что вы не можете сами приехать, потому что помогаете миссис Простетт ухаживать за дочерью.

— Что было дальше? — яростно завопил Тайлер. — Ближе к делу!

— Ну, сторож сказал мне, что мистер Смит никак не может отыскать нужных бумаг, потому что, когда он в последний раз поднимался наверх, в вашем кабинете был ужасающий беспорядок. Все ящики вытащены, бумаги разбросаны на полу...

— У меня на полу? — страдальческим голосом переспросил Морган. — Все ящики выдвинуты?

— Сторож сказал, что стола не видно, так он завален папками и бумагами...

Блаженная улыбка искривила губы Лайзы, когда она услышала громоподобный взрыв на другом конце провода. Она весело подмигнула мне, ожидая, когда сможет продолжить:

— Да, да, похоже, он разносит весь ваш кабинет!

— Кто он такой? — Тайлер задыхался от ярости. — Вы хоть взглянули на него, сумеете описать его внешность?

— Со слов сторожа я поняла, кто это, — возбужденно ответила Лайза. — Это Рик Холман!

— Холман? Этот... — Почему-то последовало молчание. Потом он сказал: — Отлично! — Генерал принял на себя командование. — Откуда вы звоните?

— Из аптеки на углу. Я не стала ничего говорить сторожу, а судя по звукам из вашего кабинета, я думаю, Холман там еще немного пробудет.

— Прекрасно! — **яростно** гаркнул Тайлер. — Этим я займусь сам, и вам **не** надо ни о чем беспокоиться. Отправляйтесь домой!

— Хорошо, Тайлер, — любезно ответила она.

— Эй, Лайза! — Он мгновение поколебался. — Вы молодчина!

Она осторожно положила трубку на рычаг, посмеиваясь про себя, потом посмотрела на меня.

— А теперь объясните мне, Холман, для чего я ему звонила?

— Прежде всего для того, чтобы уладить ситуацию с кабинетом, не заставляя меня раскладывать по местам тысячи этих дурацких бумажек... И если я прав в своих предположениях, то с этого момента начнется цепная реакция.

— Вы, очевидно, хотите, чтобы я открыла рот от изумления? — Она ошеломленно потрясла головой. — Неужели вы не можете мне сообщить ничего более конкретного?

— Нет! — Я вежливо улыбнулся. — Нет, ибо я не уверен, что звонок сработает, а мне не хочется оказаться в дураках. Так что огромное спасибо за помощь, Лайза, и спокойной ночи.

— Вы хотите отделаться от меня? — спросила она недовольно. — Почему?

— Если все получится, как я предполагаю, здесь может оказаться довольно жарко.

— Я, кажется, рискну остаться, — медленно произнесла она.

— У вас могут быть неприятности, и довольно серьезные,— возразил я.

— И все же я рискну!

— Вас могут даже ранить.

— Я все поняла.

— Что ж!..

Я расстегнул пиджак и вытащил свой тридцать восьмой, чтобы проверить его. Это был логичный поступок, а не попытка напугать Лайзу. Но я не был уверен, что не пожалел бы, если бы она оставила меня одного.

Лайза наблюдала за мной с вежливым интересом, пока я не засунул пистолет обратно за пояс.

— Вы собираетесь в кого-нибудь стрелять, Рик?

— Надеюсь, что нет.

— Если все же будете, предупредите, чтобы я могла заткнуть уши.

— Непременно.— Помолчав, я сказал: — Хочу у вас кое-что спросить... Вот вы подслушали вчера разговор между Наоми и Тайлером, не это ли заставило вас отправиться к Тони?

— Не знаю.— Забавно, она как бы защищалась.— Возможно!

— Вы с ней всегда так ссоритесь?

— Да нет, раньше подобных сцен не было. До тех пор, пока Тони не выросла и меня уже не могли обвинить, что я дерусь с ребенком в два раза меньше себя.

— Вы не можете не быть ее старшей сестрой, дорогая, как бы вы ни старались,— произнес я вкрадчиво.

— Пытаетесь мне что-то сказать, Рик?

— Лично я убежден, что Тони необходим кто-то вроде вас, единственный человек рядом с нею, который не смотрит на нее с точки зрения выгоды. Фактически она в вас очень нуждается.— Помолчав, я убежденно добавил: — А дальше может быть еще хуже!

— Рик! — Ее зеленовато-серые глаза тревожно смотрели на меня.— Так вы считаете, что, возможно, мне следовало бы...

Скрипнула дверь вдали, в коридоре слышались быстрые приближающиеся шаги.

— Кто это? — спросила она, и на ее лице появилась тревога.

— Прямая связь в обратном направлении! — весело ответил я.— Звонок мистера Моргана Дэвису Вохану.

Первым влетел в комнату Уолт Ламсен, пистолет в его руке как-то не гармонировал с представлением о его рес-

пектабельности, зато одежда являла венец портновского искусства.

Он улыбнулся, но его улыбка не доставила удовольствия. Затем он увидел Лайзу, его глаза одобрительно сощурились, ибо они осуществляли серьезную задачу: обследовали ее анатомию. Вернее, он ошупывал ее глазами, дюйм за дюймом. Лайза неожиданно покраснела и закусила нижнюю губу.

Следом в дверях появился Дэвис Вохан, уподобляясь ящерице, вынырнувшей погреться на солнышко.

С минуту он изучал меня своими холодными немигающими глазами, заметил присутствие Лайзы и мысленно отнес этот факт к разделу, требующему выяснения.

— Не знал, что незаконное проникновение в чужие кабинеты тоже принадлежит к числу ваших талантов, Холман! — сухо прошептал он. — Но после убийства, полагаю, вы ни перед чем не остановитесь?

— Вы же прекрасно знаете, как это бывает. — Я слегка пожал плечами. — Все постепенно развивается. От маленьких кафе и дансингов вы переросли в партнера, не участвующего активно в делах компании по производству пластинок, а затем и в агентство по поиску новых талантов.

— Он еще умничает? — заорал Ламсден со злобной усмешкой на лице. — Невольно проникаешься еще большим уважением к вам, шеф.

— Или к простаку, — досказал я, — которого ничего не стоит обвести вокруг пальца.

— Простака? — нахмурился Вохан.

— Простака для партнерства. — Я подмигнул ему: — Я говорю об истории, которую вы выложили сегодня утром Мэсси. Неужели вы и в самом деле всему этому верите?

— Поосторожнее, Холман! — закричал Ламсден.

— Разумеется, да, — сухо кивнул Вохан. Его неприятные глаза смотрели на меня без всякого выражения, и это, черт побери, нервировало гораздо сильнее, чем все истерические вопли Ламсдена. — Я совершенно ясно изложил Мэсси сегодня утром, что, поскольку вы убили Ларри, у меня нет выбора: я должен так же поступить с вами. Вопрос принципа.

— Неужели вам не пришло в голову, что они обманули вас самым наглым образом, приятель? — холодно произнес я. — Я не сталкивал вашего парня с террасы и могу это доказать!

— Сомневаюсь, чтобы у вас были шансы.

— Я проторчал достаточно долго в этом мавзолее в ожидании вашего приезда и можете быть уверены: не располагая доказательствами, я не стал бы вас вызывать!

— При чем тут вы? — фыркнул он. — Кто-то случайно узнал, что вы находитесь здесь, и позвонил Моргану, а тот сообщил мне.

— Этот любезный «кто-то», позвонивший Моргану, Лайза Простетт, — усмехнулся я и показал на Лайзу.

— Эй? — Ламсден бросил быстрый взгляд на хозяйна. — Ведь это вранье?

— Истинная правда, Уолт! — прошептал Вохан. — Тут несомненно есть план, Уолт!

Ламсден отскочил от Вохана и оказался рядом с Лайзой. Дуло его пистолета было прижато к ее боку.

— Эй, Холман! — яростно заорал он. — Только попробуйте что-нибудь выкинуть, и ваша красotka получит первую!

Нелепый прыжок, предпринятый им, ничем не нарушил спокойную обстановку в комнате, и когда прошло несколько минут, а ничего не случилось, даже Ламсден почувствовал, что выглядит глупо.

Я вежливо посмотрел на Вохана.

— Что он предпримет в следующий раз? Танец с саблями?

— Послушайте, Холман, — взорвался Ламсден, — еще одна шуточка и...

— Заткнись, Уолт! — устало прошептал Вохан. — И уберите пистолет от ребер девушки. Вы опасаетесь, что она занимается борьбой дзюдо?

Тот отдернул оружие, а его физиономия потемнела от гнева, но он медленно отошел от Лайзы.

— Я слушаю вас, Холман.

— Они обвели вас вокруг пальца, Вохан, — холодно повторил я. — Ларри Голд был вашим ребенком и, если бы он женился на Тони Эстер, то со временем и она стала бы вашей. Когда же Голд свалился с этой балюстрады, для них открылись новые перспективы. Теперь вы не могли прибрать к рукам мисс Эстер, вложить в нее собственный капитал. Но и у них тоже ничего не получилось. И тогда они решили пойти на компромисс: продать вам выдуманную историю о том, как Айван Мэсси нанял меня убить Ларри, соответственно, привести в ярость, а потом осторожно «подсказать» вам ультиматум, который вы и соизволили очень четко сформулировать Мэсси сегодня утром.

Либо вы получаете от него двадцать пять процентов от Тони, либо она отправляется туда же, куда и Голд.

Я услышал, как Лайза глубоко втянула воздух, но даже не взглянул на нее, сосредоточив все внимание на Вохане.

— Сколько они потребовали в обмен на приобретенную ими историю о моем убийстве Голда, приятель? — вкрадчиво осведомился я. — Процентов двадцать? В таком случае вам остается всего пять? Не густо. — Я внимательно следил за его лицом. — Но, возможно, они щедрые люди и попросили всего пятнадцать?

Неожиданный огонек, мелькнувший в его немигающих глазах, подсказал, что это ближе к истине.

— Таким образом, вам достается меньший процент, хотя вы выполняете всю работу и в известной степени рискуете. Ведь именно вам необходимо было начать давить на Мэсси и продолжать давить в дальнейшем, чтобы он не отказывался платить. Далее, вы любезно убираете меня с их шеи. Но сами-то они заработали свой большой процент, убив ваше крупное капиталовложение — Ларри Голда. Это первое. А второе — они запутали и одурачили вас до такой степени, что вы им поверили насчет того, как я отправил Ларри на тот свет. Ловкачи, верно?

— Вы можете все это доказать? — прошептал Вохан.

— Но не здесь.

— Там, в доме?

— Дом Тони — единственное место. Там все произошло, — сказал я.

— Мы отвезем вас туда немедленно! — Вохан наморщил не только лоб, но и лысую голову. — И девушку тоже. А если вы мне солгали, Холман, если вы пытаетесь сделать из меня доверчивого простачка... — Он помолчал, затем его губы сжались в гротесковое подобие улыбки: — ...тогда вы уйдете тем же путем, что и Ларри. Вниз, за балюстраду!

Глава 9

Я испытывал какое-то странное чувство, находясь в гостиной Тони Эстер, до этого я дважды прямоком проходил в спальню хозяйки...

Прошло не более пяти минут, после того как Хельга открыла нам дверь. Еще меньше с того момента, когда Наоми Простетт и Тайлер Морган присоединились к нам.

Бурная ярость Тайлера, увидевшего меня, была момен-

тально утихомирена Воханом, и теперь Морган стоял тихо, хотя лицо его налилось багровым цветом.

Наоми снова была одета в тот же ансамбль из юбки и блузки, который очень шел ей. Сейчас ее лицо ничем не отличалось от обычного. Возможно, оно вообще никогда не менялось, являясь своеобразной маской на все случаи жизни? Ее безжалостные амбиции были тем рычагом, вернее, движущей силой, которая тщательно отшлифовала черты ее лица и контуры фигуры.

Если не считать ответа на прямой вопрос Лайзы, как здоровье Тони: «Боюсь, она не скоро поправится, в настоящее время она спит под действием снотворного», она полностью игнорировала собственную дочь, и я подумал, что самым ужасным была бессознательность ее действий.

— Ну? — неожиданно спросила она, и хрипловатые нотки в ее голосе были совершенно такими же, как у Лайзы. — Драматическое вступление состоялось, Дэвис. Давайте посмотрим всю драму.

— Я ждал, когда все соберутся, — прошептал Вохан. — Все предельно просто. Холман заявляет, что не убивал Ларри, но знает, кто это сделал, и может это доказать. Вот почему мы здесь.

— Он блефует, Дэвис! — яростно запротестовал отставной генерал. — Он намеревается спасти собственную шкуру, вот и все!

— Разумеется, Тайлер, — Вохан коротко кивнул. — А теперь помолчи! — Он безразлично посмотрел на меня. — Слово предоставляется вам, Холман. Займите столько времени, сколько потребуется, чтобы убедить меня в вашей правде. Если же не сумеете этого сделать... — Он равнодушно пожал плечами.

— Вернувшись сюда, в дом, после звонка Тони, — начал я свой монолог, — я спустился к бассейну, чтобы удостовериться, что Ларри мертв. Он, разумеется, был покойником, но я заметил его правую руку, сжатую в кулак, и вторую — расслабленную. Я отогнул пальцы и увидел в его ладони маленькую блестящую черную пуговицу и оставил ее там, чтобы полиция нашла пуговицу, когда прибудет на место происшествия... Однако копы ее не нашли, потому что кто-то тоже спускался к телу Голда после моего отъезда, но до появления полиции, и забрал эту пуговицу.

Тайлер Морган закашлялся от возмущения:

— У вас нет доказательств этой фантастической истории, Холман?

— Вы правы, — согласился я.

— В руке несчастного молодого человека имелась пуговица, говорите вы, но она исчезла до того, как прибыла полиция? — насторожился Вохан.

— Я проверил одежду Голда, пуговица ни к чему не подходила, — продолжал я. — Она была слишком маленькой для мужского пиджака, но, возможно, великовата для женского. Лайза! — Я усмехнулся серьезности ее взгляда. — Будьте добры, попросите Хельгу зайти сюда.

Она заколебалась в нерешительности, но послушалась и вышла.

Я закурил сигарету, чтобы заполнить неожиданную паузу, и тут Лайза вернулась с горничной. Я вежливо улыбнулся Хельге, прежде чем посмотреть на остальных.

— В последний раз я видел Хельгу ночью, и на ней был пеньюар, — сказал я. — По этой причине я совершенно позабыл, что Хельга — горничная, а горничные носят форменную одежду... — Я дотронулся до маленькой блестящей черной пуговицы, пришитой на ее манжете: пуговица заблестела. — А платье у горничной может быть черным. И на нем нашито множество черных блестящих пуговиц.

Скромная горничная посмотрела на меня: в ее широко раскрытых глазах читался ужас, лицо приобрело землестый оттенок.

— Рик! — внезапно закричала Лайза. — Не предполагаете же вы, что Хельга?..

Она не закончила фразу.

— Вы не возражаете, если я задам вам несколько вопросов, Хельга? — спросил я.

— Нет... — голос у нее задрожал.

— Ведь вы были горничной мисс Простетт, прежде чем перебрались сюда, к мисс Эстер?

— Да.

— Как долго вы служили у мисс Простетт?

— Около двенадцати лет.

— А сколько служите у мисс Эстер?

— Немногим более года.

— Вы сами захотели уйти от мисс Простетт и перейти сюда?

— Нет. — Она затрясла головой. — Когда у них произошла ужасная ссора, Тони умчалась и купила этот дом, даже не взглянув на него! — Хельга поджала губы и неодобрительно покачала головой, глубоко возмущенная необдуманном поступком Тони. — Вот тогда мисс Простетт сказала мне, что кто-то должен присматривать за маленькой Тони, потому что она все еще ребенок, и уговорила

меня переехать вместе с ней. Сама она этого не могла сделать.

— Вы убили Ларри Голда?

— Господи! — Она смахнула слезы с глаз. — Нет! Клянусь перед Богом, что говорю правду!

— Рик! — Голос Лайзы прозвучал на весь дом. — Вы не думаете, что этого достаточно?

— Сейчас у меня больше нет к вам вопросов, Хельга, — сказал я, — но хотелось бы, чтобы вы остались с нами еще на некоторое время.

— Да, сэр!

— А теперь попрошу всех подняться наверх, — сказал я.

— Но Тони спит! — запротестовала Наоми.

— Не зашел ли этот фарс слишком далеко? — рявкнул Морган. — Он уже грубо напал на бедную Хельгу...

— Наверх, — прошептал Вохан, ожидая, когда Морган сделает первый шаг. В его немигающих глазах ничего не отражалось. Тайлер попытался было выразить протест, но отвернулся от Вохана и возглавил процессию.

У меня появилось ощущение, что я являюсь гидом, знакомящим это пестрое сборище туристов с прекрасным жилищем сказочной звезды Тони Эстер, когда они все сгрудились вокруг меня на верхней лестничной площадке.

— Тони была с Ларри Голдом в спальне, когда я пришел, — снова заговорил я. — Какое-то время мы находились в комнате втроем. Потом поднялась Хельга и сообщила о приезде Лайзы. Тони надулась, а Ларри заявил, что уйдет, иначе они с Лайзой поссорятся. И вышел из спальни. А Тони велела Хельге пригласить Лайзу... Хельга, — обратился я к горничной, — куда, вы считаете, направился Ларри, когда вышел из комнаты мисс Эстер?

— К лестнице и вышел из дома... — Она заморгала короткими ресницами.

Я кивнул.

— Лайза, где вы ожидали возвращения Хельги?

— На крыльце. Кстати, дверь была открыта.

— Видели вы в тот вечер Ларри Голда?

— Нет.

— Потому что он вышел из спальни Тони, прошел по коридору, заскочил в одну из комнат для гостей и спрятался там. Лайза уехала вместе со мной приблизительно в половине десятого. Как мы предполагали, наверху оставалась одна Тони. Хельга же считала, что наверху находилась одна Тони. Это так, Хельга?

— Да, сэр! — Она энергично кивнула. — Я думала, что мистер Голд в тот вечер ушел первым.

Я долго смотрел в бесстрастное лицо Вохана.

— У Айвана Мэсси великолепная память, когда речь идет о неприятных для него вещах, вроде интервью с вами сегодня утром. Поэтому предполагаю, что и сам выслушал от него историю об убийстве Ларри точно такой, как вы сообщили ее ему.

Вохан едва заметно пожал плечами:

— Так что?

— В этой истории пара эпизодов были неверными, — медленно продолжал я. — Во-первых, вы утверждаете, что решительно все, случившееся той ночью, было предумышленным, запланированным, подстроенным. Не допускаете возможности неожиданного импульса или просто ошибки... Между тем Голд решил спрятаться в комнате для гостей до того момента, когда мы уедем, подчиняясь именно неожиданному импульсу. Хельга все еще стояла в проеме двери спальни Тони, когда он ушел. Естественно, она и посчитала, что он уехал домой.

Находившаяся на крыльце Лайза не могла предвидеть, что Ларри должен был пройти мимо нее, выходя из дома, поэтому и у нее не было оснований заявлять о том, что он не проходил. Но второе, на мой взгляд, является куда более серьезной ошибкой! — Я невольно повысил голос. — История оказалась слишком хорошей...

— Как вас понять, Холман? — спросил Ламсен.

— Она слишком детализирована, слишком умно склеены вместе действительные события, люди и время с выдумкой, — холодно объяснил я. — Такую историю мог сочинить фактически лишь человек, который находился в доме с того момента, как Ларри Голд туда приехал, и вплоть до его смерти!

— Смешно и нелепо! — рявкнул Морган. — Мы знаем, что их всего двое: сама Тони и Хельга!

— Вы желаете нас уверить, что Тони убила парня? — Наоми недоверчиво посмотрела на меня.

— Нет, — сказал я, — не Тони.

— В таком случае остается только Хельга? — напряженно спросила Лайза, и я заметил, какая ненависть засветилась в ее глазах.

— Это не я! — в ужасе воскликнула горничная. — Я уже говорила...

— И не Хельга, — подтвердил я.

— Но ведь в доме находилось всего лишь двое. Отку-

да же взялся убийца, Холман? — твердо заявил Вохан, и я почувствовал, что он начал терять терпение. Значит, следовало спешить.

— Трое! — сказал я.

— Да он маньяк! — с отвращением бросил Морган. — Только что было двое, а теперь он уверяет, что в доме было трое. Кто этот третий? Злой дух?

— Посетитель.

— Кто? — еле слышно переспросил Вохан.

— Тот, кто не мог явиться открыто, потому что ему просто не открыли бы входную дверь. Но у этого третьего был надежный друг в доме, который незаметно провел его к себе.

— И вы уверяете, что именно этот посетитель убил Ларри? — спросил Ламсден.

— Трагедия случайностей, — ответил я. — Никто ничего не запланировал. Ларри не видел посетителя, а тот не знал, что Ларри остался в доме. Какое-то время и Тони не знала, что в доме помимо нее и Хельги еще двое.

— А у посетителя есть имя, Холман? — прошептал Вохан.

— Не хотите спросить об этом Хельгу?

— Нет! — Она залилась слезами, спрятав лицо в ладонях. — Я не могу, не могу! Не спрашивайте! Пожалуйста! Я, я не могу!

— Это похоже на историю с заводной куклой, — заговорил я, слегка повышая голос, чтобы заглушить пронзительные всхлипы Хельги. Мне хотелось дать ей возможность выплакаться, потому что от ее признания зависело, уйду ли я отсюда или окажусь на дне бассейна. — Припоминаете рассказы о заводных куклах? — Я поочередно посмотрел в их хмурые лица и понял, что в настоящий момент они не вспомнят даже, какой нынче день недели. — Кукле дается имя живого человека. Ее заводят ключом, и она делает то, что могут делать люди. Тони Эстер своеобразная заводная кукла. Всю жизнь ее заводили разные люди, и каждый ждал, чтобы она выполняла его команду. Наоми заводила ее, делая кинозвездой, и она стала ею! Мэсси заводил ее, и она стала «золотым дном» его студии, принося хорошие доходы! Голд заводил ее, собираясь жениться на ней, и она была на все готова!.. Возможно, из-за этих постоянных завинчиваний у нее развилась опасная привычка делать то, что ей вздумается, а не то, что ей говорят. Брак с Шелтоном был одним из этих самовольных поступков, но когда он лопнул, ей при-

шлось вернуться домой. Наоми снова попыталась завести ее на послушание, но из этого ничего не получилось. Вы слышали, Хельга рассказывала об ужасной ссоре между ними, закончившейся тем, что Тони ушла от матери и купила себе этот дом. Вот тогда Наоми и уговорила Хельгу переехать сюда вместе с Тони и присматривать за ней.

А теперь немного о самой Наоми,— спокойно продолжал я.— Она посвятила восемнадцать лет жизни единственной цели, которая стала для нее чем-то вроде идефикс: сделать звезду из трехлетней дочки. И ей удалось это сделать как нельзя лучше. Но когда звезде исполнился двадцать один год, она ополчилась на мать и потребовала, чтобы та ушла из ее жизни навсегда!

Что осталось в оплату за долгие годы? Несколько альбомов с вырезками из газет? Горько-сладкие воспоминания? Пара старых контрактов, которые приносили немного денег, но уже подходили к концу.

Наоми еще могла бы рассчитывать на примирение с Тони, пока на сцене не появился Ларри Голд. Возможно, это произошло не без участия Дэвиса Вохана.

Она прекрасно понимала: если Тони выйдет замуж за Ларри, то через короткое время Вохан станет владельцем второй марионетки. Нет, такой марионеткой Тони Эстер не могла быть! Надо было помешать этому браку!

Наоми переговорила с Мэсси, тот согласился, но ему не удалось поколебать решение Тони. Тогда Мэсси поручил мне покопаться в прошлом парня, надеясь, что я обнаружу достаточно грязи, после чего Тони отвернется от него!

Затем Вохан позвонил своему тайному партнеру,— я кивнул в сторону Моргана,— и рассказал ему, как я предложил ему сделку в связи с этим заданием. Морган заявил Наоми, что я продался, и, возможно, тут была утрачена ее последняя надежда. Позднее в тот же день она решила навестить свою старую приятельницу и, я не сомневаюсь, преданную служанку, в доме, куда она не могла приходить без разрешения ее же собственной куклы-звезды.

Предполагаю, что где-то около десяти часов — Хельга уточнит время,— Наоми решила подняться в комнату куклы в надежде сломить возникший между ними барьер...

Пока я говорил, рыдания Хельги достигли обнадеживающего меня крещендо, и я мысленно скрестил пальцы, решив, что наступил самый подходящий момент оказать на нее последнее давление.

— Хельга? — спросил я дружески безразличным то-

ном.— А почему миссис Простетт взяла вашу форменную одежду? Чтобы притвориться вами или же...

— Она хотела пошутить...— Хельга возвела глаза к потолку, будто в экстазе.— Если она переоденется в мою одежду, решила Наоми, Тони может показаться это забавным. Она надеялась заставить Тони рассмеяться — тогда лед растает и они смогут по-дружески поговорить!

Никто не вмешался, подумал я, радуясь удаче. Все прошло аккуратно и четко! Все повернулись к Наоми и уставились на нее. В комнате стало необычно тихо. Она слегка приподняла голову, ее широкий рот пренебрежительно изогнулся.

— Я поднялась сюда,— заговорила она тусклым голосом,— потом я услышала голоса на террасе. Мне стало любопытно. Поэтому я зашла в комнату для гостей. Должно быть, это была та же комната, в которой до меня прятался Голд, потому что дверь на террасу была открыта. Я осторожно выглянула наружу.— Ее холодные голубые глаза были и пустыми, и одновременно несчастными, словно полярная вьюга промчалась в ее мозгу, разрушив все внутри.— На террасе был он!— вкрадчиво произнесла она.— Ничтожная, невоспитанная обезьяна, душой и телом принадлежащая омерзительному стервятнику Дэвису Вохану! — Она откинула голову и пренебрежительно рассмеялась.— Взрослый панк, любитель пустить пыль в глаза, покрасоваться! Он скакал по всей террасе, как мальчишка! Он так надоел Тони, что она ушла в свою комнату. Это задело его самолюбие, а кривляние превратилось уже в чистое безумие. Скорее всего, он был ненормальным... Но он продолжал звать Тони полюбоваться, как он балансирует на балюстраде: он приподнял одну ногу, стоя на второй. Но этого ему показалось недостаточно: он стал приседать, размахивая руками, словно мельница.— Хрипловатый голос Наоми превратился в шепот.— А я наблюдала за ними! Но неожиданно поняла: вот он — перст судьбы! Его нога была согнута, он смотрел вниз, сохраняя равновесие. Я неожиданно для него выскочила на террасу. Он поднял голову лишь в самый последний момент, когда я была рядом. Глаза у него чуть не выскочили из орбит, когда он сообразил, на ком была надета форма горничной. Он вцепился в мою руку, но я отдернула ее. Тут он и оторвал пуговицу. После этого я обеими руками толкнула его!.. Я не стала ждать, когда он ударится о бетон. Хотя мне очень хотелось посмотреть вниз. Зато я услышала его вопль, который вызвал Тони на террасу. Я слышала, как

она выкрикивает его имя, уже когда спускалась по лестнице! — Наоми закрыла глаза, будто рассказ на какое-то мгновение утешил ее. Она оперлась спиной о стену и отвернулась от всех нас.

— Вы были на сто процентов правы, Холман! — прошептал Вохан. — Поздравляю. Наши взаимоотношения полностью отрегулированы. — Он бросил короткий взгляд на Наоми, потом посмотрел на Ламсдена. — Ларри для меня огромная потеря...

— Вы правы! — угодливо подтвердил Ламсден.

— Полагаю, нужно принять решение по этому поводу, Уолт! — негромко сказал лысый человечек, более чем когда-либо походивший в этот момент на аллигатора, разгуливающего на задних ногах. — Надо уравнивать счет.

Ламсден кивнул, его рука потянулась к пиджаку за пистолетом, но Морган тут же перехватил его запястье.

— Нет! — закричал он с искаженным от ужаса лицом. — Вы не можете это сделать, Уолт!

— Я сделаю все, что мне прикажет мистер Вохан! — огрызнулся тот. — Отпустите мою руку!

Неожиданный крик заставил обоих мужчин замолчать. Все головы повернулись на этот крик.

Наоми, зажав рот рукой, отодвинулась вдоль стены в угол, глаза у нее расширились от страха, прикованные к неподвижной фигуре, стоящей в коридоре.

Тони Эстер выглядела тоненькой и хрупкой статуей в пеньюаре из прозрачного шелка. Блестящие черные волосы волнами спадали на плечи. Большие карие глаза казались огромными на фоне побелевшего лица.

— Я слышала все, — сказала она совершенно детским голоском. — Ты убила Ларри!

— Нет, нет! — прошептала Наоми. — Боже великий, только не это...

Она отвернулась к стене, словно в поисках места, где можно было бы спрятаться.

— Я совершенно не помню свою родную маму, — продолжала Тони, как бы рассуждая сама с собой, — и я всегда тебя считала своей матерью и любила так сильно, что старалась выполнять все, чего ты от меня хотела. Разве ты этого не понимала? — Тони не говорила, а жаловалась, обращаясь к женщине, отвернувшейся от нее к стене. — Я любила тебя и хотела, чтобы ты была счастлива!

— Оставь меня в покое! — прошептала Наоми. — Я хочу умереть.

— После того, как ты убила Ларри, — заговорила еще

тише Тони, — ты ведь слышала, как я звала его на террасе! Ты слышала его жуткий вопль и должна знать, что я подбегу к балюстраде и посмотрю вниз. — Она на мгновение закрыла глаза. — Посмотрю вниз, чтобы увидеть, как он упал на бетон. Ты могла бы избавить меня от этого кошмара, но ты была слишком озабочена, спасая свою собственную шкуру! Мать! Если бы ты вернулась на террасу, обняла меня и утешила, разве я тебя когда-нибудь выдала бы?.. Рик был совершенно прав, называя меня заводной куклой. Я кукла, которую ты заводила, — вкрадчиво продолжала Тони, — и в конце концов сломала пружину! — Она посмотрела на всех с выражением необъяснимого достоинства на лице и холодно закончила: — Что бы ни случилось с этой женщиной, я не хочу больше ее видеть. Никогда!

И она снова ушла к себе, захлопнув за собой дверь.

— Рик? — Голос Лайзы показался мне неуверенным. — Как вы считаете, должна ли я... ну, может быть...

— Разумеется, идите к ней! — сказал я чуть слышно. — И позвоните лейтенанту Карлину из отдела насильственных смертей. Скажите ему, что здесь творится черт знает что и не хватает только его одного!

Лайза поспешила к Тони. Я какое-то мгновение наблюдал за ней, затем повернулся к остальным.

Наоми по-прежнему стояла, прижавшись к стене, что-то бессвязно бормоча про себя. Хельга возвратилась к своим деликатным слезинкам, легко удаляя их маленьким платочком. Ламсен спускался по ступенькам, таща за собой неистово сопротивляющегося Тайлера Моргана. Оба осыпали друг друга ругательствами и грозили смертными карами, но, очевидно, ни один не хотел наносить удар первым.

Маленький урод с лысой головой, самое подходящее место для которого — клетка в зоопарке, наблюдал за этой парой с постепенно усиливающейся яростью в глазах. На его бледном нездоровом лице появилась багровая краска, а в глазах тусклое бронзовое свечение.

Неожиданно он выхватил пистолет и неторопливо навел его на спускающихся по лестнице.

Я решил, что пришло время подать голос мне. Прыгнув вперед, я вцепился в его запястье и так резко повернул, что он завопил и уронил пистолет. После этого я сделал захват двумя руками и перевернул его через голову.

Ламсен преодолел еще три ступеньки, таща за собой упирающегося Моргана.

Я слегка ослабил захват, чтобы немножко «раскачать» Вохана, что ему явно не нравилось, судя по дикому верещанию. Затем набрал в легкие побольше воздуха, приподнял его над собой и, вложив все силы, швырнул вниз.

Тщедушное тело торпедой понеслось вдоль лестницы. Колени Вохана сильно ударили Моргана в спину, и сбитый с ног генерал тоже устремился вниз, минуя Ламсдена.

Зрелище было озвучено пронзительным воплем Моргана, приземлившегося головой на блестящий пол холла.

Мое внимание раздвоилось, ведь какое-то мгновение я наблюдал за поверженным Морганом. Между тем столкновением коленей Вохана со спиной Моргана дело не закончилось. Когда его ноги зацепились, тормозя полет, корпус неожиданно взметнулся кверху по спирали. И в верхней точке этой спирали голова Вохана столкнулась с головой Ламсдена.

Вот когда я понял подлинное значение выражения: «удар судьбы».

Секундой позднее они оба покатались по винтовой лестнице. Этот необычный спуск закончился у подножия лестницы, где они замерли неподвижной кучей.

Хельга на секунду оторвалась от сложной задачи — поймать в уголках глаз каждую слезинку до того, как они скатятся по щекам, и громко чихнула.

— Что это был за шум? — с любопытством спросила она.

— Да так, пустяки! — скромно ответил я. — Навел порядок.

Глава 10

Айван Мэсси поднял лохматую голову, улыбнулся мне и произнес с чувством:

— Вы сделали великое дело, Рик! Великое, по-другому не скажешь! Вы не только убрали с моей дороги Вохана, вы также убрали... — Он взъерошил гриву седых волос и улыбнулся уже более настороженно: — Я хотел сказать, вы разоблачили убийцу Ларри Голда!

— Но правильней выразились в первый раз, Айван, — вкрадчиво произнес я. — Я убрал с вашей шеи и Наоми Простетт! Хотя, должен сознаться, я вовсе об этом не думал.

— Вы не знаете, что с ней будет?

— Непреднамеренное убийство защита сможет дока-

зять без особого труда. Лично я считаю, что семь лет ей все-таки дадут.

— Тони поправляется просто на глазах,— с довольным видом сообщил он мне.— Кузина действует на нее как наркотик. Они собираются уехать на пару недель в отпуск, куда-то в горы. Это принесет им обоим огромную пользу!

— Прекратите! — прикрикнул я.

— Что? — Он удивился.

— То, что вы избавились от Вохана, не основание предполагать, будто семь лет тюрьмы — приятная прогулка для Наоми Простетт! — с неприязнью сказал я.

— Да, конечно.

— Вы мне больше нравитесь, когда бросаете кубики сырого мяса в этот аквариум. Любопытно наблюдать, как в ваших глазах украдкой появляется выражение ни с чем не сравнимого удовольствия, когда пиранья разрывает его на части.

— Вы больной? — бросил он.

Но на этот раз из верхнего ящика его письменного стола появился чек. Мэсси наклонился вперед и торжественно положил его передо мной. Пожалуй, это был самый необычный чек, который я видел в жизни. Выписанный на мое имя, подписанный по всем правилам, он имел прелестное пустое местечко, куда следовало поставить сумму.

— Я хочу, чтобы вы сами написали сумму, Рик,— сказал он ворчливо.— Вот ручка!

Я взял ручку, несколько минут наблюдал за рыбами в аквариуме, затем написал пятерку и быстро добавил к ней три нуля.

Продолжая держать в руке приподнятую ручку, как будто намереваясь добавить четвертый нулик, я взглянул на Мэсси.

— Я знал, что вам захочется кое о чем меня спросить,— заговорил он словоохотливо, сделал над собой явное усилие и отвел глаза от ручки в моей руке.— Спрашивайте же, Рик?..

Ему, возможно, казалось, что голос у него звучит дружелюбно, но, по мне, он больше походил на рычание раненого льва.

— Вы рассказали мне о сделке, предложенной вам Воханом, про контракт и все прочее, а под конец, когда я уже собрался уйти, заявили, что, по вашему мнению, одна вещь ускорит события. Припоминаете?

— Я так сказал? — Его глаза упрямо возвращались

к проклятой ручке, которой я в этот момент рисовал маленькие нулики в воздухе, почти над самым чеком.

— Сказали, конечно! — заверил я его. — Сказали, что, охотясь за Воханом, я должен не забывать, что он тоже охотится за мной.

— Неужели? — пробормотал он.

— Сказали, сказали, не сомневайтесь! Меня вот что интересует: вы случайно не сказали этого же самому Вохану, когда утром он выходил из вашего офиса?

— Эй, Рик! — Он неестественно рассмеялся. — Кого это сейчас может интересовать?

Я нарисовал в воздухе еще один маленький нулик и холодно посмотрел на него.

— Меня!

— Да?

Он еще раз взглянул на ручку, выпрямился в кресле и честно посмотрел мне в глаза:

— Можете не сомневаться, я сказал то же самое и Вохану!

— А я в этом и не сомневался, — ответил я весело.

Швырнув ручку на стол, я аккуратно перегнул пополам чек и спрятал его в бумажник.

— Работать на вас было довольно интересно, хотя и не очень забавно, Мэсси. Увидимся в аквариуме.

— Эй! — Его зычный окрик остановил меня у двери.

Я посмотрел на него:

— Вам требуется врач?

— Вы заставили меня попотеть из-за четвертого нуля.

— Мне и в голову не могло прийти, что знаменитые продюсеры потеют! — воскликнул я с невинным лицом. — Вы хотите сказать, что это так? Как все простые смертные?

— Ну хватит! — он махнул рукой. — Я посчитал, что ответ на заданный вами вопрос обойдется мне в сорок пять тысяч!

— Так почему же вы мне просто не солгали?

— Лгать? — Его глаза недоверчиво расширились. — Такому ничтожеству, как вы?

— Знаете, что мне в вас нравится, Айван Мэсси? — воскликнул я восхищенно. — Вы настоящий мерзавец, и не скрываете этого!

К тому времени, когда я возвратился в машину, лица всех троих были обеспокоенными.

— Неужели тебе потребовалось сорок минут, чтобы

вырвать у него чек на пять тысяч! — воскликнул Билл Карлин.

— Ах, помолчи и быстрее поезжай! — ответил я. — Твой полицейский значок заперт в столе, ты в отпуске, а для меня ты вообще не больше чем дешевка, которая...

Я перегнулся вперед и постучал по изящному плечу на переднем сиденье.

— Он слушает меня, Тони?

— Не думаю, Рик. — Она полуобернулась ко мне и весело улыбнулась. — Сама-то я не слушаю.

Я откинулся на спинку заднего сиденья, которое тут же стало нетерпеливо колебаться.

— Вы помните мое новое платье, Холман! — проворчала Лайза.

— Гарантирую, что сомну и старое, — произнес я мечтательно.

— У вас сегодня непристойное настроение! — Она с сомнением посмотрела на меня. — Я не доверяю вам, Рик Холман!.. Вы что-то замышляете.

— Вы с ума сошли, крошка! — воскликнул я и по-товарищески похлопал ее по колену.

— Эй, парены! — Лайза свирепо натянула на колени юбку. — Единственное, чего мне здесь не хватает, это сексуального маньяка!

Возможно, пришло время для небольшого общего разговора, решил я.

— Мэсси сказал, что вы, девочки, на две недели уезжаете в отпуск в горы, — начал я. — Маленькая хижина вдали от цивилизации... — пояснил я.

Тони обеспокоенно оглянулась.

— Надеюсь, вы не сообщили ему, что наши планы немного изменились, и мы едем вчетвером?

— Вы считаете меня ненормальным? — рассмеялся я. — Билл, на следующем перекрестке направо.

— Ты что, ненормальный! — фыркнул он. — До горной дороги же добираться целый час!

— Мы не едем в горы! — сказал я легкомысленным тоном. — Мы летим в Мексику, так что нам сейчас в аэропорт.

— В аэропорт? — закричали они хором.

— Ну да, я изменил предварительный заказ, купил билеты, ну и все такое. Летим в Мексику.

— В Мексику?

Снова выступление хором.

— Я ненавижу вас, Рик Холман! — заговорила Лайза

с возмущением.— Я с таким нетерпением ожидала, когда мы попадем в маленькую хижину в горах!

— Лайза, радость моя! — голос мой звучал униженно.— Мы едем в маленькую и старенькую хижину в горах, ну, а если сами горы мексиканские, то это их дело!

Она успокоилась.

— Ну что ж, неплохо. Мне нравятся испанские названия, они всегда такие романтические. Как ты считаешь, Рик?

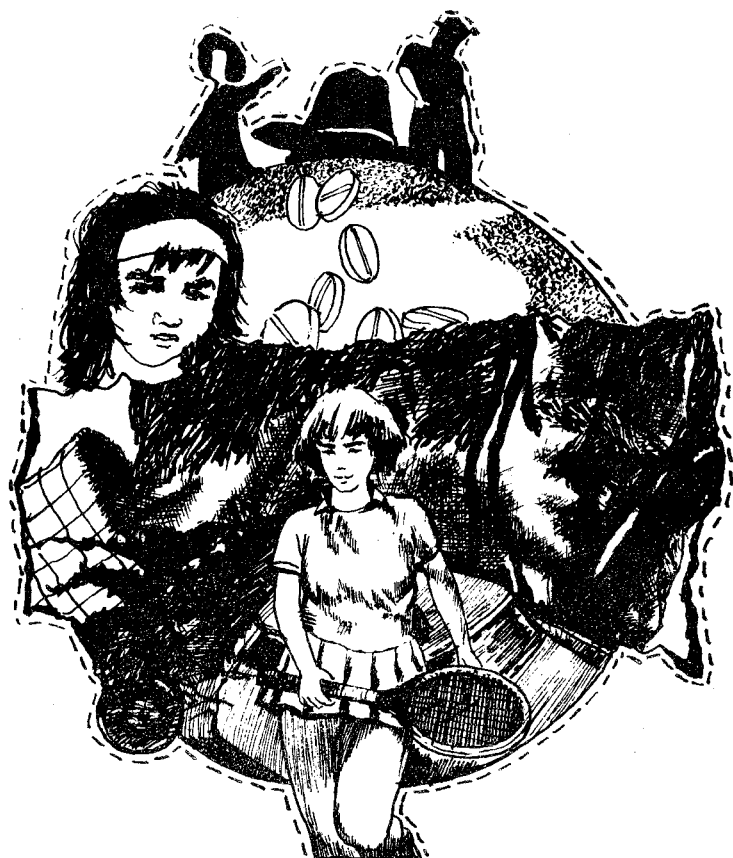
— Несомненно.

— Полагаю, у той маленькой хижины, куда мы едем, есть название? — спросила она с надеждой.

— Кажется, есть! — ответил я нетвердо.

— Ты не помнишь его случайно, Рик, дорогой?

— Не очень четко,— ответил я извиняющимся тоном,— Хилтон какой-то...

**ЭТА ВДОВА
НЕ ПЛАЧЕТ**

Глава 1

Парень, открывший мне дверь, был одним из младших чинов. Огромная самоуверенность и полное отсутствие опыта. Платиновые часы-браслет на запястье являлись чем-то вроде талисмана от всех напастей. Он справился тихим голосом, чего я желаю, и выжидательно посмотрел на меня, явно надеясь, что я не знаю пароля и он сумеет захлопнуть дверь перед моим носом.

— Я Рик Холман,— сказал я.— Манни Крюгер сказал, что мы встретимся здесь.

— Рик Холман?

Он повторил едва слышно мое имя пару раз, затем кивнул:

— Да, сэр. Манни ждет вас.

— Благодарю вас.

— Это очень печальный день.

Судя по выражению его лица, можно было подумать, что Нью-Йорк только что растворился в облаках.

— Печальный для всех нас.

Я прошел мимо него в хижину, никак не отреагировав на его заявление, потому что давно уяснил: никогда не задавать вопросов младшему персоналу в Голливуде, ибо от них все равно не услышать вразумительного ответа, к тому же я все равно намеревался поговорить сам со старшими чинами.

Хижина была небольшим убежищем Манни Крюгера в горах, которую он использовал для спортивных развлечений. Я ожидал, что из его спальни выскочит пара нагих звездочек, чтобы поприветствовать меня. Вместо этого я получил Манни Крюгера, директора по рекламе «Продукции Сталлера», и Джо Рейзера, представляющего эту же фирму.

Внешне они являли собой прямую противоположность. Манни был небольшим худеньким человечком в больших

очках с толстыми стеклами, а Джо Рейзер был неимоверно толстым малым, который выглядел так, как будто ему следовало носить тогу и организовывать плановое отправление мяса на растерзание львам на арене цирка.

Судя по выражению их лиц, я действовал на них как рвотный порошок.

— С вашей стороны было весьма любезно приехать, Рик, — наконец произнес Манни.

— Разве? — Я снова взглянул на его кислую физиономию. — Вы отмечаете здесь поминки?

— Значит, вы ничего не слышали, мистер Холман? — упрямо произнес Рейзер. — Ллойд Карлайл мертв.

— Я даже не слышал, что он болел, — ответил я серьезно.

— Теперь уже прежнему не бывать, — прошептал Манни. — Он был последним из великих. И вот он ушел. Голливуд станет другим. Сколько кинокартин, сколько главных ролей!.. Сорок, пятьдесят — кто может посчитать?

Рейзер вздохнул и потряс массивной головой так, что его коротко подстриженная шевелюра заколыхалась, как пшеничное желе.

— Это конец целой эпохи, мистер Холман!

По всей вероятности, решил я, он имеет в виду, что Ллойд Карлайл был своего рода уникальной личностью в Голливуде. Он появился в Голливуде в начале тридцатых годов уже известным актером с Бродвея и проложил свой путь к кинозвездам собственным трудом, а ведь большинство других отбирались специальными агентами, охотящимися за талантами, и доходили до вершин уже в студии. Сейчас ему было около шестидесяти, а его частная жизнь была настоящей легендой.

— Трагедия, — произнес Манни все в той же тональности.

— Как это случилось? — спросил я.

— Автомобильная катастрофа примерно два часа назад, — объяснил Манни. — Всего в нескольких милях отсюда. Его машина сошла с дороги на крутом повороте, и он врезался в дерево. Руль сломался, ну а стержень проткнул Ллойда. Он, очевидно, умер мгновенно.

— Ужасно! — сказал я, ожидая продолжения.

— Он был величайшим актером и кинозвездой на протяжении трех десятилетий, мистер Холман. — Рейзер произнес это так, как будто диктовал эпитафию на могильный камень. — Вся киноиндустрия обеднеет после его гибели.

— Мы планируем должным образом почтить его па-

мать, Рик, — заверил меня Манни хрипловатым голосом. — «Сталлер» организует пышные похороны, возможно самые грандиозные за все время существования фирмы.

«Пора бы им переходить к делу», — подумал я, а вслух довольно холодно произнес:

— Вероятно, для этого я вам не потребуюсь.

Джо Рейзер какое-то время придирчиво рассматривал меня, вертя между большим и указательным пальцами незажженную сигарету.

— Наш разговор строго конфиденциален, мистер Холман, и именно по этой причине мы встретились здесь, а не в моем офисе. Вы пользуетесь репутацией человека, который регулирует проблемы Голливуда не только успешно, но и без ненужной огласки. Необходимо обсудить некоторые вопросы, прежде чем увековечить память о Ллоиде Карлайле в сердцах миллионов людей во всем мире.

— Какие, например?

— У него осталась вдова, — осторожно произнес Манни. — А также любовница. Ее нам не хочется видеть на похоронах, в особенности нежелательно, чтобы она распустила язык о своей интимной жизни с покойным.

— Поэтому вы хотите, чтобы я попытался откупиться от нее? — спросил я.

Рейзер заморгал.

— Действуйте, как посчитаете нужным, деньги не вопрос, мистер Холман. — Он откашлялся и продолжил: — Фактически я даже не хочу слышать о подробностях. Единственное, чего я желаю, — это чтобы она держала рот на замке в течение двенадцати последующих месяцев.

— Двенадцати месяцев? — Я на секунду задумался о таком сроке, потом меня осенило: — У вас же имеется его последняя картина, как говорится готовая к употреблению, но пока она еще не вышла на экраны. Вы хотите превратить ее в подобие прощального дара от погибшего актера. Естественно, при подобной рекламе она станет супербоевиком. Так?

— Случилось так, что эта картина на самом деле не просто наследство, но и величайшее из его творений, — сухо произнес Рейзер. — Но в данном случае мы думаем о самом Ллоиде. Мы не хотим, чтобы его память очернила беспардонными «откровениями» эта грязная...

Он на мгновение замолчал и просительно посмотрел на Манни:

— Не так ли?

— Вы на все сто процентов правы, мистер Рейзер! —

сказал Манни, придав голосу особо искреннее звучание. — Дело обстоит именно так. Действуйте, как посчитаете необходимым, мистер Холман, студия оплатит счет. Необходимо добиться того, чтобы на протяжении года эта шлюха не раскрывала рта.

— О'кэй, — кивнул я головой. — В первой задаче мы вроде бы разобрались. Но их две.

Манни снял очки в толстой роговой оправе и начал их энергично протирать носовым платком. Наблюдая за тем, как он скосил на меня свои близорукие глаза, я мысленно усмехнулся: если Манни Крюгер не мог смотреть в глаза собеседнику, значит, он находится в предшоковом состоянии. Постепенно и во мне нарастало напряжение. Даже чирканье спичкой показалось мне неестественно громким, когда Рейзер в конце концов зажег свою сигару.

Манни криво улыбнулся:

— Его третья жена, Рик.

— Та, что умерла? Пару лет назад, если не ошибаюсь, — кивнул я головой. — Припоминаю, что я читал об этом в газетах.

— Вообще-то она не умерла...

Манни вновь нацепил очки и заставил себя посмотреть, как я прореагирую на такое сообщение.

— Она покончила с собой.

— Да? Об этом не было сказано.

— Мы молчали об этом прискорбном случае... — Он нервно пожал плечами: — Она была мертва, так что для нее это ничего не меняло, но, если бы правда просочилась, это могло повредить Ллойд. У нее был брат. Надо же было такому случиться, что именно он нашел ее и записку, которую она оставила.

— И он, конечно, присоединился к заговору молчания, — хмыкнул я. — Добровольно?

— Ему заплатили. Ллойд каждого первого числа ежемесячно выплачивал ему кругленькую сумму.

— Вы не хотите, чтобы у брата появились опасения, что теперь, после гибели Ллойда, выплаты прекратятся. Я должен заверить его, что студия и дальше будет платить ему ту же самую сумму?

— Во всяком случае, в течение года, — сказал Манни. — Но, разумеется, вам не нужно называть срок.

— Предпочтительно, чтобы вы говорили с ним о «доброем друге» и не произносили слово «студия», — осторожно добавил Рейзер. — Тут имеется еще один нюанс, мистер Холман. Эта предсмертная записка — единственное дока-

зательство, которым он сейчас располагает, и, если случайно она попадет вам в руки, ну...— Его белоснежные зубы на мгновение блеснули.— Скажем так: вы получите дополнительное вознаграждение сверх обычной платы за услуги.

— Почему бы мне просто не перерезать ему горло? — буркнул я.— Это, несомненно, очень бы упростило ситуацию.

— Рик, прошу вас, не надо говорить так! — взмолился Манни.— В конце-то концов, речь идет всего лишь о бесстыжем шантажисте.

— Как только я вошел сюда, с каждой проходящей минутой чувствую себя все более бессовестным,— возмутился я,— но, очевидно, все дело в том, что я связан с бессовестным бизнесом! — Я внимательно посмотрел на Рейзера.— Вам это обойдется недешево!

— Естественно, мистер Холман! — Он благосклонно мне улыбнулся сквозь облачко синеватого дыма.— Самое лучшее никогда не бывает дешевым, а вы лучший специалист в своей области. Когда вы успешно выполните задание, все, что от вас потребуется, это назвать сумму, и студия выплатит вам ее без промедлений.

— О'кэй.— Я взглянул на Манни: — Сообщите мне нужные имена и адреса.

Он достал из кармана конверт и протянул его мне:

— Здесь для вас все написано, Рик. Найти их будет несложно.

— Я их отыщу.— Я спрятал конверт во внутренний карман пиджака, затем снова посмотрел на него: — Я хочу в точности знать, во что я влезаю. Вы уверены, что это был несчастный случай? Ллойд случайно врезался в дерево?

— Что это за вопрос! — воскликнул Рейзер.

— Я имею в виду, не сделал ли он это намеренно? — продолжал я спокойно.

— Ллойд покончил с собой?! — Манни был искренне возмущен.— Нужно быть сумасшедшим, чтобы такое придумать, Рик! Он же был здесь, разговаривал со мной около часа, прежде чем уйти. У него хижина приблизительно в десяти милях отсюда в горах.— Он внезапно понизил голос, наверное вспомнил, что о покойниках следует говорить тихо и уважительно: — Я никогда не видел его в лучшем настроении. Он смеялся и шутил, намекая на второй медовый месяц, который ему предстоит, когда его жена присоединится к нему завтра в этой хижине. Только что были закончены съемки нового фильма, и он был на седьмом небе от счастья.

— При вашем разговоре с Ллойдом никто из посторонних не присутствовал?

— Разумеется.— Он энергично закивал головой.— Он знал, что я непременно приеду на уик-энд, поэтому заглянул поболтать. Как я уже сказал, мы выпили кофе, пошутили, потом он поехал к себе.

— Итак, это был несчастный случай,— согласился я.— Знают ли о его смерти жена и любовница?

Манни недоуменно пожал плечами:

— Откуда мне это знать, Рик?.. Но даже если жена и знает, что от этого меняется? Ей тоже не захочется, чтобы бывшая любовница ее мужа злословила в отношении их семейной жизни, верно?

— Полагаю, что так.

Его глаза, увеличенные толстыми стеклами очков, сохраняли искреннее выражение. Я еще раз взглянул на бесстрастную физиономию Рейзера, какое-то внутреннее беспокойство не оставляло меня.

— Вы уверены, что больше нет ничего такого, о чем вы еще не упомянули?

— Рик, мальчик! — По виду Манни можно было предположить, что он готов вонзить себе нож в грудь.— Солгать вам?! Неужели я способен подвести своего старого приятеля? И потом, разве уж я такой глупец?

— Если бы вы посчитали это выгодным, вы бы, не задумываясь, вытянули кресло из-под собственной безногой матери,— сурово произнес я.

— Клянусь! — страстно воскликнул он.— Больше нет ничего в этом деле, кроме того, что я вам сказал, Рик. Вам надо заняться любовницей и шантажистом-братом, больше мы ничего от вас и не ждем.

Рейзер красноречиво взглянул на часы.

— Теперь вы ознакомились со всеми необходимыми подробностями, мистер Холман. Советую вам немедленно приниматься за работу.— На мгновение снова блеснули его великолепные зубы.— Нельзя терять время. А уж если зашел разговор о работе,— он посмотрел на Манни,— прямо сейчас нам надо заняться подробным планированием похоронных торжеств.

— Великолепно, мистер Рейзер.— В голосе Манни слышались нотки профессионального энтузиазма, сейчас он снова вернулся на твердую почву.— Это телевизионное обозрение...

— На час в цвете,— прервал его Рейзер,— радиотрансляционная сеть, разумеется, уцепится за это же. Обзор

основных вех его артистической карьеры. Место Ллойда Карлайла в искусстве!

Глаза Манни засверкали от возбуждения.

— Сцены... нет, самые яркие отрывки из его лучших фильмов!

— А под конец самые эффектные кадры из его величайшего фильма, последнего! — Рейзер на секунду задумался. — Сцену обольщения с Деллой Огест. Она никого не оставит равнодушной. Только для телевидения мы оборвем ее сразу же после того, как он сорвал с нее свитер, пусть они жаждут продолжения!

Манни захихикал:

— Замечательно, мистер Рейзер! Как я себе это представляю, сначала похороны. Возможно, крупным планом гроб, который его лучшие друзья на руках вносят в часовню. И каждый из них сказал свое слово в киноискусстве. Потом мы покажем огромную процессию оплакивающих его людей, бесконечная вереница, во главе которой идет убитая горем вдова.

Внезапно на высоком лбу Рейзера появились морщины:

— Как вы считаете, хватит времени, чтобы кто-то соорудил для Вивиен воистину сногшибательный траурный туалет? Я не имею в виду что-то сексуальное или безвкусное, но было бы обидно, если бы ее светлые волосы и великолепная фигура не были обыграны, особенно в красках.

— Я посмотрю, что можно будет сделать, мистер Рейзер. — В глазах Манни появилось мечтательное выражение. — В черном она всегда смотрелась изумительно!

На этом я их оставил. Младший сотрудник приветливо улыбнулся, когда я вышел на крыльцо и закрыл за собой дверь.

— Как вы считаете, мистер Холман, они еще долго там останутся? — осведомился он очень вежливо.

— Они обсуждают крайне важную проблему, — пояснил я. — Как одеть вдову, присутствующую на похоронах, чтобы она не утратила своей привлекательности по цветному телевидению. Они хотят, чтобы в трауре она выглядела сногшибательно: печальная, но сексуальная. К счастью, черный цвет ей идет.

— Этот Манни Крюгер, — голос его звучал мягко, — творческая натура. Я от него многое перенимаю.

— И все это фальшивые монеты, могу поспорить! — хмыкнул я.

Он мне улыбнулся еще раз. Смотреть на него было одно

удовольствие: короткая стрижка, умеренный загар и элегантно-небрежная одежда.

— Я с вами согласен, мистер Холман. Искусство бывает фальшивым. Вот почему и требуется кто-то вроде вас, верно?

Он быстро поднял вверх руку, прежде чем я успел ответить.

— Не подумайте, что я сказал что-то неуважительное. Нет. Я просто придерживаюсь фактов. Я вполне объективен.— Он слегка пожал широкими плечами.— Во всяком случае, день сегодня изумительный.

День действительно был чудесный. Я подошел к машине и сел за руль. Деревья были зеленые, небо синее, ну а мне пора было приступить к задаче очищения памяти Ллойда Карлайла от скверны.

«Когда-нибудь,— подумал я угрюмо,— я все-таки найду себе работу, которая даст мне основания для самоуважения». Проблема заключалась в том, что я никак не мог найти такую, которая давала бы мне хотя бы половину того, что я получал здесь.

Глава 2

Ее звали, как я выяснил из записки Манни Крюгера, Ритой Квентин, жила она в фешенебельной квартире на крыше нового небоскреба за Стрипом.

Я нажал на дверной звонок и услышал, как за дверью послышался деликатный звон, напоминающий бой старинных часов. Дверь отворилась через секунду, на пороге возникла высокая брюнетка, вопросительно взглянула на меня.

Волосы, расчесанные на прямой пробор, обрамляли овальное лицо, падая на плечи красивыми волнами. На ней было какое-то пестрое платье в сине-зеленых тонах с низким вырезом каре, который не закрывал начало впадины между ее небольшими, но округлыми грудями. Юбка заканчивалась примерно в четырех дюймах ниже колен, но ткань плотно прилегал к телу, подчеркивая тоненькую талию, плавную линию бедер и длинные, красивой формы ноги.

Я тут же представил ее совершенно нагой, бегающей по залитому лунным светом пустынному пляжу, и себя, старающегося ее догнать. А пальмы одобрительно кивают своими длинными ветвями, рекомендуя мне прибавить шагу.

— Вы что, умерли? — произнесла она, вопросительно глядя на меня. — Не молчите, скажите что-нибудь.

— Я — Рик Холман.

— Ну и что?

— Рик Холман, представляющий «Сталлер Продакшнз» в результате коротких переговоров, состоявшихся пару часов назад, — объяснил я, — а если вы — Рита Квентин, тогда это касается вас.

— О? — Ее полные губы сжались. — Тогда это в отношении Ллойда?

— Вы слышали?

— За последний час радио не говорит ни о чем другом. — Она печально улыбнулась. — К счастью, радио было включено, а то как иначе любовница могла бы узнать о смерти ее хозяина?

— Действительно, как? — согласился я.

Она распахнула дверь чуточку шире. Я прошел за ней в гостиную, которая по своим размерам годилась бы для буйных оргий, да и обстановка была подходящей: дорогая шелковая и атласная обивка, пушистый ковер на полу. Тахта предназначалась, очевидно, для съемок многосерийного приключенческого фильма, в котором участвовало бы не менее сотни статисток, изображающих девушек-рабынь.

Я опустился в ближайшее кресло и закурил сигарету. Она же стояла со скрещенными на груди руками и смотрела на меня такими глазами, как будто я живу в силу чьей-то оплошности.

— Передавали, что это была автокатастрофа где-то в горах. — Ее слова прозвучали как вопрос.

— Он слишком резко повернул и врезался в дерево. Смерть наступила мгновенно, так я слышал.

— Когда это произошло?

— В районе десяти часов сегодня утром.

— Сейчас половина третьего, а вы уже здесь, представляете его студию. Что они хотят от меня?

— По их мнению, вы должны молчать, — сказал я.

— Вы имеете в виду, что выглядело бы некрасивым, если бы в некрологе говорилось, что его пережили жена и любовница?

— Нечто в этом роде, — кивнул я.

Цветастая юбка громко зашуршала, когда она опускалась на тахту. Повернувшись ко мне лицом, скрестив красивые ноги, она настороженно изучала меня.

— Вы исполнительный торговец, Рик Холман!

— Выполняю поручение покупателя, — ответил я.

Ее брови слегка приподнялись.

— Вы так считаете?

— Они намереваются обессмертить Ллойда Карлайла, — заговорил я спокойно, — поскольку он был яркой звездой голубого экрана. И потому что у них еще в работе последний фильм с его участием.

— Не понимаю... — Ее голос звучал настороженно. — Определенно, вы не на их стороне. И вы не можете быть на моей. Тогда, черт возьми, на чьей же вы стороне?

— Я занимаю нейтральную позицию, — правдиво ответил я. — Я не в восторге от своей миссии. И не согласился бы на это, если бы не огромные деньги, которые они мне обещали. Так что вы мне прямо скажите, сколько вы хотите получить за то, что будете молчать о своей связи с Карлайлом?. Таким образом, с нами обоими расплатятся.

— Как я посмотрю, вы не слишком-то чувствительны, верно?

— Верно, — согласился я. — «Сталлер» тоже не слишком сентиментальная студия. А если говорить начистоту, то я не представляю вас чересчур сентиментальной любовницей.

Она слегка покраснела.

— Мне двадцать шесть лет. А Ллойд три месяца назад исполнилось пятьдесят восемь, так что вы правы. Вы когда-нибудь встречались с Вивиен, его женой? Ей двадцать пять.

— Извините, — торопливо отозвался я, — я здесь вовсе не для того, чтобы читать мораль, кого-то обвинять, кого-то оправдывать. Все, что я хочу от вас услышать, — это сколько вам нужно заплатить за молчание. Это я им передам.

— Миллион долларов.

— Слишком много.

— Полмиллиона?

Я отрицательно покачал головой, поэтому она попыталась снова:

— Четверть миллиона. И никак не меньше.

— Почему бы не двадцать тысяч сейчас и по пять тысяч ежемесячно в течение года? — посоветовал я.

— Я предлагаю вам убраться вместе с их щедрым предложением, — сказала она насмешливо. — Передайте им, что я поступлю так, как мне заблагорассудится. Возможно, я буду молчать о своей связи с Ллойдом, потому что у меня будет такое настроение, а возможно, я буду кричать об этом с крыши соседнего дома, чтобы все

прохожие могли слышать интимные подробности! Сообщите им это, торгаш!

— О'кэй,— я поднялся с кресла,— я передам.

Я был почти у двери, когда она остановила меня:

— Обождите!

На лице у нее было недоверчивое выражение, когда я повернулся и посмотрел на нее.

— Никаких аргументов? — спросила она тоненьким голоском.— Ни угроз, ни уговоров, вообще ничего?

— Я им передам,— сказал я.— Из того, что вы сказали, можно понять, что у них вообще нет причин для беспокойства.

Ее лицо внезапное сморщилось, и, по всей видимости, слезы, которые она удерживала с того момента, когда узнала о смерти Карлайла, полились неудержимым потоком. Она быстро отвернулась от меня, я тихонечко дождался, когда она возьмет себя в руки...

— Это первые приятные слова, которые я услышала от вас,— сказала она приглушенным голосом.— Нельзя так поступать, когда девушка не ждет ничего подобного. Смотрите, что вы натворили!

— Бывают дни, когда я просто не чувствую собственной силы.

— Вам лучше снова сесть, Рик Холман.— Она прижала к глазам крохотный комочек, который, очевидно, был носовым платком.— Но сначала принесите мне чего-нибудь выпить. Мне это необходимо.

Я подошел к хорошо укомплектованному бару в углу и припомнил, что при сильных стрессах на женщин лучше всего действует бренди. Поэтому я налил ей полбокала. Она благодарно улыбнулась, принимая его, и принялась пить маленькими глоточками. Я же занял свое прежнее место.

— Открою вам небольшой секрет,— заговорила она через несколько минут.— Я узнала вас по имени, как только вы мне представились. Однажды Ллойд упомянул ваше имя после разговора с Деллой Огест. Из ее слов можно было понять, что любой человек в этом городе, столкнувшись с настоящими неприятностями, вызывает вас и...— Она безуспешно попыталась щелкнуть пальцами.— И вы все устраиваете незамедлительно.

— Это слегка преувеличено,— скромно произнес я.— Иногда на это уходит пара часов.

— Я передумала,— сообщила она серьезно.— Я не намерена дарить студии мое молчание.

— Как нажито, так и прожито! — пожал я плечами.

Она сделала еще пару глоточков, вытерла остатки слез, затем уставилась на меня холодными глазами и решительно заговорила:

— Есть одна вещь, которая никогда не давала покоя Ллойд. Я уговаривала его предпринять что-то в этом отношении, пока он был жив, но он не желал. А теперь, когда он умер, я не хочу, чтобы это преследовало его и в ином мире. А меня не будет тревожить его дух.

— После чего — «этого»?

— После того, как вы все точно выясните.

— Что я должен выяснить?

— Правду о его жене Гейл.

— Той, что умерла?

— Она не просто умерла, она покончила с собой, но студия сохранила это в тайне, побоявшись огласки. Но люди, знавшие правду, посчитали, что ее довел до самоубийства Ллойд, но я уверена, что это не так.

Она выпрямилась, ее темные глаза засверкали.

— Я не верю, что он довел ее до этого, потому что не верю, что это было самоубийство. Убедена, что ее убили!

— У вас должны быть какие-то основания предполагать такое?

— В жизни Ллойда никогда не бывало всего по одной женщине, не таким он был человеком. Одна должна была находиться у него дома, другая — в любовном гнездышке за углом.

Она допила бренди и поставила пустой бокал на маленький столик рядом.

— В то время он был женат на Гейл, а женщиной в любовном гнездышке была Вивиен. — Она улыбнулась незлобно. — В некотором роде он соблюдал последовательность. Сначала ты становилась любовницей Ллойда, потом он на тебе женился. Так что, если бы он прожил достаточно долго, меня могли бы повесить в ранг миссис Карлайл. — Улыбка внезапно пропала. — Вы когда-нибудь встречались с Вивиен?

— Нет.

— Она же из тех, кто тихо сидит в своей норке, терпеливо выжидая, когда папочке наскучит его очередная жена. Никаких интрижек, расчетливая сука с деньгами вместо сердца, а в жилах у нее вместо крови течет неразбавленная кислота. И кстати сказать, вплоть до дня кончины Гейл не было похоже, чтобы Ллойд от нее устал. Как я предполагаю, она решила, что, поскольку Ллойд не спешил избавиться от жены, тогда она сделает это.

— Вы располагаете доказательствами?

Она посмотрела на меня, как будто я только что выпулсился из яйца.

— Нет, конечно. Вы воображаете, что, если бы у меня были доказательства, я бы ничего не предприняла в этом отношении вплоть до сегодняшнего дня? Есть еще кое-что. У Гейл был брат, еще один проходимец, который весьма походит на убийцу. Его зовут Джастин Голфри. Я бы не побоялась поспорить, что он приложил руку к этой истории.

— И снова отсутствие доказательств?

— Гейл тоже была не совсем такой, какой ее считал Ллойд. В то время как он миловался с Вивиен, она делала то же самое с парнем по имени Лестер Фосс. Так что он тоже может иметь какое-то отношение к этой истории.

— Вы, как я вижу, хорошо информированы,— заметил я.

— Все это я знаю от Ллойда.— В ее голосе звучала усталость.— Он говорил мне об этом сотни раз, до тех пор, пока начинало казаться, что я не выдержу и закричу, но я все равно ни разу не сорвалась.

— Как умерла Гейл?

— Слишком большая доза снотворного.— Рита презрительно фыркнула.— Гейл была абсолютно здоровой женщиной тридцати лет, которая считала отдыхом три сета в теннис с профессионалом. Она была немного взбалмошной и неразборчивой в знакомствах, и это было неплохо, учитывая положение вещей. Ибо это означало, что она может понять потребность Ллойда в другой женщине, точно так же, как и свою неверность ему. Ее ни капельки не мучили угрызения совести из-за романа с Лестером Фоссом.

— Таким образом, у Вивиен был мотив для совершения преступления. Она устала от долгого пребывания в кандидатах на пост супруги, в особенности потому, что Ллойд вроде бы не намеревался расставаться с Гейл. Но что могло побудить родного брата Гейл убить сестру?

— Не знаю! — огрызнулась она.

— Какого рода мотив мог иметь любовник Гейл для убийства?

— Этого я тоже не знаю.

— Послушайте! — Я буквально подпрыгнул.— Помимо всего прочего, все это произошло два года назад. Какие же шансы, по вашему мнению, я имею, чтобы установить истину?

— Это уже ваша проблема, Рик Холман,— сказала она отнюдь не любезным тоном.— Если вы и «Сталлер» хотите, чтобы я хранила в тайне свою связь с Ллойдом, вы должны доказать, что Гейл была либо убита, либо покончила с собой. Когда вы представите мне убедительные доказательства того или иного, студия может считать, что сделка заключена.

— Ну а в промежутке?

— Я буду хранить молчание две недели,— пообещала она.

— Две недели?! — завизжал я.— Черт возьми, по вашему мнению, я могу добыть доказательства за две недели, когда след остыл еще два года назад?

— Я верю в вас так же, как верит Делла Огест,— холодно произнесла она.— В моих глазах вы супермен, Рик Холман. А две недели для супермена — достаточный срок, чтобы измерить поверхность земного шара.

— Вы сошли с ума,— произнес я убежденно,— а через минуту со мной случится то же самое. Допустим на мгновение, что это действительно было убийство и я это докажу. Допустим, что убийцей была вдова Ллойда или же любовник Гейл или ее брат. Ну и что может после этого произойти?

— Не знаю,— произнесла она равнодушно.— Полагаю, мы будем ломать по этому поводу голову, когда это произойдет.

Она увидела страдальческое выражение моего лица и ласково улыбнулась:

— Я же сказала, что хочу заставить привидение исчезнуть ради Ллойда, помните? Я же говорила, что жажду мщения. Для меня будет достаточно и для памяти Ллойда тоже — знать наверняка.

— Вы воображаете, что этого будет достаточно также и для закона? Я полагаю, кто-то должен будет им сообщить, не так ли?

Ее голос звучал намеренно бесчувственно:

— Если я не пожелаю этого сделать, то, может, вы?

Я широко раскрыл рот, но прошло не менее пяти секунд, прежде чем я обрел дар речи.

— Как вы смотрите на то, чтобы вместо этого я попытался договориться о компенсации в миллион долларов? — спросил я на всякий случай.

— Вы слышали мое предложение. Принимайте его или отказывайтесь.

— Ну что же, я его принимаю,— пробормотал я негромко.— Где мне разыскать этого Лестера Фосса?

— Интересно! — Ее темные глаза широко раскрылись, когда она уставилась на меня.— Вы не спросили про двух остальных. Разумеется, вы знаете, где найти Вивиен, но я удивляюсь, откуда вам известно, где отыскать Джастина Голфри?

— Сейчас не время разбираться в моих методах, у меня и без того проблем хватает,— заявил я.— Так где же я найду Фосса?

— Я не знаю. Последний раз, когда я слышала о нем, он работал на телевидении. Он писатель. Во всяком случае, пару лет назад он был им.

— Могу сразу сказать, от вас будет мало толку решительно во всем,— проворчал я.

Поднявшись, я гневно посмотрел на нее, но с таким же успехом я мог негодовать на восковую фигуру. Она была непроницаемой, так что все затраченные эмоции отскакивали от нее.

— Не вздумайте уезжать на отдых в ближайшие две недели,— предупредил я ее,— я предполагаю, что мне придется почти переселиться сюда на это время.

— Естественно, я буду помогать во всем, в чем сумею. Глаза у нее чуточку потеплели:

— Я рада, что вы делаете это ради Ллойда, Рик. И пожалуйста, называйте меня Ритой, потому что, несмотря ни на что, я уверена, что мы станем добрыми друзьями.

— Вполне возможно,— хмыкнул я.— Поэтому я ухожу отсюда, пока у меня еще сохранился кусочек здравого смысла.

Она пошла вместе со мной до входной двери, а когда я уже собрался исчезнуть, положила мне пальцы на руку:

— Где состоятся похороны и когда?

— Не знаю,— ответил я правдиво,— но это не должно вас волновать, потому что вы на них в любом случае не пойдете.

— Правильно.— Она прикусила губу.— На какое-то мгновение я почти что забыла, что мы с вами договорились, верно?

Лицо у нее как бы окаменело.

— Полагаю, они собираются превратить это в нечто грандиозное?

— В сверхграндиозное,— ответил я.— Когда я уходил, они обсуждали сцену, которой откроется часовая передача о Ллоиде по цветному телевидению.

Она брезгливо скривила губы:

— На этот раз Вивиен будет играть самую большую роль, которую ей доверят за всю ее карьеру. Она же была неприметной звездочкой, всегда в подходящий момент готовой сбросить с себя бикини, когда Ллойд на ней женится. Вы это знали?

— Нет... Я практически ничего не знаю о ней, но догадываюсь, что вы меня со временем просветите непременно.

Она не обратила внимания на мою колкость, ее мысли уже были заняты чем-то другим.

— Полагаю, вам нужно хорошенько присмотреться к Гейл,— задумчиво произнесла она.

— Черт побери!— простонал я.— Прошло уже два года после ее смерти.

— Я имею в виду ее прошлое и окружавших ее людей,— спокойно продолжала Рита.— Человек, которого убивают, обычно чем-то привлекает убийцу, вы так не думаете?

— Я утратил способность размышлять примерно через пять минут после того, как познакомился с вами,— пробормотал я.— Это мне подсказал инстинкт самосохранения.

— Возможно, в ее личной жизни имелся еще кто-то, помимо людей, которых я упомянула.— Ее глаза стали необычайно влажными и круглыми.— Что вы на это скажете? Во всяком случае, как я понимаю, где-то тут находится убийца, злодеяние которого до сих пор остается нераскрытым... Помните, это человек, которого мы оба знаем.

— Потрясающе! — Я вздохнул.— Понимаете, я не смогу полностью лицезреть реакцию разоблаченного мною убийцы на мои слова, что эта тайна раскрыта. Ибо реакция с его стороны будет молниеносной, вы со мной согласны? Вроде пули в голову или ножа в живот.

— Не пытайтесь теперь меня напугать или разжалобить,— холодно произнесла она,— в противном случае мне придется вызвать сюда репортеров. Да, да, а что вы думаете? «Моя жизнь в любви и согласии с Ллойдом Карлайлом» — так будет названа серия очерков, которую, несомненно, перепечатают все газеты от побережья до побережья.

— Я просто не могу дожидаться того момента, когда сцапаю этого удачливого убийцу! — заверил я ее.— «Бесстрашный Холман» — вот как они меня назовут. Человек с гранитом в том месте, где у нормальных людей должны находиться мозги!

— В вашем распоряжении целых две недели, Рик, — ответила она благодушно, — а для такого супермена, как вы, это не будет даже проблемой. Держите меня в курсе, хорошо?

Она осторожно закрыла за мной дверь, решив, что все было сказано.

Глава 3

Я увидел темноволосую девушку с короткой стрижкой и челкой, почти доходящей до бровей. Она играла в теннис с большим мастерством. На ней была рубашка и коротенькие шорты, которые не скрывали линий ее атлетически сложенного тела, движения ее были исключительно грациозны. Лицо — подвижное и оживленное, ее можно было назвать привлекательной и даже красивой. На премьере фильма с участием Ллойда Карлайла, нарядная и оживленная, она буквально ловила каждое сказанное им слово. Пока он вещал с профессиональной уверенностью перед чередой микрофонов, она оперлась о его руку, ее черные глаза с обожанием следили за ним. А возле бассейна в открытом купальнике она выглядела блестящей хозяйкой, наблюдая за тем, как ее гости плескались в более мелком конце бассейна. Были и другие снимки, огромное количество, но на всех она казалась одинаковой: счастливой, беспечной и удивительно полной жизни.

Пленка наконец кончилась, и Голфри выключил свой домашний кинопроектор. Послеполуденный солнечный свет заполнил комнату оранжевым сиянием, как только он раздвинул толстые шторы на окнах.

— Такова была Гейл! — произнес он тихим голосом.

Джастину Голфри было лет тридцать, в нем определенно присутствовали все те гены, которые придавали его сестре такую необычайную физическую привлекательность. Он был высоким. Длинные волосы, светло-голубые глаза посажены слишком близко друг к другу. Маленькие усики над верхней губой были ошибкой, точно так же как розовая рубашка и брюки. В общем, мне еще не приходилось сталкиваться с шантажистом с такой неподходящей внешностью.

— Моя сестра была единственной моей семьей, если так можно выразиться, — объяснил он, — наши родители умерли, когда мы были почти детьми.

Враждебный огонек мелькнул в его глазах.

— Гейл была для меня абсолютно всем, мистер Холман, а ваш друг Карлайл убил ее.

— Я никогда не был его другом, просто выполняю его поручение,— напомнил я.

Он рассеянно кивнул:

— Вы попросили меня описать Гейл, поэтому я показал вам эти снимки, но никакая фотокамера не в силах передать все ее очарование... В ней было какое-то вибрирующее тепло. И она умерла всего лишь в тридцатилетнем возрасте из-за такого ничтожества, как этот Карлайл.

— Как это произошло? Что явилось причиной такого неожиданного поступка?

— Чтобы понять, вам надо сначала разобраться в личности Карлайла, выяснить, что это был за человек,— горько произнес он.— Он должен был пленять людей, в особенности женщин, владеть ими полностью, душой и телом. Он быстро их пожирал, а потом, когда уже ничего привлекательного не оставалось, выплевывал куски. На протяжении всей семейной жизни с Гейл у него была любовница, дешевая, ничего не стоящая артисточка, на которой он женился после смерти Гейл.— Реденькие усики Голфри дрожали от возмущения.— Всякий раз, когда он навещал ее, он бежал назад к Гейл и подробно описывал, как он занимался с этой потаскушкой любовью. Он находил удовольствие в том, чтобы входить в мельчайшие подробности...

— А как Гейл? — прервал я его.— Поступала ли она точно так же с Ллойдом, после того как проводила время с Лестером Фоссом?

— Что? — Он посмотрел на меня обезумевшими глазами.— О чем вы толкуете?

— Фосс был ее любовником, не так ли?

— Вы, очевидно, помешались!

На мгновение мне показалось, что он намеревается ударить меня.

— Гейл? С любовником? Да она жила для одного человека, и этим человеком был Ллойд. Вот почему она не могла дальше с этим мириться. С тем, как он все это время относился к ней... Она не могла продолжать жить с ним. Но не могла жить и без него. Поэтому однажды вечером она приняла снотворное и...— Кадык его тощей шеи подпрыгнул, когда он конвульсивно проглотил слюну.— Тело обнаружил я, вы это знаете?

— И вы также нашли оставленную ею записку! — фыркнул я.— Вы все это так описываете, что у слушателя

должно просто сердце кровью обливаться от жалости. Но на меня ваше повествование произвело бы большее впечатление, если бы вы позднее не использовали эту записку, чтобы шантажировать Карлайла.

— Это был единственный известный мне способ, чтобы наказать его за то, что он погубил Гейл,— заявил он с потрясающей простотой.— Видите ли, мистер Холман, поскольку Ллойд вынужден был выплачивать мне эту тысячу первого числа каждого месяца, он невольно вспоминал о смерти Гейл.

— Великолепно! — Я посмотрел на него с восхищением.— Мне никогда не доводилось слышать, чтобы шантаж в тысячу долларов ежемесячно так рационально объясняли!

— Верно! — Его усики снова задрожали.— Ох, мне безразлично, поверите ли вы мне или нет, мистер Холман! Меня даже не тревожит, поверит ли этому приятель Карлайла, которого вы представляете. Теперь, когда тот мертв, все это кончено.

— Кончено? — переспросил я.

— Конечно! — Он нетерпеливо пожал своими узкими плечами.— Раз Карлайл предстал перед Верховным Судей, нет оснований продолжать эту историю.

— Вы хотите сказать,— я невольно тихонечко зевнул,— что вы не возражаете, чтобы его приятель прекратил ежемесячные выплаты?

— Определенно нет! — Светло-голубые глаза посмотрели на меня с возмущением, как будто я задал обидный вопрос.— За кого вы меня принимаете, мистер Холман? За профессионального преступника?

— В данный момент я не знаю, что и думать,— признался я,— потому что вы меня сбили с толку. Но если вы говорите серьезно о том, что с шантажом покончено, тогда, возможно, вы дадите мне записку, оставленную вашей сестрой?

Усики на мгновение вздрогнули, затем он решительно покачал головой:

— Нет, но я сообщу вам, что она написала в записке. Я выучил ее наизусть. «Джастин, прости меня за то, что я сделала, но я просто не могу продолжать так жить дальше. Единственная любовь в моей жизни уничтожена, поэтому мне самой лучше умереть. Все, о чем я сожалею, мой маленький братик, что я больше не смогу заботиться о тебе. Но ты не будешь одинок, тебя будет утешать память обо мне». Затем она ее, разумеется, подписала.— Он быстро заморгал.— Хотя прошло уже два года после ее смерти,

Холман, я все еще не могу вспоминать ее предсмертное послание без слез.

— Так почему бы вам не отдать мне записку? — с надеждой в голосе осведомился я. — Вы выучили ее наизусть, с вымогательством покончено, эта записка вам больше не нужна!

— Еще как нужна! — На его физиономии внезапно появилось хитрое выражение. — Вы меня ни на минуту не ввели в заблуждение разговорами о том, что представляете приятеля Карлайла, Холман. Вы представляете студию! Они не хотят, чтобы после смерти Карлайла выплыли какие-то скандальные истории. Ну а я не хочу, чтобы в связи с этим упоминалось имя Гейл. Так что эта записка является моей охранной грамотой, ясно?

— Не совсем, — произнес я устало.

— Уж не знаю, чего вы хотите добиться, связывая имя Гейл с этим Фоссом, забудьте об этом раз и навсегда! Не предпринимайте никаких попыток, Холман, потому что, если вы это сделаете, я открою правду о смерти Гейл и предъявлю ее записку.

Он расправил свои узкие плечи, глядя мне в глаза, как будто я был боевой расчет, состоящий из одного человека! В нем все время чувствовалась какая-то показная смелость, которая еще чуть-чуть и истощится. Ну как еще можно относиться к человеку, который упорно молчал об истинной гибели единственной сестры, использовал ее предсмертную записку, чтобы выкачивать по тысяче долларов в месяц, а после смерти своей жертвы добровольно решил прекратить вымогательство, ибо наказывать ему стало некого.

— Вы уверены, что вам больше не нужны деньги, мистер Голфри? — вежливо осведомился я.

— Я обойдусь, — произнес он с достоинством. — И не забудьте, что я вам сказал, мистер Холман. Если только начнете копаться в жизни моей сестры, пытаюсь отыскать в ней какую-то грязь, я публично разоблачу Ллойда Карлайла, пусть все знают, какой это был мерзкий тип!

Я подождал, когда раздадутся победные звуки фанфар, но единственное, что я расслышал, это было неубедительное сопение, поэтому я поднял три пальца на прощание и вышел из двухквартирного дома на Вест Голливуд.

Я позвонил в студию Манни Крюгеру из первой же аптеки, попавшейся мне на пути, и узнал, что он на совещании. Приехав в студию минут тридцать пять шесто-

го, я с большим трудом пробрался через поток технических работников и служащих, спешащих домой.

Секретаршей Манни была настоящая куколка, рыжеватая блондинка, одетая в скромную белую блузочку и прямую юбку, которая плотно обтягивала ее бедра. Она была, пожалуй, самым веским основанием того, чтобы ее шеф посвятил свою жизнь работе в офисе, и я сказал ей это, но мой хитрый комплимент не произвел на нее особого впечатления.

— Мистер Крюгер хотел бы встретиться с вами в проекционной, — деловито сообщила она. — Я провожу вас туда, мистер Холман.

— Как вы смотрите на то, чтобы по дороге заехать в Палм-Спрингс и провести там уик-энд? — спросил я, идя следом за ней по коридору.

— Хотите что-то узнать? — Она обернулась и насмешливо посмотрела на меня. — Я работаю у мистера Крюгера вот уже три года, и мне делали заманчивые предложения многие эксперты: продолжительный отпуск в Европе, месяц в Акапулько, неторопливое морское путешествие до Рио на личной яхте. — Ее брови издевательски приподнялись: — А вы предлагаете скоропалительный уик-энд в Палм-Спрингсе. Кто вы такой, мистер Холман, разновидность крохобора?

— Я рассчитывал заплатить свою долю за комнату в мотеле, — ответил я, обороняясь.

У нее округлились глаза:

— Скажите какая щедрость!

Она прибавила шаг. Ее круглые ягодицы так и ходили под туго обтягивающей их юбкой. Зрелище было настолько привлекательным, что оно заставило меня серьезно задуматься о том, не стоит ли расширить мое первоначальное предложение до целой недели в Палм-Спрингсе, причем я буду оплачивать не только комнату в мотеле, но также и обеды.

Но через пару секунд мы уже добрались до проекционной, и она распахнула передо мной дверь.

— Вы найдете мистера Крюгера внутри. — Ее голос понизился практически до шепота: — Может быть, вам следует чаще бывать в кино, мистер Холман? Ваши методы соблазнения немного устарели, вы так не считаете? В конце-то концов, в век изобилия нужно что-то другое.

Я улыбнулся ослепительной улыбкой, зубы у меня были такие же белые, как у нее, но, правда, не совсем ровные.

— Я бы держал вас голой в клетке, — пробормотал

я мечтательно, — и каждый раз, когда вы раскрывали бы свой прелестный ротик, я всыпал бы в него горсточку птичьего корма.

Когда я бросил на нее последний взгляд, лицо ее выглядело растерянным, улыбка исчезла. Задумавшись позднее об этом инциденте, я решил, что ни одна девушка, работающая у Манни Крюгера целых три года, не сможет понимать шутки и улыбаться им, как прежде. Я подождал, пока мои глаза не привыкнут к темноте, потер нос, переборов стремление чихнуть в прокуренном зале. Различив два силуэта, сидящих рядом, двинулся туда и опустился на стул рядом с Манни. Его очки блеснули в свете, отраженном от серебристого экрана, когда он повернул ко мне голову.

— Еще пять минуток, Рик! — прошептал он едва слышно.

Я кивнул, на экране мелькали кадры фильма. Судя по длине юбки знойной блондинки, он был снят в 1950 году. Ллойд Карлайлу тогда было около сорока, выглядел же он максимум на двадцать два года. Густые, курчавые, черные как смоль волосы, под глазами не видно даже намека на мешки, подбородок тоже не обмяк. Он играл героя войны, который женился во время внеочередного сорокавосемичасового отпуска на распутной блондинке и оказался ее законным мужем после войны. Из-за нее он потерял решительно все: блестящую карьеру, лучшего друга, а под конец и девушку, которая, как он понял слишком поздно, была его единственной настоящей любовью. И вот теперь, к финальной сцене, которую мы наблюдали, он помешался. То, как это изображал Карлайл, было натурально. Фильм заканчивался сценой: Ллойд душит свою блондинку; камера показывала его лицо крупным планом. Экран погас и оставался темным несколько секунд, прежде чем мелькнул свет в помещении.

Рейзер тихонечко вздохнул:

— Таким мы больше его никогда не увидим!

— Какой талантище! — Манни громко проглотил слюну. — Он даже заставил эту глупышку Аманду Эванс выглядеть хорошо.

— Ну, это не надо приписывать к заслугам Ллойда, — хохотнул Рейзер. — Единственное, что она умела делать, — это подать себя хорошо. На ее горле оставались синяки еще недели две после того, как мы отсняли эту сцену. Помнится, Ллойд никогда не был к ней благосклонен. Единственный раз, когда он улегся с ней в постель, он

моментально заснул, поскольку ему надоело слушать ее трескотню.

— Помню, помню,— закивал головой Манни,— у него это стало чем-то вроде ритуала: непременно переспать с ведущей актрисой. Объяснил, что такая привычка выработалась у него в театре на Бродвее, а калифорнийский климат Голливуда все упростил.

— Когда вы закончите свои воспоминания,— вставил я,— возможно, вы предоставите мне сказать пару слов?

— Конечно, Рик! — Манни немного смутился.— Что за проблема?

— Никто не желает никаких денег,— сказал я.

Холодные глаза уставились на меня из-под тяжелых век.

— Вы хотите сказать, что ни один из них, то есть ни девица Квентин, ни Голфри, не хочет взять деньги?

— Правильно! — Я обнажил свои зубы в широкой улыбке.— И тут начинается самое интересное. Рита Квентин считает, что Карлайл платил безропотно шантажисту после самоубийства своей третьей жены, считая, что это было по его вине. Теперь она надумала успокоить страждущий дух своего любовника... Она заявила, что Гейл не покончила с собой, не торопитесь! Она была убита. Вот цена, которую она потребовала за свое молчание о ее связи с Карлайлом, я должен представить несомненные доказательства того, что Гейл была либо убита, либо сама покончила с собой. На это она дает мне две недели.

— Вне всякого сомнения, она рехнулась! — возмутился Манни.— За кого она себя принимает? Почему, я бы...— Он неожиданно замолчал, подчиняясь неторопливому взмаху руки Рейзера.

— Давай послушаем до конца мистера Холмана,— вежливо предложил Рейзер.— У меня нехорошее предчувствие, что это еще далеко не все. Я прав, не так ли?

— Что касается Голфри, то у него совершенно противоположное мнение в отношении сестры Гейл,— продолжал я негромко.— Он считает ее только что не святой и не желает, чтобы кто-нибудь, в особенности я, копался в ее личной жизни. Фактически именно это является ценой его молчания. То есть он ничего не будет предпринимать, пока я не суну нос в дела Гейл.

— Ну а что в отношении ее записки? — спросил Рейзер.— Вам удалось на нее посмотреть?

Я покачал головой:

— Он хитер и осторожен. Прочитал мне ее наизусть.

— Но, черт возьми, это же какие-то фантазии! — Манни просто кипел от негодования, у него даже запотели стекла очков. — Я имею в виду, они не могут...

— Ох, — вкрадчиво произнес Рейзер, — в том-то и дело, что они могут. Если ты не можешь добавить ничего конструктивного в обсуждение, Манни, я был бы рад, чтобы ты не раскрывал рта. Что вы предлагаете, мистер Холман?

— Если вы не боитесь рискнуть, я посмотрю, что мне удастся выяснить о браке Гейл с Карлайлом и обстоятельствах ее смерти, — ответил я. — Это будет непросто, учитывая, что умерла она два года назад, но я могу попробовать. Естественно, я постараюсь действовать осторожно, но нет никакой гарантии, что Голфри не пронюхает, чем я занимаюсь. — Я пожал плечами: — Чертовски запутанная ситуация!

Рейзер рассеянно кивнул:

— Эта Квентин, очевидно, должна иметь какие-то основания для подозрения об убийстве Гейл.

— В то время, когда она умерла, у Карлайла была весьма ловкая любовница Вивиен, — сказал я равнодушно, — а у Гейл не менее изворотливый братец Джастин Голфри и любовник по имени Лестер Фосс.

Манни неожиданно засопел.

— Никогда не слышал о человеке с таким именем.

— Автор на телевидении, — сказал я.

— Нет, — он энергично затряс головой. — Определенно, я никогда о нем не слышал. Могу поспорить, что эта ненормальная дамочка Квентин придумала его. Или он ей представился в сновидениях. Она до сих пор без ума от ревности и не прочь смешать с грязью имя Вивиен. Есть иной способ справиться с ней, Рик. Прижмите-ка ее по сильнее, дорогой! Скажите ей, чтобы она взяла деньги и помалкивала, в противном случае ей будет хуже. Ну трахните ее, что ли, чтобы она испугалась до полусмерти.

— Ты все еще не сказал ничего толкового, так что закрой рот! — проворчал Рейзер, и при старании можно было расслышать, как яд капает у него с языка. — Мистер Холман обрисовал ситуацию достаточно ясно и беспристрастно, как я надеюсь. При подобном раскладе я уверен, что у нас нет выбора, кроме как пойти на необходимый риск. Так что приступайте к своему расследованию, мистер Холман. Но все время действуйте в тесном контакте со мной. Ситуация может измениться самым драматическим образом в любую минуту.

— Вот-вот, если Голфри узнает, что он делает,— про-
бормотал Манни.

Я взглянул на Рейзера:

— Мне необходимо поговорить с вдовой. И как можно скорее.

Он согласно кивнул головой:

— Разумеется. Но сегодня вечером это сделать не удастся. Манни сможет договориться с ней на утро. Позвоните ему утром, он сообщит вам время.

— О'кэй.

Я взглянул на Манни, тот ограничился кивком головы.

— Я очень рассчитываю на вас и верю, что у вас это получится,— произнес Рейзер удивительно холодным тоном.— Ситуация настолько деликатная, что только вы один сумеете добиться успеха. Это известно всем. Всей киноиндустрии.

— Понятно. И разумеется, если мне не удастся добиться успеха, вся киноиндустрия узнает об этом в течение двадцати четырех часов? — буркнул я.

Он слегка улыбнулся.

— Есть у вас еще вопросы, мистер Холман?

— Нет. Утром я позвоню Манни.

— Прекрасно! — Он быстро потер руки.— В таком случае мы можем вновь приступить к работе... Что на очереди?

— Эпический фильм, в котором он снимался в тридцать восьмом году,— мрачно сообщил Манни.— «Меч разрушителя».

— Хорошо.— Рейзер снова уселся в кресло и закурил новую сигару.— Давай посмотрим.

К тому времени, когда я дошел до выхода, помещение погрузилось в темноту, вновь застрекотал проектор, а на экране появился улыбающийся молодой кавалер. Он стоял на длинной лестнице огромного замка, наблюдая за приближающейся к нему группой людей.

По дороге я просунул голову в дверь кабинета Манни, но его секретарша уже ушла. У меня мелькнула мысль, не напугал ли я ее до такой степени, что она улизнула домой. Я вышел из здания, приготовившись провести унылый вечер в своем небольшом домике. Захлопывая дверцу машины, я буквально замер, увидев пару стройных ножек.

— Я подумала, что, если мне суждено жить в районе с дешевыми квартирами, похожими на птичьи клетки,— спокойно заявила блондинка,— мне следует сперва осмотреть ее и проверить, как работает канализация.

Она сидела в кресле в моей гостиной, потягивая мартины из хрустального бокала. Голубые глаза казались ласковыми. Ее звали Карен Брайн, это все, что мне удалось узнать во время поездки домой.

Я устроился на кушетке напротив нее, приготовив себе бурбон со льдом, продолжая раздумывать, что все это означало.

— Вы мне все еще не показали птичью клетку, — неожиданно сказала она.

— Это традиционная клетка для канарейки. Сейчас найду сантиметр и измерю без лишней спешки все основные данные.

— Могу поспорить, если бы я сейчас скинула с себя одежду, вы бы начали звать на помощь... — Губы у нее раздвинулись в насмешливой улыбке. — Вы точно такой же, как и все остальные, которые торопятся сделать заманчивое предложение. Вы меньше всего хотите, чтобы девушка поймала вас на слове.

Я растянулся во весь рост на кушетке, осторожно поставил на грудь бокал с бурбоном, придерживая его.

— Рад, что вы заговорили на эту тему, доктор, — задумчиво произнес я. — От девушек всегда можно ожидать непредвиденных поступков. Я никак не мог взять в толк, что они резко отличаются от нас, мужчин. В семнадцатилетнем возрасте я посмотрел фильм с Кей Фосет. Поверите ли, до этого я был уверен, что они подкладывают себе что-то толстое под одежду на груди, опасаясь простуды. В двадцатилетнем возрасте мне кое-что объяснила девчонка, живущая на углу нашей улицы, причем, только попав в ее комнату, я догадался, что она не стремится продать мне яблок, а...

— Ох, заткнитесь! — нетерпеливо крикнула она.

Я снова сел и посмотрел на нее.

— Вы плохой психолог, доктор Брайн, и я почти уверен, что у вас нет желания входить внутрь этой клетки.

— Добавлю, — холодно произнесла она, — каждый раз, когда люди упоминают ваше имя, они непременно понижают голос, так что у меня сложилось впечатление об ужасной личности, способной напугать до полусмерти кого угодно. А теперь, познакомившись с вами, я вижу дрожащего кролика, нарядившегося в старую шкуру волка.

— Вы возбуждены, милочка, — произнес я с утрированным сочувствием. — Полагаю, причиной этого является то,

что все эти годы вам приходилось отвергать многочисленные заманчивые предложения? Трудно себе представить такое, но вы, очевидно, самая старая девственница в кинобизнесе!

Одним резким движением она поднялась с кресла, вырвала бокал у меня из руки, швырнула его в противоположный конец комнаты, затем плюхнулась мне на колени. Ее руки легко обвились вокруг моей шеи, а губы впелись в мои с неистовой страстью. Я не сопротивлялся, боясь пошевелиться, чтобы не проснуться. Ее язык начал разведку, как только я обнял ее обеими руками. А когда ее зубы нежно приняли мою нижнюю губу, моя правая рука, естественно, принялась блуждать у нее по спине. Но стоило ей отклониться более чем на шесть дюймов от талии, Карен неожиданно откинула назад голову, убрала руки с моей шеи, размахнулась и сильно ударила меня между глаз.

К тому моменту, когда глазам вернулась способность нормально видеть, Карен снова сидела в кресле, как будто ничего не случилось.

— Это вам за глупые клички, Рик Холман! — спокойно заявила она. — Вам приготовить еще бокал?

— Почему нет? — Я осторожно потер ушибленное место. — Бурбон со льдом и желательно без цианида.

Пока она хлопотала возле бара, я серьезно раздумывал над тем, не стоит ли мне выскользнуть из комнаты за полицейской дубинкой, потом сообразил, что у меня нет ни одной.

Карен протянула мне полный бокал, затем вернулась к своему креслу. Я не сводил с нее глаз, но она оставалась невозмутимой, так что мне не оставалось ничего иного, как примириться с тем, что она не шутила.

— Сэмми Дайк сказал мне, что сегодня утром вы были в хижине, — неожиданно заговорила она.

— Сэмми Дайк?

— Вы с ним немного поговорили, прежде чем уйти.

— А-а, — сообразил я, — Сэмми — один из младшего персонала?

— Потом, сегодня вечером, когда вы прошли в проекционную, я подслушивала под дверью.

— По всей вероятности, у вас имеется огромный интерес к данному делу?

— Манни Крюгер, — просто сказала она.

Я недоверчиво покачал головой:

— Никто не смог бы заинтересоваться бескорыстно Манни Крюгером.

— Вам не понять! — фыркнула она. — Но я довольно долго работала вместе с ним и теперь знаю, что делаю.

— Как близки вы стали? — поинтересовался я.

Ее лицо вспыхнуло.

— Именно такого вопроса можно ожидать от человека с вашим воображением. Вообще-то вас это не касается, но случилось так, что мои взаимоотношения с Манни чисто деловые. Возможно, вас это удивит, но Манни удивительно симпатичный человек. И мне не хочется, чтобы его интересы были ущемлены.

— Ну и что?

— Сэмми рассказал, что поручили вам сделать. Как сегодня утром Рейзер и...

— Сэмми — второй специалист по подслушиванию у замочной скважины?

— Это не столь важно! — Она чуть не топнула ногой. — После того как я подслушала разговор в проекционной, мне стало ясно, что ваша задача невыполнима. У вас нет никаких шансов добиться успеха, вы все испортите, а козлом отпущения станет Манни. Именно он получит пинок от Рейзера, а не вы.

— Откуда такие предположения?

— «Джо Рейзер» — всего лишь вымышленное имя, — гневно крикнула она. — Его подлинное имя — «Иван Грозный»! Когда что-то идет вкривь и вкось, он всегда сваливает вину на кого-то. Вы не являетесь штатным работником, а Манни — да.

Она вздернула подбородок.

— Возможно, это кажется безумным, но Манни во многих отношениях совершенно беззащитен. Я слышала, как он говорил о нецелесообразности траты времени на невыполнимое поручение. Джо Рейзер чуть ли не набросился на него с кулаками... Но если вы сейчас позвоните Рейзеру и заявите, что передумали, он не сможет обвинить Манни, не так ли?

— Это верно, — согласился я, — он обвинит меня. И погубит мою репутацию в этом городе, как он и обещал.

— Вы слишком крупная фигура, чтобы он мог вам повредить! — Она облизала губы и одарила меня ослепительной, но фальшивой улыбкой. — Кроме того, если вы прислушаетесь к моим словам, то я постараюсь вас утешить в потере благосклонности Рейзера.

— Новым ударом между глаз? — спросил я горько. — Нет, Манни придется рисковать вместе со всеми остальными.

— Ненавижу мужчин! — воскликнула она.

— Я тоже ненавижу женщин-боксеров, наша взаимная неприязнь нас никуда не приведет. Есть всего один путь помочь Манни: помогать мне.

— Уточните.

— Чем быстрее я выясню, была ли смерть Гейл самоубийством, тем меньше шансов у Голфри узнать, что я делаю,— спокойно произнес я.— Вы работаете с Манни около трех лет. Может быть, вы помните людей, которые были близки с Ллойдом Карлайлом в то время, когда умерла его жена?

Я почти физически ощущал, как работает компьютер в ее мозгу.

— Вы хитрый дьявол, Холман! — наконец сказала она как-то растерянно.— Не знаю, как это у вас получается, но только я приехала сюда, чтобы предложить вам сделку, а теперь уже вы мне предлагаете, и, знаете, я склонна принять ваши условия.

— Хотите, чтобы я прыгнул вам на колени, а потом ударил между глаз для закрепления договоренности? — спросил я оживленно.

Она не отозвалась на шутку, потому что снова о чем-то задумалась, глаза у нее смотрели серьезно.

— Манни и Ллойд всегда были добрыми друзьями,— медленно заговорила она.— Они встречались, проводили вместе время, а я, как верный Пятница Манни, тоже часто видела Ллойда. Я провела вместе с Манни пару бессонных ночей из-за самоубийства Гейл, пока не стало ясно, что все будет в порядке.

— Она умерла от избыточной дозы снотворного?

Карен Брайн кивнула.

— Вскрытие это подтвердило, но вердикт coronera был «несчастный случай». Все знали, что Гейл была милой женщиной, чуть ли не профессиональной теннисисткой, потрясающей пловчихой. Она была симпатичной зрелой женщиной без всяких комплексов...— Карен выразительно пожала плечами: — И симпатичные, здоровые молодые женщины не кончают жизнь самоубийством.

— Прежде всего, почему такой молодой здоровой женщине потребовалось снотворное? — спросил я.

— Она его не употребляла, пилюли принадлежали Ллойдю. Именно это помогло вынести вердикт о «несчастном случае». Было высказано предположение, что она не могла заснуть, поэтому наглоталась таблеток, не зная, что в избытке они могут быть опасными и даже смертельными.

— Вы думаете, она намеренно покончила с собой?

— Она искренне любила Ллойда, он же не хотел отказываться от своей любовницы, поэтому она дошла до такого состояния, что больше не могла с этим мириться. Вы знаете, как это бывает...

— Какое место в этой картине занимает Лестер Фосс?

— Лестер Фосс? — Ее брови взметнулись вверх. — В какой картине?

— Он же был ее любовником, не так ли?

— Фосс? — Она коротко рассмеялась. — Вы, должно быть, шутите? Или, вернее, кто-то посмеялся над вами?

— Так он не был ее любовником?

— Нет, нет и еще тысячу раз нет! Правда, он много времени проводил в их доме, но ведь он был давнишним другом Ллойда, только и всего.

— Что скажете о любовнице Ллойда Вивиен?

— Я как-то не могу представить, чтобы она пробралась среди ночи в дом и заставила Гейл проглотить все эти таблетки. — Ее голос был холоден. — Но это не значит, что она не попыталась бы это сделать, если бы знала, что ей удастся выйти сухой из воды.

— Что за человек был Карлайл?

Она тихонечко вздохнула:

— Это черт знает что за вопрос! Полагаю, что он был точно таким же, как и любой другой человек: в нем сочетались не менее шести разных индивидуумов. Имелся кинообраз, созданный Карлайлом: красивый динамичный сорвиголова, готовый победить мир, кроме того, он мог очаровать любую женщину и забраться в ее постель на следующий же день. Это был актер-профессионал, который знал все особенности киносценария. Затем ненасытный любовник, которому необходимо, было иметь, как минимум, двух женщин, — жену и любовницу, чтобы доказать самому себе, что мрачный шарм и мужественность все еще присущи ему. И не следует забывать холодного мерзавца, который безжалостно уничтожил бы всякого, кто посмел встать у него на пути... Вы удовлетворены, Холман?

— Пока еще не знаю, — честно ответил я. — Самым простым способом уладить это дело — раздобыть у Голфри предсмертную записку и показать ее Рите Квентин.

— Думаю, что сначала вам придется убить его.

— Возможно, именно это я и сделаю, — произнес я мечтательно, — одним шантажистом на свете станет меньше.

— Он негодяй, — согласилась она. — Я частенько дума-

ла, каким унижением для Ллойда было то, что его шантажировал такой ничтожный гаденыш, как Голфри.

— Вы не знаете, где бы я смог найти Лестера Фосса?

Она покачала головой.

— После смерти Гейл он куда-то исчез. Может быть, Вивиен было неприятно видеть его в доме, после того как она вышла замуж за Ллойда. Думаю, он продолжает писать для телевидения, в таком случае у него должны быть агенты.

— Итак, у меня больше нет вопросов, — сообщил я.

— А мне надо возвращаться домой.

Она допила мартини, поставила на столик бокал и поднялась с кресла.

— Как в отношении того, чтобы поужинать со мной? — спросил я.

— Ради Манни я готова с вами сотрудничать, но разделить с вами хлеб? — Она брезгливо сморщила носик: — Вы, видимо, свихнулись, Холман?

— Придется мне есть в одиночестве! — произнес я печально.

Она мрачно хохотнула.

— Если вы намереваетесь утром встретиться с Вивиен, я рекомендую вам проглотить пару бифштексов с кровью. Вам необходимо поддержать силы.

Минут через пять она уехала на такси, которое я вызвал для нее, оставив меня одного. Ночь окутала темнотой мой домик в Беверли Хиллс, начиная от переднего портала.

Я смешал себе еще один бокал, чтобы хотя бы он составил мне компанию в моих непристойных муках о рыжеватой блондинке.

Так чем же таким обладал Манни Крюгер, чего не было у меня? Конечно, очки с толстыми стеклами и физическую недоразвитость нельзя принимать в расчет. От дум о неудавшемся уходе я перешел к размышлениям обо всем деле, мне казалось, что я уже предвижу логический конец. Может быть, мне даже удастся уговорить Голфри, что показать записку Рите в его же собственных интересах. Я попытаюсь убедить его, что предлагаемое им «копание в личной жизни Гейл» ограничится, нет, прекратится, как только Рита увидит записку. Стоит попробовать, решил я, и уже совсем было собрался к Голфри, как зазвонил телефон.

— Мистер Холман? — услышал я незнакомый, очень мягкий мужской голос. — Мое имя Фосс. Как я понял, вы хотите со мной поговорить?

— Кто вам это сказал?

— Мне самому хотелось бы это знать! — Он засмеялся, но мне это показалось неуместным.

— Анонимный звонок примерно десять минут назад. Может быть, это розыгрыш?

— Я так не думаю. Я действительно хотел с вами потолковать.

— О чем?

— О Гейл Карлайл.

Он долго молчал, прежде чем ответить.

— Не думаю, что мне хотелось бы говорить о ней, мистер Холман.

— Это очень важно для многих людей и, может быть, еще важнее для ее памяти.

— Нет, — осторожно ответил он, — я считаю, что нет. — И он повесил трубку.

Я в сердцах швырнул свою и решил, что первую ошибку я допустил сегодня утром, поднявшись с постели, вторая — визит к Манни Крюгеру. Я отказался от намерения поехать к Джастину Голфри. Определенно это был неудачный день, я уже был сыт по горло сыпавшимися на меня ударами. И тут снова раздался телефонный звонок. Я снял трубку и крикнул: «Холман!»

— Вы хотите встретиться с миссис Карлайл? — произнес голос какого-то человека, определенно не Лестера Фосса. — Она согласна. Через пятнадцать минут будет у вас.

Неизвестный повесил трубку. Все это начинало действовать мне на нервы. Карен Брайн разговаривала со мной, как с последним ничтожеством, после этого на протяжении каких-то десяти минут вешали трубку, не закончив со мной разговора. «Может быть, Холману чего-то не хватало? — подумал я. — Значит, я недотепа?» Это была явно абсурдная мысль, поэтому я перестал ломать голову, поднял бокал, который моя недавняя знакомая швырнула на пол, наполнил его и выпил. Я посчитал, что этим могут быть ограничены мои приготовления к приему вдовы, Вивиен Карлайл, так что мне оставалось только ждать.

Минут через десять я услышал звук подъезжающей машины, почти сразу же в дверь позвонили. Я открыл, и мимо меня с ураганной скоростью промчалась блондинка, так что я сразу же вспомнил коммерческие телефильмы, рекламирующие моющие и отбеливающие средства. Пару секунд я потратил на то, чтобы полюбоваться черным «роллс-ройсом», который придал моей подъездной дороге

шикарный вид. Вдова уже стояла в гостиной, явно выражая нетерпение, упиравшись одной рукой в бедро, пальцами выбивала беззвучно та-та-ту.

Она походила на рыжевато-коричневую тигрицу, которой не терпится возвратиться в джунгли охотиться за своей естественной добычей — человеком. Ее густые светлые волосы были зачесаны от правого уха через всю голову и падали беспорядочной гривой на левое плечо. Прическа подчеркивала резкие черты лица: глубоко сидящие черные глаза, прямой нос, твердую линию подбородка. Рот — воплощение чувственности, с широкой верхней губой и очень полной, немного загнутой, нижней. Высокая грудь натягивала блузку, а белые брюки так туго облегали ее ноги и бедра, что они выглядели нагими. И я подумал, что Гейл наверняка в душе застонала, когда впервые увидела, как Вивиен входит в комнату.

— Я хочу выпить, — сказала она глубоким хрипловатым голосом.

— Скотч?

— Со льдом!

Я подошел к бару, приготовил два бокала. Она взяла один у меня из рук, поднесла его к губам и выпила половину содержимого.

— Вурдалаки, вампиры! — неожиданно заговорила она со страшной злобой. — Студия установила шесть стражей возле дома, с тех пор как это случилось. Они находятся по ту сторону ограды. Стоят там и ждут. Какого черта им надо? Чтобы вдова выскочила на лужайку в одной рубашке и стала посыпать голову пеплом? Может быть, они надеются, что в приступе горя я решусь на самопожертвование или нечто подобное? Сегодня днем я пару раз выглядывала из окна, так что от одного их вида у меня пробегали по телу мурашки!.. Все еще стоят там и чего-то ждут, физиономии у всех скучные, унылые, но в то же время настороженные, и ты понимаешь, что они злорадствуют. Но сегодня они не получили никакого удовольствия. Марвин выскочил оттуда на машине на такой скорости, как будто за нами гнались злые духи, я же сзади скрючилась на полу, ни один из них ничего не заметил.

— Марвин? — переспросил я.

— Марвин Лукас. Он мой друг.

Она допила свой скотч и сунула мне пустой бокал:

— Повторите. Я выпью еще один, потом поговорим.

К тому времени, когда я закончил с напитками, она уже устроилась на кушетке и вставляла сигарету с золотым

кончиком в длинный элегантный мундштук. Я протянул ей зажженную спичку, затем скотч, она же похлопала рядом с собой по кушетке.

— Садитесь сюда, Холман. Я ненавижу большое расстояние между мной и человеком, с которым разговариваю. Потому что терпеть не могу кричать, если на то нет оснований.

Я сел с ней рядом и выпил немного бурбона, пытаюсь не обращать внимания на все соблазнительные округлости, до которых можно было дотянуться рукой.

— Джо Рейзер рассказал мне все, — заявила она, выпуская к потолку струйку ароматного дыма. — Он хотел, чтобы мы встретились завтра утром, но я решила: черт возьми, а почему не сегодня вечером? Я вдова, конечно, но ведь утром я все равно останусь вдовой.

Она неожиданно повернула ко мне лицо, в глубине ее глаз вспыхнули гневные огоньки.

— Ведь он все равно умирал, вы это знаете?

— Ллойд Карлайл?

— Биг Казино, канцер иными словами, — ответила она беспечно. — Заключение врача о результатах его болезни получено лишь сегодня, но Ллойд в этом был давно уверен... Полагаю, вы заметили, что я не плачу и не горюю?

— Заметил.

— Я вышла за него потому, что устала быть его милой и покладистой любовницей. — Она слегка зевнула, показывая ровные белые зубы. — Когда ты становишься женой, ты получаешь право изредка показывать зубки, устраивать скандалы, требовать, порой вести себя настоящей сукой. Это меня больше устраивало. — Она усмехнулась. — Кстати, о суках... Эта мерзавка, как ее там? Она может трепаться сколько угодно о своих взаимоотношениях с Ллойдом... Все равно я с ней ничем не поделюсь, разве что налогами.

— Яснее, пожалуйста.

— Вообще-то Ллойд оставил все мне, но могу поспорить, что Квентин перепало тоже немало! Вроде бы у меня куча денег, но налоги сожрут больше половины! Ллойд должен был получить определенный процент от прибыли со своего последнего фильма. Именно на это я и буду существовать в старости. — Она опять усмехнулась. — Вот почему я сотрудничаю с Джо Рейзером, который стремится сделать из этой картины величайший супербоевик, нечто сногшибательное. А для этого надо создать рекламу. И, конечно, я, так же как и Джо, волнуясь, чтобы Рита

Квентин не навредила своей болтовней. Она и Джастин Голфри... А теперь, что вы хотите от меня?

— Посоветуйте, каким образом можно заставить Риту Квентин держать язык за зубами. Рейзер рассказывал вам, какие она выдвинула требования?

— Конечно. Вы должны уточнить, покончила ли Гейл с собой или ее кто-то прикончил.— Она презрительно фыркнула.— У этой Риты вместо мозгов сплошная труха. Вы когда-нибудь слышали, чтобы кто-то кого-то убил, накормив снотворным? «Вот, Гейл, милочка, проглоти эти вкусенькие пилюльки, а не то я перережу тебе горло!» Нет, нет, эта Квентин просто ненормальная!

— Почему Гейл покончила с собой? — спросил я, стараясь не показать изумления.

— Полагаю, потому, что понимала, что очень скоро потеряет Ллойда,— равнодушно бросила она.

— Гейл его так сильно любила?

— Откуда, черт возьми, мне это знать? По большей части я сама не уверена в собственных чувствах. Но ей, конечно, было все известно обо мне и Ллоиде, точно так же, как я знала про него и Риту Квентин. Гейл никогда не производила на меня впечатления сентиментальной особы, но ведь ни в чем нельзя быть уверенной, не так ли?

— Вы когда-нибудь встречались с автором для телепередач Лестером Фоссом?

— Не знаю.— Она пожала плечами.— Возможно, я встречалась с тысячами людей, и меня бы удивило, если бы Фосс был одним из них.

— Вы не знаете, были ли они с Гейл любовниками?

— Я всегда считала, что она была слишком занята теннисной ракеткой, чтобы у нее оставалась какая-то энергия для спортивных упражнений в закрытом помещении, но впечатление могло быть обманчивым.

Она снова покачала головой.

— Каким образом вы намереваетесь решить задачу?

— Существует один крайне простой способ: уговорить Голфри показать Рите Квентин предсмертную записку Гейл.

— Нет, это не годится.

— Почему?

— В ее намерениях несложно разобраться, наверное потому, что во многих отношениях она походит на меня. Ее требование всего лишь уловка, чтобы все спутать. У нее где-то имеется крючок, и если мы проследим вдоль лески, то рано или поздно ей придется раскрыться. Тогда мы

узнаем, чего она в действительности добивается. Самое же прекрасное то, что она тем временем будет держать язык на запоре.

Совсем другое дело Голфри, он определенно ненормальный. Попробуйте нажать на него, и он лопнет! Вот так! — Она громко щелкнула пальцами. — И если он лопнет, он сам потащит в газеты предсмертную записку своей сестры, понимаете?

— В каком смысле «лопнет»?

— С него слетит вся спесь, в страхе он натворит массу глупостей. Так что его просто нельзя трогать.

— Та-ак? Что же вы вместо этого предлагаете? — проворчал я. — Что я должен делать?

— Ничего! — ответила она, не раздумывая. — Скажите Джо Рейзеру, что вы работаете по данному вопросу. То же самое скажете Рите Квентин. Сами же ровно ничего не делайте. Через какое-то время Рита устанет морочить всем голову и откровенно заявит, чего она хочет. Ну а до этого времени мы должны сидеть и не рыпаться. В особенности вы!

— Ничего не предпринимать, пока не заявит о себе Рита?

— Или я, — спокойно ответила она. — Когда будет покончено с похоронами и этой всей ерундой, я смогу сосредоточиться, и, возможно, у меня появится несколько разумных идей. Вы же тем временем делайте вид, что трудитесь, не покладая рук, особенно если будет звонить Джо Рейзер.

— Идите к черту! — произнес я вежливо. — Я никогда в жизни не пойду на такой обман!

Злые огоньки снова вспыхнули в ее глазах, она довольно долго глядела на меня, затем усмехнулась и на какое-то время превратилась в настоящую тигрицу.

— Вы слишком волнуетесь, дорогой! — едва слышно прошептала она.

Я недоуменно смотрел, как она положила на край пепельницы мундштук, потом аккуратно поставила бокал на столик рядом с собой. Такую же операцию она проделала и с моим бокалом. Затем она взяла мои руки в свои и притянула их так, что в конечном итоге они твердо обхватили упругие холмики ее груди.

— Прекрати волноваться, дорогой! — сказала она хриловатым голосом. — Я позабочусь о том, чтобы ты не скучал во время своего вынужденного бездействия.

Она прижалась ко мне, обхватив обеими руками за

шею, а ее губы нашли мои. Это походило на удар тока высокой частоты. Где-то очень далеко я услышал трель дверного звонка. Он, казалось, не беспокоил Вивиен Карлайл, поэтому я решил, что у меня-то и вовсе нет оснований тревожиться. Через мгновение ее руки уже оказались у меня под пиджаком, ногти впились в мое тело.

Звонок еще пару раз попробовал обратить на себя внимание, у меня пронеслось в голове, что какой-то коммивояжер со своими товарами проник на территорию Беверли, ну и конечно же выбрал мой домик.

На четвертой попытке посетитель просто прижал палец к кнопке звонка и уже не отпускал его. Приблизительно через десять секунд Вивиен откинула назад голову и сочувственно улыбнулась мне.

— Это наверняка Марвин,— сказала она.— Беспокоит-ся обо мне. Думаю, вам лучше впустить его в дом.

— Какая досада! — пробормотал я.

— У нас еще будет время.— Она вернула мои руки.— Марвин просто суетится по всяким пустякам!

Это был вечер, полный всяких неожиданностей. Судя по тому, как она говорила о Марвине, он мне представлялся таким старым дядюшкой. Возможно, еще не дрожащим от слабости, но определенно седовласым, слегка прихрамывающим и опирающимся на трость.

Когда я открыл дверь, мне пришлось пересмотреть свои представления так быстро, что у меня чуть не задымились мозги.

Он был примерно моего возраста, на пару дюймов выше ростом и фунтов на двадцать тяжелее. Несомненно, очень сильный. Одним взмахом руки я был отброшен к стене.

— Где Вивиен? — заорал он.— Если вы ее обидели, то я из вас...

— Она в гостиной,— ответил я.— С ней ничего не случилось, так что остыньте.

Коротко подстриженные черные волосы, злые серые глаза и физиономия, которая устроила бы любого продюсера, подбирающего статистов на роли каторжников. Спортивная куртка, по расцветке напоминающая шахматную доску, брюки пурпурного цвета, рубашка ярко-лимонной окраски, оживленная изумрудным галстуком в горошек. Он был либо дальтоником, либо сумасшедшим, либо тем и другим одновременно. На мгновение мне показалось, что он намеревается вбить мою голову вровень с плечами, затем издал звук, похожий на рычание. Он двинулся в гостиную.

Я шел следом, так что мы одновременно увидели Вивиен, которая мрачно сидела на кушетке, повесив голову.

— Вы видите? — произнес я раздраженно. — Какого черта вы так беспокоились?

И тут она подняла голову. Я в ужасе уставился на ее растрепанную прическу, размазанную по всему лицу губную помаду, расстегнутую до талии блузку, обнажавшую грудь, символически прикрытую белым кружевом бюстгальтера.

— Марвин, — произнесла она рыдающим голосом, — он... он набросился на меня!

— Замолчите! — заорал я. — Что за мерзкая провокация!..

Я был настолько возмущен, что упустил из виду, что Марвин был человеком действия. Он кулаком ударил меня в солнечное сплетение, так что я моментально согнулся пополам. Тогда он обрушил град ударов на мою шею, и я свалился на пол, получив носком ботинка по ребрам. Я покатился по полу, пока не наткнулся на кушетку. Откуда-то издалека до меня донесся вкрадчивый гортанный голосок:

— Помни, дорогой, ничего не предпринимай, пока я не позвоню!

Марвину этого показалось мало. Он ударил меня ногой уже по голове, и после этого все погрузилось в непроглядную темноту.

Конечно, во всем был виноват я один. Это была первая мысль, когда я пришел в себя.

Глава 5

Утреннее солнце немного улучшило мое состояние. Все было бы хорошо, если бы не шишка на голове за ухом, ссадина на боку и ноющая боль в области брюшины. Я утешал себя мыслью, что в один прекрасный день поквитаюсь с ним, больше всего мне хотелось высечь Марвина как мальчишку.

Нажав на дверной звонок, я закурил сигарету. Дверь открылась на третьей затяжке; высокий тощий субъект лет сорока посмотрел на меня со страдальческим выражением в глазах.

— Черт бы вас побрал, — сказал он ровным голосом, — я работал.

— Мир так тесен! — подмигнул я ему. — Я тоже работаю. Вы Лестер Фосс?

Он кивнул.

— А вы кто такой?

— Рик Холман.

Его глаза посуровели.

— Оказалось, что вас найти не так уж и трудно. Меня внезапно осенило: я заглянул в телефонную книгу.

— Я же сказал вчера вечером, что не хочу говорить о Гейл.

— Существует предположение, — продолжал я, не обращая внимания на его недовольный тон, — что она не покончила с собой, а была убита. Также существует мнение, что вы проводили так много времени в ее доме потому, что были старым другом Ллойда Карлайла, а вовсе не любовником Гейл, как утверждают другие.

Он часто заморгал, крепко сжав челюсти.

— Ол-райт, полагаю вам лучше войти.

Я прошел следом за ним в комнату, уставленную стеллажами с книгами, на письменном столе стояла пишущая машинка. В пепельнице — полно окурков, бумаги разбросаны не только на столе, но и на полу, а возле машинки красовалась большая чашка с остатками давно остывшего кофе.

Фосс был одет в помятую голубую рубашку, застегнутую у ворота, и еще более мятые джинсы.

Когда я хорошенько всмотрелся в его лицо, я заметил глубокие морщины в уголках глаз и щетину двухдневной давности на щеках и подбородке.

— Похоже, что вы на самом деле усиленно работали, — заметил я.

— Если не ошибаюсь, это девяносто четвертый сценарий, который я написал для одной серии короткометражных вестернов. Моя задача — уложить в получасовую программу сюжет иногда довольно большой книги.

Он устало вздохнул:

— Зачастую оказывается трудно сохранить основную сюжетную линию!

Фосс закурил сигарету. Было видно, что он нервничает.

— Ол-райт, Холман, разъясните, какого дьявола все это означает.

— У меня есть клиент, который убежден, что Гейл Карлайл была убита, — заговорил я. — Поэтому в мою задачу входит узнать, так это или же нет... Лично меня не

волнует, к чему приведут мои поиски, лишь бы мои выводы были точно доказаны.

Фосс обошел вокруг стола и уселся на стул, оттолкнул в сторону грязную кофейную чашку, брезгливо поморщившись.

— Она умерла от повышенной дозы снотворного, — произнес он ровным голосом. — Приняла такое количество по ошибке. Версия coronera была «несчастный случай».

— Вы крайне осторожный человек, — вкрадчиво произнес я.

— Нет, ничего подобного! — Он взглянул на меня широко раскрытыми глазами. — Этим ограничиваются мои знания.

— Она оставила записку.

— Вы хотите сказать, что она покончила с собой? — Рука, державшая сигарету, внезапно задрожала. — Этим делом займется суд?

— Нет, человек, нашедший записку, решил спрятать ее и позднее использовал в собственных интересах.

— Вымогательство? — Он выпрямился в кресле. — Этот мелкий негодяй — Джастин Голфри, ведь он нашел записку! Все произошло два года назад.

Я пожал плечами.

— Расследование воистину труднейшее, я лучше других это сделаю. Но мой клиент хочет лишь одного: восстановить справедливость в отношении Гейл Карлайл, хотя она и умерла так давно. Все, что вы сможете мне сказать, сильно поможет, мистер Фосс.

— Вижу, вы не хотите отступать... — Он раздавил до половины выкуренную сигарету в пепельнице. — Так что самый простой способ заставить вас отступить от меня — это поведать вам то немногое, что я знаю. После этого я могу вернуться к своему шерифу, который столкнулся с проблемой, этично ли выстрелить в спину противника, являющегося лучшим стрелком в округе.

— Итак, слушаю вас, — терпеливо произнес я.

— Она в полном смысле слова была девушкой из соседнего дома, только я почти на семь лет старше ее. Мы росли вместе в Сан-Фернандо Бэлли. Я ушел на флот, а когда возвратился, ее семья куда-то переехала, и я думал, что больше мы не встретимся. Прошло еще лет десять, и вот однажды парень в студии подозвал меня и спросил, не знаю ли я, что за девица вошла только что в помещение. Я взглянул и ответил, что прекрасно знаю — ее зовут Гейл Голфри. Он поднял меня на смех, потому что это была

третья миссис Ллойд Карлайл. Мне показалось, что она искренне обрадовалась нашей встрече, пригласила на обед к себе домой, обещав познакомить с мужем. Я принял приглашение, но мужа не оказалось дома, зато встретился с ее братом, который был маленьким паршивцем, когда я в последний раз видел его. Теперь из него вырос большой мерзавец, чему я ни капельки не удивился.

Она пригласила меня на следующую субботу поиграть в теннис, тогда-то я познакомился с Ллойдом. Он показался мне симпатичным малым, ничего не имел против того, что я часто бывал у них в доме. Постепенно круг наших интересов определился — теннис и плавание, разговоры о старых временах и о людях, с которыми она больше не встречалась. Я относился к ней чисто по-братски. И Ллойд это прекрасно знал, поэтому мои визиты его не беспокоили.

— Вы никогда не были любовниками?

— Никогда.

Вопрос его совершенно не смутил.

— Семь лет разницы, когда мы с ней были еще детьми, выработали у нас определенные отношения, которые не могли измениться. Вы понимаете?

— Что вы скажете о ее смерти? В то время вы были у них в доме?

Он покачал головой:

— Я был у них за день до ее смерти. Мы играли в теннис, потом плавали. Я, пожалуй, впервые видел ее такой веселой и счастливой, она буквально сияла. Когда я поинтересовался, что с ней происходит, она ответила, что не может сказать, потому что это еще большой секрет, но случится что-то поразительное. Вот поэтому, помня ее такой счастливой, трудно поверить в вашу теорию самоубийства, Холман.

— Знаете ли вы, кто еще находился в доме в ту ночь, когда она умерла?

— Никого не было. Ллойд был в Неваде, там что-то снимали для очередного фильма с его участием. Слуги всегда уходили около шести вечера. Гейл предпочитала приходящую прислугу. Ее брат вернулся домой где-то часа в два или три ночи и обнаружил ее.

— Вы знали, что у Ллойда в то время была любовница?

— Не наверняка. Слухи ходили, но в киносекторе без сплетен не обойтись. Во всяком случае, Гейл никогда не поднимала этот вопрос.

— Вы сами не сомневались в правильности вердикта коронера?

— Я...— Он довольно долго колебался.— Откровенно говоря, какое-то время я сильно сомневался. Меня больше всего смущало, что она никогда в жизни не притрагивалась к спиртному.

— К спиртному? — Я тупо посмотрел на него.— Но ведь она умерла от смертельной дозы снотворного.

— Правильно.— Он вздохнул.— Только вскрытие показало наличие алкоголя у нее в желудке. Достаточное, как было деликатно сформулировано, чтобы считать, что в момент смерти она не была трезвой.

— Она сияла от счастья из-за какой-то потрясающей новости, являющейся большим секретом,— задумчиво произнес я,— а в следующий же вечер напивается, хотя до этого ни разу в жизни не пригубляла спиртного, и по ошибке принимает смертельную дозу снотворного?

— Мне думается, такое могло случиться, если ее неожиданно что-то расстроило.— По его голосу было ясно, что он сам не верит тому, что говорит.— Проклятие, Холман! На что вы намекаете?

— Джастин Голфри говорит, что она покончила с собой и оставила записку в доказательство этого.

— Вы видели записку?

— Он не так глуп. Цитирует ее наизусть.

— Она привела в записке какие-то причины, заставившие ее решиться на самоубийство?

— Что-то о том, что единственная настоящая любовь всей ее жизни была уничтожена, так что ей лучше умереть.

— Я всегда считал, что ее единственной настоящей любовью был Ллойд,— пробормотал Фосс.— Вы точно знаете, что в то время у него была любовница?

— Вивиен Маслин, позднее ставшая четвертой миссис Карлайл.

— Возможно, именно это Гейл узнала на следующий день? — Он медленно покачал головой.— Бедняжка Гейл! Полагаю, что она не смогла с этим смириться.

— Возможно,— согласился я,— а как это воспринял Ллойд?

— Крайне тяжело.

Фосс закурил новую сигарету, пальцы у него вновь стали дрожать.

— Естественно, я присутствовал на похоронах. Когда все было кончено, я подошел к Ллойд, хотел высказать соболезнования. Он посмотрел как бы сквозь меня и наговорил мне столько гадостей, касающихся и моего

прошлого, и будущего, что я растерялся. После этого я ни разу его не видел и не разговаривал с ним.

— Почему он так набросился на вас, если ваши отношения с Гейл были чисто дружеские?

— Не знаю.— Он заерзал.— И до сих пор не могу понять, какая муха его укусила. В тот момент я все приписывал шоку и горю, которое он испытывал... Ну что же, благодарю...

— И я вас благодарю за то, что вы уделите мне столько времени, мистер Фосс. Теперь возвращайтесь к своему шерифу.

— Большое спасибо.— Он смущенно усмехнулся.— Вам следует знать, что моя ссылка на то, что я не могу оторваться от работы по сценарию, почти ничего не стоит!

Он поднялся и пошел проводить меня к выходу.

— Я буду вам бесконечно признателен, мистер Холман, если вы будете держать меня в курсе дела. Я имею в виду, если выясните что-то в отношении смерти Гейл, меняющее всю картину...

— Конечно, я дам вам знать.

— Надеюсь, что это не пустая отговорка! — Глаза его стали холодными.— Если кто-то виноват в смерти Гейл, я хочу быть уверенным, что этот человек получит по заслугам.

Глаза рыжеватой блондинки смотрели на меня настороженно и нетерпеливо, когда я вошел в офис. То, что она узнала о моем приходе, не являлось каким-то психологическим трюком, страж у ворот позвонил ей об этом.

На этот раз блузка была розовая, а юбка цвета толокна. Но округлые линии под ними были не такими соблазнительными, как накануне.

— Вы его упустили,— деловито сообщила она.— Десять минут назад он ушел с мистером Рейзером завтракать.

— Манни и Джо Рейзер? — Я поднял сверху два сжатых пальца: — Вот так?

Она слегка покраснела, голос стал ледяным:

— Что делать? — они все еще работают над старыми картинами Ллойда Карлайла. Выбирают лучшие сцены для телеспектакля. Честное слово, я начинаю сомневаться, останется ли у них время для похорон?

Я прислонился спиной к стене и закурил сигарету.

- Когда они состоятся?
- Завтра днем. Они закончили с...— Она глубоко вздохнула.— Я хочу сказать, вскрытие произведено.
- Кто поведет вдову?
- Не знаю. Скорее всего, мистер Рейзер.
- Правда? Я-то подумал, что поддерживать безутешную вдову будет ее дорогой друг Марвин Лукас!
- Ее брови слегка нахмурились.
- Марвин Лукас?
- Вы беспокоитесь за Манни,— сказал я.— Вам известны все его друзья и все его проблемы. Вы знаете все, что случилось с третьей миссис Карлайл и с каким трудом Манни скрывает факт ее самоубийства. Вы знаете все о четвертой жене, только что ставшей вдовой. Значит, знаете и про Марвина Лукаса.
- Ее пальцы играли с ножом для разрезания бумаги, имеющим форму кинжала.
- Вам что-то нужно, Холман?
- Вы слишком рано ушли вчера вечером, Карен. Пропустили все самое интересное. С визитом явилась вдова Карлайл и прихватила с собой крошку Марвина, чтобы он держал ее за ручку.
- Я наблюдал за тем, как шелковистая блузка немного сморщилась спереди, когда она жадно вздохнула, но тут же снова натянулась при новом вдохе.
- Если хотите знать, здесь мы никогда не говорим о Марвине Лукасе. Мы надеемся, что если постараться о нем забыть, то в один прекрасный день он непременно исчезнет.
- Вивиен и Лукас,— произнес я отчетливо.— И как давно действует это удачное содружество?
- Откуда мне знать? — Она пожала плечами.— Может быть, годы? Манни узнал об этом всего шесть месяцев назад. Ллойд дал ей престижное положение в обществе, женившись на ней, и деньги. Ну а если ей хотелось потратить часть этих денег на мускулы?
- Чем он занимается помимо того, что разминает мускулатуру у нее в будуаре?
- Не знаю. Почему-то никто не потрудился выяснить это.
- Сегодня, доктор Брайн, вы не помогли мне справиться с неврозом,— произнес я с упреком.— Если вы и дальше будете так халатно относиться к своим обязанностям, мне придется обратиться к другому врачу.
- Я бы очень этого хотела! — последовал раздражен-

ный ответ.— Вы становитесь моим постоянным ночным кошмаром.

— А мне кажется, что вчера вечером мы заключили сделку в интересах Манни?

— А мне кажется, что вчера вечером я была ненормальной! — отпарировала она.— У вас еще есть вопросы, мистер Холман?

— Знали ли вы, что Гейл Карлайл была алкоголичкой? — спросил я.

— Гейл? — Она презрительно засмеялась.— Вы ненормальный! Она вообще никогда ничего не пила.

— За исключением того вечера, когда умерла? Я хочу сказать, можете мне не верить, но с результатом вскрытия приходится считаться, верно?

Ее пальцы снова принялись играть с ножичком, а по глазам Карен было ясно, что она с наслаждением вонзила бы мне в грудь этот кинжальчик.

— Помнится, вчера вечером я сказала, что вы хитрый и неискренний.— Голос у нее немного оттаял.— Но я должна сознаться, что о результатах вскрытия я забыла. Во всяком случае, если она задумала покончить с собой, возможно, решила, что спиртное поможет ей набраться смелости на такой шаг?

— Или если кто-то замыслил убийство, то посчитал, что легче будет осуществить задуманное, напоив ее? — подсказал я.

— Вы снова об этом! — Она гневно взглянула на меня, потом перевела взгляд на крохотные часики на запястье: — Если вы не возражаете, мистер Холман, то мой перерыв уже начался.

— Ну и где же мы позавтракаем? — поинтересовался я.— Пожалуйста!

Она не слишком естественно запротестовала:

— От одной мысли, что мы будем есть за одним столом, меня пробирает дрожь.

— Насколько серьезно был болен Ллойд?

На мгновение она замерла, потом очень медленно повернула ко мне голову, как будто опасалась, что она может отвалиться.

— Ллойд — болен?

— Я говорю о серьезном заболевании.

— Он не был болен.

Очевидно, я удивил ее.

— Он был в прекрасной форме. Откуда у вас такая странная мысль?

— Знаете, иной раз появляются подобные мысли, когда ты не думаешь даже на эту тему. Стоит мне взглянуть на вас, как у меня голова вообще раскалывается от всяких предположений. Поверьте, они вовсе не такие пустые, как эта.

— Для вас секс почти что бизнес, не так ли? — Она изумленно посмотрела на меня. — Неужели вы никогда не успокоитесь?

— Вообще-то на меня отрезвляюще действуют удары между глаз, вроде вчерашнего, — сказал я. — Так вы отступились? Карен Брайн, наша сделка расторгнута, как я понимаю?

— Нет! — фыркнула она.

— Значит, мне надо поговорить с Манни.

— Я же объяснила, что он отправился на ленч.

— Я обожду.

— Возможно, он больше сюда не вернется. Это связано с хлопотами по организации похорон.

— В таком случае, пожалуй, мне надо дождаться Джо Рейзера и поговорить с ним, — произнес я печально. — Мне не хотелось бы говорить ему, что Манни не помогает мне, но...

Ее палец нажал на кнопку на столе, через секунду голос произнес:

— Машбюро.

— Джози, — рыжеватая блондинка заговорила сквозь сжатые зубы, — это Карен Брайн. Прошу вас, подмените меня на время беседы с мистером Крюгером.

Она встала и схватила сумочку со стола.

— Дайте мне пару минут, чтобы привести себя в порядок, потом я... — она снова сверкнула глазами, — с удовольствием позавтракаю с вами!

По дороге к машине она расписывала, какая изумительная столовая в студии. Я ответил ей, что хотя мое время в ее распоряжении, но я считаю, что мы должны поесть «как следует». Если она умница, то выпьет без кривляний одну-две рюмочки martini. Когда она возвратится, Манни Крюгер, возможно, наградит ее медалью за преданность. Этого было достаточно, она буквально задохнулась от ярости и не смогла произнести ни одного словечка, пока мы не подъехали к одному ресторанчику, где обслуживали похуже, чем в Чианти, но зато во время ленча не было особой сумятицы.

Я заказал martini, Карен демонстративно отодвинула

в сторону свой бокал, как только официант поставил его на стол.

— Я не пью за ленчем! — заявила она.

Я широко ей улыбнулся и придвинул бокал на прежнее место.

— Почему бы нам не выпить за «Ивана Грозного» Рейзера? — предложил я весело, — а также за доброго помощника Манни?

У нее побелели косточки на пальцах, когда она сжала бокал. Я не стал нагибаться, потому что выражение ее глаз говорило о том, что она сумеет удержать себя в руках. Но в другом месте бокал не приминул бы полететь мне в голову. Еще два бокала были поданы позже, официант с нахальной физиономией наконец поставил перед нами блюдо с какой-то массой, над которой поднимался пар, затем отошел в сторону, фыркая одной ноздрей.

— Я понимаю, что спрашивать не полагается, — произнес я, — но, черт побери, что это такое?

— Дежурное блюдо на сегодня — спагетти с крабами. — На этот раз он фыркнул второй ноздрей. — Вчера были спагетти с омарами, завтра — кто знает? — Заработали обе ноздри. — Если вы собираетесь это есть, вам необходимо белое чианти.

— Ол-райт, если вы разыщете бутылку с нетронутой пробкой, — нашел я компромиссное решение.

Карен с опаской взяла на вилку кусочек месива.

— Я решила, что вы стараетесь меня напоить, чтобы потом соблазнить, об отравлении я как-то не подумала.

— Где-то под этими потрясающими округлостями должно быть человеческое существо, — глубокомысленно произнес я, — вот я и решил, что с помощью выпивки удастся его разыскать.

Она поднесла ко рту вилку с фирменным блюдом, ее лицо внезапно прояснилось:

— Эй! Знаете, ведь это очень даже вкусно.

— У них и кухня, и вина хорошие, — согласился я, — но они считают, что на чем-то надо сэкономить. Поэтому у них вместо вышколенных официантов грубияны.

— Я часто задумывалась, как официанты сильно рискуют. — Она передернула плечами. — Представляете, что будет, если кто-то из них прольет тарелку с горячим томатным супом на чье-то платье?

— Мой мозг пасует.

— Полагаю, что такой хитрый и изворотливый ум, как у вас, никогда не пасует!

У меня не было возможности ответить, потому что вернулся официант, со стуком поставил бутылку чианти на стол, рядом с нею — штопор, затем довольно злобно взглянул на меня:

— Я потратил черт знает сколько времени на то, чтобы затолкать пробку обратно в бутылку, так что вы можете сами извлечь ее оттуда.

Немного подумав, он поставил два бокала рядом с бутылкой:

— Если вино не понравится, не беспокойте меня, оно уже включено в ваш счет.

Карен продолжала есть, пока я воевал с пробкой, а потом разливал вино. Когда мы покончили с едой, а чианти почти полностью было выпито, она довольно долго вглядывалась в меня, ее голубые глаза снова казались ласковыми.

— Почему бы вам не начать забрасывать меня новыми вопросами, чтобы я вас снова возненавидела?

— Ах, так! — Я печально покачал головой. — Вот в чем беда! Вы явно не хотите, чтобы я вас соблазнил, верно?

— Прямо здесь? — Она оскорбленно фыркнула. — Чтобы этот официант все время шмыгал носом?

— Таким образом, мне не остается ничего иного, как только задавать вопросы. Я хотел бы знать, является ли ваша неумирающая любовь к Манни просто материнской или это роковая страсть?

Она неожиданно рассмеялась, и у меня появилось сомнение, не подействовала ли на нее смесь мартини с чианти.

— Можете ли вы представить себе Манни, охваченным порывом неистовой страсти?

— Нет, пожалуй, — признался я. — Его очки запотеют, и он побоится заниматься любовью с кем-то из своих сослуживцев...

Не останавливаясь, я спросил тем же легкомысленным тоном:

— Знал ли Карлайл, что у него рак?

Она моментально перестала смеяться.

— Я... я не знаю.

— Но кто-то знал наверняка?

— Не думаю. Но то, что у него могло быть это заболевание, считалось величайшим секретом. Каким образом вы узнали?

— Это неважно. Кто его врач?

— Доктор Поулс. Но какое отношение все это имеет к Гейл?

— Никакого, очевидно.— Я слегка пожал плечами.— Всего лишь патологическое любопытство, так что забудьте об этом. Полагаю, вы правы: Лестер Фосс не был любовником Гейл.

— Вы с ним говорили?

Ее голубые глаза снова смотрели настороженно, казалось, выпитое вино не оказало на нее никакого влияния.

— Сегодня утром.— Я пару раз кивнул.— Приятный малый.

— Я встречалась с ним всего несколько раз в доме Ллойда, когда бывала там с Манни. Мое мнение совпадает с вашим... Он держался с Гейл скорее как старший брат, понимаете?

Она раскрыла сумочку, достала помаду и маленькое зеркальце, но, прежде чем привести себя в порядок, снова посмотрела на меня.

— Ведь вы поили меня не для пустого разговора?

— Верно, Карен.

— Как вы смотрите на то, чтобы задать этот самый вопрос сейчас? Я все еще должна зарабатывать себе на жизнь в студии, а сейчас уже почти три.

— Манни всячески мешает мне, не так ли?

Она с излишней осторожностью положила сумочку на стол.

— Не понимаю, о чем вы говорите?

— Он смертельно боится Джо Рейзера. О'кэй, это понятно, но точно так же он боится меня. Я хочу знать причину.

— Я думаю, что все это плоды вашей фантазии! — бросила она.— Я вам и прежде говорила: вы не сможете справиться с заданием, а Манни окажется во всем виноватым.

— Брайн,— я медленно покачал головой,— девушка с ласковыми голубыми глазами, вы знаете, как трудно быть настоящим лгуном? А у вас это здорово получается. Никто не знает, когда вы говорите правду, а когда врете.

— Я не совсем понимаю, о чем вы говорите, но мне явно не нравится ваш тон.— Она снова схватила сумочку.— Честное слово, пора возвращаться в студию.

— О'кей.— Я подал знак, чтобы принесли счет.— А как насчет того, чтобы поужинать со мной вечером?

— Существует какое-то слово, характеризующее вас, вот только никак не могу вспомнить.— Она задумалась,

прикусив губу. — «Ненасытный» мне представляется не совсем точным. Давайте договоримся с вами, Холман. В первый же вечер, после того как вы закончите расследование таким образом, как этого желает Рейзер, я пообедаю с вами, пока он будет поздравлять Манни. Что скажете?

— Что скажу? — Я разочарованно улыбнулся. — Человек может состариться в ожидании.

— Только не вы, Холман. — Ее ответная улыбка была явно издевательской. — Секс и напористость сохранят вас молодым.

Глава 6

Доктор Поулс молча сидел несколько минут после того, как я закончил свой рассказ, шумно втягивая носом воздух, как будто хотел уловить мой запах.

— Я понимаю беспокойство студии, мистер Холман, и в известной мере одобряю, — заговорил он вежливым тоном, — но с этической точки зрения я не уверен, что имею право отвечать на ваши вопросы.

— Ллойд Карлайл умер, — терпеливо прояснил я, — погиб в автокатастрофе, свидетелей которой не имеется. Если он знал, что у него рак, если ему сказали как раз накануне происшествия?.. — Я не стал заканчивать фразу, предоставив ему возможность немного подумать.

— Представьте на минуту, что подобная информация станет достоянием какого-нибудь репортера, доктор?

— Я понимаю, что вы имеете в виду, мистер Холман.

По его глазам было видно, что вопрос этичности был разрешен, он даже почти улыбнулся мне.

— Безусловно, это важно. В таком случае разрешите мне заявить, что никакого рака у него не было. Результаты биопсии доказывают это абсолютно точно, никаких сомнений не оставалось. Действительно, опухоль у него имела, но не злокачественная.

— Вы сами сообщили ему эту приятную новость? — спросил я на всякий случай.

— Непосредственно нет. Результаты были получены во второй половине дня, медсестра не сумела связаться с мистером Карлайлом по телефону. Естественно, я понимал, что он ждет с нетерпением результаты обследования, поэтому я написал ему записку и послал с нарочным на студию. — Он медленно покачал головой. — Ирония судьбы, мистер Холман! Человеку как бы заново дарована жизнь,

а на следующее утро он погибает в автомобильной катастрофе!

— Да,— прошептал я, потому что ничего другого не мог сказать.

— Похороны должны состояться завтра, как я понял? — угрюмо произнес доктор.— Я непременно буду, отдам последний долг.

Я поднялся со стула.

— Еще раз благодарю вас, доктор.

— Я рад, что сумел предотвратить неправильные слухи или сплетни, которые быстро распространяются повсюду.— На этот раз он по-настоящему улыбнулся.— Меня многое восхищало в Ллоиде Карлайле, мистер Холман. Пожалуй, больше всего, что он делал открыто то, что большинство мужчин хотели бы делать тайком, но у них не хватало смелости.

Его улыбка стала еще шире, когда он заметил удивленное выражение моих глаз.

— Известно, что даже немолодые медики, вроде меня, восхищаются женским телом по причинам, далеким от идеального строения скелета. До свидания, мистер Холман.

Было около пяти, когда я ушел из кабинета врача на Виллиер-Бульваре и направился в Западный Голливуд.

Пришло время, сказал я себе, серьезно поговорить с Джастином Голфри. Даже если мне придется расквасить ему нос, я все равно посмотрю на предсмертную записку его сестры. Я не сомневался, что сумею его напугать до такой степени, что он будет держать язык за зубами о некоторых подробностях, которые я узнал о смерти Гейл.

Входная дверь в его квартиру, расположенную на двух этажах, распахнулась буквально через пару секунд после того, как я позвонил. Только открыл ее не Джастин: вместо него я увидел крепко сбитого парня без всяких усов. Он был одет в футболку и джинсы, и если не считать излишне толстого брюха, в остальном он казался мускулистым здоровяком. В одной руке он держал откупоренную жестянку с пивом, его маленькие глазки посмотрели на меня весьма неприязненно. Возможно, он подумал, что я явился отнять у него пиво.

— Да-а? — протянул он не слишком вежливо.

— Джастин Голфри дома? — спросил я.

— Кому он понадобился?

— Рику Холману.

Он хлебнул из жестянки, вытер локтем струйку, которая потекла по подбородку, и буркнул:

— Да, он дома.

Я прошел мимо него в гостиную, в которой никого не оказалось, затем обернулся — как раз вовремя, чтобы увидеть, как он запер дверь и опустил ключ в карман.

— Это какая-то игра? — поинтересовался я. — Он прячется где-то в чулане?

Тип снова поднес жестянку ко рту, и я наблюдал, как прыгает его кадык, пока он не прикончил пиво. Затем он небрежно швырнул банку в противоположный угол комнаты и опять использовал тыльную сторону ладони вместо салфетки.

— Рад, что вы пришли, Холман, знаете?

Его глазки плотоядно блеснули, когда он оценивающе осмотрел меня, как будто мы находились в мясной лавке и он раздумывал, сколько бифштеков получится из облобованного им куска мяса.

— Очень рад! Видать, Марвин догадливее вас!

— Очевидно, речь идет о моем старом приятеле Марвине... Марвине...?

— Марвине Лукасе. Он велел мне сообщить вам его имя, чтобы вы его хорошо запомнили.

Его голова медленно покачивалась из стороны в сторону.

— Марвин считает, что хотя он вчера велел вам оставить в покое Голфри, но вы тупица, вам трудно втолковать. Поэтому он сказал мне: «Лу, подежурь немного в квартире Голфри. Если этот Холман заявится, пригласи его войти, а потом дай ему хороший урок, чтобы он запомнил, что, когда Марвин Лукас что-то говорит, он не шутит!» Поэтому... — Он вытер руки о свитер и выжидательно посмотрел на меня: — ...сейчас я намерен этим заняться.

Временами я ношу с собой пистолет, который мне совершенно не требуется, а вот тут он мне просто необходим. Лу был фунтов на двадцать тяжелее меня, ну и потом я не сомневался, что он вроде меня не станет бороться по правилам. Поэтому я попятился назад, обогнул кушетку и замер в ожидании.

— Тебе некуда бежать, простофиля! — весело воскликнул он. — Но если ты забьешься в угол, меня это устраивает. Возможно, этому Голфри не понравится, если ты испачкаешь кровью весь ковер.

Он неуклюже двинулся ко мне, почему-то подтягивая брюки. Когда он дошел до одного края кушетки, я обошел ее с другого конца. Мы проделали это пару раз на приличной скорости, потом пару раз медленно и остановились

в тех местах, откуда начали. Лу слегка запыхался, было видно, что он вне себя от ярости.

— Я тебе все сейчас объясню, щенок! — заорал он. — Я хотел задать тебе добрую трепку. Но если ты и дальше будешь продолжать эти забавы, я изобью тебя до полусмерти. Не сомневайся, я знаю много способов научить тебя уму-разуму, понимаешь? Так что остановись на минуточку, это в твоих же интересах.

Кушетка была старомодной, весьма добротной, по-настоящему крепкой и сделанной «на века». Снизу у нее были не нынешние колесики, а солидные ножки.

— Ты знаешь, в чем твоя беда, Лу? — Я приятно улыбнулся ему. — Ты настолько глуп, что даже не понимаешь, как можно добраться до меня.

Он даже растерялся:

— Не собираешься ли ты меня научить?

— Почему бы и нет? — насмешливо сказал я. — У тебя все равно не хватит силенок на это! Все, что от тебя требуется, это приподнять свой край кушетки и прислонить к стене, верно?

Он и правда был тугодум, не мог сразу сообразить, что к чему. Сначала он взглянул на кушетку, затем на стену, находящуюся от него футах в шести, затем на меня.

— Мне не хватит силенок, да? — Он усмехнулся. При его зубах ему это было противопоказано. — Смотри, щенок!

Я наблюдал, как он наклонился, хорошенько ухватился обеими руками за края кушетки, его плечевые мускулы напряглись под свитером. Он медленно стал выпрямляться, оторвав тяжелую кушетку от пола. Я тоже напрягся, боясь упустить нужный момент. Его глаза уставились на стену, мускулы затрепетали. Значит, Холману было пора выполнять свою часть работы!

Я быстро нагнулся, взялся обеими руками за кушетку, чуть приподнял ее и толкнул вперед, вложив в эту операцию всю свою силу. Расчет оказался точным: удар пришелся по Лу в тот момент, когда он отталкивал кушетку к стене. Естественно, он не удержался на ногах, растянулся на полу, а тяжелая кушетка придавила его туловище. Он поднял крик и попытался выбраться, но, после того как я его пару раз стукнул по голове, все понял и замолчал. Из-под кушетки торчали его ноги. Зрелище было настолько забавным, что я не удержался от смеха, за что в ответ выслушал отборную ругань.

— Что случилось с Голфри? — спросил я.

— Когда я сниму с себя эту проклятую кушетку, я убью тебя, подонок! — раздалось в ответ.

Я снова стукнул его по голове, затем повторил вопрос. Глаза у него остекленели немножечко, но он не мог справиться с переполнявшей его ненавистью, поэтому ничего не сказал.

— Послушай,— заговорил я спокойно,— время меня не поджимает, да и моим ногам не больно. Уж не желаешь ли ты до конца жизни оставаться с удлинненной головой?

— Ты...— Он задохнулся от злобы.— Я не знаю, что с ним случилось... Марвин приехал сюда еще с одним парнем, заставил его упаковать вещи, после чего они выпроводили его отсюда. Марвин сказал, что они спрячут его в надежном месте и продержат там до тех пор, пока не убедятся, что ты не оставил его в покое.

— Так куда они его повезли?

— Черт возьми, откуда мне знать? — Он начал неистово ерзать.— Ты убереешь прочь эту чертову кушетку?

— Нет,— ответил я, потом снял со стола телефон и поставил его на пол возле головы Лу.

— Какой номер у Марвина?

— Не знаю! — огрызнулся он, но живо передумал, когда я приподнял ногу, понимая, чем это кончится.

Я набрал номер и дождался, когда низкий голос ответил:

— Марвин Лукас.

— Лу хочет с вами поговорить,— сказал я, прикрыл трубку ладонью и взглянул на него.— Ты хочешь, чтобы я убрал отсюда эту кушетку, а я хочу знать, где можно отыскать Голфри. Посмотрим, удастся ли тебе уговорить своего приятеля на такой обмен.

Я наклонился, прижал трубку к его уху и дал ему говорить. Его объяснения грешили против истины: выходило, что я незаметно проскользнул мимо и опрокинул на него диван. Постепенно он изложил суть моего предложения. Лукас ответил очень коротко и повесил трубку.

— Он сказал...— Физиономия Лу приобрела окраску спелой сливы.— Он сказал, что вы можете катиться ко всем чертям.— Изогнувшись, он продолжил: —...а он придет и усядется на чертову кушетку, а я все еще буду лежать под ней.

— Это очень плохо!

Я поставил телефон на место.

— Ну что же, тебе придется уповать на то, что сюда

кто-нибудь в скором времени заглянет и составит компанию.

— Ты не собираешься сбросить с меня эту тяжесть? — Теперь он позеленел от такого предположения.

— И предоставить тебе возможность наброситься на меня? Очевидно, ты воображаешь, что я такой же болван, как и ты!

— Но ты же не можешь оставить меня в таком положении, проклятый диван раздавит мне все внутренности!

Внезапно он замолчал, его простоватая физиономия приобрела хитрое выражение.

— К тому же, Холман, тебе все равно отсюда не выбраться, если ты не вытащишь меня. Ведь ключ от двери у меня в кармане.

— Я уже говорил, что по части соображения ты не силен, Лу. Ты запер дверь на ключ, чтобы я не смог убежать и чтобы у тебя была возможность схватить меня, если я попытаюсь высадить дверь.

— Да-а.— В его глазах мелькнула тревога.— Ну так что?

— Я не спешу, к тому же у меня нет ни малейшего уважения к собственности Джастина Голфри,— ответил я.— Вы не возражаете, если я одолжу один из ваших башмаков?

Я подошел к кушетке и стянул ботинок с ноги Лу. Он был на пару размеров больше, чем моя обувь, но меня в ней привлекала толстенная подметка. Я надел этот башмак себе на ногу, после третьего удара дверь распахнулась. Позаимствованный у Лу башмак я поставил возле багровой физиономии пленника кушетки. Увидев на письменном столе карандаш, я сунул его между зубами Лу.

— Могу поспорить, немного попрактиковавшись, ты сумеешь набрать на телефонном диске любой нужный тебе номер,— сказал я ободряюще.— Так что все, что от тебя требуется, это подумать о настоящем друге и позвонить ему. Спокойнее, Лу, а то уронишь карандаш.

Послышался подозрительный хруст, когда Лу зажал зубами мягкое дерево карандаша, и я понадеялся в его же интересах, что он не перекусит его полностью. Проглотит кусочек, а потом будет страдать от свинцового отравления, если вообще не отдаст концы.

Поэтому я посчитал необходимым его предупредить:

— На твоём месте я вел бы себя осмотрительно, Лу. Не вздумай ничего говорить, еще раз повторяю. И помни, что карандаш деревянный, а не железный.

Было около семи, вечерние калифорнийские тени начали быстро сгущаться, когда я поднялся на верхний этаж нового небоскреба в конце Стрипа и прислушался к тихому звону в шикарном квартале.

Высокая брюнетка открыла мне дверь. На ней опять было платье из ткани с тропическим орнаментом в желто-оранжевых тонах. Линия ворота была сама скромность, однако подол заканчивался на четыре-пять дюймов выше колен.

Ее темные глаза осмотрели меня, но этим все и ограничилось.

— Я столкнулся с проблемой,— сказал я.— А у вас нет проблемы?

— Не было, пока вы не позвонили в дверь.— Она отошла в сторону.— Полагаю, вам лучше войти.

Я прошел следом за нею в огромную гостиную и опустился на изящную кушетку с роскошной обивкой. Она же прошла к бару с пустым бокалом в руке, взглянула на меня вопросительно, приподняв одну бровь.

— Благодарю вас. Бурбон со льдом. День у меня был долгим и трудным.

— Но вы делаете успехи, Рик?

— Приобретаю врагов.— Я глубоко вздохнул.— Беда в том, что при моем роде занятий враги заводятся быстрее друзей.

— Я сейчас разрыдаюсь,— произнесла она насмешливо, подавая мне мой бурбон.

— А сами не выпьете со мной?

— Возможно, выпью позднее.

Она уселась в кресло напротив меня, скрестив свои стройные ноги, у меня только что слюнки не потекли, когда я невольно поглядывал на чарующую линию бедер в обрамлении яркой юбки.

Ее полные губы раздвинулись, а потом опять сомкнулись, вероятно, она подумала, что ее слова прозвучали несколько двусмысленно, и решила этой темы больше не касаться.

— Я рассказал Джо Рейзеру о вашем предложении, он велел мне действовать, а вот Манни почему-то оно пришлось не по вкусу.— Я с удовольствием сделал глоточек из стакана.— Существует множество людей, которым не нравится ваша идея, Рита. Например, Марвину Лукасу, Вивиен и Джастину Голфри. Это вас удивляет?

— Меня удивляет, что Джо Рейзер воспринял ее положительно.

— Он согласился, точнее сказать, смирился с вашим предложением,— усмехнулся я.— Я не уверен, что оно ему нравится.

— Что вы выяснили?

— Что у Гейл не было любовника и что она впервые напилась в ту ночь, когда умерла... Как вы считаете, что за этим скрывается?

— Не знаю.— Она пожала плечами.— Знаю одно: вчерашний Рик Холман нравится мне гораздо больше сегодняшнего. Какая муха вас сегодня укусила? Что на вас так подействовало?

— Приобрел некоторый опыт. Во мне постепенно растет уверенность, что все, с кем я до сих пор разговаривал, что-то от меня скрывают. Все, без исключения. И это ощущение не дает мне покоя. Вы будете смеяться, но вот сейчас у меня ощущение, что вы тоже что-то скрываете от меня, Рита. Представляете? Вы мне сказали тоже далеко не все.

— О чем?

— О Ллоиде Карлайле, например... Вы даже не упомянули о том, что он умирал от Биг Казино.

Ее лицо слегка передернуло.

— Он считал, что болен, но определенно ничего не знал. Ждал результатов биопсии от своего врача.

— Когда он получил ответ?

— Не знаю. Последний раз, когда мы с ним разговаривали утром того дня, когда произошла катастрофа, он еще не получил заключения. Утром он мне позвонил из студии и сказал, что проторчит там до обеда, после чего ему придется ехать домой. Какие-то неприятности с Вивиен.— Она усмехнулась.— Неприятности с ней бывали постоянно.

— Из-за вас?

— Иногда, но по большей части из-за нее самой и Лукаса.

— Расскажите, что вы знаете о Лукасе.

— Только то, что он любовник Вивиен и что эта связь у них давнишняя. Ллойд почему-то ненавидел его, но она даже не пыталась что-либо скрывать. Она говорила, что раз он имеет любовницу, то она тоже может себе позволить. Как я предполагаю, на это ему нечего было возразить.

— Лукас зарабатывает на жизнь сам, или она его содержит?

— Этого я тоже не знаю... Извините меня, я вас прерву

на минуточку.— Она поднялась и подошла к бару.— Мне кажется, что мне тоже надо выпить.

Я наблюдал, как она смешивала себе напитки в бокале, движения у нее были точными, осторожными. Затем она отнесла его на столик возле своего кресла. Сделав глоток, Рита внимательно посмотрела на меня, и мне показалось, что она принимает какое-то решение.

— Вы правы,— заговорила она наконец.— В известной мере я тоже кое-что недоговаривала. Очевидно, правильнее сказать вам правду обо мне и Ллоиде.

— Это было бы замечательно. Положение дел таково, что это явится чем-то уникальным.

— Ллойд женился на Вивиен через три месяца после смерти Гейл. А через несколько месяцев после этого я стала его любовницей. Но на протяжении, как минимум, шести последних месяцев в наших отношениях полностью исчезла физическая близость. Он был страшно усталым, ему нездоровилось, жизнь за пределами этой квартиры была для него самым настоящим адом на колесах. И так было давно. Поверьте, здесь было единственное место, где он мог найти мир и покой, ничего другого он и не искал. Только мира и покоя. Я убеждена, что по-настоящему он любил только одну Гейл, и мысль о том, что она покончила с собой из-за него, была ему невыносима. В определенном смысле он даже хотел умереть, считая это справедливым возмездием за ту боль, которую он причинил ей. Ее образ, а также сознание вины постоянно преследовали его. Именно поэтому я хотела, чтобы вы выяснили правду о ее гибели.

— Я вам верю! — сказал я правдиво.

— Думаю, вы должны еще кое-что узнать.— На этот раз она улыбнулась по-настоящему.— Джо Рейзер наверняка все выяснил, прежде чем послал вас ко мне. Меня нельзя назвать богатой особой, но отец кое-что оставил, так что после уплаты налогов ежегодно получаю примерно двадцать тысяч. Эта квартира моя собственная, Ллойд никогда не платил за нее. Вивиен никогда не могла понять наших с ним отношений: деньги не играли в них никакой роли.

— Этому я тоже верю.— Я отпил еще немного.— Таким образом, прославленная техника перекрестного допроса Холмана была бы напрасной тратой времени в отношении вас. Ну что же, допью свой бокал и поплетусь восвояси.

— Почему бы вам не остаться со мной пообедать, Рик? — Ее глаза неожиданно потеплели.— Мне кажется,

вы действуете просто замечательно, а сейчас вам необходимо немного отдохнуть. Я, конечно, далеко не первоклассный повар, но зажарить бифштекс сумею. .

— Звучит заманчиво!

— Налейте себе второй бокал, пока я покручусь на кухне.

Обед выглядел интимным при свете свечей, к мясу Рита подала превосходный «Шате Марго». Мы непринужденно болтали, я с удовольствием наблюдал за тем, как блестели в колеблющемся свете ее длинные черные волосы.

К тому времени, когда мы покончили с едой, я начал чувствовать себя принадлежащим к когорте людей, изображаемых на глянцевых обложках светских журналов: элегантные создания, которым и ванна нужна просто для удовольствия, а не для того, чтобы смыть с себя грязь и пот...

Затем мы вернулись в гостиную и выпили еще по бокалу, после чего я сказал, что должен идти, и поблагодарил ее за чудесный обед. Все было на самом деле необычайно мило, но как-то нереально. Это чувство сохранилось вплоть до того момента, пока мы не дошли до входной двери и она положила свою руку на мое плечо... Я взглянул ей в глаза, в них светился затаенный огонь.

— Рик, — прошептала она, — вам надо идти?

Я всегда бываю не в ладах с облачением мыслей в слова. Я сказал:

— Я должен идти. — Но правильнее было сказать: «Мне следовало бы уйти».

— Я вас не привлекаю, вы это хотите сказать?

— Вы не просто красивая, вы очень красивая женщина, — сказал я искренне. — Вы чувствуете сейчас себя страшно одинокой, Рита. Мне не хотелось бы утром прочитать в ваших глазах, что все это было из-за одиночества.

— Вы ошибаетесь, но из самых благородных побуждений...

Она быстро, почти как неопытная девушка, поцеловала меня в губы, затем распахнула дверь.

— Спокойной ночи, Рик! — Она толкнула меня в плечо. — Проклятие! Уходите скорее, пока у меня еще хватает сил притворяться леди в данной ситуации.

Я выскочил, спотыкаясь, в коридор, в то же мгновение за мной захлопнулась дверь. Спускаясь на лифте вниз, я мысленно спрашивал себя, не сошел ли я с ума, и пришел к заключению, что иного объяснения быть не может. Эта мысль мучила меня всю дорогу домой вместе с восхити-

тельными картинами Риты в ночной сорочке или вообще без нее. Самоистязание закончилось только после того, как я свернул на собственную подъездную дорогу и увидел массивные очертания блестящего «роллса», уже стоящего там.

Я автоматически направил свет фар на это чудо техники и с облегчением вздохнул: внутри машины виднелась всего одна, несомненно, женская голова.

Открытие было ободряющим, но, возможно, в чем-то сценарии именно это и было запланировано? Подумав об этом, я поспешил выключить огни и двигатель, вышел из машины и с предосторожностью приблизился к «роллсу», прыгнул вперед и рванул заднюю дверцу. Внутри никого не оказалось.

— Успокойтесь, Холман! Это всего лишь я! — Она громко хихикнула. — Я не решилась на этот раз захватить Марвина, потому что он безумно зол на вас. Он рассказал, что вы проделали с одним из его ребят, используя кушетку. Я чуть не умерла со смеху. Ловко же вы обставили этого болвана!

Лампочка на крыльце горела. Она включалась автоматически каждый раз, когда в ночное время любая машина сворачивала на мою подъездную дорогу. Так что, когда Вивиен вышла из машины, я смог ее хорошо разглядеть. Хотя вечер был теплым, она была укутана по самые уши в пальто. Ее светлые волосы и на этот раз ниспадали на плечи.

— Нам надо кое-что обсудить, Холман. — Ее белые зубы блеснули в неожиданной улыбке. — Беседа при закрытых дверях, счастливчик! Только мы вдвоем!

— Вы уверены, что не запихали к себе в бюстгальтер кобру? — спросил я.

— Оказавшись рядом с тем, что у меня есть, любая кобра умерла бы от восторга ровно через пять секунд, — заявила она с гордостью. — Открывайте дверь, Холман. В ожидании вас я просидела в машине, мне совершенно необходимо выпить.

Она поднялась по ступенькам и даже под объемным пальто ритмическое покачивание ее бедер вызывало во мне греховные мысли. Я поспешил вставить ключ в замочную скважину, включил свет и прошел вместе с ней в гостиную. Она сразу же устроилась на кушетке, пока я хлопотал у бара. Приготовить бокал для гостьи было пустяком: я просто заполнил скотчем высокий бокал до самого края. Темно-синие глаза моей гостьи следили за мной с каким-то

непонятным для меня выражением, пока я нес ей спиртное и присаживался рядом с ней на кушетку.

— Благодарю.

Ее ловкие пальцы забрали бокал и поднесли к губам. Она выпила половину, как будто был очень жаркий день, а я подал ей лимонад. Затем полная верхняя губа растянулась в улыбке, в то время как нижняя изогнулась особым образом, выражая симпатию.

— Очень сожалею из-за вчерашнего,— заговорила она гортанным голосом.— Я посчитала нужным преподать вам урок, ну а самым простым образом было разозлить Марвина. Иногда мне просто необходимо удрать от него, как, например, сегодня, чтобы снова свободно дышать.

— У него сегодня будет много хлопот,— усмехнулся я.— Куда он спрятал Джастина Голфри?

Она хихикнула и прижала палец к губам:

— Это секрет. Это настолько большой секрет, что он не пожелал сообщить подробности даже мне. Можете ли вы представить такое?

— Нет, конечно! — проворчал я.

— Вы мне не верите? — Ее глаза расширились от ужаса, как будто я произнес что-то крамольное.— Ну что же, едва ли стоит нам затевать долгий спор сейчас. Уж коли вы мне не доверяете, Холман, это было бы потерей времени, не так ли? Я считаю, нам надо сначала как следует узнать друг друга.— В ее глазах на мгновение вспыхнул огонек, когда она снова улыбнулась.— Вы не находите это хорошей идеей?

— Вивиен, дорогая,— ответил я ледяным тоном,— я уже могу вас читать, как книгу.

— Невозможно читать книгу, не открыв ее предварительно, нужно хотя бы откинуть обложку,— ответила она заговорщицки.— Вот так...

Она допила свой бокал, аккуратно поставила его на столик и поднялась с кушетки. Отойдя от нее на два шага, Вивиен повернулась ко мне лицом и неторопливо расстегнула верхнюю пуговицу пальто. Когда же последняя пуговица была расстегнута, она неувлимым движением сбросила его с себя, и оно свалилось к ее ногам, объяснив мне причину того, что такая теплая вещь понадобилась в жаркий вечер. Под пальто у нее был надет крошечный бюстгальтер, не вмещающий и половины ее полных грудей, и черный кружевной треугольник, который едва ли можно было назвать трусиками.

Призывное мерцание в глазах усилилось, когда она

завела руки за спину и черная кружевная полосочка бюстгальтера полетела на пол. Молочно-розовые груди были безупречной формы.

Я невольно затаил дыхание: проворные пальцы Вивиен занялись трусиками, которые последовали за бюстгалтером.

Что я могу сказать? Даже в отсутствие морской раковины она выглядела настоящей пенорожденной Венерой.

Она спокойно забрала бокал из моих онемевших пальцев и осторожно поставила его рядом со своим, затем неожиданно сильным ударом толкнула меня на кушетку, сама упала на меня, обжигая горящими страстными глазами.

— Теперь, — хохотнула она, — когда церемония знакомства окончена, почему же вы ничего не предпринимаете, Холман?

Я глубоко вздохнул и поднялся с кушетки, при этом уронив ее на пол. Она встала и с неподдельным изумлением уставилась на меня.

— Вы... — Она на мгновение потеряла дар речи, настолько невероятной показалась ей такая мысль. — Вы не хотите меня?

— Я хочу вас! — рявкнул я и обратной стороной ладони ударил ее по лицу с такой силой, что она не смогла удержаться на ногах и упала на кушетку. — Это за то, что вы заставили меня захотеть вас! — сказал я напряженным голосом и постарался не заметить торжествующего выражения на ее лице, когда присоединился к ней.

Минут через тридцать Вивиен все еще украшала собой кушетку, лифчик и трусики были надеты на соответствующие места, однако в них она выглядела еще более обнаженной.

Она потребовала еще скотча, сделала несколько глотков, затем удобно зажала бокал в ладонях.

— Что за мужчина! — Вивиен едва слышно рассмеялась, затем осторожно дотронулась рукой до пылающей щеки. — Синяка нет?

— Еще нет!

Я приготовил традиционный бурбон, оперся локтем о стойку бара и посмотрел на нее.

— Ну и как все это выглядит?

— Я ужасно переживаю из-за того, что случилось вчера. — Она облизала кончиком языка нижнюю губу. — Откровенно признаться, я не думала, что Марвин такой свирепый. Так что я считала себя перед вами в долгу,

Холман. Но что действительно важно, так это то, что теперь мы узнали друг друга... с интимной стороны, да? А раз так, что нам мешает стать хорошими друзьями, верно?

— Мне ваше предложение представляется замечательным,— сказал я тепло,— стать хорошими друзьями, которые полностью доверяют друг другу. Где я смогу найти Джастина Голфри?

Вновь вспыхнувший огонек в ее глазах определенно не был дружеским.

— Я уже сказала однажды, что мы не можем допустить, чтобы он стал размахивать предсмертной запиской Гейл перед каким-нибудь ловким репортером. Но вы не пожелали слушать разумные речи, поэтому мы спрятали его в таком месте, где вам его не найти, Холман. Думаю, что теперь вы видите целесообразность такой меры.

— Неужели та, бесспорно, приятная зарядка, которую мы проделали только что на кушетке, могла подействовать на мой мозг? Нет, дорогая, такого не случилось!

Она допила свой бокал, поднялась с кушетки, одела туфли и потянулась к пальто, переброшенному через спинку стула.

— Значит, вы меня одурачили? — Ее хриловатый голос был даже не холодным, а ледяным.— Ну что же, не могу сказать, что я получила большое удовольствие от подобной зарядки, как вы выразились.

— Если вы хотя бы изредка говорили правду, Вивиен, я бы был к вам гораздо более расположен,— усмехнулся я.— Например, вчера вечером вы заявили, что Ллойд Карлайл был обречен. Так?

— Да. Биг Казино...

— Откуда вы знаете?

— Он сам мне сказал.

Она повернулась ко мне, ее пальцы возились с застежкой, глаза оставались враждебными.

— Послушайте, Холман, я испробовала все известные мне способы быть с вами милой и любезной, но не достигла успеха. Так что теперь отношения между нами будут иными, вы даже себе не представляете, какой опасной я могу быть, если меня разозлить.

Она подняла воротник пальто до самых ушей.

— Не уберете ли вы с дороги свою колымагу, чтобы я смогла выехать отсюда?

Я проводил ее и даже распахнул дверцу машины. Когда она уже уселась, я захлопнул дверцу, сказав:

— Передайте Марвину, что, когда в следующий раз он явится с визитом, я буду ждать его.

— Не думаю, что в этом появится необходимость.— Она по-кошачьи улыбнулась, как будто увидела перед собой миску сливок.— Я просто скажу ему, что поехала к вам сегодня одна и что произошло.— Вивиен легонько прикоснулась к щеке.— К утру появится синяк, подтверждающий мой рассказ.

Я отогнал машину в гараж и вернулся в дом. Запах ее духов все еще витал в гостиной. Бокал стоял на столике, а смятые подушки на кушетке свидетельствовали о кратком взрыве страсти. «Что за женщина Вивиен Карлайл?» — подумал я невольно. Акт любви что-то значит для двух его участников, каким бы он ни был кратким. Но ведь она уже явилась сюда с твердым намерением обольстить меня, заставить решиться на то, что она хотела, используя свое тело в качестве приманки.

Такие размышления усыпляли угрызения совести, ибо я не мог себе простить того, что я взял ее тело, хорошо понимая, почему оно мне было предложено. Так что за человек был Рик Холман, а?

Вечер все еще был очень теплым. Я разделся, натянул плавки и нырнул в бассейн, находящийся позади дома. Поплавав немного, я перевернулся на спину и какое-то время лежал на спине, глядя на звезды в небе. Они сияли вдалеке, яркие и непорочные. Им, несомненно, чужды были заботы и сомнения Рика Холмана, специалиста по улаживанию людских неприятностей.

Глава 7

— Рик! — Увеличенные толстыми стеклами очков глаза Манни с мольбой уставились на меня.— У меня осталось всего четыре часа до похорон. Нельзя ли с этим подождать?

— Расскажите мне про Марвина Лукаса, вот и все. Пять минут. Его краткая биография, большего я не требую.

— Марвин Лукас? — Машинально его рука потянулась к верхнему карману и вытянула белоснежный носовой платок.

— И оставьте в покое свои очки,— заворчал я.— Их вовсе не нужно протирать, а когда вы их снимаете, я не бываю уверен, врите вы или говорите правду.

— Рик, мальчик?! — Он ошеломленно уставился на ме-

ня.— Что с вами стряслось? Вы не верите мне, вашему старому другу? Больше не верите?

— В данный момент я не верю даже самому себе... Итак, расскажите мне про Марвина Лукаса.

— Он бывший преступник.— Он вздернул плечи, как будто перекладывал ответственность за свои слова на кого-то другого.— Во всяком случае, все говорят, что он «бывший», поскольку сейчас его подобрала Вивиен.

— Когда это случилось?

— Кто знает? — Он снова пожал плечами.— Несколько лет назад. Рассказывают, что она проводила уик-энд в Палм-Спрингсе, изнывая от скуки, а природа наградила его крепкими мускулами. Это, разумеется, было до того, как она вышла за Ллойда.

— Но их связь продолжалась и после этого?

— Верно.— Он громко постучал пальцами по столу.— Почему к нему такой интерес?

— Хочу выяснить, велико ли его влияние на Вивиен.

— Она вообще ни с кем не считается,— решительно произнес он.— В банке у нее куча денег, вот это имеет для нее значение. Что касается людей... нет!

— Зато она сама может оказывать давление на людей,— возразил я.— Таких, как, например, Джо Рейзер.

Его глаза чуть не вылезли на лоб.

— Влиять на мистера Рейзера? — переспросил он потрясенно.— Вы, очевидно, смеетесь, Рик.

— Она добивается, чтобы я прекратил расследование гибели Гейл,— сказал я,— причем действует настойчиво. Просто скажете Джо, что вы действуете по данному делу, посоветовала она, а я сумею с ним договориться. По ее тону было ясно, что она в этом не сомневается.

— Рик? — Манни закрыл глаза и не раскрывал их довольно долго.— Можете ли вы представить человека, способного повлиять на мистера Джо Рейзера?

— Это довольно трудно сделать,— согласился я.— Так вы думаете, что она просто хотела произвести на меня впечатление?

— Что еще? — Он взглянул на часы и громко застонал: — До похорон осталось три часа и пятьдесят три минуты, Рик. Вы использовали свои пять минут, так что будьте умником и отпустите меня, хорошо?

— Еще один вопрос! — торопливо воскликнул я.— Где я могу отыскать Джастина Голфри?

— Только не на похоронах, это точно. Если бы он

показался где-то в районе полумили от церкви, я бы собственноручно убил его.

— Но он не может материализоваться просто из воздуха! — фыркнул я. — Он должен где-то жить. Мне нужен адрес, только и того.

— Черт возьми, откуда мне знать, где живет этот подонок? — возмутился Манни. — Он — проблема Вивиен, не моя, благодарение Господу!

У меня в голове пронеслась внезапно новая мысль:

— Помимо хижины в горах у Ллойда нигде не было тайного убежища?

Манни немного подумал, затем покачал головой:

— Нет, только этот охотничий домик, Рик.

— Вам, Манни, не нужно было так долго об этом раздумывать, — вкрадчиво произнес я. — Что именно вы решили от меня скрыть?

— Хотел бы я знать, что вы такое придумали, Рик? — Он снова забарабанил пальцами по столу. — Ах, пусть все провалится к чертям! Вы все равно не отвяжетесь... Я просто припомнил, что у Вивиен имеется собственный уголок на этой стороне Лонг-Бич.

— Адрес известен?

— У меня его нет. Спросите у Карен, когда будете уходить, она наверняка его где-то записывала.

— Она не пожелает мне уделить даже пяти минут, — пробурчал я. — Карен считает, что я ничего не добьюсь и оставляю вас беззащитным перед неумолимым Рейзером.

Он слегка усмехнулся:

— У женщины нет большей любви, чем стремление защитить своего босса! Это возвышает ее в собственных глазах. Если она заупрямится, попросите ее позвонить мне.

— Она ненавидит меня потому, что я подверг сомнению ее слова о вашем совершенстве. Я просто вскользь упомянул, что вы чего-то недоговариваете, Манни, не желаете мне рассказать, и по неясной для меня причине она буквально ополчилась из-за этого на меня.

— Дамы и есть дамы, — произнес он со странным выражением лица. — Карен — изумительное создание. Наши взаимоотношения чисто платонические, можете мне поверить. Я здесь настоящее ископаемое: удачно женившийся человек, любящий собственную жену и троих детей и не ищущий сомнительных удовольствий где-то на стороне.

— Я вас искренне за это уважаю! — сказал я, не кривя

душой.— Спасибо за информацию. Больше не буду вас задерживать. Занимайтесь похоронами.

Я уже двинулся к выходу, когда услышал его смущенное покашливание. Обернувшись, я увидел, что он энергично протирает очки, глядя на меня близорукими глазами.

— Рик!

— Слушаю,— вежливо произнес я.

— Я просто сейчас подумал...— Он смущенно закашлялся.— Как вы ладите с Ритой Квентин?

— Превосходно.

— Она ничего вам не рассказывала о своей жизни до того, как в ней появился Ллойд Карлайл?

— Только то, что ее отец умер и обеспечил ее настолько, что ей не надо беспокоиться о таких низменных вещах, как деньги.

— Я не думаю, что это точно соответствует истине.

Манни на мгновение надел очки, чтобы взглянуть на меня, потом решительно двинулся ко мне. Подойдя ко мне вплотную, он снова снял очки и прищурился.

— Я слишком много работаю,— пожаловался он,— вот почему у меня в голове настоящий сумбур. Знаете ли вы, Рик, что в киноиндустрии все несколько изменилось. Люди больше не всаживают ножи друг другу в спины, они просто похлопывают вас сзади по плечу, а когда вы оборачиваетесь, открыто всаживают вам нож в грудь.

...Уж не знаю почему, но я припомнил то, что говорят о вас: «Рик Холман никогда не предает и не предавал своих друзей.» А я ведь вам друг, Рик?

— Откровенно говоря, я начал в этом сомневаться за последние пару дней,— ответил я.

— Понятно! — Он мрачно кивнул головой.— Ничего не поделаешь. Придется сообщить вам то, что до сих пор никто не осмеливался сказать. Даже Рита Квентин, как я понял... Упоминая о своей финансовой независимости, она не уточнила, что получила ее не от родного папеньки, а от так называемого Большого Дедди.

— Иначе говоря, от любовника.

— Совершенно верно.

— Так чьей же любовницей она была раньше? — Я взглянул на Манни.— Вы хотите сказать мне имя?

— Нет,— пробормотал он,— этого я как раз не хотел делать. Но сделаю.

Он выдвинул голову вперед, так что его глаза оказались всего в нескольких дюймах от моих и шепнул:

— Рейзер!

— Рейзер?

— Заткнитесь! — гневно закричал он. — Я бы не удивился, узнав, что у этих стен имеются большие уши!

— Вы не дурачите меня, Манни? — спросил я холодно. — Хороши шуточки! Задурите мне голову и будете посмеиваться, что я пустился по ложному следу?

— Какого же низкого вы обо мне мнения, Рик! — Он обиделся. — Вот уж не предполагал, что вы можете заподозрить меня в таком коварстве и непорядочности, Рик Холман! Неужели вы не понимаете, что я рискую не только благополучием, но и жизнью всей своей семьи, сообщив вам об этом? И что вы сделали? Плонули мне в душу.

— Наденьте свои очки, прежде чем у меня появится желание сделать это, — подмигнул я ему. — Не надо обижаться, я просто был потрясен вашими словами... — Значит, вот оно что... Вы больше ничего не хотите добавить?

— Я просто больше ничего не знаю. И про это-то я узнал чисто случайно. И меня здесь не было бы, если бы Рейзер понял, что мне известна его тайна.

— Не беспокойтесь. Я уже позабыл, что получил сведения от вас... Я спрошу у Карен. И еще раз за все огромное спасибо.

— Я точно знаю, что собственноручно перерезал себе глотку, так почему же она не болит?

Очки снова были водружены на переносицу, Манни даже повеселел.

— Возможно, я на самом деле ничего вам не сообщал, Рик?

В офисе не было никого, кроме деловитой Карен Брайн, что-то печатающей на электрической машинке. Она притворилась, что не видит меня. Я подошел, присел на краешек ее стола, протянул руку и выключил машинку. Ее блузка сразу же натянулась на груди, а когда Рита подняла на меня ясные голубые глаза, в них было воинственное выражение.

— Мир! — Я быстро поднял кверху одну руку. — Я пришел как друг.

— Ха! — Она встала, чтобы снова включить машинку.

— Манни сказал, что вы дадите мне адрес домика Вивиен где-то на Лонг-Бич.

Ее губы недоверчиво искривились, она определенно мне не поверила и по собственной инициативе сняла трубку внутреннего телефона.

— Мистер Крюгер?

— Знаю, знаю, — до меня донесся едва различимый

голос Манни.— Все о'кэй, Карен. Отныне Рик Холман будет пользоваться дружеской поддержкой в нашем офисе.

— Благодарю вас.— Она положила трубку на место и недоуменно посмотрела на меня.— Что вы такое с ним сделали? Подсыпали какой-то дряни в его кофе?

— Всего лишь адрес, мисс Брайн.— Я даже не потрудился к ней наклониться.— Все остальное для моих мемуаров.

— Порнография достигнет небывалого подъема, когда они их напечатают!

Она поднялась из-за стола, порылась в одном из ящиков, отыскивала требуемую папку.

— Будьте любезны, запишите адрес,— попросил я.— У меня никуда не годится память!

Она написала адрес на листке из блокнотика, вырвала его и протянула мне.

— Если вы планируете оргию на пляже с веселой вдовой, вам придется немного подождать,— сказала она кислым голосом.— Она не сможет к вам присоединиться до окончания церемонии.

— Я всего лишь передовой отряд,— самодовольно ответил я.— Прибуду пораньше, чтобы убедиться, что все готово. Знаете, подушки разбросаны по полу, душистые свечи хорошо горят, грозди винограда разложены на хрустальных блюдах и обрызганы ромом.

— При вашем воображении я сомневаюсь, что у вас останется время на девушек. Да вам это и не нужно. Достаточно просто помечтать.

Она включила машинку и с такой скоростью накинулась на клавиши, что, как мне показалось, все высотное здание дрожало от страха.

Я почувствовал себя лишним и покинул мир фантазии, иначе называемый «Сталлер Продакшнз», вернуться в скучный реальный мир, который находился за воротами студии.

Поездка с допустимой скоростью 28 миль в сторону Лонг-Бич не дала мне возможности почувствовать себя заново рожденным, но все же я успел немного переключиться.

Мои мысли занял Манни Крюгер. Стал ли он моим союзником? Или просто преподнес заведомую ложь из каких-то непонятных пока побуждений? Если он сказал правду, то как мне теперь относиться к Рите Квентин? Короче, вопросы, вопросы, на которые нет ответа.

В конце концов я нашел дом неподалеку от укромного

пляжа к северу от Лонг-Бич. Окружающий его высокий забор усиливал ощущение уединенности этого гнездышка. Я сразу же заметил «седан» последней модели, оставленный на подъездной дороге, поэтому проехал мимо.

Если, как я надеялся, Лукас запер Голфри в этом доме, то, несомненно, он должен был оставить одного из своих головорезов охранять его. Можно было предположить, что этот страж будет такого же сорта, как Лу.

Я не спеша повернул назад по дороге, обдумывая стратегию и тактику предстоящей операции. Эпизод с кушеткой был подсказан конкретной обстановкой, так что не имело смысла ломать себе голову и планировать то, о чем я не имел ни малейшего представления. На всякий случай я заглянул в отделение для перчаток и извлек оттуда солидный фонарик с тяжелым металлическим футляром. Припарковав машину на подъездной дороге и сунув фонарь в карман, я прошел к парадному крыльцу и принялся неистово нажимать на звонок, как будто на грешную землю обрушилось небо, а до второго пришествия остались считанные минуты.

Примерно через пять секунд дверь отворилась дюйма на три, я увидел типа, который как две капли воды походил на Лу, разве что его физиономия была более отталкивающей. Парень уставился на меня.

— Полиция! — рявкнул я. — На подъездной дороге ваша машина?

— Да-а, — протянул он. — Ну и что? Она же не мешает движению.

— В таком случае вы, возможно, объясните, чей труп находится в багажнике?

— Труп в... — Он икнул от страха. — Вы, очевидно, шутите?

— Хороши шуточки! — Я повысил голос: — Выходите и сами взгляните!

Парень распахнул дверь пошире и вышел на крыльцо, тяжело дыша. Тут я и ударил его фонарем по затылку. Он свалился на ступени неподвижной кучей. Мне пришлось схватить его за воротник, затащить назад в дом и неслышно закрыть дверь. По его виду видно было, что он очухается не скоро, значит, пока о нем можно было не беспокоиться. Я оставил его на полу, перебежал через холл и начал осматривать остальные помещения. Когда в доме не осталось буквально ни одного пропущенного уголка, у меня чуть было не сдали нервы. Я уже начал всерьез думать о том, что ошибся домом и только что огрел по голове

какого-то важного сотрудника ФБР, приехавшего сюда на отдых.

К счастью, в одной из комнат я выглянул из окна и увидел человека, полуразвалившегося в плетеном кресле лицом к пруду. «Знакомые шорты!» — решил я и почувствовал себя гораздо бодрее.

Выйдя из дома, я неслышно подошел к плетеному креслу и весело воскликнул громким голосом:

— Привет, Джастин!

Результат был впечатляющим. При звуках моего голоса он непроизвольно подпрыгнул, оставив далеко позади себя кресло. На мгновение он забалансировал на краю бассейна, отчаянно размахивая руками, но все же не удержался и плюхнулся в воду, подняв огромный столб брызг. Когда он появился на поверхности, я, опустившись на колени, схватил его за рубашку, выудил из воды и толкнул обратно в кресло.

С длинными мокрыми волосами, плотно облепившими голову, он напоминал какое-то морское чудовище, выуженное из океанских глубин по ошибке.

— Вы! — выдавил он хриплым голосом. — Каким образом вы сюда попали?

Он протер глаза, как бы освобождаясь от кошмара.

— А где Джонни?

— Лежит без сознания у входной двери, — ответил я ворчливо. — А вы умеете плавать?

— Нет!

— Это замечательно!

Я схватил его за шиворот, приподнял с кресла, затем снова бросил на сиденье.

— Вижу, утопить вас просто.

На какое-то мгновение он закатил глаза, затем быстро затряс головой.

— Холман, вы, очевидно, помешались? Что я вам плохого сделал?

— Ничего! — Я скорчил страшную морду. — Я просто садист. Обожаю терзать людей, в особенности, таких, как вы, Голфри!

— Вы так долго сюда ехали, чтобы просто меня избить?

— Верно... — Я пожал плечами. — Либо вы отдадите записку сестры, либо я изобью вас так, что вы костей не соберете.

— Ох... — Очевидно, к нему постепенно возвращалась

способность соображать. — Очень сожалею, но у меня ее нет.

— Где она?

— В безопасном месте, где до нее никто не сможет добраться. Кроме меня, конечно.

— Ошибаетесь! — гаркнул я. — Вы забыли обо мне!

Он выпрямился в кресле и попытался не обращать внимания на воду, стекающую с его промокшей одежды.

— Я уже говорил вам, Холман: если вы будете продолжать угрожать мне, я предам огласке все случившееся, и где вы тогда будете вместе со своей студией?

Я схватил его за плечи и потащил к бассейну. В одном можно было не сомневаться: он на самом деле не умел плавать, поэтому я без раздумий швырнул его в воду. Он отчаянно замахал руками, ему все же удалось высунуть разок голову и вдохнуть воздуха, но я безжалостно ногой надавил на нее, и он снова ушел на дно. После этого я выудил его и бросил в кресло.

С точки зрения методики все выглядело достаточно монотонно, но по выражению его лица было ясно, что он не рассматривает происходящее под таким углом зрения.

Он выплюнул целый фонтан воды, принялся яростно чихать, закашлялся, снова сплюнул водой, откинулся на спинку кресла и расплакался.

— Мы отправимся вместе и заберем эту записку, — сказал я, — или вы снова нырнете в бассейн, Голфри. Выбирайте!

Он наклонился и положил голову на ладони. Громкие рыдания сотрясали его тело. Мне пришлось подождать, пока он немного успокоится, прежде чем я снова заговорил:

— Никакой записки не было, Джастин, — спокойно сказал я. — Не так ли?

Его голова поднялась на пару дюймов, он смотрел на меня невидящими глазами. Прошло несколько томительных минут, прежде чем он со вздохом согласился:

— Да, не было.

— Женщина, получившая сильное эмоциональное потрясение, настолько сильное, что она впервые в жизни решила напиться, а потом принять смертельную дозу снотворного, — продолжал я ровным голосом, — навряд ли подумала о прощальном послании.

— Это же был единственный шанс для меня! — Он снова спрятал лицо в ладони. — У Гейл не было собственных денег. — Ладно, она решила покончить с собой, ее

право, не спору. Ну а я? Она даже не подумала обо мне, о ее родном брате! Ллойд почему-то я не нравился, я понимал, что после похорон он выставит меня из дома незамедлительно. Поэтому я сказал ему, что она оставила записку, в которой обвиняет его в том, что он довел ее до самоубийства. Ее тело нашел я. Никто не знал, была ли такая записка — нет. Я подумал, что тысяча долларов для него — сущий пустяк, и он обязан выплачивать мне эту сумму. Гейл тоже хороша. Ведь, если бы она не покончила с собой, они вместе удрали бы от меня!

— То есть как это удрали?

— Это правда!

Он снова сердито вздернул голову, на его бледных щеках вспыхнули красные пятна.

— Они же вздумали сбежать, начисто забыв о моем существовании!

— Какого черта вы тут придумываете? — рассердился я. — Зачем им было куда-то бежать? Они же были женаты!

— Разумеется, были, но Карлайл решил покончить навсегда с Голливудом. Ему надоело все: и создание фильмов, и играть в них, даже любовница. Гейл рассказала мне обо всем этом накануне. Я и сейчас вижу ее: стоит с сияющими глазами, совсем как влюбленная школьница. Единственное, что имело для нее цену в этом огромном мире, было открытие, что Ллойд по-прежнему любит ее.

Его губы презрительно искривились.

— Она потеряла голову от счастья! Они надумали сбежать вместе и жить вдаль от шума и суеты. Что касается остального мира — он может идти ко всем чертям! Ну а как же я? Я спросил у нее, что же будет со мной? Поверите ли, я не уверен, что вообще она слышала меня от счастья. Пробормотала что-то невнятное, что у меня нет причин волноваться, и тут же снова заговорила о светлом будущем, которое ждет их с Ллойдом.

— Если она была так счастлива, что заставило ее наложить на себя руки всего через двадцать четыре часа?

— Не знаю. — Он пожал узкими плечами. — Лично я предполагаю, что Ллойд передумал и сказал ей об этом.

— Ллойд в то время находился в Неваде. Уехал туда на несколько дней.

— Разве он не мог ей позвонить?

— Где вы были в тот вечер, когда она умерла?

— У приятеля. У меня было кошмарное настроение, как вы догадываетесь. Мы с ним пили до полуночи. А вернувшись домой, я нашел труп Гейл.

— У вашего друга есть имя?
— Разумеется. Гарри Гринвилл.
— Где мне его найти?
— «Форест Лоун». — Его глаза насмешливо посмотрели на меня. — Он умер шесть месяцев назад.

Алиби, которое мог подтвердить человек, умерший полгода назад, для Голфри было удобным: я не мог его опровергнуть. Я не сомневался, что, даже если я снова скину его в бассейн, он все равно будет ссылаться на покойного Гарри Гринвилла.

— Вы внушили Ллоиду, что его жена покончила с собой по его вине, и в то же время вымогали у него по тысяче долларов в месяц?

— Я считал, что это справедливо, — пробормотал он. — Он наверняка позвонил ей из Невады и сказал, что передумал... Или же она узнала об этом от кого-то другого. Я имел право на эти деньги, Холман. Гейл не подумала обо мне, о моем будущем, когда решила убежать со своим мужем.

— А почему она, женщина, должна была думать о вас? Вы же не ребенок!

— Ну... я же ее младший брат, верно?

— Вы не представляете, с каким бы удовольствием я сунул вас обратно в бассейн и наблюдал за тем, как вы пойдете обратно ко дну, Джастин... Но с какой стати загрязнять чистую воду?

Он снова принялся чихать, дрожа от легкого ветерка, пронесшегося по патио.

Я вернулся в дом, моля бога, чтобы у этого подонка началось двустороннее воспаление легких, и заглянул в холл. Бесформенная куча, которую я оставил там, умудрилась подняться на четвереньки и теперь неуверенно качалась из стороны в сторону. Мутные глаза недоуменно смотрели на меня, потом он все же узнал меня.

— Это оказалось ошибкой, — радостно сообщил я ему и потрепал его по голове, проходя мимо. — В багажнике вашей машины не оказалось труп.

— Угу? — Это прозвучало так, будто он изо всех сил старается сосредоточиться.

— Это точно, — продолжал я, открывая наружную дверь. — Выяснилось, что это была прошлогодняя Мисс Вселенная, задумавшая сбежать с богатым любовником. А у этого бедняги весьма ревнивая старуха жена.

Путь обратно измерялся теми же двадцатью восемью милями, но на этот раз он мне показался короче: я нашел

несколько потрясающих ответов, вместо того чтобы снова задушивать себе голову бесконечными вопросами. Теперь было самое время проверить их на прочность и достоверность. Около шести, припарковав машину у дома, я поднялся, чтобы пронести стаканчик бурбона и взять свой «тридцать восьмой» в поясной кобуре. Наличие оружия всегда заставляет меня немного нервничать, поскольку можно предположить, что наступит момент, когда им надо будет воспользоваться. Однако я предпочитаю обходиться без него. В конце концов, самое важное — остаться в живых, не так ли?

Глава 8

Открыв дверь, Рита Квентин вопросительно посмотрела на меня. На ней было короткое блестящее платье цвета морской волны, вышитое черными орхидеями, с асимметричным вырезом, обнажающим одно плечо. Ее черные волосы, разделенные прямым пробором, спускались красивыми волнами на плечи, образуя великолепную рамку для лица рафаэлевской мадонны.

— Смуглая леди сонетов! — восхищенно воскликнул я. — Какая тайна скрывается за этими изменчивыми глазами? Какие мысли проносятся за высоким лбом?

— Чего вы хотите на этот раз, Рик Холман? — холодно произнесла она.

— Сначала выпить, возможно, немножко поболтать, затем действовать, — ответил я. — Начинается игра.

— Вы говорите так, как будто только что помешались... — Она тихонько вздохнула. — Полагаю, бесполезно пытаться не пускать вас за порог?

Когда мы вошли в гостиную, я направился к бару и сам приготовил себе питье. Рита покачала головой в ответ на мой вопросительный взгляд, затем села на кушетку, обеспокоенно наблюдая за мной.

— Мое ухо — постоянно открытая замочная скважина, — начал я. — Люди доверяют ему очень многое, по большей части вранье, но иногда я сталкиваюсь и с правдивой информацией, которая помогает мне отпереть замок.

Я посмотрел на огромное помещение и покачал головой:

— У вас на самом деле потрясающая квартира, Рита! Дедди не поскупился, или это был Биг Дедди?

— Подход издалека и разные полунамеки в разговорах со мной никогда ничего не дают, — беспечно заявила она. —

Если вы хотите меня о чем-то спросить, Рик, почему бы вам не сделать это прямо?

— Ваш Дедди умер и оставил вам состояние, которое приносит вам ежегодно более двадцати тысяч долларов после уплаты налогов. Так вы мне заявили в прошлый раз?

Она мне кивнула:

— У вас хорошая память.

— Сегодня я слышал нечто иное. Деньги вы получили от Биг Дедди, как принято называть таких людей. Ллойд?

Она улыбнулась и покачала головой:

— Вас неправильно информировали, дорогой Рик. Не Ллойд, а Джо. Джо Рейзер. Думаю, мне надо тоже выпить стаканчик.— Она поморщилась.— Что-то в вас есть такое, что превращает меня в настоящую пьянчужку.

— Давайте сейчас не будем думать обо мне,— огрызнулся я.— Давайте поговорим о вас и Джо Рейзере.

— Ол-райт. Я считала это тайной, известной только нам двоим. Но, как известно, все тайное рано или поздно становится явным, не так ли?

Я налил ей бокал, она встала с кушетки и подошла ко мне.

— То, что я сообщила вам вчера о состоянии моего отца, Рик, чистая правда. Он был еще жив, когда... Одним словом, когда я была с Рейзером.

— Вы все еще хотите выяснить правду о смерти Гейл? — спросил я с сомнением.

— Да!

— Из-за Рейзера?

— Да.

Она медленно потягивала из своего бокала, очевидно, обдумывая мои вопросы.

— Я предполагала, что, если будет доказано, что мои подозрения беспочвенны, никто от этого не пострадает, поскольку моя бывшая связь с ним все еще остается тайной.— Она слегка пожала плечами.— Ну что же, я ошиблась, так что теперь хранить этот секрет глупо.

— Вот и расскажите мне о Рейзере.

Она опустила пальчик в бокал и принялась рисовать на полированной поверхности какие-то завитушки.

— Он был другом моего отца. Я познакомилась с ним на каком-то вечере. В двадцать два года я была все еще наивной девушкой, фыркала на всех своих молодых поклонников и находила удовольствие только в обществе взрослых мужчин. Таких людей, как Джо, я до этого не встречала.

Мне показалось, что ее улыбка была тоскливой, когда она пустилась в воспоминания о том времени.

— Это был взрывной человек, обладающий каким-то безжалостным шармом, он моментально вскружил мне голову, так что я без колебаний оказалась в его постели. Джо понял, что я была желторотым цыпленком, и весьма осторожно преподавал мне уроки сексуального искусства. Я оказалась податливой ученицей, наши взаимоотношения переросли из пустяковой интрижки в нечто большее. И сразу же возникли проблемы. Рейзер был женат, его сын был на два года старше меня, а главное, Джо стоял у руля студии «Сталлер». Он не мог допустить, чтобы его имя было связано даже с намеком на скандал. Так что, когда я стала его любовницей, я превратилась в своего рода пленницу в гареме, состоящем из одной женщины. Но в то время меня это устраивало.

— Гейл? — произнес я, потому что, коли женщина пускается в любовные воспоминания, ей очень трудно сменить пластинку. Она способна говорить целый месяц, так и не добравшись до интересующего нас вопроса.

— Ллойд Карлайл, — спокойно ответила она. — Все дело в нем. Это была идея Джо переманить его из театра в кино. Джо руководил первыми картинками с его участием, затем стал продюсером большинства остальных. Догадываетесь, кто превратил Ллойда в крупную кинозвезду и целых три десятилетия поддерживал его на вершине киноолимпа? Бывали дни, когда мне хотелось истерично завопить, если только я услышу еще раз его имя. Но любовница, как правило, должна быть более покорной и внимательной, чем жена, и я безропотно слушала.

— Милая, — произнес я вкрадчиво, — какого цвета белье вы предпочитаете?

Она удивленно посмотрела на меня.

— Какое это имеет отношение к теме нашего разговора?

— То-то и оно! — произнес я ворчливо. — Давайте будем говорить о Гейл, хорошо?

— Вы сегодня какой-то заведенный, как взрывное устройство, установленное на определенный час!.. Подгоняете меня, не даете собраться с мыслями. — Она на мгновение надула губы, потом пожала плечами: — Ол-райт, поговорим о Гейл... За несколько дней до ее кончины Джо явился в таком мрачном состоянии, в каком я его ни разу не видела. Он не злился, нет, с этим бы я справилась. Его обуревала холодная ярость. Признаюсь, я страшно испуга-

лась. Он выпил один за другим три или четыре бокала, потом принялся метаться взад и вперед по комнате, как дикий зверь в клетке. Ллойд намеревался все бросить, вот в чем было дело! Он сыт всем по горло, он не хочет слышать о Голливуде и такой жизни, где он не принадлежит самому себе. Поэтому он намерен все оставить, в том числе и любовницу, и уехать с женой...

— Об этом я уже слышал,— прервал я ее.

— Знаете что? — сказала она язвительно.— Вам следовало бы открыть школу для благородных девиц и обучать их хорошим манерам. Вы бы сделали на этом целое состояние!

Она допила свой мартини, причем не совсем так, как это делают молодые леди, затем сердито посмотрела на меня:

— Хорошо. Джо сходил с ума главным образом потому, что был уверен, что Лестер Фосс является любовником Гейл, и это рано или поздно станет известно Ллойдю. Конечно, Ллойд захочет вернуться назад, но будет поздно. Необходимо помешать ему уехать, и Джо казалось, что он сумеет предотвратить беду.

Рита придвинула пустой бокал ко мне:

— Мне нужно еще выпить.

Я наполнил его доверху и нетерпеливо следил за тем, как она медленно пьет, не обращая на меня внимания. Лишь когда бокал опустел до половины, она продолжила:

— По мнению Джо, для этого требовалось всего лишь подходящая женщина, которая должна раскрыть бедняге глаза.— Она устало усмехнулась.— Догадываетесь, на кого пал выбор? Я твердила, что не стану этого делать, расплакалась, умоляла его, но он оставался непреклонным. Понимаете, Джо впервые меня попросил об одолжении, как же я могла отказать? Поэтому я все проделала на следующий же день. Джо организовал встречу с Ллойдом в Неваде, где тот был на съемках.— Она допила остаток мартини и продолжала более спокойно: — Я сказала ему, что когда-то была девушкой Лестера Фосса, мы были помолвлены и собирались пожениться, пока тот не встретился с возлюбленной своей юности и не стал с ней спать... Я устроила из этого настоящую драму с потоками слез. Гейл была его женой, закончила я, так что он должен все это остановить!

— Он вам поверил? — поинтересовался я.

— Ллойд? — Она тихонько рассмеялась, и в этом не было игры.— Он же был актер, не забывайте. К тому же один из самых лучших! Джо не следовало об этом забывать. Ллойд мог почуять фальшивую игру за целую милю.

Он слушал с вежливым видом, пока я не закончила представление, потом спросил:

— Кто вас послал ко мне, глупышка? Могу поспорить, Джо Рейзер!

Ну а я стояла с открытым ртом, не зная, что делать.

— Как это воспринял Джо?

— Помнится, в юности я находила что-то романтическое в том, что мужчина избивает женщину,— произнесла она звонящим голосом.— Опыт — лучший учитель, как говорит пословица. Я не представляла, насколько это больно и унижительно. После этого я неделю пролежала в больнице. Когда выписалась, то обнаружила, что кто-то анонимно перевел на мой счет в банке двадцать тысяч долларов. С Джо Рейзером мы больше не встречались.

— Каким образом вы поладили с Ллойдом?

— После смерти Гейл он, видимо, переменял мнение о моем рассказе.— Она покачала головой.— Итак, считая себя во всем виноватым, он бросился в объятия Вивиен, женился на ней. Не сомневаюсь, она продемонстрировала ему свое истинное лицо незамедлительно, как только обручальное кольцо украсило ее руку. Я встретила с ним совершенно случайно через несколько месяцев. Он спросил меня о той истории, и я честно призналась, что все это было выдумкой. После этого мы как бы запутались в любовных сетях. Полагаю, остальное вам известно.

— Почему вы попросили расследовать смерть Гейл в оплату за ваше молчание о том, что вы были любовницей Ллойда?

— Я знала, что, разговаривая с вами, в действительности я говорила с Джо Рейзером.— Она плотно сжала губы.— Я с самого начала не сомневалась, что Джо имеет отношение к ее смерти, так что с моей стороны это было подобием вызова.

— Подобие вызова,— повторил я.— Вы могли бы рассказать об этом раньше.

— Но ведь вы работали на Джо? — Она покачала головой.— Нет, Рик, вы прекрасно понимаете, что я не могла вам доверять.

Глаза у нее прояснились, она посмотрела мне в лицо:

— Теперь вы знаете. Защищая интересы Рейзера, вы в то же время работали против него... Что вы теперь намерены предпринять?

— Ничего,— хмыкнул я.

Ее лицо приняло откровенно презрительное выражение.

— Мне следовало бы это понять самой!

— Пришла ваша очередь кое-что сделать,— продолжал я, не обращая внимания на ее шпильку.— Вам придется позвонить Рейзеру.

— Я не стану с ним разговаривать даже под страхом смерти! — яростно закричала она.— Что я могла бы сделать с удовольствием, так это закрутить винты на крышке его гроба, вот и все!

— Вам придется позвонить ему,— повторил я ледяным тоном,— и сказать, что вы напуганы и хотите все выложить начистоту, но опасаетесь, что уже слишком поздно. Я только что ушел от вас, после того как предупредил, что нашел Джастина Голфри в убежище Вивиен на Лонг-Бич. Скажете, что я сообщил вам о том, что тот сознался, что никакой записки Гейл не оставляла. Я до такой степени напугал его, что он вынужден был рассказать мне правду о гибели Гейл. И что у меня нет ни малейшего сомнения, что Голфри готов подписать официальное заявление, не пощадив никого.

— Все? — прошептала она.

— Да, именно после этих слов он завертится как уж на сковороде,— усмехнулся я.— Если он попросит вас говорить яснее, вы не можете это сделать, потому что я не распространялся.

Она шумно втянула в себя воздух:

— На чьей же стороне вы теперь, Рик Холман?

— На стороне своего клиента, как всегда. Рейзер поручил мне продолжать расследовать обстоятельства смерти Гейл, именно этим я и занимаюсь.

— Вы...— Она улыбнулась, затем быстро затрясла головой.— По-моему, до сих пор не придуман эпитет, характеризующий таких людей, как вы!

— Что, несомненно, является большой удачей, верно?.. Звоните же ему!

— Где я смогу его разыскать?

— Для начала позвоните Манни в студию. Назовите себя и скажите, что вам совершенно необходимо немедленно переговорить с Рейзером. Вопрос жизни и смерти. После этого Манни обязательно поможет его разыскать.

Она быстро подошла к телефону, подняла трубку, затем оглянулась на меня:

— Вы уверены в своих действиях, Рик?

— Нет! — проворчал я.— Но, как известно, под лежащий камень вода не течет!

Все, против ожидания, получилось просто. Рейзер находился в студии вместе с Манни. Просматривали в проекци-

онной первые кадры, проверяя, как выглядит вдова в трауре.

Рита пересказала мои слова так, как будто они были ее собственными. Голос ее прерывался от волнения, что придавало сказанному особую убедительность. Разговор продолжался несколько минут, потом она повесила трубку.

— Что он сказал?

— Не волноваться, он сам всем займется.

Я подошел к тому месту, где стояла Рита. Она выжидающе смотрела на меня. Я схватил трубку, полистал телефонный справочник, нашел нужный номер и набрал его. Лестер Фосс ответил сразу же.

— Это Рик Холман,— заговорил я.— Вы как-то говорили мне, что хотели бы, чтобы человек, виновный в смерти Гейл, получил по заслугам, так?

— Что-то в этом роде,— осторожно ответил он.

— Ваши чувства не изменились?

— Нет, конечно.

— Сегодня вечером вы можете помочь мне, от ваших действий во многом зависит исход намеченной мною операции.

— О'кэй.— Он засмеялся.— Я все еще не сумел заставить шерифа выстрелить в спину противника, так что я в вашем распоряжении. Что я должен сделать?

— Вы помните, как выглядит Джастин Голфри?

— Один раз увидишь, никогда не забудешь!

Я заставил его записать адрес квартиры Голфри в Вест Голливуде и номер телефона Риты Квентин. Затем попросил отправиться туда и проверить, дома ли он. Если нет, следить с улицы за квартирой и немедленно позвонить мне по этому телефону, как только тот появится.

— Что делать, если он дома? — спросил Фосс.

— Придумайте любой предлог, на то вы и писатель с богатым творческим воображением, ну и сразу же звоните мне.

— Я совсем не уверен, что мое воображение подсказало бы мне такую картину,— возразил он.— Ну кто в здравом уме и памяти надумает нанести визит Джастину Голфри?

— Не исключено, что вам еще предстоит многому удивиться! — сказал я и повесил трубку.

Тем временем Рита приготовила себе новый бокал.

— Вижу, что вы прежде всего человек действий! — произнесла она утрумо.— Так что обслуживайте себя сами.

— Даже такой человек, как я, должен есть,— сказал я со вздохом.— Фосс может позвонить лишь через несколько часов.

— Вчера вечером я наслушалась от вас всяких комплиментов, Холман! — холодно произнесла она.— Потрясающие отбивные, редкостное вино, волшебное освещение! Ну и что же? Вы удрали от меня!

— Я согласен на сэндвич с куском мяса и бурбон к нему,— смиренно ответил я.

— Да!

Она откинула назад голову и вылила в рот содержимое своего бокала, как будто это была вода.

— Вас устроят сэндвичи с холодной курицей тоже?

— Да, мадам! — радостно согласился я.

Она слегка покачивалась, когда шла на кухню. Это всегда происходит с людьми, не привыкшими много пить, философствовал я, приготовляя себе новую порцию бурбона со льдом. Потому что человек пьющий может выпить лишнего и не опьянеть, а того, кто редко пьет, может развести от гораздо меньшего количества... Ну да ладно, подумал я и добавил еще три три кубика льда в бокал.

Сэндвичи с холодной курицей были вполне съедобными, а горячий крепкий кофе подбодрил нас обоих. По молчаливому согласию мы даже не взглянули в сторону бара, когда возвратились в гостиную.

Телефон зазвонил около девяти. Мы оба подскочили от неожиданности.

— Он только что прибыл,— сообщил Фосс.— С ним тип, напоминающий Кинг Конга в шляпе.

— Откуда вы звоните?

— Из аптеки в паре кварталов оттуда.

— Возвращайтесь и наблюдайте за домом на тот случай, если у него будут посетители,— сказал я.— У меня на дорогу уйдет минут двадцать. Я выезжаю.

— Прекрасно.— Он внезапно хохотнул.— Знаете, мне начинает нравиться роль рыцаря плаща и кинжала. Когда же прелестные дамы начнут бегать за мной по пятам?

— У вас превратное понятие о подлинной жизни. Впрочем, чего же ждать от писателя-сценариста? Ну кто видел прелестных дам в Вест Голливуде?

Я положил трубку и почувствовал, что горящие глаза Риты вот-вот просверлят мне дырку между лопаток. Когда я повернулся, она уже была на ногах.

— Я еду с вами! — решительно заявила она.

Я покачал головой:

— Милочка, кто-то должен оберегать цитадель и находиться на этом конце провода на тот случай, если раздастся телефонный звонок и я придушенным голосом закричу: «Помогите!»

— Это нечестно! — Она от негодования топнула ногой. — Вы один получаете удовольствие, а я должна сидеть здесь в полном одиночестве и ждать.

— Я не уверен, что вообще что-то произойдет, — произнес я извиняющимся голосом. — Не исключено, что я ошибаюсь, это так сказать, ложная тревога.

— Спорить со слабоумным бесполезно!

Она бросилась на кушетку, затем злобно посмотрела на меня:

— Поведаю вам один небольшой секрет, Холман. Если этот телефон зазвонит, я не сниму трубку.

Я не стал спорить, поскольку спешил к выходу, а когда вышел в коридор, раздался грохот. «Ничто так не облегчает переживаний, — миролюбиво подумал я, — не считая секса, разумеется, как бить посуду».

Приблизительно через пятнадцать минут я медленно ехал по улице, на которой жил Голфри, тщетно разыскивая Фосса. Его нигде не было видно. Я поехал назад еще медленнее, вскоре заметил фигуру человека и затормозил. Он забрался в машину и сел рядом. Физиономия его сияла от удовольствия.

— Могу поспорить, вы меня не заметили, верно?

— Да! — Я посмотрел на него с восхищением. — Вы просто неверно используете свои таланты.

— Очевидно... — Он уже заговорил обычным голосом: — Этого нельзя сказать о вас. Вы, по всей вероятности, психолог, если не кудесник. Посетители прибыли приблизительно десять минут назад.

— Сколько?

— Двое. Они вылезли из машины и бегом проскочили тротуар, так что я видел их лишь мельком. Мужчина высокий, весьма солидный. Дама — блондинка в пальто, застегнутом на все пуговицы, воротник поднят.

— Они приехали не в черном «Роллсе»?

— Вы заставляете меня умирать от любопытства, — сказал Фосс. — Ну и что теперь?

— Полагаю, я навещу моего старого приятеля Джастина Голфри, — сказал я.

— Я пойду с вами!

Я заколебался:

— Это может оказаться опасным.

— А почему вы считаете меня трусом? — Его лицо выглядело настороженным и очень серьезным под бледным светом уличного фонаря, проникающим в машину. — Честное слово, вы не можете отстранить меня от этой истории, которая обещает быть такой захватывающей. Было бы нечестно снова оставить меня в стороне!

— Я... — Я замолк на полуслове, заметив, как кто-то вышел из квартиры Голфри и пересек дорогу.

— Это который? — спросил я.

Фосс выглянул в окошко:

— Горилла в шляпе. Тот, что приехал с Голфри.

— А теперь, когда прибыли двое других, он уезжает?

Я наблюдал за тем, как коренастая фигура забралась в машину, припаркованную у противоположного тротуара, после чего машина сразу же тронулась.

— Теперь мы пойдем? — нетерпеливо спросил Фосс.

— Первым пойду я, а через десять минут отправитесь вы. Договорились?

— О'кэй. Полагаю, вы знаете, что делаете... — По его тону было ясно, что подчиняется он с неохотой. — Что может там произойти, по вашим предположениям?

— Трудно сказать! Но если мне так и не удастся привести в движение известные силы, мы сможем с полным основанием поставить на всем крест и отправиться по домам.

— Итак, через десять минут. Договорились?

— Надеюсь на это! — сказал он неуверенно. — Потому что, если вы исчезнете к тому моменту, как я буду там, я не смогу сегодня спокойно спать.

Я вылез из машины, захлопнул за собой дверцу, быстро проскочил расстояние до дома.

Дверь квартиры Голфри была приоткрыта, и на какое-то мгновение у меня мелькнула в голове глупая мысль, что мой старый приятель Лу все еще лежит под кушеткой. Так или иначе, но проникнуть внутрь не составляло никакого труда, так что я не стал нажимать на кнопку звонка.

Очутившись в холле, я постоял несколько секунд, прислушиваясь к звуку голосов в квартире. В правой руке у меня был зажат мой «тридцать восьмой». Мне ничего не удалось услышать, царилла какая-то гнетущая тишина. Недоумевая, я принялся проверять подряд комнаты. Ни в гостиной, ни в столовой, ни на кухне никого не оказалось. Естественно было предположить, что вся компания поднялась на второй этаж.

Я поднимался медленно, осторожно ставя ноги на

очередную ступеньку, опасаясь, что они заскрипят. Добравшись до верхней площадки, я снова прислушался. Через пару секунд кто-то заговорил, голос доносился из спальни, расположенной справа от входа, но я не мог разобрать слов. Дверь была полуоткрыта, я неслышно распахнул ее и шагнул внутрь.

Марвин Лукас и Вивиен Карлайл разговаривали приглушенными голосами. Я тихонечко откашлялся. Они одновременно повернули ко мне головы.

— Холман?

Глаза Вивиен на мгновение сверкнули, потом она заставила себя улыбнуться.

— Вы можете убрать свой пистолет, он вам не понадобится.

— Слишком поздно, Холман! — Мутновато-серые глаза Лукаса смотрели на меня с откровенным торжеством. — Мы все опоздали.

— Может быть, он уже знал об этом? — резким голосом произнесла она. — Может быть, он явился просто проверить, что его план сработал именно так, как он того желал?

— Не так быстро. Объясните, что вы имеете в виду?

— Объяснения излишни, Холман! — хмыкнул Лукас. — Можете сами посмотреть!

Он отошел в сторону. Я увидел кровать, которую до этого они заслоняли. На ней лежал Джастин Голфри, его бледно-голубые глаза уставились в потолок. На левом виске зияло пулевое отверстие с обгорелыми краями, а пистолет, все еще зажатый в его руке, висел в паре дюймов от пола.

Глава 9

— Он оставил записку, — сообщила Вивиен ровным голосом. — В ней сказано все, что вы будете рады услышать, Холман. Как он солгал в тот вечер, что Ллойд намеревается сбежать со мной, а все разговоры о том, что они уедут вдвоем, были лишь дымовой завесой, чтобы усыпить ее бдительность.

Голфри уговорил ее выпить один стаканчик, затем еще несколько подряд. Он внушал, что за такую жизнь не стоит цепляться, что куда легче заснуть навсегда, чем страдать... Уходя, он позаботился о том, чтобы снотворное Ллойда лежало у нее, под рукой.

Вивиен прикусила нижнюю губу и посмотрела на меня:

— Довольны ли вы, Холман? Теперь вы узнали правду. И вот результат вашего сегодняшнего визита в Лонг-Бич. Лучше бы вы утопили его в бассейне.

— Надо отдать должное предусмотрительному Джастину,— заговорил я спокойно,— он все очень тщательно продумал. Оставил записку. Полагаю, он не забыл, что самоубийство его сестры доставило ему массу хлопот, потому что она не оставила предсмертной записки. Он, очевидно, поступил иначе.

— Я не уверена, что понимаю, о чем вы толкуете! — бросила она.

— Он подписал записку?

— Конечно,— Лукас мотнул головой.— Она лежит на туалетном столике.

— Когда вы вошли сюда, он был уже мертв?

— Это явилось для нас ужасным потрясением,— пробормотала она.— Мы искали его всюду внизу, потом подумали, не спит ли он, поднялись наверх, и...— она проглотила слюну,— нашли его в таком виде.

— Кинг Конг в шляпе,— повторил я описание внешности, услышанное от Фосса.— Полагаю, у него есть имя?

— Какого черта вы еще придумываете? — взорвался Лукас.

— Он приехал сюда с Джастином приблизительно час назад,— пустился я в объяснения ровным голосом.— Они вместе поднялись наверх. А минут через пятнадцать появились вы. Через пять минут после этого ваш приятель покинул дом. Так что он находился здесь все это время. Полиция им определенно заинтересуется, ведь парень все это время был рядом с Джастином и наблюдал, как тот пишет записку, а потом стреляется!

— Здесь никого не было! — напряженным голосом заявил Лукас.— Не пытайтесь поймать меня на такой дешевый крючок, Холман! Мы прибыли сюда действительно пятнадцать минут назад и обнаружили его мертвым!

— У меня имеется незаинтересованный свидетель,— пробормотал я.— Он наблюдал за этим домом на протяжении двух последних часов, а возможно, и дольше. Ему известно, кто сюда входил и кто выходил отсюда. Вы не отличаетесь большим умом, Лукас, так какого черта стараетесь изворачиваться?

— Послушайте, вы...

Он быстро шагнул мне навстречу, но неожиданно остановился, когда я приподнял свой пистолет.

— Вы блефуете!

— Как вы думаете, чего ради я все это организовал? — спросил я ядовито. — Если бы меня интересовал Голфри, я мог бы без труда с ним справиться еще сегодня днем в Лонг-Бич, не так ли? Или вы воображаете, что я макнул его пару раз в воду, перепугав до полусмерти, просто ради собственного удовольствия? Ничего подобного. Я добивался, чтобы вы вдвоем нанесли ему визит, и именно это вы и сделали. Вы считаете, что я блефую в отношении этого свидетеля? Нет, минут через пять он войдет через эту самую дверь!

— Помогите же мне! — едва слышно пробормотал Лукас. — Я...

— Заткнись, Марвин! — яростно крикнула Вивиен.

Дикие огоньки блеснули в ее глазах. Она внимательно посмотрела на меня, затем расстегнула пальто, передернула плечами и скинула его на пол. На ней было маленькое черное платье. Я назвал его маленьким потому, что не знаю другого более подходящего определения. Оно было на несколько дюймов выше колен, держалось на плечах двумя узенькими бретельками, спереди длинный клинообразный вырез доходил до талии, открывая бело-розовую впадину между двумя холмами. От пояса платье плотно обтягивало фигуру, подчеркивая все ее изгибы. Дурной вкус и невероятная сексуальность — в этом была вся Вивиен.

Она взглянула на левую грудь и погладила ее рукой так, что она заколыхалась.

— Разве это вам не по вкусу, Холман? Весь клубок распутан, упакован аккуратно и привлекательно в один пакет, который остается выбросить в корзину для мусора! — Она ткнула пальцем в тело Голфри на кровати. — Что вам еще нужно? Он был негодяем, вы это прекрасно знаете! В его записке все сказано. Квентин будет удовлетворена, Джо Рейзер придет в восторг и отвалит вам кругленькую сумму! — В ее голосе раздалась хриплые нотки. — Я тоже буду счастлива вознаградить вас. Мы с вами проведем в Лонг-Бич целую неделю. Знаете, моя спальня оборудована хитроумным освещением девяти вариантов, причем у меня имеется белье всех оттенков, соответствующих освещению.

— Ллойд собирался навсегда уехать с Гейл, — произнес я устало. — Это означало конец всем вашим надеждам женить его на себе. Это было бы концом и для Марвин-боя тоже, потому что у вас не было денег содержать его так, как он требовал. Вам пришлось бы снова превратиться

в сомнительную звездочку, которой надо было пробивать себе дорогу наверх через постель.

Два красных пятна вспыхнули у нее на скулах.

— Холман! Не искушайте судьбу! Не перегибайте палку!

— Вам нужно было избавиться от Гейл,— продолжал я,— но так все обставить, чтобы Ллойд снова вернулся к вам. А это было непросто! Она должна была умереть так, чтобы в ее смерти Ллойд винил самого себя. Убежден, что именно вы подкупили Джастина Голфри, подбили его на этот поступок. Все, что ему требовалось, это сытое и бездумное существование. Его сестра потеряла для него интерес, как только он узнал о ее планах отъезда с мужем. Догадываюсь, что вы также подсказали ему мысль о мнимом самоубийстве Гейл, точнее, ее предсмертной записке, с помощью которой он мог бы шантажировать Ллойда. Ибо, таким образом, он не смог бы никогда забыть, что по его вине Гейл покончила с собой. Вам же оставалось только ждать, когда он прибежит к вам за сочувствием. Так что мне все это понятно. Скажите только одно: как вы все это осуществили?

— Вы действительно хотите узнать, Холман? — Она облизнула кончиком языка верхнюю губу. — Это было просто!

Вивиен сбросила одну из бретелек с плеча, и она повисла сбоку, уже ничего не придерживая.

— Правильно, мы надумали Джастина. Все надо было проделать очень быстро, потому что Ллойд должен был возвратиться из Невады через пару дней.

Она отстегнула вторую бретельку и принялась извиваться, снимая с себя слишком узкое платье.

— Джастин должен был поехать в гости к старому приятелю и задержаться у него допоздна на тот случай, если полиция сунет нос. Таким образом, у него имелось железное алиби.

Она наклонилась, когда платье соскользнуло ей до колен, скинула его и снова выпрямилась. Теперь на ней оставались лишь серовато-голубые трусики с кружевными оборочками вокруг ног.

— Слуги ушли из дома в начале вечера,— деловито продолжала она.— Когда мы с Марвином пришли к Гейл, она была дома одна. Однажды Ллойд оставил у меня снотворное, какие-то пилюли.— Она громко расхохоталась.— Как вам нравится такой любовник, а? Утром он

позабыл забрать их с собой. Но я-то не забыла об этом, когда отправилась с визитом к Гейл.

Ее пальцы впились в резинку трусиков, тогда как глаза настороженно следили за мной.

— Вы были правы, Холман. Глупо отнекиваться и изворачиваться. Мы были там, чтобы помочь ей сделать выбор! Она говорила, как маленькая девочка о своих невинных проказах, не чувствуя за собой вины.

— Как только мы попали в дом, мы решили, что не стоит тратить времени на пустые разговоры, и отвели ее наверх в спальню.

Она на мгновение прикусила нижнюю губу, припоминая подробности.

— Марвин удерживал ее на кровати, пока я скармливала ей пилюли и вливала виски, чтобы было легче глотать. Глупейшая ошибка с нашей стороны, но кто мог знать, что эта идиотка никогда в жизни не притрагивалась к спиртному? На суде именно это вызвало подозрение, но в конце концов все сошло гладко.

— Она даже не сопротивлялась? — спросил я хрипло.

— Еще как сопротивлялась! — Она сердито сверкнула глазами. — Сначала как дикая кошка. На лице Марвина недели две не заживали царапины. Но он применил несколько приемов, и она замолчала. Мы с Ллойдом решили, сказала я ей, чтобы она приняла снотворное и проспала не менее двенадцати часов. Это даст нам возможность покинуть пределы страны без излишней спешки и скандала. Мне думается, она этому поверила, потому что перестала бороться и проглотила все, как хорошая девочка.

Она снова наклонилась и одним натренированным движением стянула с себя трусики, затем выпрямила свое великолепное тело. Я наблюдал изумленно, как она освободилась от бюстгальтера, подложила ладони под свои тяжелые груди и как бы толкнула мне их навстречу.

— Так что теперь, когда вы все знаете, вы можете со спокойной совестью об этом забыть. Мы действовали тихо и аккуратно, Холман, даже уложили дурочку в кровать...

Она медленно двинулась ко мне, делая шаг за шагом, голос у нее стал ласковым и мечтательным.

— Марвин интересуется только деньгами, больше ему ничего не нужно. Так что сейчас я ему прикажу убираться восвояси. Мы останемся только вдвоем, ты и я, мы будем любить друг друга столько времени, сколько захотим!

— Оставайтесь на месте! — распорядился я.

— Милый! — Она протянула ко мне руки. — Неужели у тебя поднимется рука уничтожить все это!

— Если вы не... — Больше я ничего не успел сказать, потому что она бросилась на меня, пронзительно крикнув: «Марвин!»

Мой палец на курке промедлил какую-то долю секунды, ей удалось сбить меня с ног, а в следующее мгновение ее ногти потянулись к моим глазам с совершенно определенными намерениями, но я инстинктивно закрыл их. Я почувствовал, как пистолет вырвали у меня из рук, услышал грубый хохот Лукаса, затем меня что-то сильно ударило по затылку. Я отключился на мгновение.

— Нет! — услышал я резкий крик Вивиен. — Сейчас мельзья. Надо сначала все хорошенько обдумать.

Я неистово моргал, не в состоянии справиться с потоком слез и с сильным головокружением, затем с трудом поднялся на ноги.

Лукас целился в меня из моего пистолета. Вивиен успела надеть свои мини-трусики и теперь втискивалась в черное платье.

— Застрели его из пистолета, который в руке Джастина, — сказала она напряженным голосом, — и ты превратишь его в героя.

— Да? — Лукас растерянно взглянул на нее.

Она ухитрилась натянуть одну бретельку на плечо.

— Холман выяснил причину гибели Гейл: ее убил собственный братец! Герой проследил убийцу до его квартиры. Негодяй выхватывает пистолет и убивает героя. Голфри понимает, что у него нет выхода, прижимает пистолет к виску и нажимает курок!

— Замечательно! — фыркнул Лукас. — Ты ничего не забыла?

— Что именно? — Она натянула и вторую бретельку.

— Про свидетеля, о котором он говорил, — бросил он. — Он должен здесь появиться с минуты на минуту.

— О'кэй, — кивнула она, — в таком случае мы подождем. У нас сколько угодно времени, Марвин-бой, мы не спешим. Если он не появится в течение получаса, тогда он существует лишь в воображении Холмана. Так?

— А если он появится? — спросил с сомнением Лукас.

— Нам придется об этом подумать, не так ли?

— И хорошенько подумать, — вмешался я, — поскольку мой свидетель к тому же коп.

— Придумайте что-нибудь похитрее, Холман! — Она обольстительно мне улыбнулась. — Никакой коп не согла-

сится стоять где-то снаружи, предоставив вам возможность проявить чудеса храбрости одному!

Она пососала кончик своего указательного пальца.

— Полагаю, два мертвых героя — это чересчур?

— Даже очень! — нетерпеливо воскликнул Лукас.— В особенности после того, как они посмотрят на мертвого злодея. По виду Голфри ясно, что он и мухи не обидит. Любой полицейский лопнет от смеха, если ему сказать, что он уложил на месте сразу двоих.

— Кто он такой, Холман? — равнодушно осведомилась она.— Ваш приятель?

— С минуты на минуту вы сможете сами посмотреть.

— Честное слово, мне кажется, что нам надо сейчас же с ним разделаться, а потом уже беспокоиться! Мы ведь можем затем скинуть труп где-то в океан за много миль отсюда.

— Полиция не принимает совпадений и не верит в них!

Лукас раздраженно пожал мощными плечами.

— Они, возможно, и поверят тому, что Холман застрелил Голфри. Но если они узнают, что в тот же вечер был убит и приятель Холмана, расследование начнут заново.

— Ол-райт! — Она недовольно посмотрела на него.— Но мы должны что-то немедленно предпринять. Медлить опасно. Этот тип на самом деле вот-вот ворвется сюда с оружием в руках...

У нее внезапно широко раскрылись глаза.

— Постой! Что мешает мне пойти и разыскать его?

— Ты совершенно свихнулась? — заворчал Лукас.

Она схватила пальто и стала надевать его.

— Холман велел мне отыскать своего приятеля, потому что сам держит убийцу под прицелом и нуждается в помощи. Нет никаких оснований, чтобы он этому не поверил, Марвин. Я разыграю такой восторг, что нашла высокого и сильного мужчину, что тот сразу почувствует себя сказочным принцем-избавителем! Если он предпочтет размахивать пистолетом, когда мы поднимемся сюда, я всегда могу накинуться на него. Они оба будут в наших руках, и, во всяком случае, у нас будет время обдумать, как действовать дальше.

— Что ж, пожалуй стоит попытаться,— ворчливо согласился Лукас.— Кстати, ты и выяснишь, существует ли он на самом деле или Холман его выдумал. Проверь все припаркованные машины по обе стороны улицы. Обязательно. У нас должна быть полная уверенность.

— Не волнуйся!

Она застегнула пальто на все пуговицы и подняла воротник.

— Если он существует, я его непременно найду.

— Оставь дверь открытой, чтобы я слышал твои шаги. Если он будет с тобой, разговаривай с ним громче, поднимаясь по лестнице.

Биввиен кивнула и быстро вышла из комнаты, оставив дверь широко распахнутой. До нас ясно доносились ее шаги по лестнице, затем они стали тише, когда она спустилась в холл, после чего наступила полная тишина.

— Лестер! — неожиданно крикнул я. — Она не вернется раньше чем через пять минут, так что поднимайся сейчас. Но будь внимателен: у него пистолет!

— Заткнись! — Лукас грозно посмотрел на меня. — В чем дело? Ты свихнулся, что ли?

— Лестер — мой приятель, — охотно пояснил я. — Думаю, сейчас самое время посвятить вас в секрет. Я не оставил его снаружи, он находится на первом этаже внутри дома.

Какое-то мгновение он глазел на меня, затем быстро захлопнул дверь вытянутой рукой.

— Ты слишком умен, Холман. — Он неприятно улыбнулся. — Вот и прекрасно. Теперь ему сначала придется открыть дверь, не так ли?

— Не уверен. Понимаете, он относится к категории тех людей, которые сильно нервничают, когда у них в руках оружие. Не исключено, что он сперва сделает пару выстрелов в дверь, а уж потом войдет. Так сказать, для страховки.

— Помолчи! — Он наклонил немного голову, прислушиваясь, затем двинулся снова к двери. — Если ты только пикнешь, Холман, — прошептал он, — я пушу в тебя пулю без колебаний!

Свободной рукой он повернул дверную ручку, приоткрыл дверь на пару дюймов и прислушался. Откуда-то донесся довольно громкий скрип половицы, и я смертельно перепугался.

Если только Фосс вошел в квартиру и ждет внизу, я собственноручно подписал ему смертный приговор. Лукас злобно усмехнулся, глянув на меня, я же ничего решительно не мог предпринять, поскольку дуло пистолета было направлено мне в живот.

Скрип снова повторился, а через минуту раздался звук бегущих вверх по лестнице ног. Лукас дождался, когда они достигнут площадки, рывком распахнул дверь и дважды выстрелил.

Как только его пистолет перестал упираться мне в живот, я нырнул вбок и на коленях подъехал к кровати. Выхватил пистолет из мертвой руки Голфри и, все еще стоя на коленях, повернулся к двери.

Выражение ужаса на физиономии Лукаса сменилось лютой ненавистью, когда он увидел меня с пистолетом. Мой первый выстрел оказался безрезультатным. Потом я прицелился более тщательно. Первая пуля из двух впиалась в стену в шести дюймах от его головы, зато вторая угодила точно в грудь. На всякий случай я выпустил еще одну пулю, и эта перебила ему переносицу и застряла где-то в мозгу. Мой пистолет выпал у него из руки, сам он рухнул на пол рядом. И тут я услышал грохот. Похоже, целый отряд поднимался по лестнице.

Я с трудом поднялся на ноги, недоумевая, сколько еще подонков у Лукаса в запасе, но тут полицейский в форме влетел в комнату, держа в руках пистолет, а за ним бежал бледный Лестер Фосс.

— Холман! — Он сразу как-то ожил, увидев меня. — Вы в порядке?

— Да. Что случилось?

— Вы, наверное, догадались, — сказал он с неприятным смущением, — я просидел, как мы договорились, десять минут в ожидании. Потом вообразил, что вы уже убиты, ну а они ждут, когда я к ним подойду... Я струсил. Поэтому разыскал вот этого офицера и попросил его пойти вместе со мной.

— Ну а Вивиен Карлайл вы нигде не видели?

— Она... — Лицо у него помрачнело. — Конечно, вы не могли знать, она лежит там...

Он широко распахнул дверь, я вышел на площадку и резко остановился.

Она лежала на площадке, на лице с широко раскрытыми глазами застыло удивленное выражение. Весь перед ее пальто потемнел от крови.

— Она увидела нас внизу, ну и побежала назад в квартиру, — тихим голосом объяснил мне Фосс. — Знаете, она буквально перепрыгивала через ступеньки, а когда достигла верхней площадки, прогремели два выстрела, и... — Он кивком показал на нее: — вот что получилось! — Он недоуменно посмотрел на меня: — Почему он ее убил?

— Наверное, потому, что решил, что это вы поднимаетесь по ступенькам, — ответил я. — И знаете, самое умное, что вы сделали за всю свою жизнь, — это то, что струсили и обратились за помощью к копу!

К тому моменту, когда мы вернулись в комнату, его лицо приобрело зеленоватый оттенок. Я посмотрел на хмурого копа, который с кем-то говорил по телефону, второй рукой держа меня под прицелом своего оружия, потом повернул голову к Фоссу.

— На это уйдет вся ночь, — сказал я негромко, — но вас отпустят через час. Сделайте мне одно одолжение. Рита Квентин дома одна и очень волнуется. Скажите ей, что это дело рук Вивиен и Лукаса. Они убили Гейл. Лукас держал ее, а Вивиен силой заталкивала в рот снотворное и виски. Сегодня они заставили Голфри написать предсмертную записку, в ней он взял на себя всю ответственность за содеянное, затем убили его, инсценировав самоубийство... Скажите ей, что ответ на главный вопрос все еще я не знаю, но считаю, что на пару дней ей следует уехать из города. Я завтра проверю, и если она все еще здесь, я заставлю ее сесть на самолет или поезд.

— Хорошо, я все передам.

Неожиданно его лицо исказилось от боли.

— Бедняжка Гейл! — прошептал он. — Как бы я хотел, чтобы не вы, а я убил этого подонка Лукаса!

— В конце концов, результат был бы тот же самый, — ответил я. — Слушайте внимательно. Когда нас привезут в полицию, держитесь таким недотепой. Я ваш приятель и сегодня вечером попросил вас об одолжении: понаблюдать за квартирой Голфри и сообщить мне, когда он вернется домой. Вы согласились. Позднее я присоединился к вам, и вы мне сказали, что к нему подошли какие-то мужчина и женщина. Я отправился к нему, вы же остались снаружи, через десять минут стали волноваться и побежали за копом. И все!

— Как быть с человеком, который приехал вместе с Голфри и ушел после того, как появились те двое?

— Вы все это вообразили, — фыркнул я. — Вы никого не видели.

— Видел, конечно! Именно вы... — Его лицо прояснилось. — До меня дошло.

— Вот и прекрасно.

Коп закончил разговор, подошел к нам и, откашлявшись, важно произнес:

— О'кэй, ведите себя тихо и спокойно. Сейчас приедут парни из отдела по борьбе с убийствами!

Он направил на меня пистолет, чтобы усилить впечатление.

Через час мы были в управлении. На нас посыпался

град вопросов. Лестеру Фоссу следовало присудить Оскара за безукоризненное исполнение роли. Чего стоили его широко раскрытые глаза на глуповато-невинной физиономии. Я же твердо заявил, что стану отвечать на вопросы только лейтенанту Карлину, и добился своего потому, что у того было ночное дежурство.

Сержант, которому больше всего на свете хотелось плюнуть мне в глаза, провел меня по коридору и почти что втолкнул в кабинет Карлина.

— Привет, Билл! — сказал я, стараясь отряхнуть костюм. Потом поднял голову и уловил его взгляд. — Простите, лейтенант, — поспешно исправил я свою оплошность.

— За что ты меня ненавидишь? — осведомился он грозным голосом. — Почему каждый раз стараешься втянуть меня в какую-нибудь сомнительную историю, в которую ты всякий раз попадешь? Может, я отравил твою собаку, похитил жену или отбил любовницу?

— Ты пока этого еще не знаешь, но я оказываю тебе любезность, — твердо заявил я.

— Без которой я могу прекрасно обойтись!

— Существуют две версии того, что произошло сегодня, — продолжал я решительно. — Я намерен рассказать тебе правду, а потом официальную версию, которой ты сможешь воспользоваться.

— Ты временами сам себя не боишься?

Выражение его глаз говорило мне, что он считает меня подлецом, который всегда выходит сухим из воды.

Я описал ему все, как было, опустив подробности, касающиеся Риты Квентин и людей, связанных со студией «Сталлер». Когда я закончил, Карлин долго раскуривал трубку, потом пару раз хмыкнул, но не стал возражать.

— А теперь мы переходим к официальной версии! — бодро возвестил я.

— Вот тут тебе придется здорово постараться, чтобы я принял ее!

— Гейл Карлайл умерла, — начал я, — нет Ллойда и Вивиен Карлайл, не говоря уже о Джастине Голфри и Марвине Лукасе. Предположим, что ты сообщишь истинную историю происшедшей трагедии. Кому это поможет? Мертвым теперь это безразлично, а вот киноиндустрии сильно повредит.

— Ол-райт, Рик, ты привел свои соображения. Теперь изложи мне откорректированный Холманом вариант случившегося и постарайся склонить меня в его пользу.

— Трагическая кончина Гейл из-за собственной ее

беспечности — в этом ты вовсе не обязан копаться — повлияла на психику ее брата. После того как Карлайл снова женился, Голффри не оставляла мысль, что Вивиен — коварная, наглая особа, обманом заняла место его любимой сестры. Услышав о гибели Ллойда в автокатастрофе, он окончательно свихнулся и решил, что обязан наказать Вивиен.

Голффри сказал ей по телефону, что у него есть доказательства, что Ллойд не погиб в автокатастрофе, а она сама убила его. Вивиен поняла, что он свихнулся, но ей не хотелось скандала, пусть самого пустякового, связанного с именем Ллойда. Поэтому она согласилась встретиться с ним вечером у него на квартире. На всякий случай она поручила мне дежурить у дома и прибежать на помощь, если она не возвратится через десять минут. Голффри нанял бывшего уголовного Лукаса Марвина в качестве своего телохранителя. Тот решил, что речь идет об обычном шантаже. Но когда Вивиен добралась до площадки верхнего этажа, Голффри неожиданно выхватил пистолет и застрелил ее. Лукас, опасаясь за свою жизнь, застрелил его. Ну а я, услышав выстрелы, ворвался в дом как раз в тот момент, когда Лукас бежал вниз по лестнице.

Я слегка пожал плечами:

— Кто знает, что он вообразил, увидев меня с пистолетом в руке? Возможно, что я приятель Голффри? Так или иначе, он выстрелил в меня, но, к счастью, промахнулся. Ну а я, увидев на лестнице тело Вивиен, естественно, пришел к выводу, что это он убил ее. Поэтому я его застрелил.

— Все это шито белыми нитками! — воскликнул Карлин.

— Безусловно, но если ты постарайся, то сумеешь заделать дыры.

Минут пять он молча курил трубку, затем медленно кивнул:

— Поработать над этой версией придется немало, но, как мне кажется, из этого можно кое-что сделать. Ты не думал о том, чтобы отправиться куда-то в ближайшие три-четыре часа, Рик?

— Нет. Кстати, было бы неудобно, если бы покаянную записку Голффри обнаружил патрульный. Так вот, этого не случилось. — Я вытащил записку из кармана и поднес к ней зажигалку. — Обидно, что киноиндустрия никогда не узнает, в каком они неоплатном долгу перед лейтенантом Карлином...

— Боюсь, что некий коронер даже не будет подозре-

вать, что сделал для следствия Рик Холман, — усмехнулся он, — но вот парни, расследовавшие смерть Гейл Карлайл, будут знать все в точности!

Глава 10

Рыжеватая блондинка подняла глаза от бумаг на столе и робко мне улыбнулась. Полуденное солнце, проникающее через открытое окно, позолотило ее волосы. Тоненький свитерок цвета овса обтягивал ее высокую грудь.

«Не думай о запретных плодах, Холман, — мрачно сказал я себе. — Сосредоточься на незаконченном деле».

— Я, было, подумала, что вы умерли. Манни хотел с вами поговорить, так что я все утро звонила вам домой.

— Я распрощался с полицейскими в половине пятого утра, приехал домой, отключил телефон и проспал до полудня. Сейчас я снова чувствую себя человеком. Где Манни?

— В проекторской вместе с мистером Рейзером.

— Сделайте мне любезность, Карен! Покажите дорогу.

— Вы же ее знаете.

— Я все же хотел, чтобы вы проводили меня, а потом на какое-то время задержались возле неплотно прикрытой двери.

Она удивленно подняла брови, затем вышла из-за стола.

— Проекционная сюда, мистер Холман. Следуйте за мной, пожалуйста.

Мне доставило подлинное удовольствие наблюдать за пружинистыми колебаниями упругих ягодич, обтянутых узкой юбкой.

Вот и проекционная. Я подождал, пока мои глаза не привыкли к темноте. Различив два силуэта сидящих рядом людей, я подошел к ним и сел рядом с Манни.

Передо мной на серебряном экране Ллойд Карлайл, в дневное время врач-психиатр, а по ночам — ритуальный убийца, заверял нервничающую брюнетку в своей холостяцкой спальне, что ей нечего бояться. Он стоял перед зеркалом и натягивал белые перчатки. Лицо, отраженное в зеркале, показывало медленное превращение человека в зверя. Очевидно, зрители должны были испытывать к нему ненависть и отвращение, но в его интерпретации это снова была страшная человеческая трагедия.

Через пару минут экран погас, в помещении зажегся свет.

— Знаете, Манни,— низким голосом заговорил Рейзер, в том, как он держался, безошибочно угадывалась некая нарочитость.— Вы берете в студию такого гения, как Ллойд, и что получаете? Бесконечные неприятности, пока он жив. Ему вечно нужны деньги, большие гонорары, партнеры, которых ты не можешь заполучить, потому что у них заключены контракты с конкурирующими фирмами. Его личная жизнь немыслима. Он слишком много пьет, меняет женщин одну за другой и уделяет им много времени и сил. Он не желает прислушиваться к советам, игнорирует просьбы. Иметь дело с таким талантом — просто мука!

А теперь, когда он умер? Впервые за тридцать лет я почувствовал, что у меня имеется кинозвезда, которая может давать студии огромные деньги. И я могу ею распоряжаться, как нахожу нужным. Она не может огрызаться, не сбежит со съемок и не напьется, не женится бог знает на ком и не разорвет контракт! Мне не нравится какая-то сцена? Щелкнули ножницы, и кусок пленки летит на пол. И никаких истерик по этому поводу!

Рейзер откинул голову и громко захохотал.

— Он даже не произнесет ни единого словечка, Манни. Мне понадобилось тридцать проклятых лет, чтобы понять, что идеальная кинозвезда — это мертвая кинозвезда. Отныне я просто намерен...— Он только сейчас увидел меня и неожиданно замолчал.

— Холман? Когда вы сюда попали?

— Пару минут назад,— ответил я.— Это была потрясающая сцена.

— Мы весь день пытались к вам дозвониться! — порывисто сказал Манни.— После того что случилось вчера вечером, я даже не представляю, как вам это удалось повернуть таким образом... Это было великолепно!

Рейзер многозначительно покашлял, и Манни моментально замолчал, как будто ему кто-то пригрозил оружием.

— Мы перед вами в долгу, мистер Холман,— загудел бас Рейзера.— Практическое подтверждение нашей благодарности уже отправлено по почте. И после того, как вы столь блистательно, выражаясь языком Манни,отрегулировали кошмарную трагедию, я полагаю, у нас нет больше никаких проблем!

Его выпренная манера изъясняться всегда вызывала у меня зуд.

— Ну,— я пожал плечами,— полагаю, у «Сталлера» всегда будут проблемы, пока вы zapравляете здесь всеми делами, мистер Рейзер, не так ли?

В последовавшей внезапной тишине я расслышал, как шумно втянул в себя воздух Манни, да шуршание сигареты, которую Рейзер вертел пальцами.

— Не думаю, чтобы я ослышался? — напряженно произнес он. — Видимо, это очередные фокусы.

— Зло заключено в вас, Джо! — Я повысил голос: — И, боюсь, оно пустило такие глубокие корни, что навряд ли кому-то удастся его оттуда вырвать. Вы сделали из Ллойда Карлайла звезду и не собирались с ней расставаться, несмотря ни на что.

— Наши деловые отношения закончены, мистер Холман, — заявил он голосом, лишенным всяких эмоций. — Благодарю вас, прощайте. Сейчас мистер Крюгер проводит вас до ворот студии.

— Придется выслушать до конца! — усмехнулся я. — Ллойд Карлайл решил полностью покончить с Голливудом и уехать вместе с Гейл. С молчаливого согласия Джастина Голфри Вивиен и Лукас чудовищным образом убили ее.

Все это Рейзер уже знал, но я говорил для Манни и розового ушка, которое с жадностью ловило каждое слово за неплотно закрытой дверью.

Рассказал о Рите Квентин, о том, как Рейзер использовал ее для того, чтобы убить веру Ллойда в свою жену и как он с ней обошелся после того, как ее попытка не удалась.

— Но вы не отказались от своих намерений после неудачи Риты, — продолжал я. — Решили, что Вивиен справится с этим лучше. Поэтому и посвятили ее в планы Ллойда. Убежден, что вы прекрасно понимали, на что способна эта парочка в отчаянном положении. Вы негодая, Джо, завариваете кашу, затем отходите в сторону и наблюдаете, идет ли все именно так, как вы хотите. Существуют и другие слова, но я ограничусь этим. На протяжении двух лет Ллойда мучили угрызения совести: он считал себя в какой-то степени виноватым в случившемся. Вы знали, что это не так, но спокойно смотрели, как его шантажировали все это время предсмертной запиской Гейл. Ллойд погиб, и вам любой ценой нужно было купить молчание Риты. Она ухватилась за предоставленный ей шанс и потребовала в виде оплаты, чтобы я расследовал подробности смерти Гейл. Манни знал, что Рита была вашей любовницей до того, как в ее жизни появился Ллойд, и решил, что мне стоит рисковать. Но вы заставили его замолчать и распорядились, чтобы я продолжил расследование, потому что посчитали более опасным для себя отказаться.

Разумеется, вы велели Вивиен пустить в ход любые средства. Ей не удалось меня отговорить, несмотря на все старания. Тогда она спрятала Голфри в такое место, где, по ее расчетам, я не мог его отыскать. Но я нашел его, Джо!

Его глубоко посаженные глаза потемнели, когда я издевательски подмигнул ему.

— Конечно, я разыскал Голфри, но единственное, что мне удалось из него выбить, это правду о предсмертной записке. После этого я заставил Риту позвонить вам и сказать, что Голфри выложил мне все, что знал. Это была всего лишь наживка.

Если я был прав в своих подозрениях относительно вашей роли, тогда вы непременно должны были позвонить Вивиен и приказать ей помешать Голфри дать подписать его показания. Ну а заткнуть ему рот навсегда можно было лишь одним способом, этого можно было и не уточнять. Они не могли пойти на это в гнездышке Вивиен в Лонг-Бич, я был уверен, что они привезут его в собственную квартиру и прикончат там. Если же я ошибался в вас, тогда с Голфри ничего не могло случиться, а мне нужно было начинать все сначала. Но я не ошибся в вашей роли, Джо!

Сигара внезапно выскользнула из его пальцев.

— Вы никогда больше не будете работать в этом городе, Холман! — пронзительно зашептал он. — Никогда!

Я взглянул на Манни, который нервно протирал очки. Близорукие глаза смотрели на Джо с ужасом.

— Очень важный вопрос: было ли у Ллойда «Большое Казино»? — продолжал я. — Его врач получил результаты биопсии днем, не смог вызвать Ллойда по телефону, поэтому отправил их с посыльным в студию.

Я терпеливо вздохнул.

— Манни!

Тот, вздрогнув, поднял голову.

— Наденьте очки!

Он поспешно водрузил их на нос и посмотрел на меня так, как будто я уже нанес ему смертельный удар.

— Рик? — прохрипел он.

— На следующее утро Ллойд погиб в автокатастрофе, — произнес я. — Когда мы с вами разговаривали о вашей хижине в горах, вам что-то все время не давало покоя, причем это не имело никакого отношения к смерти Ллойда. Вы ерзали на месте, рассказывая, как он заехал к вам выпить кофе за час до несчастного случая и весело болтал о чем-то. Я убедился, что вы от меня что-то скрываете, но тогда не мог сообразить, что именно.

Я немного помолчал.

— В хижине с Ллойдом встретились вовсе не вы, Манни, а Джо Рейзер. Когда вы позвонили ему из студии с известием о гибели Ллойда на горной дороге, Рейзер приказал вам немедленно ехать к нему. А когда вы примчались, он заявил, что будет гораздо лучше, если он, глава студии, не будет втянут в эту историю. Так что на вопросы, кто был в хижине с Ллойдом, следовало отвечать, что это были вы, Манни.

— Не знаю, что Холман пытается доказать,— прорычал Рейзер,— но его пора остановить. Уличите его во лжи, Манни! Скажите глупцу, что в хижине были вы, а не я!

Человек или крыса? Это был решающий момент в жизни Манни. Он медленно облизал губы, начал было снимать очки, затем передумал и решительно насадил их на переносицу.

— Рик говорит правду, Джо,— возразил Манни негромко.— И вы это знаете!

На какое-то мгновение у меня появилось ощущение, что гороподобное тело Рейзера взорвется, заполнив помещение кусками жира. Потом он взял себя в руки.

— Я считал, что покойник имеет право унести с собой в могилу свои секреты,— произнес он трагическим голосом.— Но раз вы настаиваете, Холман, Ллойд уже уехал из студии, когда принесли письмо, и его вручили мне. Я не имел понятия, где смогу разыскать Ллойда в тот вечер, но знал, что он собирается отправиться в горы на следующее утро. Поэтому я отправился в домик Манни, а ему велел созвониться утром с Ллойдом и передать ему, что мы с ним встретимся в хижине.

Он медленно покачал головой:

— Я выполнил свой долг, в конце-то концов, он был моим лучшим другом, но совсем нелегко сказать человеку, что он не протянет и трех месяцев.

— В особенности когда биопсия показала, что у него нет «Большого Казино»! — язвительно заметил я.

Манни заморгал:

— Что? Что?

— Скажите мне чистую правду о последнем фильме Ллойда, который все еще не выпущен на экраны! — сказал я требовательно.

— Никуда не годится! — ответил со вздохом Манни.— Возможно, Ллойд просто устал или же ему стало на все наплевать. Но он просто расхаживал на протяжении всего проклятого фильма.

— Неужели им потребовалось целых тридцать лет, чтобы понять, что идеальная кинозвезда — это мертвая кинозвезда? Студия только что отсняла неудачный фильм. И очевидно, в дальнейшем не застрахована от таких же неудач, новых провалов. Если их никто не остановит, то что еще может быть?

Я посмотрел в глаза Манни. Его лицо побагровело, потом он резко повернулся, а Рейзер инстинктивно отступил назад, хотя и был в четыре раза больше тщедушного Манни.

— Так вот что вы сделали? — Манни буквально прошипел: — Вы сказали ему, что он умирает, хотя уже знали правду, что это не так! Доктор только что подписал ему новый договор на жизнь!

— Вы просто не понимаете! — Голос Рейзера на мгновение осекся, затем приобрел новую силу: — Вы не можете взглянуть на эти проблемы с позиции руководителя студии, Крюгер! Да и потом это больше не имеет значения.

Его толстые губы изогнулись в усмешке.

— В последнее время, Манни, я неудовлетворен вашей работой, а это проявление вашей нелояльности нельзя простить. Вы уволены, Крюгер!

— Джо! — произнес я с упреком. — Разумно ли так поступать в последний день вашей работы в этой организации?

— Вы все перепутали, Холман! Сегодня — это последний день для Крюгера по вашей милости.

— Это было в пятьдесят девятом году или годом раньше? — спросил я, глядя на Манни. — Я спрашиваю про год большого кризиса «Сталлера»? Тогда им пришлось обменять часть своих акций с «Трентон Ферлилайзер» на наличные, без которых студии грозил полный крах.

— Это было в пятьдесят девятом году, Рик. — В глазах у Манни затеплилась надежда.

— В составе нынешнего правления контрольный пакет акций находится в руках Трентона и Гарвея Круйза не так ли?

— Совершенно верно.

— Старик Трентон — южанин, баптист, который верит в необходимость существовать по правилам Евангелия, — заметил я как бы мимоходом. — Гарвей же, несмотря на то что давно связан с большими корпорациями, относится к тем либералам, которые разъезжают по всей стране, произнося речи о священных правах человека. Убежден, что, когда вы ему сообщите правду о том, как Джо

распопьяжался судьбами многих людей, связанных со студией, вы получите свою работу сразу же после того, как они выбросят Джо пинком под зад.

— Вы воображаете, что они поверят во все это ничем не подтвержденное вранье? — усмехнулся Рейзер.

— Ну, если Манни понадобятся свидетели? — Я довольно улынулся. — Ну во-первых, секретарша Манни, которая все еще внимательно слушает возле неплотно закрытой двери. Есть также Рита Квентин и лейтенант полиции Карлин и... Вы настаиваете, чтобы я продолжал, Джо?

Его унылая физиономия доказывала, что это излишне. Несколько минут, показавшиеся мне вечностью, он просто стоял, а его тучное тело как бы уменьшалось. Затем он тяжело вздохнул:

— Правление получит мое прошение об отставке утром. Вам еще что-нибудь нужно, Холман? Я только что отдал вам свою жизнь.

— Вы ее отняли у Ллойда Карлайла, так что обмен мне представляется вполне справедливым.

Он повернулся и вышел. Я заметил, что плечи у него ссутулились, походка сделалась шаркающей. Впервые я подумал о Джо Рейзере как о старике.

Тени калифорнийской ночи быстро сгущались. Я чувствовал себя таким одиноким. Рита уехала, и когда она возвратится — неизвестно.

«А вдруг, — подумал я с надеждой, — она меня не послушалась и ждет меня на верхнем этаже небоскреба».

Имелся весьма простой способ проверить правильность моего предположения. Я набрал ее номер, а через несколько секунд мне ответил мужской голос, показавшийся мне смутно знакомым.

— Это Рик Холман, — сказал я. — Мне хотелось бы поговорить с Ритой.

— Ох! Привет, Рик. Это Лестер Фосс.

Голос у него был бодрый и веселый. У меня мелькнуло в голове, какого черта он там делает.

— Я рассказал Рите все про вчерашний вечер, как вы велели, — рассказывал он. — Она думает, что из вас получился бы великий детектив, если бы вы только перестали пить.

— Очень мило! — хмыкнул я.

— Она также просила вас передать что-то о том, что все кончено, а предлагалось всего раз. Не понял, что это значит? Мы вчера долго говорили с ней о вашем совете уехать на какое-то время из города и решили, что она будет

здесь в полной безопасности, если в ее доме всегда будет находиться мужчина.

— Прекрасная мысль,— я быстро повеселел.— Передайте ей, что я сейчас же выезжаю.

— Похоже, что вы неправильно меня поняли, приятель! — воскликнул он добродушно.— Я уже здесь. Я нахожусь здесь со вчерашнего вечера, чтобы быть точным!

— Писатели! — воскликнул я горько.— Подлые предатели!

— Ну что же, желаю удачных преступлений!

Он был так доволен судьбой, что я мысленно пожелал сломать ему ногу. Я повесил трубку и задумался, что мне делать: напиться или пустить себе пулю в лоб? Но тут зазвонил телефон. Я схватил трубку, подумав, не сломал ли себе Фосс и правда ногу.

— Рик?

Это был голос Манни Крюгера.

— Манни? — спросил я устало.

— Мне очень не хочется беспокоить тебя, дружище, после всего того, что случилось, но поверьте — дело чрезвычайной важности.

— Идите к черту! — произнес я незлобиво.

— Рик! — По его голосу можно было понять, что он нажимает одновременно на все кнопки вызова по тревоге.

— Вам необходимо немедленно выехать. Берите карандаш и записывайте адрес.

— За этот вызов я предъявлю вам счет в тройном размере, так и знайте! — проворчал я.

— Поверьте мне, вы никогда не пожалеете, что послушались меня... Записывайте адрес.

— Записал,— сказал я через минуту.— Почему такая паника?

— Я предпочитаю, чтобы вы все узнали сами,— ответил он, явно нервничая.— Но одно я могу сказать с полной ответственностью: если вы замешкаетесь и проторчите долго дома, вы об этом сильно пожалеете!

Ну что ж, решил я, Манни предлагает нечто лучшее, нежели тоскливый вечер дома. И я отправился по адресу, полученному от него.

Это был многоквартирный дом недалеко от Стрипа, нужная мне квартира была на четвертом этаже.

Дверь открылась, на пороге появилось экзотическое существо, закутанное в пестрое одеяние, скрывавшее ее от подбородка до пят. На голове возвышалось подобие тюрбана, а плотная вуаль полностью закрывала физиономию.

— Я — Рик Холман, — пробормотал я растерянно. — Возможно, я окончательно рехнулся?

Жуткая особа наклонила тюрбан и поманила меня пальцем внутрь. Я закрыл за собой дверь. Мы вошли в холл, и она указала мне на дверь, которая вела, по моим предположениям, в гостиную.

— Туда? — спросил я очень умно.

Существо снова склонило свой тюрбан, после чего удалилось в противоположном направлении. Я наблюдал, пока оно исчезло, затем с сомнением открыл указанную дверь.

Мои ноздри затрепетали, я заподозрил что-то неладное, уловив какой-то странный аромат. Потом я сообразил, что это какое-то восточное благовоние.

Я сделал два осторожных шага и оказался посередине комнаты, где и замер с открытым от удивления ртом.

Окна были закрыты тяжелыми шторами, свет исходил от пары огромных свечей красного цвета. По полу разбросано десятка два ярких подушек. В центре комнаты стоял длинный низкий стол. Пламя свечей мягко отражалось в сверкающих хрустальных кубках и отбрасывало тени на два больших графина с вином, рядом — блюдо с холодной дичью и тарелка с различной закуской. Самое почетное место было отведено огромной кисти винограда, лежавшей поверх горы из свежих фруктов.

Я не мог оторвать глаз от этого изобилия. Это волшебный сон, решил я. Но тут я услышал вкрадчивый голос:

— Рик! Вы не не захватили с собой тогу?

В дверях, плутовато улыбаясь, стояла Карен. Золотисто-светлые волосы Карен были подняты в фантастической прическе, золотой браслет рабыни украшал ее запястье. Белая шелковая туника начиналась в виде шарфика вокруг шеи, затем, расширяясь, двумя полосами доходила до талии. Этих полосок — или как их иначе назвать? — было недостаточно, чтобы скрыть ее полные груди, да, пожалуй, они и не были для этого созданы. Остальную часть туники составлял широкий волан, доходивший до ног. Мне показалось, что под туникой у нее ничего не было.

— Ты особа в тюрбане, которая открыла мне дверь? — пробормотал я ошеломленно. — Это были вы?

— Да. — Она пожала плечами. — Знаете что, Рик Холман, вам не пришлось слишком долго ждать.

— В каком смысле?

— Я пообещала пообедать с вами после того, как вы закончите эту историю, хотя бы так, как того хотелось Рейзеру. Вы сделали нечто большее! Вы прикончили самого

Рейзера. Отныне жизнь Манни будет сплошным праздником. Раз так, вы заслужили что-то большее, чем простой обед.

Величественным жестом она обвела все помещение:

— В вашу честь здесь состоится оргия!

Ее глаза светились лаской, когда она снова посмотрела на меня.

— Я же ваша невольница, которой вы сможете распоряжаться!

— Очистите мне грушу,— распорядился я.

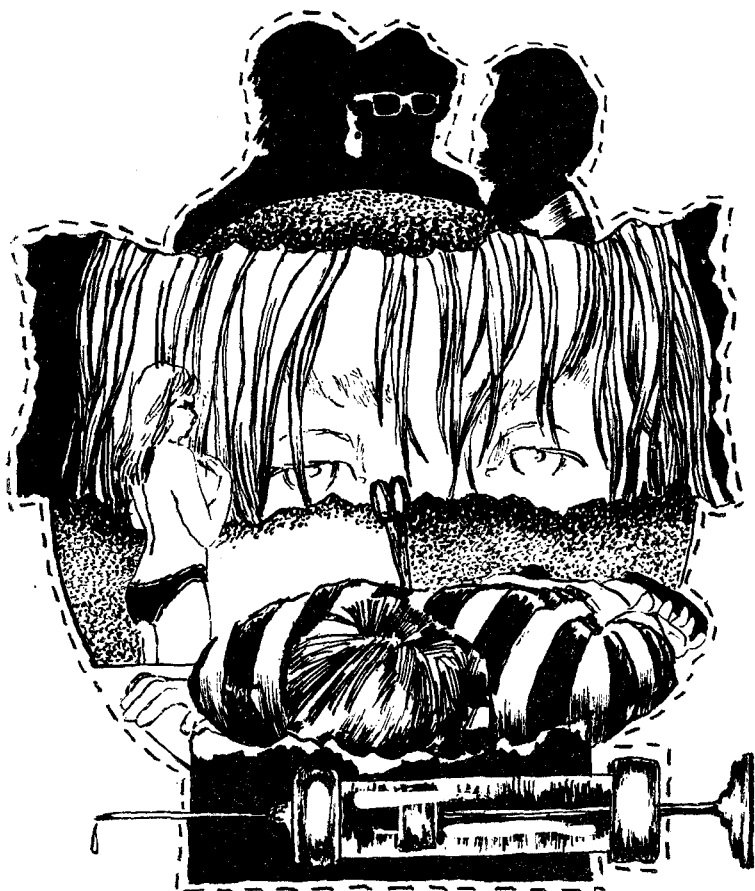
— Сейчас.

Она быстро повернулась к столу, и в это мгновение я получил возможность убедиться, что у нее ничего нет под короткой туникой.

— Стоп! Я передумал.

Она повернулась ко мне, хитро улыбаясь.

— Вы меня напугали, Рик. Я вообразила, что вы припарковали свой секс-двигатель вместе с машиной!

СВЕТЛОВЛОСАЯ РАБЫНЯ

Глава 1

Если судить по тому, как она была одета, то ей больше всего сейчас подошло бы очутиться на борту шикарного лайнера, совершающего круиз по Карибскому морю. Она возлежала бы в шезлонге, нежась в лучах горячего солнца и освежаясь бокалом ледяного дайкири, небрежно зажатом между пальцев. Коротенькая туника была расшита блестками, точно такая же шапочка прикрывала пышные золотистые локоны, а все вместе выглядело необыкновенно экстравагантно. Она неслась так, словно ее преследовала свора злоющих собак, и мне пришлось приналечь, чтобы поспеть за ней.

— Притормозите слегка,— ворчал я.— Вообще-то я не прочь умереть на ходу, но только не посреди улицы!

— Простите, мистер Холман,— отозвалась она,— у Рея сегодня очень напряженный день.

— Достаточно познакомиться поближе с одной кинозвездой, чтобы остальные уже не представляли секрета,— ответил я.— Могу поспорить, что получивший в этом году приз Академии ничем не отличается от остальных кинозвезд. Чванлив по уши и то и дело сверкает белоснежными зубами. Если не хочешь ослепнуть, надевай темные очки при каждой его улыбке. Так что сами посудите, чего ради мне нестись со всех ног к Реймонду Пакстону, когда у меня приятная возможность провести время с его красоткой-Пятницей!

Ева Байер внезапно остановилась и повернулась ко мне. Ее большие сапфировые глаза сверкнули, губы сложились в презрительную усмешку. Она медленно провела руками по своим великолепным бедрам, туго натянув прозрачный шелк, отчего приятные округлости повыше талии со скульптурной четкостью обрисовались под блестящей тканью.

— Джи-и-и! — Ее голос прозвучал в точности как у начинающей кинозвезды — жеманно и хрипловато. — Как

милостиво с вашей стороны, что вы так галантны с девушкой, мистер Холман!

— Что ж, Пакстону помогает целая компания сценаристов, — сказал я. — А мне-то приходится сочинять свои диалоги прямо на ходу!

— Быть может, для начала вы хотели бы сообщить мне, что я красива и сексуальна? — предложила она.

— Для начала сообщаю вам, что вы красивы и сексуальны, — согласился я.

— Я это знаю. — И она снова понеслась с той же бешеной скоростью. — Я также знаю, что вы — Рик Холман, беспринципный тип, который всегда готов аккуратно уладить самые неаккуратные дела любой знаменитой личности из мира кино. Рэй, правда, не сообщил мне, зачем именно вы ему понадобились, но этот вопрос не настолько меня занимает, чтобы я готова была завалиться с вами в постель только ради того, чтобы удовлетворить свое любопытство.

— Что ж, — усмехнулся я, — по крайней мере никто не сможет сказать, что наши с вами взаимоотношения были неприятными, хотя, увы, непродолжительными!

— Да нет, вообще-то против вас я ничего не имею, — бросила она небрежно. — Просто я давным-давно пообещала папе Байеру, что никогда не стану спать ни с одним мужчиной просто так.

— Господи, до чего же я невезучий! Надо ж мне было встретить Златокудрую, которая никогда не разделит со мной тарелку утренней каши, не говоря уже о том, чтобы спать со мной в одной постели! — простонал я.

Парень, который стоял перед роскошной передвижной костюмерной, сложением напоминал обыкновенный танк. Когда мы оказались возле него, он оглядел меня так, словно я был каким-то грязным насекомым, подлежащим немедленному уничтожению.

— Все в порядке, Фрэнк, — быстро сказала Ева. — Мистера Холмана ждут. — Она повернулась ко мне с умоляющим выражением во взоре. — Проходите же, мистер Холман. И пожалуйста, прошу вас, не будьте слишком бесцеремонным с Реем! Потому что, несмотря на вполне благополучный внешний вид, Рэй необыкновенно ранимый человек!

— Хотелось бы, чтобы и вы были такой же, — печально произнес я.

Пакстон стоял внутри фургона перед огромным, во всю стену, зеркалом. На нем были только боксерские шорты,

в одной руке — сигарета, в другой — бокал шампанского. Рост выше среднего, но широкие плечи и мощная грудная клетка делали его ниже ростом. Блестящие, слегка вьющиеся черные волосы доходили почти до плеч. Роскошные черные усы, такие же густые, как и волосы, могли бы вызвать зависть у самого Панчо Вильи. Глубоко посаженные серые глаза искрились внутренним огнем, казалось, вокруг него все пропитано ароматом самоуверенности и самодовольства. У меня сразу же возникло такое чувство, что он считает весь мир таким, каким сам предпочитает видеть, и горе тому, кто осмелится нарушить это представление.

— Рад, что вы пришли, Холман,— произнес он. В голосе его звучали небрежно покровительственные нотки.— Хотите выпить?

— Нет, благодарю вас.

— Я никогда не пью ничего, кроме шампанского.— Он с удовлетворением обратил взор на медленно поднимающиеся со дна бокала пузырьки.— После него никаких неприятных ощущений!

— Этот самый Фрэнк...— сказал я.— Эта горилла, которая околачивается там, снаружи. Вам необходим телохранитель даже когда вы работаете здесь, в Звездной Студии?

— Мой единственный кумир — право на уединение,— усмехнулся Пакстон.— Как-то мой психоаналитик решил побороть эту мою привычку, но я послал его ко всем чертям! Если я это потеряю, то, пожалуй, ударюсь в онанизм или еще что похуже!

— Потому-то вы и захотели встретиться со мной? — спросил я удивленно.— Чтобы потрепаться часок-другой о тех проблемах, которые возникают между вами и вашим психоаналитиком?

— Я хочу, чтобы вы нашли одну девушку по имени Кармен Коленсо,— разозлился он.— Вчера ночью она сбежала из частного санатория. Прodelать это надо аккуратно, Холман. Я вовсе не желаю огласки, и уж во всяком случае, что бы там ни стряслось, вы не должны привлекать к этому делу полицию!

— Пожалуй, теперь я выпью чего-нибудь. Судя по вашему тону, дальше будет еще что-то похуже.

— Угощайтесь! — Он кивнул на полупустую бутылку шампанского, стоявшую на крышке погребца изящной работы.

Шампанское было недурным на вкус, но поскольку сам

я обычно пью бурбон, мне было равным счетом наплевать на то, правильно ли выбран сорт винограда для этого шампанского. Глубокие глаза Пакстона внимательно следили за мной, и у меня возникло ощущение, что в броне самоуверенности, окружавшей его, появилась крохотная трещинка.

— Никогда не слыхал о девушке по имени Кармен Коленсо,— сказал я ему.— Она ваша бывшая жена? Или подруга? Кем она вам приходится?

— Это моя сестра,— кратко ответил он.— Наши родители погибли в автомобильной катастрофе лет десять назад. В то время ей было только пятнадцать, и с тех пор я забочусь о ней.

— Почему она находилась в частном санатории?

— Она была под наблюдением врачей.

— По какой причине?

— Три месяца назад у нее случилось нечто вроде нервного припадка.— Он крупным глотком отхлебнул шампанского.— Все, что от вас требуется,— это отыскать ее, Холман!

— И вернуть в санаторий,— согласился я.— Ну, а если она не захочет туда возвратиться?

— У нее нет выбора,— сказал он жестко.

— Значит, вы не станете возражать, если стукну ее по голове, сгребу в охапку, свяжу по рукам и ногам и отвезу обратно в санаторий в багажнике своего автомобиля?

— Проклятый садист, сукин сын! — взревел Пакстон.

— Но, по крайней мере, не идиот! — рявкнул я в ответ.— Я хочу знать, что это за история и во что я могу влипнуть, прежде чем примусь за розыски. Что случилось с вашей сестрой? Она что, слегка чокнутая?

Внезапно Пакстон одним прыжком перемахнул разделявшее нас расстояние и ударил меня по лицу тыльной стороной ладони. Сила у него была такая, что с минуту в моих ушах совершенно явственно раздавался перезвон рождественских колоколов.

— Только попробуйте еще раз повторить это, Холман! — прошипел он.— Я вас тут же прикончу.

Я несколько раз тряхнул головой, и колокола стали затихать. Пакстон медленно отошел от меня, но в глазах его я успел заметить странное выражение: в них был испуг.

— Я ужасно сожалею,— пробормотал он.— Этому нет прощения! Если хотите, можете тоже ударить меня, Холман!

Какое-то мгновение я боролся с искушением, но потом

решил, что нет никакого удовольствия бить кого-то по его же собственному приглашению. Пакстон внимательно наблюдал за мной с болезненным выражением лица, а я довольно кисло подумал, что, имея дело с актерами, никогда не можешь быть уверенным, что они хоть на миг перестают играть перед тобой, словно перед кинокамерой.

— Значит, я задел ваше больное место,— сказал я.— Что ж, если всякий раз, когда я нечаянно задену больное место, вы сразу будете давать мне по физиономии, то лучше нам разойтись по-хорошему! Пожалуй, я сумею найти более легкий способ зарабатывать себе на жизнь!

— Вы правы,— признал он.

Я молча наблюдал, как он достает из поставца новую бутылку шампанского, вынимает пробку с такой осторожностью, словно в его руках сосуд с динамитом, и наполняет свой бокал.

— Кармен всегда была необузданной девчонкой,— сказал он безразличным тоном.— Но это никогда меня особенно не беспокоило, я считал, что подобное неизбежно. Я уделял ей очень мало времени, поскольку постоянно не бывал дома, а ведь нельзя рассчитывать, что экономка заменит девочке родителей или старшего брата. Она бросила колледж на втором курсе, провозгласила мне свою собственную декларацию независимости и переехала на квартиру к одной из своих подружек, Джеки Эриксон. Меня это вполне устраивало, ее подружка — художница, специалист по рекламе, особа вполне независимая и хорошо зарабатывающая. Я назначил Кармен ежемесячное содержание, так что она ни в чем не нуждалась. А через несколько месяцев вдруг я узнаю, что Кармен вышла замуж! Она сбежала с Тайлером Уорреном, потомком нескольких поколений чванливых ископаемых, и его папаше, видите ли, не понравился брак сына!

Вообще-то, это ничего не значило для них.— Он пожал плечами.— Когда я узнал о них, они уже успели вернуться после медового месяца из Палм Спрингса. Их брак продолжался чуть больше трех лет, а потом Уоррен накрыл Кармен в постели со своим лучшим другом. Его старик не желал огласки, поэтому развод был дан на основании постоянной грубости и резкости супруга, и Кармен снова вернулась к Джеки Эриксон.

Три месяца назад рано утром мне позвонила Джеки. Она сказала, что Кармен ушла от нее к мелкому игроку Россу Митфорду и живет с ним на Венеция-Бич. Джеки говорила, что Кармен ушла три недели назад, а теперь до

нее, то есть до Джеки, стали доходить всякие отвратительные слухи об этой парочке. Они словно решили, что впереди у них ничего нет и пустились во все тяжкие, начиная с диких оргий и кончая наркотиками. Джеки дала мне адрес, и я в тот же вечер навестил сестру.

Глаза Пакстона потемнели, он не сводил внимательного взгляда с поднимавшихся со дна бокала пузырьки, левая рука непроизвольно сжалась в кулак.

— Митфорд попытался было помешать мне войти, и я его ударил. В конуре их был такой погром и такая грязь, словно здесь произошли все катастрофы мира. Кармен сидела полуголая в спальне на краю кровати, и ей понадобилось несколько минут, чтобы узнать меня. Она, видимо, недавно прихватила изрядную порцию ЛСД и еще не успела прийти в себя. А когда заговорила со мной, ее голос напомнил скрип старой патефонной пластинки, по которой елозит тупая игла! Я понял, что лучше всего в данный момент побеседовать с самим Митфордом. Вернувшись в гостиную, вылил ему на голову кувшин холодной воды.

— А потом разъяснили кое-какие житейские мелочи? — подсказал я. — Вроде того, что им не на что будет жить, как только вы прекратите выплачивать Кармен пособие?

Пакстон кивнул.

— Больше того. Он ведь подвизается на вторых ролях в разных фильмах, так вот, я объяснил ему, что вполне могу лишиться его возможности работать в Голливуде. Я мог бы добиться, чтобы его внесли в черные списки на всех основных студиях Голливуда и на большинстве независимых. Словом, сказал ему, что если он этого не хочет, то лучше всего будет для него взять у меня десять грандов, выйти из этой конуры и никогда больше сюда не возвращаться. Он стал было упираться, но я его пару раз стукнул, и он тут же принял мое предложение.

— И тогда вы поместили Кармен в частный санаторий?

— Хорошо бы, если б все так просто! — Он покачал головой. — Оказывается, дверь в спальню была открыта, и она слышала наш разговор. В общем, в ту же секунду, как Митфорд согласился взять десять грандов и удалиться, она ворвалась в гостиную, словно ураган. В руке у нее были большие ножницы, не успел я опомниться, как она вонзила их не менее, чем на пять дюймов, в спину этого Митфорда.

— Мне не приходилось читать об этом в газетах, — ска-

зал я,— значит, копы в этом деле не принимали участия. Как же вам удалось все устроить?

Пакстон слегка усмехнулся.

— Это было не так уж трудно. Митфорд увидел, как на пол из его спины сбегает струйка крови, и тут же грохнулся в обморок. Кармен начала истерически хохотать, мне пришлось дать ей по физиономии, чтобы унять. Потом я вызвал своего психолога и тот все уладил. Прибыла карета скорой помощи из частного санатория, им обоим вкатили солидную дозу успокоительного и вынесли из квартиры. Каким-то чудом ножницы не повредили Митфорду легкое, и ему потребовалось только зашить дырку. Через неделю я навестил его в санатории, прихватив с собой адвоката со студии. За двадцать грандов Митфорд подписал целую кучу бумаг, в которых значилось, что рану он нанес себе сам по неосторожности и что он обязуется оставить Кармен в покое навсегда. Две недели снустья его выписали из санатория, и с тех пор я его больше не видел.

— Чья это была идея — оставить Кармен в санатории под наблюдением врачей?

— Моего психолога. Джерри решил, что она в этом нуждается, причем немедленно, и лечение должно быть серьезным. Все как будто бы шло гладко, она начала уже поправляться, и вот, пожалуйста,— вчера вечером сбежала!

— Где находится этот санаторий?

— На краю каньона за холмами, к нему ведет грязная дорога, которая на первый взгляд заброшена. Идеальное местечко! Спорю, вы никогда не догадались бы, что это заведение называется «Санаторий с видом на холм».

— Чей это санаторий?

— Доктора Дедини.

— Думаю, начинать надо именно оттуда,— сказал я.— Вы не имеете представления, к кому могла сбежать ваша сестра?

— Во всяком случае, не ко мне, это уж точно! Она знает, что я немедленно верну ее обратно.— Он пожал плечами.— Полагаю, могла бы отправиться к своей подруге — Джеки Эриксон.

— А может быть, к Митфорду?

— Надеюсь, что нет,— помрачнел он.

— Мне понадобятся некоторые адреса,— сказал я деловито.

— Я записал их для вас, а также и свой личный номер, которого нет в телефонной книге.— Он выдвинул верхний ящик туалетного столика, достал лист бумаги и протянул

мне.— Видите, я записал тут еще и номер моего психолога Джерри Шумейкера. На случай, если вам потребуется его профессиональный совет...

— Вот что я вам скажу, Пакстон,— проворчал я,— вы на редкость умеете располагать к себе людей! — Я просмотрел лист, который он протянул мне.— А как насчет Тайлера Уоррена, бывшего супруга?

— Он — последний человек на свете, к кому она обратилась бы,— обозлился вдруг Пакстон.

— Откуда вы знаете, что именно у нее сейчас на уме? — холодно спросил я.

— Последнее, известное мне о нем, то, что он переехал к своему старику в Паллисад. Наверное, их адрес вы найдете в телефонной книге.— Он сердито уставился на меня.— Вы, надеюсь, не собираетесь бегать по всему Лос-Анджелесу, посвящая всех и каждого в историю, которая приключилась с моей сестричкой?

— Никогда не любил беготни,— сказал я устало.— А потому просто-напросто дам объявление в газете, что сестра Реймонда Пакстона сбежала из частного пансиона.

— Ладно, извините меня.— Он произнес эти слова, сделав над собой заметное усилие.— Думаю, вам лучше знать, как все это устроить, Холман.

— Огромнейшее вам спасибо,— проворчал я.

— Деньги,— сказал он таким тоном, словно сам придумал это слово.— Вы хотели бы получить их прямо сейчас?

— Это было бы моей второй ошибкой в жизни,— сообщил я ему.— Первая — та, что я вообще пришел сюда.

— Знаете что? — Он оскалил свои великолепные зубы в злобной ухмылке.— Чем ближе я вас узнаю, тем меньше сожалею о той оплеухе, которую вам отвесил!

— Продолжайте полировать своего «Оскара», — посоветовал ему я.— Пока он у вас, вам нет нужды притворяться приличным человеком.— Я поставил стакан на крышку погребца и пошел к двери.— Как только что-нибудь разужнаю, поставлю вас в известность.

Он ответил коротким кивком, отвернулся и принялся изучать свое отражение в зеркале. Я с трудом подавил желание пнуть ногой его обтянутый боксерскими портками зад, потому что, какова бы ни была его реакция, самовлюбленность его не станет от того ни на йоту меньше. Все-таки актерское тщеславие — вещь несокрушимая и попытаться уязвить его — все равно, что лаять на луну.

Телохранитель за дверью одарил меня мимолетным

враждебным взглядом, когда я прошел мимо него к поджидавшей Еве Байер.

Она бросила взгляд на свои часики и улыбнулась:

— Добрая дюжина журналистов не пожалела бы тысячи долларов за то, чтобы провести наедине с Рэем полчаса, как это сделали вы,— сказала она.— Он произвел на вас впечатление?

— Только не Рэй Пакстон,— откровенно признался я.— Впечатление на меня произвели исключительно вы.

— Я польщена.— Она на секунду прикусила пухлую нижнюю губку.— Все в порядке, не так ли? Я хочу сказать, вы ведь поможете Рэю?

— Если смогу,— ответил я.— Но пока, мне кажется, шансов маловато.

— С ним надо познакомиться поближе, только тогда начинаешь понемногу понимать его,— быстро сказала она.— Я уже вам говорила, что под его мужественной внешностью...

— ...скрывается человек, который больше всего боится, что вот-вот спятит,— закончил я за нее.— Вы тоже заметили это?

Ее большие сапфировые глаза широко раскрылись и заняли пол-лица.

— Я вовсе не нахожу это смешным, мистер Холман!

— Я тоже,— сказал я.— Не хотите проводить меня до выхода?

— Нет,— обозлилась она.— У меня есть дела поважнее. До свидания, мистер Холман.

— Пакстон женат?

Она покачала головой, потом бросила на меня подозрительный взгляд.

— А почему вы спрашиваете?

— Просто так,— я пожал плечами.— И никогда не был женат?

— Насколько я знаю, нет.— Ее лицо стало жестким.— Только не вздумайте болтать насчет него всякую ерунду вроде того, что он импотент! Уж я-то наверняка знаю, что это неправда!

— Девушка с пятницы до понедельника, не так ли? — спросил я.

— До чего смешно, мистер Холман,— бросила она звенящим голосом,— но полчаса назад, когда мы шли к трейлеру, вы мне показались вполне симпатичным! Очень милым, и даже понравились! Правда нелепо?

Она промчалась мимо меня, мини-юбочка так и взви-

лась вокруг ее золотистых бедер, и исчезла внутри трейлера. Я остался совсем один в лучах горячего солнца, на длинной дорожке, ведущей к воротам студии, и с глубокой уверенностью в душе, что ни за какие блага на свете не согласился бы очутиться на месте Реймонда Пакстона — решительно во всех отношениях!

Глава 2

Случайный луч солнца прокрался сквозь щели жалюзи и заплясал на бронзовом пресс-папье, громоздившемся посредине крытого кожей стола. Несколько секунд доктор Дедини внимательнейшим образом изучал это любопытное явление, и потому у меня не было возможности привлечь его внимание к моей скромной особе. Это был человек тонкой кости и хрупкого сложения в элегантном мохеровом костюме, бледно-голубой рубашке и канареечно-желтом голстуке, с гладкой оливково-смуглой кожей и едва заметной сединой на висках. Глубоко посаженные карие глаза его оттенялись длинными, загнутыми кверху ресницами, а на лице раз и навсегда застыло меланхолическое выражение, словно все свое время он проводил в размышлениях о мирских печалях. Впрочем, может быть, у него было нечто вроде хронической диспепсии?

— Это ужасная неприятность, — сказал он мягким голосом. — Впервые в истории нашего заведения пациентка — кгм! — покинула санаторий самовольно, без предварительного разрешения.

— Все же, как именно это произошло? — спросил я.

Его тонкий указательный палец с ухоженным ногтем осторожно подвинул пресс-папье на пару дюймов в сторону от солнечного лучика.

— Мисс Коленсо пожаловалась, что не может спать, и медсестра понесла ей пару пилюль снотворного. Когда она вошла в комнату, мисс Коленсо напала на нее сзади, ударив по голове вазой, и лишила сознания. Потом мисс Коленсо надела ее форму и вышла за ворота санатория.

— Неужели все так просто? — удивился я. — Ведь вокруг санатория шестифутовая стена, а у ворот — охранник!

— Охранник ведь не может знать в лицо абсолютно всех сестер и сиделок, — сказал доктор с мягким укором в голосе. — Мисс Коленсо подбежала к охраннику и сказала, что внутри здания что-то — э-э-э — стряслось и срочно

необходима его помощь. А едва он скрылся в здании, она, очевидно, отперла ворота и вышла.

— Сколько же времени прошло, пока ваши сотрудники узнали о ее исчезновении?

— Не больше пяти минут.

— Вы искали ее?

Он поджал губы.

— Искали, конечно, и очень тщательно. До сих пор не понимаю, мистер Холман, почему мы ее тем не менее не нашли. Я послал по дороге машину, две группы людей искали по обе стороны дороги, еще одна группа отправилась в каньон.

— А если они не обнаружили ее из-за темноты? — спросил я.

— Люди-то могли бы не заметить, — согласился он. — Но не собаки.

— Собаки?

— Да, специально обученные немецкие овчарки, мистер Холман. — На лице его появилась смущенная улыбка. — И я никак не могу понять, почему же они ее не обнаружили. Девушка словно испарилась в воздухе.

— Могу я поговорить с вашей медсестрой? — вежливо спросил я.

— Ну, конечно. Мы вполне разделяем беспокойство мистера Пакстона и рады помочь всем, что в наших силах. Наш штат к вашим услугам, мистер Холман.

— Меня интересует только медсестра, — терпеливо повторил я.

— Сестра Демнон. — Он поднялся со стула и обошел огромный стол вокруг. — Я пришлю ее сюда, чтобы никто не помешал вам беседовать.

— Спасибо, доктор.

— Я объясню ей, что вы — доверенное лицо мистера Пакстона, чтобы она от вас решительно ничего не скрывала. — Он смахнул воображаемую пылинку со своего рукава. — Вчера вечером она была прямо-таки в отчаянии от того, что некоторым образом подвела меня, и потому она так страдала от физической боли... Но сегодня, рад сообщить вам, она полностью оправилась.

— Великолепно, — пробормотал я.

Доктор вышел из кабинета, тщательно прикрыв за собой дверь и двигаясь с такой осторожностью, словно опасался, что его вот-вот сдует сквозняком. Я закурил и стал размышлять над тем, что же это за санаторий под началом этого симпатичного доктора, если в любую минуту

отсюда можно отправить на розыски три отряда мужчин в сопровождении тренированных собак? Минуту спустя отворилась дверь и в кабинет вошла сестра.

Это была рыжеволосая особа лет около тридцати, и даже строгий белый халат не мог скрыть изгибов пышной фигуры. Ее синие глаза блестели, в них светился ум; аккуратный, чуть вздернутый носик придавал ей несомненную пикантность, а полный чувственный рот совершенно не вязался с представлением о спиртовых компрессах и грелках.

— Мистер Холман? — произнесла она мягким голосом. — Я — Айрис Демнон. Доктор Дедини только что объяснил мне, что вы от мистера Пакстона по поводу мисс Коленсо.

— Вы вчера попали в отвратительную переделку, а? — спросил я сочувственно.

— Я была форменным образом потрясена. — Она печально улыбнулась. — Но, в общем, такое случается время от времени в жизни сестер психиатрических клиник, так что мне, пожалуй, даже не следовало бы удивляться!

— Как же все произошло?

— Мисс Коленсо пожаловалась, что не может уснуть, я понесла ей две таблетки снотворного и...

— А каким именно образом она пожаловалась вам? — спросил я.

Она с недоумением поглядела на меня, потом в глазах ее появилось понимание.

— А! Я сообразила, что вы имеете в виду! Когда наш пациент нажимает у себя в комнате кнопку, на приборной доске появляется огонек. Дежурная сестра тоже нажимает на кнопку, в комнате пациента включается микрофон, и сестра может говорить с пациентом. Это очень удобно и экономит время, потому что можно узнать, что им требуется, не отрывая попки от стула! — Она внезапно осеклась и с шутливым испугом прижала руку ко рту. — Ох, простите, ради Бога!

— Как-нибудь переживу, — осклабился я. — Значит, вы понесли к ней в комнату снотворные таблетки?

— Открыла дверь, вошла в комнату, и в ту же минуту — трах! — Она сморщилась. — До сих пор голова болит, как вспомню об этом!

— Где же она пряталась, когда вы вошли в комнату?

— Может быть, за дверью? Все произошло так быстро!

— Когда вы вошли в комнату, вам была видна ее кровать?

— Думаю, что да, — она часто заморгала. — Вероятно. По крайней мере, я должна была бы ее видеть, потому что она стоит под окном, как раз у противоположной стены.

— Значит, в таком случае вы должны были заметить, что мисс Коленсо в кровати нет, но тем не менее вы все же вошли в комнату, даже не побеспокоившись о том, где она может быть?

Она слегка покраснела.

— Боюсь, что это было действительно глупо с моей стороны. Но я, наверное, подумала, что она в ванной, если вообще о чем-то таком подумала...

— Сколько времени вы находились без сознания?

— Точно не знаю, но, думаю, не дольше нескольких минут. Потом я нажала на кнопку и сообщила одной из сестер, что произошло. Около нее стоял охранник, и он не мог сообразить, как это я сумела за такое короткое время вернуться от ворот и пройти в здание, так что он меня даже не заметил. — Она усмехнулась. — Он же не знал, что медсестра, которая к нему прибежала, на самом деле была вовсе не сестрой, а мисс Коленсо, только в моей форме, разумеется. А когда он через несколько секунд ворвался в комнату, я только тогда поняла, что на мне только лифчик и трусики... А эти самые трусики — из прозрачно-го нейлона, представляете?

— Везет же некоторым парням, — сказал я с завистью.

— Вы так считаете, мистер Холман? — спросила она чуть хриплым голосом, слегка прикусив нижнюю губу.

Усилием воли я оторвался от мысленного созерцания увлекательной картины, какой предстала мисс Айрис Демонн взору потрясенного охранника, и сконцентрировал свое внимание на следующем вопросе, а это было нелегко.

— Ну, а затем поднялась тревога и были разосланы поисковые группы?

Она кивнула:

— Доктор Дедини обеспечил отличную выучку охраны. Не прошло и нескольких минут, как они уже отправились на розыски мисс Коленсо.

— Но ведь не нашли ее?

— Не нашли, к сожалению. — Озадаченное выражение появилось у нее на лице. — Я не могу понять, как это собаки прозевали ее? Такого никогда ранее не случалось!

— В котором часу доктор Дедини отдал свое распоряжение?

— Было около четырех утра. Я чувствовала себя просто ужасно, оттого что ее не нашли. В конце концов, это

в первую очередь моя вина. Только из-за меня ей вообще удалось выйти из здания. Но доктор Дедини был ко мне очень добр, он сказал, чтобы я не беспокоилась, велел мне принять успокоительное и лечь в постель.

— А утром доктор возобновил поиски?

— Это уже бесполезно, — осторожно ответила сестра. — К тому времени мисс Коленсо, видимо, была за много миль отсюда.

Выражение лица у нее было как раз такое, какое и подобало случаю: внимательное, выражающее полную готовность помочь всем, чем можно, и в то же время несколько виноватое: она чувствовала себя ответственной за побег пациентки. Почему же тогда в глубине души стал точить меня червячок сомнения в ее искренности? Ведь ответы она давала правильные и нужные. Разве, что в подобной ситуации медсестра даже с такой сексуальной внешностью могла бы разговаривать менее фривольно? Или же она это делает намеренно, чтобы отвлечь меня от чего-то более важного?

— Если бы она спустилась в каньон или притаилась в кустарнике около дороги, то собаки непременно почуяли бы ее, — сказал я. — Так что получается, она отправилась напрямик по грязной дороге.

— Но ведь шоссе отсюда не менее, чем в трех милях, — возразила сестра Демнон. — А доктор Дедини тут же послал к шоссе охранника на машине. Значит, он должен был настигнуть ее еще задолго до того, как она добралась бы до развилки, верно?

— Если, конечно, кто-то не оставил специально для нее машину в нескольких ярдах от ворот санатория, укрыв ее в кустарнике и развернув таким образом, чтобы бампер указывал нужное направление? — небрежным тоном предположил я.

Глаза ее раскрылись чуть шире.

— Боже мой! Как же никто из нас не догадался?

— К мисс Коленсо допускались посетители?

— Только доктор Шумейкер, ее психолог.

— Если какой-то автомобиль ждал ее здесь, то, значит, у нее имелся сообщник, — сказал я напрямик. — Было бы слишком опасно оставлять тут машину на неопределенное время, значит, побег был заранее назначен на вчерашнюю ночь. К ней не допускали посетителей, кроме психолога — следовательно, если бы он сам решил забрать ее отсюда, то мог бы сделать это в любой момент. Значит, должно быть какое-то связующее звено между сообщником за стенами

санатория и мисс Коленсо, запертой в его стенах. И это наверняка кто-то из работающих здесь и имеющих возможность постоянно общаться с мисс Коленсо. Кто-то вроде вас, например?

— Вы в своем уме, мистер Холман? — ледяным тоном спросила она. — Вы что же, считаете, будто это я сама вошла в ее комнату вчера вечером, сняла с себя форму, отдала ей и стала дожидаться, пока она хватит меня по голове вазой?

— Ей достаточно было всего лишь слегка стукнуть вас, чтобы вскочила шишка, — сказал я. — А потом она могла разбить вазу, бросив ее в секретер, например. Вчера вечером несколько часов шел дождь. Если у дороги стоял автомобиль, то там непременно остались следы шин, и я без труда обнаружу их. Но когда и доктор Дедини увидит их, он, естественно, сообразит, что к чему, поймет, что здесь замешан кто-то из его служащих, и, можете не сомневаться, сразу оценит вашу роль. Если, конечно, вы предпочитаете, чтобы все обернулось так, а не иначе...

Она сунула кулачки в карманы своего халата и молча уставилась на меня. По ее синим глазам я ясно видел, что она внимательно взвешивает все свои шансы и, наконец, приходит к выводу, что они невелики.

— Мне нравится работать здесь, мистер Холман, — сказала она ровным голосом. — Я бы хотела остаться здесь на работе, мистер Холман...

— Не вижу, что вам может помешать в этом, — усмехнулся я. — Все, что мне нужно, это отыскать мисс Коленсо, а вы, я полагаю, не станете дважды повторять одну и ту же ошибку?

— Конечно нет, раз уж я сразу же попалась. — Она скривила губы. — Но все-таки эти прозрачные нейлоновые трусики были просто гениальным ходом с моей стороны! Прошло, по крайней мере, несколько минут, прежде чем охранник пришел в себя и смог поднять тревогу!

— Мне бы тоже хотелось хорошенько поразмыслить над этим вопросом, — вздохнул я, — но как раз сейчас у меня на это нет времени. Ответьте-ка лучше, кто организовал этот побег?

— Женщина... Но я не знаю ее имени.

— И как она выглядит, вы тоже не знаете, потому что на ней при каждой вашей встрече был наряд Санта-Клауса?

— Она была брюнетка. — В голосе рыжекудрой послышались злобные нотки. — Но это вполне мог быть и парик,

откуда мне знать?.. Примерно моих лет, не особенно хорошенькая, косметикой не пользуется, а одета так, словно, встав с кровати утром, напяливает первое, что подвернется под руку. Но, может быть, все это было для отвода глаз?

Если бы я удушил прямо вот тут, то присяжные наверняка оправдали бы меня. Вероятно, эти мысли отразились на моем лице, потому что глаза ее еще больше округлились, и она заговорила с еще большей поспешностью.

— Первый раз это было недели две назад. Я пила кофе в какой-то аптеке в центре города. Она подсела ко мне. Она знала, кто я такая, где работаю, и даже то, что нахожусь в постоянном контакте с Кармен Коленсо. Потом она меня спросила, не хочу ли я шутя заработать тысячу долларов? Я приняла ее за ненормальную, и это, наверное, отразилось у меня на лице, потому что она вынула из сумочки несколько сотен долларов. Это убедило меня, что она не шутит. И все, что мне нужно было сделать за двести долларов, это передать Кармен Коленсо буквально одну фразу, а потом встретиться тут, в аптеке, и рассказать, как мисс Коленсо отреагировала на ее послание.

— А что за послание?

Она на секунду сморщила лоб.

— Я должна была передать Кармен, что Росс охотится за Рэем, но Рэй об этом ничего не знает, и что она — единственная, кто может его спасти.

— И как Кармен отреагировала?

— Она просила передать своей подруге, чтобы та вызволила ее из санатория, — быстро ответила Айрис Демонн. — Об остальном вы, вероятно, и сами догадываетесь? Вы ведь все поняли насчет машины. Так вот, внутри машины сидела та самая брюнетка с одеждой для мисс Коленсо.

— А это была ваша идея — отдать Кармен свою форму, чтобы та смогла обмануть охранника у ворот?

Она кивнула.

— Эти восемь сотен заработать оказалось чертовски труднее, чем первые две! Брюнетка заявила, что вывести Кармен за ворота санатория — моя забота, и мне пришлось-таки пошевелить мозгами! А потом неожиданно осенило! Отличный планчик, который оставлял меня в стороне от всего. И он бы отлично сработал, не подвернись вы!

— Кармен что-нибудь рассказывала вам о брюнетке? Нечто такое, что помогло бы нам разыскать ее?

— Нет, насколько я помню.— Она покачала головой.— Кармен-то прекрасно знала, кто такая эта брюнетка, но никогда не называла ее иначе как «моя подруга».

— О'кэй,— неохотно констатировал я.— Это все, что вы можете сообщить мне?

— Все,— подтвердила она.— Могу я теперь вернуться к своим обязанностям?

— Почему бы нет? — проворчал я.— Кто-то ведь должен в этом заведении подсыпать в кофе яд.

Подойдя к двери, она остановилась, обернулась и бросила на меня задумчивый взгляд.

— Знаете, о чем я думаю, мистер Холман? — спросила она, и голос ее снова охрип.— Я свободна весь выходной, начиная с пятницы.— Она медленно провела кончиком языка по пухлой нижней губе.— Если бы вы захотели... ну, закрепить нашу сделку, что ли... я с удовольствием собрала бы свой саквояж и встретила бы с вами, где вы назначите. И не забыла бы захватить свои прозрачные нейлоновые трусики!

— Знаете что? — взорвался я.— Я и так ослеп от сияния романтических звезд в ваших глазах!

— Я только размышляла вслух,— холодно возразила она.

Доктор вернулся в кабинет через секунду после ее ухода и снова устроился на стуле за большим столом, обтянутым кожей. Я никогда не думал, что бывают спаниели в серых мохеровых костюмах, но, глядя в его печальные карие глаза, начинал потихоньку сомневаться в этом.

— Надеюсь, сестра Демнон оказалась вам полезной, мистер Холман? — спросил он вежливо.

— Даже очень, благодарю вас.

Он несколько раз провел пресс-папье по поверхности стола, потом осторожно прокашлялся.

— С профессиональной точки зрения трудно пожелать более опытную сестру в таком заведении, как наше, но у нее в самом деле имеются некоторые сложные личные проблемы. Она... она очень сексуальна...— Он снова качнул пресс-папье указательным пальцем.— Вы, наверное, тоже это заметили?

— Нет,— ответил я угрюмо.— Я вовсе не считаю, что если девушка носит прозрачное нейлоновое белье, то она слишком сексуальна. Быть может, она просто не желает страдать от жары в знойные летние дни?

— Она сказала вам, какое у нее белье? — длинные

загнутые ресницы опустились, но недостаточно быстро, чтобы скрыть голодный блеск его глаз.

— Не совсем так,— неохотно признался я.— Просто нельзя было не заметить этого, когда она сняла свое форменное платье.

— Она... что?..— Челюсть у доктора отвисла, и он молча уставился на меня.

— Разумеется, только для того, чтобы показать, что именно произошло с Кармен Коленсо прошлой ночью.— Я восхищенно качнул головой.— Какое тело! Что за фигура! Просто фантастика! Но вы, конечно, и сами это заметили?

Его кулак вдруг обрушился на пресс-папье, и оно отлетело на другой конец комнаты.

— О, нет,— проскрипел он,— этого я как раз не заметил, мистер Холман!

— Но если она с таким удовольствием продемонстрировала мне...— растерянно пробормотал я,— то, без сомнения, будет просто счастлива показать и вам, своему боссу. А почему бы, действительно, вам не попросить ее как-нибудь об этом?

Я представил себе ужас, который охватит Айрис Демон, когда доктор Дедини торжественно попросит ее в точности продемонстрировать ему, что именно произошло в комнате у мисс Коленсо прошлой ночью.

Впрочем, так ей и надо, мстительно подумал я. По крайней мере, она немного поуспокоится, укротит свой темперамент. А час спустя я осознал, что, вполне возможно, в данной ситуации темперамент доктора Дедини тоже обретет некоторое успокоение.

Глава 3

Я бросил на нее один-единственный взгляд, когда она открыла мне дверь, и почувствовал, что не в силах поверить своим глазам. Впрочем, лихорадочно заработал мой мозг, где же еще может обитать в Лос-Анджелесе пастушка, как не на десятом этаже небоскреба, сразу же за Стриком?

— Что вы продаете? — нетерпеливо зазвенел ее голос.— Мгновенный паралич?

Глаза у меня раскрылись еще шире, и я понял, что мне это все-таки не мерещится: широкополая стетсоновская шляпа у нее на голове, белые сапожки из телячьей кожи и все остальное в том же роде. Лимонного цвета рубашка

туго натянута на невероятно пышной груди, а пуговики, застегнутые только до половины, позволяли глазам вдоволь насладиться тем, что скорее следовало бы назвать кратером, а не ложбинкой между грудями. Широченный сыромятный ремень перетягивал необыкновенно тонкую талию, а синие джинсы так плотно обтягивали округлые бедра и ягодицы, что, казалось, они навеки прикипели к коже.

— Это просто смешно! — взорвалась она. — С каких пор немые кретины продают по домам всякую дрянь?

— Скажите, пожалуйста, нельзя ли вывести вашу лошадь из лифта? — спросил я почтительно. — Я очень устал оттого, что пришлось в седле подняться к вам на десятый этаж, а свободного места в лифте не было!

Губы ее дрогнули в улыбке.

— Чего же вы хотите? — сказала она утомленным голосом. — Сами ведь настаиваете, чтобы мы носили эти дурацкие макси-юбки!

— Рик Холман, — с улыбкой представился я. — А вы, наверняка, попрыгунья Джеки Эриксон, краса и гордость «Сансет-Стрип-родео»?

— Во всяком случае, сейчас я занята, — отмахнулась она решительно. — Не сомневаюсь, что ваше дело вполне потерпит до другого раза!

— Оно касается Кармен Коленсо, — сказал я. — Которая вчера ночью сбежала из «Санатория с видом на холм». Мне очень хотелось бы узнать, зачем вам понадобилось тратить столько усилий на организацию ее побега?

— Она сбежала? То есть откуда вы знаете?.. — Она захлопала длинными ресницами. — Может, вы, так и быть, войдете и уже там станете ошарашивать меня дальше? И чтобы я могла хотя бы подкрепиться чем-нибудь спиртным.

Всю гостиную занимал огромный стол, стоявший посредине, а на нем было навалено столько всякого барахла, словно здесь обитало, по крайней мере, штук двадцать преуспевающих художниц. Джеки Эриксон осторожно обогнула стол и продефилировала к бару в дальнем углу комнаты.

— Называйте свою отраву, приятель! — скомандовала она оттуда дурашливым фальцетом.

— Бурбон на два пальца, и покрепче, — сказал я.

Она приготовила напитки, потом совершила вторичный осторожный рейс вокруг огромного стола и, протягивая мне стакан, испустила вздох облегчения.

— А ведь во всем виноват этот проклятый редактор

этого проклятого рекламного агентства,— пожаловалась она.— Ему вдруг пришла в голову великая идея, что новый сорт консервированных цыплят по-китайски лучше всего рекламировать с помощью мультипликационного ковбоя — это, мол, поможет сбыть десяток миллионов коробок. «Набросай-ка мне несколько эскизов,— сказал он.— Неважно, сколько это будет стоить, детка, ты только хорошенько поработай головой! Все, что требуется, это броский и острый рисунок и забавный персонаж! Но только не такой, чтобы лопаться от смеха, понимаешь, куколка, а такой, чтобы увидевший его не удержался от хихиканья, улавливаешь? Мы не должны бить покупателям локтем под дых, нет, мы должны этак легонько пощекотать его гусиным перышком. Понимаешь?» — Она сделала сердитый выпад рукой в сторону стола.— И вот, пожалуйста. Последние три дня я только этим и занимаюсь! Я даже влезла в это дурацкое одеяние, надеясь, что меня посетит соответствующее вдохновение. Но пока что единственный персонаж, который получается,— какой-то идиотский ублюдок, помесь кретина с сумасшедшим.

— Вообще-то вид у вас ничего себе,— с уважением признал я.— А насколько он вам помог?

— Если бы у наших пионеров хватило в свое время ума прибегнуть к услугам пастушек с моим телосложением,— протянула она задумчиво,— они наверняка покорили бы Дикий Запад без единого выстрела!

— Но какого черта вы ввязались в это дело? — громко перебил я ее.

Она сорвала с головы стетсоновскую шляпу и швырнула ее в угол, по плечам рассыпались блестящие черные волосы.

— Ты сам появился на тропе войны перед моим вигвамом, не забудь этого! — воскликнула она, но тут же лицо ее стало серьезным.— Ну-ка, повторите еще раз историю о том, как я организовала для Кармен побег из санатория. Только на этот раз чуточку помедленнее.

В конце концов, кроме собственного голоса, терять мне было нечего. В сжатом виде я изложил версию о том, как Кармен Коленсо удрала из санатория с помощью сестры Демнон, описал портрет той женщины, которая заплатила рыжеволосой красотке тысячу долларов за содействие. Джеки Эриксон внимательно слушала, полузакрыв глаза. Ее круглое личико с молочно-белой, без единой веснушки кожей было поразительно красивым.

— Вы ведь не уверены, что это была я? — сказала она,

когда я закончил.— Вы только считаете, что это могла быть я? Потому и обрушили на меня свой удар прямо там, у двери, в надежде, что застигнете меня врасплох, и я невольно выдам себя хоть чем-нибудь?

— Но вы оказались слишком умной для меня,— покорно согласился я.— Пригласили меня войти, а затем сами обрушили целый поток слов по поводу этих рисунков, пока не обрели достаточную уверенность в себе.

Она восторженно хихикнула, отчего ее короткая верхняя губа восхитительно вздернулась, обнажив крепкие белые зубы.

— Вы как раз из тех, кого идиот-редактор моего агентства называет подонками с воображением. Спорим, если бы вы заранее знали, что на мне это одеяние, вы непременно втащили бы в лифт настоящую лошадь! И тогда уж точно ошарашили бы меня до потери сознания!

Она неторопливо отпила из своего бокала.

— Это Рэй нанял вас, чтобы вы отыскиали Кармен? — Углы ее рта презрительно поднялись вверх.— Он же не может обращаться в полицию, а то, не дай Бог, кто-то где-то кому-то ляпнет! А ведь кинозвезда такого крупного размера, как он, должна остерегаться всякой огласки, тем более подобного рода.

— Примерно так оно и есть,— кивнул я.

— Если хотите убедиться, что Кармен не прячется здесь, пожалуйста, можете осмотреть. Все мои тайны упрятаны под ковром в спальне.

— Вы ведь ее подруга,— сказал я.— И, судя по тому, что мне известно,— единственная подруга. Быть может, главная причина, по которой вы решили помочь ей бежать из санатория,— известие о том, что там с ней плохо обращались?

— Каждые две недели я справлялась о ней у Джерри Шумейкера,— сказала она.— Он хоть и копается в мозгах, но парень, в общем, неплохой. В последний раз, когда мы с ним разговаривали, он говорил, что санаторий очень приличный, ей там хорошо и она быстро идет на поправку.

— Ну, конечно,— тепло отозвался я.— Это вполне разумно, раз вы ее закадычная подруга. Вам ведь решительно наплевать, что, скажем, Росс охотится за Рэем, а Рэй об этом ничего не знает. И, разумеется, вы не стали бы передавать Кармен ничего подобного, как не сообщили бы и о том, что она — единственная, кто может спасти брата!

Джеки на секунду напряглась, затуманенные синие

глаза внезапно вспыхнули таким огнем, что я испугался, как бы их лучи не прожгли в моем мозгу изрядные дыры.

— Даже такой подонок с воображением, как вы, не мог бы придумать подобное! Откуда у вас эти сведения? Это что же, говорила анонимная черная сука из аптеки?

— Вот именно. А передала Кармен милая продажная сестричка,— кивнул я.— Едва Кармен услышала, тут же решила убежать из санатория.

— О, боже! — страстно воскликнула Джеки. — Это пахнет очень плохо!

— Может быть, вы догадываетесь, куда могла отправиться Кармен? — спросил я с надеждой.

— К сожалению, нет.— Она кивнула на заваленную подушками кушетку в дальнем углу комнаты.— С тем же успехом мы могли бы присесть. Видно, разговор будет долгим.

Мы подошли к кушетке и стали усаживаться, но опустился на нее только я. Джеки Эриксон застыла в полусогнутом положении, а ее небольшой, но пышный зад замер примерно в футах над кушеткой.

— Я что-то не заметил, когда сверкнула молния,— небрежно бросил я.— Видно, мне здорово повезло, что меня не задело!

Она наконец испустила болезненный стон и выпрямилась. Отстегнув широкий сыromятный ремень, бросила его на пол.

— Ох! — Это был выдох облегчения, шедший из самой глубины сердца. Она плюхнулась на кушетку рядом со мной.

— Прострел? — высказал я предположение.

— Все дело в моем телосложении. Я переоснащена в верхней половине. Когда стоишь, это несколько не мешает, зато когда начинаешь усаживаться, что-нибудь непременно нарушает равновесие. Обе мои прелестные полные груди, к примеру, начинают искать, на что им улечься, тогда как бедра впадают в панику и подталкивают талию кверху в целях самозащиты.— Она вытащила лимонного цвета рубашку из джинсов и принялась осторожно поглаживать свой живот.— Я часто подумываю о том, чтобы сесть на суровую диету, но неизменно удерживает от окончательного шага мысль о конечном результате. Вы можете представить ходячий скелет с тридцатисемидюймовым бюстом?

— Когда дело касается чистого секса, я могу представить себе все, что угодно,— искренне ответил я.— Но ведь

вы как раз в эту минуту собирались объяснить мне, что кроется за фразой: Росс охотится за Рэем, не так ли?

— У меня, знаете ли, новомодный невроз: постоянно изливаю в словах свободный поток мысли,— сказала она извиняющимся тоном.

— Да, словоизвержение такое, словно вы — прохудившийся унитаз! — разозлился я. — В следующий раз, когда вы снова ударитесь в словоблудие, я оторву лямки вашего бюстгальтера, и ваши бедра вплотную познают, что такое травма!

— Вы, кажется, нервничаете? — удивилась она. — Разве вы сегодня не посещали своего психолога? — Она нервно подпрыгнула, когда я положил ей руки на плечи. — Ладно, ладно, сейчас все объясню!

— Немедленно выкладывайте, что знаете,— прорычал я.

— Что ж, если это будет смахивать на лекцию, я не виновата,— предупредила она. — Но если вы в самом деле хотите знать причину бегства Кармен Коленсо — а я думаю, это очень важно! — то вам нужно узнать, какую роль играл Рэй в ее жизни. Их родители погибли в автомобильной катастрофе, когда Кармен было пятнадцать лет, а Рэю — на десять больше. И тогда он взял себе роль отца и играл ее с таким же рвением, с каким капитан Блэй играет морского капитана! Он, ее законный опекун, давал деньги, чтобы она могла питаться, иметь крышу над головой и все такое. Взамен, правда, он требовал только беспрекословного послушания и полного подчинения. Он должен был непременно одобрять решительно все ее касающееся: прическу, одежду, школьных товарищей, поклонников — даже ее тайные мысли!

— До тех пор,— вмешался я,— пока она не бросила колледж и — цитируя Пакстона — не прочла ему свою декларацию независимости. А после переехала жить с вами в одной квартире.

— Ей было не так-то просто. Сперва пришлось провести две адских недели, пока Рэй наконец перестал вопить. Но он тут же утер нос ее независимости тем, что назначил содержание в сто долларов в неделю. Она поняла, что все равно зависит от него, и, мне кажется, именно тогда стала подумывать о единственной возможности избавиться от его опеки, то есть о замужестве. Задача — найти мужа, который мог бы противостоять великому братцу, выйти за достаточно богатого человека, который мог бы себе позволить плюнуть в глаза кинозвезде!

— И тут появляется Тайлер Уоррен?

— В какой-то мере я и себя виню...— задумчиво сказала она.— Я имела обширные знакомства в рекламных агентствах города и не составляло труда время от времени добывать для Кармен работу манекенщицы. Однажды она попала таким образом в большой магазин, принадлежавший папаше Тайлера. Сынок как раз помогал своему старику. Между Тайлером и Кармен завязался роман, знаете, такая великая любовь, равной которой не было во все времена. К сожалению, папаша Уоррен не одобрил их отношений. И тогда сыночек совершил отчаянно смелый поступок — убежал с Кармен и женился на ней. Но когда они вернулись после медового месяца, папаша так топал на сыночка ногами, что тот в течение следующих двух недель полностью впал в свое прежнее ничтожество. И, естественно, начал винить Кармен в папочкиной суровости. А в конце концов, превратил семейную жизнь в сущий ад для Кармен.

Кармен была вдвойне уничтожена. Она-то ведь считала, что выходит замуж за супермена, который в миг разделается с Рэем, а оказалось, что супруг ее — пресмыкающееся ничтожество, чья отвратительная трусость могла сравниться только с его жестокостью в обращении с ней. И тогда ей стало все безразлично.

— А в результате Тайлер застал ее в постели со своим лучшим другом,— заметил я.— Пакстон рассказал мне и об этом. И о разводе, оформленном на основании грубого обращения мужа, потому что старый Уоррен не желал, чтобы его имя было замешано в скандальном процессе.

— А он ничего не говорил вам о том, что проделывал с ней Тайлер после того, как застиг ее на месте преступления? — холодно спросила она.— О том, как страшно он бил ее неделю подряд, каким подвергал физическим издевательствам? Или о том, как он нарочно уничтожил все до единой ее личные вещи?

— Может быть, она не рассказывала брату об этом?

— Пакстон все знал! Но он и папаша Уоррен — члены одного клуба, а это значит, что никакая грязь не должна коснуться их имен и все прочие обязаны лишь угодливо улыбаться и терпеть все, что тем угодно!

— После развода она снова вернулась к вам?

— Да. Но вернулась совсем иная Кармен. Она была рада, что Рэй снова стал выплачивать ей содержание, хотя он и разбил ей жизнь, а деньгами такого не поправишь. Я попыталась было опять заинтересовать ее профессией

манекенщицы, но она к этому совершенно охладела. Стала болтаться в компании каких-то совершеннейших кретингов, которых даже и хиппи-то нельзя назвать, настолько они ленивы и ничтожны. Это уже само по себе достаточно паршиво, а тут вдруг, словно чертик из банки, возник Росс Митфорд.

— Если он был настолько плох, зачем же она стала жить вместе с ним? — спросил я.

Джеки Эриксон выразительно фыркнула, приподняв верхнюю губу.

— Да ведь вы сами и ответили на свой вопрос! У нее была навязчивая идея: мол, чем ниже она падет, тем больше накажет Рэя. Вам, вероятно, известно, как пара ножиц положила конец этой саге?

— И они оба очутились в санатории, — добавил я. — Только Митфорд вышел оттуда спустя две недели на двадцать грандов богаче.

— По-моему, Рэй заплатил, чтобы тот держал язык за зубами, — мрачно сказала она. — Могу сообщить еще кое-что, о чем вы, скорее всего, не подозреваете! Джерри Шумейкер знает, что если бы я наблюдала, как Пакстона пожирает крокодил, то и тогда не дала бы ему ружья, чтоб застрелился. Пусть он подыхает в страшных мучениях. А Шумейкер все бормочет, мямлит, несет свою психологическую ахинею, в которой, я уверена, и сам не разбирается. Но вот что мне совершенно ясно: причина и следствие. Причина всему — ЛСД. Джерри говорит, что некоторые люди в состоянии накачаться этим наркотиком, а потом полностью прийти в себя, зато для других это не проходит бесследно. Они уже никогда не остаются теми, кем были до принятия наркотика.

— Вы имеете в виду, что они слегка повреждаются в уме?

— Вот именно. А с Кармен дело усугубилось тем, что она чуть не убила Митфорда, и спасло его только чудо. По словам Джерри, когда она услышала, что Митфорд согласен принять деньги и оставить ее, она восприняла это как очередное предательство. Великий братец опять победил, и она возненавидела Митфорда за то, что тот допустил подобное. Первые дни в санатории ее вообще держали на транквилизаторах, а потом она несколько недель ни с кем не желала разговаривать. В дальнейшем она стала быстро поправляться и примерно с месяц тому назад сообщила Джерри свою великую тайну: она счастлива, что не убила Митфорда. И не потому, что ей его жаль, — на него-то ей

наплевать! — а потому, что этой историей могла бы навеки загубить карьеру Рэя.

— О-о-о! — Я озадаченно воззрился на нее.

— Ягодки впереди! С тех пор при каждой встрече она не перестает твердить о том, что осознает, насколько несправедлива была к своему старшему брату. Судя по ее теперешним высказываниям, Рэй просто рыцарь в сверкающих доспехах, который неустанно сражается за правду, справедливость и лучшую жизнь для своей маленькой сестрички. И вся ее беда лишь в том, что раньше она была слишком глупа, чтобы осознать это. Джерри говорит, что она теперь вспоминает всю свою жизнь со дня гибели родителей и утверждает, будто Рэй всегда был прав, а она — неправа. С начала и до конца, решительно во всем, без исключения.

— И это приключилось с ней из-за ЛСД? — удивился я.

— Тут Джерри не совсем уверен. Поэтому и держит ее под наблюдением врачей. Он говорит: если изменения, происшедшие в Кармен, сводятся к улучшению отношений с братом, то это нестрашно. И если, конечно, обо всем остальном Кармен будет судить достаточно здраво. Впрочем, дело может быть и в ином: что-то вроде искупления вины, как вы думаете?

— Примерно так я себе и представляю, — пробормотал я.

— Ну, если так, то Джерри считает, это нехорошо, — сказала она устало. — Он говорит, что получается нечто вроде маятника, который, начав движение в одну сторону, потом неминуемо полетит в другую, а затем и вовсе может утратить состояние равновесия. Понимаете?

— Любопытный взгляд на вещи у этого Шумейкера, — пробормотал я.

— Неужели вам до сих пор не ясно, какое впечатление должно было произвести на Кармен в ее теперешнем состоянии сообщение о том, что Росс охотится за Рэем, а Рэй и не подозревает об этом! И она единственная, кто может спасти брата! Вот она и убегает из санатория с одной целью — спасти своего прекрасного братца от ужасной мести, которая следует за ним по пятам. Ей же ровным счетом ничего не стоит отыскать еще одни ножницы, добраться до Митфорда — и все, конец!

— Давайте, пожалуйста, повторим все еще раз, с самого начала! — взмолился я. — Вы, значит, хотите сказать, что кто-то хочет избавиться либо от Митфорда, либо от

Кармен — либо от них обоих сразу. Я вас правильно понял?

— Вот именно! — фыркнула она.

— Поэтому первым делом этому человеку нужно было заставить Кармен покинуть санаторий. С чьей-то помощью в стенах самого санатория. Вроде сестры Демнон. Но даже и в таком случае план не удался бы, если бы сама Кармен не захотела покинуть санаторий.

— Потому-то и сообщение, которое они передали через медсестру, было так продуманно составлено, — сказала она нетерпеливо. — Это же психологическая мина, которая взорвала изнутри сознание Кармен!

— Значит, тот человек отлично осведомлен о той перемене, что произошла в сознании Кармен, в ее отношении к брату, — сказал я. — И, следовательно, число подозреваемых в этой ситуации, практически, сводится максимум к двум лицам — к Шумейкеру и к вам.

— О, господи! Вот уж додумался! — фыркнула Джеки.

— Если вы собираетесь и дальше оскорблять меня, то, может быть, нам лучше сразу уж называть друг друга по имени? — кротко предложил я.

— О'кэй, Рик! — обозлилась она. — Но если вам требуется еще подозреваемые, то почему бы не учесть всех тех, с кем она общается в санатории? Для начала могу назвать еще двоих: доктора Дедини и ту медсестру, о которой вы упомянули раньше!

— Единственный посетитель, который к ней допускался, был Шумейкер — психолог. И пока Кармен оставалась его пациенткой, со стороны доктора Дедини было бы просто неэтично подвергать Кармен какому-то иному психологическому воздействию.

— И кто же вам сообщил это? Правдивая сестричка Демнон, я полагаю? — От ее нахального смешка у меня буквально закипела кровь в жилах. — Вы, наверное, самый наивный человек на свете, Рик! Интересно, что же такое есть в этой сестричке, отчего вы сразу развесили уши и поверили всей ее чертовой чепухе? Может быть, она в ответ на каждый ваш вопрос немедленно начинала раздеваться, а?

— Зря теряете время, пытаетесь меня уколоть, — сказал я спокойно. — И если вы немедленно не прекратите, я съезжу по губам!

— А вы поставьте себя на секунду на место сестры Демнон, — предложила она, подразывая меня. — Допустим, сидите за стойкой в аптеке, пьете кофе. Внезапно,

невесть откуда, появляется некая таинственная дама и ни за что, ни про что предлагает вам тысячу долларов, если только вы поможете одной вашей пациентке сбежать из санатория, в котором вы работаете!

— О'кэй,— проворчал я,— предположим, представил.

— Когда на женщину смотрит мужчина, то голос секса чаще всего туманит его взор,— продолжала она рассудительно.— Ему может понравиться в ней всего лишь одна какая-нибудь черта, и он целиком сосредотачивается именно на ней. Но когда на женщину смотрит другая женщина, то она машинально оглядывает ее с ног до головы и замечает все до мельчайших деталей. А какое же описание дала вам эта сука-сестричка? Да в наши дни любой сопливой девчонке достаточно одного-единственного взгляда, чтобы сказать с абсолютной точностью — парик на женщине или у нее собственные волосы. И какой цвет волос ее подлинный.

Прошло пять секунд, прежде чем я попросил:

— Может быть, объявим перемирие? Вы меня только что торпедировали, но я предпочел бы погибнуть, сражаясь! Она залилась смехом.

— Ну, не думаю, чтобы у вас была такая уж здоровенная пробоина! Может, что-то и есть, но наверняка не такая значительная. Верно, Рик? — Она быстро схватила меня за руку.— Только не вздумайте осматривать свой корпус прямо сейчас, особенно ниже ватерлинии!

— Вы правы,— благородно признал я.— Кто-то со стороны получает информацию от кого-то из-за стен санатория, а этим может быть кто угодно. Вот мы и снова пришли к тому, с чего начали: как вы сказали, Кармен, возможно, отправилась на поиски ножниц, а после прямо к Россу Митфорду?

— Ну и что? — спросила она.

— Нам теперь остается одно: разыскать Митфорда прежде, чем до него доберется Кармен. Значит, возникает совсем небольшая проблема — откуда начать поиски?

— Он не вернулся на прежнюю квартиру,— решительно сказала Джеки.— Их квартирная хозяйка звонила мне через месяц после разыгравшейся драмы и спросила, не хочу ли я забрать кое-какую одежду Кармен. Дело в том, что хозяйка получила от Митфорда письмо с чеком на оплату квартиры и с уведомлением об отказе от нее. Туда почти сразу должны были въехать новые жильцы.

— Что ж,— пробормотал я,— по крайней мере, нам точно известно одно место, где Митфорда наверняка нет.

— Вообще-то я знаю кое-кого из тех, с кем он слонялся раньше... И те места, где они обычно встречались.

— Послушайте, назовите мне их имена,— взмолился я. Она бросила на меня жалостливый взгляд.

— Да вы ж и пяти минут не продержитесь в этих закоулках на Венеция-Бич. Стоит им только взглянуть на ваш костюм, как они тут же решат, что вы самый подходящий объект для ошипывания.

— Мне иногда случалось,— произнес я с достоинством,— одному вступать в стычку с тремя подобными субчиками и выходить из боя победителем.

Она восторженно вздохнула.

— Я так и думала: если вы рядом, можно ничего не бояться.

— Хотелось бы знать, с какой стати вам отправляться вместе со мной? — буркнул я.

— Если хотите, могу назвать не меньше трех причин.— Она принялась отгибать пальцы.— Первая: многие из тех, кто знает Митфорда, сразу же припомнят, что я была подружкой Кармен, причем в отличие от истерички Кармен абсолютно спокойной. Они не станут разговаривать с незнакомцем, который может оказаться шпиком, хотя он всунут в двухсотдолларовый костюм. Вторая: мне кажется, нам вполне может повезти, и мы сами наткнемся на Кармен.

— И что же?

— А как вы ее узнаете, если меня не будет рядом?

— Ну, а третья причина? — разрешил я ей продолжить.

Она встала с кушетки, затолкала лимонную рубашку обратно в джинсы, подобрала стетсоновскую шляпу и лихо нахлобучила ее на голову.

— А третья причина,— она помолчала, расстегивая еще одну пуговицу на груди, отчего кратер стал гораздо глубже...— третья причина та, что я как раз одета для такого случая!

— Знаете что! — спросил я полным благоговейного ужаса голосом.— Я все время думаю, Джеки, если бы я вдруг щелкнул пальцами, вы не рассеетесь в воздухе, словно дым?

— Этого никогда не случается с нами, с девушками, у которых такая оснастка,— доверительно сообщила она.— В лучшем случае, вы в состоянии оторвать от пола ноги, но дальше этого дело не идет!

Воздух здесь был густым и тяжелым от дикой смеси запахов марихуаны, пота и одуряющей вони непонятного происхождения — весь этот букет не мог развеять легкий ночной ветерок. Я понюхал содержимое своего стакана и понял, что сейчас мне предстоит впервые в жизни попробовать бурбон, приготовленный на керосине. Джеки сидела за столиком напротив меня, поля стетсоновской шляпы затеняли ее лицо.

— Какой час? — спросила она.

Я взглянул на часы.

— Половина одиннадцатого.

— Наверное, мы пришли все-таки слишком рано, поэтому сборище пока недостаточно оживленное.

— Это просто смешно, — угрюмо отозвался я. — И зачем мне надо было так дергаться из-за каких-то десяти минут, которые вы проторчали в туалете на заправочной станции!

— Я не виновата, — мило сказала она. — Что же было делать, если молния на джинсах опять застряла? Интересно, как бы вы ходили, если бы пояс ваших брюк пришелся как раз на ягодицу?

— Мы заходим уже в шестой бар за последние два часа, — заметил сердито я, — но не наткнулись ни на одного приятеля Митфорда!

— Я здесь давно не бывала, — призналась она. — Может быть, они облюбовали себе какие-то другие бары?

В этот момент я почувствовал, как железные тиски схватили бицепсы моей левой руки. Я резко повернулся и встретил взгляд налитых кровью глазок странного типа с четырехдневной щетиной на физиономии.

— Эй! — он двумя пальцами потянул рукав моего пиджака. — Шикарная тряпка! Где это ты ее укупил?!

Джеки беспомощно хихикнула, бесстрашно встретив мой испепеляющий взгляд.

— В универмаге Кланси, — ответил я типу. — В трех кварталах к югу отсюда. У них специальные костюмы экстра-класса. Пятнадцать баксов вместе с запасной парой брюк. Разрешают брать с недельным испытательным сроком. Если в конце недели оказывается, что костюм тебя не устраивает, можно упаковать его и отправить обратно доплатной бандеролью.

Он тупо заморгал, изо всех сил стараясь согнать слезу,

затуманившую его кроличьи глаза, чтобы разглядеть мое лицо.

— Я живу в двух кварталах к югу отсюда, — прохрипел он. — Но никогда не слышал об этом универмаге — Кланси.

— Новости доходят не сразу, — я пожал плечами. — А они только вчера закончили строительство универмага.

Булькающий звук донесся из-под полей стетсоновской шляпы, и пьяница подозрительно сощурился, вглядываясь в Джеки.

— Какого черта этот сосунок-ковбой околачивается на Венеция-Бич, а? — спросил он.

— Там, откуда он прибыл, все кони передохли, — сообщил я пьянице. — Так что, юнец решил теперь скакать по волнам.

— Шутишь? — Глаза его выкатились от яростного изумления. — Лошади передохли, а? Бедняге и впрямь не повезло. Знаешь, что? Я сейчас отправлюсь в этот расчудесный универмаг и куплю ему коня! Один парень сказал мне, что там торгуют решительно всем и с недельным испытательным сроком. Ты не беспокойся, малыш! — Он внезапно ослабил по адресу Джеки. — Если в конце недели конь тебя не устроит, ты упакуешь его и отправишь обратно в универмаг!

Тип отпустил мою руку, медленно выпрямился и, потоптавшись на месте, чтобы утвердиться на ногах, повернулся к двери. Но вдруг он быстро попятился, с размаху грохнулся об угол стойки бара и медленно сполз на пол, приняв сидячее положение. Бармен перевесился через стойку и с отвращением взглянул на него.

— Какого черта тебе здесь нужно? — прохрипел тип.

Он поднял руку над головой и пару раз щелкнул пальцами в нескольких дюймах от носа бармена.

— Подай сюда лошады!

— Неужели никто не выкинет отсюда этого подонка? — взмолился бармен голосом, от которого зазвенели стекла в окнах.

— Мне кажется, — осторожно сказал я Джеки, — что мы сделали все, что могли. Мы совершили просто героические усилия, а теперь самое время убраться отсюда. По-едем в какой-нибудь оазис с кондиционированным воздухом и где подадут спиртное в тех самых бутылках, в которых оно получено...

— Еще один остался, ну, пожалуйста! — Джеки подняла голову и одарила меня сверкающей улыбкой. — Он в

трёх кварталах к югу отсюда. Может быть, это счастливое совпадение?

— О'кэй,— неохотно согласился я.— Но не более десяти минут.

Мы добрались туда через пять минут. Этот бар отличался от других тем, что находился в подвале, куда вели двенадцать ступенек. Вследствие этого воздух там был еще более спертый, хотя я считал, что это уже невозможно, но напитки оказались того же сорта, как и в остальных заведениях. Владелец бара создавал здесь нечто вроде интимной атмосферы, поскольку сэкономил на электрических лампочках, и поэтому комната была погружена в полумрак. Картина действительно впечатляла: из полутемного зала клубы дыма медленно выползали за дверь, струясь пеленой в резком свете кроваво-красной неоновой вывески, живо напомнившей мне Дантов Ад.

Трое парней прошли мимо нашего столика к стойке бара, и последний из них вдруг остановился, как вкопанный, при виде Джеки.

— Я так и подумал, что это ты,— сказал он.— Давно не виделся, Джеки! Что ты подделывала все это время? Бросила дурака валять и купила яхту?

Джеки бросила на меня торжествующий взгляд и улыбнулась парню:

— Рада видеть тебя, Чарли-Лошадь! — сказала она.— Почему бы тебе не выпить с нами?

— Мы с удовольствием.— Он поднял голову и крикнул: — Эй, ребята! Эта полоумная шлюха снова здесь, и ей просто не терпится угостить нас выпивкой!

В следующую минуту за столом нас стало пятеро, и после того, как эти типы заказали свои порции, Джеки представила нас друг другу. Чарли-Лошадь объяснил бармену:

— Платит этот шикарный тип. Словом, либо она, либо ее приятель, мистер Рокфеллер. Это точно!

Чарли-Лошадь был маленьким человечком, лет тридцати, на носу его красовались очки в тяжелой оправе, а козлиная бородка топорщилась на подбородке, словно космическая пыль. Его приятелей звали Луи и Бурундук. Луи — высокий, мертвенно-бледный тип с наголо обритой головой и с таким выражением глаз, что, казалось, он постоянно ищет на вашем теле место, куда удобнее всего пырнуть ножом, едва вы отвернетесь. Бурундук был старшим из них: что-то около пятидесяти, крупный, толстый, с копной густых каштановых волос, торчавших на голове во

все стороны, и такими же густыми усами и бородой. Голос у него был удивительно высокий и пронзительный, говорил он со скоростью ста слов в минуту, и почему его прозвали Бурундуком, понять не было никакой возможности.

Первые пять минут разговор шел преимущественно на тему: «А помнишь?» Потом Чарли-Лошадь ткнул в меня указательным пальцем и посмотрел на Джеки.

— Только не говори, что ты забыла нас ради этого парня Холмана,— сказал он.— Чем это он лучше нас, если не считать, конечно, денег?

— Рик — один из старых приятелей Кармен,— сказала она небрежно.— Она много рассказывала ему о том, как чудесно проводила время здесь, в Венеции, ну и я пообещала когда-нибудь привести его сюда. И вот мы здесь!

— Кармен,— чирикнул Бурундук,— что-то я совсем не вижу ее в последнее время.

— Она рассталась с Россом Митфордом,— сказал я.— А потом — сами знаете, как это бывает! Немного перехватила этого дела, и вот, пожалуйста, проходит курс лечения!

— Ох, уж эти мне лайнеры,— сказал Луи низким гулким голосом.— Иногда они черт знает что вытворяют с нами! Мне кажется, что даже самое первое путешествие не обходится даром!

Я хохотал не менее пяти секунд, пока сообразил, что смеюсь в полном одиночестве, потому что вся троица сидела с постными лицами, не спуская с меня удивленных глаз.

— Странное у вас чувство юмора, мистер Холман,— сказал Чарли-Лошадь.— Разве Луи сказал что-нибудь смешное?

— У Кармен, видно, была слабая голова,— сказал я ровным голосом.— Что касается ее, то, как Луи верно отметил насчет океанских лайнеров, первое же путешествие оказалось для Кармен роковым. У нее что-то в мозгу перевернулось.— Я соединил руки лодочкой перед собой, потом резко сомкнул их.— Вот так!

— Ужасно,— печально прочирикал Бурундук.— Она — в частной лечебнице?

— В самой лучшей,— сообщил я ему.— Но она очень хочет только одного, чтобы Митфорд навестил ее хотя бы один-единственный раз. Доктор говорит, что это могло бы ей помочь.— Я осторожно пожал плечами.— Наверное, Росс даже не знает, что с ней стряслось?

— У тебя сногшибательный костюмчик, куколка! — Чарли-Лошадь погрузил свои пальцы в ямочку возле самой

ключицы Джеки и медленно провел рукой вниз, пока она наполовину не исчезла в глубоком кратере между грудями. — Ты всегда была презабавной штучкой, настоящей шикарной девкой, и все у тебя, как надо и где надо! И ты мне по-прежнему нравишься, детка. Только вот что я тебе хочу сказать. Мне не нравится твой приятель, мистер Рокфеллер. Может, он и не шпик, но уж стукач — наверняка! Ты, возможно, не знаешь этого, Джеки-деточка. Но мы-то с друзьями, — нас не проведешь! Мы таких нутром чуем!

— Чарли-Лошадь! — прошепел Бурундук с укором в голосе. — Ну, почему ты так говоришь? Что плохого в том, что этот мистер Рокфеллер спрашивает, где найти Росса? Не забывай: Кармен была и в самом деле отличной девчонкой, и очень плохо, что с ней приключилась беда! Он хочет, чтобы Росс ее навестил, раз доктор говорит, что ей это пойдет на пользу! И только поэтому ты считаешь его стукачом?

— Если бы Рик был стукачом, я бы никогда не привела его сюда, — сказала Джеки дрожащим от холодной ярости голосом. — И убери свои проклятые пальцы отсюда, куда ты их сунул, Чарли-Лошадь, прежде чем я их откушу до самых костяшек!

Человечек отдернул руку, словно дотронулся до чего-то раскаленного, и осторожно хихикнул.

— Вот это больше похоже на прежнюю Джеки! Помни-те тот вечер, когда мы все собрались в баре у Ренцо, а Мооз-Вик стал к ней приставать? Она схватила первую подвернувшуюся под руку бутылку и шарахнула его по башке! — Он восторженно закудахтал. — Ему наложили шесть швов, и с тех пор, едва кто-нибудь поднимал над столом бутылку хотя бы в десяти футах от него, у Вика тотчас начиналась жуткая головная боль. Он мне сам признался!

Бурундук издал низкий жужжащий звук, шедший из глубины его горла, и Чарли-Лошадь протестующе поднял руку.

— О'кэй! О'кэй! Раз это цыпочка говорит, что мистер Рокфеллер — парень что надо, значит, так оно и есть.

— И значит, мы ему скажем, где искать Росса? — настаивал Бурундук.

Толстые стекла очков Чарли-Лошади внезапно сверкнули, когда их обладатель резко повернулся и несколько секунд пристально разглядывал меня.

— За деньги, — сказал он наконец вполне откровен-

но.— Мистер Рокфеллер, как видно, богат. За сотню баксов мы лично проводим его до самой двери Росса Митфорда. Идет, мистер Рокфеллер?

— Идет,— согласился я.

— Нет! — раздалось решительно и гулко, словно удар колокола.

— Что значит, нет? — Бурундук сердито уставился на безжизненную физиономию ходячего трупа, сидевшего рядом с ним.

— У меня такое чувство относительно этого человека,— сказал Луи, описав головой дугу не меньше десяти дюймов в моем направлении,— такое чувство, что с ним не все в порядке. Что-то здесь нечисто! Может, девушка и сама не знает?

— У тебя такое чувство! — Бурундук побелел от ярости.— И что теперь? Прикажешь бросить на ветер сотню долларов из-за твоих чертовых чувств?

— Ты ведь не знаешь, что сейчас с Россом,— сказал Луи.— Он не желает видеть посторонних. Он не хочет видеть и старых друзей.

— Мы пойдем вместе с ним,— фыркнул Чарли-Лошадь.— Давайте уговоримся с мистером Рокфеллером, что это будет только часть сделки. Он дает нам сейчас сотню долларов, а мы отводим его к Россу. А если Росс не захочет его видеть, тем хуже для мистера Рокфеллера!

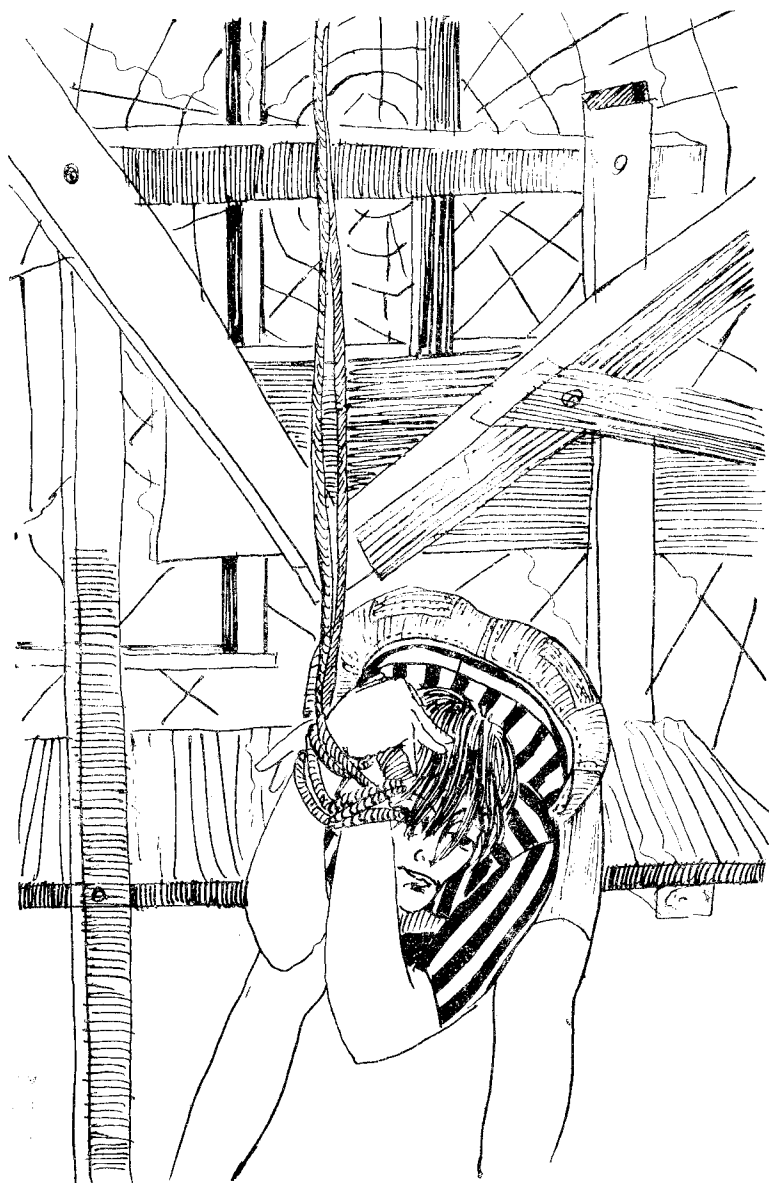
— Вы мне очень напоминаете полоумных рыбаков,— сказал я.— Пока вы торгуетесь, как продать улов, рыба лежит на солнышке и вот-вот протухнет.

— Может, вы подскажете, как лучше договориться, прежде чем улов начнет вонять? — нежно прочирикал Бурундук.

— Видно, у вашего Луи подозрительность в крови,— сказал я.— Что ж, пусть он сам сходит к Митфорду, а мы подождем его здесь. Он может передать Россу от меня сообщение. Если тот захочет поговорить со мной, они вместе вернутся сюда. Если же откажется, Луи вернется один. Таким образом, я не узнаю, где живет Росс, раз уж он желает хранить при себе эту великую тайну, а вы получите свою сотню баксов прежде, чем Луи отправится к Россу.

— Хорошо придумано! — радостно прочирикал Бурундук.

— Ну, что ты скажешь против этого? — ядовито спросил у Луи Чарли-Лошадь.

— Договорились,— ответил Луи после минутного колебания.

Сотня долларов проделала отвратительную брешь в моем кармане после того, как я выложил ее на стол. Луи прикрыл деньги своей лапищей, на секунду опередив отчаянный рывок Чарли-Лошади.

— Деньги лежат у меня.— Он не сводил с Чарли-Лошади холодных глаз.— Что я должен передать Россу, мистер Рокфеллер?

— Один тип по имени Луи, которого мне пришлось встретить,— сказал я,— больше известен, как Муха. Так что, может быть, мы наконец покончим с этим делом насчет мистера Рокфеллера? Как вы считаете, мистер Муха?

— Возможно, вы правы, мистер Холман.— Он сидел неподвижно, словно чудовищное изваяние, словно идиотская пародия на подлинную жизнь; монолит, где под каменной оболочкой текла живая кровь.

— Передайте то, что я вам уже говорил,— сказал я.— Кармен находится в частном санатории после не слишком удачного путешествия с ЛСД. Она очень хочет, чтобы он навестил ее. Хотя бы один-единственный раз.

— Это все? — В гулком голосе прозвучало удивление.

— Рик! — настойчиво сказала Джеки.— Вы ведь не думаете...

— Неважно,— разозлился я.— Неважно, что я думаю. Митфорд либо придет, либо нет. А на его решение все равно не повлияет долгий рассказ о том, как Кармен страдает и мучается.

— Наверное, вы правы.— Затуманенные дымкой глаза Джеки наблюдали за мной со странным выражением.— Во всяком случае, я от всей души надеюсь, что вы правы,— мягко добавила она.

Луи толчком отодвинул свой стул и встал из-за стола.

— Полчаса, самое большее,— сказал он.— Я вернусь не позже, чем через полчаса.

— Что нам необходимо,— сказал Чарли-Лошадь,— так это еще одна хорошая выпивка.

— Я согласен с вами. По крайней мере, всем нам легче будет смириться с потерей сотни долларов,— сказал я через минуту после ухода Луи.

— Вы с ума сошли, Холман? Луи ни за что не продаст нас, ведь мы двое — самые лучшие его друзья на всем белом свете!

— Он ведь и не собирался идти на эту сделку,— сказал

я.— У него очень сильное предупреждение против меня, и в этом отношении он прав. Но только речь вовсе не о его интуиции, просто он знает нечто такое, о чем вы оба, ребята, и не подозреваете!

— Он сильный, очень сильный! — Бурундук зачирикал с такой скоростью, что я едва успевал разбирать слова.— Хорошо, когда он рядом, когда нужны мускулы. Но в его теле нет ни сердца, ни чувств, ни тепла, ни сострадания, вообще ничего! — Он посмотрел на Чарли-Лошадь, в уголках его глаз закипели слезы.— И вот этого типа вы за просто отпустили, чтобы он исчез с нашей сотней долларов?

— Времени оплакивать эту сотню у вас уже нет,— сказал я ему.— Луи ушел с вашими денежками, и мы можем теперь сидеть тут до ночи в ожидании, но он сюда больше не придет.

— Как же это получилось? Почему вы, такой сообразительный, дали ему возможность исчезнуть с нашей сотней долларов? — взвизгнул Чарли-Лошадь.

— Луи — это большие неприятности, а кому охота их иметь? — я осторожно пожал плечами.— К тому же вас было трое, и пришлось бы, чего доброго, бросать монету, чтоб поделить сотню. А теперь вас двое, и вам удастся сделать это безо всякого труда, верно?

— Я что-то слышу! — прошептал Бурундук с рыданием в голосе.— Но мои уши отказываются поверить!

— Мы уходим отсюда вчетвером,— сказал я,— вы провожаете меня к Митфорду. Как только я увижу его лицо, вы получаете свою сотню долларов.

— Знаешь что? — Чарли-Лошадь посмотрел на Бурундука и засмеялся истерическим смехом.— Может быть, его и в самом деле зовут Рокфеллером?

Я пропустил парочку вперед, так что, когда мы вышли из подвального, они прокладывали нам с Джеки дорогу среди мусорных ящиков и всякого другого хлама, загромадженного темный переулочек.

Джеки взяла меня под руку и крепко прижала локоть к крутому выступу своей груди. Это был чисто импульсивный жест, который, насколько я понимаю, свойственен всем пышногрудым девушкам.

— Знаете, вы меня совсем было сбили с толку там, в кабачке — сказала она тихо.— Вообще-то, я и сейчас не все понимаю.

— Луи был настроен агрессивно по отношению ко мне... К нам обоим,— пояснил я.— Я это сразу заметил.

И он решил, что никто не сообщит нам, где найти Митфорда.

— Почему же? — спросила она.

— Хороший вопрос. Мне и самому хотелось бы найти хоть мало-мальски разумный ответ, — сказал я. — Во всяком случае, я понял пока одно: надо было, чтобы он ушел из бара уверенным, что я буду сидеть там и дожидаться его возвращения.

— Я, кажется, сообразила, — протянула она потрясенно, — что, когда мы доберемся до Митфорда, вам это будет стоить не одну, а две сотни долларов!

— Вряд ли мне стоит беспокоиться об этом, имея в качестве клиентов обладателя «Оскара», — сказал я небрежно. — Во всяком случае, у Пакстона будет возможность снова убедиться, что деньги для него равным счетом ничего не значат, когда речь идет о благополучии его сестры.

Мы свернули за угол и очутились на узкой улочке, ярдах в пятидесяти, оканчивающейся глухим тупиком. Оба приятеля стояли под уличным фонарем, поджидая нас, и низенький, костлявый Чарли-Лошадь являл собой разительный контраст огромному тучному Бурундуку. Когда мы подошли, они стали нервно переминаться с ноги на ногу, потом Бурундук неопределенно махнул рукой в сторону дома через дорогу.

— Вот, — сказал Чарли-Лошадь. — Росс живет в том доме, на первом этаже. Вам осталось только перейти через улицу и нажать на кнопку звонка, мистер Холман.

— Всего лишь нажать на кнопку звонка! — Бурундук так нервничал, что чириканье его прозвучало глухо и зловеще.

— Но мы ведь договорились, что вы получите деньги после того, как я увижу Митфорда, — сказал я. — Или вы считаете, что я должен уплатить вам сотню долларов только за удовольствие позвонить в дверной звонок?

— Вот об этом-то мы как раз сейчас и думаем, — отчаянно прочирикал Бурундук. — Луи — человек мало приятный в общении. С ним трудно поладить!

— Он нам вообще ничего не рассказывает, — свирепо добавил Чарли-Лошадь. — Мы, его лучшие друзья, даже не знаем, с кем еще он проводит время!

— У него нет сердца! — Бурундук скорбно покачал головой. — Судя по тому, что нам о них известно, Луи и Росс Митфорд вполне могут быть близкими друзьями!

— Даже старыми приятелями, — кивнул головой Чар-

ли-Лошадь.— Так что вполне возможно, Луи вышел из бара с вашей сотней долларов, чтобы отправиться прямо сюда и поглядеть, чем можно помочь старому другу. А заодно сообщить ему, какую оказал услугу — не дал возможности одному типу из Лос-Анджелеса обнаружить, где скрывается его старый друг!

— Никто ведь не сделан из камня, как Луи,— прочирикал Бурундук.— И уж, конечно, Росс Митфорд будет благодарен ему за услугу. И наверняка скажет ему: зайдем-ка пропустить стаканчик-другой, а Луи за бесплатную выпивку готов на все, что угодно.

— Так что он вполне может сейчас оказаться там,— пробормотал Чарли-Лошадь.— И что же он подумает, когда сам откроет дверь и увидит на пороге нас с вами, мистер Холман?

— Он подумает, что мы Иуды-предатели,— подхватил Бурундук.— Луи, конечно, грязный подонок и двуличный мошенник, но все-таки я предпочел бы не иметь его в качестве врага!

— И я тоже,— Чарли-Лошадь вздрогнул всем телом.

— Сотня достанется вам тогда, когда я увижу Митфорда,— повторил я.— Если все заканчивается на этой стороне улицы, то я оплачиваю вам только расходы на такси.

— В каком размере? — прощепетал Бурундук.

— Десять долларов,— проворчал я.

— Идет! — воскликнули они в один голос.

Бумажка исчезла почти в тот же миг, едва я извлек ее из бумажника, и оба бесстрашных приятеля испарились.

На середине улицы я оглянулся и заметил, что Джеки по-прежнему стоит на тротуаре.

— Глупо, правда? — с трудом выговорила она сквозь лязгавшие зубы, когда я вернулся к ней.— Я хочу сказать, что понимаю, насколько это глупо. Но все равно, я боюсь сейчас ничуть не меньше, чем те двое! Рик! — ее пальцы больно впились в мою руку.— А вдруг они правы и Луи там, вместе с Россом Митфордом?

— Не знаю,— сказал я раздраженно.— В такой ситуации единственное, на что можно надеяться,— что ничего подобного не произойдет.

— Знаешь, что? — Голос ее прозвучал до отвращения хрипло.— А ты вовсе не храбрый! Ты просто чертовски глуп, вот и все!

— Почему бы тебе не обождать меня здесь? — предложил я ей.

— Почему бы нам попросту не вернуться домой и не позабыть обо всей этой истории? — прошептала она.

— Самое худшее, что может произойти, если дверь откроет сам Луи,— сказал я.— Я скажу, что хочу видеть Митфорда, а он ответит, чтобы я убирался к черту.

— И что дальше.

— Уберусь к черту я. За кого, собственно, ты меня принимаешь?

— Что ж, теперь я убедилась, что ты самый обыкновенный трус, и мне сразу стало легче,— вздохнула она.— Обещай мне: когда Луи велит нам убраться к черту, мы сразу же бросимся бежать!

— Я вот только думаю,— медленно сказал я,— может быть, нам следует броситься бежать в тот же миг, как мы убедимся, что он нам действительно открыл дверь?

Глава 5

Судя по внешнему виду дома, можно было предположить, что для него когда-то существовали лучшие времена. Но сейчас внешность его была неопрятна, а в вестибюле не имелось никакого освещения, и я от всей души вознес молитву, чтобы шорох, который я услышал, едва мы вошли в вестибюль, издавали крысы. Мне потребовалось зажечь три спички, пока, наконец, я нашел дверной звонок, а когда надавил пуговку, раздался оглушительный звон, подобный сигналу пожарной тревоги.

— Если там кто-то и спал,— прошептала Джеки,— то теперь уже наверняка проснулся!

Я подождал секунд десять, физически ощущая всей кожей сгущавшуюся вокруг нас темноту, и снова позвонил. Меня не покидало ощущение, что темнота, которая давит мне на черепную коробку, вот-вот материализуется в нечто твердое и полновесное и шарахнет меня по макушке. Я чиркнул очередной спичкой и вдруг заметил, что дверь передо мной как-то странно скошена и между ней и стеной явственно выделяется темная полоса. Я нерешительно надавил пальцами на верхнюю филенку двери. Темная полоса стала медленно расширяться. Так же осторожно я просунул в щель руку и принялся шарить по стене. Пальцы нащупали выключатель, и под потолком вспыхнула тусклая лампочка.

— Рик! — Джеки, вероятно, собиралась произнести это шепотом, но у нее получился нелепый вопль.— Похоже,

никого нет дома, поэтому давай лучше уберемся отсюда к черту!

— Надо поглядеть,— ответил я.

Она вошла вслед за мной в квартиру, но, по-моему, только потому, что быть со мной рядом гораздо лучше, чем дожидаться меня в темноте и полном одиночестве в вестибюле здания.

Я вошел в гостиную и тоже включил свет. Комната оказалась пуста, и я пошел дальше по коридору.

— Куда ты идешь? — дрожащим голосом спросила Джеки.

— Посмотреть в других комнатах,— сказал я.

— Я лучше подожду здесь.— Она осталась в гостиной и сердито бросила мне вслед: — Не забудь заорать, если с тобой случится что-нибудь ужасное!

Квартира была небольшая. Остальные три комнаты имели, на удивление, нежилой вид, словно хозяин появлялся здесь не чаще раза в неделю и оставался ровно столько, сколько требуется, чтобы приготовить себе чашку кофе. Я рассеянно подумал о том, что сделал Митфорд с теми двадцатью тысячами долларов, которые получил от Пакстана, если так скоро обосновался в подобных трущобах? Черт побери, такое невезение, подумал я, возвращаясь в гостиную, где осталась Джеки. Ни Луи, ни Митфорда, зря она перетрусилась.

Неожиданно нога моя наступила на что-то мягкое, и я, потеряв равновесие, рухнул вниз лицом.

Несколько секунд я валялся на полу ошеломленный, распластавшись, как лягушка, наконец вскочил и — поток отчаянных ругательств застрял у меня в горле. Ибо я увидел обо что споткнулся. Мягкая, но весьма объемистая моя пастушка лежала навзничь на полу, глаза ее были закрыты, дыхание с трудом вырывалось из полуоткрытых губ. Казалось, она находилась в полной прострации, в этом я убедился, когда с трудом поднял ее на руки, отнес и свалил в ближайшее кресло.

Я подумал, что приводить ее в чувство обычным способом, плеснув в лицо холодной воды, будет слишком жестоко. А потому стал похлопывать по рукам и громко повторять ее имя. Словом, исполнял как раз ту классическую сцену, которая постоянно повторялась в самых первых кинофильмах. Даже появилось смутное ощущение, что сейчас на пороге вырастет режиссер — в кавалерийской рубашке и светлых бриджах, наставит на меня свой мегафон и крикнет: «Это — вырезать!»

— Джеки! — воззвал я в двадцатый раз. — Приди в себя! Или ты решила обратиться в Спящую Красавицу?

— Что такое? — слабо пробормотала она.

— Плотину прорвало! — заорал я голосом старинного киногероя. — Все уже скрылись на холмах! Нам осталось ровно три и три десятых секунды! Сейчас обрушится шестидесятифутовая стена воды!

Она дважды моргнула и стала открывать глаза. Она открывала их все шире и шире, пока, наконец, не остановила на мне полный ужаса остекляневший взгляд. Рот ее тоже открылся, она вздохнула и приготовилась издать вопль. Но я изловчился и успел засунуть ей руку в рот, поэтому вместо визга раздалось лишь нечленораздельное бульканье.

— Я пошутил насчет плотины, честное слово! — отчаянно произнес я. — Между нами и ею большое расстояние, а плотина крепка и надежна.

Она принялась отчаянно мотать головой из стороны в сторону, и длилось это долго. Не сводя с меня пылающего ненавистью взгляда, она дергалась, пытаясь высвободиться из моих рук, но вдруг сдалась, словно силы покинули ее. Обманутый этим, я стал осторожно вынимать руку из ее рта, как вдруг она свирепо впилась зубами в мою кисть. Несколько мучительно долгих секунд она не размыкала челюстей, и мне ничего не оставалось, как употребить старый прием: стукнуть ее между глаз. Правда, я не успел выполнить своего намерения, потому что она так же внезапно расцепила челюсти, и я смог высвободить свою искалеченную руку из зубов людоедки.

— Ты никогда не говорила, что тебя покусала бешеная собака! — простонал я.

— Но ведь и ты пошутил насчет плотины... — произнесла она шепотом, от которого кровь застыла у меня в жилах. — С чего ты решил, что это твои идиотские выдумки потрясли меня?

— А что же еще? — выдавил я, преодолевая боль.

— Что еще? — все вокруг будто зазвенело от зловещего хохота. — Ты даже не помнишь, что оставил меня тут одну, пока сам бродил по квартире!

— Но ведь я заглядывал в гостиную, и она была пуста, — проворчал я. — Так что мне непонятно, кого ты имеешь в виду?

Ужас снова появился в ее взгляде.

— А ты заглянул за кушетку? — спросила она тихонько.

Вот теперь я уже ничуть не удивился, когда обнаружил за кушеткой труп. Парень лежал на животе, голова его была неестественно вывернута в сторону. И вид у него был до странности безмятежный, несмотря на то что в спине торчали всаженные по самые рукоятки ножницы. Желудок у меня судорожно сжался, ибо наступил как раз такой момент, когда ты невольно удивляешься, сколько же крови может содержаться в человеческом теле. Она все еще текла из раны, растекаясь широкими лужами по обе стороны тела. Стена и задняя спинка кушетки были забрызганы ею. Кушетка стояла под углом к стене. Нетрудно было представить себе, что он находился как раз у торца кушетки, когда ему сзади нанесли удар, и он упал между спинкой кушетки и стеной.

Я подошел туда, где покоилась его голова, и опустился на колени. Тело было еще теплым на ощупь, а это значило, что смерть наступила недавно. Узенькая голубая полоска привлекла мое внимание — какая-то бумажка торчала из-под растопыренных пальцев правой руки убитого. Я осторожно потянул за краешек голубую наклейку со спичечного коробка.

«Бравури-Бутик» было на ней написано изящными золотыми буквами, а пониже указано местонахождение заведения: Вествуд-Вилледж. Еще ниже, совсем мелким шрифтом, коротко и внушительно: «Еще одно звено в цепи заведений Уоррена, которые торгуют товарами только высокого качества!»

Недаром говорят, философски подумал я, подсовывая бумажку обратно, под растопыренные пальцы трупа, нет ничего нового под солнцем. Еще в двадцатых годах фирма «Убийства — Инкорпорейшн» объявила, что нашла верный способ продавать самый высококачественный товар.

Я поднялся и подошел к неподвижно сидящей Джеки: — Это Росс Митфорд?

Она молча кивнула.

— Если пожелаешь вонзить зубы в другую мою ладонь, то, пожалуйста, — сказал я.

— Ты не виноват, Рик, — она слабо улыбнулась. — Ведь от двери ничего не видно за спинкой кушетки. Но я до сих пор по детской привычке заглядываю под кровать, прежде чем улечься спать. Потому-то, когда вошла сюда, мне сразу же стало нестерпимо: так и подмывало заглянуть под кушетку. Вот я и заглянула...

— Постарайся забыть об этом, — сказал я.

— Мне и самой этого хотелось бы. — Щеки ее покры-

лись зеленоватой бледностью, а в глазах снова разлился панический страх.— Ой, давай лучше уйдем отсюда, Рик, пока меня не вырвало! Пожалуйста, прошу тебя!..

Когда мы вернулись ко мне домой, было уже около двух часов ночи. Джеки решила, что пока не в состоянии отправиться к себе на квартиру. А я, как раньше объяснял, никогда не спорю с девушками. Особенно, если у них бюст, подобный Джеки. Она быстро освоилась у меня, а я не терял времени даром: смешал несколько хороших порций, так как считал, что добрая выпивка — лучшее успокоительное средство против наших вконец истрепанных нервов.

— Когда живешь в таком доме,— объяснил я Джеки,— сильно прибавляется уверенности в себе и в своих силах.

— А разве тебе недостает такой уверенности? — удивилась она.

— Во всяком случае, у меня не так-то много доказательств собственной значительности,— честно признался я.

— Интересно, сколько их у тебя? — поинтересовалась она.

Я бросил взгляд на широкую кушетку, где она растянулась, устроив бокал в глубокой долине между двумя вздымающимися вершинами. «Любопытно,— возникла ленивая мысль,— покрываются ли зимой эти пики снегом?»

— Так сколько же все-таки, Рик? — настойчиво переспросила она.

— Вообще-то всего одно,— честно признался я, кивнув на кушетку,— вот на этом самом месте.

— А не великовата ли она для холостяка? — Она лукаво улыбнулась.— Хотя, пожалуй, нет. Ведь здесь, вероятно, очень удобно, когда ты задумываешь этакую небольшую оргию с шестью девицами сразу, правда?

— Эге! — Я с восхищением уставился на нее.— Вот что называется мыслить по-крупному!

— Это стало у меня привычкой,— сказала она будничным тоном.— Всякий раз, когда я смотрю на свой фасад, я понимаю, что ничего другого мне и не остается!

— В далеком детстве я искренне считал альпинизм величайшим спортом в мире,— сказал я.— С тех пор не произошло ничего, что заставило бы меня изменить свои взгляды.

Она извлекла бокал из неподражаемого укрытия, спустила ноги на пол и уселась на кушетке так, словно спина у нее не гнулась.

— Мне очень хотелось бы забыть о сегодняшней ночи, Рик, но я никак не могу!

— Тебе хочется поговорить на эту тему?

— Я чувствую себя виноватой, что мы не сообщили полиции об убийстве Росса,— она испустила печальный вздох.— Но ведь если бы мы это сделали, то возникло бы еще большее ощущение вины перед бедной Кармен!

— Не трать понапрасну время и не изводи себя по поводу вины,— сказал я ей.— Митфорд был уже мертв, когда мы нашли его, и никто не в силах ничего изменить. Кто-нибудь другой найдет тело и известит копов. Самое нелепое будет в том, что наверняка это окажется кто-нибудь, кто не имел с Россом Митфордом никаких отношений при его жизни. Поэтому после часового допроса полицейские непременно отпустят этого человека. А поскольку мы довольно тесно теперь связаны с Митфордом, то, если нам здорово повезет, полиция доберется до нас не позже завтрашнего дня!

— Ты прав,— кивнула она.— Но ведь идея поехать на Венеция-Бич была моей, и это я настояла, чтобы мы отправились туда вместе. Я просто с ума схожу от этой мысли!

— А мне интересно другое: раздобыл ли бармен лошадь для того пьянчужки? — сказал я.

— Ты — жестокий, бесчувственный, бессердечный тип, а я...— Она разразилась отчаянным приступом смеха, и потребовалось добрых десять минут, чтобы Джеки успокоилась и снова заговорила: — Если он уже отправился на поиски универмага Кланси — того, который построили за один день, помнишь? — то подумает...— Она снова подавилась смехом.— Он подумает... что они... они разобрали здание за ночь по кирпичику!

Она беспомощно качала головой, а все тело ее сотрясилось от неудержимого хохота. Задыхаясь от смеха, она отчаянно втянула в легкие воздух, и случилось неизбежное: лимонно-желтая рубашка затрещала, отскочили последние пуговицы, и она распахнулась до самого пупка. На Джеки тотчас же напала икота, довершившая начатое: рубашка взмыла на ее плечах, а вся великолепная верхняя половина, ничем не скрытая, предстала перед моим взором.

Я не мог оторвать взгляда от того, что открылось мне. Чудилось, что я лечу на самолете над снежными вершинами Альп на самой низкой высоте. Сходство было полное, разве что вершины выглядели немного иначе. Ибо то, на что я сейчас уставился, венчали пунцовые макушки. Я впал в нервный экстаз и вдруг понял, что любой мужчина

согласился бы всю жизнь скользить по этим роскошным склонам и ему вовсе не потребовались бы лыжи.

Оглушительная икота завершилась, наконец, пронзительным смешком, а затем наступила мертвая тишина, которая, впрочем, вполне меня устраивала. Ибо в наступившем молчании я мог со всей серьезностью отдалиться изучению проблемы: с какой стороны лучше подобраться к вершинам?

Мысль о возможной неудаче несколько меня не смущала, я твердо решил не прекращать попыток до конца своих дней.

— Ох, ради Бога, прости меня, Рик. — Виноватый голос Джеки донесся с расстояния в несколько миль, но я не обратил на него никакого внимания.

— Рик! — На этот раз голос прозвучал гораздо резче и ближе. — Чем ты занят, черт побери? Погрузился в транс по системе йогов?

Вот именно, черт побери, с горечью подумал я, неужели женщины не в силах помолчать хотя бы несколько минут.

— Рик!

Я ощутил ударную волну в несколько децибел от звука ее голоса и едва удержался на ногах. Мысленно я уже совершил грандиозный спуск по склону ближайшего пика и прошелся по всей долине между вершинами. Я почувствовал себя полностью дезориентированным после головокружительного путешествия в окрестностях ее пупка. Только встряхнув несколько раз головой, я кое-как справился с ошеломлением, и лицо Джеки медленно появилось в фокусе перед моими глазами.

— Тебе лучше? — нервно спросила она. — У тебя часто бывают такие приступы или это впервые? — Она обеспокоенно прикусила нижнюю губу. — Я вовсе не хотела напугать тебя, но это странное выражение на твоем лице!.. Когда ты в последний раз навещал психолога?

— Пока это был всего лишь легкий приступ экстаза, — сказал я. — А сам экстаз, да будет тебе известно, особенно, если он длится достаточно долго, вместе с побочными явлениями, всеми психологами мира признан как благоприятный фактор.

— Это звучит ничуть не лучше, чем твой внешний вид, — сказала она с сомнением в голосе.

— Теперь, когда есть возможность убедиться в необычайном совершенстве девушек, подобных тебе, честно признаюсь, я уже не смогу удовлетворяться более мелкими масштабами. И впредь буду проходить иных особ, даже не

удостоив их взглядом! Что же касается плоскогрудых и пышнобедрых...— Я презрительно фыркнул.— Отныне их место на кухне!

— Я была так занята тем, чтобы не задохнуться от смеха и от икоты, что мне просто некогда было подумать о рубашке,— сказала Джеки и бросила взгляд на свою обнаженную грудь.— Ты именно это имел в виду, когда говорил о необычайном совершенстве, Рик?

— Именно это! — свирепо сказал я.

Она повернулась ко мне и улыбнулась. И я понял, что причина тут в целом комплексе: подернутые дымкой синие глаза Джеки приобрели теплую мягкость ясного летнего неба, а ее улыбка излучила такое тепло, что согревала на расстоянии доброго десятка километров. Я медленно пошел к ней, и она успела скинуть сапожки из телячьей кожи, прежде чем поднялась с кушетки. Наши тела тут же слились в безмолвном объятии, а губы скрепили общий порыв.

Прошло несколько мгновений, и Джеки стояла рядом со мной уже в моей спальне, а улыбка ее стала вовсе ослепляющей, и я мог бы поклясться, что энергии, излучаемой ею, хватило бы на освещение Лос-Анджелеса в течение ближайшей тысячи лет. Но вдруг улыбка стала меркнуть, и вскоре вовсе погасла. Я понял: случилось что-то ужасное.

— Проклятая молния снова застряла! — заявила Джеки с яростью.

Она сердито сунула за широкий пояс джинсов пальцы обеих рук и рванула изо всей силы. Глаза ее широко раскрылись, но на том дело и окончилось: застежка не поддавалась.

— Рик! — взмолилась она.— Они ни на дюйм не сдвинулись с моих бедер. Неужели я до конца дней буду упрятана в эти чертовы джинсы?

— Не волнуйся,— успокоил я.— Сейчас все улажу.

Я вышел на кухню, взял наиболее острый из двух имевшихся в моем хозяйстве столовых ножей и вернулся в спальню. Почему-то, увидев у меня в руках нож, Джеки издала тихий жалобный вопль.

— Если ты ляжешь на кровать лицом вниз,— сказал я,— то мне потребуется не больше двух секунд.

— Честно говоря, Рик,— сказала она дрожащим голосом,— я не настолько уж сгораю от нетерпения. Видишь ли, если твоя рука дрогнет, у меня останется отмети-
на на всю жизнь.

И тем не менее она покорно растянулась на постели, потом довольно неохотно перекатилась на живот, и на лице ее я успел уловить выражение невинной жертвы, готовящейся принять мученический конец. Сначала я распорол задний шов джинсов. Правда, при этом я чуть-чуть оцарапал ее правую ягодицу, но она тут же завопила так отчаянно, словно я был каким-то чудищем, вроде ученика маркиза де Сада. Однако пять секунд спустя джинсы распались на две аккуратные половины, которые я без труда стащил с Джеки.

— Я ведь сказал, что все улажу, — и отвесил ей легкий шлепок по мягкому месту. — Но, думаю, теперь нет смысла беспокоиться об этих тряпках.

— Я всегда могу купить новые джинсы. — Она перекатилась на спину и провела руками по бедрам. На лице ее снова возникла тревога. — А что ты сделал с моими трусиками, Рик?

— Разве на тебе еще что-нибудь было? — выдавил я.

— О, господи! — Она схватила останки своих джинсов, несколько секунд копошилась в них, а потом со стоном отшвырнула на пол.

— Нашла? — спросил я с надеждой.

— Нашла! — Она откинулась спиной на подушки и уставилась в потолок с отрешенным выражением на лице.

Я прилег на кровать рядом с ней и нежно прикрыл ладонью ближайший снежно-белый пик:

— Хорошо!

— Просто великолепно! — съязвила она. — У меня теперь одна-единственная проблема: каким образом я смогу их надеть, если ты аккуратно располосовал их надвое!

— Мы как-нибудь уладим потом... — потянувшись, я прикрыл другой рукой второй пик-близнец.

— Но как же, черт побери, я доберусь до дома? — воскликнула она с отчаянием. — Неужели ты думаешь, никто не заметит, что на мне всего-навсего широкая улыбка и пара сапожек?

— Я куплю тебе крылатую колесницу, — пообещал я, зарываясь лицом в душистую долину между пиками. — Непременно куплю, и она будет инкрустирована золотом!

— Не слышу ни слова из того, что ты там бормочешь! — разозлилась она.

Я неохотно поднял голову и уставился на нее.

— Чертова ты пастушка, вот что я тебе скажу!

Целую минуту она давилась смехом: сначала он булькал

у нее в горле, потом все ее тело заходило ходуном, словно началось сексуальное землетрясение.

— Рик, — жалобно взмолилась она. — Я не могу больше смеяться! Если это повторится, я наверняка поврежу себе какой-нибудь жизненно важный орган!

— Сейчас мы это уладим, — внушительно заявил я.

— Только не вздумай хвататься за свой ужасный нож!

— Никакой хирургии, — заверил я. — Теперь уже необходимо вмешательство терапии.

Она просто закатилась, залилась настоящей россыпью серебристых звончков, которые вдруг оборвались на самой высокой ноте, и больше она уже не смеялась.

— Рик, — сказала она потом глуховатым и чуть охрипшим голосом, — у тебя оказывается, есть чудесное лекарство против таких приступов! Отчего ты его не запатентуешь?

— Понимаешь, тут есть определенные границы действия, — признался я. — Представь, что будет, если его применить, скажем, на людях посреди, к примеру, универсального магазина?

— Ты хочешь сказать, в магазине Кланси? — Ее конвульсивные всхлипывания от смеха бросали мою голову из стороны в сторону, словно челнок в штормовом море. — А ты сам-то помнишь универмаг Кланси?

И новый раскат оглушительного смеха обрушился на мою бедную голову. Я сердито приподнялся на локте:

— Немедленно прекрати! Иначе мне придется повторить всю процедуру лечения!

— Я понимаю! — радостно взвизгнула она. — Именно этого я и добиваюсь!

Глава 6

Я распрощался с Джеки Эриксон в десять часов утра, когда прибыло заказанное такси. Единственный предмет моего гардероба, в который ей удалось втиснуться — полосатые шорты, — не слишком удачно сочетались с сапожками и стетсоновской шляпой. Но я раз пятьдесят подряд повторил ей с неизменным терпением, что шорты значительно лучше смотрятся на участке ее тела между шляпой и сапожками, чем если бы на нем вовсе ничего не было. Когда, наконец, такси исчезло за поворотом, я вернулся в дом, набрал номер санатория с видом на холмы и попросил к телефону сестру Демнон.

— Это говорит Рик Холман,— назвался я, услышав в трубке ее хриловатый голос.

— Слушаю вас, мистер Холман.

— Я подумал, что, пожалуй, есть смысл принять ваше предложение и окончательно закрепить наш уговор. Сегодня пятница, и, насколько я понимаю, вы свободны весь уик-энд. Так почему бы вам не упаковать свой чемоданчик и не приехать ко мне домой часиков в пять вечера?

— Я просто в восторге,— ответила без малейшего колебания сестра.— Но если позволите задать вопрос, хотелось бы знать, почему вы переменили свое первоначальное мнение?

— Просто я представил себе, как вы рассказываете по моей квартире в этом вашем прозрачном нейлоновом белье.

— Если вы не поставите свой кондиционер на мороз, то так оно и будет,— промурлыкала она.— Где вы живете?

Я продиктовал свой адрес, попрощался и повесил трубку.

Сама мысль, что эта рыжеволосая красавица будет рассказывать по моей гостиной в прозрачном нейлоне — и это после ночи, посвященной демонстрациям патентованного средства Холмана против икоты! — подействовала на меня не лучше, чем перспектива освежиться стаканом теплого лимонада. Я решил, что теперь самое время навестить психоаналитика. Нашел номер его телефона в списке Пакстона. Доктор Шумейкер не выказал ни малейшего удивления, когда я назвался и сказал, что хочу побеседовать с ним о Кармен Коленсо. Спросил только, будет ли мне удобно встретиться у него в конторе в одиннадцать часов. Я повесил трубку и несколько минут размышлял о том, что с сегодняшнего утра мир похож настолько изменился, что впредь все, с кем мне придется иметь дело, будут беспрекословно выполнять любые мои пожелания!

Бюро Шумейкера находилось на десятом этаже высотного здания на Уилшир-бульваре. Элегантная блондинка в приемной одарила меня теплой улыбкой, словно я был любимым психом доктора, и плавным движением руки указала мне на дверь личного кабинета Шумейкера.

Психоаналитик оказался высоким, расхлябанным, почти лысым парнем лет тридцати пяти. Его голубые глаза с тяжелыми веками глядели пронзительно и в то же время сохраняли непроницаемое выражение, как нельзя лучше сочетавшееся с синим орлоновым свитером и белым пиджаком в рубчик. Наверняка любой пациент, страдающий тяжелым неврозом, при одном лишь взгляде на Шумейкера

чувствовал себя наполовину излеченным, настолько уверенно выглядел психоаналитик. Видно, даже самые тяжелые случаи для него не представляли ни малейшего затруднения.

— Садитесь, мистер Холман,— сказал Шумейкер, выпустив мою руку из своих железных тисков.— Рэй Пакстон говорил мне насчет вас еще вчера вечером.— Он слабо улыбнулся.— Беспокоился, что вы ему не позвонили, а я ответил, что даже гению понадобилось бы больше двенадцати часов, чтобы найти пропавшую девушку. Особенно если это — Кармен Коленсо.

— Джеки Эриксон рассказала мне кое-что о ваших отношениях с Пакстоном. О том, например, что Кармен резко переменила свое мнение о брате за время пребывания в санатории.

Шумейкер разлегся на кушетке, стоявшей в нескольких футах от кресла, в котором я сидел, сложил руки над головой и чуть слышно вздохнул.

— Это интересный факт,— продолжал я.— Но мне хотелось бы узнать об этом поподробнее. Насколько я понял, Кармен через несколько недель пребывания в санатории перестала ненавидеть своего брата и стала считать, что он всегда был прав по отношению к ней. Маятник полетел в обратном направлении, и теперь братец превратился в самую большую привязанность в ее жизни и, значит, стал не способен ни на что дурное?

— У Джеки очень хорошая память,— сказал он.

— Вам известно, почему она сбежала из санатория?

— Нет,— он быстро покачал головой.— Я все время сам себе твержу, что с ее стороны это совершенно нелогичный поступок. Но ведь мне не следует удивляться, не так ли? Любой психопат может совершать неразумный поступок. И все-таки я очень удивлен!

— Кто-то передал ей сообщение, что Митфорд охотится за ее братом, а Пакстону ничего об этом не известно.

— Ах! — в голосе Шумейкера послышалось нечто похожее на удивление.— Ну, вот это все проясняет.— Он опустил ноги на пол и выпрямился.— Что еще вам известно, мистер Холман?

— Немного,— проворчал я.— И все — с частицей «не». Она не поехала к своему брату, потому что не сомневалась, что он снова упрячет ее в санаторий, как это сделали бы и вы. Не отправилась она и к своей подруге Джеки Эриксон. Так куда же она отправилась, как вы думаете?

— Искать Митфорда, — быстро ответил он.

— А как насчет ее бывшего мужа, Тайлера Уоррена?

— Для психопата, находящегося в сильном нервном напряжении, нет ничего невозможного, — он едва заметно пожал плечами. — Но все же я считаю, что это в высшей степени маловероятно, мистер Холман. Ведь основным мотивом, побудившим ее к бегству, было желание защитить брата. Она не попыталась предупредить его потому, что считала: он ей не поверит. Поэтому я не думаю, чтобы она направилась куда-то, кроме, как Митфорду.

— Вы считаете ее способной снова на насилие? Как тогда, когда она всадила Митфорду в спину ножницы? — спросил я.

— Почему бы и нет? — небрежно бросил он.

— А что за врач этот доктор Дедини?

— В высшей степени неэтичный вопрос, мистер Холман! — Синие глаза психоаналитика приняли еще более непроницаемое выражение. — Но поскольку вы все равно заняты не менее неэтическим поручением, я отвечу. Дедини — хороший врач, который любит деньги. И потому в его заведении, к несчастью, ощущается острая необходимость. Все его пациенты — люди состоятельные. Однако, если вы считаете, что он мог бы способствовать побегу Кармен, то могу заверить вас: Дедини честный человек, его невозможно подкупить.

— Это я просто так спросил, — я постарался погасить эмоции. — Не могли бы вы описать внешность Кармен Коленсо? Как она выглядит? С чисто физической точки зрения, я имею в виду.

— Ей двадцать пять лет, она брюнетка, с темно-карими глазами, под правым глазом небольшой шрам — память о тех днях, которые она провела с Тайлером Уорреном. Высокая девушка, примерно пяти футов восьми дюймов ростом, весит меньше нормы на пятнадцать-двадцать фунтов, так что кажется истощенной и сутулой. Три года назад она была довольно красива, но нельзя жить так, как она жила эти годы, и ничем не поплатиться за это. В последний раз я видел ее четыре дня назад, и она выглядела на добрых десять лет старше своего возраста.

— Какие психологические проблемы мучают Рэймонда Пакстона? — спросил я.

— Вот еще один в высшей степени неэтичный вопрос! — Он слабо усмехнулся. — Но, в конце концов, какая разница? У Рэя те же самые глобальные проблемы, как у любого оказавшегося в его положении. Он ведь — об-

шественная фигура, которая подвергается вдесятеро большим психологическим давлениям, чем средний человек. В настоящий момент он на самой вершине своей славы, поэтому единственное, что с ним может произойти, — это падение вниз. Все, чем я могу помочь ему, это время от времени подбадривать, а он отчаянно нуждается в поддержке каждую минуту своего существования. Он, вероятно, самый неприятный человек, какого я встречал в жизни, а вызывающее самодовольство, с которым он держится, всего лишь маска, скрывающая его сомнения и опасения.

— О, ради Бога, прекратите! — взмолился я. — Иначе я не выдержу и зальюсь слезами.

— Как ни нелепо это звучит, но это святая правда! — он снова усмехнулся. — Я занимаюсь психоанализом уже восемь лет, и все годы он — единственный человек, к которому я не испытываю никакой профессиональной привязанности. Иногда мне кажется, что я с удовольствием взял бы в руки ближайший стул и разломал об его голову!

— Он не был женат? — спросил я.

— Когда ему хочется удовлетворить свой сексуальный аппетит, он выбирает любую женщину из целой толпы красавиц, жаждущих его общества, — ответил Шумейкер. — Но дело в том, что сколько-нибудь серьезные отношения с любым существом любого пола — это понятие совершенно несовместимо с Рэем Пакстоном. По его мнению, все существуют на земле лишь для того, чтобы угождать ему.

— Вы говорите, что он исключительно неприятный человек.

— Вы всегда так интересуетесь психологией своих клиентов, мистер Холман? — мягко спросил он.

— У меня такое чувство, что он ищет свою сестру лишь затем, чтобы засунуть ее обратно в санаторий и она больше не смущала его спокойствие, — сказал я. — И это все. Ему ровным счетом наплевать на ее безопасность и благополучие. Если бы ее нашли мертвой, это бы его нисколько не тронуло, поскольку никому не известно, что она его сестра. Во всяком случае, до тех пор, пока об этом не узнают. И я не могу понять, почему мысль о возможной огласке приводит его в такое беспокойство?

— Я не знаю. — Он снова пожал плечами. — Не забуду спросить об этом при нашей следующей встрече.

— Знает ли Пакстон, что его сестра изменила свое отношение к нему, пока находилась в санатории?

— Я не говорил ему, поскольку не был уверен, что перемена с Кармен достаточно полная, — ответил он осто-

рожно.— Наркотик — я имею в виду ЛСД — настолько отразился на ее рассудке, что перемена могла явиться результатом какого-то извращения. А с другой стороны, это вполне могло стать результатом осознания своей вины: ведь она едва не заколола Митфорда. Психоаналитик, знаете ли, подобен забеременевшей слонихе: им обоим приходится долго ждать, прежде чем они убедятся в своей правоте!

— Уж это точно,— вздохнул я, поднимаясь со стула.— Благодарю вас за столь увлекательное катание на карусели, доктор. Было так забавно скользить вокруг да около, и в результате никуда не добраться!

— Наиболее вероятный путь к решению вашей проблемы — это найти Митфорда,— заметил он ровным голосом.— Найдите его, и тогда рядом с ним обнаружите Кармен. Ведь это очевидно. И вы сами наверняка думали об этом задолго до того, как вошли в мое бюро. Но вы почему-то старательно избегаете даже упоминания такой возможности. Интересно, почему?

— Если мы сейчас приступим к сеансу психоанализа,— сказал я,— то буду вам очень признателен, доктор, если вы перешлете счет за свои услуги моему клиенту.

— Что вы, это просто мысли вслух,— сказал он и поскреб свою лысую макушку, издав удовлетворенное урчание.— Вы старательно пытались выяснить, кто мог бы заменить Кармен Митфорда — пусть даже Тайлер Уоррен. И это вынуждает уже меня полюбопытствовать: с чем это связано?

— А что, если бы я вам сообщил, что нашел Митфорда? — холодно спросил я.— Притом мертвого, и в спине у него торчали глубоко всаженные ножницы.

Лицо Шумейкера под густым загаром вдруг побелело, как мел.

— Я бы решил, что это дурная шутка,— пробормотал он.— И постарался бы забыть о ней в ту же секунду, как вы покинете мое бюро!

— Я считаюсь опытным консультантом, и у меня лицензия частного детектива,— заметил я.— И если хочу сохранить эту лицензию, то обязан уведомлять полицию каждый раз, как обнаружу труп. Но, по вашему выражению, сейчас я занимаюсь в высшей степени неэтичными делами. И если в своих делах я не буду ставить на первое место интересы клиентов, то в течение месяца окажусь без куска хлеба. Но дело в том, что рано или поздно труп Митфорда обнаружат и сообщат в полицию. А ведь вполне

вероятно, что Кармен ~~купила~~ еще одну пару ножниц. Кто же может оказаться — тут я взываю к вашему профессиональному опыту, доктор! — кто будет ее следующей жертвой?

Он вскочил с кушетки, быстро подошел к окну и несколько минут стоял спиной ко мне. Кулаки его были сжаты за спиной, и я заметил, что костяшки суставов побелели, так сильно пальцы одной руки впились в ладонь другой.

— Вы ведь не уверены, что убила именно Кармен? — спросил он внезапно. — Или знаете наверняка?

— Нет, — согласился я. — Но, пользуясь вашими собственными фразами, она — наиболее вероятный и весьма возможный подозреваемый. Может быть, теперь вы определите глобальные проблемы, которые мучают меня, доктор? Если я желаю сохранить верность моему клиенту, то должен продолжать разыскивать его сестру. Если же сообщу полиции все, что мне известно, то вполне возможно, они найдут ее скорее, чем я, и тем самым предотвратят еще одно возможное убийство. Так что бы вы сделали на моем месте?

Он повернулся ко мне, глаза впились в мое лицо.

— Ну, если вы решили впутать меня в это дело!.. — Плечи его внезапно опустились. — Нет, конечно. У меня нет ни малейшего желания задавать вам абсурдные вопросы, Холман. Это ваша личная проблема, вы и должны решать ее. Но мои профессиональные мысли сводятся к следующему: если даже Кармен убила Митфорда, то совершенно невероятно, чтобы она могла пойти еще на одно убийство. Она будет убеждена, что уже отвела беду от Рэя, и на том все кончится. Я несколько не удивился бы, если бы после всего происшедшего она сама вернулась обратно в санаторий.

— Когда я рассказал вам о сообщении, переданном Кармен, у вас непременно должны были возникнуть какие-то вопросы по этому поводу, но вы их не задали, доктор, — сказал я холодно. — Ну, например: кто передал ей сообщение или кто оказался связующим звеном между санаторием и тем, передававшим сообщение. Интересно, почему же вы меня ни о чем не спросили?

— Вероятно, я настолько заинтересовался причиной, по которой она покинула санаторий, и ничего иного в тот момент мне не пришло в голову, — пробурчал он. — И вот что, Холман! Примите совет эксперта. Прежде всего, не

пытаться выкопать то, чего никогда не было, иначе вы снова вернетесь туда, откуда начали!

— Я счастлив, что свой совет вы дали мне бесплатно,— сказал я.— Иначе я потребовал бы у вас деньги обратно!

Адамово яблоко на его шее судорожно подскочило, он едва не подавился слюной.

— Извините меня, Холман. Я просто совершенно потрясен тем, что вы только что сообщили мне о Митфорде. Кармен ведь моя пациентка, и если она на самом деле убила его, то я считаю себя наполовину ответственным за это!

— Понимаю,— сказал я.

— Вы сообщили об этом Рэю?

— Нет еще,— покачал я головой.

Он нервно откашлялся.

— Я бы на вашем месте ничего и не сообщал, по крайней мере, до тех пор, пока не найдете Кармен. Все, чего вы достигнете, это нервного потрясения у него,— Шумейкер улыбнулся вымученной улыбкой.— Мне бы не хотелось, чтобы и он оказался в санатории...

— О'кэй! — согласился я.— Но давайте предположим, что Кармен действительно отправилась на поиски Митфорда и нашла его. И пока что она не вернулась в санаторий, иначе вам сообщили бы. У вас есть какое-нибудь предположение, куда она может направиться теперь?

— Единственный ответ, который приходит мне в голову, это — Джеки Эриксон,— сказал он.— Другой близкой подруги у Кармен не было никогда в жизни, насколько я знаю.

— Значит, она не поедет на свою старую квартиру в Венеции, как вы считаете?

— Это почти абсолютно невероятно.— Профессиональная уверенность вновь появилась в его голосе.— Это — последнее место на свете, куда она решит отправиться. Единственное, что может толкнуть ее на подобное,— это воспоминание о первом покушении на Митфорда. Но она всегда стыдилась своего поступка.

— Пакстон рассказал, что, когда все это произошло, он сразу же вызвал вас,— вспомнил я.— В каком состоянии был Митфорд?

— В тот раз ему на самом деле страшно повезло,— сказал Шумейкер.— Лезвие прошло всего лишь в дюйме от легкого. К счастью, у Рэя хватило соображения не вытаскивать ножницы из раны. Когда я приехал, Митфорд потерял довольно много крови и был в состоянии шока.

Я позвонил Дедини, попросил прислать его собственную карету скорой помощи и иметь в санатории наготове опытного хирурга.

— А что же Кармен?

— Она была в состоянии классической каталепсии, стояла посреди комнаты в состоянии полного оцепенения, в так называемом ступоре. Ее мускулы были так напряжены, что нам пришлось просто поднять ее в вертикальном положении и в таком состоянии отнести в карету скорой помощи.

— Ситуация для Пакстона оказалась дьявольски сложной, не так ли?

— Рэй очень хорошо перенес всю эту историю и неплохо вышел из положения,— ответил доктор.— Для человека, все время находящегося в состоянии крайнего внутреннего напряжения, он действовал просто великолепно. Я считал, что он буквально развалится на части, но Рэй повел себя как раз наоборот.

— Еще один вопрос, можете считать его праздным любопытством,— усмехнулся я.— Ева Байер. Она из тех девиц, которые жаждут удовлетворить сексуальные потребности Пакстона?

— Не могу сказать,— разозлился он.— Хотя вполне возможно. Она, пожалуй, лучшая девушка-секретарша, которая у него когда-либо была. А это значит, что большую часть своего времени она проводит рядом с ним. Вы не считаете, что ваше любопытство довольно низкой пробы, Холман?

— У вас абсолютный дар подбирать точные определения,— согласился я.

— Если вы найдете Кармен Коленсо...— Я видел, как нелегко ему было просить об одолжении столь низкопробного типа, как я,—...был бы вам обязан, если бы вы сначала уведомили меня.

— Почему это?

— Потому что я и ее психолог и могу оказать Кармен большую помощь, чем кто-либо другой! — Он сверкнул глазами.— Кажется, это понятно всякому, кто не обладает извращенным умишком, подобным вашему.

— Тот парень, что содержит продуктовую лавочку напротив моего дома,— медленно сказал я,— меня на дух не выносит, но даже он умеет сохранять видимость профессиональной привязанности ко мне всякий раз, когда я захожу купить жестянку томатов!

На щеках Шумейкера разлились багровые пятна, в глазах медленно загорелся яростный огонь.

— Почему бы вам немедленно не убраться вон? — спросил он грубо.— Прежде, чем я возьму стул и размножу вам голову?

— Я ухажу,— усмехнулся я,— но впредь выбирай выражения, Шумейкер, иначе я сообщу о твоём состоянии твоему психоаналитику!

Закрывая дверь кабинета, я услышал за спиной слабый мяукающий звук.

Элегантная блондинка в приемной одарила меня теплой улыбкой, когда я приблизился к ее столу.

— Для первой встречи с доктором вы провели у него в кабинете слишком долгое время,— сказала она весело.— И сейчас у вас вид человека, лишенного в этом мире нудных забот и привязанностей, мистер Холман!

— Доктор Шумейкер велел мне спросить у вас, не согласитесь ли вы сотрудничать в одном вопросе? — сказал я возбужденно.— Но, боже! Я так смущен!

— Разумеется, я согласна помочь всем, чем сумею, если таково желание доктора,— ответила она благосклонно.— Не смущайтесь, мистер Холман! Скажите, в чем дело?

— Ну...— я нерешительно затоптался на месте,—...он сказал, что есть единственная возможность проверить, не утратил ли я влечения к женскому полу. И потому, не будете ли вы добры раздеться?

— Раздеться?— она так широко раскрыла рот, что у меня появилась возможность убедиться: тот, кто вырезал ей в свое время гланды, был отличным специалистом своего дела.

— И, если после этого я не брошусь ловить вас по всей приемной, значит, мои дела безнадежны. Так он сказал! — произнес я убитым голосом.

— Он сошел с ума! — прошептала она.— Он так много видел этих психов, которые толпами приходят сюда, что теперь и сам свихнулся!

— Я было и сам так подумал,— признался я.— Особенно, когда он вдруг принялся раскрашивать портрет Буффало-Вилла и занимался этим добрых пятнадцать минут!

Она бросила через левое плечо нервный взгляд на закрытую дверь кабинета Шумейкера.

— А что он делал, когда вы вышли? — прошептала она.

— Как раз подрисовывал черные усики на верхней губе

и пристраивал черную фуражку ему на голову, — сообщил я. — А потом блеснул на меня глазами и произнес что-то вроде: «Сегодня моя секретарша, завтра — весь мир!» Я решил, что это, наверное, тест такой, но ответа так и не нашел. И тогда он сказал, что я должен выйти к вам и попросить вас раздеться. — Я, извиняясь, улыбнулся ей. — А еще он добавил, чтобы я не слишком расстраивался насчет своих сексуальных эмоций, потому что всегда найдется способ все уладить!

Она выскочила в коридор на добрых три секунды раньше меня, но не к лифту, а вниз, перепрыгивая через три ступеньки разом. Если не считать психоаналитиков, которые употребляют слова типа «низкопробный», мстительно подумал я, больше всего на свете не переношу элегантных блондинок в приемных!

Глава 7

Магазин «Бравури» в Вествуд-Вилледж выглядел как раз таким заведением, где следует покупать бюстгальтер с чашечками, чтобы надеть его под прозрачную блузку. Угрюмого вида брюнетка в шерстяном вязаном платье с длинной молнией спереди едва соблаговолила поднять брови, когда я облокотился на стойку.

— Я бы хотел видеть мистера Уоррена, — вежливо произнес я.

Она медленно покачала головой.

— Сегодня пятница!

— Я знаю.

— Так зачем же вы тратили время, чтобы идти сюда? — фыркнула она.

— Это вроде секретного кода? — с надеждой спросил я. — Если я догадался правильно, то ответ должен быть таким: «Завтра — воскресенье». И тогда я смогу увидеть шефа «Тайного Отделения организации «Бравури»?

Она выразительно закатила глаза:

— Я встречала немало психов-оптовиков на своем веку, но вы, похоже, особенный! Мистер Уоррен никогда не ведет разговоров с оптовиками по пятницам, для этого существует время с понедельника до четверга! Поэтому, может быть, вам прийти на следующей неделе, а?

— Я не оптовик, — ответил резко. — Мое дело к мистру Уоррену личное и очень срочное.

— С этого и надо было начинать! — Она откинула

боковую доску стойки и мотнула головой.— Он в заднем помещении, пройдите в ту дверь.

Я открыл дверь и сразу же больно ударился, наткнувшись на манекен в человеческий рост, с нелепой застывшей на лице улыбкой и облаченный в пурпурное бикини из парусины.

— Осторожно! — взвизгнул чей-то пронзительный голос.— Эти вещи стоят немалых денег!

Обладатель голоса сперва бережно поставил манекен на место, а потом смерил меня взглядом. Ему было лет тридцать, сложение плотное, начал полнеть. Жесткие каштановые волосы были коротко подстрижены, карие глаза навывкате в сочетании со слегка отвисшими щеками, придавали лицу поразительное сходство с зачарованным принцем, который вот-вот должен превратиться в лягушку. Светло-голубой свитер с глухим воротом совершенно не сочетался с мохеровыми брюками болотного цвета и белыми ботинками на шнурках.

— Какого дьявола вам здесь нужно, интересно знать? — набросился он на меня.

Я принял тот холодный вид, присущий копам, который неоднократно выручал меня в подобных ситуациях. Через несколько секунд я произвел на зачарованного принца-лягушку должное впечатление.

— Вы — Тайлер Уоррен? — спросил я бесцветным голосом.

— Конечно,— он беспокойно захлопал глазами.— А кто вы такой?

Я достал из кармана бумажник и раскрыл его так, чтобы перед его глазами лишь мелькнула моя лицензия частного детектива — времени разобраться, в чем тут дело, у него не хватило.

— Капитан Шумейкер,— буркнул я.— Лос-Анджелес, Отдел Насильственных Смертей.

— Ох! — он скривил мокрые губы.— Извините, капитан. Все дело в том, что у нас здесь постоянно шатается всякая шантрапа, хотя им отлично известно, что они не имеют права заходить сюда.

— Вы бывали когда-нибудь в Венеции? — резко спросил я.

— Однажды, несколько лет назад,— сказал он.— Ездил вместе с отцом по делам, связанными с нашим бизнесом. Мы тогда объездили всю Европу.

— Очень интересно, мистер Уоррен,— оскалился я.— Но я имею в виду другую Венецию... ту, что в Калифорнии!

— Конечно, капитан.— Он слабо усмехнулся.— Это скверно, глупо с моей стороны?

— Глупо,— согласился я.— Но вы не ответили на вопрос.

— Ну, конечно, бывал несколько раз,— сказал он то-ропливо.— Почему вы интересуетесь?

— Вчера вечером, например?

— Нет. Я не был там за последние пять-шесть недель ни разу.— Он засунул руки глубоко в карманы своих мохеровых брюк и попытался выпятить челюсть, которая начала предательски дрожать.— А почему вы этим интересуетесь, капитан? В чем дело?

— Обычное расследование.— Я процитировал стандартную строку из стандартного сценария допроса, столь часто демонстрирующегося по телевидению.— Итак, где вы были вчера вечером, мистер Уоррен?

— В гостях у приятеля. Послушайте, капитан, я полагаю, что имею право...

— Вы знаете человека по имени Росс Митфорд?

— Митфорд? — Он поморгал глазами, потом покачал головой.— Что-то не припоминаю.

— Как вы относитесь к своей бывшей жене, мистер Уоррен? — Я уставился ему прямо в глаза.— Сколько времени прошло после вашего развода? Восемнадцать месяцев, кажется?

— Кармен? Эта сука! — Голос его окреп.— Я отношусь к ней точно так же, как в тот вечер, когда застал ее в кровати с моим, так называемым, лучшим другом!

— Ну, и что вы тогда чувствовали?

— Я мог бы убить эту продажную шлюху!

— И вы по-прежнему сохраняете к ней такие чувства?

Испуг появился внезапно в его выпученных глазах.

— Оставьте, капитан! Я совсем не то имел в виду! Я хотел сказать, что даже и не вспоминал о ней с тех пор, как нас развели.

— До недавнего времени ваша бывшая жена жила с Россом Митфордом.— Я стал неторопливо раскуривать сигарету, а Уоррен глядел на мою спичку так, словно она вот-вот выкинет грибовидное облако атомного взрыва.— Тело Митфорда было обнаружено в жалкой трущобе на первом этаже дома в Венеции. Вчера ночью,— сказал я ровным голосом.— Его закололи.

— Какое это имеет ко мне отношение? — спросил он хрипло.

— Похоже на убийство из ревности,— пожал я плеча-

ми.— Ревность и ненависть — две самые сильные страсти после жадности. К тому же ограбления при убийстве не произошло. И потому мы ищем кого-то, кто либо ненавидел, либо ревновал Митфорда! Быть может, этот кто-то — ее бывший муж? Который сохранил к своей прежней жене такие чувства, что не смог выдержать, зная о ее жизни с другим!

— Вы с ума сошли! — Голос его сорвался на визг.— Мне ровным счетом наплевать, даже если Кармен изобразит Белоснежку и станет жить с семьей карликами разом.

— Вы знаете человека по имени Луи? — прервал его я.

— По-моему, я знаю двоих-троих парней с таким именем,— стал успокаиваться он.

— Этот Луи — лысый, высокий, похож на живой труп,— сказал я.

— Мне кажется... кажется, я не знаю такого.— Он механически принялся покачивать головой из стороны в сторону, словно маятник на стенных часах.

— Но вы не уверены? — надавил я.

— Трудно припомнить все в точности,— он быстро облизнул свои мокрые губы.— Я хочу сказать, что в моем бизнесе приходится сталкиваться с уймой парней, капитан. Может быть, я когда-нибудь и встречал человека, о котором вы говорите, но даже если это было бы и так, я совершенно не помню его.

— У него приятели — Чарли-Лошадь и Бурундук,— добавил я.

— Вы шутите? — Глаза его почти вылезли из орбит, когда он понял, что я не шучу.— Никогда не встречал никого из них, это точно. Да еще с такими идиотскими именами...

Какого черта тянуть, подумал я. Почему бы не выложить перед ним все козыри сразу?

— Приятель, у которого вы были вчера вечером, зовется Джеки Эриксон?

— Ну и дела! — закричал он.— Лучшая подружка Кармен! Послушали бы вы, что она несла на нашем бракоразводном процессе! По ее словам, я один виноват, что Кармен залезла в постель к моему другу!

— Вы знаете девицу Айрис Демнон? — спросил я.

— Айрис Демнон? — Он едва повторил это имя, глаза его, казалось, готовы были лопнуть, настолько они выпучились.— Я не уверен...

— Помните вы хотя бы свое собственное имя? — разозлился я.— Пожалуй, пора освежить вашу память.

Айрис Демнон — это рыжеволосая красotka с великолепной фигурой, и работает она сестрой в частном санатории.

За моей спиной раздались чьи-то тяжелые шаги, и резкий повелительный голос произнес:

— Тайлер! Какого дьявола тебе тут нужно? Или ты считаешь, что наше предприятие — это бордель, где ты привык околачиваться? Я мог бы вынести на улицу половину товаров, а та глупая сучка так и не оторвалась бы от зеркала!

— Угу, папа! — Тайлер Уоррен слабо кивнул. — Это капитан Шумейкер из Отдела Убийств Лос-Анджелеса.

Каждый дюйм из более чем пяти футов внушительной фигуры Уоррена-старшего дышал энергией, умом, несгибаемой волей, решительностью. Его густые седые волосы были гладко зачесаны, усы выровнены в ниточку с чисто воинской аккуратностью. Широко расставленные серо-зеленые глаза были холодны, как океанские просторы. Костюм его наверняка шил мастер своего дела: это было настоящее произведение искусства, где детали были подобраны самым изысканным образом и составляли настоящую поэму в коричневатых тонах. Хотя он стоял от меня на изрядном расстоянии, я сразу почувствовал ледяной холод недовольства, повеявший от него.

— Отдел убийств? — отрывисто переспросил он. — Какого черта ему тогда здесь нужно?

Сынок, путаясь в словах и захлебываясь слюной, истерическим тоном изложил папочке историю о том, как его бывшая жена жила с человеком, которого убили прошлой ночью, и теперь капитан Шумейкер собирается арестовать его по обвинению в убийстве.

— Выйди отсюда вон и проследи, чтобы та глупая гусыня в зале занялась каким-нибудь делом, — приказал Уоррен-старший. — Я сам все улажу.

— Ну, конечно, папа, — благодарно сказал Тайлер и бегом бросился к двери.

— Мой сын ничтожество и дурак, капитан, — сказал Уоррен-старший презрительным тоном. — Он теряет сознание от страха при малейшем нажиме на него. Но если бы он вообще был в состоянии совершить убийство, то уже много лет назад прикончил бы меня!

— Я ему сообщил, что идет пока всего лишь обычное расследование, — вежливо ответил я. — Мы установили прямую связь между вашим сыном и его бывшей женой, а ведь она жила с Митфордом до недавнего времени, и расстались они незадолго до его гибели.

— Понимаю.— Уоррен-старший нетерпеливо фыркнул.— Хорошо, что я вовремя пришел. Еще пять минут, и, весьма возможно, мой сыночек признался бы в убийстве, решив, что это самый легкий способ избавиться от вас. Он не то, чтобы идиот,— просто лишен малейших признаков мужества! Я с самого начала знал, что их брак — несчастье. Они ведь одного поля ягоды — Тайлер и эта девушка! Оба искали кого-то, кто стал бы им опорой, так что буквально с первой же минуты своей супружеской жизни они потерпели полный крах! И это мой единственный сын, капитан.— Он презрительно фыркнул.— Иногда я вообще сожалею, что он появился на свет!

— Я беседовал с некой мисс Эриксон,— сказал я.— Она...

— Помню ее,— прервал Уоррен-старший.— Подруга Кармен. А вот у этой силы воли хоть отбавляй! Если бы Тайлер женился на ней, это был бы его единственно разумный поступок.— Холодная усмешка промелькнула под аккуратными усиками.— Полагаю, она вам сообщила, что я с самого начала не давал им жить? И что я один виноват в их неудачном браке?

— Нечто в этом роде,— признался я.

— Мне кажется, тут все зависит от точки зрения. Да, я в самом деле изводил Тайлера, и в то же время в глубине души молился, чтобы он хотя бы однажды взбунтовался и послал меня к черту, запретив лезть в его личную жизнь. Но этот день так и не наступил, да он и никогда не наступит! — Его губы скривились в горькой усмешке.— В конце концов, я стал даже жалеть эту девушку. И не думаю, что она улеглась в чужую постель в поисках развлечений. Мне кажется, ей в конце концов все настолько опротивело, она настолько от всего устала, что ей легче было принять предложение, чем высказать возмущение.

— Это звучит довольно грустно,— терпеливо сказал я.

— Так оно и было,— подтвердил он.— Долгие годы она была под сапогом великого брата. Потом ухитрилась выйти замуж за Тайлера, который, в свою очередь, долгие годы был под сапогом у меня. Честное слово, я готов был даже пожалеть девушку, если бы не одна вещь.— Он сильно сжал губы, и рот его превратился в тонкую жесткую линию.— Тайлер добрался-таки до меня за те три года, что они прожили вместе. Мне не хотелось бы подозревать Кармен, но, к сожалению, никакой уверенности в этом нет.

— Что значит: «Тайлер добрался до меня»? — спросил я.

— Он начал красть у меня,— сказал папаша бесцветным голосом.— Я правда не сумел поймать его на месте преступления, он слишком хитер. Но в конце концов я раскрыл весь механизм его махинаций. Процент прибыли в моих магазинах стал заметно снижаться, и это происходило буквально в каждом втором магазине, исключая тот, которым распоряжался я лично. Стоило Тайлеру заняться каким-то магазином, как доход там снижался. Поэтому через полгода я вернул его из Сан-Франциско обратно в Лос-Анджелес. Но и здесь история в точности повторилась. Таким образом он, в конце концов, очутился в этой лавочке.— Отец сделал небрежный жест рукой.— В этой жалкой дыре, где у него в подчинении две девушки. И целая бригада экспертов регулярно проверяет все его приходно-расходные документы. Скажите, что он за человек, если стал воровать у собственного отца? — Уоррен шумно выдохнул воздух.— Если я когда-нибудь найду доказательство его мошенничества, немедленно упеку за решетку, можете мне поверить, капитан!

— Я отлично понимаю ваши чувства, мистер Уоррен. А может быть, наилучшим выходом для вашего сына была бы повторная женитьба? Он никогда не упоминал при вас некую Айрис Деммон — это такая рыжеволосая красотка, весьма привлекательная!

Уоррен негодуяще фыркнул.

— Я видел ее один раз, месяца два назад. Прилетел из Нью-Йорка раньше, чем предполагал, и потому оказался дома около полуночи. Они возлежали полуголые, а гостиная выглядела так, словно по ней пронесся ураган. Разумеется, я взял их за шиворот и выкинул за дверь, сказав вдогонку, что они могут развлекаться перед домом на лужайке, но не под моей крышей.

— Не понравилась девушка? — поинтересовался я.

— Тайлер всегда будет выбирать только неподходящих девушек. Он именно такой дурак.

— Пожалуй, мне пора идти,— сказал я.— Благодарю за то, что потратили на меня столько времени, мистер Уоррен.

— Не беспокойтесь,— ответил он,— пожалуйста, передайте от меня самый теплый привет капитану Ковальски.

— Так я и сделаю,— пообещал я.

— Он все еще работает в ночной смене?

— Разумеется,— я направился к двери.

— Должно быть, вы почувствуете себя довольно странно, капитан, когда войдете утром в его кабинет и увиди-

те Ковальски сидящим, как обычно, за столом? — фыркнул он.

— Почему бы не так? — проворчал я.

— Да потому, что Ковальски вот уже пять лет лежит в могиле, капитан! — На этот раз его фыркание прозвучало торжествующе.

— Видимо, поэтому он больше и не требует кофе к себе в кабинет по утрам? — предположил я.

— Я родился и вырос среди тех, кто торгует готовым платьем, и сам занимаюсь этим бизнесом всю жизнь. Но мне никогда не приходилось встречать копа, одетого в костюм стоимостью в три сотни долларов! — Он радостно хохотнул. — И ни один настоящий коп не стал бы слушать моих излияний о семейных делах в течение добрых пятнадцати минут. — Он склонил голову набок и внимательно посмотрел мне в лицо. — Шумейкер? Как-то это не слишком вяжется, а?

— Можете попытаться называть меня Холманом, — предложил я.

— Холман? — Он помолчал несколько секунд, потом звонко щелкнул пальцами. — А, теперь вспомнил! Мэнки Крюгер из Стеллара — мой старый приятель. Он, помнится, упоминал ваше имя. Вы ведь тот самый парень, который улаживает всякие щекотливые дела, верно?

— Что-то в этом роде, — признался я.

— В таком случае, наверняка где-то за всем этим скрывается великий братец-кинозвезда?

— С самого начала все оказалось непросто, — сказал я, — а после убийства Митфорда дело чертовски усложнилось.

— Хороший ответ, — проворчал он, — тем более что я не получил никакого ответа на свой вопрос. — Он снова фыркнул.

— Так и было задумано. Вы могли бы оказать мне большую услугу, мистер Уоррен, если бы не стали упоминать при вашем сыне, что рассказали мне о его связи с Айрис Демнон.

— Насколько глубоко увяз Тайлер в этом деле, Холман?

— Я и сам пока не знаю, — честно признался я. — Но если вы выполните мою просьбу, я смогу выяснить это скорее.

— Могу сделать встречное предложение, — отрезал он. — Не стану ничего говорить Тайлеру, если вы дадите мне слово: когда вы выясните, в чем конкретно замешан

Тайлер — что бы там ни было! — вы сию же минуту сообщите мне об этом!

— Договорились. — Я пристально посмотрел на него. — Неужели вы в самом деле до такой степени ненавидите своего сына, мистер Уоррен?

— Гораздо сильнее, — резко сказал он. — Никто на свете не мог бы даже отдаленно представить себе всю глубину ненависти, которую я испытываю к собственному сыну, Холман!

— А вы не чувствуете себя по временам одиноко?

— Я потратил целую жизнь на то, чтобы заложить прочный фундамент будущего многомиллионного торгового предприятия, — ответил он. — И ради чего?

Глава 8

Стремительная блондинка на этот раз была облачена в коротенький черный жакетик, не доходящий до талии, с длинными рукавами и в белые брючки, облегавшие ее так плотно, словно они были ее кожей. Между полами жакетика и поясом брючек оставалась ничем не прикрытая полоса золотистой кожи. Чуть повыше пупка поблескивала обвивающая тело металлическая цепочка.

Ева шла, как обычно, слишком быстро, и поэтому мне и на этот раз не удалось доглядеть до конца сладкий сон о том, как я прицениваюсь к ней на местном невольничьем рынке и предлагаю за нее доллар семьдесят пять центов.

— Если вы везучий, мистер Холман, — сказала она, — вам удастся переговорить с Рэем, у него скоро будет десятиминутный перерыв.

— Если бы я был продюсером и оплачивал участие Пакстона в картине, — проворчал я, — то уж никак не дал бы ему лишнего цента!

— Все в порядке, Фрэнк, — кивнула она телохранителю, слонявшемуся около трейлера.

Я внимательно проследил за ее подрагивающими ягодицами, когда она поднималась по лестнице, и вошел в прохладный салон.

— Этот самый Фрэнк? — спросил я. — Интересно, пытался ли кто-нибудь научить его говорить?

— Его наняли не для того, чтобы он разговаривал, — холодно ответила она. — Не хотите ли выпить чего-нибудь? Рэй, правда, пьет только шампанское, потому что считает...

— ...что это одна из тех милых черточек, которые

придают его личности высший класс,— закончил я за нее.— Я с удовольствием выпью, спасибо, и, пожалуйста, называйте меня Риком, даже если я вам и не симпатичен, ладно?

— О'кэй, Рик! — вспыхнула она.— Но я давно пришла к выводу, что это не вы мне не симпатичны, а только ваше отношение к Рэю.

— В следующий раз я захвачу с собой книжечку для автографов,— пообещал я.

Ева извлекла пробку из бутылки с шампанским с ловкостью настоящего знатока, наполнила один бокал и подала мне, потом наполнила другой. В какое-то мгновение я успел уловить расчетливый огонек в ее сапфировых глазах, но когда она повернулась ко мне, он уже погас. Она подняла свой бокал, скривив полные губы в загадочной усмешке.

— Быть может, я просто не совсем нормально отношусь к Рэю, особенно судя по этой штуке.— Она просунула большой палец под цепочку и туго натянула ее, так что на атласной коже остался рубец.— Я ношу сегодня эту штуку с самого утра и только недавно отдала себе отчет в том, что в этом выразилось, скорее всего, мое бессознательное желание продемонстрировать всем и вся мое полное подчинение Рэю, мою рабскую зависимость от него! Так почему бы нам не заключить соглашение: будем уважать чувства друг друга по отношению к Рэю?

— Может быть, вы согласитесь пообедать со мной сегодня вечером, чтобы окончательно договориться обо всех пунктах перемирия? — предложил я.

— Мне очень жаль, Рик.— Она оттопырила нижнюю губу с такой очаровательной гримасой, что ей наверняка потребовались на это долгие часы тренировки перед зеркалом.— Я бы очень хотела, честное слово! Но это безнадежно! Когда Рэй в разгаре съемок, мне не выкроить и минутки свободного времени!

— Что ж,— я пожал плечами,— если он когда-нибудь выставит своих рабов на аукцион для продажи, то уж я-то окажусь на месте первым и предложу хорошую цену!

— Это очень галантно с вашей стороны, Рик! — Ее глаза мягко засияли.— Как только я увижу вас в зале аукциона, сразу же сброшу все, что на мне будет одето, оставлю только цепочку!

Я поднял свой бокал.

— Выпьем за этот день!

— И за ту ночь, которая за ним последует! — Ева лукаво подмигнула мне поверх края своего бокала.

— Сегодня утром я беседовал с психоаналитиком Пакстона. И кончил тем, что невзлюбил его почти в такой же степени, как вашего босса. Полагаю, это немалое достижение.

— Рэй так волновался, когда вы не позвонили ему вчера вечером. Он мне рассказал решительно все. — Она слегка приподняла плечи. — Наверное, именно для этого и служат девушки-Пятницы? Может быть, мне не следует вас спрашивать, но я ведь знаю, как Рэй рассчитывает на вас! — вы чего-нибудь добились, Рик?

— Не могу назвать это слишком большим успехом, — честно признался я. — Его сестру до сих пор не нашел.

— Бедная девочка! — прошептала Ева. — Она, должно быть, чувствует себя такой одинокой!

Внезапно дверь широко распахнулась, и на пороге появился Мужчина с Большой Буквы. Силуэт его четко вырисовался в резком солнечном свете. Я знал, что теперь уже слишком поздно: во-первых, не следовало заходить в салон, а во-вторых, я не должен был угощать его девушку шампанским. Сомбреро было низко надвинуто на лоб, но я видел, что глаза сверкают холодной яростью, а на боку — кобура, и в ней зловеще поблескивала рукоять кольца. У меня перехватило дыхание, когда его правая рука вдруг дернулась, но тут же я с облегчением перевел дух, ибо рука не тронула кобуру, а медленно поползла вверх, добралась до роскошных усов и стала их нежно поглаживать.

— Да не стой же, как столб, Ева, — сказал Пакстон тихим голосом. — Мне сейчас совершенно необходимо шампанское. Этот вонючий отброс, который почему-то называет себя актером, Джил Мейер, только что в шестой раз переврал свою реплику!

Чары развеялись. Я снова был в трейлере в обществе знаменитого актера и его девушки-Пятницы и вовсе не был застигнут врасплох с чужой девицей и не ожидал рокового конца — смерти от выстрела грозного кольца, кольца Мужчины с Большой Буквы.

Он снял сомбреро и швырнул его на туалетный столик, принял из рук Евы полный бокал, медленно осушил его и протянул, чтобы та снова его наполнила.

— Это очень мило с вашей стороны, что, проходя мимо, вы решили забежать, Холман, — промурлыкал он. — С моей стороны было, по-видимому, очень глупо рассчитывать,

будто вы посчитаете мое дело важным и будете постоянно держать меня в курсе?

— Может быть, нам установить двустороннюю радиосвязь? — предложил я. — Тогда я смог бы каждые полчаса докладывать вам, что не нашел вашу сестру.

— За целые сутки вы не напали даже на самый крохотный след? — Ева перестала наливать шампанское, так сильно задрожал бокал в его руке. — А мне-то казалось, что вас считают лучшим детективом, Холман!

— Я и есть лучший, — подтвердил я, — причем без ложной скромности. — А еще я сказал вам вчера, что первой ошибкой в моей жизни было то, что я поднялся к вам в трейлер!

— Джентльмены! — перебила Ева весело. — Ведь благополучие Кармен все же важнее, чем ваш ритуальный обмен оскорблениями, не так ли?

— Помолчи! — приказал Пакстон. — Иначе можешь оказаться девушкой-Пятницей, которая получает свой последний чек!

— Я подам в суд, — пригрозила она. — За нарушение доверия!

— Если явись в суд в таком наряде, то непременно выиграешь дело. — Он неохотно улыбнулся ей. — Я просто не выношу в тебе одну вещь: ты всегда оказываешься права!

— Один раз я все-таки ошиблась, — сказала она устало. — Кажется, это было летом шестьдесят четвертого...

— Ты тогда еще не была со мной?

— В том-то и заключалась ошибка. — Она долила наконец его бокал до краев и бросила на меня совершенно нейтральный взгляд. — Расскажите, как у вас идут дела, Рик? Хотелось бы знать.

— Кармен нет у Джеки Эриксона, — сказал я. — Митфорд скрывается в какой-то норе в Венеции, — тут я немного покривил душой. — Но пока я его не нашел. Впрочем, есть такой парень Луи, который прикрывает его. Это имя вам ни о чем не говорит?

— Как он выглядит? — спросил Пакстон.

— Ходячий мертвец. Вылитый Борис Карлов в роли франкштейна, притом совершенно лысый. — Меня передернуло. — Луи — это такой тип, что стоит однажды увидеть и никогда не забудешь!

Рэй покачал головой с очевидным разочарованием.

— Это имя ни о чем не говорит мне.

— Что еще? — спросила Ева.

— Кармен удрала из санатория не по внезапному побуждению, ей помог кто-то из служащих лечебницы и кто-то из внешнего мира,— сказал я.— Некто послал ей сообщение, которое страшно взволновало ее и заставило покинуть санаторий.

— И кто-то из служащих помогал ей? — глаза Пакстона сверкнули гневом.— Этот мерзавец Дедини! Я поеду туда и сверну его мерзкую шею!

— Нет, не Дедини,— сказал я.— Но кто-то из его штата, а, как вы понимаете, на то, чтобы выяснить этот вопрос, необходимо некоторое время.

— Сообщение? — Вопрос Евы был задан как раз вовремя.

— В том сообщении говорилось, что Митфорд охотится за Рэем, а Рэю, мол, об этом ничего не известно.— Я посмотрел на самодовольное лицо Пакстона, которое внезапно приняло странное выражение.— Ваш психолог ничего не сообщил вам о перемене в настроении Кармен по отношению к вам, потому что не был уверен, как это надолго. Но за время пребывания в санатории Кармен полностью изменила свое отношение к вам. Она много раз повторяла Шумейкеру, что вы всегда были правы, а она — всегда неправа. Послушать ее, так в ваших глазах вот-вот появится небесное сияние.

Рэй сделал большой глоток из бокала, струя пузырящегося вина побежала у него по подбородку.

— Пожалуй, события разворачиваются слишком стремительно для меня,— пробормотал он.— Может быть, передохнем минутку, Холман?

— Ну, конечно,— согласился я.

— Разрешите я подолью вам шампанского, Рик? — Порывистая блондинка подошла ко мне совсем близко, ее сапфировые глаза сияли, в них было какое-то предостережение, но я, черт побери, понятия не имел, что она имеет в виду. Она наклонила бутылку над моим бокалом.

— Но что за дурацкое предупреждение передали ей? — внезапно сказал Пакстон.— Какого дьявола подонок, подобный Россу Митфорду, вдруг станет охотиться за мной? Я ведь позаботился о том, чтобы его полностью вылечили, и вдобавок уплатил ему двадцать грандов. Мне достаточно мизинцем шевельнуть, и он будет раздавлен, как клоп в этом городе. Ему же прекрасно известно!

— Но ваша-то сестра об этом не знает,— терпеливо объяснил я.— Так что вот вам и единственно верный

способ заставить ее бежать из санатория. Она поверила, что вам угрожает опасность!

— Но почему она не явилась прямо сюда, чтобы рассказать обо всем? — спросил он.

— Может быть, она решила сама справиться с этим? — пробормотал я.

Он тупо уставился на меня неподвижным взором, потом вдруг понял, что я имею в виду, и глаза его потемнели от ужаса.

— О, боже! — прошептал он. — Нет!

— Но это всего лишь ваша догадка? — быстро сказала Ева. — Мы ведь не знаем, что именно она решила, верно, Рик?

— Верно, — кивнул я. — А Венеция не настолько велика, чтобы я не смог обнаружить там Митфорда. И это будет очень скоро.

— Вот видишь, Рэй? — она хотела успокоить его. — Ты слышал, что он сказал? Рик ведь и в самом деле лучший детектив в этом городе, он это много раз доказывал!

— Наверное, — согласился он, когда голос вернулся к нему, — мне нет смысла чересчур беспокоиться, правда?

— Конечно! — с жаром подхватила Ева. — Рик теперь все быстро уладит. Теперь мы неизмеримо ближе к тому, чтобы найти Кармен, чем двадцать четыре часа назад, Рэй.

— Ты снова права! — Усмешка скривила углы его губ, но тут же погасла. — Мерзавец! — Он швырнул свой бокал в стенку, и тот с тонким звоном рассыпался в углу на мелкие осколки, оставив за собой дорожку пузырьков шампанского. — Грязный — подлый — врун — и мерзавец! — Вены на его шее вздулись, когда он во весь голос выкрикивал эти слова. — Все эти годы я верил ему как собственному брату! А он даже не сообщил мне о самом важном событии за всю мою проклятую жизнь! — Он рассмеялся смехом, больше похожим на звуки похоронного оркестра. — Мой друг! Мой старый приятель! Психолог!..

— Рэй! — сказала Ева дрожащим голосом. — Ты ведь слышал, что сказал Рик? Джерри не сообщил тебе об этом раньше только по той причине, что хотел сначала удостовериться, насколько серьезно это изменение.

— Я слышу об этом впервые. — Пакстон помолчал, голос не слушался его. — Но сейчас речь не о том, — заговорил он снова почти совершенно спокойно. — Сейчас самое важное — найти Кармен. Мой старый друг, Иуда Шумейкер, может пока обождать. — Он подошел к туалетному столу и взял сомбреро. — Пора возвращаться на съемку.

— Может быть, ты попросишь реквизитора зарядить твой кольт настоящей пулей? — с робким юмором сказала Ева. — Тогда, если Джил Мейер снова перевернет свою реплику, ты сможешь выхватить револьвер и вышибить ему мозги!

Он остановился перед ней и усмехнулся невесело.

— Ты всегда знаешь, что сказать! — Рэй подцепил пальцем металлическую цепочку, обвинявшую ее талию, и вдруг резким движением скрутил ее, так что от боли краска сбежала со щек Евы. — Душой и телом ты вся моя, а? — Он еще сильнее натянул цепочку, отчего слезы выступили на глазах у девушки и побежали по щекам, но она не издала ни звука. — Скажи это? — приказал он.

— Ты сам знаешь! — прошептала она.

— Скажи!

— Душой и телом я вся твоя, — едва выговорила Ева.

— А дальше? Мне необходимо услышать это сейчас, детка! — В голосе его прозвучала чуть ли не умоляющая нота.

— В любое время, в любом месте, где угодно, — голос на мгновение изменил ей. — Когда мы наедине, и при твоих друзьях, и на глазах у всех, при самом ярком свете! Ты только прикажи, и я готова повиноваться.

Он отпустил цепочку.

— Носи эти синяки с гордостью, детка, — сказал он. — Ибо они — доказательство благоволения твоего хозяина к своей рабыне. А позже я явлю тебе и другие знаки своего расположения, вроде бриллиантового браслета и тому подобного!

Все это было так похоже на сцену из грандиозного, но самого низкопробного фильма, какие сейчас уже никто не снимает. Пакстон снова нахлобучил сомбреро на лоб, внимательно осмотрел свое отражение в зеркале и аккуратно поправил шляпу.

— Вы поработали не так уж плохо, Холман, — сказал он, проходя мимо меня и даже не удостоивая взглядом. — Но вы должны приложить все усилия, слышите?

— Рэй? — В голосе Евы была такая настойчивость, что он замешкался на пороге. — У Мейера в следующей сцене есть одна реплика в диалоге. Вроде того, что самый лучший стрелок — тот, который уже убит, потому что ему никогда уже больше не промахнуться.

— Да, — кивнул Пакстон.

— Не давай ему закончить эту реплику, — сказала она. — Перебей его, едва он произнесет две трети строчки!

— Наш замечательный режиссер от этого, пожалуй, не придет в восторг? — осторожно спросил Пакстон.

— Но ты должен помнить, кто звезда в этом фильме! — Ее голос стал жестким. — А наш замечательный режиссер пусть убирается к чертям со своим Джилом Мейером, который по шесть раз подряд путает свои реплики!

— Что ж, ты, наверное, права, бэби! — Он толкнул дверь. — Так и будем действовать: смеяться и царапаться!

— Только не забудь извиниться перед Джилом... когда удостоверишься, что лента в коробке, — крикнула она вдогонку. — Это обычно так импонирует техперсоналу!

Дверь захлопнулась, и Ева, тихо застонав, опустилась на пол. Я поднял ее и отнес в глубокое кресло, потом отстегнул металлическую цепочку и снял с ее талии. Кожа на бедрах была покрыта уродливыми синими пятнами.

— Со мной все в порядке, — яростно сказала она. — Только дайте мне шампанского!

Я налил ей бокал и дождался, пока она выпила его до дна.

— Как часто случается подобное?

— Не часто! — Она улыбнулась дрожащими губами. — Слава Богу!

— Я видел, что вы мне пытались подать знак взглядом, но не понял, в чем дело.

— Все равно уже было слишком поздно. Он так или иначе вернулся бы к этому раньше или позже. — Она взглянула на свой пустой стакан. — Не откроете ли вы другую бутылку, Рик? Я чувствую, что заслужила хорошую выпивку!

— И все это только из-за того, что Шумейкер не сообщил ему о Кармен, переменившей свое отношение к нему? — спросил я, откупоривая бутылку и снова наполняя ее бокал.

— Дело в миллион раз хуже! — Она сделала быстрый глоток. — Джерри Шумейкер много лет служил Рэю костылем, в полном смысле этого слова, этаким надежный костыль под мышкой. А вы всего одной фразой выбили этот костыль! До конца своих дней Рэй не забудет этого и отвернется от Шумейкера, и, значит, ему срочно нужна новая подпорка. Так что я получила внезапное повышение.

— А вся эта чушь насчет души и тела и остальной мути?

— Вы видели, как мальчишки скачут по дорожке? Они старательно минуют все трещины, потому что им точно известно: наткнешься хотя бы на одну, и непременно

случится ужасное? — Она устало покачала головой. — Вот такой же и Рэй. Этот дурацкий ритуал каким-то странным образом затрагивает потаенные уголки его души. Мол, если произнести заклинание, преданность и привязанность к хозяину становятся прочнее, чем раньше.

Она бросила на меня быстрый взгляд, и лукавая тень усмешки промелькнула в ее сапфировых глазах.

— А ведь вам, Рик Холман, пришли в голову отвратительные мысли! — сказала она обвиняюще. — Вроде того, что я партнерша Рэя в специальном мини-представлении для близких друзей?

— Вообще-то именно так я и подумал.

— В первый же день, когда я получила работу девушки-Пятницы, мне пришлось несколько часов кряду выслушивать его лекцию, в которой он осветил мельчайшие детали своего необыкновенного таланта. На второй день он мягко, но достаточно твердо объяснил мне, каковыми будут наши личные отношения. Совершенно ясно, что я должна непременно влюбиться в него, и поэтому ему — как благородно! — было меня заранее жаль. Но он считал, что связь одновременно деловая и сексуальная — это очень неудобно. Он не возражает, чтобы я оставалась страстно влюбленной в него, а свои плотские потребности удовлетворяла где-нибудь в другом месте!

— Сам-то он так же поступает?

— Думаю, да, — она слегка пожала плечами. — Во всяком случае, пять ночей в неделю он проводит вне дома.

— И вы любите этого типа?

— Ни одна женщина не в состоянии любить человека, который не хочет отвечать на ее чувства, — рассудительно сказала она. — Мне кажется, что у меня к нему скорее чувство, подобное тому, которое испытывает курица к своему цыпленку. Рик, ведь глубоко в душе он испуганный ребенок! Вы слышали наш разговор о том, как помешать Джилу Мейеру произнести его выигрышную реплику. Я посоветовала Рэю, как оборвать известного киноартиста, чьи лучшие годы далеко позади. Но ведь эта идея принадлежит вовсе не мне, а самому Рэю. Ему просто необходимо было соблюсти ритуал. Если ему подскажет кто-нибудь посторонний, все будет в порядке. Тогда он не почувствует себя подонком: ведь если кто-то другой выскажет вслух его же собственную идею, то вся ответственность за дальнейшее ложиться на того, кто первый сказал слово, а не на самого Рэя.

— Честное слово, у меня голова идет кругом!

— Надеюсь, вы найдете Кармен,— прошептала она,— ведь если с ней что-нибудь стрясется, Рэй предстанет перед всеми в своем настоящем виде, таким, какой он есть на самом деле.

— Что ж, тогда мне, пожалуй, лучше продолжить поиски,— согласился я.— Вы уверены, что с вами все в порядке?

— Со мной — да,— она положила ладонь мне на руку и крепко сжала мое предплечье.— Вы — отличный парень, Рик, и я надеюсь, повторите ваше приглашение пообедать с вами, как только мои синяки заживут!

— Заключение перемирия требует длительных переговоров,— сказал я,— и немало времени нужно для детального обсуждения всех пунктов. Так что одним обедом тут не обойтись.

— Я позабочусь, чтобы врач студии как можно скорее избавил меня от синяков,— пообещала она.— И первое, что я сделаю завтра утром,— это выкину металлическую цепочку и закажу себе пояс из цветов, который порвется при первом прикосновении!

Глава 9

Было около шести вечера, когда я поставил свой автомобиль возле дома под навес. Я надеялся, что сестра Демнон не восприняла мое предложение, как дешевую шутку, и не уехала на весь уик-энд куда-нибудь в другое место. Я отпер дверь, прошел по всем комнатам, но везде было пусто и тихо. Потом я сообразил в чем дело, отпер заднюю дверь и вышел к бассейну.

Копна рыжих волос возвышалась над спинкой шезлонга. Айрис, должно быть, услышала мои шаги, и ее лицо в тот же миг появилось над боковой ручкой кресла.

— Привет, мистер Холман! — Ее чувственные губы сложились в сияющую улыбку.— Я полагаю, вы ничего не имеете против того, что я забралась сюда?

— Это я виноват, что задержался. И лучше называйте меня Риком.

— А вы меня — Айрис.— Она удовлетворенно вздохнула.— У вас чудесный дом — в самом центре, с собственным бассейном, и все такое! Мне кажется, это будет лучший уик-энд за всю мою жизнь.— Она многозначительно сморщила свой носик.— Я имею в виду не только день, но и ночь, Рик!

Ее слова прозвучали для меня столь же нежно, как звякают камешки в пустой жестянке. Я обошел вокруг своего шезлонга и замер, бросив на нее взгляд.

— Если бы вы сказали, что у вас собственный бассейн, Рик,— пробормотала она глухим гортанным голосом,— я бы захватила купальный костюм. Но зато я не забыла прозрачное нейлоновое белье! Как оно вам нравится?

Мне потребовалось некоторое время, чтобы избавиться от вида сексуального маньяка. Крохотный бюстгалтер был так прозрачен, что я бы его вовсе не заметил, если бы не лямки на плечах. На ней, без сомнения, были надеты и трусики, потому что я ясно различал кружева у самых ягодиц.

— Здесь так великолепно, что я была не в силах оставаться в платье! — Она вздохнула полной грудью, сцепила ладони над головой и откинулась на спинку шезлонга.— Я чувствую себя, словно дикая кошка джунглей, когда лежу вот так и всей кожей впитываю солнце, собираю энергию для...— Она рассмеялась дразнящим смехом.— ...ну, вы сами знаете, что будет позже!

Она медленно развела ноги, потом еще более медленным движением закинула одну на другую, и честное слово, я в жизни не подозревал, что нейлон может быть до такой степени прозрачным!

— В чем дело, Рик? — Она лукаво посмотрела на меня.— Дикая кошка откусила вам язык?

— Да просто стою вот и думаю,— медленно начал я,— было ли на вас это же самое белье в тот вечер, когда Уоррен-старший вышвырнул вас с Тайлером из своего дома и посоветовал заниматься блудом на лужайке перед домом?

— Что-о-о? — Она подскочила в шезлонге, все ее тело напряглось, в глазах появилась мутная пленка. В этот момент, с удовольствием отметил я, она выглядела не более сексуальной, чем погасший уличный фонарь.

— Почему бы вам теперь не рассказать мне всю правду о том, кто именно предложил вам тысячу долларов за то, чтобы выманить Кармен Коленсо из санатория? — прорычал я.

— Я не понимаю, о чем вы?..— протянула она неуверенно.

— В таком случае, давайте освежим вашу память! — Я быстро погрузил пальцы в ее высоко взбитую прическу. Она испустила болезненный вопль, когда я одним рывком поднял ее на ноги и подтащил к глубокому бассейну.

— Что может быть более освежающим, чем бассейн? — прорычал я и резко толкнул ее в воду. Она несколько секунд отчаянно размахивала руками, издала еще один отчаянный вопль и с ужасающим плеском шлепнулась в воду, сразу же исчезнув из вида. Голова ее появилась секунд через пять, в глазах был ужас.

— Я не умею плавать! — отчаянно захлебывалась она.

— Прощай, Айрис, — я помахал ей рукой, и она снова скрылась под водой.

Когда она вынырнула, я опустился на колени на бортик бассейна и схватил ее за свалившиеся, спутанные волосы.

— А теперь вы расскажете мне ту историю? — вежливо спросил я.

— Вытащите меня отсюда!.. — захлебывалась она. — Я утону!..

— Вы утоните тогда, когда я отпущу ваши волосы, — рассудительно заметил я. — И мне придется это сделать немедленно, если вы сейчас же не заговорите!

— Это был Тайлер Уоррен, — быстро придя в себя, сообщила она. — Он подъехал к автобусной остановке около санатория и предложил подвезти меня домой. Это было два месяца назад. Я решила, что он набит деньгами, ведь у него шикарный линкольн, и все такое. Он сказал, что очень одинок, что неудачная женитьба чуть не погубила его, а теперь он уже целую неделю наблюдает за нашими сестрами и решил, что я самая красивая из них.

— А папаша-Уоррен считает Тайлера дураком и ничтожеством, — пробормотал я. — Видимо, о его близорукости он просто не счел нужным упомянуть! Продолжайте.

— Неужели мне нельзя сначала выбраться отсюда? — взмолилась она. — Прошу вас!

Я погрузил ее голову под воду на несколько секунд и дал ей снова вынырнуть на поверхность.

— Это называется курс исправительного воспитания, — сказал я, пока она фыркала и отплевывалась. — И значит, все мои приказания следует исполнять беспрекословно. В этом единственная ваша возможность остаться в живых, улавливаете, Айрис?

Она ошеломленно кивнула, поскольку рот ее еще был полон хлорированной воды.

— А теперь можете продолжать вашу нелепую историю о романе с Тайлером Уорреном, — разрешил я.

— Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что он до смерти запуган этим старым негодяем, папашей! В тот вечер, когда тот неожиданно явился домой и выки-

нул нас на улицу, у меня больше не оставалось никаких сомнений на этот счет.

— Конец чудесного романа? — спросил я.

— Не совсем.— Голос ее звучал угрюмо, во рту хлюпала вода.— Я считала, что после такого унижения мне следовала хоть какая-то компенсация.

— И тогда Тайлер сделал вам предложение помочь одному своему приятелю, приятельница которого совершенно случайно попала в ваш санаторий на излечение?

— Примерно так.

— Вы передали Кармен, что Росс охотится за Рэем, а Рэй ничего не подозревает? Чье имя вы должны были сообщить Кармен?

— Джеки Эриксон.

— Все сходится,— сказал я.— И когда Кармен услышала это имя, она без колебаний убежала из санатория?

— Все было спланировано так, чтобы она сбежала в тот же вечер. Я придумала, как провести ее мимо охранника, а Тайлер сказал, что за воротами Кармен будет ждать машина с водителем.

— Кто это был?

— Я не знаю.

— Куда они собирались отвезти ее?

— Тайлер не говорил этого.

Я быстро опустил ее голову под воду и тут же выдернул на поверхность.

— Клянусь, я не знаю! — истерически простонала она, прежде чем рот ее показался из воды.— Тайлер сказал: чем меньше я буду знать, тем лучше для меня. Мне, мол, надо быть благодарной за легко заработанную тысячу долларов и поскорее все забыть.

— Что он говорил, когда вы позвонили ему позавчера сразу же после моего ухода из санатория?

— Что я ловко придумала насчет той брюнетки и никто ничего мне не сделает, если я буду твердо придерживаться своей выдумки. Еще он сказал, что через несколько дней вы выйдете из игры, и если я буду дальше помогать им, то заработаю еще пару сотен.

— Если вы мне правильно ответите на следующий вопрос, то выйдете из воды,— одобрил я.— Но если солжете, я привяжу вам на шею тяжелый груз и пойду гулять.

— Спрашивайте! — прорыдала она.

— Тайлер живет в доме своего старика,— сказал я.— Но, может, он возил вас еще куда-нибудь? В какое-то

местечко, принадлежащее его отцу? Скажем, летний домик на пляже...

— Да! — Она едва не зарыдала от облегчения. — Мы однажды провели уик-энд в горной хижине. Тайлер говорил, что она принадлежит отцу, но он давно ею не пользуется.

— Помните, как туда добраться?

— Думаю, да, — с надеждой в голосе сказала она. — Можно мне теперь вылезти? Вы ведь обещали?

— Только когда объясните, как добраться до этой хижины, — прорычал я. — И вспомните точно, Айрис, потому что отсюда вы не уйдете, пока я не вернусь.

— Вы хотите сказать, что если не доберетесь до хижины, то кинете меня снова сюда? — простонала она. — Какой же вы грязный садист, Холман!

— Не забудьте курс исправительного воспитания, Айрис, милочка, — предупредил я. — Думаю, если вы проглотите еще пинту воды, то позеленеете в самых нескромных местах!

— Сверните через мост у самого санатория, — быстро сказала она, — потом проедете миль пятнадцать до следующего поворота, там стоит дом. Вы его обязательно заметите: он покрашен в ярко-зеленый цвет. От этого дома надо проехать еще милю вперед, и вы очутитесь перед хижинкой Уоррена, больше там никаких строений нет.

Я подхватил ее под мышки и вытащил из бассейна. Айрис уныло стояла на бортике, вода ручьями сбегала с нее, и в таком виде сестра Демнон напоминала обломок кораблекрушения, выброшенный волнами. Промокший прозрачный бюстгальтер обтягивал ее дрожащие груди, тело покрылось гусиной кожей. Я бросил вороватый взгляд на прозрачные трусики и следующие десять секунд истратил на то, чтобы удержать свои глаза в орбитах.

— Самое лучшее для вас — обсохнуть на солнце, — сказал я. — Сейчас принесу полотенце, чтобы вы могли вытереть волосы.

— Волосы! — Она схватила пальцами мокрые пряди, облепившие череп и заплакала.

— Два часа назад я заплатила за прическу целых пять долларов! И еще дала доллар на чай! Чтоб ты сдох, Холман... но только в мучениях!

— А теперь тебе, дорогая, надо прийти в себя! — я взял ее за плечи, развернул спиной к себе и основательно пнул коленом под зад. Она вдруг сорвалась с места, словно газель в сезон спарения, хотя, на мой взгляд, призывный

воплъ самки, сорвавшийся с ее уст, наверняка отпугнул бы любого самца, случись он поблизости.

Потребовалось некоторое время, чтобы взять в доме все необходимое, и когда я вернулся, Айрис, оббежав бассейн по кругу, теперь с выпученными глазами корчилась в шезлонге и издавала громкие стоны.

— Ты убийца! — стонала она. — Из-за этой беготни у меня начался сердечный приступ. Я задыхаюсь! Я умираю!..

— Думаю, что смогу помочь тебе, — скромно сказал я, но тут же убедился, что не могу просунуть палец под бретельки ее бюстгальтера, уже на добрый дюйм врезавшиеся ей в спину и плечи. Поэтому я ухватился за чашечки бюстгальтера и крепко рванул их. Раздался треск, и бюстгальтер развалился надвое.

— Только самый низкопробный маньяк может думать о сексе, когда я умираю! — простонала она.

— Твой бюстгальтер сел, — рявкнул я. — Потому ты и задыхалась!

— О! — Она выпрямилась и облегченно всхлипнула, сделав полный вздох. Потом лицо ее скривилось. — А ты не ободрал мне ноги о края своего проклятого бассейна? У меня страшно болят бедра! — Она снова начала стонать. — Эти проклятые трусики, кажется, тоже сели!

Я бросил ей банное полотенце, гребень и деликатно отвернулся на несколько минут. А когда снова посмотрел на нее, она была закутана в полотенце, а расчесанные волосы свисали гладкими прядями.

— Теперь пойдем в дом.

Она почти благодарно посмотрела на меня, когда я протянул ей бокал с пятью унциями почти неразбавленного бренди, а потом стал собираться в дорогу, предоставив ей спокойно наслаждаться выпивкой.

— Мне стало гораздо лучше, — сказала она, возвращая мне пустой бокал. — Что дальше, Холман?

— Оставь полотенце и ложись лицом вниз на кушетку.

— Знаешь что? — сказала она с горечью. — Только минуту назад я почти поверила в то, что ты не сексуальный маньяк.

Я двинулся к ней, и она поспешно отшвырнула полотенце и опрокинулась ничком на кушетку. Я связал ей щиколотки обрывком старого ремня, а руки за спиной — куском веревки, которую отыскал в кладовой.

— Пока меня не будет, я оставляю приемник включенным.

— Большое спасибо! — огрызнулась она.

— Это лучше, чем всунуть кляп тебе в рот. Если соседи услышат твои вопли, то решат, что у Холмана просто-напросто очередная оргия!

Я шлепнул ее по задку не слишком сильно, но она все равно завопила.

— Это еще зачем?

— Чтобы привлечь твое внимание. Я буду звонить по телефону, а тебе следует внимательно слушать!

Нескольких секунд мне хватило, чтобы соединиться с доктором Дедини, и это лишний раз убедило, что старый дурак весьма ревностно относится к своим обязанностям руководителя первоклассного учреждения.

— Это Холман, доктор, — сказал я взволнованно. — Я оказался в чрезвычайно неловком положении, и вы — единственный, кто мог бы меня сейчас выручить!

— О? — В его мягком голосе прозвучал осторожный вопрос.

— Это касается сестры Демнон.

— Демнон? — голос прозвучал менее настороженно.

— Знаете, мне неловко говорить, но... в общем...

— Говорите толком! — взорвался он. — С ней все в порядке? Она не попала в катастрофу?

— Нет, физически она в полном порядке. — Я оглянулся и улыбнулся прямо в остекленевшие глаза Айрис. — Но у нее, видимо, уик-энд оказался свободный, и она каким-то образом очутилась возле моего дома. Она сказала, что для нее это вопрос жизни и смерти. Ну, я и пригласил ее войти. Она сразу же стала отчаянно рыдать, была просто вне себя от отчаяния, так что мне оказалось нелегко добиться объяснений. Но в конце концов, выяснилось, что дело тут в безответной любви.

— К вам? — взревел он.

— Нет... к вам!

С минуту в трубке царило гробовое молчание, а когда он снова заговорил, в голосе его была полная растерянность.

— Вы уверены, Холман?

— Вне всякого сомнения. Она мне заявила, что страстно любит вас, почти с первого дня своего поступления на работу в ваш санаторий, но вы никогда не замечали, что она вообще существует!

— Это неправда! — завопил он. — Я всегда отлично замечаю ее существование... Я просто ежесекундно ощущаю ее присутствие... когда она на работе!

— В общем, с ней случилась истерика, — быстро про-

должал я.— Она заявила: лучше смерть, чем ваше безразличие. Сначала я не принял этого всерьез, но она действительно кинулась в мой бассейн!

— Бедная дурочка! — страстно заявил он.

— Я, естественно, нырнул вслед за ней и вытащил из воды, но она дралась самым отчаянным образом, не давая спасти себя!

— Где она сейчас?

— Лежит у меня на кушетке, связанная по рукам и ногам, — сказал я. — Но дело в том, что мне нужно срочно уйти. Впрочем, даже если бы я попытался помочь ей, то не обладаю достаточной компетенцией...

— Оставьте в покое дорогую девочку! — завопил он. — Я немедленно выезжаю в карете скорой помощи! Дайте ваш адрес, Холман. — Я назвал адрес, и он трижды переспросил, чтобы быть вполне уверенным. — Я буду в течение часа. Оставьте дверь незапертой и отправляйтесь по своим делам, Холман. — И вдруг его голос загрохотал в трубке, словно гром небесный. — Еще одно! Вы слушаете, Холман?

— Слушаю, — разозлился я, — но не могу утверждать, что у меня не лопнули барабанные перепонки!

— Руки и ноги у нее надежно связаны? Если хоть малая часть ее великолепного тела окажется поврежденной, я буду считать ответственным вас лично!

— Она упакована надежнее, чем самый дорогой телевизор, — заверил я. — Только есть еще одна маленькая деталь!

— Какая? — откликнулся он.

— Пока я с ней дрался, извлекая из бассейна, вся ее одежда оказалась разорванной в клочья, — сказал я.

— Вы хотите сказать, — поперхнулся он, — что в данную минуту она лежит совершенно обнаженная и связанная по рукам и ногам на вашей кушетке?

— Лицом вниз, — сказал я извиняющимся тоном.

— Я привезу с собой какую-нибудь одежду, — сказал он дрожащим голосом. — Пожалуй, я сам сяду за руль. Не хочу, чтобы какая-нибудь сплетня запятнала честное имя сестры Демнон!

— Айрис, — сказал я.

— Айрис! — повторил он мечтательно.

Я осторожно повесил трубку и увидел, что в синих глазах сестры Демнон зажегся расчетливый огонек.

— Дедини? — сказала она медленно. — А ведь он не женат!

— И страдает от чудовищной сексуальной депрессии,— добавил я.— Если вам удастся коснуться своим задом его пальцев, когда он будет развязывать вам руки, он непременно почувствует, что для него — долг чести жениться на вас!

— А ведь санаторий должен приносить приличный доход! — Сомнение появилось в ее глазах.— Но почему вы это делаете для меня, Холман?

— Потому что вы — отвратительная маленькая сучка, которую гораздо легче заставить играть роль обожающей и верной супруги в том уютном гнездышке с шестью телевизорами и четырьмя автомобилями, которое вам создаст Дедини.

— И вы не причините мне неприятности за то, что я помогла убежать Кармен? — спросила она.

— Если бы это сделали не вы, то все равно нашелся бы кто-нибудь другой,— проворчал я.— Но если вы позвоните Тайлеру Уоррену и все ему расскажете, то обещаю вам, что сегодня же вечером найду вас и утоплю в первой же попавшейся луже!

— Я не сделаю этого! — Она в экстазе закатила глаза.— Не знаю, как мне благодарить вас, Рик! Вы внезапно открыли передо мной целый мир новых возможностей и...— В глазах ее появился знакомый блеск.— Обождите минутку! Это у вас срочное свидание? Вы и правда торопитесь?

— Конечно,— кивнул я.— А почему вы спрашиваете?

— Просто я подумала, что у нас достаточно времени, пока Дедини доберется сюда. Так что я вполне могла бы на деле доказать вам, насколько велика моя благодарность и признательность! Вот прямо здесь, на кушетке! — Она задумчиво вздохнула.— Это было бы последним штрихом, прежде чем я предамся вечной супружеской любви и преданности!

— У вас самый извращенный ум, какой мне приходилось встречать за всю мою жизнь, Айрис Деммон! — восхищенно сказал я.

— Не настолько уж он извращенный.— Она хихикнула.— Хотя, честно признаться, мне в самом деле пришлось в голову, что это было бы новое, необычное для меня ощущение: я имею в виду, если бы вы оставили при этом мои руки и ноги связанными, вот как сейчас?

Хижина стояла как раз там, где указала Айрис Демнон, и солнце медленно скользило за край каньона, когда я добрался до места. Мои шаги прозвучали неожиданно громко, нарушив глубокое молчание нустынного синего мира, где островерхая крыша хижины вырисовывалась на фоне закатного неба, словно силуэт одинокого часового на чужой планете. Вряд ли я рисковал в этом заброшенном уголке наткнуться на ходячего мертвеца по имени Луи, но пару раз в жизни мне уже приходилось сполна платить за собственную беспечность. Поэтому я извлек из поясной кобуры свой тридцать восьмой и решительно подошел к двери.

На ней висел большой замок, при этом петли были недавно смазаны. Я сбил замок рукояткой пистолета, и звук удара, казалось, разнесся по всей округе. Ударом ноги распахнул дверь настежь. Длинная и узкая комната, обшитая панелями, оказалась на редкость мрачной, полутемной, и мне пришлось немного постоять на пороге, пока глаза привыкнут к полумраку. Несколько секунд спустя из дальнего угла комнаты послышался слабый стон, от которого у меня буквально волосы поднялись дыбом.

После короткой внутренней борьбы разум подсказал мне, что если бы здесь таилась опасность, то я был бы уже мертв, потому что стоял на пороге и представлял собой превосходную мишень даже для не опытного стрелка. Я сунул пистолет в кобуру и шагнул в комнату. Не слишком твердыми пальцами чиркнул спичкой и в ее слабом пламени увидел стоявшую неподалеку на столе лампу. Я приподнял стекло, поднес другую спичку к фитилю, и лампа загорелась ровным пламенем, так что комната озарилась мягким теплым светом.

Тихий стон раздался из-за моей спины. Я круто повернулся и увидел ее: скорчившись, она полусидела в углу у пустого камина. Кто-то вбил крюк прямо над головой у нее, привязал один конец веревки к ее запястьям, а другой перебросил через стальное кольцо, болтавшееся на крюке. Злобная расчетливость, от которой кровь стыла в жилах, была в том, как все это устроено: веревка ровно такой длины, чтобы сидеть скрючившись. Я нашел на кухне нож, вернулся обратно в комнату и разрезал веревку, стягивавшую запястья девушки. Кожа под веревками стерта до крови, и едва веревка ослабла, руки беспомощно упали.

Если бы Шумейкер мог ее сейчас увидеть, яростно подумал я, он бы нашел, что его описание Кармен Коленсо в высшей степени льстило бы ей! Потому что женщина, на которую я смотрел, выглядела лет на пятьдесят. Спутанные жесткие черные волосы, неопрятными прядями скрывали ее лицо, вокруг закрытых глаз фиолетовые круги. Дыхание было слабым и прерывистым, сквозь стиснутые зубы вырывался слабый стон. Пергаментного цвета кожа туго обтягивала костлявое лицо, рот провалился. Я поднял ее на руки и отнес на кушетку, и мог бы это сделать одной рукой: она ровным счетом ничего не весила.

На кухне я нашел жестянку куриного бульона, разогрел его, перелил в надтреснутую чашку. Мне понадобилось не меньше десяти бесконечно долгих минут, чтобы, осторожно потряхивая за плечо и монотонно повторяя ее имя, заставить Кармен приоткрыть глаза.

— Я — ваш друг, мисс Коленсо. Все теперь будет хорошо. Больше никто не причинит вам зла!

— Друг? — Она вдруг сделала отчаянное усилие и села. — У меня нет друзей!

— Съешьте вот это, — сказал я и осторожно вложил чашку с бульоном ей в руки.

Она медленно глотала бульон, не обращая внимания на струйки жидкости, сбегающие по подбородку, на грязное платье. Когда чашка опустела, она выпустила ее из пальцев прямо на пол, ее темные пустые глаза немигающе уставились на меня.

— Друг... — Она судорожно дернула головой. — Но вы не из тех! Они держали меня привязанной к стене, а когда я ночью оставалась одна, то слышала, как возятся крысы!

— Вы помните их?

— Все, как в тумане, словно призраки, витающие в мозгу...

— Вы помните, как убежали из санатория? — Я подождал, пока она снова качнет головой. — В машине вас ждал водитель?

— Никого не было, — сказала она. — Я села за руль, но что-то острое впилося мне в шею.

— Помните ли вы, что случилось с вами после того, как вы убежали из санатория? — спросил я с отчаянием. — Хоть что-нибудь? Лица? Голоса? Одежду, которая была на них?

— Только обрывки. — Глаза ее внезапно блеснули. — Рэй? С ним все в порядке?

— Все в порядке, — заверил я.

— Это хорошо,— пробормотала она.— Значит, кто-то помешал Россу убить его?

— Росс Митфорд мертв,— сказал я жестоко.— Кто-то воткнул ему в спину ножницы!

Она испустила болезненный стон.

— Это не я! — Она закрыла глаза, плотно их зажмурила и пальцы ее с неожиданной силой вцепились в мою руку.— Я ведь не могла это сделать... Но я помню, что мы долго ехали в машине...

— Сразу после санатория?

— Нет, позже. Помню этот ужасный запах там, где мы остановились, когда меня внесли в комнату.— Она тихо вздрогнула.— Там было страшно! Повсюду смерть, а потом — как-то вдруг! — я лежу на полу, а рядом лицо Росса, и он смотрит мне прямо в глаза! Но у него было все время одно и то же выражение.— Кармен в ужасе уставилась на меня.— Я не могла убить его, я знаю! Все, что я хотела сделать, когда убежала из санатория, это предупредить Рэя, что Росс охотится за ним!

— Еще что-нибудь помните? — настаивал я.

— Да! — Словно вырвалось, казалось, из самой глубины души.— Женщина — блондинка! Наклонилась надо мной и в глазах ее была ненависть. Она говорила, что я никогда больше не увижу Рэя, потому что они запрут меня до конца дней. Тогда Рэй будет целиком принадлежать только ей — я не смогу отнимать его у нее, а потом она вонзила в меня иглу и все время смеялась, пока нажимала на поршень.

— Я отнесу вас в машину и отвезу туда, где вы снова поправитесь.

— Понимаете, друг? — Голос изменил ей.— Мне все время чудится, что это скрыто где-то у меня в мозгу!

— Ну, конечно,— я поднял ее на руки и отнес в машину.

— Если бы только я могла припомнить тот первый раз, с которого все началось? — Глаза ее внезапно закрылись, голова упала на спинку сидения.

Я вернулся в хижину, еще раз внимательно осмотрел все вокруг, не нашел ничего стоящего внимания, погасил керосиновую лампу и сел за руль.

Кармен Коленсо беспокойно зашевелилась на заднем сидении.

— Они все злые на самом деле,— сказала она ясным голосом.— Все, кроме Рэя. Вы знаете, почему Тайлер меня

так страшно ненавидел? Потому что я знала, что он ворует у отца, вот почему!

— А как же ему это удавалось? — спросил я небрежно.

— Он специально делал слишком большие заказы на те товары, которые пользуются спросом на подпольном рынке, — ответила она. — А потом запутывал систему, которая всех сбивала с толку, и никто не мог проследить за исчезнувшим товаром. Он уничтожал одни накладные и подделывал другие, подчищал путевые листы шоферов транспортных компаний и все-таки однажды чуть не попался, когда пожадничал и схватил слишком большой кус!

— И что же случилось?

— Это было летом шестьдесят шестого, в июне, кажется... оказалось пять лишних рулонов очень дорогой ткани. Один из приятелей Тайлера нашел покупателя, который согласился забрать всю партию. Тайлер не мог устоять против соблазна сразу разбогатеть. Но что-то в его цепочке не сработало. Этот товар не должен был вообще появляться в магазине, но почему-то вся партия оказалась на складе, и один из инспекторов мистера Уоррена-старшего увидел их. Тайлеру ничего не было известно, и он в ту же ночь отправил их покупателю! Ну, а когда инспектор начал задавать неприятные вопросы, Тайлер чуть не спятил от страха. В конце концов, он уплатил инспектору за молчание, но это стоило ему почти всего барыша от сделки!

— Инспектор, — осторожно спросил я, — это тот парень по имени Стэнли Якоби?

— Нет. — Ее голос звучал доверительно. — Это отвратительный маленький хорек с огромным носом! Харви Гудакр не понравился мне с первой же встречи!

Я ехал медленно, ибо не было смысла приезжать в санаторий раньше доктора Дедини, а еще я надеялся, что Кармен сообщит что-нибудь особо интересное. Но она долго молчала, и я решил, что она заснула. Вдруг она снова заговорила. Только на этот раз речь ее была несвязной и такой сбивчивой, что приходилось напрягать все внимание, чтобы разобраться, о чем она говорит.

— Я не святая! — бормотала она. — Я знаю, но единственная причина, по которой я легла с Говардом, была та, что у меня просто не было больше сил сопротивляться ему. Хотя Тайлер так и не поверил. Вообще-то я спала со многими — сколько их было в моей жизни! Я даже не могу их сосчитать, особенно после того, как переехала с Россом в Венецию и он стал приучать меня к наркотикам. Большую

часть времени я вообще не соображала — сплю или грежу наяву. Но я никогда не делала одной вещи — никогда не продавала свое тело, как она! В этом что-то пакостное, низкопробное! Продавать свое тело на круг по два доллара за фунт! Мы подрались в первый раз, когда она меня стала уговаривать заняться тем же... Легкие деньги! Да это самые грязные деньги, о каких мне приходилось слышать в жизни! Я так и сказала, и будь я на ее месте, не смогла бы после этого смотреть на свое отражение в зеркале! Проститутка из горькой нужды — это одно дело, но такая потаскуха, как она, — что-то совсем низкое и отвратительное...

— И что же она сказала? — спросил я.

— Она исцарапала мне ногтями лицо, и боль была такая невыносимая, что я схватила ножницы и... Нет! То было в другой раз, я не помню даже, когда именно, но мне потом об этом рассказывали...

— Я полагаю, на том и кончилась ваша чудесная дружба?

— Она со мной с тех пор никогда не разговаривала — до вчерашней ночи. Как она, наверное, наслаждалась, когда вонзила иглу мне в руку, зная, что я совершенно беспомощна!

— Ну и подружка! — вздохнул я. — Как же ее зовут?

— Блондинка, — пробормотала она. — Та самая, которая хотела убрать меня с дороги, чтобы Рэй достался ей одной.

— Вы уверены? — поразился я.

— Конечно, уверена! — Ее голос зазвучал резче. — Я могу забыть имя, но никогда не забываю лица. Она осталась все той же двухсотдолларовой шлюхой, какой и была!

Потом она задремала и проснулась лишь в миле от санатория.

— Иногда прямо смех разбирает, когда я ему говорю, какой хороший у меня брат Рэй! У него появляется такое смущенное выражение... он начинает переминаться с ноги на ногу, словно ему не хочется этого слышать! Но ведь он же сам и заставляет меня разговаривать на всякие темы. Это нужно знать, что я думаю о разных вещах. Но мне ровным счетом наплевать, что там происходит в его отвратительной лысой голове!

— У доктора Шумейкера? — спросил я.

— Брат считает, что у него солнце в глазах сияет, — сказала она мрачно. — Но только я по временам сомнева-

юсь, что у Джерри такое же мнение о Рэе! У меня такое странное чувство, что он все время что-то скрывает от меня! И чувствует себя неловко, когда не говорит правды, и потому всегда смущается в моем присутствии!

— Мы приехали,— я остановил машину перед воротами санатория.— Потребуется несколько минут, чтобы уладить все необходимые дела, и тогда вас тут же устроят.

— Вы были так добры ко мне,— сказала Кармен, а я ведь даже не знаю вашего имени!

— Рик Холман.

— А я — Кармен Коленсо.— Ее голос прозвучал безразлично.— Я полагаю, вы слышали о моем брате — Рэймонде Пакстоне — он знаменитый киноактер, звезда экранов!..

Дедина разрешил мне воспользоваться его телефоном, и пока он занимался Кармен, я набрал личный номер Пакстона, не значившийся в телефонной книге. Голос Евы Байер прозвучал невесело.

— Это Рик,— сказал я.— Хотел бы, чтобы вы с Пакстоном приехали ко мне домой не позже, чем через час. Я нашел Кармен.

— Это чудесная новость, Рик! — воскликнула Ева.— Она в порядке?

— По крайней мере, жива, и я надеюсь, что теперь не умрет. Передайте Пакстону: если он приедет без вас, я не пущу его дальше порога.

— Я передам ему, Рик.— В голосе ее прозвучало удивление.— Но я не понимаю, почему так необходимо, чтобы я...

Я повесил трубку, не дождавшись конца фразы, и набрал номер Шумейкера. Ему повторил то же самое, что сказал Еве.

— Я так счастлив слышать это! — сказал он.— Где она сейчас?

— В безопасности.

— Послушайте, Холман...— Голос его зазвенел и сорвался.— Ведь я же ее психолог!

— Сейчас ей нужен только врач, и он у нее имеется,— взбесился я.

— Мы обсудим это позднее,— холодно ответил он.— Ответьте только на один вопрос, Холман! Что вы сотворили с моей секретаршей, черт возьми?

— Вы имеете в виду ту блондинку, которая сидит у вас в приемной? — невинно спросил я.— Я только попрощался с ней, вот и все.

— Мне кажется очень подозрительным, что она исчезла одновременно с вашим уходом!

— Может быть, она пошла искать хорошего психолога? — предположил я и повесил трубку.

Джеки Эриксон замурыкала кошечкой, услышав мой голос.

— Я надеюсь, вы сегодня вечером не заняты, мистер Холман? У меня такое странное чувство, что меня вот-вот одолеет приступ икоты! Почему бы вам не доставить свое патентованное лекарство прямо ко мне на квартиру? А завтра утром вы могли бы отправиться домой, напялив мои шелковые трусики!

— Может быть, несколько позже? — предложил я. — Горный спорт намного привлекательнее ранним утром. Если говорить серьезно, то я хотел бы, чтобы ты приехала ко мне домой не позже, чем через час. Я нашел Кармен.

— С ней все в порядке? — Голос ее прозвучал взволнованно. — Физически, я имею в виду?

— Вообще-то она не слишком в хорошей форме, — сказал я. — Но думаю, все обойдется.

— Чудесно! — Но энтузиазм исчез из ее голоса. — Я только что вспомнила, Рик! Сегодня днем в газете была фотография Митфорда. Кто-то нашел его тело около восьми часов утра!

— Может быть, поговорим об этом позднее? — сказал я. — Встретимся через час.

Уоррен-старший отозвался на мой звонок обычным уверенным голосом.

— Это Рик Холман, то есть капитан Шумейкер из Отдела Привидений, Лос-Анджелес, мистер Уоррен, — сказал я, и он тихо засмеялся. — Могу я поговорить с вашим сыном?

— Он здесь. — Сделав короткую паузу, мистер Уоррен спросил: — Как вам кажется, у вас скоро появится желание поговорить со мной?

— Весьма возможно, — сказал я. — Маленькая просьба, мистер Уоррен. Расскажите, пожалуйста, Тайлеру всю историю относительно моего настоящего имени, чтобы он не совсем растерялся, когда подойдет к телефону.

— Я ему расскажу, — сухо ответил папаша. — Но Тайлер и без того всегда растерян!

Я ждал довольно долго, прежде чем в трубке послышался неуверенный голос:

— В чем дело?

— Полагаю, вам будет небезынтересно узнать, что я

нашел Кармен Коленсо. Я бы хотел, чтобы вы не позже, чем через час, приехали ко мне домой, на Беверли Хиллз.

— Вы спятили, что ли? — взорвался он. — Я потерял всякий интерес к Кармен с того дня, как мы развелись!

— Даю ровно шестьдесят минут, — мягко сказал я. — Если по истечении этого срока вы не приедете, куда я сказал, я позвоню вашему отцу и расскажу ему одну любопытную историю, которую услышал от вашего приятеля — Харви Гудакра.

— Ладно, — сказал он наконец. — Я буду.

Минут через пять в кабинет вернулся Дедини.

— Думаю, она поправится, — сказал он. — В этом хрупком теле кроется железный дух, мистер Холман. Она, разумеется, истощена, к тому же ее накачали Бог знает каким количеством наркотиков!

— Она не могла попасть в лучшие руки, чем ваши, доктор, — вежливо заметил я.

— Я понимаю, насколько желательна полная секретность по поводу ее возвращения в санаторий, мистер Холман, — ответил он, — и мы отнесемся с уважением к вашему желанию. Правда, я не понимаю, почему бы нам не известить доктора Шумейкера относительно ее местопребывания? — Он пожал плечами. — Но если вы мне это объясните, я, возможно, буду еще больше озадачен!

— А как поживает сестра Демнон? — серьезным тоном спросил я.

Баранья улыбка расплылась по его лицу.

— Я необыкновенно счастлив сообщить вам, что она больше не жертва неразделенной любви, мистер Холман. В самом деле... — Он надул грудь колесом. — Всего лишь час назад она оказала мне величайшую честь, согласившись стать будущей миссис Дедини!

Я принес свои поздравления, а он выглянул за дверь и позвал:

— Зайдите на минуту, дорогая!

Я испытал нечто вроде легкого шока, увидев Айрис Демнон в белом халате и с выражением девственной невинности на лице. Как положено, пожелал и ей счастья, а она жеманно улыбнулась мне, что на мой взгляд выглядело довольно глупо.

— Быть может, вы не откажетесь проводить мистера Холмана до ворот, моя драгоценная? — Дедини лучезарно улыбнулся ей. — Мне необходимо срочно кое-что уладить.

— Ну, конечно, любимый, — пробормотала она. —

Я смогу по-настоящему поблагодарить его за то, что он сегодня спас мою жизнь.

— Спасибо, драгоценная,— пробормотал я, когда мы подошли к воротам.— И не надевайте трусики, которые садятся от воды, когда встанете под душ вместе с Любимым в вашу брачную ночь! Потому что уж он-то наверняка начнет спасать вас от сердечного приступа!

— Я учту,— ответила Айрис торжественно. Охранник принялся отворять ворота, и она добавила гораздо громче: — Я никогда не смогу, как должно, отблагодарить вас, мистер Холман, за то, что вы для меня сделали, но, поверьте, я никогда не забуду этого!

Я скрипнул зубами.

— Всего хорошего, сестра Демнон!

— Всего хорошего, мистер Холман.— Она ухитрилась произнести эти слова с надрывом в голосе.

Я повернулся к ней спиной, сделал шаг к воротам и тут же почувствовал, как кровожадные пальцы, сделанные из стали, ущипнули меня за самую чувствительную часть тела!

Раздался нахальный смешок:

— Надеюсь, и вы тоже не забудете, что упустили сегодня утром, дрянь вы этакая! Я лежала перед ним распростертая, словно индейка, совершенно нагая и готовая ко всему — только протяни руку и бери! Но он, видите ли, торопился на свидание!

— Зато у меня остались ваши фотографии — моментальные снимки, на которых отлично видно, как вы выглядели в усевших трусиках. Так что я могу любоваться ими всласть в любой момент,— сказал я голосом, больше похожим на ворчание старого пса.

— Какие фотографии? — прошипела она.

— У меня ведь в бортик бассейна вмонтированы две фотокамеры со вспышкой,— соврал я.— И стоит только пересечь луч фотоэлемента, как автоматически срабатывает затвор.— Я быстро отступил на два шага, спасаясь от жаждущих пальцев, и улыбнулся прямо в ее застывшее от ужаса лицо.

— Ладно, пришлю вам полный комплект в качестве свадебного подарка,— пообещал я ей.— Могу поспорить, что Любимый найдет их куда более интересными, чем полный комплект девственниц!

Глаза Пакстона потемнели от ярости, когда он гневно уставился на меня.

— Я думал, она здесь! Только поэтому дал себе труд приехать в вашу мерзкую конуру, Холман! Я требую, чтобы вы немедленно сообщили, где моя сестра!

— Она в полной безопасности, — ответил я. — И обеспечена наилучшим медицинским уходом, какой только можно пожелать.

— Почему бы вам не поверить Рiku на слово? — спросила Джеки Эриксон ледяным тоном. — Мне начинает надоедать ваше экранное кривлянье, Рэй. Вы на меня не очень-то действуете даже в широкоэкранном варианте, а уж в обыкновенной жилой комнате выглядите просто смешно!

— Не разрешай ей подпускать шпильки, Рэй, — быстро сказала Ева Байер.

— Может быть... — начал Шумейкер осторожным тоном. — Если мы все стиснем зубы и постараемся как-нибудь выслушать до конца, что нам хочет сообщить Холман, то узнаем наконец, где же Кармен, и сможем скорее увидеть ее?

— Только не мечтайте, что я помчусь к ней очертя голову! — фыркнул Тайлер Уоррен.

Глаза у него были налиты кровью, обвисшие щеки пылали румянцем, похоже было, что храбрость свою Тайлер нашел на дне бутылки с виски. Интересно, сколько еще спиртного ему понадобится до конца нашего вечера, чтобы сохранить хотя бы часть своей храбрости, подумал я.

— Я полагаю, всем известно, что сегодня около восьми часов утра в Венеции был найден труп Росса Митфорда? — спросил я.

— Я ничего не знал об этом, пока Ева не сообщила мне по дороге сюда, — тихо сказал Пакстон. — Но, насколько я понимаю, мне всегда самому последнему удастся узнавать новости, которые касаются меня лично в первую очередь, не так ли? Верно, Джерри?

— Джеки, расскажите им, как прошлой ночью мы отправились в Венецию на поиски Кармен, — сказал я, — и наткнулись на еще теплое тело Митфорда.

— О'кэй, Рик. — Она вопросительно подняла брови. — Все с начала до конца? Насчет Бурундука, Чарли-Лошади и всего остального?

— Не упускайте ничего!

— О, Боже! — взорвался Пакстон. — Я сейчас окончательно потеряю терпение...

Пока Джеки рассказывала во всех подробностях историю наших ночных приключений, я получил возможность внимательно их всех рассмотреть и понаблюдать за ними. Сегодня вечером Джеки тщательно оделась в длинное вечернее платье из шелка цвета сливы, а четырехугольный вырез был таким глубоким, что я искренне призадумался над тем, как это девушки с таким бюстом ухитряются точно помнить, что им нельзя глубоко вздыхать. Длинные черные волосы Джеки были аккуратно причесаны. Рядом с ней — на кушетке — сидел Тайлер Уоррен, на нем был тот же костюм, что и днем.

На ручке кресла Пакстона примостилась Ева Байер в потрясающем брючном костюме: жакет из тончайшего кружева, весь в воланах, и плотные брюки расширены книзу так, что ножки ее были полностью скрыты. На лице у нее все время сохранялось напряженное выражение. И я подумал про себя: неужели эти страшные синяки совсем не причиняют ей боли? Пакстон развалился в кресле с мрачным, нетерпеливым выражением на лице. На нем был белый свитер и защитного цвета брюки, заправленные в высокие ботинки, на которых — я мог бы поклясться! — блестела все та же синтетическая пыль, что утром.

Джерри Шумейкер весьма консервативно облачился в дорогой вечерний костюм и белую шелковую рубашку. Он стоял, облокотившись на бар, на лысой голове играли отблески от люстры. Глаза из-под тяжелых век бросали быстрые взгляды на Пакстона, и при этом Джерри нетерпеливо постукивал ногой. Я стоял за баром, где мне пришлось смешивать напитки, но еще и потому, что это была самая удобная стратегическая позиция и откуда видно сразу всех, присутствующих в комнате.

— Ну и тогда мы ушли, — закончила Джеки свой рассказ, — и вернулись в Лос-Анджелес.

— Что все это означает, Холман? — спросил Пакстон напряженным тоном. — Разве это Кармен убила его, защищая меня?

— Весьма возможно, что именно она и убила Митфорда, — сказал я. — Но никто не сможет этого доказать.

— В таком случае, объясните мне вразумительно, чего ради мы сидим в этой вашей поганой комнате и ждем, пока вы нам... ничего не скажете, — взбесился он.

— Вы хотите узнать, где именно я нашел Кармен? —

обозлился я в свою очередь.— И где ее держали в заточении все это время? Хотите?

И я дал им точное описание хижины, рассказал о том, как руки Кармен были связаны, а другой конец веревки намеренно привязан к металлическому крюку таким образом, чтобы она не могла ни лечь, ни встать. И о том, как она выглядела после такого обращения, отсутствия пищи и от чудовищного количества наркотиков, которыми ее накачивали все это время.

Шумейкер первым нарушил молчание, когда я кончил.

— Это варварство! — сказал он дрожащим голосом.— Чудовищно! Эти люди — не просто варвары, да они просто банда выродков!

— К тому же они страшно напуганы,— сказал я.— Кто-то сказал: чем больше человек напуган, тем более жестоким и злобным он становится!

— Но почему именно Кармен? — спросил Шумейкер.

— Все время, пока я вез ее туда, где она сейчас, она не умолкала ни на минуту, все время говорила.— Я пожал плечами.— Время от времени, правда, язык у нее заплетался, речь становилась несвязной, но понять можно было все отлично. Под действием наркотиков она с радостью выкладывала мне все, что знала о тех людях, с которыми раньше была близка. И сделала бы это в присутствии любого другого человека, если бы только он захотел послушать. А я хотел слушать! Те, кого она знала, хотели холодно и расчетливо убить Митфорда и свалить убийство на Кармен, от чего им была бы двойная выгода. Во-первых, полиция удовлетворилась бы, решив, что убийца найден, а, во-вторых, Кармен можно надежно упрятать в каком-нибудь соответствующем заведении на весь остаток ее жизни, где она могла бы рассказывать о своих секретах, сколько ей будет угодно,— все равно никто бы ей не поверил!

— Я чертовски устал выслушивать вашу чушь, Холман, которой вы пытаетесь обелить мою бывшую жену,— сварливо сказал Тайлер и ткнул указательным пальцем в Шумейкера: — Он сейчас заявил, что в этом деле замешаны дегенераты. А я, в свою очередь, могу заявить, что самая большая дегенератка — Кармен!

Пакстон быстро поднялся из кресла, расправил плечи и устремил на Тайлера грозный взгляд.

— Я считал бы большой любезностью с вашей стороны, если бы вы встали и еще раз повторили вслух то, что заявили о моей сестре! — прорычал он.

— У меня есть для него более интересный вопрос,—

быстро сказал я.— Та хижина, в которой я нашел Кармен, принадлежит Уоррену-старшему, но он уже давно ею не пользуется. А вы давно были там в последний раз, Тайлер?

Выпученные глаза в крапинках мрачно уставились на меня, потом челюсть отвалилась и беззвучно захлопнулась несколько раз подряд.

— Я хочу услышать, что вы ответите, Уоррен? — взорвался Пакстон.

— Я могу сам ответить. И это лучше, чем дожидаться, пока внутри его толстого черепа заворочается тупой ум, — сказал я устало.— Кармен выложила мне целую кучу фактов и цифр касательно того, как он во время их супружества обкрадывал своего отца. А больше всего на свете Тайлера ужасает мысль о том, что сделает с ним папаша, когда ему представят доказательства мошенничества сына! Как я уже сказал, остатки сдержанности окончательно покинули Кармен, как только она стала употреблять наркотики, а ведь именно Митфорд приучил ее к ним! Вот почему Тайлер с радостью присоединился к заговору убийц: он ведь уже платил за молчание шантажировавшему его Митфорду!

— Но ведь заговор состоит более, чем из одного человека? — тихонько заметила Ева.

— Я как раз и подхожу к этому, но сначала нужно еще кое-что прояснить. Тайлер осуществил необходимый контакт с сестрой санатория, соблазнил ее деньгами, чтобы та передала Кармен весточку о том, что ее брат не подозревает, какая ему грозит опасность со стороны Митфорда. Сначала сестра сказала, будто уговорила какая-то брюнетка, хотя, возможно, на ней был парик. Так что это могли быть и Джеки, и Ева, надевшие парик! Но сестре велели назвать Кармен имя Джеки Эриксон. А часа два назад Кармен рассказала мне о самом ярком воспоминании последних дней: какая-то блондинка, смеясь, вонзает ей в руку шприц и приговаривает, что теперь, она, Кармен, будет навсегда под замком и не помешает блондинке иметь Рэя Пакстона в собственном распоряжении. Ей отныне не придется делить его привязанность с сестрой.

— Я даже рада, что являюсь натуральной брюнеткой, — едва слышно сказала Джеки.

— Кто надел на себя белый парик и долго смеялся в лицо Кармен, чтобы бедняга непременно запомнила именно блондинку? — спросил я устало.— Но беда в том, что воспоминания Кармен очень четки. Она без труда узнала в блондинке свою старую подругу — как там ее

звали? Ну, ту самую, с которой она подралась ночью, после чего ушла жить к Митфорду?

Я наблюдал, как с болезненным вздохом приподнялись и опустились великолепные холмы.

— Джеки! — Я печально покачал головой. — Я никогда бы не подумал, что вы, как деликатно выразилась Кармен, всего лишь двухсотдолларовая шлюха!

Туманный взгляд синих глаз на мгновение полыхнул огнем, и глаза погасли. Она медленно пожала плечами.

— Чего никак не могу понять, если, по-вашему, я участница этого таинственного заговора, каким же образом я могла способствовать убийству Митфорда, если провела с вами весь вечер, до той самой минуты, пока мы не нашли тело?

— А вы им и не были нужны для самого убийства, — ответил я. — Их ведь было двое, и им ничего не стоило справиться с Митфордом. Ваше дело — продеть мне в нос кольцо, словно быку, и отвлекать, пока они совершат убийство, а потом вы якобы совершенно случайно привели меня к трупу, чтобы я поверил, что это Кармен его убила!

— А встреча с Чарли-Лёшадью, Луи и Бурундуком — это тоже счастливая случайность? Ведь именно они привели вас к дому Митфорда, чтобы вы нашли там труп! — сказала Джеки.

— И об этом я подумал. Припомнил десятиминутное ожидание в машине, пока вы сражались с молнией ваших джинсов в туалете на заправочной станции. Ведь в задней комнате там есть телефон.

Вообще с самого начала все шло подозрительно гладко, с той самой минуты, как Пакстон нанял меня, — продолжал я. — Он дал мне список имен и сам предложил, чтобы я начал с вас, потому что вы всегда были лучшей подругой Кармен. Вы же в свою очередь, предложили мне начать поиски Кармен с Венеции и привели достаточно убедительные доводы. Ну, а потом на сцене появились эти три чудища. Работа оказалась в ту ночь для них довольно выгодной! Они меня сразу же выпотрошили на сотню баксов, и я не прочь узнать, сколько вы им еще пообещали, когда звонили с заправочной станции?

— Рик! — внезапно сказала Ева Байер. — Вы что-то еще упомянули о двоих других участниках заговора, помимо Джеки?

— Точно, всего их было трое. — Я посмотрел на Пакстона, развалившегося в кресле. — С самого начала я ска-

зал, что первой моей ошибкой было то, что я вошел в ваш плюшевый трейлер!

— Правильно ли я понял вас, Холман? — недоверчиво спросил Пакстон. — Вы, что, всерьез обвиняете меня в участии в заговоре с целью убить Митфорда, а потом взвалить убийство на собственную сестру? — Он покачал головой и вскрикнул: — Да это самая дикая чушь, какую я слышал в своей жизни!.. В таком случае, объясните мне, зачем я нанял вас, если я в качестве участника заговора приложил столько усилий, чтобы выманить ее из санатория?

— Потому что заговор состоял из двух этапов, но только двое участников знали об этом. Вы следите за нашим разговором, Тайлер? — спросил я резко.

Выпученные глаза медленно обратились в мою сторону, и он кивнул.

— След, который навел меня на мысль о вашем участии в убийстве, — рекламная этикетка вашего магазина. Она была подсунута под ладонь убитого Митфорда в таком месте, что даже ребенок заметил бы ее, — сказал я. — Как вы думаете, кто положил ее туда, Тайлер?

Его лоб покрылся крупными каплями пота, когда он изо всех сил пытался сосредоточиться.

— Но ведь вы же нашли тело? — спросил он наконец.

— Да, но кто первый вошел в комнату, а потом ловко грохнулся в обморок, засунув этикетку под ладонь трупа?

— Джеки! — Он яростно сверкнул на нее глазами. — Ах, ты грязная шлюха!..

— Только не сейчас, — прервал я его. — Все было организовано так, что под ударом оказались вы один, Тайлер! Именно так и было задумано вашими партнерами с самого начала! Прежде всего, они стремились устранить шантажиста Митфорда. И я полагаю, были бы непрочь взвалить вину за его смерть на Кармен. Но им с самого начала были ясны недостатки такого плана. Шумейкер никогда не разрешил бы Кармен легально покинуть санаторий. Значит, оставалось устроить ей побег. И хотя психолог не рассказывал брату о том, как Кармен к нему переменилась, он все же не преминул сообщить об этом лучшей подруге, и это оказалось также не очень удобно.

Я перегнулся через стойку бара и одарил Тайлера широчайшей сочувственной улыбкой.

— Дело в том, что возможностей устроить Кармен побег было очень немного — должен был непременно участвовать кто-то из штата санатория. Потому решили

разработать вторую часть плана, не ставя вас в известность. Почему бы не нанять кого-то, вроде меня, под предлогом, что Пакстон хочет, чтобы нашли его сестру, а на самом деле только для того, чтобы выяснить, какие недостатки их плана при этом раскроются. Они понимали, что их помощник внутри санатория будет обнаружен самым первым. Ну, а затем, если окажется, что нанятый детектив через помощника в санатории доберется до вас, то тут-то должна была вступить в действие последняя часть плана. Пуля, которая пробьет голову Кармен, вылетит из того пистолета, который вы сейчас держите в вашей жалкой ручонке. Но только после того, как вы, якобы, покончили свою жизнь самоубийством!

— Я не верю! — резко сказал Тайлер.

— Тогда зачем же после того, как Митфорда убили прошлой ночью, нужно было держать Кармен в заключении в заброшенной хижине? — Улыбнулся я ему. — Ведь если ее на самом деле хотели сделать виновницей убийства, то ее следовало выпустить не позже, чем через пять минут после того, как вы убили Митфорда!

Тайлер застыл как изваяние, только рот его стал молча открываться и закрываться, словно у золотой рыбки.

— У меня есть вопрос, Холман, — сказал Пакстон утомленно. — Нам уже известно, что Тайлер платил шантажисту Митфорду, чтобы тот не сообщал отцу о его мошенничестве. Знаем, что Джеки тоже платила ему, чтобы сохранить в тайне ее... профессию. Но я до сих пор еще не понял почему, по-вашему, я платил Митфорду за молчание?

— Ну, вот он, ваш великий шанс, которого вы так долго ждали, Джерри-бей! — повернулся я к Шумейкеру с мрачной ухмылкой. — Скажите ему это сами.

Глаза под набрякшими веками бросили на меня быстрый оценивающий взгляд и нервно обратились к Пакстону.

— Я не слишком хорошо понимаю, что вы имеете в виду, Холман? — пробормотал он.

— Кармен много говорила о вас, приятель, — продолжал я мягко. — Вы ей ужасно не нравитесь! Вы просите ее рассказать все, что она думает, но когда она начинает говорить вам о том, какой чудесный у нее брат, вы по непонятной причине страшно смущаетесь. Иногда ей кажется, что вам хочется рассказать ей о чем-то, но вы никак не решитесь и оттого испытываете чувство вины! — Я пристально уставился на лысину Шумейкера, точнее на его затылок, мысленно считая до пяти. — Это ваш самый по-

следний шанс, Джерри-бей. Или, может быть, вы решили сменить работу?

— Ладно, Холман! — яростно пробормотал он. — В первый раз воткнула в Митфорда ножницы не Кармен. Это был Рэй!

— Откуда вы узнали? — подсказал я.

— Когда я прибыл на квартиру к Митфорду, ему срочно был необходим хирург, Кармен находилась в состоянии, близком к кататонии, единственным спокойным человеком был Рэй. Потому я принял его объяснения, хочу сказать, принял бы их полностью, если бы не поговорил позднее с хирургом, который извлек ножницы из спины Митфорда. Они вошли в его тело под острым углом на дюйм ниже ключицы, потом их отвели в сторону, но от этого они только погрузились на четыре дюйма глубже. Ни у одной женщины на свете не хватило бы для этого сил. А судя по углу, под которым их всадили, Кармен просто не могла бы этого сделать из-за своего невысокого роста — угол слишком острый. Значит, удар был сверху вниз.

— Нам известно, почему Митфорд утверждал, будто ударила его Кармен, — спокойно сказал я. — Пакстон уплатил ему за это двадцать грандов, но позже Митфорд принялся его шантажировать. Но почему вы согласились поддержать эту ложь, доктор?

— Не так просто объяснить... — Шумейкер бросил на меня взгляд, полный отчаяния, но я даже бровью не повел. — Рэй и я ведь старые друзья. Я был его психологом много лет, и... и...

— И вы знали о том тайном ужасе, который он носил в себе почти всю жизнь? — спросил я. — О том чудовище, которое гнездится в укромных тайниках его мозга? Вот где причина того, что он никогда не женился! По той же самой причине он подавлял и волю своей сестры с той самой минуты, как умерли их родители. И наблюдал за ней, словно коршун, чтобы увидеть первые признаки тяготеющего над ними проклятья. Разве их родители действительно погибли в автомобильной катастрофе, доктор?

— Нет. — Он медленно покачал головой. — Отец умер от внезапного приступа десять лет назад, а мать еще жива — она содержится в специальном заведении.

— Как безнадежно ненормальная? — спросил я.

— Сейчас это называется более хитро, — сказал он, — но означает то же самое.

— А как насчет кататонического транса, в котором находилась Кармен, когда вы вошли в квартиру? — спро-

сил я.— Можете ли вы сказать как профессионал, что это был признак ненормальности девушки?

— Она всегда, как и брат, очень переживала из-за страшной наследственности по линии матери,— спокойно сказал Шумейкер.— И я думаю, этот транс был вызван тем, что она увидела, как Рэй вонзил ножницы в спину Митфорда. Вся проблема Кармен заключается лишь в некоторых плохих чертах характера, но они вызваны тем, что брат всю жизнь подавлял и терроризировал ее.

— Значит, ты хочешь сказать, что это я ненормальный? — выкрикнул Пакстон, вскакивая из кресла.

— Это вы ранили Митфорда в первый раз и убили во второй,— сказал я.— Вы и есть тот самый бесплотный дух, который, держась в тени, придумал вторую часть плана — убийство своей сестры и Тайлера. Если вы считаете это доказательством вашей нормальности, Пакстон, то ваш защитник в суде испытает самое сильное потрясение в своей жизни!

— Я же выполнил все, о чем ты меня просил? — удивился Тайлер и медленно поднялся с кушетки.— Я нашел нужную сестру в санатории, я ждал в машине, пока в нее не села Кармен, я вонзил ей иглу с наркотиком! А потом еще и мчался всю дорогу до хижины, вне себя от страха, что меня поймают охрана санатория! — Его выпученные глаза сверлили Пакстона с лютой злобой.— Это ведь я позвонил в дверь к Митфорду, вошел в квартиру и отвлекал его разговором, пока ты забрался в окно и подкрался к нему сзади! — Голос его стал пронзительным до визга.— И это я потом внес Кармен в комнату и положил на пол рядом с Митфордом! Она лежала минут пять, пока мы не убедились, что она посчитает себя его убийцей. А потом я снова увез ее! И за все за это ты собирался убить меня?

— Это было бы просто милосердием по отношению к тебе! — презрительно рассмеялся Пакстон.— Я прекрасно помню, что мне рассказывала Кармен про вашу совместную жизнь уже через месяц после свадьбы. Она сказала, что интимная сторона вашего брака была бы вообще невыносима для нее, если бы ты, к счастью, не оказался импотентом!

Пакстон откинул голову и разразился хохотом. Я успел уловить тонкий дрожащий звук, который издал Тайлер, и не сразу сообразил, что это смертельный крик человека, доведенного до предела страданий, последний вопль человеческого существа, единым махом вернувшегося в животное состояние.

Киногерой все еще хохотал, когда Тайлер вдруг выхватил из-под свитера длинный нож и одним движением провел лезвием по столь соблазнительно подставленному горлу Пакстона. И Пакстон умер в одно мгновение, даже не успев перестать смеяться. Кровь фонтаном брызнула из страшной раны на убийцу. Выхватывая из кобуры свой тридцать восьмой, я услышал отчаянный вопль Евы и увидел, что Тайлер повернулся лицом к кушетке, где сидела превратившаяся в каменное изваяние Джеки.

— Ты! — взвизгнул Тайлер. — Теперь твоя очередь! Ты была его сукой, и оба вы собирались убить меня!

— Брось нож, Тайлер! — крикнул я ему.

Но он продолжал двигаться к кушетке, держа нож перед собой. Я еще раз крикнул, чтобы он бросил нож, он не обращал внимания. У меня оставался шанс выстрелить ему в ногу или в плечо, но не было никакой гарантии, что он не успеет перезать Джеки горло. К тому же оставался дьявольски большой риск, что я вообще промахнусь, и тогда пуля попадет Джеки в живот.

Казалось, прошло Бог знает сколько времени, прежде чем я перебрал и взвесил все возможности, но на самом деле я принял решение за какие-то полсекунды, самое большее. И тогда я выпустил пулю прямо в затылок и при этом успел еще подумать, что это, быть может, настоящая милость по отношению к нему!

Декораторы наконец покончили с возней в моем доме через три недели после бойни, которая произошла в тот вечер, и я снова смог прийти к себе домой. Газеты уже похоронили Рэймонда Пакстона вместе с другими столь же устаревшими сенсациями, а я только что вернулся от мистера Уоррена — теперь уже не старшего или младшего, а просто старого человека, который усох и съежился, словно привидение. Со дня первого визита к нему, когда я сообщил ужасное известие о том, что убил его единственного сына, он ни разу ни в чем не упрекнул меня. Ведь пока Тайлер был жив, старик мог предаваться абсурдным мечтам о том, что это ничтожество сможет в один прекрасный день превратиться в идеального сына, стоящего во главе процветающей коммерческой империи, созданию которой старик посвятил всю свою жизнь.

Джеки Эриксон находилась в тюрьме в ожидании суда по обвинению в соучастии в убийстве.

Ева Байер, насколько мне известно, просто-напросто исчезла с лица земли.

С той роковой ночи я не видел Джерри Шумейкера, но кто-то сказал, что он собирается перебраться на жительство в другой город, как только ликвидирует свое дело в Лос-Анджелесе.

Единственные приятные вести доходили из санатория «Вид на холмы». Кармен поправлялась, даже смерть брата не слишком повредила ее выздоровлению.

Через две недели должна состояться свадьба Дедини, на которой мне предназначается роль шафера.

— К чему затягивать, а, Холман? — сказал Дедини во время нашей последней встречи, и огонек предвкушения в его глазах вдруг разгорелся в жаркий пожар.

Я провел утро, предаваясь восторгу по поводу новой обстановки гостиной и размышлениям о том, откуда я возьму деньги, чтобы рассчитаться за все это. Вот уж действительно везение, когда твой клиент вдруг оказывается психом, одержимым манией убийства, с горечью думал я. Ты не только не получаешь ни цента гонорара, но тебе же приходится платить за новую мебель взамен той, которая погублена только потому, что твой клиент возымел эгоистическое желание умереть в твоей гостиной!

Часов в семь кто-то позвонил в дверь, и я поймал себя на мысли, что хотел бы, чтобы это оказалась Айрис Демон. Но когда я отворил дверь, увидел порывистую блондинку, стоявшую на пороге моего дома с видом полного доверия ко мне.

— Синяки полностью зажили, — мягко сказала она. — Мы ведь с вами договорились пообедать, вы не забыли?

— Неужели это Ева Байер? — Я не сразу вспомнил лицо, но волнующие линии этой фигуры мне поразительно знакомы!

— Я тогда ушла, — сказала она, проходя мимо меня и опуская на пол два — два? — чемодана. — Я была совершенно убита событиями той ночи и истинно греческой трагедией жизни и смерти Рэя Пакстона!

— Если это первая страница романа, которую вы только что написали, — осторожно заметил я, — то почему бы нам не присесть и не выпить чего-нибудь, пока будете пересказывать все остальное?

Я смешал напитки, отнес их к кушетке, куда опустилась Ева Байер, одетая в то же мини-платье, в котором я ее впервые увидел. Юбочка задралась, обнажив золотистую полоску кожи на бедрах, но она не обращала внимания,

и потому я решил, что было бы невежливо самому одернуть ее юбку.

— Это не такая уж короткая история, Рик,— она взяла у меня стакан.— Отличный дайкири! А знаете, теперь я уже в состоянии пить шампанское без содрогания! Просто удивительно, что делают три недели упорядоченной жизни!

— Мне вполне достаточно того, что вы сидите тут и представляете прямую угрозу моей собственной морали! — хрипло сказал я.

— Сегодня днем я навестила Джеки Эриксон.

— Я тоже пытался это сделать, но она отказалась принять меня.

— Это потому, что вы мужчина. В ее жизни был только один мужчина — Рэй. Вы помните, я говорила, что он отсутствует пять ночей в неделю? Так вот, все эти ночи он проводил у нее! Она была настолько влюблена в него, что согласилась принять участие во всех его маниакальных планах убийства. Оказывается, он был ее единственным мужчиной на свете.— Ева снова отхлебнула из стакана.— И знаете что? Он настаивал на том, чтобы каждый раз платить ей,— двести долларов за каждую из пяти ночей в неделю!

— Значит, он был богат?

— Не в этом дело! Джеки мне все объяснила. Она сказала, что он страшно горд при мысли, что спит пять ночей в неделю с двухсотдолларовой проституткой! Если бы она отказалась брать у него эти деньги, для него вся прелесть их отношений пропала бы.

— Куда мы отправимся обедать? — спросил я.

— Пообедаем здесь,— сказала она.— Я захватила с собой все необходимое — в одном из чемоданов. Адвокат Джеки считает, что ему удастся добиться смягчения приговора суда, и ей придется провести в тюрьме года три-четыре, не больше. Может, и меньше, если зачтут предварительное заключение!

— Это хорошо,— искренне сказал я.

Она искоса бросила на меня взгляд своих больших сапфировых глаз, и лукавая усмешка тронула ее губы.

— Джеки мне все рассказала о вас,— сказала она со смешком.— И о вашем патентованном средстве против икоты!

— Оно помогает,— сказал я, защищаясь.

— Так она и сказала,— пробормотала Ева.— А знаете, Рик! Ведь за все время, что я работала у Пакстона, ни один мужчина не дотронулся до меня! Я работала, как рабыня,

проводила бессонные ночи, беспокоясь за него, и что же? Он тратил тысячи долларов на то, чтобы лежать в постели с Джеки! — Она опустошила свой стакан и протянула его мне. — Налейте еще, Рик!

Я подошел к бару, смешал новую порцию. Ева ослепительно улыбнулась, принимая бокал.

— Вы не находите, что здесь жарко, Рик?

— Я открою окно, — предложил я.

— Не стоит беспокоиться, — она сунула мне бокал в руку и грациозно встала с кушетки. — Я просто сниму платье.

Она опустилась на кушетку и приняла бокал из моих внезапно окостеневших пальцев, потом скрестила ноги, покрытые золотистым пушком.

— Я всегда считала, что носить лифчики — пустая трата денег, раз они все равно такие прозрачные, верно? — сказала небрежно.

— Угу! — только и мог пробормотать я.

— А эти трусики я купила специально, они немного старомодные, но очень миленькие, правда?

— Кхм, угу! — едва выдавил я осипшим голосом.

— Вы голодны, Рик? — ее сапфировые глаза послали мне в лицо два сияющих луча.

— Нет! — замотал я головой.

— Я так рада! — Она откинулась на кушетке, осторожно прикрыла обеими руками свои очаровательные холмики и приподняла их. — Потому что у меня какое-то странное чувство: я ощущаю, что у меня вот-вот начнется страшный приступ икоты!

СОДЕРЖАНИЕ

РОКОВОЙ КОТЕНОК	3
БЕЛОЕ БИКИНИ	123
ЗАВОДНАЯ КУКЛА	199
ЭТА ВДОВА НЕ ПЛАЧЕТ	299
СВЕТЛОВЛОСАЯ РАБЫНЯ	409

Картер Браун

Том 7

Сдано в набор 28.08.92. Подписано к печати 15.01.93. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага тип. № 2. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 27,3. Усл. кр.-отт. 28,37. Зак. 2—2409.

Концерн «Олимп». 370000. Баку, ул. Ази Асланова, 78.

Главное предприятие республиканского производственного объединения «Полиграфкнига». 252057, Киев, ул. Довженко, 3.

COSY PALACE

Концерн «Олимп» предоставляет уникальную серию «БП-333» — (Библиотека приключений, которая состоит из 333 томов), куда входят полные собрания сочинений А. Кристи, Д. Чейза, Э. Гарднера, Р. Стаута, К. Брауна, Э. Макбейна, А. Маклина и многих других мастеров детективного жанра.

КОНЦЕРН «ОЛИМП» ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИОБРЕТЕНИЕМ ЭТОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ СЕРИИ.

7

КАРТЕР

БРАУН

